БЕК
Б-49

# ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

## К. Ф. ШЛЕЗЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО,

ИЗДАННЫЙ

## НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ:

# СРЕДНЯЯ ИСТОРІЯ.

ЧАСТЬ V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1845.

Въ типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было доставлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Декабря 18 дня 1844 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

# ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

---

## СРЕДНЯЯ ИСТОРІЯ.

### Періодъ третій: отъ перваго Крестоваго Похода до Рудольфа Габсбургскаго.

### (1096 — 1273).


| | Стр. |
|---|---|
| 1. Введеніе . . . . . | 3 |
| 2. Поводъ къ Крестовымъ Походамъ . . . . . | 7 |
| 3. Первый Крестовый Походъ . | 12 |
| 4. Царство Іерусалимское. . . | 24 |
| 5. Императоръ Логарій Саксонецъ . . . . . | 31 |
| 6. Конрадъ III . . . . . | 40 |
| 7. Святый Бернардъ . . . . | 47 |
| 8. Второй Крестовый Походъ . | 51 |
| 9. Императоръ Фридрихъ I (Барбаросса) . . . . . | 54 |
| 10. Третій Крестовый Походъ . | 87 |
| 11. Крестовый Походъ Королей Филиппа Августа и Ричарда Львиное Сердце . . . . . | 96 |
| 12. Императоръ Генрихъ VI . . | 102 |
| 13. Папа Иннокентій III . . . | 106 |
| 14. Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV . . . . . | 110 |
| 15. Крестовый Походъ противъ Константинополя. . . . . | 116 |
| 16. Крестовые Походы противъ еретиковъ . . . . . | 124 |
| 17. Франція при Лудовикѣ VI и Лудовикѣ VII. . . . . | 128 |
| 18. Англія по смерть Генриха II. | 132 |
| 19. Филиппъ Августъ, Ричардъ Львиное Сердце и Іоаннъ Безземельный . . . . . | 145 |
| 20. Императоръ Фридрихъ II . | 157 |
| 21. Кретовый Походъ Фридриха II. . . . . | 160 |
| 22. Италія и Германія по возвращеніи Фридриха изъ Палестины . . . . . | 165 |

| | Стр. |
|---|---|
| 23. Продолженіе войны въ Италіи | 173 |
| 24. Иннокентій IV | 178 |
| 25. Послѣднія усилія Фридриха | 184 |
| 26. Гибель Гогенштауфеновъ | 190 |
| 27. Сицилійская Вечерня | 196 |
| 28. Междоцарствіе въ Германіи | 199 |
| 29. Состояніе Нѣмецкой Имперіи во время Гогенштауфеновъ | 209 |
| 30. Покореніе Пруссіи Нѣмецкими Рыцарями | 214 |
| 31. Лудовикъ Святый и его первый Крестовый Походъ | 231 |
| 32. Дальнѣйшія дѣла Лудовика | 238 |
| 33. Конецъ Крестовыхъ Походовъ | 244 |
| 34. Англія въ правленіе Генриха III. | 247 |
| 35. Папство со временъ Григорія VII | 255 |
| 36. Монашество | 264 |
| 37. Рыцарство | 271 |
| 38. Романская Поэзія | 279 |
| 39. Нѣмецкая поэзія швабскаго времени | 284 |
| 40. Схоластики. | 288 |
| 41. Университеты | 298 |
| 42. Испанія и Португалія. | 303 |
| 43. Владѣнія Скандинавскія | 314 |
| 44. Монголы | 320 |
| 45. Россія | 324 |
| 46. Венгрія | 326 |
| 47. Византійско-Латинская Имперія | 329 |


# Періодъ четвертый: отъ Рудольфа Габсбургскаго до открытія Америки.

## (1273 — 1492).


| | Стр. |
|---|---|
| 1. Введеніе | 335 |
| 2. Германія въ царствованіе Рудольфа Габсбургскаго | 336 |
| 3. Адольфъ Нассаусскій | 345 |
| 4. Албрехтъ I. | 350 |
| 5. Освобожденіе швейцарскихъ лѣсныхъ городовъ. | 356 |
| 6. Франція при Филиппѣ III и Филиппѣ IV Прекрасномъ | 361 |
| 7. Филиппъ IV въ борьбѣ съ Бонифаціемъ VIII | 365 |
| 8. Филиппъ IV и его сыновья | 374 |
| 9. Англія въ правленіе Эдуарда I. | 386 |
| 10. Эдуардъ II | 392 |
| 11. Императоръ Генрихъ VII. | 400 |
| 12. Лудовикъ Баварскій и Фридрихъ Австрійскій | 408 |
| 13. Римскій походъ Лудовика. | 414 |
| 14. Дальнѣйшее царствованіе Лудовика | 417 |
| 15. Скрѣпленіе и увеличеніе Швейцарскаго Союза | 427 |
| 16. Германія въ правленіе Карла IV. | 435 |
| 17. Италія до кончины Карла IV. | 446 |


(Окончаніе сего періода въ Шестой Части).

# СРЕДНЯЯ ИСТОРІЯ.

## ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

### ОТЪ ПЕРВАГО КРЕСТОВАГО ПОХОДА ДО РУДОЛЬФА ГАБСБУРГСКАГО.

### (1096 — 1273.)

# 1. Введеніе.

Папа Григорій VII преобразовалъ церковное управленіе, и съ Нѣмецкою Имперіею заключенъ былъ договоръ о взаимныхъ правахъ; при всемъ томъ, въ слѣдующемъ періодѣ мы видимъ снова возгарающуюся борьбу между властью императоровъ и іерархіею. Государство и Церковь противопоставляютъ другъ другу своихъ отличнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ владыкъ: дѣло идетъ не о томъ или другомъ частномъ преимуществѣ, но о вер-

ховномъ владычествѣ надъ Германскимъ Міромъ. Изъ ряду намѣстниковъ Св. Петра, котораго престолъ теперь уже не замѣщался по волѣ дворянскихъ партій города, ни по выбору нѣмецкаго короля, возвышаются великія лица Александра III, Иннокентія III и Григорія IX, въ которыхъ проявлялось живое сознаніе о всеобщемъ владычествѣ Христіанства посредствомъ Церкви, избравшей ихъ своими представителями. И санъ императорскій являетъ всю творческую силу своихъ идей въ лицѣ Фридриха I и Фридриха II. Они хотятъ возвратить своему престолу древнее величіе римскихъ императоровъ, именуя своими

предшественниками во властительствѣ; и если первый, въ рыцарскомъ духѣ своего времени, старался достигнуть сей высокой цѣли мечемъ и копьемъ, другой перенесъ уже битву на высшее, духовное поле, и тѣмъ далъ знать будущимъ родамъ, съ которой стороны погибель къ папству приблизится. Гогенштауфены утомились въ

продолжительной борбѣ, и наконецъ въ смертельномъ изнеможеніи пали предъ противниками; блескъ императорскаго вѣнца скрывается въ могилѣ вмѣстѣ съ Фридрихомъ II; но, умирая, они увлекаютъ тіару въ пропасть, и чрезъ полвѣка, по ихъ паденіи, нѣтъ уже и папы въ прежнемъ значеніи ~~сего~~ слова.

Въ продолженіе сей жестокой распри между двумя сильнѣйшими властями тогдашняго міра, Христіане сходятся однакожъ для совокупной борьбы съ врагомъ внѣшнимъ. Предстоятели Церкви направляютъ и поддерживаютъ нападеніе Запада на Міръ Магометанскій, которое свидѣтельствуетъ о силѣ набожныхъ понятій надъ германскими народами въ высшей степени. Завоеванныя страны опять были уступлены, но Европейцы пріобрѣли познаніе восточныхъ царствъ, ихъ образованія, ихъ жизни, ихъ особенной художественности. Прекраснѣйшія порожденія Среднихъ Вѣковъ достигаютъ зрѣлости среди, или въ слѣдствіе этой борьбы. Народы, раздѣлившіеся съ паденіемъ Каролингской Имперіи, въ Крестовыхъ Походахъ опять вступаютъ въ соприкосновеніе, и узнаютъ однородность развившихся въ каждой отдѣльной землѣ формъ ленной системы и іерархіи. Свободный и мощный германскій характеръ развертывается прекраснѣйшимъ цвѣткомъ въ рыцарскомъ сословіи, которое здѣсь собирается изъ всѣхъ царствъ, получаетъ свое направленіе къ предметамъ христіанскимъ и церковнымъ, и собственною храбростію, безъ различія народности, основываетъ соотвѣтственныя своему быту государства въ Іерусалимѣ, Кипрѣ и Греціи. Высшее образованіе, принесенное рыцарями съ Востока, породило въ нѣдрахъ дворянской жизни, у всѣхъ народовъ Западной Европы, поэзію внутренняго чувства и сильнаго ощущенія, дотолѣ неизвѣстную, а живое развитіе и богатая сила городской жизни — о началѣ ея мы упомянули слегка въ предъидущемъ періодѣ — сдѣлались источникомъ новыхъ потребностей, для удовлетворенія которыхъ теперь трудились цѣлые классы и состоянія. Такимъ образомъ, народное начало въ государствахъ возвысилось на одну степень съ монархическимъ и аристократи-

ческимъ, которыя дотолѣ господствовали исключительно. Древняя вольная община собирается въ города, и здѣсь опять оживаетъ; въ ней государи находятъ средство обуздывать мятежныхъ васалловъ. Недвижимое имущество перестаетъ быть единственнымъ источникомъ жизни; есть еще иное средство пропитанія, скорѣе пріобрѣтаемая, ходячая собственность, деньги, которыя смѣтливый умъ, ловкая и искусная рука, при усердномъ трудѣ, добываютъ въ короткое время. Дворянство не можетъ поспѣвать за этой легкостью пріобрѣтенія, и его бѣднѣйшіе члены прибѣгаютъ къ острею меча и копья, производятъ разбои и грабежъ зажиточныхъ гражданъ.

Церковь Западная испытала отъ Крестовыхъ Походовъ весьма важное вліяніе. Умственное движеніе, сообщенное вѣку, произвело разнообразныя улучшенія и строжайшія требованія въ быту монашества, но въ то же время разсудокъ, получившій болѣе самостоятельности, и болѣе глубокое, хотя часто неправильное, чувство обнаружили сопротивленіе уставамъ и ученію Церкви, и проявились въ различныхъ ересяхъ. Съ большею основательностью и строжайшею послѣдовательностью разумъ занимался разсмотрѣніемъ и логическимъ доказательствомъ догматовъ Западнаго Христіанства. Сіе направленіе, получивъ начало въ монастыряхъ, вскорѣ распространилось, и пріобрѣло болѣе дѣйствительности при помощи возникшихъ тогда высшихъ училищъ. Другіе ученые обратились къ изслѣдованію древняго Римскаго Права. Тѣснѣйшее сожитіе людей, болѣе запутанныя отношенія жизни и гражданскаго общества, давали живо чувствовать потребность полнѣйшаго законодательства, противъ того, какое существовало дотолѣ, и особенно ощущали это граждане, которымъ невозможно было избѣжать столкновеній. Италіянскіе города старались помочь сему недостатку включеніемъ римскихъ узаконеній и постановленій въ свои статуты; другіе, преимущественно нѣмецкіе, самостоятельно обработывали для этой цѣли свои собственные законы, наслѣдованные отъ предковъ. Такимъ образомъ собственность и договоры подчинились постояннымъ правиламъ,

а сужденіе объ нихъ стало производиться по законамъ писаннымъ; произошли новыя, на размышленіи и соображеніи основныя формы жизни, распространившіяся въ теченіи вѣковъ мало по малу и на другія состоянія и званія въ государствѣ. Но чувство, которое было главною основою феодолизма, долженствовало у граждань укрыться въ нѣдра семействъ и во внутренность купеческихъ и ремесленныхъ корпорацій.

Обратимъ взглядъ на отдѣльныя царства Запада. Въ то время какъ Гогенштауфенскіе Императоры сражались въ Италіи за свои всеобщія, воображаемыя права, благопріятная минута къ соединенію Германіи въ особенное государство была потеряна. Фридрихъ II заботился только о томъ, чтобы по сію сторону горъ никто не мѣшалъ ему, и для того жертвовалъ одной частью верховныхъ правъ и имперскихъ владѣній за другую. Такимъ образомъ здѣсь составился рядъ большихъ и малыхъ княжествъ, которыхъ усиленіе зависитъ частію отъ прежняго свойства племенъ, частію отъ дѣятельности и счастья отличныхъ мужей. Въ отношеніи своемъ къ послѣдующимъ государямъ, они являются довольно самостоятельными. Еще хуже положеніе дѣлъ въ Италіи, гдѣ, по удаленіи сдерживающей силы Нѣмцевъ, все распадается на малыя, совершенно отдѣльныя части. При всемъ томъ германскій бытъ въ этомъ періодѣ расширяетъ свои предѣлы. Стремленіе къ покоренію и обращенію язычниковъ, обнаружившееся съ такимъ величіемъ и блескомъ въ Крестовыхъ Походахъ, стремилось къ той же цѣли у пограничныхъ народовъ Германіи. Нѣмецкіе обычаи и нравы преобладали отъ Венгріи до Финскаго Залива; какъ прежде, при переселеніи народовъ, Германцы стремились на Западъ, такъ теперь проникаютъ они на Востокъ, и полагаютъ основаніе царствамъ, которыя имѣли самое замѣчательное вліяніе на послѣдующій ходъ Всемірной Исторіи. Совершенно противоположнымъ путемъ политическаго развитія пошла Франція. Здѣсь, при наслѣдственности ленныхъ владѣній, престолъ сдѣлался также наслѣдственнымъ; съ нимъ утвердились единство и сила государства. Разность

между жителями сѣвера и юга изгладилась, и власть мощныхъ васалловъ въ существенныхъ частяхъ ослабѣла. Въ Англіи, благодаря распоряженіямъ Вильгельма при норманскомъ завоеваніи, провинціи и частные ленные владѣтели никогда не достигали опаснаго вліянія; за то бароны, общими силами цѣлаго сословія, возстали противъ самовластія королей. Обоюдныя права и обязанности опредѣляются положительными законами, съ которыми дальнѣйшее развитіе общественныхъ отношеній въ этомъ государствѣ связано тѣснѣйшимъ образомъ.

## 2. Поводъ къ Крестовымъ Походамъ.

Путешествія въ Обѣтованную Землю весьма рано были въ обычаѣ у Христіанъ, жившихъ внѣ ея. Но они сдѣлались особенно часты со временъ Константина Великаго, который надъ гробомъ Спасителя построилъ изящные своды и подлѣ воздвигнулъ церковь со всѣмъ царскимъ великолѣпіемъ. Мать его, Святая Елена, въ глубокой старости отправилась ко святымъ мѣстамъ, и основала тамъ еще нѣсколько церквей. Съ того времени, множество богомольцевъ, изъ ближнихъ и отдаленныхъ странъ, поодиначкѣ и толпами, приходили въ Палестину, въ числѣ ихъ нерѣдко знатныя лица, духовнаго и свѣтскаго званія. Люди обыкновенные побуждались къ тому мнѣніемъ, что молитва, въ Церкви Гроба Господня совершенная, очищаетъ отъ всѣхъ грѣховъ и отверзаетъ врата неба; но было много и такихъ, которыхъ влекло туда высшее, истинно благочестивое чувство. Живая, искренняя любовь къ Искупителю долженствовала воспламенять въ благородныхъ сердцахъ желаніе, коснуться ногами своими Святой Земли, по которой нѣкогда шествовали божественныя стопы Его, и излить пламенное благоговѣніе въ горячихъ слезахъ на крестномъ холмѣ, на которомъ Онъ нѣкогда пролилъ кровь Свою за человѣчество. Аравитяне, съ седьмаго вѣка обладатели сихъ странъ, не мѣшали такимъ дѣйствіямъ набожности, не наносили оскорбленій патріарху и церкви христіанской въ Іерусалимѣ, и, при

многолюдномъ стеченіи странниковъ, находили даже свою выгоду. Карлъ Великій, сверхъ того, заключилъ дружественный союзъ съ Гарунъ-алъ-Рашидомъ, и просилъ его оказывать христіанскимъ пришлецамъ всякое покровительство. И не однѣ религіозныя потребности и желанія влекли Европейцевъ въ восточныя страны; многія путешествія туда были предпринимаемы для торговыхъ цѣлей, особливо изъ городовъ по берегамъ Средиземнаго Моря (Ч. IV стр. 289), и западные Европейцы вскорѣ научились цѣнить дорогіе товары Востока. Когда Святая Земля подпала власти египетскихъ халифовъ, странники терпѣли уже различныя притѣсненія, и однако путешествія въ одиннадцатомъ вѣкѣ умножились. Такъ, между прочимъ, въ 1065 году, Майнцскій Архіепископъ Зигфридъ и Епископы Гинтеръ Бамбергскій, Оттонъ Регенсбургскій и Вильгельмъ Утрехтскій, предприняли знаменитое путешествіе въ Іерусалимъ съ семью тысячами богомольцевъ. Они преодолѣли много опасностей, и только дѣ тысячи сихъ благочестивыхъ мужей опять увидѣли свое отечество.

Между тѣмъ пришло время, въ которое сіи бѣдствія увеличились, ибо, по завоеваніи Сельджуками Сиріи, власть въ тѣхъ странахъ досталась суровымъ полчищамъ. Съ того времени, какъ Ортокъ, вождь одной турецкой орды, получилъ Іерусалимъ отъ Тутуша, брата Малекъ-Шагова, раздались громкія жалобы, что варвары захватили храмы, притѣсняютъ и мучатъ Христіанъ, ругаются надъ священными мѣстами, и не позволяютъ вѣрнымъ странникамъ исполнять обряды благочестія. Сія вѣсть огорчила многихъ благочестивыхъ мужей на Западѣ, и возбудила въ нихъ желаніе, отправиться туда съ войскомъ, и Обѣтованную Землю, освященную стопами Христа и Апостоловъ, исторгнуть у невѣрныхъ силою оружія. Незадолго предъ тѣмъ, Греческій Императоръ просилъ уже Григорія VII о помощи противъ Сельджуковъ, и Папа, надѣясь при семъ случаѣ опять соединить Греческую Церковь съ Римскою, хотѣлъ воспользоваться слабостію Византійскаго Двора и расположеніемъ духа у западныхъ

народовъ, и призывалъ Королей Франціи и Германіи къ походу противъ Сарациновъ, въ которомъ онъ хотѣлъ участвовать лично. Но открывшаяся вскорѣ затѣмъ борьба съ Генрихомъ, не позволяла думать объ этомъ планѣ, и смерть помѣшала ему исполнить сіи предначертанія.

Тогда явился необыкновенный мужъ, по имени Петръ, аміенскій уроженецъ, который прежде того, по набожному влеченію сердца, покинулъ свѣтъ, избралъ пустынную жизнь, и потомъ совершилъ также путешествіе въ Палестину (1093). Участь тамошнихъ Христіанъ возбудила въ немъ пламенное желаніе отмстить за Спасителя; онъ чувствовалъ въ себѣ довольно силы, предпринять безъ посторонней помощи великое дѣло. Онъ прибылъ въ Римъ, подалъ Папѣ Урбану II (1088—1099), второму преемнику Григорія, жалобныя посланія бѣдствующаго Патріарха Іерусалимскаго, и трогательными чертами изобразилъ ему положеніе Христіанъ и участь странниковъ въ Палестинѣ. Іисусъ Христосъ, говорилъ онъ, явился ему во снѣ, и повелѣлъ созывать весь міръ для освобожденія Святаго Гроба. Урбанъ, хотя самъ тогда не безопасный въ Римѣ отъ приверженцевъ антипапы Климента, взялся однако за огромный планъ, двинуть Западныхъ Христіанъ противъ Востока. Онъ послалъ Петра въ Италію и во Францію, проповѣдывать во всѣхъ городахъ объ откровеніи Спасителя, ему даномъ, и такимъ образомъ приготовить умы къ тому, что Урбанъ положилъ довершить самъ. Молва о святомъ странникѣ далеко предваряла его, и вездѣ, куда онъ не приходилъ, его принимали какъ посланника Божія. Его наружность подкрѣпляла впечатлѣніе, производимое проповѣдями. Изнуренный голодомъ, жаждою и продолжительными безпокойствами, босоногій и съ обнаженною головою, одѣтый въ рубище и подпоясанный веревкою, онъ разъѣзжалъ на ослѣ, держа въ рукѣ распятіе. Но его сильная рѣчь и огненный взоръ его впалыхъ глазъ проникали въ сердца слушателей; его ревность къ Вѣрѣ и его строгая жизнь внушали благовѣйное удивленіе. Онъ проповѣдывалъ въ церквахъ, на распутіяхъ и на большой дорогѣ, и побѣдоносное краснорѣчіе его покоряло

всѣхъ. Чтобы итти на священную войну, старцы отыскивали давно заржавѣвшее оружіе, и дѣти учились владѣть копьемъ.

Папа Урбанъ смотрѣлъ съ удовольствіемъ на это бурное движеніе. Онъ собралъ соборъ въ Піаченцу (въ мартѣ 1095), куда съѣхалось такое множество духовныхъ и мірянъ, что засѣданія происходили подъ открытымъ небомъ. Пламенная рѣчъ, въ которой онъ здѣсь предложилъ о великомъ дѣлѣ всего Христіанскаго Міра, произвела ожидаемое дѣйствіе. Послы Греческаго Императора Алексѣя (Ч. IV стр. 219) явились въ собраніи, просили о помощи противъ возрастающей силы Турокъ, и многіе тутъ же дали обѣтъ, итти и сражаться противъ невѣрныхъ.

Послѣ того Папа обратился во Францію. И здѣсь онъ, по дѣлу Божію, созвалъ собраніе въ Клермонъ, въ Оверни, ноября 1095 года, на которомъ явился и ревностный проповѣдникъ его Петръ. Обширная равнина покрыта была епископами, князьями, рыцарями, господами и множествомъ народа, и когда Папа, въ порывѣ краснорѣчія, пламенными словами изобразилъ безсмертную заслугу и вѣчную награду на небѣ, отпущеніе грѣховъ и благодать предъ Богомъ, всѣ запылали, всѣ пролили горькія слезы, изъ тысячи устъ раздались клики: Богъ хощетъ такъ! Богъ хощетъ такъ! По окончаніи рѣчи, Епископъ Піойскій Адемаръ первый преклонился предъ Папою, и просилъ у него позволенія сопровождать священное ополченіе. Когда онъ получилъ благословеніе, Вильгельмъ, Епископъ Оранжскій, и большая часть присутствовавшихъ духовныхъ и мірянъ, послѣдовали его примѣру. Всѣ они, по древнему обыкновенію благочестивыхъ странниковъ и въ знакъ общаго предпріятія, нашили себѣ красный крестъ на правое плечо. Явились послы сильнаго Графа Тулузскаго Раймунда, и донесли, что ихъ владыка собралъ уже значительное число рыцарей для священной войны; послѣ этаго еще многіе приняли крестъ. Предлагали, чтобы Урбанъ самъ принялъ начальство надъ воинствомъ, но онъ отклонилъ сіе предложеніе, и наименовалъ уважаемаго за благочестіе и праводушіе Епископа Адемара своимъ намѣстникомъ и легатомъ, какъ духовнаго предводителя войска.

Послѣ собора, Папа лично объѣзжалъ Францію, и поощрялъ къ предпріятію похода съ большимъ успѣхомъ. Духовные и міряне, принявшіе крестъ въ Клермонтѣ, распространили въ мѣстахъ своего жительства восторгъ, которымъ воспламенились сами. Каждый видѣлъ на небѣ знаменія, которыя безпрекословно показывали волю Божію. Говорили, что огненный путь пролегалъ по темной лазури къ востоку, и вскорѣ потомъ половина неба побагровѣла. Одинъ священникъ будто бы видѣлъ на небѣ мечь, другой цѣлое войско, третій двухъ огненныхъ сражающихся витязей; изъ нихъ украшенный крестомъ остался побѣдителемъ; ходила даже басня, что Карлъ Великій возсталъ изъ мертвыхъ, и самъ будетъ предводительствовать священными ратниками. Открывшаяся въ то время язва, именуемая святымъ огнемъ, сочтена была божескимъ наказаніемъ за медленность.

Великое и всеобщее движеніе, начавшееся теперь въ Европѣ, продолжалось около двухъ сотъ лѣтъ; ополченія за ополченіями шли въ Азію изъ Германіи и Франціи, изъ Англіи, Италіи и странъ холоднаго Сѣвера; всего до семи милліоновъ человѣкъ. Всѣмъ крестоносцамъ (такъ названы были священные ратники) обѣщано было полное отпущеніе грѣховъ, а тѣмъ, которые оставляли деньги и имѣніе, Церковь обѣщала принять ихъ на сохраненіе, и по возвращеніи отдать назадъ въ цѣлости. Всѣ проценты прекратятся, пока должникъ находится въ Святой Землѣ, и отеческое попеченіе оказано будетъ семействамъ странниковъ. Такія обѣщанія со стороны духовенства подстрекнули и успокоили многихъ, и кого не воодушевляла надежда небесной награды, того побуждало желаніе освободиться отъ тѣсныхъ обстоятельствъ всякаго рода, и виды на пріобрѣтеніе богатой добычи въ Греціи и Азіи. Оброчные и крѣпостные земледѣльцы, которыхъ положеніе было чрезвычайно тягостно и бѣдственно, покидали плугъ и борону, чтобы, подъ знаменемъ креста, узнать чувство свободы. Многіе пустились въ походъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ домашнимъ скарбомъ.

## 3. Первый Крестовый Походъ.

### (1096—1099).

Кромѣ Испанцевъ, внутри своей земли долженствовавшихъ бороться съ тѣми самыми врагами, которыхъ крестоносцы искали на Востокѣ, сначала ни одинъ народъ Запада, при всеобщемъ броженіи умовъ, не оказалъ такъ мало участія, какъ Нѣмцы. Жестокая распря между Императоромъ и Папою все еще продолжалась, и народъ имѣлъ довольно занятія, терпѣлъ довольно нужды у себя дома. Притомъ разсудительные, хладнокровные Нѣмцы смѣялись надъ странниками, проходившими ихъ землю изъ-за Рейна, изъ Франціи и Лотарингіи, какъ надъ безумцами, которые покидали отечество для обманчивой надежды отдаленнаго прибытка. Но когда массы увеличились и начали проходить стройныя ополченія, тогда и многіе Нѣмцы рѣшились принять крестъ.

Снаряжаемые въ разныхъ земляхъ полки не были подчинены общему верховному предводителю. Каждый герцогъ или графъ, принявшій крестъ, и по богатству и знатности способный повелѣвать войскомъ, собиралъ для себя крестовыхъ братьевъ, которые хотѣли воевать подъ его знаменами. Между сими вождями особенно отличался Готфридъ Буліонскій, племянникъ Гоцело Горбатаго, Герцога Нижне-Лотаринскаго. Онъ наслѣдовалъ имѣніе своего дяди, а въ послѣдствіи получилъ и герцогство его отъ императора Генриха IV. Какіе подвиги онъ совершилъ въ борьбѣ за сего государя, сказано выше (Ч. IV. стр. 340). Онъ славился храбростью, и любимъ былъ за праводушіе, привѣтливость и благочестіе. Съ нимъ взяли крестъ братья его, Евстахъ и Балдуинъ. Прочіе князья были: упомянутый Графъ Тулузскій Раймундъ IV, старый воинъ, который навсегда покинулъ отечество, чтобы послѣдніе дни свои посвятить единственно на службу Святому Гробу; Герцогъ Нормандскій Робертъ (сынъ Вильгельма Завоевателя, и братъ тогдашняго Короля Англійскаго,

Вильгельма Рыжаго), который, наскучивъ непрерывными мятежами и строптивостью своихъ бароновъ, пошелъ въ Святую Землю въ числѣ многихъ богомольцевъ; Графъ Фландрскій Робертъ, храбрый ратникъ, которому великое богатство позволяло оказывать пособіе недостаточнымъ крестоносцамъ; Гугонъ Вермандуаскій, братъ Французскаго Короля Филиппа, Стефанъ, Блуаскій; наконецъ Боэмундъ, Князь Тарентскій, храбростью, воинскимъ искусствомъ и лукавствомъ подобный отцу своему Роберту Гискару, и его родственникъ Танкредъ, отважный, витязь благородныхъ правилъ. Нѣкоторые изъ сихъ вельможъ, на примѣръ, Раймундъ, Готфридъ, Балдуинъ и Танкредъ, посвятили свою жизнь священной брани, и надѣялись въ завоеванной землѣ основать новыя царства. Готфридъ и многіе другіе продали или заложили часть своихъ владѣній на Западѣ. Тоже самое сдѣлали многіе рыцари и простые воины.

Съ мудрою предусмотрительностью положено было не всѣмъ итти одною и тою же дорогою, чтобы многочисленныя войска одной землѣ не были въ тягость. Константинополь назначили общимъ сборнымъ мѣстомъ для различныхъ войскъ. Между тѣмъ какъ князья снаряжали полки, многимъ казалось слишкомъ долго ожидать жатвы, по окончаніи которой положено было выступить въ походъ. Петръ Аміенскій явился уже весною 1096 года съ войскомъ, худо вооруженнымъ, безъ денегъ, даже безъ конницы. Оно состояло частію изъ крѣпостныхъ, частію изъ такихъ богомольцевъ, которыхъ не приняли князья. Къ нему присталъ французскій рыцарь Вальтеръ Пексежо; но его дружины совершенно походили на войско Петрово. Въ числѣ ихъ были пятнадцать тысячь человѣкъ пѣхоты и только восемь всадниковъ. Еще въ Кельнѣ Вальтеръ отдѣлился отъ Петра, и провелъ своихъ чрезъ Германію и Венгрію безъ важныхъ неудачъ. Но когда они пришли къ Булгарамъ, которыхъ царство граничило на сѣверѣ рѣками Савою, Дунаемъ, и народъ не хотѣлъ продавать имъ съѣстныхъ припасовъ, они напали на Бѣлградъ, грабили и злодѣйствовали въ селеніяхъ, доколѣ озлобле-

ные Булгары, собравшись въ значительномъ числѣ, многихъ изъ нихъ не побили. Самъ вождь вскорѣ потомъ умеръ. Племянникъ его, Валтеръ, за бѣдность прозванный Нищимъ (Senzaveir, ничего не имѣющій), предоставилъ необузданныхъ хищниковъ на произволъ судьбы, только съ отборными ратниками пустился далѣе, и прибылъ въ Область Константинопольскую, гдѣ Греческій Императоръ Алексѣй Комнинъ принялъ ихъ подъ свое покровительство. Петръ испыталъ не менѣе бѣдствій, прежде нежели достигъ туда со своимъ отрядомъ, возросшимъ до сорока тысячъ человѣкъ. И онъ дошелъ благополучно до границъ Венгріи; войска его, подозрѣвая туземцевъ и злобствуя на нихъ, взяли приступомъ Землинъ и побили четыре тысячи гражданъ. За то, при Нисѣ, Петръ потерпѣлъ великій уронъ въ людяхъ и обозѣ, и потерялъ всѣ свои повозки. Наконецъ, съ трудомъ избѣжавъ голодной смерти, онъ въ жалкомъ состояніи соединился съ рыцаремъ Валтеромъ, явился потомъ къ самому Императору Алексѣю, и просилъ его о жизненныхъ припасахъ и другихъ пособіяхъ для своего войска. Императоръ исполнилъ просьбу, и въ то же время совѣтовалъ Петру остаться въ Европѣ до прибытія многочисленнѣйшихъ полчищъ, ибо онъ былъ слишкомъ слабъ для борьбы съ Турками. Богомольцы не уважили сихъ представленій, но неотступно просили кораблей, и наконецъ получили ихъ. На этихъ судахъ Петръ и Валтеръ, со своими ратниками, переправились въ Виѳинію на погибель себѣ: крестоносцы поссорились тамъ между собою, и во время грабежей попались по частямъ въ руки Сельджуковъ, которые побили все войско, кромѣ трехъ тысячъ человѣкъ, спасшихся бѣгствомъ въ Константинополь. Петръ возвратился туда уже прежде; Валтеръ погибъ въ сраженіи.

Третье войско, тысячъ въ пятнадцать, въ странахъ рейнскихъ набранное и предводительствуемое нѣмецкимъ священникомъ Готшалькомъ, было безпорядочнѣе и развратнѣе прежнихъ полчищъ, и за наглые свои разбои погибло еще въ Венгріи. Четвертая, въ Лотарингіи собранная толпа, главою которой былъ бѣлецъ Фолькмаръ,

проходила нѣмецкія земли съ такимъ же своеволіемъ и необузданностію. Всѣ сіи крестоносцы, подъ именемъ враговъ Христовыхъ, съ которыми имъ надлежало сражаться, разумѣли и Жидовъ, и побуждаемые отчасти слѣпымъ изувѣрствомъ, отчасти корыстолюбіемъ, нападали на нихъ, убивали самымъ безчеловѣчнымъ образомъ и грабили ихъ имущество; такая участь постигла особенно Израильтянъ, жившихъ въ городахъ рейнскихъ. Къ этимъ нестройнымъ ополченіямъ присталъ въ Майнцѣ Эмико, Графъ Лейнингенскій, съ многолюдною толпою того же разбора, которая принимала самое дѣятельное участіе въ злодѣйствахъ противъ Евреевъ. И эти полчища были побиты въ Венгріи, или обращены въ бѣгство.

Такимъ образомъ до начала лѣта, прежде нежели еще кто либо изъ князей тронулся съ мѣста, изъ Франціи и Германіи, по умѣренному счисленію вышло около ста тысячь человѣкъ, и они, не видавъ Святой Земли, нашли себѣ могилу на дорогѣ. Теперь только, именно въ назначенное время, въ половинѣ августа 1096, и Готфридъ Буліонскій, получивъ соизволеніе Императора Генриха IV, выступилъ въ походъ съ осьмнадцатью тысячами пѣхоты и десятью тысячами конницы. Два брата его и многіе графы, рыцари, епископы и другіе знаменитые люди изъ Фландріи, Геннегау и Лотарингіи, сопутствовали ему. Онъ прошелъ въ порядкѣ Верхнюю Германію, проложилъ себѣ путъ чрезъ Венгрію миролюбивыми средствами, заключивъ союзы и давъ заложниковъ, и прибылъ безъ помѣхи во Ѳракію. Въ Филиппополѣ онъ получилъ извѣстіе, что Графъ Гугонъ Вермандуаскій, избравшій путь чрезъ Италію, потерпѣлъ кораблекрушеніе у греческаго берега и спасся только съ малымъ числомъ людей, но теперь, хотя онъ далъ Императору въ Константинополѣ требуемую присягу въ вѣрности, содержится почти какъ плѣнникъ. Алексѣй Комнинъ устрашился сильныхъ полчищъ, хлынувшихъ на его царство. Греческая политика считала такую помощь противъ Турокъ слишкомъ опасною, и боялась, что храбрые пришлецы, увидѣвъ слабость Имперіи, недостаточность оборонительныхъ средствъ ея, не устоятъ

противъ искушенія и овладѣютъ легкою добычею, прежде нежели пойдутъ противъ Турокъ. Напротивъ, Алексѣй надѣялся всего вѣрнѣе обезпечить, обязавъ вождей крестоносцевъ присягою, прежде нежели такой планъ могъ созрѣть въ нихъ. Коварство долженствовало замѣнить въ немъ недостатокъ силы, но лукавая хитрость, какую онъ позволялъ себѣ, непріязненныя его намѣренія, противъ крестоносцевъ худо скрываемыя, только бы ускорили а не отвратили несчастія, котораго онъ хотѣлъ избѣжать, если бы западные воины были единодушнѣе, или съ меньшимъ рвеніемъ стремились къ достиженію своей цѣли. Когда представленія Готфрида объ освобожденіи Гугона не были уважены, онъ употребилъ силу, и сталъ опустошать страну. Греки устрашились и подали руку къ примиренію. Готфридъ, искренно желая мира, согласился пріѣхать въ Константинополь и также далъ ленную присягу. Въ то же время Алексѣй получилъ требуемое удостовѣреніе, что онъ опять будетъ владѣть всѣми городами, которые до прихода Турокъ принадлежали ему, какъ скоро они будутъ завоеваны.

Въ слѣдствіе сего мирнаго договора, Готфридъ, съ своими дружинами, переправился уже въ Азію, когда пришелъ Боэмундъ съ италіянскими Норманнами. Алексѣй всего болѣе страшился властолюбивыхъ намѣреній сего князя, и имѣлъ на то причины: Боэмундъ, во время войны отца своего въ Греціи, игралъ важную роль, и еслибъ теперь предпринялъ овладѣть Византійскимъ Царствомъ, это было бы только продолженіемъ прежняго смѣлаго плана. Въ самомъ дѣлѣ, онъ старался склонить къ тому же и Готфрида, но его предложеніе не нашло доступа къ благородной душѣ Герцога; послѣднему удалось даже укротить ненависть Боэмунда такъ, что онъ согласился дать присягу. То же исполнено было вождями, прибывшими въ послѣдствіи. Одинъ Раймундъ Тулузскій не хотѣлъ присягнуть, обѣщавъ только ничего не предпринимать противъ жизни и чести Императора. Однако онъ, въ послѣдствіи, сохранилъ наилучшее согласіе съ Греками.

Въ маѣ 1097 года, всѣ князья съ ихъ войсками соб-

рались наконецъ подъ Никеею, куда явился и Петръ. На общемъ смотрѣ необозримаго воинства крестоносцевъ насчитано болѣе ста тысячъ хорошо вооруженныхъ воиновъ, большею частію изъ рыцарскаго сословія, и тріста тысячъ отборной пѣхоты. Если прибавить къ тому множество женъ, дѣтей, монаховъ, служителей и другихъ людей, сопровождавшихъ войско, все число народа простиралось до шести сотъ тысячъ душъ. И здѣсь не выбрали общаго предводителя сему войску; каждый князь повелѣвалъ своимъ отрядомъ; зависть и народная гордость, къ несчастію, вскорѣ посѣяли сѣмена раздора между различными племенами.

Крестоносцы нашли въ Сельджукахъ людей храбрыхъ и хитрыхъ, которые оспоривали у нихъ каждый шагъ земли. Начало военныхъ дѣйствій открыто было осадою Никеи. Городъ сей принадлежалъ къ царству Килиджа Арслана (т. е. меченоснаго льва), Сулеймanова сына, (ч. IV. стр. 208), который, по смерти Малека Шаха, основалъ во внутреннихъ странахъ Малой Азіи совершенно независимую державу, по имени главнаго города названную Султанствомъ Иконійскимъ. Онъ достаточно снабдилъ Никею оружіемъ, съѣстными припасами и защитниками, и надѣялся напасть въ расплохъ на осаждающихъ и истребить ихъ, но обращенъ былъ въ бѣгство. Положеніе и твердыни города представляли крестовымъ ратникамъ немалыя затрудненія; но, напослѣдокъ, казалось, онъ не устоитъ противъ храбрыхъ ихъ усилій. Между тѣмъ Греки нашли средство завести съ жителями переговоры, въ слѣдствіе которыхъ положено было сдать городъ Императору Алексѣю. Богомольцы изумились, вдругъ увидѣвъ развѣвающіяся на стѣнахъ знамена Грековъ, которые впущены были тайно. Сколь ни велика была досада первыхъ, они покорились обстоятельствамъ, которыхъ теперь не могли перемѣнить, не возбудивъ жестокихъ распрей. Они пошли далѣе, двумя отдѣленіями, и одно изъ нихъ при Дорилеѣ наткнулось на сто пятидесяти-тысячную армію Турокъ, собранную Килиджемъ Арсланомъ. Христіане произвели нападеніе, и, видя бѣгство непріятеля, считали

уже себя побѣдителями; они не знали образа войны Турокъ. Подобно всѣмъ народамъ, вышедшимъ изъ Верхней Азіи, Турки притворнымъ бѣгствомъ заманивали противниковъ, и потомъ окружали утомленныхъ, часто къ неминуемой ихъ погибели. Этимъ способомъ войны, Парѳяне были нѣкогда страшны легіонамъ Рима, считавшимся непобѣдимыми (см. Ч. III. стр. 152). Въ такой борьбѣ и Христіане не устояли; они пришли уже въ совершенное разстройство и обратились въ бѣгство, когда Готфридъ, съ другимъ отрядомъ, подоспѣлъ во-время, и направилъ битву опять къ пользѣ Христіанъ.

Послѣ сей дорого купленной побѣды, которая внушила крестоносцамъ уваженіе къ храбрости Турокъ, они продолжали путь свой. Изъ Фригіи, страны и безъ того безплодной, увезены были всѣ припасы; недостатокъ и невыносимый зной подвергли терпѣніе Христіанъ тяжкому искусу. Худшихъ послѣдствій надлежало опасаться отъ раздора князей; Танкредъ и Балдуинъ, за обладаніе городомъ Мамистрою открыли междоусобіе. Балдуинъ, столько же ненавидимый за жестокость и высокомѣріе, сколько Танкредъ любимъ былъ за кротость, съ неудовольствіемъ покинулъ главную силу и обратился къ Евфрату, гдѣ надѣялся достигнуть пріобрѣтеній безпрепятственно. Дѣйствительно, ему удалось овладѣть Эдессою, и здѣсь онъ, первый изъ крестоносцевъ, основалъ державу.

Всѣ прочіе крестоносцы собрались между тѣмъ подъ Антіохіею; обладаніе симъ городомъ было очень важно, но его положеніе и укрѣпленія затрудняли завоеваніе. При тогдашнемъ несовершенствѣ осаднаго искусства, богомольцы страшились нападенія на толстыя стѣны, и удовольствовались обложеніемъ, и то неполнымъ. Мѣсяцы протекли въ нерѣшительныхъ стычкахъ, когда легкомысліе, съ какимъ дотолѣ расточали богатые запасы привольной страны, произвело страшный недостатокъ. Цѣны достигли неслыханной высоты; бѣднѣйшіе питались кожею, древесною корою и еще болѣе противными веществами, или умирали съ голоду; изъ семидесяти тысячъ лошадей только двѣ тысячи не пали, или не были съѣдены. Многіе кресто-

носцы заболѣли или умерли, другіе, которымъ мужество измѣнило въ столь великомъ бѣдствіи, покинули станъ; въ числѣ ихъ и первый виновникъ предпріятія, Петръ, который, однако, въ бѣгствѣ былъ пойманъ и приведенъ обратно. Но князья пребыли непоколебимы и рѣшились продолжать осаду. Побѣда надъ приближавшимся турецкимъ отрядомъ и генуезскій флотъ, привезшій новыхъ странниковъ и жизненные припасы, наградили ихъ за сію твердость и воспламенили угасшее было мужество. Когда наступила весна (1098), достаточные подвозы положили конецъ лишеніямъ, и болѣзни уменьшились. Но осада города все еще не подвигалась впередъ, а между тѣмъ пришло извѣстіе, что Корбога, которому Баркіарокъ, старшій сынъ Малекъ-Шаховъ (царств. 1095 — 1104) ввѣрилъ владычество надъ Мосуломъ и окрестными городами, въ соединеніи со многими другими сельжукскими старшинами, приближается съ войскомъ въ двѣсти тысячь человѣкъ. Къ счастію для осаждающихъ, войско это безъ пользы провело три недѣли въ напрасномъ обложеніи Эдессы. Когда разнесся слухъ о приближеніи Турокъ, Стефанъ, Графъ Блуаскій, объятъ былъ такимъ страхомъ, что ушелъ съ четырьмя тысячами своихъ и не возвращался. Опасеніе, что этотъ худой примѣръ можетъ имѣть вредныя слѣдствія, побудило князей принять предложеніе Боэмунда, на которое они въ другое время едва ли бы согласились. Боэмундъ завелъ сношенія съ ренегатомъ Пирромъ, которому ввѣрена была важная бойница въ Антіохіи, и послѣдній обѣщалъ передать ему городъ. Теперь, когда вожди крестоносцевъ были въ величайшемъ недоумѣніи, Боэмундъ сказалъ имъ: «я знаю въ городѣ человѣка, который хочетъ предать намъ самую крѣпкую башню, если вы будете обѣщать ему богатые дары и преимущества, и мнѣ и моимъ потомкамъ исключительно предоставить обладаніе Антіохіею.» Великость опасности подавила завистливое недовѣріе, и князья согласились на требованіе Боэмунда. Все сдѣлано было какъ объ стороны сговорились; ночью, Христіане взошли на башню по веревочной лѣстницѣ, которую прикрѣпилъ самъ Пирръ; впущенные

воины отворили потомъ ворота для прочихъ, и на утро изумленные жители увидѣли багровыя знамена Христіанъ на стѣнахъ. Началась страшная сѣча; не было пощады ни старцамъ, ни женамъ, ни дѣтямъ; десять тысячъ человѣкъ пало подъ остріемъ меча. Такимъ образомъ Антіохія, выдержавъ девяти-мѣсячную осаду (до 3 іюня 1098), досталась въ руки Христіанъ.

Крестоносцамъ суждено было внутри Антіохіи испытать во второй разъ, и еще въ высшей степени, всѣ бѣдствія, отъ которыхъ они страдали подъ ея стѣнами. Непріятельскій отрядъ еще держался въ неприступной крѣпости и грозилъ опасными вылазками, и уже на третій день явились несмѣтныя полчища Корбоги и обложили городъ, въ которомъ скоро открылся страшный недостатокъ. Дѣйствія его были ужасны; всякое благочиніе исчезло, всякій порядокъ рушился. Многіе изъ народа, даже изъ вельможъ и знати, объяты были такимъ мучительнымъ страхомъ, что въ ночное время спускались со стѣнъ на веревкахъ (отчего получали поносное названіе веревочныхъ бѣглецовъ) и бѣжали, а нѣкоторые перешли даже къ Туркамъ и приняли ихъ вѣру. Когда наконецъ большая часть осажденныхъ въ безмолвномъ отчаяніи считали избавленіе невозможнымъ, священникъ, Петръ Бартоломей, явился къ Графу Раймунду, и разсказалъ, что Апостолъ Андрей четыре раза являлся ему во снѣ, и показалъ ему, гдѣ въ Церкви Апостола Петра сокрыто копье, которымъ прободенъ былъ Спаситель, также повелѣлъ возвѣстить объ этомъ князьямъ. Графъ Раймундъ понялъ, какимъ воодушевленіемъ исполнится народъ, увидѣвъ чувственное знаменіе Божеской помощи, и далъ приказаніе копать землю въ показанномъ мѣстѣ. Дѣйствительно, Петръ вынулъ копье изъ земли, и какъ скоро странники увидѣли оное, воодушевились мужествомъ, которымъ князья воспользовались для совершенія смѣлаго предпріятія. Хотя въ городѣ было уже не болѣе трехъ сотъ годныхъ лошадей, хотя самъ Герцогъ Готфридъ и Фландрскій Графъ Робертъ, должны были взять чужихъ коней, и простые ратники были изнурены голодомъ и полунаги,

однако отважились на вылазку. Корбога, услышавъ о выступленіи Христіанъ, спокойно продолжалъ игру въ шахматы и смѣялся надъ безумцами, изъ которыхъ ни одинъ не спасется отъ меча его. Но, еще до окончанія дня, горделивый врагъ поспѣшно бѣжалъ къ Евфрату, войско его было разсѣяно или побито. Столь великое дѣйствіе произвела въ Христіанахъ живая вѣра въ непосредственную помощь Божію!

Антіохія была теперь внѣ опасности, но возникла распря за обладаніе ею, ибо Графъ Раймундъ не изъявилъ согласія на обязательство, заключенное князьями съ Боэмундомъ, и въ силу данной присяги хотѣлъ возвратить городъ Греческому Императору. Дѣло могло дойти до кровопролитія, если бы громкій ропотъ народа, горѣвшаго желаніемъ итти въ Іерусалимъ, не удержалъ противниковъ. «Если князья, такъ грозилъ народъ, еще долѣе будутъ предпочитать свои выгоды дѣлу Божію, мы разрушимъ городъ, причину раздора, и сами себѣ изберемъ военачальника, который поведетъ насъ въ Іерусалимъ.» Князья устрашились угрозы, и часть войска выступила изъ города. Но и на дальнѣйшемъ пути распри постоянно находили новую пищу. Въ маѣ 1099 года, войско продолжало походъ между Ливаномъ и морскимъ берегомъ, къ которому иногда приставали корабли съ припасами для странниковъ, и 6 іюня, чрезъ Рамлу и Эммаусъ, достигло возвышенія, съ котораго можно видѣть Іерусалимъ. При семъ зрѣлищѣ радостныя слезы хлынули изъ глазъ изнуренныхъ ратниковъ; они пали всѣ на колѣни, и воспѣли славословіе Богу; всѣ доселѣ претерпѣныя страданія боли забыты послѣ такой Его милости.

Незадолго предъ тѣмъ, Іерусалимъ перемѣнилъ своего властелина. Египтяне опять изгнали изъ города Ортокидовъ. Сіе обстоятельство было благопріятно для крестоносцевъ въ томъ отношеніи, что сельджукскіе князья, безъ того несогласные между собою, ничего не сдѣлали для поданія помощи городу, который находился въ рукахъ египетскихъ халифовъ, ихъ ненавистныхъ враговъ по вѣрѣ и политикѣ, (Ч. IV. стр. 204 и 208), даже радовались, что

онъ будетъ у нихъ отнятъ. Однако, при крѣпкомъ положеніи города, не такъ легко было овладѣть имъ. Въ немъ находилось сорокъ тысячъ человѣкъ войска, а крестоносцы считали только двадцать тысячъ пѣхоты и полторы тысячи конницы, и вовсе не имѣли осадныхъ орудій. Но пробудившаяся теперь снова ревность къ вѣрѣ сдѣлала и малую дружину неодолимою, и ратный кликъ: Богу такъ угодно! исполнилъ воиновъ предъ вратами Іерусалима такимъ же пламеннымъ восторгомъ, какъ за три года предъ тѣмъ на Полѣ Клермонтскомъ. Многіе крестоносцы пустились искать съѣстныхъ припасовъ и рѣдкаго въ малолѣсной странѣ дерева, для построенія машинъ и штурмовыхъ лѣстницъ. Они нашли этотъ матеріалъ въ лѣсу близь Виѳлеема, и въ короткое время приготовили изъ него осадныя орудія всякаго рода. Не такъ легко было помочь другому злу, недостатку въ водѣ. Сарацины засѣли у всѣхъ источниковъ и колодезей, которые не были засыпаны, и каждую каплю воды надлежало покупать кровію. Часто происходили между Христіанами кровавыя распри изъ-за воды. Цѣлыя стада вьючныхъ животныхъ пали отъ жажды, и гніющіе трупы ихъ заражали воздухъ. Голодъ подъ стѣнами Антіохіи казался для крестоносцевъ менѣе ужаснымъ, чѣмъ эта жажда подъ Святымъ Градомъ, среди палящаго лѣтняго зноя, и скоро къ этому бѣдствію присоединился еще недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ. Въ сей крайности генуэзкій флотъ вошелъ въ Гавань Іоппійскую, и привезъ не только съѣстные припасы, но и рабочіе снаряды и искусныхъ плотниковъ для строенія осадныхъ орудій. Узнавъ отъ пойманнаго гонца, что черезъ двѣ недѣли большая сила египетская прійдетъ на помощь Іерусалиму, крестоносцы, 14 іюля, предприняли всеобщій приступъ, но осажденные отразили ихъ мужественно. На слѣдующій день битва закипѣла съ новою жестокостію, внѣшнія укрѣпленія были взяты, и Герцогъ Готфридъ первый съ своею дружиною взошелъ изъ осадной башни своей на внутреннія стѣны. Воины немедленно сошли внизъ, отворили ворота, и съ воплемъ «помогай Богъ! Богу такъ

угодно!» крестоносцы ринулись въ городъ; невѣрные бѣжали по улицамъ въ безпамятствѣ ужаса. Не одна месть, и вѣра побѣдителей, что они ратуютъ теперь во славу Божію, обратила ихъ въ кровожадныхъ тигровъ. Едва ли Карѳагенъ видѣлъ подобное кровопролитіе. Многіе, не довольствуясь тѣмъ, что лили кровь невѣрныхъ, убивали ихъ среди мученій. Въ мечети Омаровой, гдѣ тысячи Сарациновъ искали безопасности, сѣча продолжалась до того, что кровь струилась по лѣстницѣ, испаренія отъ труповъ причиняли побѣдителямъ дурноту, и тѣмъ наконецъ удалили ихъ. Добыча, тамъ найденная, была несмѣтна. Потомъ они загнали Жидовь въ синагогу и вмѣстѣ съ нею сожгли. Раздѣлясь на малые отряды, крестоносцы разсыпались по улицамъ. Ни одного дома не осталось неразбитаго; ни старцы, ни жены, ни дѣти не находили пощады. Изъ сорока, или даже семидесяти, тысячъ жителей Іерусалима не осталось въ живыхъ, сколько нужно было для погребенія ихъ единовѣрцевъ. Только небольшой гарнизонъ укрѣпленія, именуемаго Башнею Давида, получилъ отъ Графа Раймунда свободный пропускъ. И тѣже самые люди, которые совершили всѣ сіи злодѣйства, очистившись отъ крови убитыхъ, пошли въ храмъ Воскресенія, съ пламенною мольбою повергліись долу у Святаго Гроба, и благодарили Бога съ радостными слезами и славословіемъ. Но и страшныя груды труповъ для многихъ казались жертвою, благопріятною Богу. Такъ близко доброе и злое часто соприкасается въ человѣкѣ, и такъ легко изъ самыхъ святыхъ чувствъ можетъ возникнуть дѣло адское, если человѣкъ не старается распознавать и отвергать зло въ обманчивыхъ образахъ, подъ которыми оно вкрадывается въ душу.

Но хотя великая цѣль была теперь достигнута, однако крестоносцы должны были еще всего опасаться отъ находящихся у нихъ въ тылу Сельджуковъ и отъ Халифовъ Египетскихъ, даже отъ раздора собственныхъ своихъ вождей. По сей причинѣ, князья вскорѣ согласились въ томъ, что нужно одного изъ среды ихъ облечь королевскою властію и ввѣрить ему защиту и управленіе завое-

вашной страны. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, выборъ палъ на Готфрида Буліонскаго, который, по благородству души и по самостоятельности характера, достоинъ былъ сего высокаго званія. Но скромный мужъ не хотѣлъ носить золотаго вѣнца тамъ, гдѣ Спаситель міра страдалъ въ терновомъ; онъ не принялъ титла королевскаго, и назвался только Защитникомъ Святаго Гроба.

Великая опасность грозила новому государству при самомъ началѣ его бытія; уже въ августѣ 1099 года приблизилось египетское войско, по меньшему показанію во сто сорокъ тысячъ человѣкъ, чтобы возвратить потерянную землю. Готфридъ едва могъ противопоставить ей седьмую часть этой силы, при всемъ томъ, его храбрость и благоразуміе одержали побѣду въ битвѣ при Аскалонѣ. Къ сожалѣнію, доблестный мужъ скончался 18 августа 1100 года, и оставилъ непрерывно тревожимую Турками державу брату своему, Балдуину, который первый принялъ наименованіе короля.

## 4. Царство Іерусалимское.

Протекло только два года отъ завоеванія Іерусалима, и уже новыя многочисленныя полчища крестоносцевъ устремились на Востокъ, приявъ смѣлое намѣреніе проникнуть во внутренность Азіи и разрушить Халифатъ Багдадскій. Но слѣдствіемъ ихъ неразсудительности и высокомѣрія было то, что они въ Передней Азіи отъ голода, изнеможенія и меча Турокъ погибли, и одни печальные остатки прибыли къ Королю Балдуину, который, при стѣсненномъ положеніи своего небольшаго царства, среди многочисленныхъ враговъ, имѣлъ крайнюю нужду въ значительномъ подкрѣпленіи. Внутреннія распри присоединились къ опасностямъ внѣшнимъ, и власть Христіанъ въ Палестинѣ скоро была бы истреблена, если бы республики Италіи, Пиза, Генуа и Венеція не оказывали имъ усердной помощи, ибо удержаніе крѣпкихъ пунктовъ у тамошнихъ береговъ представляло чрезвычайныя выгоды ихъ торговлѣ. При ихъ содѣйствіи завоеваны одинъ

за другимъ важные приморскіе города: Кессарія, Акконъ (именуемый также Акроіо и Птолемаидою), Триполь, Беритъ и Сидонъ. Балдуинъ I скончался въ 1118 году; въ преемники ему избранъ родственникъ его, Балдуинъ Бургскій, Графъ Эдесскій; въ его правленіе завоеванъ былъ и Тиръ.

Въ это время королевство достигло самаго цвѣтущаго состоянія. Завоеванія Христіанъ простирались отъ Тарса, въ Киликіи, гдѣ ихъ границы соприкасались съ греческими, на востокъ до Эдессы, и отсюда на югъ почти до Газы. Собственное Царство Іерусалимское владѣло, впрочемъ, на сѣверѣ только по городъ Панеасъ; тамъ начинались Графства Трипольское и Эдесское, находившіяся въ слабой ленной зависимости отъ Короля. Княжество Антіохійское составляло четвертую державу сихъ земель, и было еще самостоятельнѣе обѣихъ графствъ. Народонаселеніе было очень смѣшанное; оно состояло изъ господствующихъ Франковъ или Латиновъ, какъ вообще называли на Востокѣ всѣхъ выходцевъ съ Запада, изъ Христіанскихъ Сирянъ, прежнихъ подданныхъ Греческой Имперіи, изъ Евреевъ, Сарациновъ, Армянъ, и наконецъ изъ обитавшихъ на Ливанѣ Маронитовъ (Ч. IV. стр. 134). Уставъ государственный имѣлъ основаніемъ ленную систему, и всѣ отношенія опредѣлены были соотвѣтственно идеальнымъ и теоретическимъ понятіямъ, которыя, въ теченіе времени, составились на Западѣ о жизни и формахъ политическихъ. Никакія историческія данныя не препятствовали новымъ учрежденіямъ, можно было все вводить просто, круто и систематически. Престолу положено быть наслѣдственнымъ, и только ежели не было потомковъ; выборъ государя предоставлялся высшему духовенству и непосредственнымъ васалламъ короны. Совѣтъ и согласіе обоихъ сословій требовались также во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, равно какъ при законодательствѣ. Непосредственные васаллы, бароны, составляли первый, ихъ ленные присяжники (les hommes du royaume) второй, и второстепенные ленные присяжники (les hommes ligués), третій разрядъ ленаго дворянства. Ленныя владѣнія были наслѣдственныя въ мужеской и

женской линіи. Какъ король въ верховномъ приказѣ (Haute court) разбиралъ и рѣшалъ дѣла бароновъ; такъ бароны произносили судъ надъ своими васаллами, и пользовались также всѣми другими державными правами, въ своихъ владѣніяхъ, безъ всякаго ограниченія. Равнымъ образомъ Церковь пріобрѣла еще большую независимость, нежели какую имѣла на Западѣ. Патріархъ Іерусалимскій былъ главою ея, подъ нимъ пять архіепископовъ и множество епископовъ завѣдывали дѣлами церковными. Они не знали ни какихъ непосредственныхъ обязанностей въ отношеніи къ государству, и только въ крайней опасности выставляли извѣстное число пѣшихъ ратниковъ (sergens). Судебная власть надъ городами ввѣрена была гражданскимъ палатамъ (court des borgés). Въ нихъ предсѣдательствовали частію графы короля, частію повѣренные бароновъ, смотря по ихъ положенію въ земляхъ королевскихъ или дворянскихъ. Приморскія мѣста, въ которыхъ поселенія Италіянцевъ вскорѣ очень усилились, пользовались большою самостоятельностію въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Такимъ образомъ, въ этомъ колоніяльномъ царствѣ Запада, видимъ рядомъ три элемента тогдашней государственной жизни, ленную систему, іерархію и возникающее среднее сословіе. Но слабая связь между ими, равно какъ и неразлучное съ Феодальнымъ бытомъ безсиліе правительства, не могла малой державѣ, окруженной могущественными врагами, обѣщать продолжительнаго существованія, если бы даже внутренняя доблесть господствующихъ сословій и не такъ скоро погибла въ разслабляющихъ наслажденіяхъ Азіи и въ смѣси различныхъ народностей, какъ случилось на дѣлѣ. Соприкосновеніе съ исламомъ и короткое обхожденіе съ Магометанами ослабило также воодушевляющую силу христіанскихъ понятій, которая одна могла вливать бодрость для мужественнаго сопротивленія. До насъ дошло собраніе узаконеній и обычаевъ (Assisses et bons Usage) Царства Іерусалимскаго, приписываемыхъ Готфриду Буліонскому, но оно, безъ сомнѣнія, составилось постепенно.

Главнѣйшею опорою новаго государства были, особенно благопріятствуемые Королемъ Балдуиномъ II, духовные

рыцарскіе ордена Св. Іоанна и Рыцари Храма, замѣчательное явленіе, въ которомъ духъ рыцарства и монашества соединялся достопамятнымъ образомъ. Основаніе ордену рыцарей Св. Іоанна положено было еще въ 1048 году, слѣдовательно задолго до завоеванія Іерусалима. Купцы амалфійскіе, приходя на богомолье въ Іерусалимъ, построили близь церкви Гроба Господня часовню и при ней монастырь, для принятія богомольцевъ изъ ихъ народа, также больницу и разныя другія зданія. Въ послѣдствіи они избрали Іоанна Крестителя своимъ патрономъ. и назывались госпитальными братьями Святаго Іоанна Іерусалимскаго. Герардъ, который, во время Перваго Крестоваго Похода, начальствовалъ надъ симъ госпиталемъ, отдѣлилъ сперва служившихъ при немъ братьевъ отъ монастыря въ особое общество, далъ имъ правило августинскихъ канониковъ, и предписалъ орденское одѣяніе—черный плащъ съ бѣлымъ крестомъ. Папа Пасхалій II утвердилъ за госпиталемъ всѣ съ сего времени сдѣланныя ему богатыя приношенія, и взялъ его подъ свое покровительство. Второй начальникъ, Раймундъ дю Пюи, рыцарь изъ Дофине, далъ обществу сему болѣе твердый уставъ и полныя орденскія правила, которыя, въ 1120 году, въ свою очередь подтверждены были Каликстомъ II. Орденъ дѣлился на три разряда. Служащіе братья ходили за больными странниками, духовые исполняли, чего требовалъ долгъ вѣры, а рыцари *) провожали богомольцевъ черезъ опасныя области невѣрныхъ. Короли Іерусалимскіе дали имъ въ Палестинѣ значительныя помѣстья, и даже европейскіе государи назначали имъ доходы съ недвижимыхъ имѣній. Въ послѣдствіи, Папа Климентъ VI далъ настоятелю Гу-

---

*) Введеніе сего третьяго разряда, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, было подражаніемъ ордену Христовыхъ Рыцарей, который первый подалъ примѣръ соединенія монашества съ рыцарствомъ, ибо Іоанниты сначала имѣли цѣлію только призрѣвать больныхъ и странниковъ, хотя и тогда уже были между ими рыцари. См. Wilken Geschichte der Kreuzzüge, Th. II. S. 549. Anm.

гону Ревельскому титулъ, великаго магистра (гросмейстера).

Орденъ Храмовыхъ Рыцарей (Templiers, Tempelherren) произошелъ въ 1118 году изъ благочестиваго братства девяти рыцарей, въ главѣ котораго стояли Гугонъ Пайенскій и Готфридъ Сентъ-Альдемарскій. Къ тремъ великимъ обѣтамъ иночества, убожеству, цѣломудрію и послушанію, они присоединили четвертый: защищеніе странниковъ и брань съ невѣрными. Балдуинъ II далъ имъ для жительства боковое зданіе своего дворца, недалеко отъ того мѣста, гдѣ нѣкогда стоялъ Храмъ Соломоновъ. Отсюда произошло названіе Храмовыхъ Рыцарей. Соборъ въ Труа (1127) утвердилъ ихъ орденъ, и далъ имъ духовное одѣяніе, къ которому Папа Евгеній III, въ послѣдствіи, прибавилъ бѣлый плащъ съ простымъ алымъ крестомъ. Бѣлый цвѣтъ долженъ былъ означать ихъ собственную непорочность и незлобіе въ отношеніи къ Христіанамъ, алый цвѣтъ—кровавую мученическую смерть и вражду къ невѣрнымъ. Гросмейстеръ, бывшій главою ордена, не имѣлъ власти неограниченной, но ему приданъ былъ верховный совѣтъ, (Генеральный-Капитулъ), который большинствомъ голосовъ могъ рѣшать даже противъ него. И Храмовые Рыцари, благодаря набожнымъ пожертвованіямъ, скоро пріобрѣли великія богатства, особенно во Франціи. Уже въ 1144 году ихъ владѣнія, подъ именемъ намѣстничествъ (baillages), командорствъ, пріоратовъ, простирались до девяти тысячъ. Въ 1180 году орденъ имѣлъ около трехъ сотъ рыцарей и безчисленное множество служащихъ братьевъ. Послѣ потери Обѣтованной Земли, большая часть членовъ избрали себѣ жилища во Франціи, гдѣ они погибли частію отъ внутренняго разврата, частію отъ недоброхотства къ нимъ Короля Филиппа V, какъ показано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Воодушевленіе и высокое мужество чуднымъ образомъ соединялись въ сихъ рыцаряхъ съ глубокимъ самоотверженіемъ и строгимъ повиновеніемъ; такимъ же образомъ, между мусульманами, ужасное изувѣрство въ соединеніи съ большимъ еще отрѣченіемъ отъ собственной воли,

въ товариществѣ Ассассиновъ, породило кровожадность и звѣрское насиліе. Основателемъ его должно считать Гассанъ-Сабаха, который, подобно Магади-Обеидаллаху, родоначальнику Фатимидской династіи въ Египтѣ, былъ послѣдователемъ измаилитской секты, и проникъ въ мудрость Дома Каирскаго (Ч. IV стр. 203). Онъ принималъ Коранъ только въ аллегорическомъ смыслѣ, и утверждалъ, что всѣ обряды и наружныя дѣйствія ничтожны для посвященныхъ; это мудрованіе открывало путь самому необузданному своеволію и самымъ лютымъ злодѣяніямъ. Гассанъ, между своими почитаемый за пророка, по этой самой причинѣ потерпѣлъ отъ другихъ много гоненій, и наконецъ, не задолго до перваго Крестоваго Похода (1090), овладѣлъ крѣпостію Аламутомъ, въ горахъ древней Парѳіи, и здѣсь положилъ основаніе державѣ, въ которой наслѣдственно царствовало восемь государей, и которой власть простиралась и на Сирію. Тамъ возникла вторая столица секты. Главному начальнику, Горному Старцу (le vieux de la montagne), Ассассины оказывали повиновеніе, чему примѣра нельзя найти въ цѣлой Исторіи. Ихъ названіе, принятое многими новыми европейскими языками для означенія убійцы, по-арабски произносится Гашишимъ, и происходитъ отъ слова Гашиша, родъ конопли, изъ котораго на Востокѣ приготовляютъ сильное опьяняющее средство. Симъ напиткомъ старшины приводили Ассассиновъ въ состояніе самаго пылкаго упоенія, въ которомъ они воображали себѣ, что наслаждаются всѣми утѣхами рая, и, чтобы опять достигнуть сего блаженства, все предпринимали и на все отваживались. За обѣщаніе сей награды, они слѣпо совершали всякое убійство; прибѣгали къ всякой хитрости и самой отчаянной отвагѣ, чтобы вѣрнѣе поразить указанную жертву, и посмѣвались мукамъ, если были пойманы. Съ такою же готовностію они вонзали себѣ кинжалъ въ сердце, если это было имъ приказано, въ томъ чаяніи, что они симъ способомъ немедленно войдутъ въ рай. Равно опасная для Христіанъ и Сарациновъ, сія свирѣпая шайка изувѣровъ держалась въ крѣпкихъ мѣстахъ Сиріи почти два вѣка.

По смерти Балдуина II *), опасности для христіанскихъ державъ въ Азіи отъ внѣшнихъ враговъ и внутренняго раздора становились часъ отъ часу грознѣе. Страшный противникъ явился теперь въ лицѣ Эмадеддина Зенки; Султанъ Магмудъ II (1118—1152), племянникъ Баркіарока, сначала назначилъ его въ атабеки (правитель) Мосула, потомъ сдѣлался онъ независимымъ. Онъ былъ государь дѣятельный, заботливый и правосудный для своихъ подданныхъ, но столько же храбрый и коварный противъ враговъ. Онъ подчинилъ себѣ всѣ мелкія владѣнія Турокъ, отъ Тигра до предѣловъ христіанскаго королевства, за исключеніемъ Дамаска, и потомъ, въ малолѣтство Іерусалимскаго Короля Балдуина III, завоевалъ Эдессу (1144). Сей подвигъ возбудилъ въ мусульманахъ живѣйшую радость, ибо Эдесса почиталась самымъ твердымъ оплотомъ христіанскаго владычества въ Азіи. Арабскіе стихотворцы въ восторженныхъ пѣсняхъ прославляли сію побѣду Ислама надъ Евангеліемъ, сирійскіе въ жалобныхъ пѣсняхъ оплакивали потерю святаго и богатаго города **). Зенки, спустя два года, убитъ невольникомъ. Христіане ликовали о смерти такого врага, но напрасно: сынъ его, Нуреддинъ, во всѣхъ дарованіяхъ, потребныхъ для государя, превосходилъ еще отца. Правда, Христіане опять взяли Эдессу, но на шестой день Нуреддинъ прибылъ съ войсками; Христіане были слишкомъ слабы для обороны, и испытали плачевную участь. Кто не палъ отъ меча, тѣхъ Нуреддинъ, въ наказаніе за вѣроломство, отвелъ окованныхъ цѣпями въ неволю и самый городъ разрушилъ.

---

*) За Балдуиномъ II послѣдовалъ (1131) супругъ дочери его Мелисенды, Фульконъ Анжуйскій. Когда онъ, въ 1143 году, умеръ, старшему сыну его, Балдуину, было только тринадцать лѣтъ отъ роду.

**) Wilken a. a. O. Th. II. S. 728. Было преданіе, что самъ Іисусъ Христосъ обратилъ Царя Эдесскаго. По другому, болѣе достовѣрному преданію, Онъ послалъ ему Свое изображеніе.

## 5. Императоръ Лотарій Саксонецъ.

### (1125 — 1137.)

Генрихъ V не оставилъ сыновей, и съ нимъ пресѣклось мужеское колѣно салическихъ императоровъ. Выборъ долженъ былъ пасть теперь опять на новый родъ, и тѣмъ открывалось обширное поле различнымъ надеждамъ и домогательствамъ. Швабскій Герцогъ Фридрихъ, изъ Дома Гогенштауфеновъ, племянникъ (сестринъ сынъ) покойнаго Императора, и одинъ изъ сильнѣйщихъ князей Германіи, имѣлъ наиболѣе видовъ на корону. Самъ дядя, казалось, назначалъ его въ преемники, ибо умирая отказалъ обоимъ гогенштауфенскимъ герцогамъ всѣ усадьбы, земли, замки, и города, искони принадлежавшіе Франконскому Роду, и все что къ нимъ пріобрѣтено при четырехъ императорахъ. Но эта самая близость къ владѣтельному дому, которому Фридрихъ, по примѣру отца, всегда служилъ какъ самый вѣрный, дѣятельный другъ и родственникъ, вооружила противъ него всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ враговъ Франконской Династіи, подозрѣвавшихъ (и какъ послѣдующее время показало, не безъ основанія), что онъ будетъ дѣйствовать въ духѣ своего рода. Для преданныхъ папѣ прелатовъ весьма важно было посадить на престолъ такое лице, которое бы, вмѣсто враждебной для іерарховъ политики, слѣдовало направленію болѣе благопріятному и согласному съ ея видами. Они увѣрены были, что достигнутъ цѣли, если имъ удастся избрать герцога Саксовъ, издревле питавшихъ непріязнь къ Франкамъ, и недавно вступившихъ въ тѣснѣйшую связь съ Папскимъ Престоломъ. Какъ всегда, такъ и теперь, духовенство далеко превосходило свѣтскихъ князей осторожнымъ благоразуміемъ и хитростію. Главою его былъ Адалбертъ, Архіепископъ Майнцскій; помня жестокую обиду, нанесенную ему Генрихомъ V (Ч. IV. стр. 349), онъ дѣйствовалъ неутомимо, и по званію императорскаго канцлера имѣлъ много приверженцевъ въ Германіи. Уже при погребеніи Генриха въ Шпейерѣ, онъ, по долгу сана своего, пригла-

шалъ князей на избирательный сеймъ посланіемъ слѣдующаго содержанія: «Мы увѣщеваемъ васъ особенно вспомнить объ угнетеніи, въ какомъ доселѣ всѣ воздыхали, и молить Бога, да поможетъ Онъ избрать короля, при которомъ бы Церковь и Царство освободились отъ ига, и сохранили права свои, а мы съ подчиненнымъ намъ народомъ могли наслаждаться временнымъ спокойствіемъ». И дѣйствительно, ему удалось, въ соединеніи съ двумя папскими легатами, овладѣть всѣми дѣлами выбора. И теперь, какъ при избраніи Конрада II, опять съѣхались въ станъ на Рейнѣ не только герцоги, графы, архіепископы, епископы и аббаты Имперіи, но и множество ленныхъ присяжниковъ, такъ что число ихъ простиралось до шестидесяти тысячъ. Но такъ какъ, ни закономъ, ни обычаемъ не было утверждено, кто имѣлъ право избирать короля, то, по предложенію Адалберта, выбрали изъ четырехъ главныхъ народовъ, Баварцевъ, Швабовъ, Франковъ и Саксонцевъ, по десяти старшинъ изъ каждаго, и поручили имъ объявить: кого они считаютъ наиболѣе достойнымъ короны. Они подали голосъ въ пользу Герцоговъ Фридриха Швабскаго, Лотарія Саксонскаго, и Леопольда Маркграфа Австрійскаго. Нѣкоторые именуютъ еще четвертаго кандидата, Карла, Графа Фландрскаго. Лотарій и Леопольдъ просили избавить ихъ отъ короны, и когда Архіепископъ спросилъ, будутъ ли они безпрекословно повиноваться тому, кому прочіе дадутъ свои голоса, они безъ замедленія отвѣтствовали утвердительно. Но Герцогъ Фридрихъ, замѣтивъ сѣти, разставленныя ему Адалбертомъ, возразилъ, что онъ долженъ напередъ посовѣтоваться со своими. Какъ скоро онъ удалился, противники его употребили всѣ способы, чтобы представить его поступки въ ненавистномъ видѣ, и на слѣдующій день добились избранія Лотарія, при большомъ безпорядкѣ и замѣшательствѣ, и не безъ сильнаго сопротивленія. Лотаріевъ отказъ, безъ сомнѣнія, былъ только личиною, принятою съ согласія Архіепископа для того, чтобы перехитрить Герцога Фридриха. Впрочемъ, и возвышеніе Лотарія не обошлось безъ пожертвованія и ущерба правъ императорскихъ,

ибо Церковь не удовольствовалась общею выгодою, что видитъ на престолѣ Германіи государя, къ ней благорасположеннаго, но тотчасъ присвоила себѣ опредѣленныя преимущества. Адалбертъ и папскіе легаты вынудили у новаго Короля, или до избранія взяли съ него обѣщаніе, что онъ не будетъ ограничивать свободы епископскихъ выборовъ ни личнымъ присутствіемъ, ни чрезъ своихъ полномочныхъ. Священники и епископы должны были давать присягу въ вѣрности только подъ условіемъ ненарушимости ихъ отношеній церковныхъ; пожалованіе леномъ долженствовало всякой разъ происходить уже послѣ посвященія, и за него нельзя было взыскивать денегъ и пошлинъ, какъ водилось доселѣ. И не довольно того, что теперь, въ первый разъ, допустили папскаго легата къ избранію императора *), еще послали двухъ епископовъ въ Римъ, чтобы получить утвержденіе отъ Папы Гонорія II (который въ 1124 году наслѣдовалъ Каликсту). Съ такимъ успѣхомъ Римскій Дворъ воспользовался благопріятною минутою. И однако, съ небольшимъ за семьдесятъ лѣтъ, Генрихъ III наименовалъ четырехъ папъ сряду по собственному усмотрѣнію, и только три года прошло съ того времени, какъ вормскій конкордатъ положилъ конецъ распрѣ между свѣтскою и церковною властію. Упомянутыя нами постановленія, особливо касательно непарушимости церковныхъ отношеній (чего нельзя было разумѣть подъ симъ названіемъ?), почти совсѣмъ расторгли ленныя отношенія епископовъ и аббатовъ, согласно видамъ Григорія VII, между тѣмъ какъ удаленіе императорскихъ повѣренныхъ чрезвычайно благопріятствовало свободѣ выборовъ духовныхъ. Такимъ образомъ Церковь, не довольствуясь выгодами дотолѣ пріобрѣтенными, опять нарушила миръ, и едва потухшая брань загорѣлась снова, ибо политика Рима, по необходимости, вызывала противодѣйствіе со стороны свѣтскихъ властей. Вѣнценосцы болѣе даровитые,

*) Впрочемъ, папскіе легаты принимали уже участіе при избраніи анти-короля Рудольфа Швабскаго (Ч. IV. стр. 337).

нежели Генрихъ IV и его сынъ, были уже готовы оспоривать у ней побѣду. Но Лотарія не льзя не упрекнуть въ томъ, что онъ легкомысленно и для собственной выгоды пожертвовалъ важными правами короны, которыя предшественники его сохраняли только съ напряженіемъ всѣхъ силъ, хотя положеніе, въ которомъ онъ находился, нѣсколько его извиняетъ. Онъ сдѣлалъ такія уступки не по убѣжденію въ справедливости церковныхъ притязаній: это ясно доказывается позднѣйшимъ его покушеніемъ возвратить уступленное.

Лишь только избраніе Лотарія было обнародовано, Герцогъ Фридрихъ хотя покорился, но, видя корону на головѣ Саксонца, питалъ досаду и злобу въ сердцѣ, и спустя немного времени опять явился противъ старинныхъ непріятелей съ оружіемъ въ рукахъ. Лотарій полагалъ найти прочную опору своей власти только въ ослабленіи Гогенштауфеновъ, и для того потребовалъ обратно выдачи многихъ помѣстій и владѣній, составлявшихъ наслѣдственное имѣніе Франконскихъ императоровъ, ибо, по его словамъ, онѣ принадлежали царству, а не были собственностію салическихъ фамилій. Такое требованіе было не безъ основанія; нѣкоторыя имѣнія точно составляли ленную собственность короны и не могли переходить по наслѣдству, по крайней мѣрѣ къ потомкамъ въ женской линіи, но въ разсужденіи большей части нельзя было доказать, что первоначально принадлежало государству и что было собственностію фамиліи. Герцогъ Фридрихъ отказалъ въ этой выдачѣ; вслѣдъ за симъ, съ нарушеніемъ всѣхъ формъ законовъ, его осудили, объявили лишеннымъ покровительства законовъ, и положили итти на него войною. Лотарій одинъ чувствовалъ себя слабымъ для такой борьбы, но успѣхъ казался почти несомнѣннымъ, если бы къ сѣверо-нѣмецкой арміи Короля еще пристали сильные совмѣстники Гогенштауфеновъ, въ южной Германіи, Цериигн и Вельфы, которыхъ роды, даже въ коренной землѣ Гогенштауфеновъ, въ Швабіи, имѣли богатыя владѣнія. Первые, старинный родъ Графовъ Брейсгауссскихъ,

при Бертольдѣ, которому Императрица Агнеса пожаловала Герцогство Каринтію (Ч. IV. стр. 303). пріобрѣли большую значительность чѣмъ прежде; знатность и слава Вельфовъ утверждались на основаніи еще болѣе давнемъ и прочномъ, и ежели сіи старѣйшія фамиліи по одной этой причинѣ съ завистію и недоброхотствомъ смотрѣли на новый, быстро возвышающійся родъ Гогенштауфеновъ, то въ продолжительныхъ войнахъ, которыя они вели между собою въ царствованіе Генриха IV, страсти сіи нашли обильную пищу. Еще памятно было то время, когда Саксы, Вельфы и Церинги за одно воевали противъ Императора и Гогенштауфеновъ. Однако потомъ распря кончилась миролюбиво. Вельфъ IV, Герцогъ Баварскій, какъ выше упомянуто, перешелъ къ Генриху (1095), и Генрихъ за то обѣщалъ сыну его, Вельфу V, наслѣдованіе въ герцогскомъ достоинствѣ. Около сего же времени (1097) и Бертольдъ Церингенскій, сынъ перваго Бертольда, управлявшаго нѣкоторое время Каринтіею, уступилъ Фридриху Гогенштауфену Герцогство Швабію, за обладаніе коимъ воевалъ съ нимъ непрерывно многіе годы, добывая этой земли сперва для своего тестя, анти-короля Рудольфа, потомъ для его сына, и напослѣдокъ, когда и этотъ умеръ (1092), для самаго себя. Въ вознагражденіе за уступку, онъ получилъ коронное староство (Reichsvogtei) надъ областію, отъ Цюриха до бургундской границы. Въ слѣдующее царствованіе, Церинги и Вельфы служили Императору вѣрно. Вельфу V (ум. 1120) наслѣдовалъ братъ его, Генрихъ Черный, и когда Фридрихъ Гогенштауфенъ женился на его сестрѣ Юдифи, родственныя связи, повидимому, утишили раздоръ, между двумя домами. При всемъ томъ, Королю удалось теперь опять раздѣлить ихъ. Генрихъ Черный умеръ въ 1126 году, и оставилъ Баварію сыну своему, Генриху Гордому, князю смѣлому и дальновидному. Лотарій предложилъ ему руку дочери своей Гертрудыі, единственнаго своего дѣтища, и Генрихъ тѣмъ менѣе противился лестному союзу, что Юдиѳь въ это время умерла. Отъ матери своей, Вульфиды, дочери Герцога Магнуса, онъ наслѣдовалъ уже часть биллунгенскихъ имѣній въ Саксоніи; теперь

открылись ему виды и на брауншвейгскія земли и другія наслѣдственныя владѣнія Короля, который вскорѣ пожаловалъ его даже Герцогствомъ Саксонскимъ. Лотарій въ жару страсти не видѣлъ, сколь опасно можетъ быть соединеніе двухъ сильныхъ герцогствъ подъ однимъ главою для власти императорской, и что онъ посредствомъ сей самой мѣры создалъ силу равную, даже большую той, какую хотѣлъ ниспровергнуть; или намѣреніе его было проложить такимъ образомъ молодому зятю путь къ императорскому престолу, потому что самъ онъ не имѣлъ потомковъ мужескаго пола. Послѣднее мнѣніе вѣроятнѣе. Столь обширный союзъ, скрѣпленный общими выгодами, семейными связями и милостями королевскими, къ которому присталъ и Конрадъ Церингенскій, сынъ Бертольдовъ, какъ скоро Лотарій пожаловалъ ему Графство Бургундское, такой союзъ, казалось, долженъ былъ подавить противную сторону. Однако братья Гогенштауфены (Герцогъ Конрадъ только-что возвратился изъ похода въ Палестину) оказали храброе сопротивленіе. Лотарій не могъ взять Нюренберга, который держалъ ихъ сторону. Конрадъ пошелъ въ Италію, и Миланъ, самый сильный и смѣлый городъ Ломбардіи, принялъ его съ радостію, какъ нѣкогда мятежнаго сына Генриха IV, ибо отъ князя, пришедшаго безъ императорскаго войска, можно было ожидать кроткаго владычества и помощи противъ притязаній Императора. Тамошній Архіепископъ Ансельмъ вѣнчалъ его въ короли (1128). Но такъ какъ другіе италіянскіе города потому именно противились Конраду, что Миланъ взялъ его сторону, а Генрихъ II произнесеніемъ церковнаго проклятія лишилъ его многихъ друзей и приверженцевъ, то онъ не могъ держаться въ Италіи, и въ слѣдующемъ же году возвратился въ Германію, гдѣ положеніе дѣлъ равномѣрно измѣнилось ко вреду Гогенштауфеновъ. Война противъ нихъ тогда же бы кончилась, еслибъ вниманіе Лотарія не отвлечено было на Италію.

По смерти Гонорія II (1130), несогласные Римляне поставили двухъ папъ, Иннокентія II и Анаклета II. Послѣдній, внукъ крещеннаго Еврея, имѣлъ на своей сторо-

нѣ римское дворянство и Норманновъ, которыхъ главному начальнику Рожеру II *) онъ далъ, или подтвердилъ титулъ Короля Сициліи; первому вспомоществовала партія императорскаго городскаго префекта, все еще находившагося въ Римѣ. Иннокентій долженъ былъ уступить. Онъ поѣхалъ лично во Францію, отправилъ пословъ въ Германію и былъ признанъ обоими Королями. Лотарій приглашалъ его для свиданія въ Люттихъ, и, находя случай благопріятнымъ, думалъ возвратить уступленныя при его вѣнчаніи права на жалованіе духовныхъ помѣстій; однако Папа, не смотря на затруднительность своего положенія, былъ столько остороженъ и краснорѣчивый аббатъ Клервальскій Бернгардъ поддерживалъ его такъ искусно, что Король не достигъ своей цѣли. Неудача сія, очевидно, произошла отъ собственной его вины, ибо онъ неблагоразумно призналъ Папу прежде, нежели объявилъ ему свои требованія. Папа даже посвятилъ Архіепископа Трирскаго, котораго Король не хотѣлъ принять въ число своихъ васалловъ.

Вскорѣ потомъ Лотарій предпринялъ походъ въ Римъ (1132), который кончился стольже неудачно. Онъ все еще былъ въ войнѣ съ обоими братьями Гогенштауфенами, и потому въ его дружинѣ недоставало большей части верхненѣмецкаго рыцарства, и жители Милана не впустили его въ свой городъ. На Равнинѣ Ронкалійской къ нему присоединился Папа, котораго онъ ввелъ въ Римъ, но не могъ оттуда выгнать антипапу. Обѣ партіи скопались теперь другъ противъ друга; изъ каждой церкви и каждаго дворца сдѣлано было укрѣпленіе, и катапульты стояли на кровлѣ Собора Святаго Петра. Такъ какъ сія церковь, равно Замокъ Св. Ангела и Затиберье, находились въ рукахъ Анаклетовой партіи, то вѣнчаніе Лотарія въ

---

*) Послѣ отца своего Рожера I, онъ, въ 1101 году, наслѣдовалъ господство надъ Сициліей, и такъ какъ 1127 года родъ Роберта Гискара вымеръ, то Рожеръ II соединилъ Сицилію съ Апуліею и Калабріею.

императоры, вопреки принятому обыкновенію, надлежало совершить въ Латеранской Церкви. Лотарій имѣлъ здѣсь прекрасный случай пріобрѣсти великія выгоды для королевской власти предъ духовною, еслибы принялъ роль судіи миротворца между воюющими папами. Но онъ не умѣлъ пользоваться благосклонностью судьбы, а средства, которыми онъ могъ располагать, были незначительны. Въ дружинѣ его находилось только 1500 рыцарей.

Споръ о Матильдиномъ наслѣдствѣ рѣшенъ былъ здѣсь такимъ образомъ, что Папа за ежегодную плату ста марокъ отдалъ оное въ ленъ сперва Императору, потомъ Герцогу Баварскому, но только по смерть ихъ. Папскій Дворъ воспользовался симъ обстоятельствомъ, чтобы показать Императора въ видѣ своего присяжника, ибо, спустя нѣсколько лѣтъ, въ Латеранѣ выставили картину, которая представляла Лотарія, преклоняющаго колѣни предъ Папою, и принимающаго отъ него не одну инвеституру на сіи владѣнія, но и всю корону.

Вскорѣ по вѣнчаніи своемъ, Лотарій пустился въ обратный путь и, прибывъ въ Германію, продолжалъ войну противъ Гогенштауфеновъ съ новымъ рвеніемъ. Зять его, Генрихъ, осадилъ Ульмъ, гдѣ были у нихъ главные запасы оружія, и превратилъ городъ въ пепелъ. Послѣ того оба брата, при посредствѣ Императрицы Рихенцы, искали мира. На сеймѣ въ Бамбергѣ (1135), Фридрихъ билъ челомъ Императору, а черезъ полгода и Конрадъ, въ Мюльгаузенѣ, отказался отъ королевскаго титла, и такимъ образомъ наконецъ прекратилась брань девятилѣтняя. Но намѣреніе, съ какимъ Императоръ предпринялъ ее, не было достигнуто; Гогенштауфены вышли изъ борьбы безъ существеннаго уменьшенія ихъ силы. Оба брата получили прощеніе, также освобожденіе отъ государственной опалы и церковнаго проклятія, большую часть салическихъ наслѣдственныхъ владѣній, только не на правахъ аллодіяльныхъ и ленныхъ, и должны были обѣщать, что они будутъ сопутствовать Императору на второмъ походѣ въ Италію, котораго требовала честь его. Антипапа Анаклетъ, съ помощью Норманновъ, снова усилился и совсѣмъ вы-

гналъ Иннокентія изъ Рима. Изгнанникъ уѣхалъ въ Пизу, постоянно преданную Императору.

Второй походъ Лотарія (1136) обѣщалъ успѣхи вѣрнѣйшіе. Миланцы въ этотъ разъ отворили свои ворота добровольно, Императоръ созвалъ Ломбардскій Сеймъ на Поля Ронкалійскія, рѣшилъ тяжбы, и 7 ноября издалъ постановленіе фротивъ продажи ленныхъ имѣній безъ согласія леннаго господина. Область непослушной Кремоны была опустошена, Туринъ и Павія должны были покориться; Піаченцу Императоръ взялъ приступомъ. Теперь только, когда все покорено было въ Верхней Италіи, Лотарій обратился на югъ. Въ Болоньѣ онъ раздѣлилъ свои силы (1137); Генрихъ Баварскій пошелъ черезъ Аппенины, завоевалъ Флоренцію, миновалъ Римъ, гдѣ Анаклетъ еще держался, и проникъ въ Капуу и Беневентъ, между тѣмъ какъ самъ Лотарій спускался внизъ по берегу Адріатическаго Моря. Владычество Рожера II въ Нижней Италіи было еще худо утверждено; съ самаго восшествія на престолъ онъ долженъ былъ вести почти непрерывную войну съ мятежными баронами и городами, которые въ послѣдніе годы поддерживаемы были Иннокентіемъ и Пизанцами. Сіи обстоятельства облегчили Нѣмцамъ завоеваніе. Генрихъ, взявъ и покоривъ Капуу и Беневентъ, при Бари опять соединился съ главною арміею. Мелфи и Салерно покорены были также, и Пизанцы разрушили своего совмѣстника въ торговлѣ и мореходствѣ, городъ Амалфи; съ того времени онъ никогда не могъ достигнуть прежняго своего блеска. Рожеръ бѣжалъ въ Сицилію; казалось, что власть Норманновъ на твердой землѣ Италіи рушилась. Но тутъ возникла распря между Иннокентіемъ, который не желалъ укорененія нѣмецкаго владычества въ Апуліи, и между Императоромъ, котораго верховную власть завоеванныя земли должны были признавать. Папа утверждалъ, что ему принадлежитъ поставленіе и жалованіе леномъ новыхъ князей Апуліи, по примѣру его предшественника Льва IX (Ч. IV стр. 301); поЛотарій выставлялъ на видъ давнишнюю зависимость сихъ земель отъ короны, и назвалъ требованіе Папскаго Прето-

ла посягательсвомъ и произвольнымъ вторженіемъ въ права императорскія. Нѣмецкіе воины, безъ того наскучившіе походомъ, досадовали на Папу, на кардиналовъ и на Трирскаго Архіепископа, его любимца, которому приписывали вину медленности въ дѣлахъ, и подняли жестокій бунтъ. Лотарій строгими мѣрами утишилъ возмущеніе, однако принужденъ былъ, оставивъ часть войска въ мѣстахъ укрѣпленныхъ, предпринять обратный походъ въ Германію. На семъ походѣ онъ еще разъ ввелъ Иннокентія II въ Римъ, и такимъ образомъ достигъ главной цѣли предпріятія, т. е. возстановилъ Папу и смирилъ Норманновъ. Однако еще въ Верхней Италіи онъ получилъ вѣсть, что Рожеръ въ Апуліи опять уже сдѣлалъ великіе успѣхи. Къ этому огорченію присоединилась болѣзнь, которая приключилась ему въ Тріентѣ, и на дорогѣ, между Инномъ и Лехомъ, въ хижинѣ селенія Брейтенванга пресѣкла дни его (3 декабря 1137). Онъ оставилъ по себѣ славу мужа праводушнаго и храбраго, который по мѣрѣ возможности облегчалъ бремя, падавшее на его подданныхъ; но онъ не имѣлъ дарованій, необходимыхъ для того, чтобы снова утвердить власть потрясеннаго престола.

Должно упомянуть еще о современникѣ и вѣрномъ васаллѣ Лотарія, храбромъ Албрехтѣ Медвѣдѣ (der Bär), Графѣ Балленштедскомъ, котораго Императоръ, за услуги, оказанныя имъ въ первомъ Италіянскомъ Походѣ, пожаловалъ Маркіею Сѣверо-Саксонскою, извѣстною также подъ именемъ маркіи Сольтведельской. Здѣсь, среди непрестанныхъ войнъ со Славянами, Албрехтъ находилъ пищу для своего воинственнаго духа и случай къ разширенію своихъ владѣній.

## 6. Конрадъ III.

## (1138 — 1152).

Генрихъ, Герцогъ Баварскій и Саксонскій, питалъ несомнѣнную надежду на полученіе престола, но обманулся въ своемъ ожиданіи. Какъ оба послѣдніе Франконскіе Им-

ператора возвышали Гогенштауфеновъ передъ непокорными Саксами; такъ Лотарій искалъ опоры для своей власти и своего государствованія въ Вельфахъ. Но именно столь чрезмѣрное усиленіе дома сего заставляло бояться владычества твердаго и рѣшительнаго, и это опасеніе прежде отвратило князей отъ Фридриха Швабскаго, ибо Герцогу Генриху достались теперь не только всѣ суплимбургскія наслѣдственныя владѣнія вмѣстѣ съ пріобрѣтеніями Лотарія, но и земли Матильдины, такъ что онъ могъ хвалиться, что повелѣваетъ отъ Моря Нѣмецкаго до Средиземнаго. Посему многіе обратили взоры свои на Конрада Гогенштауфена, который былъ не такъ силенъ, и въ послѣдніе годы предъидущаго царствованія пріобрѣлъ любовь кротостью и радушіемъ. Самъ Папа Иннокентій II, не смотря на важныя услуги, оказанныя ему Лотаріемъ, не желалъ короны его родственникамъ; онъ далъ легату своему въ Германіи повелѣніе дѣйствовать въ пользу Конрада, который не имѣлъ ни какихъ владѣній въ опасной близости къ Риму. И въ этотъ разъ духовное лице располагало дальнѣйшимъ ходомъ и рѣшеніемъ дѣла. Архіепископская каѳедра Майнца недавно упразднилась смертью Адалберта, новоизбранный Кельнскій Архіепископъ Арнольдъ еще не получилъ омофора. По этому вся сила заключалась въ Альберонѣ Трирскомъ. Хотя положено было общему избирательному сейму съѣхаться въ Майнцѣ къ Троицыну Дню (1138), однако, уже за три мѣсяца до срока, Альберонъ созвалъ приверженныхъ къ Гогенштауфенамъ въ Кобленцъ. Кромѣ духовныхъ лицъ, собрались только немногіе свѣтскіе князья изъ Швабіи, Франконіи и странъ при-рейнскихъ. Здѣсь Конрадъ былъ избранъ (22 февр.) и вскорѣ потомъ, въ Ахенѣ, папскимъ легатомъ вѣнчанъ (8 марта). Такимъ образомъ королевская власть въ Германіи перешла къ доблестному роду Гогенштауфеновъ, у котораго она, съ небольшимъ промежуткомъ, оставалась до 1254 года.

Избраніе совершено было не въ назначенное время, не въ обычномъ мѣстѣ, не племенами; подобно избранію Лотарія, оно было только дѣломъ партіи, но еще неправильнѣе, противузаконнѣе и недобросовѣстнѣе перваго. Не

такъ было встарину. Конрадъ I и Конрадъ II возведены были на престолъ общею волею Нѣмецкаго Народа. Саксы и другіе народы, не присутствовавшіе при выборѣ, позваны были на сеймъ въ Бамбергъ (къ Троицину Дню), чтобы принести присягу новому Королю. Нѣкоторые саксонскіе и баварскіе князья явились, но Генрихъ не пріѣзжалъ. Когда его пригласили на второе собраніе въ Регенсбургъ, онъ выдалъ однакожъ коронныя драгоцѣнности (die Reichskleinode,), бывшія въ рукахъ его, и надѣялся теперь утвержденія за собою всѣхъ земель и достоинствъ. Но вскорѣ онъ испыталъ противное. Конрадъ началъ дѣйствовать противъ Вельфовъ по системѣ, какую прежде Лотарій наблюдалъ противъ него и Герцога Фридриха. Его царствованіе есть подобіе и повтореніе предшествовавшаго, только положеніе партій измѣнилось, и сторона, подверженная тогда нападенію, стала теперь дѣйствовать наступательно. Въ Аугсбургѣ, гдѣ еще созванъ былъ сеймъ, Конрадъ объявилъ, что власть Генриха Гордаго слишкомъ велика для спокойствія Германіи, что, по древнему обычаю, ни одинъ князь не можетъ владѣть вдругъ двумя герцогствами, и что Король рѣшитъ, кому слѣдуетъ Герцогство Саксонія, на которое Албрехтъ Медвѣдь простиралъ виды. Между тѣмъ вооруженная дружина, съ которою пришелъ Герцогъ Генрихъ, была такъ велика, что Конрадъ не считалъ себя безопаснымъ въ Аугсбургѣ, и уѣхалъ въ Вирцбургъ, гдѣ произнесъ на него опалу, въ присутствіи немногихъ князей, не выслушавъ Генриха, и еще съ большимъ нарушеніемъ законныхъ обрядовъ, нежели какъ было при осужденіи Фридриха Швабскаго. Подобно Лотарію, Конрадъ не пропускалъ случаевъ усиливать себя союзами. Графъ Оттонъ Балленштедтскій, отецъ Албрехтовъ, имѣлъ въ супружествѣ Элику, старшую дочь Магнуса, Герцога Саксонскаго, и чрезъ нее получилъ во владѣніе половину биллунгенскаго родоваго имѣнія. По смерти Магнуса, онъ думалъ получить отъ Генриха V Герцогство Саксонію. Но его надежда не исполнилась, такъ же какъ надежда его сына Албрехта, въ послѣдствіи маркграфа Сѣверной Мархіи, (der Nordmark), кото-

рый, по возвращеніи Лотарія, ожидалъ себѣ лена Саксоніи. Албрехтъ рѣшился наконецъ добывать своего права силой и уже вступилъ съ войскомъ въ землю Саксовъ, когда Конрадъ, въ Госларѣ, дѣйствительно пожаловалъ ему сіе герцогство. Потомъ Генрихъ утратилъ и Герцогство Баварское, которое Король отдалъ своему сведенному брату по матери, Австрійскому Маркграфу Леопольду IV *). Это зажгло въ третій разъ войну между Вельфами и Гогенштауфенами **), которая имѣла весьма важное вліяніе на судьбу всей Германіи.

Общая зависть къ сильному Генриху способствовала успѣху мѣръ, принятыхъ противъ него, и баварскіе вельможи, не любившіе Герцога за его твердость и рѣшительность, безъ зазрѣнія совѣсти отъ него отлагались. Леопольдъ завоевалъ Регенсбургъ, прошелъ Баварію и покорилъ ее безъ большаго труда. Генрихъ бѣжалъ только съ четырьмя спутниками въ Саксонію. Здѣсь онъ нашелъ болѣе вѣрности, изгналъ Албрехта и опустошилъ наслѣдственныя его владѣнія. Тогда Король двинулся съ войскомъ сюда и расположился станомъ на Фульдѣ. Генрихъ стоялъ съ своими полками на Веррѣ. Между тѣмъ Альберону Трирскому удалось склонить противниковъ къ перемирію, и Генрихъ, еще до истеченія, умеръ скоропостижно (20 окт. 1139). Впрочемъ это событіе не прекратило войны. Генрихъ оставилъ десятилѣтняго сына. Генриха же; мать отрока, Гертруда (стр. 35), и бабка Рихенца (Ч. IV. стр. 350), жены разумныя, предпріимчивыя, уважаемыя Саксонцами, защищали Герцогство. Въ Баваріи Вельфъ VI Альторфъ, братъ Генриха Гордаго, объявилъ свои права на наслѣдство, и счастливо воевалъ

---

*) Агнеса, дочь Генриха IV и вдова Фридриха Гогенштауфена, перваго Герцога Швабскаго, въ 1106 году вышла замужъ за Леопольда III, Маркграфа Австрійскаго.

**) Ихъ называли также Гибеллинами, вѣроятно, по испорченному Италіянцами имени Вайблингенъ (Waiblingen), замка Гогенштауфеновъ въ Швабіи.

противъ Леопольда. Конрадъ опять прибылъ во Франконію и осаждалъ Вейнсбергъ долѣе четырехъ недѣль, когда Вельфъ среди зимы (1140, 21 янв.) подосп҃лъ на помощь городу. Здѣсь Вельфъ! здѣсь Вайблингенъ! было призывнымъ кликомъ къ битвѣ. Король выигралъ сраженіе, и когда городъ сдался, одн҃мъ женамъ и дѣвицамъ, въ немъ бывшимъ, позволено было выйти изъ него и взять съ собою, что он҃ могли нести на себѣ. Тогда жены подняли на плеча своихъ мужей, дѣвицы своихъ женіховъ, и съ этимъ бременемъ вышли. Племянникъ Короля, Фридрихъ Гогенштауфенъ, хотѣлъ тому воспрепятствовать, но Конрадъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Леопольдъ IV умеръ въ слѣдующемъ году, и Конрадъ пожаловалъ Герцогство Баварское брату покойнаго, Генриху, который отъ частаго употребленія клятвенныхъ словъ носитъ въ Исторіи странное прозвищеніе Язомирготтъ (Jasomirgott, Видитбогъ). Наскучивъ продолжительною войною, онъ въ то же время способствовалъ браку юнаго Генриха съ Гертрудою, вдовою Генриха Гордаго, которая, по этому случаю, согласилась отказаться отъ Баваріи (1142). За то Король возвратилъ Саксонію юному Генриху, сыну Гертрудину, и Албрехтъ Медвѣдь долженъ былъ довольствоваться отдѣленіемъ его Маркграфства отъ верховной власти Саксоніи и видами на распространеніе своего владычества между Славянами. Такимъ образомъ Конрадъ уже въ четыре года успѣлъ противъ непріязненнаго дома гораздо болѣе, нежели Лотарій противъ его дома въ девять лѣтъ, хотя Вельфъ VI и продолжалъ еще неутомимо войну за Баварію противъ Генриха Язомирготта.

Между тѣмъ, въ Италіи, Анаклетъ II умеръ (1138), а Иннокентій примирился съ Рожеромъ Сицилійскимъ, и призналъ его въ королевскомъ достоинствѣ. Но смуты, произведенныя въ Римѣ борьбою двухъ антипапъ, еще не кончились. Сбивчивое, смѣшанное понятіе о старинныхъ временахъ и отношеніяхъ, какое господствовало въ Средніе Вѣки, породило въ жителяхъ Рима странную мысль, что они могутъ возстановитъ древнюю Римскую Республику.

Мнѣнія сіи первоначально возбуждены были проповѣдями замѣчательнаго мужа, Арнольда Брешійскаго. Назначенный къ вступленію въ духовное званіе, и ревностно занимаясь изученіемъ Священнаго Писанія, онъ, по мнѣнію его, открылъ въ Евангеліи истинное значеніе и цѣль Церкви, и сравнивалъ изображенную въ немъ дѣятельность Апостоловъ и первыхъ христіанскихъ учителей со свѣтскою жизнію духовенства въ его время. Какъ высшее, міру не принадлежащее учрежденіе, Церковь хотѣла стать выше государства и властвовать надъ нимъ, но она столькоже предана была міру, какъ и послѣднее; священникамъ надлежало красоваться особенною святостію, а въ нихъ было стольже мало святости какъ и въ мірянахъ; они должны были отказаться отъ блеска и благъ міра, а жили въ великихъ почестяхъ, богатствѣ и изобиліи. Григорій VII думалъ помочь этому злу, расторгнувъ всякую связь духовныхъ особъ съ государствомъ. Его предначертанія въ существенныхъ пунктахъ имѣли успѣхи, но состояніе Церкви не улучшилось въ такой мѣрѣ. Арнольдъ Брешійскій яснѣе видѣлъ причину недуга, и считалъ за нужное дѣйствовать на его корень. Церковь, проповѣдовалъ онъ, должна отказаться отъ всякаго богатства, отъ всякаго обладанія имѣніемъ, отъ всѣхъ правъ державныхъ; они удаляютъ духовныхъ людей отъ ихъ званія, препятствуютъ чистотѣ ихъ жизни, ввергаютъ ихъ въ пороки и грѣхи, обременяютъ ихъ заботами чуждыми Христіанству. Впредь ни одинъ священникъ не долженъ имѣть собственности, ни одинъ епископъ не можетъ владѣть леномъ, всякое земное имущество принадлежитъ князьямъ и людямъ міра сего. Очищенная Церковь Христова живетъ приношеніями и десятиною вѣрующихъ. Это былъ совершенно новый взглядъ на положеніе Церкви; она должна господствовать надъ міромъ только внутреннею, духовною силою Христіанства, а не внѣшнимъ могуществомъ, основаннымъ на владѣніяхъ, правахъ, твердомъ порядкѣ и независимомъ положеніи ея членовъ и главы, какую власть старался доставить ей Григорій.

Арнольдъ нашелъ добрую и воспріимчивую почву

для своего ученія въ Верхней Италіи, гдѣ онъ началъ свою проповѣдь, и какъ пламенное краснорѣчіе его увлекало всѣхъ, такъ строгость его жизни служила подкрѣпленіемъ его словамъ. Продолжительный споръ объ инвеституръ возбудилъ умы къ изслѣдованію правъ Церкви и Государства. Ломбардскимъ городамъ, для которыхъ епископскія права (Ч. IV. стр. 288) служили главною помѣхою, всего желательнѣе было услышать, что духовное лице только незаконно можетъ пользоваться правами политическими. Другой пунктъ ученій Арнольда содержалъ въ себѣ еще важнѣйшія стихіи для непосредственнаго развитія отношеній въ Италіи. Онъ сравнивалъ городскія общины съ древними республиками, и какъ Ломбарды въ его понятіи о Церкви получили оправданіе своимъ долговременнымъ успѣхемъ, такъ теперь вдругъ увидѣли передъ своими взорами и блестящій идеалъ для стремленія еще безсознательнаго.

На бо льшомъ соборѣ, который въ 1139 году съѣхался въ Латеранѣ, Арнольдъ былъ обвиненъ. Онъ бѣжалъ за Альпы. Но слова его проникли въ самый Римъ. Народъ столпился въ Капитоліѣ, избралъ сенатъ, и объявилъ Папѣ, что его господство надъ городомъ кончилось. Иннокентій II и Целестинъ, его преемникъ, умерли среди этихъ смутъ (1143). Отъ Луція II жители Рима требовали, чтобы онъ передалъ всѣ имѣнія, доходы и свѣтскія права избранному ими патрицію. Съ вооруженною толпою Папа устремился на Капитолій. Онъ былъ отбитъ и умеръ отъ ранъ. Арнольдъ потомъ самъ явился въ Римъ, и сталъ въ челѣ народной партіи. Положено было вполнѣ возстановить древнее устройство государственное. Два консула долженствовали завѣдывать правленіемъ; сенатъ состоялъ изо ста человѣкъ. Равнымъ образомъ хотѣли снова учредить сословіе всадниковъ и народную силу. Избранный послѣ Луція Евгеній III (1145) долженъ былъ, отъ приверженности Римлянъ къ республикѣ, бѣжать во Францію; а они писали теперь Королю Конраду, что папы, злѣйшіе враги всѣхъ императоровъ, выгнаны ими изъ Рима; пусть онъ прійдетъ, и въ столицѣ міра господ-

ствуетъ самодержавіе, чѣмъ кто либо изъ его предковъ. Однако, по теоріи Арнольда, и власть императорская надъ Римомъ подлежала значительному ограниченію, и Конрадъ, очень хорошо зная непостоянство и мятежный духъ сего народа, не внялъ лестному его предложенію. Вмѣсто того онъ предпринялъ Крестовый Походъ въ Палестину, который не увѣнчался ни славою, ни успѣхомъ.

## 7. Святой Бернардъ.

### (Род. 1091, ум. 1153).

Вѣсть о печальномъ паденіи Эдессы распространила на Западѣ сильное уныніе и снова пробудила желаніе итти въ Святую Землю. Стараніями знаменитѣйшаго изъ всѣхъ тогда жившихъ духовныхъ, Святаго Бернарда, воодушевленіе это осуществилось. Бернардъ происходилъ отъ старинаго дворянскаго рода въ Фонтенъ (Fontaines), въ Бургундіи, недалеко отъ Дижона, имѣлъ живой, пылкій духъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и склонность къ уединенной, созерцательной жизни, что побудило его вступить въ монашеское званіе. Онъ не довольствовался собственнымъ, усерднымъ исполненіемъ иноческихъ обѣтовъ, но старался, сколько можно передать свою наклонность друзьямъ и сродникамъ; убѣжденія его подѣйствовали на многихъ. Свѣтъ дивился, видя множество молодыхъ и престарѣлыхъ людей, которые, по слову двадцати-трехлѣтняго юноши, отреклись отъ богатства, почестей и связей семейственныхъ. Бернардъ не избралъ ни одного изъ богатыхъ и знатныхъ монастырей, каковъ, напримѣръ, былъ Клюнійскій, котораго аббаты находились въ почетѣ у папъ и императоровъ, но поступилъ въ бѣдный монастырь Цистерцинскій (Cistercium, Cîteaux), лежавшій въ дикой глуши Герцогства Бургундскаго, и имѣвшій малое число братіи; убожество и чрезвычайная строгость устрашали многихъ. Уже въ первое время своего пребыванія здѣсь, онъ заслужилъ вниманіе и удивленіе своею дѣятельностію, сопряженною съ углубленіемъ въ самого себя,

равно какъ силою, съ какою онъ обуздывалъ свою чувственность. Слава его скоро привлекла многихъ въ Сито; монастырь не могъ вмѣщать увеличившагося числа иноковъ, возникли новыя обители, между ними Клервальская (Clairvaux, Claravallis), въ которой Бернардъ поставленъ былъ настоятелемъ (1115), въ короткое время пріобрѣла обширную извѣстность. Строгая жизнь аббата изнурила его тѣло; онъ походилъ на мертвеца; при всемъ томъ дѣятельность его была неутомима. Чтеніе и изслѣдованіе Священнаго Писанія было главнымъ его занятіемъ *), хотя онъ съ радостію и смиреніемъ принималъ участіе и въ обыкновенныхъ трудахъ рукъ. Его духъ и его примѣръ оживляли цѣлый монастырь. «Это, говоритъ одинъ современникъ, пустыня среди дремучихъ лѣсовъ, окруженная горами; спустившись съ горъ, очутишься въ долинѣ, наполненной людьми, гдѣ никто не можетъ оставаться въ праздности, каждый трудится и занятъ порученнымъ ему дѣломъ; днемъ находишь тамъ тишину ночи, прерываемую только шумомъ работающихъ и словословіями Богу. Сія тишина возбуждаетъ такое благоговѣніе въ проходящихъ мірянахъ, что они боятся говорить здѣсь о другихъ предметахъ кромѣ священныхъ.»

Еще при жизни Бернарда особенное почтеніе къ нему распространило вѣру, что онъ творитъ чудеса, и самъ онъ питалъ несомнѣнную надежду, что, при великихъ и святыхъ начинаніяхъ, Промыслъ подкрѣпитъ его чудодѣйственною силою. Люди всякаго состоянія приходили уви-

---

*) Въ Бесѣдахъ на Пѣснь Пѣсней Соломона, знаменитѣйшемъ твореніи его, онъ изъясняется такъ на счетъ пріобрѣтенія познаній въ наукахъ: Одни ищутъ знаній для того только, чтобы знать, и это есть безполезное любопытство; другіе познаніями желаютъ достигнуть извѣстности, и это суетная гордость; иные хотятъ продавать знаніе за деньги или доставать имъ пропитаніе, и это есть гнусное любостяжаніе. А ты учись для того, чтобы назидать и себя и другихъ. Въ первомъ состоитъ благочестіе, во второмъ христіанская любовь.

дѣть Бернарда, послушать его совѣтовъ и наставленій; даже буйная сила воинственныхъ рыцарей преклонялось могуществомъ духа, которое здѣсь на нихъ дѣйствовало въ невидной оболочкѣ. Съ знатнѣйшими духовными и свѣтскими лицами, внутри и внѣ Франціи, Бернардъ находился въ сношеніи; въ важнѣйшихъ дѣлахъ Церкви принималъ дѣятельное участіе, говорилъ противъ безпорядковъ, сподствующихъ пороковъ и злоупотребленій между духовенствомъ, съ карательною, безпощадною строгостью. За притѣсненныхъ и страждущихъ вступался онъ передъ вельможами, ходатайствуя объ нихъ и строго осуждая несправедливости, ими причиненныя; защищалъ независимость Церкви противъ властителей свѣтскихъ, и даже безбоязненно противорѣчилъ папамъ, когда они дѣйствовали не ко благу Церкви *). Въ споръ между Папами Анаклетомъ и Иннокентіемъ (выше, стр. 36) онъ былъ надежнѣйшею опорою послѣдняго. Его краснорѣчіе было причиною, что Иннокентія признали въ собраніи епископовъ, которое Французскій Король Лудовикъ VI созвалъ для рѣшенія сего вопроса. Онъ сопровождалъ Папу въ Люттихъ къ Королю Лотарію, потомъ въ Римъ, и вездѣ былъ ревностнымъ поборникомъ его дѣла.

Письма, въ которыхъ Король и Бароны Іерусалимскіе изображали свое бѣдственное положеніе по утратѣ Эдессы, выражали особенную надежду на удивительную храбрость французскихъ рыцарей, и возбудили въ нихъ ревностную готовность оправдать такія ожиданія. Многіе, тревожимые совѣстью за содѣянные ими грѣхи, рѣшились очистить себя храбрымъ ратоборствомъ за дѣло Божіе. Къ этому числу принадлежалъ и Французскій Король Лудовикъ VII. Онъ, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, воевалъ съ вассаломъ своимъ Тибо (Thibaut), Графомъ Шампанскимъ и Блуаскимъ, братомъ Англійскаго Короля Стефана (см. ниже), и взялъ приступомъ Витри; при семъ случаѣ воины его сожгли церковь, въ которой погибло

*) Neander, der heilige Bernhard und sein Zeitalter. Abſchnitt 1.

тысяча триста человѣкъ. За это онъ жестоко упрекалъ себя, и радъ былъ случаю загладить вину походомъ въ Святую Землю. Бернардъ спрошенъ былъ о совѣтѣ, но не хотѣлъ рѣшить безъ Папы. Евгеній III отвѣтствовалъ изъявленіемъ согласія, и далъ Бернарду порученіе проповѣдовать крестъ. Можно представить себѣ, съ какимъ жаромъ благочестивый инокъ принялъ на себя сію должность, съ какимъ усердіемъ старался онъ ее исполнить. На многочисленномъ собраніи въ Везелеѣ — о Святой Недѣлѣ 1146 года — Король Лудовикъ принялъ крестъ, съ нимъ его супруга, братъ, многіе графы, епископы и дворяне. Бернардъ раздавалъ и бросалъ кресты, и когда заготовленныхъ недостало, то онъ изрѣзалъ собственную свою одежду на крестовые знаки. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ опять пронеслось по всей Франціи, подобно бѣглому огню, старинное слово « Богу такъ угодно! » и Бернардъ вскорѣ могъ донести Папѣ о благословенномъ дѣйствіи своихъ проповѣдей. Въ то же время онъ увѣщевалъ Нѣмцевъ сильными и настоятельными письмами, чтобы они не отставали.

Между сими послѣдними явился проповѣдникомъ креста, въ странахъ рейнскихъ, монахъ Радульфъ. Онъ воспламенилъ ярость народа противъ Евреевъ, изъ которыхъ многіе умерщвлены были съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ; наконецъ, Король Конрадъ остановилъ злодѣйства. Бернардъ, въ письмѣ къ Майнцскому Архіепископу Генриху, отозвался на счетъ сего съ великимъ негодованіемъ. «Церковь, пишетъ онъ, не славнѣйшую ли одерживаетъ побѣду надъ Евреями, ежедневно ихъ опровергая или обращая, нежели истребивъ всѣхъ ихъ въ одинъ разъ мечемъ? Ужели суетна всеобщая молитва Церкви, отъ востока солнца до запада возносимая за невѣрующихъ Іудеевъ, чтобы Господь Богъ снялъ покровъ съ сердца ихъ, чтобы привелъ ихъ отъ мрака заблужденія къ свѣту истины? Ибо безъ упованія, что невѣрующіе нѣкогда обратятся къ Вѣрѣ, кажется излишне и безполезно было бы за нихъ молиться.»

Король Конрадъ III уже прежде былъ въ Палестинѣ (стр. 36), и показывалъ мало охоты къ вторичному крестовому походу. Бернардъ прибылъ въ Германію, и лич-

ныя представленія его сначала, по видимому, не дѣйствовали на Короля. Но когда въ Шпейерѣ, послѣ обѣдни, онъ внезапно произнесъ сильную рѣчь къ Конраду; упомянулъ, какія благодѣянія полученны имъ отъ Бога, сокровища, богатство, верховная и свѣтская власть и прекрасные дары души и тѣла, и за которые теперь не хочетъ изъявить признательности, напомнилъ ему о страшномъ судѣ и о строгомъ отчетѣ, какого Богъ потребуетъ отъ него послѣ такой неблагодарности; тогда благочестивый Король со слезами на глазахъ воскликнулъ: «Такъ, признаю великія благодѣянія Божіи, и не хочу долѣе оставаться неблагодарнымъ. Готовъ служить Ему, ибо Онъ Самъ меня къ тому призываетъ.» Немедленно Бернардъ назнаменовалъ его крестомъ, и вручилъ ему знамя, какъ побѣдную хоругвь противъ невѣрныхъ. Его примѣръ воспламенилъ многихъ нѣмецкихъ князей и вельможъ, даже стариннаго противника его Вельфа VI, и цвѣтъ нѣмецкаго юношества: они послѣдовали за нимъ въ Обѣтованную Землю.

## 8. Второй Крестовый Походъ.

### (1147—1149).

Весною 1147 года, блистательное и многочисленное воинство нѣмецкое (въ немъ считали семьдесятъ тысячъ тяжело вооруженныхъ всадниковъ, кромѣ легкой конницы и пѣхоты) покинуло родину, и пошло черезъ Венгрію и Греческую Имперію. Здѣсь опять возникли прежнія распри. Греки подозрѣвали пришлецовъ въ худыхъ намѣреніяхъ, обманывали ихъ при продажѣ съѣстныхъ припасовъ, и дѣлали имъ другія затрудненія, между тѣмъ Нѣмцы брали силою то, что казалось имъ очень дорого, или на что у нихъ совсѣмъ не было денегъ. Послѣ разныхъ неудовольствій и кровавыхъ распрей, войско переправилось въ Азію. Тамъ произошелъ споръ, какую избрать дорогу, кратчайшую ли, но опаснѣйшую на Иконій, или должайшую, но болѣе безопасную вдоль морскаго берега. Конрадъ предпочелъ первую.

Вскорѣ Нѣмцы имѣли причину жаловаться еще на злѣйшее коварство Грековъ, нежели въ Европѣ. Ихъ не впускали въ города; съѣстные припасы или совсѣмъ не доставлялись, или за большія деньги спускаемы были со стѣнъ на веревкахъ, но уплатѣ денегъ впередъ; нѣкоторые, даже получивъ деньги, не спускали веревки, и смѣялись надъ громкими жалобами, исторгаемыми голодомъ. Говорили, что злодѣи примѣшивали известь въ пищу, и тѣмъ отравили многихъ крестоносцевъ. Войско болѣе и болѣе подвигалось въ глубь страны, но Иконій не показывался, и воины роптали на греческихъ проводниковъ. Но какъ великъ былъ ихъ страхъ, когда проводники сіи въ одно утро исчезли! Они завели Нѣмцевъ въ такое мѣсто, гдѣ имъ надлежало впасть въ руки Сельджуковъ, которые подкупили проводниковъ, или, какъ другіе утверждаютъ, самъ Греческій Императоръ Эммануилъ предписалъ сіе вѣроломство. Вожди еще заняты были совѣщаніемъ, какъ выйти изъ пустой, безводной степи, когда нагряНули несмѣтныя полчища турецкихъ всадниковъ. Они могли воспользоваться здѣсь въ полной мѣрѣ всѣми выгодами обыкновенной своей тактики. Въ нѣсколько дней войско нѣмецкое почти все погибло отъ безпрестанныхъ нападеній бодраго и легкоподвижнаго непріятеля; едва десятая часть спаслась бѣгствомъ, въ томъ числѣ Король Конрадъ. Онъ отправился въ Византію, гдѣ Императоръ принялъ его дружелюбно. Недовѣрчивость и зависть Грековъ были такъ велики, что для нихъ гораздо пріятнѣе было видѣть союзника разбитаго, лишеннаго войска, нежели вождя многочисленныхъ полковъ, шедшихъ противъ общаго, непримиримаго врага.

И Французы имѣли не болѣе успѣха. Въ числѣ шестидесяти тысячъ они пошли въ Грецію, тою же дорогою, и тамъ должны были бороться почти съ такими же трудностями. Въ окрестностяхъ Никеи они встрѣтили остатокъ разбитаго нѣмецкаго воинства, и для избѣжанія подобныхъ опасностей, Лудовикъ избралъ дорогу черезъ Смирну на Эфесъ. Едва они перешли Меандръ, явились Турки, внезапно напали на одну часть раздѣленнаго вой-

ска и многихъ побили. Остальные достигли Аттален, приморскаго города въ Памфиліи, откуда Король, съ малочисленною дружиною, отплылъ въ Антіохію; другихъ странниковъ Греки, согласно заключенному договору, должны были доставить туда же сухимъ путемъ. Но, вмѣсто того чтобы исполнить свое слово, они предавали несчастныхъ крестоносцевъ Туркамъ, грабили ихъ, ввергали въ тѣсныя, мрачныя жилища, и оставляли на жертву голоду и язвѣ. Многія тысячи, въ жестокой крайности, добровольно отдались въ плѣнъ Туркамъ, и нашли у нихъ болѣе человѣколюбія, нежели у своихъ единовѣрцевъ.

Короли Нѣмецкій и Французскій съѣхались въ Іерусалимѣ, и когда къ нимъ еще прибыло нѣсколько дружинъ, они съ Королемъ Балдуиномъ III пошли на осаду Дамаска (1148). Сіе предпріятіе остановлено было вѣроломнымъ совѣтомъ Восточныхъ Христіанъ; нѣкоторые изъ нихъ не устыдились взять золото отъ Мусульманъ, что бы содѣйствовать снятію осады. Огорченные сими печальными опытами, короли западные возвратились въ свои государства (1149).

Здѣсь поднялся громкій ропотъ на Аббата Бернарда за то, что онъ съ такою увѣренностью предсказывалъ счастливый успѣхъ, и тѣмъ вовлекъ въ погибель многія тысячи. Бернардъ самъ чувствовалъ глубокое прискорбіе, и оправдывался, приписывая неудачу крестоваго похода, предпринятаго во славу Божію, порокамъ и беззаконіямъ князей и рыцарей, которые, по своей жизни, не были достойны служить орудіями Божеству. Въ посланіи къ Папѣ Евгенію онъ приводилъ въ примѣръ Моисея, который не ввелъ, строптиваго и непокорнаго заповѣдямъ Божіимъ, Народа Іудейскаго въ Обѣтованную Землю, хотя онъ во всемъ поступалъ по Божію велѣнію. «Для меня, прибавилъ онъ, ничего не значитъ быть судиму тѣми, которые называютъ добро зломъ и зло добромъ, свѣтъ превращаютъ въ тму, а тму въ свѣтъ. Если одно изъ двухъ золъ неизбѣжно, то я лучше хочу, чтобы люди роптали на меня, нежели на Бога.»

Конрадъ III, вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ Палестины, видѣлъ кончину сына своего, Генриха (1150), уже въ 1147 году избраннаго въ преемники престола, а спустя два года, 15 февраля 1152, смерть постигла его самого въ Бамбергѣ, въ то время когда онъ готовился ѣхать въ Римъ; почему онъ и не носилъ титла императорскаго. Онъ заслужилъ славу правителя разумнаго и мужественнаго, хотя и не могъ искоренить многихъ безпорядковъ, господствовавшихъ въ Германской Имперіи.

## 9. Императоръ Фридрихъ I (Барбаросса).

### (Царств. 1152 — 1190).

Король Конрадъ III, на смертномъ одрѣ, самъ вручилъ государственныя регаліи (клейноды) племяннику своему, Фридриху Швабскому, и тѣмъ выразилъ желаніе видѣть его королемъ, ибо собственный сынъ его, оставшійся въ живыхъ, Фридрихъ, былъ еще отрокомъ. Герцогъ Швабскій, тогда лѣтъ тридцати отъ роду, въ послѣднемъ Крестовомъ Походѣ и при другихъ случаяхъ, явилъ опыты великихъ и рѣдкихъ свойствъ душевныхъ; отъ него надѣялись также, что онъ, будучи по отцѣ Гогенштауфеномъ, и по матери Юдиѳи, дочери Баварскаго Герцога Генриха Чернаго, потомкомъ Вельфовъ, примиритъ оба враждебные рода. Такимъ образомъ, полное собраніе князей во Франкфуртѣ на Майнѣ избрало его (4 марта 1152) при громкихъ, радостныхъ кликахъ стекшагося изо всѣхъ странъ многочисленнаго народа. Коронованіе совершилось 10 марта въ Аахенскомъ Соборѣ.

Фридрихъ I есть одинъ изъ величайшихъ государей Среднихъ Вѣковъ, и послѣ него никто не владѣлъ мечемъ императорскимъ съ такою силою. Первымъ блистательнымъ дѣломъ его было рѣшеніе спора за престолъ между двумя Датскими Принцами, Свеномъ и Канутомъ, которые, въ 1152 году, явились на сеймъ въ Мерзебургѣ. Онъ самъ возложилъ на послѣдняго корону, и взялъ съ него ленную присягу. Другой получилъ въ вознагражденіе земли.

Главное вниманіе свое Фридрихъ обратилъ на Ита-

лію, которой отношенія къ нѣмецкимъ государямъ были весьма запутанны и затруднительны. Въ теченіе нашего повѣствованія показано было, какимъ образомъ, благодаря политикѣ Оттоновъ (Ч. IV. стр. 288), общины вольныхъ гражданъ, съ ленными данниками и служебными людьми, соединились подъ властію духовныхъ сановниковъ. Если сей царственный Домъ такою мѣрою положилъ основаніе вольности городовъ италіянскихъ, то при Салійцахъ она достигла полнаго развитія. Лишь только епископы обнаружили стремленіе сдѣлаться господами тѣхъ, надъ которыми они имѣли только права графовъ и ленныхъ владѣтелей, Конрадъ II вступился за вальвассоровъ и вольныхъ гражданъ, и объявилъ ленныя имѣнія первыхъ наслѣдственными (Ч. IV. стр. 294). Это былъ чрезвычайно важный шагъ, ибо духовные предстоятели оттого лишились почти всякаго непосредственнаго вліянія на сіе сословіе, и постепенно принуждены были покупать его содѣйствіе и покорность. Преемникъ Конрадовъ, Генрихъ III, не закономъ, а произволомъ, съ какимъ онъ ставилъ и отрѣшалъ епископовъ, еще болѣе ослабилъ власть ихъ въ Италіи. Освобожденіе городовъ довершено было во время споровъ объ инвеституръ. Тогда обѣ стороны назначали епископовъ и вицеграфовъ, которые, для полученія признанія города, наперерывъ дарили или продавали одно право за другимъ. Многое въ смутныхъ обстоятельствахъ взято было также силою, и нѣкоторыя мѣста совсѣмъ уже не принимали къ себѣ старосты отъ епископа. Такимъ образомъ, въ первой четверти двѣнадцатаго вѣка, мы видимъ городовыя общины изъятыми отъ власти епископовъ, и свѣтскія владѣнія, въ которыхъ маркграфы или герцоги имѣли еще права державныя, усильно домогались такой же свободы. Собраніе засѣдателей (Ч. IV. стр. 289) могло теперь сходиться безъ духовнаго сановника, присвоило себѣ управленіе своими дѣлами, и отселѣ называлось городовымъ совѣтомъ (consilium). Для завѣдыванія текущими дѣлами, члены совѣта избирали изъ среды своей консуловъ въ наличномъ числѣ.

Выше было уже показано, какое дѣйствіе произвели

на весь этотъ бытъ проповѣди Арнольда Брешійскаго. Въ самомъ дѣлѣ, городамъ Верхней и Средней Италіи стоило только еще свергнуть верховную власть императора, чтобы вполнѣ сдѣлаться республиками. Въ тѣ вѣки нигдѣ еще не было ясныхъ и твердыхъ постановленій объ отношеніи государей къ ихъ народамъ, и требованіямъ съ обѣихъ сторонъ весьма часто оказывалось противорѣчіе, ибо право на нихъ было оспориваемо. Оттонъ I пріобрѣлъ державныя права за Альпами, но теперь иноземные государи въ Италіи пользовались только тѣнію сихъ правъ, и такъ какъ короли нѣмецкіе, отчасти удерживаемые смутами въ собственномъ своемъ отечествѣ, отчасти стѣсняемые тогдашнимъ военнымъ устройствомъ, въ послѣднія сто лѣтъ почти никогда не могли придать сильнаго вѣса своимъ притязаніямъ, то духъ непокорности возрасталъ болѣе и болѣе отъ увѣренности, что могущество короля незначительно по причинѣ его отдаленности, и столь же недостаточно для обузданія своевоалія, какъ и для оказанія защиты притѣсненному. Такимъ образомъ въ городахъ Ломбардіи, гдѣ народонаселеніе, богатство, сила, воинственный духъ гражданъ и гордость республиканская возрасли въ одинаковой мѣрѣ, новопріобрѣтенная независимость утвердилась уже до такой степени, что само имперское дворянство не въ состояніи было противиться сей возрастающей силѣ, признало свою зависимость отъ нея, и искало права гражданства.

Между тѣмъ какъ въ Германіи происходила борьба Гогенштауфеновъ съ Вельфами, италіянскіе города имѣли довольно времени, чтобы присвоить себѣ всѣ возможныя регаліи (коронныя права), и мы видѣли уже какое непослушаніе Лотарій встрѣчалъ на своихъ походахъ въ тѣхъ странахъ. Фридрихъ чувствовалъ себя въ силахъ бороться противъ этой строптивости, и горѣлъ желаніемъ доставить новое уваженіе правамъ королевскимъ, которыя тамъ пріобрѣтены были его предшественниками, тѣмъ болѣе что онъ, по понятіямъ своего времени, смѣшивалъ нѣмецкихъ королей, провозглашенныхъ въ Римѣ императорами, съ древними обладателями вселенной.

Уже 1152 года, на сеймѣ въ Вирцбургѣ, Фридрихъ обязалъ нѣмецкихъ князей участвовать въ римскомъ походѣ. Однако дѣло сіе предпринято было не прежде какъ въ 1154 году. Съ войскомъ, не очень многолюднымъ, герой германскій явился на поляхъ ронкалійскихъ, и созвалъ выборныхъ отъ городовъ италіянскихъ и всѣхъ васалловъ для обыкновеннаго сейма. Потомъ, направилъ онъ свое шествіе на Піемонтъ. Здѣсь испыталъ онъ уже италіянскую недобросовѣстность: миланскіе вожатые вели его по такимъ странамъ, гдѣ вовсе нельзя было найти съѣстныхъ припасовъ. Два города, Кіери и Асти, оказавшіе неповиновеніе своимъ владѣтелямъ, Маркграфу Монферратскому и Епископу Астскому, и презрѣвшіе императорское приглашеніе на судъ, были разграблены и преданы огню. При приближеніи Фридриха, всѣ жители разбѣжались. Вскорѣ потомъ послы павійскіе явились въ германскомъ станѣ, и принесли жалобу на Тортону, которая, въ союзѣ съ надменнымъ Миланомъ, тревожила ихъ область и опустошала ихъ поля. Когда граждане Тортоны, послѣ многократнаго зова, не явились, Король подступилъ къ городу, и по двухмѣсячной осадѣ взялъ его; но онъ не отважился напасть на Миланъ. Граждане Павіи ввели Фридриха съ торжествомъ въ свой городъ. Здѣсь, въ древней столицѣ Ломбардскаго Царства, онъ, въ третье воскресенье по Пасхѣ 1155 года, принялъ желѣзную корону Италіи изъ рукъ епископа, и трехдневный праздникъ ознаменовалъ сіе радостное событіе.

Потомъ онъ быстро пошелъ на Римъ. На папскомъ престолѣ сидѣлъ Адріанъ IV (1154—1159). Не задолго до того ему удалось возвратиться въ свою столицу. Онъ произнесъ проклятіе на Римлянъ, и страхомъ, слѣдовавшимъ за клятвою, доставилъ перевѣсъ своей партіи. Арнольдъ Брешійскій нашелъ пристанище у дворянъ Кампаніи. Отъ Фридриха, какъ покровителя Церкви, Папа требовалъ теперь защиты противъ непокорныхъ Римлянъ и выдачи Арнольда, по той причинѣ, что ему одному приличествовало судить преступниковъ противъ Церкви. Король, въ глазахъ котораго явленіе Арнольда вообще не имѣ-

ло никакаго значенія, не усомнился исполнить сіе требованіе. Онъ получилъ еретика въ свои руки и послалъ его въ Римъ. Въ ту же самую ночь городской префектъ велѣлъ казнить его на лобномъ мѣстѣ, передъ Воротами Porta del Popolo. Пламя костра уже потухло, когда Римляне прибѣжали спасать несчастнаго. Но и это доказательство дружбы и преданности не удовольствовало Папы, и Адріанъ привѣтствовалъ своего гостя, въ станѣ его подъ Сутри, тогда только, когда Фридрихъ далъ клятву, что не сдѣлаетъ никакого вреда ни Папѣ, ни кардиналамъ, напротивъ, будетъ всѣхъ охранять и защищать. Между ими недовѣрчивость была такъ велика, что незначительное обстоятельство опять разстроило доброе согласіе. Фридрихъ, по принятому обычаю, вышелъ на встрѣчу посѣтителю, но не держалъ ему стремени, и безъ околичностей ввелъ его въ свой шатеръ. Адріанъ жаловался на такое несоблюденіе обряда и не хотѣлъ дать ему лобзанія мира: «ты не оказалъ мнѣ, говорилъ онъ, обыкновенной и должной почести, которую твои предки, благочестивые императоры, оказывали нашимъ предкамъ, Римскимъ Папамъ, изъ уваженія къ Апостоламъ Петру и Павлу, и я не допущу тебя къ лобзанію мира, доколѣ не сдѣлаешь мнѣ удовлетворенія.» Фридрихъ извинялся незнаніемъ, размыслилъ о дѣлѣ со своими приверженцами, и, наконецъ, по убѣжденію князей, согласился держать стремя.

Потомъ Римляне подали съ своей стороны причину къ новымъ распрямъ. Они отправили къ Императору пословъ, которые, въ высокопарныхъ словахъ, предложили ему дерзкія требованія. Наговоривъ многое о своей готовности дать корону Фридриху, и возвести его въ императоры вселенной; разсказавъ, какимъ образомъ неодолимыя силы Рима долгое время дремали, а теперь сенатъ и рыцари, трибуны и капитолій возстановлены снова, они требовали признанія ихъ древнихъ законовъ и новыхъ учрежденій, уплаты пяти тысячъ фунтовъ серебра, и клятвеннаго обѣщанія, что все это будетъ исполнено. Фридрихъ въ гнѣвѣ прервалъ ихъ. «Не могу, сказалъ

онъ, довольно надивиться, что ваши рѣчи ни сколько не заключаютъ въ себѣ хваленой старинной мудрости римской, что онѣ наполнены одною безтолковою напыщенностію и нелѣпыми притязаніями. Напрасно превозносите вы прежнее достоинство и величіе Рима; не только господство перешло къ Нѣмцамъ, но и добродѣтели. Потому нѣмецкіе короли управляютъ вами, потому и нѣмецкіе князя совѣщаются за васъ, потому нѣмецкіе витязи ратуютъ за васъ. Я пришелъ не получить отъ васъ что либо, но спасти васъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ раздоровъ; я пришелъ какъ счастливый къ злополучнымъ, сильный къ слабымъ, мужественный къ малодушнымъ, спокойный къ обуреваемымъ бѣдствіями.» Съ такимъ же достоинствомъ онъ изъяснилъ имъ непристойность ихъ требованій, послѣ чего послы въ страхѣ удалились. Ночью Фридрихъ, съ согласія папской партіи, велѣлъ тысячѣ воиновъ тихо вступить въ городъ и занять соборъ Св. Петра. На разсвѣтѣ онъ самъ послѣдовалъ за ними (18 іюня 1155), былъ вѣнчанъ, и того же дня возвратился въ станъ за воротами. Смѣлые Римляне послѣ того, въ самомъ дѣлѣ, напали на Нѣмцевъ въ ихъ станѣ, и были отбиты не прежде какъ по кровопролитномъ сраженіи, при чемъ Генрихъ Левъ, Саксонскій Герцогъ, оказалъ особенную храбрость.

Фридрихъ охотно продолжалъ бы свой походъ въ Верхнюю Италію, чтобы утвердить права короны на Апулію, но нездоровый воздухъ въ италіянскихъ городахъ причинилъ столько болѣзней въ войскѣ, что остановилъ его дѣйствія. Притомъ время службы князей миновало, и надлежало думать о возвращеніи. Передъ тѣмъ еще наказанъ былъ Сполето; граждане его заплатили только часть наложенной на нихъ подати, и ту фальшивою монетою, и, въ надеждѣ на свои крѣпкія стѣны, взяли въ плѣнъ посла императорскаго.

Еслибы стремленіе италіянскихъ городовъ къ пріобрѣтенію внутренней свободы и независимости отъ чуждой власти, въ дѣлахъ внѣшнихъ, было плодомъ всеобщаго, народнаго чувства; еслибы всѣ съ жаромъ дѣйствовали для достиженія одной великой цѣли, и тогда, безъ со-

мнѣнія, одержали побѣду болѣе рѣшительную: то мы еще менѣе могли бы отказать имъ въ справедливости, да и теперь не можемъ не признать законности ихъ сопротивленія. Но властолюбіе и взаимная зависть городовъ воспрепятствовали согласному дѣйствію, и духъ партій, преданныхъ папѣ или императору, оказывалъ и здѣсь сильное вліяніе, смотря потому, какая сторона побѣждала въ томъ или другомъ мѣстѣ; хотя, въ самомъ дѣлѣ, каждый городъ домогался одной и той же свободы. Главами папской и императорской партіи можно считать въ Ломбардіи Миланъ и Павію, въ Тосканѣ Лукку и Пизу, въ Веронской Мархіи Верону и Падуу. При такомъ разобщеніи, порывы любви къ отечеству и независимости часто должны были принимать ненавистный характеръ коварства и злобы. Такимъ образомъ, граждане Вероны покушались истребить проходившее мимо ихъ города, весьма слабое, войско императорское, сперва при переходѣ чрезъ Адижъ по непрочному мосту, потомъ засадою въ долинѣ сей рѣки, гдѣ хорошо укрѣпленный замокъ преграждалъ дальнѣйшій путь на Тріентъ. Но смѣлый Пфальцграфъ Баварскій, Оттонъ Виттельсбахъ, съ двумя стами человѣкъ, взобрался на лежащую выше замка скалу и оттуда открылъ себѣ входъ въ крѣпость. Защитники ея были изрублены или погибли на бѣгствѣ.

Возвратившись въ Германію, Фридрихъ I держалъ императорскій скипетръ со всею силою могущественнѣйшихъ предковъ своихъ. Въ началѣ 1156 года, мы видимъ его на сеймѣ въ Веронѣ. Здѣсь Майнцскій Архіепископъ Арнольдъ и Рейнскій Пфальцграфъ Германъ потребованы были къ отвѣту за кровопролитное и опустошительное междоусобіе, и приговорены къ давно небывалому наказанію — нести собакъ. Пфальцграфъ и десять другихъ графовъ, помогавшихъ ему, въ самомъ дѣлѣ тащили на спинѣ каждый свою собаку на протяженіи мили; архіепископъ, изъ уваженія къ его лѣтамъ и званію, избавленъ былъ отъ наказанія. Изъ Вормса Императоръ прошелъ вдоль по Рейну, и разорилъ множество разбойничьихъ замковъ. Осенью того же года онъ присутствовалъ на

сеймѣ въ Регенсбургѣ, гдѣ наконецъ прекратилъ долгоменную распрю между Генрихомъ Львомъ и Генрихомъ Язомирготтомъ. Первый еще при Королѣ Конрадѣ опять домогался Баваріи, не считая обязательнымъ договора, заключеннаго во время его малолѣтства (выше стр. 44). Фридрихъ, вступивъ на престолъ, имѣлъ въ виду дѣла важнѣйшія, и не хотѣлъ, подобно обоимъ предшественникамъ своимъ, тратить время и силы Имперіи на борьбу съ непріязненнымъ домомъ. Онъ хотѣлъ лучше видѣть въ Вельфахъ сильныхъ друзей, нежели враговъ, и благопріятствовалъ Герцогу Саксонскому. Однако Генрихъ Австрійскій долго не хотѣлъ слышать объ уступкѣ Баваріи, наконецъ Фридрихъ склонилъ его къ тому. Въ вознагражденіе за сію жертву, онъ возвысилъ его маркграфство Австрію, со включеніемъ земли по Энсъ, на степень герцогства съ большими преимуществами. Вопреки тогдашнему правилу, оно долженствовало быть наслѣдственнымъ въ мужеской и женской линіи, и даже, еслибы всѣ наслѣдники вымерли, послѣдній владѣтель могъ располагать имъ по произволу.

Еще до этого сейма, Императоръ праздновалъ въ Вирцбургѣ свое второе бракосочетаніе съ Беатрисою, наслѣдницею Графства Бургундскаго. На бывшемъ тамъ сеймѣ положено было воевать съ Польскимъ Герцогомъ Болеславомъ IV, который изгналъ брата своего Владислава. Въ слѣдующемъ 1154 году, Болеславъ оружіемъ Императора доведенъ былъ до того, что обѣщалъ возвратить изгнанному брату отнятыя у него земли, заплатить Императору двѣ тысячи марокъ, князьямъ тысячу, ленному приказу (dem Lehnshofe) двѣсти марокъ серебромъ, а Императрицѣ сорокъ марокъ золотомъ, и представилъ заложниковъ. Вѣроломный Герцогъ въ послѣдствіи не исполнилъ почти ни одного изъ сихъ обязательствъ. Храброму и умному Герцогу Богемскому Владиславу II, за услуги, оказанныя имъ въ польской войнѣ, Фридрихъ пожаловалъ королевское достоинство.

Имперія и Императоръ пользовались въ то время самою блистательною славою. Въ сентябрѣ 1157 года, на

сеймѣ въ Вирцбургѣ, кромѣ нѣмецкихъ князей и прелатовъ, явились послы изъ Италіи, Франціи, Бургундіи, Даніи, Испаніи, Англіи и Греціи; въ октябрѣ, всѣ вельможи бургундскіе покорились въ Безансонѣ; вліяніе Императора опять простерлось на оставленную безъ вниманія Арелатскую Область. Англійскій Король Генрихъ II, посылая къ Императору богатые дары, писалъ: «Англію и все, что принадлежитъ къ нашей державѣ, мы предлагаемъ тебѣ, чтобы все происходило по твоему мановенію. Да будетъ между нашими народами согласіе и твердая дружба, впрочемъ такъ, чтобы право повелѣвать оставалось за тобою какъ старѣйшимъ, а у насъ не будетъ недостатка въ охотномъ повиновеніи.»

Но въ Италіи власть Императора была явно презираема. Особенно жители Милана оказали самую дерзкую строптивость. При ихъ покровительствѣ и пособіи, Тортона опять была возстановлена; они требовали присяги отъ Лоди, и когда городъ этотъ изъявилъ только желаніе сговориться въ формѣ присяги, что это дѣлается безъ нарушенія клятвы, данной Императору, Миланцы явились съ войскомъ, прогнали жителей, разграбили ихъ имущество, и городскія стѣны сравнялись съ землею. Жестокое насиліе требовало самаго строгаго наказанія со стороны Императора, тѣмъ болѣе, что въ Верхней Италіи ни одинъ противникъ не могъ спорить съ симъ городомъ. И такъ, на сеймѣ въ Вормсѣ, положено было предпринять вторичный походъ въ Италію, и князья обязаны были для того явиться со своими людьми къ Троицыну Дню слѣдующаго года (1158).

Императоръ долженъ былъ теперь ожидать сильнѣйшаго сопротивленія и новаго непріятеля. Это былъ глава Церкви. Чѣмъ несомнѣннѣе было намѣреніе Фридриха, доставить своему дому перевѣсъ въ Италіи, тѣмъ ревностнѣе папы старались этому воспрепятствовать, потому что, еслибы Императоръ слишкомъ усилился въ Италіи, они едвали бы удержали свою личную и свѣтскую независимость, которая, по ихъ понятію, была необходима для правителей Церкви. Такія домогательства съ обѣихъ сто-

роиъ подали поводъ ко второй великой и продолжительной войнѣ между Имперіею и папскою властію; послѣдняя, придерживаясь старинной, часто испытанной политики своей, во второй разъ искала и нашла себѣ опору противъ силы Императора во владычествѣ Норманновъ въ Нижней Италіи. Фридриху благопріятно было несогласіе, возникшее между Папскимъ Престоломъ и Королемъ Сицилійскимъ Вильгельмомъ I (который, въ 1154 году, наслѣдовалъ въ правленіи отцу своему Рожеру II), и онъ крайне недоволенъ былъ миромъ, который заключенъ былъ между ими въ 1156 году.

Начало несогласія между Фридрихомъ и Адріаномъ обнаружилось уже на вышеупомянутомъ сеймѣ въ Безансонѣ. Папа прислалъ туда къ Императору двухъ легатовъ, съ письмомъ, въ которомъ жаловался на ограбленіе Шведскаго Архіепископа Эскилла Лундскаго, на возвратномъ пути изъ Рима черезъ Бургундію, и продолжалъ такимъ образомъ: «Достославный сынъ, ты долженъ представить себѣ предъ мысленныя очи, съ какою благостію матерь твоя, святая Римская Церковь, приняла тебя, съ какою сердечною любовію срѣтила тебя, какое величіе и почесть даровала тебѣ, возложивъ на тебя вѣнецъ императорскій. Мы еще не раскаиваемся, что исполнили твое желаніе, напротивъ, еслибы твое достоинство получило отъ насъ еще большія благодѣянія (beneficia), когда бы это было возможно, мы возрадовались бы этому, размышляя о пользѣ, какую ты можешь оказать Церкви и намъ.» Когда письмо сіе было прочитано, и потомъ переведено на Нѣмецкій Языкъ, между присутствовавшими князьями произошло всеобщее движеніе: они видѣли, что Папа съ намѣреніемъ употребилъ двузначительное слово beneficium, желая выразить, что онъ пожаловалъ императорскую корону какъ ленъ (см. Ч. IV, стр. 43). И какъ скоро, при этомъ расположеніи умовъ, одинъ изъ легатовъ, Кардиналъ Роландъ Бандинелли, въ послѣдствіи Папа Александръ III, усилилъ негодованіе дерзкимъ вопросомъ: «отъ когоже Императоръ получилъ царство, если не отъ Папы?» храбрый Пфальцграфъ Оттонъ Вит-

тельсбахскій обнажилъ мечъ и разнесъ бы голову надменному иноку, еслибы самъ Фридрихъ тому не воспрепятствовалъ. Но кардиналы получили приказаніе, на слѣдующее утро ѣхать обратно въ Римъ. Адріанъ жаловался нѣмецкимъ епископамъ, что они допустили такое оскорбленіе духовнаго сана. Но епископы были на сторонѣ Императора и отвѣчали Папѣ, что они не одобряютъ словъ, взволновавшихъ своею странностью всю Имперію, заключающихъ въ себѣ вредную двусмысленность. Въ слѣдствіе папскаго повелѣнія они увѣщевали Императора, но получили отъ него въ отвѣтъ: «Нѣмецкая корона, по милости Божіей, независима, и передается по свободному избранію; Имперія, съ Божіею помощію, возвысила Церковь; теперь послѣдняя, по видимому, хочетъ, вопреки волѣ Божіей, разрушить Имперію; но Императоръ не потерпитъ такого незаконнаго вмѣшательства, и скорѣе сложитъ съ себя корону, нежели допуститъ ее въ свое правленіе до униженія.» Напослѣдокъ они присоединили просьбу, чтобы «Папа, какъ добрый пастырь, благоволилъ склонить своего великодушнаго сына, ихъ императора, къ примиренію словами болѣе кроткими и мѣрами удовлетворительными.» Адріанъ, видя такое расположеніе Нѣмцевъ, и полагая, что вскорѣ должно ожидать ихъ въ Италіи съ значительною силою, рѣшился въ самомъ дѣлѣ уступить, и послалъ въ Германію двухъ кардиналовъ; они, въ іюнѣ 1158 года, поднесли Императору въ Аугсбургѣ письмо съ объясненіемъ, что Папа принималъ слово beneficium только въ первоначальномъ его смыслѣ, въ которомъ оно значитъ благодѣяніе, а не ленъ.

Вслѣдъ за симъ открытъ былъ походъ въ Италію, одинъ изъ самыхъ блистательныхъ, какіе когда либо предприняты были за Альпы. Повинуясь приглашенію Императора, послы миланскіе прибыли и пытались оправдать свой городъ. Извиненія ихъ найдены были неудовлетворительными, и съ согласія во множествѣ собравшихся италіянскихъ васалловъ и непріязненныхъ Миланцамъ городовъ, произнесена была противъ нихъ государственная опала (des Reiches Acht). 6 августа, нѣмецкое войско яви-

лось подъ стѣнами ихъ и обложило городъ. Граждане дѣлали храбрыя вылазки, но, по прошествіи четырехъ недѣль, голодъ принудилъ ихъ просить пощады. Посредничество Короля Богемскаго, Владислава, способствовало къ заключенію мира; всѣ Миланцы присягнули Императору въ вѣрности, и обѣщали отказаться отъ всѣхъ незаконно-присвоенныхъ правъ коронныхъ (Regalien), оставить сосѣдніе города въ покоѣ, построить въ стѣнахъ своихъ дворецъ императорскій, Императору, его супругѣ и чинамъ имперскимъ заплатить девять тысячъ марокъ серебра въ три срока, и сверхъ того представить триста заложниковъ. Присяга происходила на открытомъ полѣ, почти въ нѣмецкой милѣ отъ города, гдѣ для Императора воздвигнутъ былъ тронъ. Предъ нимъ явились духовенство, дворянство и градоначальники миланскіе, босые, безъ верхней одежды и съ мечами на затылкѣ, граждане съ веревками на шеѣ.

Намѣреваясь утвердить свое владычество надъ Ломбардіею на несомнѣнномъ правѣ, и пріобрѣсти надежное средоточіе для постояннаго вліянія на дѣла Италіи, Фридрихъ призвалъ изъ Болоньи на Ронкалійскій Сеймъ четырехъ знатнѣйшихъ правовѣдцевъ тогдашняго времени. То были: Булгаръ, Мартинъ де-Гози, Яковъ Гуголинъ и Гугонъ де-Порта Равеннате. Сіи ученые мужи, въ соединеніи съ двадцатью восемью повѣренными изъ четырнадцати городовъ италіянскихъ, должны были самымъ точнымъ образомъ изслѣдовать и потомъ, въ видѣ основнаго закона, постановить, какія права принадлежатъ императору въ Италіи. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній, члены этого собранія согласились касательно слѣдующихъ опредѣленій. Императоръ раздаетъ герцогства. Онъ созываетъ на войну, и получаетъ всѣ поставки для римскаго похода, подвозы сухимъ путемъ и водою. Къ регаліямъ принадлежатъ сверхъ того: монета, пошлины, дорожные, гаванные, рѣчные и мостовые сборы, мельницы, рыбныя ловли, соляные источники, рудокопни и т. д. Начальники городовыхъ общинъ поставляются императоромъ съ согласія народа. Сверхъ сего, надлежитъ постановить всеобщій

земскій миръ (Landfriede), и князья, капитаны, вальвассоры и всѣ граждане, отъ восмнадцати до семидесяти лѣтъ, должны присягнуть въ вѣрности симъ постановленіямъ и каждыя пять лѣтъ возобновлять клятву. И теперь всѣ присутствующіе присягнули новымъ законамъ и, въ обезпеченіе силы ихъ, представили заложниковъ. Легко понять, до какой степени сіи постановленія благопріятны были для императора. При вновь-пробудившемся тогда изученіи Римскаго Права, у законовѣдцевъ преобладала мысль о неограниченной власти императора, въ томъ видѣ, какъ она существовала въ древней имперіи со временъ Константина Великаго, и городовые выборные (Abgeordneten) показали, что преимущества ихъ городовъ, не смотря на общія узаконенія, останутся въ силѣ, ибо Фридрихъ обѣщалъ оказывать покровительство всякому, кто владѣетъ правомъ, пожалованнымъ отъ Нѣмецкихъ Императоровъ, и представитъ жалованныя грамоты. Но такія начала и уложеніе, содержащіяся въ Законахъ Ронкалійскихъ, при совершенной перемѣнѣ обстоятельствъ, не соотвѣтствовали ни ленному быту, ни духу независимости, возникавшему въ городахъ. Въ особенности назначеніе городскихъ властей могло сдѣлать императора владыкою Ломбардіи, въ строжайшемъ смыслѣ слова, ибо власти сіи, плодъ совершеннѣйшаго развитія формъ государственныхъ, имѣли совсѣмъ другое значеніе, нежели старинные императорскіе чиновники, графы, старосты и фохты; и Фридрихъ скоро долженъ былъ снова испытать строптивость Милана, когда хотѣлъ дѣйствовать сообразно съ сими постановленіями. Досада и опасеніе Адріана увеличились при мысли о твердой и обширной власти, какую Императоръ, посредствомъ новыхъ учрежденій, долженъ былъ пріобрѣсти въ Италіи, если они приведены будутъ въ исполненіе. Папство могло потерять все, что выиграло въ продолженіе цѣлаго вѣка. Прежніе папы принуждены были терпѣть такое вмѣшательство императоровъ, но Григорій VII ввелъ совсѣмъ иной порядокъ вещей. Между тѣмъ Императоръ дѣйствовалъ часъ отъ часу смѣлѣе. Онъ велѣлъ даже въ Церковной Области произвести розъисканія каса-

тельно правъ коронныхъ, въ какомъ видѣ они существовали во время Каролинговъ и Оттоновъ, и императорскіе чиновники во многихъ мѣстахъ отчины (Patrimonium) Святаго Петра требовали поставокъ натурою, согласно опредѣленіямъ Ронкалійскаго Сейма. Матильдино владѣніе пожаловалъ Императоръ въ ленъ старинному противнику своего дома, Вельфу IV Альторфу, не смотря на притязанія Папы. Зато Папа не утвердилъ двухъ епископскихъ выборовъ, одобренныхъ Императоромъ. Такимъ образомъ поводовъ къ распрѣ было довольно. Сперва началась дѣятельная переписка, въ которой Папа принужденъ былъ слышать языкъ самый рѣшительный. Въ одномъ изъ сихъ писемъ Фридрихъ говоритъ: пусть Папа живетъ по примѣру Іисуса Христа, который, за Себя и за Петра, повелѣлъ заплатить дань императору; представляетъ ему, что, хотя онъ получилъ отъ его предковъ корону, но Церковь всѣмъ, чѣмъ владѣетъ изъ имѣній и правъ, обязана щедрости государей; почему онъ и ставитъ имя свое наперединѣ, какъ дѣлали древніе императоры, впрочемъ, по любви къ справедливости, позволяетъ Папѣ дѣлать тоже самое. Онъ изгналъ кардиналовъ изъ церквей и городовъ, (на что Адріанъ жаловался), потому что они не проповѣдуютъ, а грабятъ, не исправляютъ людей и не водворяютъ мира, а копятъ деньги. Но еслибы они поступали такъ, какъ требуетъ Писаніе, то нашли бы всякое покровительство. Самъ Папа, въ своихъ дѣйствіяхъ, забылъ смиреніе, приличное его сану, почему онъ, Императоръ, счелъ за нужное отвѣчать въ сильныхъ выраженіяхъ, когда увидѣлъ, что высокомѣріе, это отвратительное чудовище, закралось даже на престолъ Святаго Петра.

Старанія о примиреніи ихъ оставались безуспѣшными по неумѣренности условій, предложенныхъ Папою. Адріанъ соединился съ Королемъ Сицилійскимъ Вильгельмомъ, увѣщевалъ Ломбардовъ не терять мужества и писалъ къ нѣмецкимъ архіепископамъ въ самыхъ жестокихъ выраженіяхъ на счетъ Императора, называлъ его лисицею, которая старается разорить вертоградъ Господень, мятежникомъ противъ Бога и сущимъ язычникомъ. Фрид-

рихъ, между тѣмъ, снаряжался къ новому походу, и къ слѣдующей веснѣ созвалъ вспомогательныя войска изъ Германіи. Миланцы прогнали его пословъ, и не хотѣли принять его сановниковъ. По истеченіи данныхъ имъ многократныхъ сроковъ и повторительныхъ изслѣдованій ихъ дѣла, Императоръ, въ апрѣлѣ 1159, въ Болоньѣ, произнесъ на нихъ опалу (die Acht). Послѣ того они сами начали непріятельскія дѣйствія, возбуждая и другіе города ихъ партіи противъ Нѣмцевъ. Такъ городъ Крема выдержалъ одну изъ самыхъ упорныхъ и отчаянныхъ осадъ, о какихъ упоминаетъ Исторія. Обоюдное ожесточеніе превратилось въ лютое звѣрство. Осаждающіе играли отрубленными головами плѣнныхъ, какъ шарами; осажденные на стѣнѣ разрывали императорскихъ воиновъ на части. По приказанію Фридриха, нѣсколько ихъ заложниковъ, въ томъ числѣ много дѣтей, привязаны были къ осадной башнѣ, которая придвинута была къ стѣнамъ, въ надеждѣ симъ остановить сопротивленіе; но граждане направили свои метательныя орудія на башню, громко превознося жребій дѣтей, которымъ назначена благородная смерть за отечество, вмѣсто позорной жизни. Жители Кремы возбуждены были къ такому ожесточенію особенно ненавистью къ ихъ смертельнымъ врагамъ Кремонцамъ, поддерживавшимъ Императора. Наконецъ, послѣ семимѣсячной осады, они принуждены были сдаться (въ январѣ 1160). Фридрихъ позволилъ жителямъ безпрепятственно выйти, но городъ предалъ грабежу и разоренію, при чемъ жители Кремы и Лоди оказали особенную дѣятельность.

Во время осады Кремы скончался Адріанъ IV (1 сент. 1159), и раздоръ съ Императоромъ былъ причиною двойственнаго избранія въ папы. Фридрихова партія избрала Виктора IV, но большинство кардиналовъ склонилось на сторону умнаго и рѣшительнаго Александра IV, который, при упомянутомъ посольствѣ въ Безансонъ, предложилъ смѣлый вопросъ. Фридрихъ велѣлъ созвать въ Павіи соборъ нѣмецкихъ и ломбардскихъ епископовъ. Въ пригласительномъ письмѣ сказано было, что какъ одинъ только

есть Богъ, такъ одинъ долженъ быть императоръ и одинъ папа. Это собраніе (въ февр. 1160) признало Виктора IV законнымъ папою; Александръ же объявилъ, что Императоръ не имѣетъ права созывать соборъ, и что онъ, какъ папа, не подчиненъ собору и еще менѣе свѣтскому судьѣ. Потомъ предалъ онъ проклятіе своего противника и Императора. Александръ, очевидно, былъ гораздо умнѣе, свѣдущѣе, краснорѣчивѣе и способнѣе Виктора. Лудовикъ VII Французскій и Генрихъ II Англійскій приняли его сторону, и церковное собраніе въ Тулузѣ, на которомъ присутствовали оба Короля, объявило его законнымъ папою. Однако Фридрихъ одержалъ верхъ въ Церковной Области, и Римляне показывали столь сильное отвращеніе къ Александру III, что онъ почелъ за нужное удалиться, и уѣхалъ на кораблѣ во Францію.

Между тѣмъ война Императора съ мятежными Миланцами все еще продолжалась, потому что Фридрихъ, продержавъ при себѣ нѣмецкія войска цѣлую зиму, послѣ собранія въ Павіи долженъ былъ наконецъ отпустить ихъ. Немногіе лишь князья остались въ Италіи. Такимъ образомъ его военныя силы, большею частію, ограничивались полками непріязненныхъ Милану городовъ, до того времени, когда весною 1161 года пришли Нѣмцы съ новымъ ополченіемъ. Не многія войны ведены были съ такимъ ожесточеніемъ и звѣрствомъ. Въ отмщеніе за жестокости Италіянцевъ, Нѣмцы вѣшали большую часть плѣнныхъ. Всѣмъ тѣмъ, которые хотѣли доставить подвозъ Миланцамъ, отрубали правую руку. Фридрихъ поклялся не возлагать на себя короны, доколѣ не завоюетъ города. Но, не прежде 1 марта 1162 года, Консулы Милана, вмѣстѣ съ знатнѣйшими дворянами города, пришли въ станъ императорскій при Лоди, пали къ ногамъ Императора и покорились, какъ онъ требовалъ, безусловно. 4 марта, триста рыцарей принесли ключи всѣхъ воротъ и замковъ, и тридцать шесть городскихъ знаменъ. Они, равно какъ и консулы, дали присягу въ вѣрности. На слѣдующій день, весь народъ пришелъ во стѣ отдѣленіяхъ, босикомъ, съ веревками на шеѣ и пепломъ на го-

ловѣ. Съ крестами въ рукахъ они умоляли о помилованіи. Императоръ сидѣлъ за столомъ и заставилъ Миланцевъ долгое время простоять на дождѣ. Наконецъ онъ показался, и необозримый рядъ началъ проходить мимо его. Когда каррочіо, колесница, на которой по тогдашнему обычаю италіянскихъ городовъ, везли на высокомъ шестѣ образъ святаго Амвросія, главную хоругвь Милана, поровнялась съ Императоромъ, древко упало и колесница была разрушена. Тогда Миланъ, казалось, утратилъ послѣдній знакъ своего величія, и въ неописанной скорби народъ ринулся на землю, именемъ Христовымъ испрашивая помилованія. Всѣ плакали, только Императоръ оставался непреклоннымъ. Онъ собралъ сеймъ въ Павіи, на которомъ надлежало опредѣлить наказаніе побѣжденнымъ. За неоднократное вѣроломство ихъ положено было не лишать ихъ жизни, но городъ ихъ разрушить до основанія. Дѣло это съ радостію взяли на себя города Лоди, Кремона, Павія, Комо и другіе враги Миланцевъ. Однако разрушеніе коснулось только стѣнъ, рвовъ, башень и домовъ народа; всѣ церкви были пощажены, также другія каменныя зданія и художественныя произведенія древнѣйшаго времени *). Жителямъ позволено было опять селиться въ четырехъ различныхъ странахъ ихъ области. Потомъ Императоръ обратился противъ прочихъ городовъ, которые еще противились его повелѣніямъ. Піаченца, Брешія, Болонья и многіе другіе, устрашенные примѣромъ Милана, покорились добровольно. Всѣ должны были внести извѣстную сумму, срыть свои стѣны и укрѣпленія, и, согласно ронкалійскимъ постановленіямъ, принять подесту **) или другихъ чиновниковъ, назначенныхъ Императоромъ.

---

*) v. Raumer, Geschichte der Hohenstaufen, Bd. II. S. 141. Leo, Geschichte von Italien, Bd. II. S. 72.

**) По паденіи Милана, Императоръ считалъ Ломбардію совершенно усмиренною, и далъ большей части городовъ, по собственному усмотрѣнію, намѣстниковъ подъ именемъ подестъ (властителей), преимущественно Нѣмцевъ или гражданъ другихъ городовъ ломбардскихъ. Когда города опять пріобрѣли древнія

Послѣ сего Фридрихъ пошелъ въ Бургундію, гдѣ хотѣлъ окончить споръ о папѣ при личномъ свиданіи съ Королемъ Французскимъ, которое однако не состоялось, и оттуда въ Германію, гдѣ, во время продолжительнаго его отсутствія, произошли многіе безпорядки. Сперва онъ созвалъ сеймъ въ Майнцѣ (1163). Тамошніе граждане умертвили своего архіепископа Арнольда въ монастырѣ Св. Іакова. За то они лишились правъ своихъ, стѣны ихъ древняго и большаго города были разрушены, рвы завалены и городъ обращенъ въ открытое мѣсто, а монастырь истребленъ огнемъ. Польскій Герцогъ Болеславъ принужденъ былъ отдать тремъ сыновьямъ умершаго брата своего Владислава, по крайней мѣрѣ, часть ихъ наслѣдія. Эта часть состояла въ нынѣшней Силезіи, которая, въ прежнее время бывъ спорною между Богеміей и Польшею, по рѣшенію Императора Генриха III, досталась послѣдней. При сыновьяхъ Владислава, которые, по происхожденію были Піасты, а по воспитанію и образу мыслей должны считаться Нѣмцами, въ Силезіи возникли начатки нѣмецкаго образованія и государственнаго устройства.

Осенью 1163 года, Фридрихъ, съ своею супругою, но безъ войска, опять прибылъ въ Италію, жилъ попеременно въ Лоди, Павіи и въ городахъ Мархіи Анконской, и присутствіемъ своимъ старался погасить таящуюся подъ пепломъ искру мщенія и непокорности, но безуспѣшно. Императорскіе подесты вездѣ употребляли во зло власть свою, и если иноземное господство оскорбляло патріотическое чувство Италіянцевъ, то бремя налоговъ, дерзость и насиліе чиновниковъ доводило негодованіе до ожесточенія и непримиримой злобы, которыя нерѣдко обнаружива-

---

права, они часто оставались при этой формѣ; иногда, попеременно, вводили у себя и прежній образъ правленія. Санъ подесты отъ консульскаго отличался тѣмъ, что первый былъ одинъ, и всегда выбираемъ изъ иногородныхъ. v. Savigny, Gesch. des Röm. Rechts im Mittelalter, Bd. III S. 100. 117. v. Raumer a. a. V, Bd. V. S. 132 fg.

лись уже возмущеніями. Фридрихъ самъ не хотѣлъ жестокости или притѣсненія, онъ во всю жизнь свою являлъ постоянное великодушіе: отъ городовъ требовалось только то, что согласно было съ порядкомъ государственнымъ и достоинствомъ короны. И этого требованія нельзя было почесть незаконнымъ. Главной причины зла должно искать въ противоположности, какая, съ теченіемъ времени, обнаружилась въ развитіи нѣмецкой и италіянской народности. Грубый образъ жизни нѣмецкихъ рыцарей не согласовался съ утонченными формами политическаго быта Ломбардовъ, и Императоръ вскорѣ долженъ былъ испытать еще въ высшей степени, что значитъ въ одно и тоже время сражаться съ непокорностью народа и съ папой. Противъ послѣдняго онъ не велъ войны упорной и жестокой, а потому, можетъ быть, поступилъ неосторожно, упустивъ случай къ примиренію съ Александромъ III, по смерти Виктора IV (въ апрѣлѣ 1164 г. въ Луккѣ). Въ семъ случаѣ онъ увлекся опрометчивою пылкостью канцлера своего Рейнальда, Архіепископа Кёльнскаго, и допустилъ избраніе новаго антипапы, Пасхалія III, котораго онъ теперь долженъ былъ поддерживать новыми насиліями.

Въ томъ же еще году, Падуа, Верона, Виченца и Тревизо, для защиты отъ императорскихъ чиновниковъ, заключили союзъ по настоянію Венеціи, которая потомъ сама къ нему приступила. Фридрихъ, съ малочисленнымъ своимъ войскомъ, не могъ предпринять противъ нихъ ничего рѣшительнаго, доколѣ не прійдетъ новая помощь изъ Германіи. Передъ отъѣздомъ своимъ туда въ концѣ лѣта, онъ, по просьбѣ Генуэзцевъ, и подъ условіемъ, что ему будетъ платима извѣстная сумма денегъ, возвелъ судью арборейскаго, Барисона, въ званіе Короля острова Сардиніи *).

---

*) Пизанцы, въ 1050 году, отняли сей островъ у Арабитянъ и роздали тамошнія земли своимъ дворянамъ. Въ это время, четверо вельможъ, подъ имепемъ судей, раздѣляли

Весною слѣдующаго года (1165) онъ созвалъ сеймъ въ Вирцбургѣ, на которомъ присутствовали и англійскіе послы. Здѣсь, духовные и свѣтскіе сановники клятвенно обязались никогда не признавать папою Александра III. Многіе епископы отказывались, другіе давали клятву со слезами, однако власть Императора восторжествовала. Послѣ сего онъ, по обыкновенію своему, объѣзжалъ всю Имперію, въ іюлѣ былъ въ Пассавѣ, потомъ въ Вѣнѣ, въ октябрѣ въ Кёльнѣ, напослѣдокъ въ Утрехтѣ. Вездѣ надлежало прекращать распри и несогласія. Въ слѣдующемъ году (1166) находимъ его на сеймахъ въ Ульмѣ и Лауфенѣ, въ Баваріи, потомъ на краткомъ походѣ противъ Венгровъ, которые скоро покорились, потомъ опять на противоположномъ концѣ Германіи, въ Шпейерѣ, откуда онъ поѣхалъ на другой сеймъ въ Нирнбергъ. Здѣсь рѣшено было предпринять новый походъ въ Италію. Между тѣмъ Папѣ Александру удалось пріобрѣсти многочисленныхъ приверженцевъ въ Римѣ, и они дѣйствовали такъ успѣшно, что городъ призналъ его и пригласилъ возвратиться. Въ ноябрѣ 1165 года, онъ пріѣхалъ въ Римъ и былъ тамъ принятъ торжественно.

Передовой отрядъ новой италіянской арміи составляли войска двухъ Архіепископовъ, Майнцкаго и Кёльнскаго, Христіана и Рейнальда. Въ ноябрѣ, самъ Императоръ послѣдовалъ за ними, присутствовалъ на сеймѣ въ Лоди и праздновалъ Рождество въ Павіи. Между тѣмъ неудовольствіе Ломбардовъ возросло до такой степени, что, въ апрѣлѣ 1167 года, Кремона, Бергамо, Брешія и нѣсколько другихъ городовъ заключили тайно союзъ, подобный ве-

---

власть надъ Сардиніей, и Барисонъ былъ одинъ изъ числа ихъ. Они не хотѣли болѣе признавать верховной власти Пизы, и нашли помощь у Генуэзцевъ, злѣйшихъ враговъ Пизанцевъ, которые, изъ зависти по торговлѣ и за обладаніе симъ островомъ, давно уже вели съ ними кровопролитную войну. Пизанцы противились распоряженіямъ Императора, и новое королевство не получило ни откуда пособія.

ронскому, и обязались, въ случаѣ продолженія несправедливостей со стороны Императора, оказывать другъ другу вспоможеніе. Въ то же время Миланцы неутомимо трудились надъ возстановленіемъ своего города. Но Императоръ обратился съ войскомъ сперва на Римъ, послѣ храбраго сопротивленія взялъ городъ (въ іюлѣ 1167), принудилъ Александра III къ бѣгству, и ввелъ Пасхалія III съ великою пышностью въ церковь Св. Петра.

Но съ сего времени счастіе вдругъ оставило его. Заразительныя болѣзни, въ теченіе осьми дней, похитили многихъ начальниковъ и истребили значительную часть войска. Жестокость и корыстолюбіе чиновниковъ, своеволіе нѣмецкихъ ратниковъ, проклятіе, произнесенное Александромъ, всего же болѣе мысль, что великая смертность въ нѣмецкомъ войслѣ есть видимая кара Божія, ибо при осадѣ Рима хотѣли было предать огню церковь Св. Петра; все это побудило Италіянцевъ рѣшиться на всѣ возможныя требованія, только бы изгнать ненавистныхъ иноземцевъ. Фридрихъ отступилъ въ Ломбардію, и въ сентябрѣ достигъ Павіи. Здѣсь онъ произнесъ опалу на всѣ города ломбардскіе, исключая только саму Павію, Кремону и Лоди. За то, 1 декабря, Венеція, Верона, Виченца, Падуа, Тревизо, Феррара, Брешія, Бергамо, Кремона, Миланъ, Піаченца, Парма, Модена и Болонья снова вступили въ союзъ, чтобы оказывать другъ другу помощь и вознагражденіе, а Императору платить и давать не болѣе того, что платилось и давалось со временъ Генриха IV до его вступленія на престолъ. Положено было, съ общаго согласія, избрать ректоровъ для согласнаго управленія дѣлами. Многочисленныя дружины смѣлыхъ Ломбардовъ заняли всѣ горные проходы въ Германію, чтобы совсѣмъ запереть Императора, почти лишеннаго войскъ, и отрѣзать ему отступленіе. Опасность была такъ велика, а оставшаяся при немъ дружина такъ малочисленна, что онъ могъ спастись только тайнымъ бѣгствомъ (1168). Съ небольшою свитою онъ ушелъ скрытно въ Савоію, и, неутомимо преслѣдуемый, велѣлъ дорогою повѣсить на деревьяхъ нѣсколько ломбардскихъ заложниковъ. Потомъ

объявилъ онъ, что, при дальнѣйшей погонѣ, та же участь постигнетъ всѣхъ остальныхъ. Такимъ образомъ, въ мартѣ, онъ прибылъ въ Сузу. И здѣсь граждане, съ общаго согласія, объявили, что они пропустятъ Императора, но что всѣ италіянскіе заложники должны остаться по сю сторону Альповъ. Фридрихъ отвергнулъ требованіе , и жители хотѣли рано поутру напасть на него соннаго. Но злоумышленіе было открыто: вѣрный рыцарь, Германнъ Зибенейхенъ , похожій наружностью на Императора, легъ въ его постелю , а между тѣмъ Фридрихъ, переодѣтый, счастливо ушелъ, съ пятью спутниками, до наступленія дня. Граждане, узнавъ обманъ, уважили благородное самоотверженіе вѣрнаго слуги и пощадили его жизнь. По удаленіи Фридриха, всѣ нѣмецкіе чиновники и военные отряды были изгнаны изъ италіянскихъ городовъ, почти вся Италія пристала къ великому союзу, Миланъ опять былъ укрѣпленъ, Пасхалій содержался въ своемъ дворцѣ какъ плѣнникъ, и на границѣ Монферрата , маркграфъ котораго до конца преданъ былъ Императору, построенъ крѣпкій городъ, на зло Фридриху названный по имени отвергаемаго имъ Папы, Александрію. Между тѣмъ , 20 сентября сего года, умеръ и Пасхалій; но возобновившаяся тѣмъ надежда на прекращеніе продолжительнаго церковнаго раздора опять не исполнилась: именно теперь императорская партія всего менѣе склонна была къ уступчивости. Избрали еще третьяго антипапу , Каликста III , и Фридрихъ утвердилъ его.

Императоръ оставался теперь болѣе шести лѣтъ въ Германіи ; онъ хорошо видѣлъ, что безъ новаго сильнаго вооруженія ничего нельзя сдѣлать противъ соединенныхъ городовъ италіянскихъ. Послѣ столь великихъ усилій, послѣ двукратнаго завоеванія Милана, послѣ четырехъ походовъ, власть королевская была тамъ гораздо слабѣе, чѣмъ до перваго похода. И въ отечествѣ присутствіе его сдѣлалось необходимо. Жестокая брань возгорѣлась противъ Генриха Льва , Герцога Баваріи и Саксоніи. Этотъ храбрый государь, величайшій въ свое время послѣ Императора, по взятіи Милана возвратился въ Германію

(1162), и съ тѣхъ поръ не былъ опять въ Италіи, но дома значительно расширилъ свою землю счастливыми походами противъ вендскихъ народовъ, въ нынѣшней Мекленбургіи и Помераніи. Многочисленными замками и поселеніями голландскихъ и фламандскихъ выходцевъ въ опустѣвшихъ мѣстахъ, онъ обезпечилъ свои пріобрѣтенія и доставилъ имъ множество трудолюбивыхъ земледѣльцевъ. Такіе успѣхи возбудили зависть въ сосѣдяхъ, и умножили въ саксонскихъ князьяхъ и вельможахъ опасеніе силы, которой перевѣсъ они уже чувствовали. Они соединились съ епископами, ненавидѣвшими Генриха за самовластное вмѣшательство въ ихъ выборы, и въ отсутствіе Императора напали на него со всѣхъ сторонъ (1166). Главные враги его были: Архіепископы Вихманъ Магдебургскій и Гартвихъ Бременскій, Епископы Германнъ Гильдесгеймскій и Конрадъ Любекскій, Маркграфъ Бранденбургскій, Албрехтъ Медвѣдь *), Оттонъ Маркграфъ Мейссенскій, Албрехтъ Пфальцграфъ Саксонскій и Ландграфъ Тюрингійскій, Лудовикъ Желѣзный. Генрихъ не устрашился числа непріятелей. Большой мѣдный левъ, поставленный передъ замкомъ его столицы Брауншвейга, служилъ символомъ его рѣшительной храбрости. Противники называли льва изображеніемъ его тиранства и хищности. Генрихъ выгналъ Епископа Любекскаго изъ его столицы, о[illegible]тонилъ всю область Архіепископа Магдебургскаго, и хотѣлъ уже

*) Сей государь, по договору Короля Конрада съ Генрихомъ Львомъ (выше, стр. 44), пріобрѣлъ Брандебургію по духовному завѣщанію послѣдняго тамошняго славянскаго властителя Прибислава, и съ того времени назывался уже маркграфомъ не нордсаксонскимъ, а бранденбургскимъ. Венды, въ послѣдствіи, еще разъ овладѣли городомъ, но Албрехтъ, въ 1157 году, опять отнялъ его у нихъ, и распространилъ свое владычество на правомъ берегу Эльбы завоеваніями. Многочисленные выходцы изъ Нидерландовъ населили и воздѣляли и Мархію Бранденбургскую, которая, съ сего времени, стала землею совершенно нѣмецкою и христіанскою.

обратиться и противъ другихъ, когда возвратившійся изъ Италіи Императоръ позвалъ всѣхъ враждующихъ на сеймъ въ Бамбергъ (1168). Здѣсь каждый долженъ былъ опять отдать захваченное, и обязаться въ сохраненіи мира.

Фридрихъ I созывалъ еще разные другіе сеймы, на которыхъ прекращалъ подобныя распри, принималъ въ опеку наслѣдства, отбиралъ и опять жаловалъ ленныя имѣнія, также налагалъ денежныя пени. На одномъ изъ нихъ, въ Бамбергѣ (1169), онъ повелѣлъ избрать въ Римскіе Короли старшаго сына своего Генриха, хотя ему было только пять лѣтъ отъ роду, и въ Аахенѣ Кельнскому Архіепископу вѣнчать его на царство. Въ послѣдствіи, онъ надѣлилъ владѣніями и прочихъ четырехъ сыновей своихъ. Фридрихъ получилъ герцогство Швабію, Конрадъ имѣнія рано умершаго сына Конрада III, Оттонъ графство Бургундію, наслѣдственную область своей матери, а Филиппъ, который былъ еще весьма молодъ, нѣкоторыя духовныя имѣнія. Въ сіе время Генрихъ Левъ предпринялъ путешествіе въ Обѣтованную Землю, былъ съ честію принятъ въ Константинополѣ, достигъ счастливо Іерусалима, и благополучно возвратился въ Германію.

Наконецъ, въ сентябрѣ 1174 года, Фридрихъ, съ блистательнымъ ополченіемъ, открылъ пятый походъ въ Италію, о которомъ разсуждаемо было на многихъ сеймахъ. Онъ, еще за три года предъ тѣмъ, послалъ туда Майнцскаго Архіепископа Христіана съ нѣкоторыми войсками. Армія сія была необузданная, богатая и роскошная. Въ голубомъ воинскомъ кафтанѣ и въ золотомъ шлемѣ, Фридрихъ являлся всюду, гдѣ была опасность и низвергалъ враговъ огромною своей булавою. Тотъ же духъ оживлялъ духовныхъ сановниковъ его свиты; когда надлежало брать приступомъ замокъ или крѣпость, они не бывали въ числѣ послѣднихъ. Архіепископъ поспѣшно прошелъ Верхнюю Италію, миновалъ Ломбардцовъ и принудилъ Тоскану и Романью къ повиновенію. Императоръ черезъ Ценисъ вторгнулся въ Ломбардію, въ наказаніе за обиду, ему нанесенную, предалъ Сузу пламени, и пошелъ на новый городъ Александрію. Асти добровольно отперъ

ему свои ворота. Но, подъ Александріею, при неблагопріятной погодѣ, онъ встрѣтилъ сильный отпоръ. Ломбардская армія приближалась на помощь, и весною 1175 года онъ долженъ былъ снять осаду. Потомъ заключено было въ Монтебелло перемиріе, чтобы въ продолженіи его начать переговоры о мирѣ, но они не имѣли успѣха. Обѣ партіи еще упорствовали другъ противъ друга, и ни которая не хотѣла убавить изъ своихъ требованій; сверхъ того, Императоръ долженъ былъ опять распустить большую часть своего войска.

И такъ, надежда Императора на благопріятный оборотъ дѣлъ могла основываться только на новой помощи изъ Германіи, и онъ разослалъ указы по Имперіи о поспѣшномъ ея прибытіи. Но вдругъ былъ онъ изумленъ извѣстіемъ, что сильнѣйшій князь Германіи, Генрихъ Левъ, измѣнилъ ему и отказываетъ во всякомъ пособіи! Въ извиненіе свое, Генрихъ представлялъ свою старость, хотя ему было только сорокъ шесть лѣтъ отъ роду, и отлученіе Императора отъ Церкви, хотя, въ теченіе шестнадцати лѣтъ, не обращалъ на это никакого вниманія. Нѣкоторые ищутъ истинной причины сей странной неблагодарности противъ Государя, который увеличилъ и возвысилъ власть его, въ досадѣ Генриха на договоръ Фридриха съ Вельфомъ VI, который первый пріобрѣлъ Матильдины владѣнія въ Италіи и большую часть вельфскихъ родовыхъ имѣній въ Германіи; но, кажется, еще болѣе подѣйствовала на сильнаго князя мысль, что онъ довольно долго споспѣшествовалъ достиженію цѣлей Императора въ Италіи, и что такому государю, какъ онъ, прилично употреблять свои силы для сохраненія собственнаго величія, и для утвержденія и распространенія своей державы на сѣверъ *). Императоръ пригласилъ Генриха для свиданія въ Кіавенну, на Комскомъ Озерѣ, и употреблялъ тамъ всѣ средства убѣжденія; наконецъ даже палъ къ ногамъ гордаго герцога. Генрихъ испугался и хотѣлъ поднять Императора, но пре-

*) v. Raumer a. a. V. Bd. II. S. 241.

былъ непоколебимъ въ своемъ отказѣ. Тогда Императрица подошла къ нему и сказала: «встань, Государь, Богъ тебѣ поможетъ, если ты нѣкогда помянешь объ этомъ днѣ и такомъ высокомѣріи.» Такимъ образомъ, Гогенштауфенъ и Вельфъ разстались опять врагами. Между тѣмъ другіе князья, въ особенности Архіепископъ Кельнскій Филиппъ, въ началѣ всены 1176 года, привели Императору черезъ Комо свѣжія войска. Фридрихъ поспѣшилъ стать въ главѣ ихъ, и, вопреки совѣту всѣхъ своихъ друзей, положилъ кончить долговременную распрю съ Ломбардцами посредствомъ рѣшительной битвы. Онъ напалъ на несравненно сильнѣйшую армію Италіянцевъ, 29 маія при Леньяно, и, по обыкновенію своему, самъ ринулся съ необузданною храбростію на непріятельскія толпы. Но отчаяніе Ломбардовъ было еще сильнѣе. Фридриховъ знаменосецъ былъ убитъ, знамя его отнято, подъ самимъ Императоромъ лошадь заколота, большая часть его Нѣмцевъ побита или загнана въ рѣку Тессино, словомъ, Италіянцы одержали самую рѣшительную побѣду. Разнесся слухъ, что самъ Императоръ палъ, и его супруга, въ Комо, надѣла уже трауръ, но на четвертый день послѣ битвы, онъ явился въ вѣрной Павіи.

Теперь Фридрихъ, въ Италіи, покинутъ былъ всѣми такъ же, какъ за восемь лѣтъ, когда онъ ночью бѣжалъ въ простой одеждѣ. Не ожидая большей помощи изъ Германіи, онъ рѣшился испытать счастія въ переговорахъ, но хотѣлъ завести ихъ не съ мятежными Ломбардцами, а сперва съ главою Христіанства: отправилъ пословъ къ Александру, который, видя искреннее намѣреніе Императора, изъявилъ готовность къ миру. Уступчивость сія произошла отъ опасенія, чтобы новая оппозиція императорской власти въ Италіи, какую Фридрихъ нашелъ въ ломбардскихъ городахъ, не сдѣлалась очень сильною и тягостною для самого Папы. Согласились открыть мирные переговоры въ Венеціи. Туда прибылъ Александръ, тамъ явились послы императорскіе и ломбардскіе, но самъ Императоръ не могъ пріѣхать въ Венецію, безъ вѣдома и соизволенія Папы. Сначала возникли большія недоумѣнія

и затрудненія, и переговоры, по причинѣ отдаленности Фридриха, шли такъ медленно, что Папа наконецъ согласился, чтобы онъ съ немногими спутниками пріѣхалъ въ Кіоджію. Когда Императоръ велѣлъ своимъ посламъ клятвенно утвердить предварительныя условія мира, тогда только Папа, чрезъ нѣсколькихъ кардиналовъ, пригласилъ его въ Венецію и разрѣшилъ отъ проклятія. 24 іюня 1177, Императоръ, со всѣми прелатами, на богато-украшенныхъ корабляхъ, поплылъ въ знаменитый городъ. У входа въ Церковь Святаго Петра, Александръ ожидалъ его въ папскомъ облаченіи. Императоръ, сопровождаемый великою свитою, сбросилъ съ себя плащь, повергся предъ Папою на землю, и поцѣловалъ ему ноги. Сказаніе, будто Папа, при семъ случаѣ, наступилъ ему на спину, несправедливо. Напротивъ, онъ далъ ему лобзаніе мира, ввелъ его въ церковь, которая огласилась торжественными звуками благодарственнаго пѣснопѣнія, и осѣнилъ его предъ алтаремъ своимъ благословеніемъ*). 1 августа послѣдовало формальное заключеніе мира между Императоромъ и Папою. Торжественное собраніе происходило во дворцѣ Патріарха Венеціянскаго. Папа, сидя на возвышенномъ престолѣ и имѣя по правую руку Императора, по лѣвую сицилійскаго посла Ромуальда, Архіепископа Салернскаго, произнесъ сперва длинную рѣчь, въ которой изобразилъ обращеніе Императора отъ заблужденія къ истинной Церкви подъ образомъ заблудшей овцы и блуднаго сына, и съ любовію опять принималъ его и семейство его въ нѣдра Церкви. Отвѣтъ Императора произнесенъ былъ на Нѣмецкомъ Языкѣ; канцлеръ Христіанъ Майнцскій перевелъ его на Италіянскій. Потомъ, статьи договора утверждены были клятвою, на мощахъ и Евангеліи, многими нѣмецкими

---

*) «Никогда хвалебные и благодарственные гимны не были воспѣваемы съ большею искренностію и участіемъ, какъ въ сію минуту, когда, послѣ столь продолжительной, великой борьбы, примирились два первые мужа своего времени.» v. Raumer, Bd. II. S. 252.

князьями, сицилійскими выборными и консулами городовъ Милана, Піаченцы, Брешіи, Бергама, Вероны, Пармы, Реджія, Болоньи, Новары, Александріи, Падуи и Венеціи. Важнѣйшія изъ сихъ статей были слѣдующія:» Императоръ отступается отъ антипапы Каликста III, съ котораго довольно одного аббатства, и предоставляетъ владычество (die Vogtei) надъ городомъ Римомъ папскому престолу, за то пользуется доходами съ Матильдиныхъ имѣній еще пятнадцать лѣтъ. Съ Королемъ Сицилійскимъ (Вильгельмомъ II, который, въ 1166 году, наслѣдовалъ отцу своему, Вильгельму I) заключено было пятнадцатилѣтнее, а съ Ломбардами шестилѣтнее перемиріе, въ продолженіе котораго надлежало заботиться о прочномъ мирѣ.» Выгода сего договора была болѣе на сторонѣ Императора, нежели Папы, особенно потому, что оба вѣрные слуги перваго, Христіанъ и Филиппъ, утверждены были на важныхъ архіепископскихъ каѳедрахъ Майнца и Кельна, хотя они держались стороны антипапы.

Фридрихъ обратился теперь въ Германію для новыхъ воинскихъ подвиговъ и усилій. Надлежало возстановить власть императорскую, надлежало начать борьбу съ Вельфомъ, которой Фридрихъ доселѣ избѣгалъ по мудрой политикѣ своей, и впредь старался бы избѣгать, если бы первый, неповиновеніемъ и строптивостью, не вызвалъ ея себѣ на погибель. При великомъ могуществѣ Генриха, продолжительное и опустошительное междоусобіе казалось неизбѣжнымъ, однако рѣшительность и благоразуміе Фридриха, старинная зависть имперскихъ чиновъ къ Генриху, и благоговѣніе большей части князей предъ именемъ императорскимъ, облегчили дѣло. Сперва Герцогъ приглашенъ былъ на сеймъ въ Вормсъ (1179); но онъ не хотѣлъ добровольно отдаться въ руки врагамъ своимъ. И такъ ему назначили новый срокъ явиться въ Магдебургъ, гдѣ Императоръ самъ обвинялъ его, и множество озлобленныхъ на него князей подали голоса противъ него. Дитрихъ, Маркграфъ Ландсбергскій, вызывался даже поединкомъ доказать, что Герцогъ подкупленъ Италіянцами, и потому отсталъ отъ Императора. Такъ какъ онъ и сюда

не явился, то осужденіе было еще пріостановлено, и, согласно законному порядку, ему назначили новый срокъ прибыть въ Госларъ. Прежде нежели наступило это время, Генрихъ просилъ Императора объ особенной аудіенціи. При семъ случаѣ, Фридрихъ требовалъ отъ него денежной пени въ пять тысячь марокъ и совершенной покорности его приговору. Это показалось Герцогу слишкомъ тягостнымъ; онъ уѣхалъ и не являлся и на сеймѣ въ Госларѣ. Тогда, наконецъ, князья приговорили его, какъ непокорнаго васалла, къ государственной опалѣ (Reichsacht) и къ лишенію всѣхъ ленныхъ владѣній. Однако Фридрихъ все еще не хотѣлъ спѣшить; онъ желалъ оставить средство къ миру, старинному другу и сподвижнику, и потому далъ ему еще отсрочку до сейма въ Вирцбургѣ (1180). Когда онъ и сюда не явился, тогда только сказанной приговоръ вторично былъ подтвержденъ и приведенъ въ исполненіе. Герцогство Саксонія было раздроблено. Графъ Асканійскій Бернардъ, сынъ Албрехта Медвѣдя, носилъ имя Герцога Саксонскаго; но этотъ санъ не имѣлъ прежняго вліянія и могущества. Многое пріобрѣли епископы и другіе чины; въ большей части Вестфаліи, Кельнскій Архіепископъ получилъ права герцогскія. Оттонъ Виттельсбахскій, за многолѣтнюю вѣрную службу Императору, пожалованъ былъ въ герцоги Баваріи. Потомки его владѣютъ тамъ понынѣ. Баварія не подверглась такому раздробленію, какъ Саксонія, однако и она не сохранила всего прежняго объема. Каринтія уже при Оттонѣ III (Ч. IV, стр. 272) отдѣлилась отъ ней въ видѣ особеннаго герцогства; такъ точно Фридрихъ даровалъ самостоятельность Австріи. Въ сіе время, архіепископы и епископы Зальцбурга, Пассавы, Регенсбурга и т. д., поступили въ непосредственную зависимость отъ Имперіи. Графы Андехскіе, отселѣ именующіеся Герцогами Меранскими, Маркграфы Штирійскій и Крайнскій, около сего времени также получили права непосредственныхъ имперскихъ васалловъ (die Reichsunmittelbarkeit).

Генрихъ оказалъ храброе сопротивленіе, напалъ на имперскій вольный городъ Госларъ, побѣдилъ также вой-

ско Кельнскаго Архіепископа, завоевалъ Гальберштадтъ, выжегъ Кальбе, Мильгаузенъ и Нордгаузенъ, взялъ въ плѣнъ Епископа Гальберштадтскаго и Ландграфа Тюрингенскаго, и, обремененный богатою добычею, возвратился въ Брауншвейгъ. Но скоро (1180) самъ Фридрихъ съ большимъ войскомъ вступилъ въ Саксонію, и въ нѣсколько дней овладѣлъ большею частію замковъ и крѣпостей. Потомъ онъ далъ васалламъ Генриховымъ сроку до Мартынова дня (11 ноября н. ст.), и тогда большая часть изъ нихъ покорилась добровольно. Однако въ значительныхъ городахъ сопротивленіе было упорное. Въ этомъ прошла военная пора, и Фридрихъ принужденъ былъ, въ слѣдующемъ году, открыть второй походъ. Любекъ и Люнебургъ были осаждены. Генрихъ бросился въ сильно укрѣпленный Штаде, но напослѣдокъ увидѣлъ себя до такой степени лишеннымъ всякаго пособія, что долженъ былъ просить помилованія. Въ ноябрѣ 1181, созванъ былъ сеймъ въ Эрфуртѣ. Здѣсь, укрощенный левъ повергся къ ногамъ побѣдителя, который, тронувшись такою превратностію судьбы, благосклонно поднялъ его и обнялъ со слезами. «Ты самъ виною своего паденія,» сказалъ Императоръ. Однакоже Герцогъ не получилъ прощенія; ибо Фридрихъ нехотѣлъ, по внушенію мгновеннаго умиленія, подвергать опасности спокойствіе Имперіи, и не могъ этого сдѣлать изъ уваженія къ прочимъ князьямъ: многіе изъ нихъ, при жестокой ихъ ненависти къ Генриху, отложились бы отъ него. Генрихъ потерялъ свои герцогства, и даже высланъ былъ на три года изъ государства; но собственно ему принадлежащія брауншвейгскія и люнебургскія земли предоставлены были ему и его семейству. Онъ поѣхалъ, съ своею супругою, къ тестю своему Англійскому Королю Генриху II. Такъ быстро одинъ изъ сильнѣйшихъ князей своего времени былъ уничтоженъ, и съ его униженіемъ, казалось, угасъ блескъ дома Вельфовъ. Однако остальная вѣтвь, въ послѣдствіи, пустила еще прекрасныя отрасли. Герцогскій Брауншвейгскій Домъ и фамилія, нынѣ царствующая въ Англіи, по прямой линіи происходятъ отъ Генриха Льва.

Между тѣмъ шестилѣтнее перемиріе въ Италіи кончилось, и Императоръ, увидѣвшій послѣ битвы при Леньяно недостаточность своихъ силъ и настоящее положеніе дѣлъ италіянскихъ, старался о заключеніи мира. Дѣйствительно, на великомъ сеймѣ въ Констанцѣ, состоялся знаменитый миръ, названный по имени сего города (подписанъ 24 іюня 1183), котораго главныя условія были слѣдующія. Города, внутри стѣнъ своихъ, владѣютъ и пользуются всѣми регаліями и преимуществами; а вић города только тѣми, которыя имъ пожалованы. Въ разсужденіи сомнительныхъ, должно произвести слѣдствіе, или, если города на то несогласны, они должны ежегодно платить за нихъ по двѣ тысячи марокъ серебромъ. Аппелляціи по дѣламъ, свыше двадцати пяти фунтовъ имперской монеты, поступаютъ къ императору, который, для этой цѣли, въ каждомъ епископствѣ или каждомъ городѣ поставитъ намѣстника. Но, если онъ самъ гдѣ находится, все предоставляется на судъ ему. Всѣ консулы, подесты и правительственныя лица избираются гражданами, но достоинства сіи жалуетъ имъ императоръ. Подобно васалламъ, они даютъ ленную присягу. Равнымъ образомъ всѣ граждане, отъ семнадцати до семидесяти лѣтъ, должны присягать императору въ вѣрности, и возобновлять сію присягу каждыя десять лѣтъ. При вступленіи императора въ Италію, города обязаны содержать для него въ исправности дороги и мосты, и повсюду доставлять жизненные припасы для него и для его свиты, а императоръ обѣщаетъ не обременять ни одного города слишкомъ долговременнымъ пребываніемъ. Наконецъ, гражданамъ дозволяется имѣть стѣны и укрѣпленія, даже заключать между собою всякаго рода союзы. Такимъ образомъ, Фридрихъ даровалъ теперь городамъ почти все, въ чемъ, за двадцать пять лѣтъ, отказано было имъ на Полѣ Ронкалійскимъ.

Миръ, послѣ столь долгаго несогласія водворенный въ Германіи и Италіи, равно какъ и въ Церкви, побудилъ Императора дать общій праздникъ, какого дотолѣ еще не видали. Ближайшимъ поводомъ къ сему было тор-

жественное пожалованіе рыцарскаго званія двумъ старшимъ сыновьямъ его. Къ Троицыну Дню 1184 года, собрались, по его приглашенію, въ Майнцъ прелаты и князья, аббаты и священники, графы и дворяне. Стеченіе пріѣзжихъ было такъ велико, что городъ Майнцъ не могъ вмѣстить ихъ, и для того надлежало занять большую равнину за воротами, на которой изъ палатокъ выстроенъ былъ, можно сказать, другой городъ. Одинъ Кёльнскій Архіепископъ имѣлъ въ своей свитѣ болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ. Всѣ князья и дворяне, даже весь народъ, три дня великолѣпно угощаемы были Императоромъ, для чего навезено было невѣроятное множество съѣстныхъ припасовъ и вина. Это изобиліе на пирахъ, ослѣпительная роскошь одеждъ, оружія и коней у безчисленныхъ рыцарей, блескъ женской красоты, разнообразныя игры и потѣхи, разливали всеобщее удовольствіе и радостный восторгъ. Императоръ, въ которомъ соединялись удивительнымъ образомъ величіе и кротость, владычествовалъ среди сего торжества; казалось, всякое удовольствіе и весь блескъ жизни происходили отъ него, были лучезарнымъ отраженіемъ его короны.

Въ августѣ 1184 года, Фридрихъ въ шестой разъ посѣтилъ успокоенную теперь Италію. Въ Веронѣ онъ имѣлъ свиданіе съ новымъ Папою Луціемъ III (Александръ III умеръ въ 1181 году), который изгнанъ былъ Римлянами изъ города, за что онъ подвергнулъ ихъ проклятію. Оба владыки предсѣдательствовали здѣсь на имперскомъ и церковномъ собраніи, которое продолжалось съ августа до ноября. Но между папою и императоромъ возникло столько новыхъ распрей о правахъ духовныхъ лицъ, посвященныхъ во время церковнаго раскола антипапами, что послѣдній прервалъ переговоры, и рѣшился привлечь къ себѣ старинныхъ союзниковъ Римскаго Престола, Ломбардовъ; отправился въ Миланъ, былъ тамъ принятъ съ почестями, и заключилъ съ симъ городомъ, прежде ему ненавистнымъ, договоръ для сохраненія Констанцкаго Мира (1186). Въ ноябрѣ того же года Луцій III скончался въ Веронѣ, и преемникъ его, Урбанъ III, также боялся

строптивости Римлянъ до такой степени, что, подобно Луцію, жилъ въ Веронѣ. Столь мало имѣли силы мнимые владыки міра въ собственномъ своемъ городѣ!

Фридрихъ сдѣлался подъ старость, послѣ тяжкихъ бореній и опытовъ, спокойнѣе и человѣколюбивѣе. Злоба противъ разцвѣтающихъ городовъ италіянскихъ исчезла изъ его сердца; онъ радовался въ Италіи, какъ и въ Германіи, заслуженному спокойствію, веселой, привольной жизни, и новые виды, открывшіеся для него въ сіи годы, обѣщали ему путемъ миролюбивымъ увеличеніе и утвержденіе его власти въ Италіи, какого онъ, въ молодыя лѣта, едва ли мечталъ достигнуть силою оружія. Король Сицилійскій Вильгельмъ II (1166—1189) былъ бездѣтенъ; его единственная родственница и наслѣдница была Констанція, сестра отца его. Фридрихъ сталъ сватать ее за сына своего Генриха, и, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, дѣйствительно заключилъ брачный союзъ. Полтораста тяжело навьюченныхъ коней привезли богатое приданое въ Миланъ. Здѣсь, 27 января 1186, Патріархъ Аквилейскій совершилъ бракосочетаніе двадцатиодно-лѣтняго Генриха и Констанціи, которая была десятью годами старѣе его. Нѣмецкіе, ломбардскіе и норманнскіе дворяне стеклись со всѣхъ сторонъ, и празднества и рыцарскія игры превзошли великолѣпіемъ и блескомъ все, что когда либо видѣли въ этомъ родѣ.

Доселѣ Норманны были вѣрными союзниками папъ и врагами императоровъ; но теперь сила ихъ соединилась съ императорскою, и въ будущности, не слишкомъ отдаленной, являлись царства Гогенштауфеновъ на югѣ и сѣверѣ. Это обстоятельство устрашило Урбана и увеличило остуду между имъ и Императоромъ. Урбанъ жаловался, что Императоръ не отдаетъ Церкви Матильдиныхъ владѣній, и оспоривалъ у него право споліи, по силѣ котораго императоры присвоивали себѣ движимое имущество умершихъ епископовъ *). Когда, сверхъ того, Урбанъ посвя-

*) Слѣды этого обыкновенія можно находить до девятаго вѣка. Такое присвоеніе считалось доходомъ протектора церкви

тилъ отверженнаго Фридрихомъ Фолькмара въ архіепископы Трира, дошло до явнаго разрыва. Папа старался возбудить нѣмецкихъ епископовъ противъ Фридриха, и Кёльнскій Архіепископъ Филиппъ дѣйствительно взялъ его сторону. Тогда Фридрихъ, предоставивъ своему сыну управленіе Италіею, возвратился въ Германію, и созвалъ нѣмецкихъ прелатовъ и князей на сеймъ въ Гельнгаузенъ. Здѣсь онъ представилъ имъ, какими важными коронными правами предшественники его пожертвовали Церкви, что онъ все оставилъ по-старому, но что папы дѣлаютъ часъ отъ часу большія притязанія, и теперь на немъ лежитъ долгъ хранить остальное тѣмъ съ большею твердостію. Подвигнутые словами его, епископы обѣщали писать къ Папѣ, и склонять его къ миру и умѣренности. Фридрихъ тѣмъ непоколебимѣе остался при своемъ намѣреніи, и въ слѣдующемъ году (1187) изгналъ Архіепископа Фолькмара, равно какъ непослушныхъ Епископовъ Мецскаго и Верденскаго.

## 10. Третій Крестовый Походъ.

### (1189 — 1190).

Узнавъ о сихъ происшествіяхъ въ Германіи, Урбанъ рѣшился уже произнесть проклятіе на Императора, когда смерть постигла его самого (окт. 1187), и въ то же время пришла съ Востока печальная вѣсть, что Іерусалимъ, послѣ осьмидесяти осьми-лѣтняго обладанія, опять отнятъ у Христіанъ Саладиномъ, и что тамъ ничего не осталось въ рукахъ ихъ, кромѣ Антіохіи, Триполя и Тира.

Юссуфъ Саладинъ, сынъ Эюба, происходилъ отъ племени курдскаго и возвысился на службѣ Нуреддина (см. выше,). Когда сей государь, въ 1163 году, послалъ войско въ Египетъ, чтобы возстановить бѣжавшаго къ нему, изгнаннаго визиря Фатимидовъ, и въ то же

---

за его труды. Какъ императоръ послѣ епископовъ, такъ другіе патроны брали движимое имѣніе послѣ низшаго духовенства.

время пріобрѣсти точку опоры для распространенія собственной власти надъ сею страною, Саладинъ сопровождалъ войска, которыми начальствовалъ дядя его, Ширкугъ. Уже тогда онъ былъ душею предпріятія, но когда Ширкугъ, послѣ многократныхъ сраженій сдѣлавшись самъ визиремъ въ Египтѣ, умеръ, и племянникъ наслѣдовалъ ему въ семъ достоинствѣ, превосходныя царственныя дарованія его раскрылись въ полной мѣрѣ. На дѣлѣ онъ былъ уже теперь повелителемъ царства, хотя все еще несъ званіе намѣстника Нуреддинова. Послѣдній потомокъ Обейдаллаха, Адедъ, умеръ въ 1171 году, и никто другой не занялъ его мѣста. Это не произвело никакой существенной перемѣны; только Суннитскій Халифъ Багдала былъ признанъ духовнымъ главою. Впрочемъ, между Нуреддиномъ и Саладиномъ готова была возгорѣться война за свѣтскую власть надъ Египтомъ, если бы, въ 1173 году, смерть не похитила перваго. Теперь никто болѣе не оспоривалъ престола у Саладина. И христіанскіе писатели единогласно свидѣтельствуютъ о превосходныхъ качествахъ сего великаго государя: онъ былъ храбръ, справедливъ, благотворителенъ, великодушенъ, другъ и покровитель наукъ. Раздоры, по смерти Нуреддина терзавшіе его домъ, помогли ему постепенно присвоить себѣ всѣ его земли. Наконецъ, держава его простиралась отъ Каира до Алеппа, и, въ видѣ полукружія, обхватывала узкое прибрежье Царства Іерусалимскаго. Восточные Христіане не могли имѣть врага опаснѣйшаго, но, при всей скудости силъ и средствъ противиться ему, слѣдовали политикѣ безразсудной. Внутреннія распри препятствовали согласной и дружной оборонѣ; не смотря на случайные, частные, храбрые подвиги, и нравственное разслабленіе Пулланов (такъ называли тамошнихъ Христіанъ) не допускало ихъ до порывовъ воодушевленія, забывающаго всѣ другія выгоды, которое одно могло бы спасти государство въ такомъ положеніи. Послѣ продолжительной, почти непрерывной борьбы, заключено было, въ 1184 году, перемиріе съ Саладиномъ. Но Гвидонъ Лузиньянскій, спустя два года вступившій на

престолъ *), не умѣлъ воспользоваться сею отсрочкою, чтобы приготовить и укрѣпить государство для новыхъ опасностей и бурь. Вскорѣ наглое насиліе рыцаря Райнальда Шатиліонскаго уничтожило всякую надежду на дальнѣйшее продолженіе перемирія, и повергнуло государство въ совершенную погибель. Онъ напалъ на мать Саладинову, которая, полагаясь на договоръ, ѣхала владѣніями Христіанъ, разграбилъ ея сокровища и побилъ ея проводниковъ. Гвидонъ отказалъ въ удовлетвореніи, и война сдѣлалась неизбѣжною. Въ битвѣ при Гиттинѣ или Тиверіадѣ (4 іюля 1187), Христіане потерпѣли совершенное пораженіе; Король Гвидонъ, его братъ, гросмейстеръ Храмовыхъ Рыцарей и множество другихъ дворянъ взяты были въ плѣнъ. Саладинъ, въ шатрѣ своемъ, великодушно подалъ Королю кубокъ гостепріимства; но вѣроломнаго Райнальда постигла смерть отъ руки его. Сидонъ, Яффа, Беритъ, Акконъ, (Акра) и другіе города, въ слѣдствіе этой побѣды, достались въ руки Султана; наконецъ и Іерусалимъ, по договору, который назначалъ выкупъ съ жителей, по десяти золотыхъ монетъ съ мужчины, по пяти съ женщины и по одной съ малолѣтнаго. Третьяго октября Саладинъ имѣлъ въѣздъ свой. Кресты были низринуты, изъ Храма Соломонова вынесены священныя знаменія и сосуды христіанскіе, и Мусульмане собрались туда на молитву. Граждане получили сорокъ дней сроку для внoса выкупныхъ денегъ. Въ теченіе всего этого времени не случилось ни убійства, ни насилія. Двумъ тысячамъ Христіанъ, которые не могли выкупиться, и потому въ силу договора должны были остаться плѣнниками у Турокъ, Саладинъ даровалъ свободу; а когда и послѣ сего еще многіе бѣдные принуждены были остаться, онъ

---

*) За Балдуномъ III послѣдовалъ въ 1162 году младшій братъ его, Амальрикъ. Оба слѣдующія царствованія несовершеннолѣтнихъ: сына его Балдуина IV (1173—1185) и внука, Балдуина V (до 1186) совершенно разстроили внутреннее состояніе государства.

великодушно позволилъ выйти всякому, кто могъ доказать свою несостоятельность. Наконецъ переселенцы прошли мимо его, имѣя при себѣ движимое имущество свое. Тогда жены и дѣти взятыхъ въ плѣнъ на сраженіи стали умолять о помилованіи, и Султанъ даровалъ свободу всѣмъ ихъ родственникамъ. Между семействами, которыхъ мужья и отцы пали, между больными и бѣдными, онъ велѣлъ раздѣлить двѣсти тысячь золотыхъ монетъ. Такъ человѣколюбиво Саладинъ поступилъ съ врагами своей вѣры; такъ мало походило завоеваніе Іерусалима Курдами и Сельджуками на взятіе его христіанскими ратниками перваго Крестоваго Похода!

Въ Европѣ, участіе къ Востоку, послѣ бѣдственнаго окончанія втораго Крестоваго Похода, охладѣло; но вѣсть о потерѣ Святаго Града произвела всеобщее уныніе, и снова пробудила въ князьяхъ и рыцаряхъ всѣ набожно-романтическія чувства, которыя воодушевляли нѣкогда отцевъ ихъ къ завоеванію Обѣтованной Земли. Григорій VII, преемникъ Урбановъ, издалъ посланіе ко всѣмъ Христіанамъ, приглашая ихъ возстать и снова освободить Святыя Мѣста. Въ декабрѣ 1187 года, онъ скончался, и новый Папа, Климентъ III, примирился съ Императоромъ. Послѣдній простилъ потомъ и Кельнскаго Архіепископа Филиппа на сеймѣ Божіемъ (Hoftage Gottes), какъ Фридрихъ назвалъ собраніе князей, въ посту 1188 года съѣхавшееся въ Майнцъ. Здѣсь положено было предпринять новый крестовый походъ, которымъ престарѣлый Императоръ, по набожности своей, хотѣлъ заключить, во славу Божію, длинный рядъ своихъ подвиговъ.

Сопутствовавъ уже въ юности дядѣ своему Конраду III, и на опытѣ знавъ трудности такого похода, Императоръ приступилъ къ дѣлу съ великою осмотрительностію и благоразумiемъ. Онъ заблаговременно отправилъ пословъ къ Королю Венгерскому, къ Калиджу Арслану II, Султану Иконійскому, и къ Греческому Императору Исааку Ангелу. Всѣ трое обѣщали вспоможеніе. Всего болѣе онъ заботился о томъ, чтобы въ его отсутствіе не была нарушена тишина въ Имперіи. Для того, передъ выступле-

ніемъ въ походъ, онъ разорилъ многіе хищническіе замки, и издалъ мирную грамоту (Friedenbrief), въ которой приказывалъ объявлять о начатіи всякой частной войны (Fehde) за три дня чрезъ надежныхъ гонцевъ. Убійство и зажигательство долженствовали быть наказываемы государственною опалою. Генрихъ Левъ, который въ 1185 году возвратился въ Германію, долженъ былъ снова выѣхать изъ Имперіи на три года. Чтобы избавить войско отъ безполезной и обременительной челяди, вышло запрещеніе, чтобы никто не смѣлъ участвовать въ походѣ, кто не можетъ взять съ собою, по крайней мѣрѣ, трехъ марокъ серебра.

Въ Юрьевъ День *) (23 апр.) 1189 года, крестоносцы двинулись въ наилучшемъ порядкѣ изъ Регенсбурга, положеннаго сборнаго мѣста. Князья, сопутствовавшіе престарѣлому Императору, были: второй сынъ его, Герцогъ Фридрихъ Швабскій, Герцоги Бертольдъ Меранскій и Оттокаръ Штирійскій, Маркграфъ Германнъ Баденскій, Графъ Адольфъ Голстинскій, Графъ Рупертъ Нассаусскій, Епископы Вирцбургскій, Оснабрюкскій, Мейссенскій, Пассавсскій и другіе. На праздникъ Троицы прибыли въ Пресбургъ, гдѣ Императоръ съ нѣмецкими князьями, провожавшими его дотолѣ, имѣлъ послѣднее совѣщаніе о дѣлахъ Имперіи, и старшему своему сыну, Римскому Королю Генриху, поручилъ правленіе. Подъ Граномъ, Король Венгерскій, Бѣла III (1173—1196), встрѣтилъ Императора съ блистательною свитою, и тамъ же Герцогъ Фридрихъ обручился съ дочерью сего государя. Въ окрестностяхъ Бѣлграда, Императоръ сдѣлалъ смотръ войску, и кромѣ пятидесяти тысячь рыцарей нашелъ еще такое же число способныхъ воиновъ.

Къ Исааку Ангелу отправлены были новые послы; но сей государь, опасаясь, что намѣреніе Фридриха кло-

---

*) Въ Средніе Вѣки дни, при опредѣленіи времени, часто приводимы были по святымъ, которыхъ праздникъ тогда приходился, или по предшествовавшимъ днямъ воскреснымъ.

нится собственно къ завоеванію Греческой Имперіи, оказался, сверхъ чаянія, вѣроломнымъ. Онъ велѣлъ посадить пословъ въ темницу, и, на дальнѣйшемъ походѣ черезъ Болгарію, войско крестоносцевъ, вмѣсто обѣщанныхъ расположеній, нашло заложенные проходы и засѣки, и толпы Болгаровъ, которые тревожили пришлецовъ ядовитыми стрѣлами и метательными орудіями, или убивали заблудившихся и отсталыхъ. Большой городъ Филиппополь, во Ѳракіи, покинутъ былъ гарнизономъ и почти всѣми жителями, но, разставленные, по близости, греческіе полки производили непріязненныя дѣйствія, такъ что Нѣмцы поступили съ этою землею, какъ съ непріятельскою, и собрали несмѣтную добычу. Императоръ Исаакъ отпустилъ пословъ Фридриха, но все еще не оказывалъ миролюбивыхъ расположеній; онъ обнародовалъ даже письмо къ Фридриху, наполненное угрозами и смѣшнымъ хвастовствомъ. Между тѣмъ Фридрихъ 3 ноября двинулся отъ Филиппополя; греческія войска отступили предъ нимъ въ безпорядкѣ. Въ Адріанополѣ, оставленномъ большею частію жителей, онъ рѣшился провести зиму. Герцогъ Швабскій взялъ приступомъ Демотику и нѣсколько другихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, и побилъ бывшія въ нихъ войска. Тогда Исаакъ увидѣлъ, что ему надобно перемѣнить политику. Въ февралѣ 1190 года заключенъ былъ новый договоръ, которымъ Греческій Императоръ обѣщалъ давать безпрепятственный проходъ крестоносцамъ и снабжать ихъ войско всѣми потребностями. Фридрихъ за то обѣщалъ всюду соблюдать строгій воинскій порядокъ, и не дѣлать никому обиды.

Шесть дней продолжалась переправа чрезъ Геллеспонтъ, на греческихъ корабляхъ. Въ Азіи затрудненій было не менѣе, особенно когда и Иконійскіе Сельджуки оказались вѣроломными. Переходъ черезъ горы стоилъ множества людей и коней. Послѣдніе были, большею частію, съѣдены голодными воинами. Повсюду легкіе турецкіе всадники выскакивали изъ горныхъ ущелій, нападали на проходящихъ, и весьма рѣдко удавалось остановить ихъ и принудить къ бою. Неутомимое нѣмецкое воинство

наконецъ пришло подъ Иконій, гдѣ собралась вся сила Сельджуковъ, числомъ значительно превосходная. Нѣсколько дней продолжалось отчаянное сраженіе. Когда опасность достигла высшей степени, многіе оробѣли, а другіе подались назадъ отъ сильнаго напора непріятелей, Императоръ воскликнулъ: «Что медлите, что робѣете вы, вышедшіе изъ отечества, чтобы своею кровію купить Царство Небесное, Христосъ повелѣваетъ, Христосъ даруетъ побѣду!» Сказавъ сіи слова, онъ описалъ на конѣ своемъ кругъ, чтобы дать ему просторъ для разбѣга и понесся далеко передъ всѣми, какъ левъ на невѣрныхъ. Враги не могли устоять отъ сего натиска. 18 маія городъ взятъ былъ приступомъ, и побѣдители нашли такую несмѣтную добычу, что даже не все могли увезти съ собою. Это освѣжило духъ и силу изнуренныхъ воиновъ; 26 маія они опять двинулись впередъ, пошли чрезъ Киликію къ Тавру, и прибыли къ городу Селевкіи, на рѣкѣ Каликаднѣ, или Салефѣ. Здѣсь положенъ былъ предѣлъ подвигамъ доблестнаго Фридриха. Мостъ черезъ рѣку былъ узокъ и войско подвигалось впередъ очень медленно; онъ хотѣлъ переправиться вплавь, и, не слушаясь предостереженій, безстрашно кинулся въ рѣку. Но волны одолѣли слишкомъ смѣлаго старца, его вынесли на берегъ бездыханнаго (10 іюня 1190). Нельзя описать уныніи и скорби его войска! Его внутренности и мозгъ торжественно погребены были въ Антіохіи, а прочее тѣло похоронено въ Тирѣ.

Многіе изъ воиновъ тогда же сѣли на корабли, чтобы воротиться въ Европу, но большая часть, подъ предводительствомъ Герцога Фридриха, продолжала походъ черезъ Тарсъ въ Антіохію, гдѣ, по случаю злокачественныхъ болѣзней, похитившихъ множество народа, надлежало простоять восемь недѣль. Оттуда они пошли черезъ Тиръ къ Акрѣ, которую осаждали, уже съ 26 августа 1189 года, выпущенный изъ плѣна Король Гвидонъ и многочисленные на корабляхъ прибывшіе крестоносцы, Датчане, Фризы, Фландряне, Турингійцы и Италіянцы. Здѣсь скончался и Герцогъ Фридрихъ (20 января 1191)

отъ горячки; остатки Нѣмцевъ, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ, помогали осаждающимъ.

Такъ несчастливо кончилось послѣднее предпріятіе Фридриха I для его войска, но не для него: онъ не могъ заключить своей богатой дѣяніями жизни, славнѣе, какъ на войнѣ за Вѣру, при исполненіи самаго высокаго царственнаго долга. Ему было около семидесяти лѣтъ. Всѣ писатели славятъ его превосходныя свойства. Онъ былъ средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, величественнаго, но пріятнаго вида, очень бѣлокуръ, имѣлъ густые, курчавые волосы и рыжеватую бороду (отчего Италіянцы дали ему прозваніе Барбаросса). При всей личной храбрости, онъ не любилъ войны, былъ также медленъ на гнѣвъ, и склоненъ къ примиренію съ кающимися. Его благоговѣніе при молитвѣ и богослуженіи, его щедрость къ духовенству, котораго властолюбіе однако онъ непрестанно обуздывалъ, его благотворительность къ бѣднымъ и чистота нравовъ сдѣлали его образцемъ истиннаго рыцаря. Онъ искусно владѣлъ природнымъ языкомъ, по Латыни изъяснялся несвободно отъ непривычки; любилъ Исторію и тѣхъ, которые ею занимались, и Фрейзингенскому Епископу Оттону, своему двоюродному, или, по другимъ, побочному брату, самъ сообщилъ извѣстія о своихъ дѣяніяхъ, хотя они, по скромному его замѣчанію, въ сравненіи съ тѣмъ, что совершили герои древности, были болѣе тѣни, нежели дѣянія.

Крестовый Походъ Императора и осада Акры, подали поводъ къ основанію третьяго, великаго Рыцарскаго Ордена. Еще въ 1128 году, въ Іерусалимѣ положено было основаніе Германскому Гостепріимному и Больничному Дому, и участники въ семъ богоугодномъ заведеніи составили родъ орденской общины, подъ именемъ Братій Маріинскаго Госпиталя въ Іерусалимѣ. Между тѣмъ, богоугодныя старанія сего братства долгое время не обращали на себя вниманія, или приписывались двумъ, болѣе извѣстнымъ, рыцарскимъ орденамъ Іоаннитовъ и Храмовниковъ. Подъ Акрою, гдѣ Христіане испытали жестокія бѣдствія, голодъ и язву, жребій Нѣмцевъ былъ самый

ужасный, потому что они пришли уже обезсиленные и больные отъ трудовъ и лишеній, и имъ никто не подавалъ помощи и облегченія, ибо Храмовники заботились о Французахъ, а Іоанниты объ Италіянцахъ. Тогда нѣкоторые граждане изъ Любека и Бремена, по чувству состраданія и христіанскаго милосердія, устроили въ палаткахъ изъ корабельныхъ парусовъ скудный нѣмецкій госпиталь, и къ нимъ пристали члены упомянутаго братства. Сія благородная ревность возбудила вниманіе Герцога Фридриха. Разсудивъ, что оба уже существующіе ордена назначены были особенно для странниковъ изъ Франціи и Италіи, а Нѣмцы нуждались въ подобномъ учрежденіи, рѣшился онъ положить прочное основаніе сему дѣлу любви и милосердія, и изъ братій нѣмецкаго госпиталя, составить новый рыцарскій орденъ (1190). Правила и законы даны были ему по образцу обоихъ старшихъ орденовъ Святой Земли. Римскій Король Генрихъ VI и Папа Климентъ III утвердили его (1191), но Генрихъ не дожилъ до объявленія ордена на Востокѣ. Первоначально сорокъ нѣмецкихъ дворянъ дали обѣтъ въ присутствіи Короля и Патріарха Іерусалимскихъ, и стали именоваться нѣмецкими братьями Церкви Святой Маріи въ Іерусалимѣ (Marianenritter, Маріинскіе Рыцари). Генрихъ Вальпотъ Бассенгеймскій былъ первый выбранъ въ магистры. И этотъ орденъ получилъ богатыя имѣнія на Востокѣ, въ Италіи, Германіи, Венгріи и Седмиградской Области, вмѣстѣ со многими преимуществами. Въ началѣ тринадцатаго вѣка, важность его возрасла, особенно при великомъ магистрѣ Германнѣ фонъ Зальца, благородномъ мужѣ, храбромъ, дѣятельномъ, славолюбивомъ. Онъ получилъ отъ Императора и отъ Папы, для себя и для своихъ потомковъ, имперское княжеское достоинство *). Подвиги ордена, важные для Исторіи цѣлой Европы въ тринадцатомъ столѣтіи, описаны будутъ въ послѣдствіи.

---

*) Voigt, Gechichte Preußens, Bd. II. Cap. 1. und. 2.

## 11. Крестовый Походъ Королей Филиппа Августа и Ричарда Львиное Сердце.

### (1190 — 1192).

Короли Франціи и Англіи, Филиппъ Августъ и Генрихъ II, воевали между собою, когда пришла вѣсть о потерѣ Іерусалима, и раздался голосъ Папы, призывавшій на помощь угнетеннымъ на Востокѣ. Тогда они рѣшились прекратить свою распрю, и лично переговаривались на съѣздѣ между Жизоромъ (Gisors) и Три (Trie), который продолжался отъ 13 до 21 января 1188 года. Епископъ Тирскій присутствовалъ тамъ въ качествѣ повѣреннаго отъ Восточныхъ Христіанъ, и произнесъ такую трогательную рѣчь, что оба монарха, и съ ними множество ихъ васалловъ и рыцарей, взяли крестъ. Знатнѣйшіе и самые заслуженные были: Вальтеръ, Архіепископъ Руанскій; Балдуинъ, Архіепископъ Канторберійскій; Епископы Бовескій и Шартрскій; Герцогъ Бургундскій Гугонъ III; Графъ Фландрскій Филиппъ; Графъ Блуаскій Теобальдъ; Графъ Першскій Ротро (Rotraud); Графъ Рошфорскій Вильгельмъ; Графъ Шампанскій Генрихъ; Графъ Сансерскій Стефанъ; Графъ Дрескій Робертъ и многіе другіе. Для различія народовъ, Французы приняли крестъ алый, Англичане бѣлый, а Фландрійцы зеленый. Мѣсто сего собранія положено отнынѣ именовать Святымъ Полемъ, и увѣковѣчить деревяннымъ крестомъ и собща построенною церковью. Всѣ должники получили отъ двухъ до трехъ лѣтъ сроку для уплаты занятаго ими, также освобожденіе отъ процентовъ за все время похода; кто не шелъ самъ, тотъ, въ пользу крестоносцевъ, долженъ былъ жертвовать десятою частью всего своего имѣнія. Отъ этой, такъ называемой Саладиновой Десятины, не были изъяты и духовные.

Но выступленіе въ походъ послѣдовало не скоро. Вражда, вновь возникшая между Графомъ Ричардомъ Пуатускимъ, старшимъ сыномъ Генриха II, Графомъ Тулуз-

скимъ Раймундомъ V, привела къ новымъ непріятельскимъ дѣйствіямъ между обоими государствами, которыя однако были прекращены Миромъ Турскимъ. Между тѣмъ, Генрихъ III умеръ 6 іюля 1189 года, и Ричардъ Пуатускій, котораго за геройскую отважность прозвали Львинымъ Сердцемъ, наслѣдовалъ ему въ правленіи Англіи. Герой сей, жаждавшій рыцарской славы, рѣшился немедленно выступить въ Крестовый Походъ, съ возможною скоростью устранилъ всѣ другія занятія, и всякимъ образомъ, даже насильственно, собиралъ деньги, чтобы только скорѣе итти въ Палестину.

Въ Ивановъ День 1190 года, Филиппъ Августъ принялъ въ Аббатствѣ Св. Діонисія орифламму *), страннический посохъ, съ сумою и благословеніемъ хранившимся тамъ терновымъ вѣнцемъ Спасителя. Въ Везеле (Vezelai) оба Короля соединились, и пошли вмѣстѣ въ Ліонъ. Отсюда Филиппъ отправился въ Генуу, Ричардъ въ Марсель. Хотѣли въ этотъ разъ предпринять путешествіе моремъ, къ чему Генуа, Пиза и Венеція съ радостью предлагали свое содѣйствіе. Города сіи отъ Крестовыхъ Походовъ пришли въ цвѣтущее состояніе. Отъ перевоза войскъ и поставки припасовъ, богатство, торговля и промышленность въ стѣнахъ ихъ умножились значительно. Съ тѣмъ вмѣстѣ возрасли внутреннія силы, равно какъ наружный блескъ и удобство гражданской жизни. Но часто возвращающіеся корабли, вмѣсто произведеній Востока, привозили только землю изъ Обѣтованной Страны, для наполненія ею кладбищъ; набожные люди вѣрили, что смертный сонъ въ священной персти будетъ покойнѣе.

Въ Мессинѣ оба Короля опять соединились. Но уже

---

*) Государственное знамя Французовъ, пользовавшееся уваженіемъ, какъ палладіумъ; собственно церковная хоругвь Аббатства Св. Діонисія, заступника Франціи. Оно состояло изъ куска алой тафты, внизу вырѣзаннаго тремя клиньями, на которыхъ висѣли зеленыя шелковыя кисти, и изъ позолоченнаго древка. Лудовикъ VI ввелъ первый это знамя въ 1124 году.

здѣсь начался между ними пагубный раздоръ, который всегда находилъ новую пищу въ совершенно различныхъ характерахъ Филиппа и Ричарда, и въ національной ненависти ихъ народовъ. Этотъ раздоръ продолжался во все время Крестоваго Похода, и болѣе всего другаго повредилъ его успѣху. По этой причинѣ надлежало провести цѣлую зиму въ Сициліи. Наконецъ, 30 марта 1191, Французы отплыли на корабляхъ генуэзскихъ, и прибыли благополучно въ Палестину. 10 апрѣля, Ричардъ послѣдовалъ съ двумя стами кораблей, большею частью англійскихъ. Буря разсѣяла флотъ, и Ричардъ, чтобы собрать разбросанные корабли, присталъ къ Кипру. Сей островъ принадлежалъ собственно Византійской Имперіи, но теперь Исаакъ, вельможа изъ дома Комненовъ, господствовалъ на немъ независимо. Князь сей поступилъ жестоко съ потерпѣвшими несчастіе крестоносцами англійскаго войска, вышедшими на берегъ, объявилъ ихъ плѣнными, и отнялъ у нихъ имущество. Ричардъ потребовалъ вознагражденія и удовлетворенія. Когда Исаакъ отказалъ ему въ этомъ, онъ сдѣлалъ высадку, взялъ приступомъ гавань Лимазоль, и въ пятнадцать дней завоевалъ весь островъ. Потомъ наименовалъ двухъ англійскихъ рыцарей намѣстниками, и принудилъ жителей отдать половину своей недвижимой собственности для его воиновъ, которымъ надлежало поручить защиту области и оборону крѣпостей. Обезпечивъ такимъ образомъ обладаніе, островомъ, Ричардъ продолжалъ свое плаваніе, и 5 іюня бросилъ якорь подлѣ Акры. Подъ симъ городомъ, который Турки защищали съ величайшею храбростію и усиліемъ, Гвидонъ Лузиньянскій стоялъ уже почти два года. Теперь, когда онъ получилъ такія подкрѣпленія — еще прежде, какъ намъ извѣстно, присоединились къ нему остатки нѣмецкой арміи и другіе странники — положеніе осажденныхъ становилось часъ отъ часу безнадежнѣе. Французы и Англичане условились между собою ходить на приступъ Акры черезъ день, поперемѣнно. Соревнованіе въ храбрости произвело то, что осажденные, 12 іюля 1191 года, сдали городъ. Саладинъ тщетно старался помочь ему. Жители получили

свободный пропускъ, однако ничего не могли взять съ собою, кромѣ одежды, и Султанъ долженъ былъ заплатить обоимъ Королямъ двѣсти тысячъ золотыхъ монетъ выкупа за плѣнныхъ. Филиппъ Августъ и Ричардъ раздѣлили городъ и сокровища, и когда Герцогъ Австрійскій Леопольдъ VI, принимавшій весьма дѣятельное участіе въ осадѣ, на одной башнѣ поднялъ свое знамя, гордый Ричардъ велѣлъ сорвать оное и втоптать въ грязь. Герцогъ, не имѣвшій достаточныхъ силъ для сопротивленія, отложилъ месть до удобнѣйшаго времени, оставилъ городъ и раскинулъ станъ свой въ предмѣстіи. И Филиппъ Августъ не могъ долѣе сносить высокомѣрія и грубости Ричарда; сверхъ того онъ видѣлъ съ завистію, что его совмѣстникъ снискалъ большую славу и оказалъ блистательнѣйшую храбрость, между тѣмъ какъ его самого изнуряла болѣзнь. По симъ причинамъ, 30 іюля онъ опять сѣлъ на корабль. Но, не желая подать вида, будто онъ хочетъ покинуть общее дѣло, или въ Европѣ воспользоваться отсутствіемъ Ричарда, онъ оставилъ большую часть французскихъ воиновъ, подъ предводительствомъ Гугона, Герцога Бургундскаго, и всенародно клялся надъ Евангеліемъ: что онъ самъ не будетъ дѣлать вреда Королю Англіи, его землямъ и людямъ, и никому другому этого не позволитъ, напротивъ будетъ споспѣшествовать имъ въ мирѣ, и по мѣрѣ силъ защищать ихъ отъ вражескихъ нападеній, какъ въ случаѣ опасности сталъ бы охранять столицу Парижъ.

Между Ричардомъ и Саладиномъ произошло несогласіе изъ-за условленной выкупной суммы, до уплаты которой часть гарнизона акрскаго удержана была въ видѣ залога, и какъ Султанъ не вдругъ могъ доставить сіи деньги, то Ричардъ велѣлъ вывесть на лугъ двѣ тысячи пять сотъ плѣнныхъ и побить ихъ (20 августа). Это сдѣлалъ Король, который взялъ крестъ за Божественнаго Искупителя и Его ученіе; это сдѣлалъ рыцарь надъ храбрыми мужами, о которыхъ христіанскій очевидецъ осады Акры говоритъ: Никто въ свѣтѣ не превзошелъ бы ихъ, еслибы только ихъ вѣра была истинная. Потомъ Ричардъ пошелъ далѣе, одержалъ нѣсколько побѣдъ, и

являлъ неоднократно опыты львиной храбрости, но мѣры, взятыя противъ него Саладиномъ, съ которымъ онъ не могъ равняться въ искусствѣ воинскомъ, недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, умеиьшеніе числа способныхъ воиновъ и распри съ Французами произвели то, что великая цѣль Крестоваго Похода, завоеваніе Іерусалима, не была достигнута. Бывъ дважды въ виду святаго города (13 января и 10 іюня 1192 года), Ричардъ, къ величайшему прискорбію крестоносцевъ, дважды возвращался, нерѣшительный и утомленный, какъ часто случалось въ важныя минуты, когда не требовалось личнаго боя. Онъ имѣлъ гораздо болѣе военныхъ силъ, и, по крайней мѣрѣ, столько же надежды на счастливый успѣхъ, какъ, за девяносто лѣтъ до того, герои перваго Крестоваго Похода. Онъ уже готовъ былъ въ Акрѣ сѣсть на корабль для возвращенія во свояси, когда пришла вѣсть, что Саладинъ тѣснитъ Яффу. Немедленно пошелъ онъ туда съ нѣсколькими судами на парусахъ. Городъ былъ уже завоеванъ и Христіане держались только въ крѣпости. Не смотря на то, онъ неустрашимо кинулся съ своими воинами въ море, достигъ берега, прогналъ Турокъ въ первомъ налетѣ изъ города, и преслѣдовалъ ихъ по дорогѣ къ Рамлѣ, хотя только три лошади были въ его распоряженіи. Потомъ расположился онъ станомъ съ своими воинами, которыхъ всего не болѣе было тысячи человѣкъ, за городскими воротами, и велѣлъ поспѣшно возстановлять разрушенныя стѣны. Пятаго августа, рано поутру, многочисленная турецкая конница напала на него, а Саладинова пѣхота произвела сильный приступъ къ городу. Ричардъ едва успѣлъ надѣть свою кольчугу; обуться же онъ и многіе другіе не имѣли времени. Только онъ самъ и десятеро сподвижниковъ были на коняхъ. Прочимъ рыцарямъ Ричардъ приказалъ плотно сдвинуться, стать на колѣно, щиты выставить впередъ и копья упереть наискось въ землю. За каждыми двумя рыцарями стоялъ стрѣлокъ изъ лука со своимъ помощникомъ, который обязанъ былъ натягивать тетиву. Шесть разъ Турки пытались разорвать крѣпкосомкнутую дружину, и шесть разъ были опрокидываемы.

Потомъ Ричардъ самъ приказалъ двинуться впередъ. Съ десятью своими рыцарями понесся онъ въ средину враговъ, все передъ собою низлагая и разсѣвая. Всѣ ряды непріятельскаго строя, отъ передняго до задняго, отъ праваго крыла до лѣваго, были прорваны. Однажды видѣли его окруженнаго сотнею Турокъ; одному врагу, не смотря на крѣпкіе его доспѣхи, онъ отрубилъ однимъ ударомъ своего меча голову, плечо и руку. Въ самомъ пылу битвы, прибылъ къ нему гонецъ съ извѣстіемъ, что Турки проникли въ городъ. Ричардъ пригрозилъ ему смертію, если онъ не будетъ молчать, и потомъ спокойно объявилъ своимъ, что ему нужно ѣхать въ Яффу, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Съ знаменоносцемъ своимъ и пятью рыцарями, онъ проскакалъ въ ворота, на первой улицѣ убилъ трехъ Турокъ, и распространилъ такой ужасъ, что, по словамъ очевидца, всѣ бѣжали передъ нимъ, какъ полевые звѣри передъ голоднымъ львомъ. Такимъ образомъ онъ очистилъ городъ, собралъ гарнизонъ, вывелъ его для новаго боя, и къ вечеру овладѣлъ полемъ битвы.

Перваго сентября заключено было трехлѣтнее перемиріе съ Саладиномъ: приморскіе города отъ Тира до Яффы, и страна отъ берега морскаго до Рамлы и Лидды, остались въ рукахъ Христіанъ, и всѣ богомольцы могли ходить безпрепятственно ко Святому Гробу. Гвидонъ Лузиньянскій получилъ отъ Ричарда Кипръ, въ видѣ англійскаго лена; Графъ Генрихъ Шампанскій, племянникъ Ричарда и Филиппа Августа, избранъ былъ въ Короли Іерусалима. Въ октябрѣ 1192, Ричардъ Львиное Сердце уѣхалъ обратно въ Европу. Но еще долго сарацинскія матери стращали плачущихъ дѣтей своихъ словами: Король Ричардъ идетъ, и всадники спрашивали своего пугливаго коня: Ричарда что ли ты видишь? Спустя пять мѣсяцевъ по удаленіи Ричарда, скончался и благородный Саладинъ (4 марта 1193). Умирая онъ говорилъ своему сыну Малехъ-ад-дагеру: «Почитай Всевышняго Бога и слѣдуй Его заповѣдямъ, это доставитъ тебѣ благополучіе. Берегись проливать кровь; пролитая кровь не засыхаетъ. Пріобрѣтай любовь своего народа и пекись объ его бла-

госостояніи, онъ ввѣренъ тебѣ Богомъ и мною. Снискивай любовь эмировъ, я одною кротостью достигъ владычества. Никого не оскорбляй, люди примиряются не прежде какъ совершивъ месть, только Богъ милосердый прощаетъ кающимся.» Онъ оставилъ наличными деньгами только сорокъ семь серебряныхъ монетъ и одну золотую.

## 12. Императоръ Генрихъ VI.

### (1190 — 1197).

Возвращаемся теперь опять въ Германію, которую Императоръ поручилъ смотрѣнію сына своего, Короля Генриха. Войско крестоносцевъ ушло еще не далеко, когда Генрихъ Левъ прибылъ изъ Англіи, и старался возстановить власть свою. Вскорѣ присталъ къ нему Гартвихъ, Архіепископъ Бременскій, и вслѣдъ за нимъ многіе другіе саксонскіе вельможи. Воинское счастіе сначала благопріятствовало Герцогу. Бардевикъ, отказавшійся отворить ему ворота, взятъ былъ приступомъ, разрушенъ, и всѣ мужчины въ немъ побиты. Но такъ какъ онъ не могъ завоевать Зигберга, Гольстинцы отстали отъ него, и Король Генрихъ явился противъ него съ войскомъ. Онъ согласился на договоръ, по которому долженъ былъ срыть стѣны Лауэнбурга и Брауншвейга, и удержать половину Любека, а другую уступить Адольфу, Графу Гольстинскому (1190).

Къ скорому окончанію сего дѣла Король побужденъ былъ особенно извѣстіемъ о смерти Короля Сицилійскаго Вильгельма II, 1 ноября 1189 года. Когда онъ хотѣлъ отправиться въ путь, для вступленія въ новое наслѣдство, пришла вѣсть о смерти отца его въ Азіи, и причинила нѣкоторое замедленіе, а между тѣмъ его враги въ Сицилійскомъ Королевствѣ дѣятельно пользовались временемъ. Большая часть бароновъ, равно какъ народъ, имѣли крайнее отвращеніе къ Нѣмцамъ, и не могли сносить мысли о чуждомъ владычествѣ. По этому они обратили взоры свои на Танкреда, Графа Лечческаго: онъ былъ по-

бочный сынъ принца, умершаго прежде отца своего, Короля Рожера. Танкредъ, въ январѣ 1190 года, былъ вѣнчанъ на царство въ Палермѣ, пріобрѣлъ и твердую землю, и получилъ даже инвеституру отъ Папы Климента III. Король Генрихъ, прибывъ въ Италію, нашелъ города Ломбардіи опять въ жестокомъ междоусобіи, и Целестинъ III, преемникъ недавно (въ мартѣ 1191) умершаго Климента, отнюдь не показывалъ готовности дать ему императорскую корону. Для скорѣйшаго достиженія своей цѣли, онъ согласился на гнусное условіе, обѣщалъ предать Римлянамъ сосѣдственный Тускулумъ, къ которому они питали самую лютую непріязнь, съ тѣмъ, чтобы они склонили Папу возложить на него вѣнецъ императорскій. Лишь только нѣмецкій гарнизонъ былъ выведенъ, Римляне напали на несчастный городъ, разрушили его до основанія, жителей увѣчили, ослѣпляли, убивали. На мѣстѣ погибшаго Тускулума стоитъ нынѣшній Фраскати, названный такъ потому, что немногіе спасшіеся жители сначала обитали въ хижинахъ изъ древесныхъ вѣтвей (frasche).

14 апрѣля, принявъ въ Римѣ вѣнецъ императорскій, Генрихъ пошелъ далѣе въ Апулійское Королевство. До самаго Неаполя всѣ ему присягали, но этотъ городъ оказалъ упорное сопротивленіе. Императоръ осаждалъ его три мѣсяца понапрасну, потомъ болѣзни, причиненныя зноемъ лѣта, и значительная смертность принудили его возвратиться въ Германію. Здѣсь началась новая война съ Генрихомъ Львомъ, который не хотѣлъ соблюдать заключенныхъ имъ мирныхъ условій. Но престарѣлый Генрихъ не имѣлъ успѣха, потерялъ Штаде и Любекъ (1192), и убѣдился, что ему нужно совершенно примириться съ Императоромъ. Неожиданный случай облегчилъ это примиреніе. Пфальцграфъ Конрадъ на Рейнѣ, братъ Императора Фридриха I, имѣлъ дочь Агнесу, которая еще въ дѣтствѣ помолвлена была за старшаго сына Генриха Льва, по имени также Генриха. Разрывъ между обоими сильными княжескими домами, по отложеніи Герцога отъ своего Императора, разрушилъ намѣреніе родителей, но не пога-

силъ любви дѣвицы къ жениху. Она склонила мать на свою сторону, Генрихъ пришелъ ночью въ одеждѣ странника къ замку Конрада въ Сталекѣ, былъ впущенъ, и обвѣнчался втайнѣ. Пфальцграфъ, на слѣдующій день возвратясь отъ двора императорскаго, узналъ о случившемся; онъ страшился гнѣва своего племянника, который въ самомъ дѣлѣ сначала запылалъ сильнымъ гнѣвомъ, но вскорѣ утихъ. Сдѣланнаго нельзя уже было перемѣнить, и Императоръ оказался тѣмъ болѣе расположеннымъ прекратить долговременную распрю. Въ Дуллетѣ (Dullethe) подлѣ Кифгаузена, онъ имѣлъ свиданіе съ престарѣлымъ, теперь уничиженнымъ и близкимъ ко гробу Вельфомъ, и обѣщалъ ему миръ, а сыну его инвентитуру важнаго пфальцграфства послѣ его тестя (1194). Въ слѣдующемъ году, Генрихъ Левъ умеръ въ Брауншвейгѣ, шестидесяти шести лѣтъ, безъ сомнѣнія не предчувствуя, что его родъ возобновитъ едва окончанную борьбу спустя нѣсколько лѣтъ съ усиленнымъ рвеніемъ.

Императоръ поспѣшилъ водворить миръ въ Германіи, потому что Король Танкредъ (въ февралѣ 1194) умеръ, и ему открылись теперь благопріятнѣйшіе виды на пріобрѣтеніе Королевства Сицилійскаго. Онъ поспѣшилъ походомъ въ Италію, и склонилъ къ содѣйствію морскія державы Генуу и Пизу большими обѣщаніями, которыхъ послѣ не сдержалъ, да и никогда сдержать не думалъ. Безъ большаго труда онъ покорилъ какъ твердую землю, такъ и островъ Сицилію; тѣ, которые прежде усердствовали возвести на престолъ туземнаго короля вмѣсто чуждаго, ничего теперь не дѣлали для вдовы Танкредовой, несчастной Королевы Сибиллы, и ея сына Вильгельма. Генрихъ, вѣнчавшись въ Палермѣ, объявилъ объ открытіи составленнаго противъ него заговора, въ которомъ будто бы были замѣшаны не только многіе епископы и знатные Сицилійцы, но и семейство Танкредово. Дѣйствительность сего показанія подлежитъ сомнѣнію; но то достовѣрно, что Генрихъ поступилъ строго и безчеловѣчно, и тѣмъ заклеймилъ на вѣки свое имя; даже еслибы вина была вполнѣ доказана, жестокость его не можетъ быть

оправдана, и почитаема благоразумнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ къ утвержденію владычества. Архіепископы, епископы, графы и дворяне осуждены были какъ измѣнники на позорную смертную казнь; одни были повѣшены, другіе посажены на колъ, сожжены, ослѣплены. Послѣдняя участь постигла и юнаго Вильгельма, который считалъ себя наслѣдникомъ отцевой короны. Такія жестокости не произвели хорошаго дѣйствія, онѣ только усилили народную ненависть Италіянцевъ и худое мнѣніе, какое они имѣли о Нѣмцахъ. Не безпокоясь о проклятіи церковномъ, произнесенномъ на него Папою, Императоръ, при возвращеніи своемъ въ Германію, взялъ съ собою многихъ заложниковъ, управленіе областями въ Сполетѣ, Равеннѣ и Анконѣ поручилъ Нѣмцамъ, а брату своему Филиппу пожаловалъ Тускію и Матильдины владѣнія.

Прибывъ въ отечество, Генрихъ предложилъ князьямъ планъ чрезвычайно важный для всего государства. Онъ желалъ, чтобы императорское достоинство объявлено было наслѣдственнымъ въ его родѣ, за что хотѣлъ соединить Апулію и Сицилію нераздѣльно съ Имперіею, ввести и признать наслѣдственность всѣхъ ленныхъ владѣтелей, и отказаться отъ всѣхъ правъ на имѣніе, остающееся послѣ епископовъ. Пятьдесятъ два князя письменно изъявили свое согласіе, но противорѣчіе остальныхъ воспрепятствовало осуществленію сего предпріятія. Мысль эта свидѣтельствуетъ о дальновидномъ и вѣрномъ политическомъ взглядѣ Генриха; предположеніе его, для возвеличенія своего дома, было бы въ то же время весьма важнымъ шагомъ къ соединенію Германіи въ одно цѣлое. Если бы сей планъ состоялся, то легко могло статься, что Исторія Нѣмецкой Земли приняла бы совсѣмъ иное направленіе. Недостатокъ твердаго закона о преемничествѣ престола, колебаніе между наслѣдственностію и избирательнымъ правомъ вельможъ, произвели въ Средніе Вѣки важныя замѣшательства въ большей части европейскихъ государствъ, но всего болѣе пострадала отъ нихъ Германія, гдѣ пагубныя распри за престолъ имѣли главное вліяніе на расторженіе единства политическаго.

Генрихъ опять отправился въ Сицилійское Королевство. Онъ снова прибѣгнулъ тамъ къ строгости, и такимъ образомъ истреблялъ надежнѣйшую опору всякаго владычества, любовь народную, но въ то же время неутомимо занимался планами къ возвышенію императорскаго престола. Онъ замышлялъ ни болѣе ни менѣе какъ завоевать Византійскую Имперію, по справедливости считая сіе завоеваніе необходимымъ условіемъ для того, чтобы азіятскія приморскія земли были пріобрѣтены прочно для Христіанства и Европы. Среди сихъ обширныхъ замысловъ постигла его смерть. Онъ умеръ, напившись холоднаго послѣ неумѣреннаго разгоряченія на охотѣ, 28 сентября 1197 года, въ Мессинѣ, на тридцать второмъ году своего возраста, и оставилъ только одного сына Фридриха, тогда трехъ лѣтъ отъ роду. По отвагѣ и предпріимчивости, по прозорливости и вѣрному взгляду на вещи, по неутомимой дѣятельности, Генрихъ VI равнялся отцу, по образованію превосходилъ его, но не имѣлъ его нравственнаго благородства: былъ неразборчивъ въ употребленіи средствъ; упорное сопротивленіе доводило его до свирѣпой жестокости, которою онъ надѣялся достигнуть успѣха.

## 13. Папа Иннокентій III.

### (1198 — 1216).

Неожиданная смерть Генриха, казалось, вдругъ ниспровергла все, что было воздвигнуто съ такимъ усиліемъ и въ теченіе столь долгаго времени. И, на бѣду для императорской власти, вскорѣ послѣ того, какъ Германія потеряла могущественнаго и уважаемаго императора, въ Римѣ вступилъ на престолъ одинъ изъ величайшихъ людей, какіе когда либо правили симъ престоломъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Генриха VI, умеръ Целестинъ III, и, по кратковременномъ совѣщаніи, всѣ голоса соединились въ пользу Кардинала Лотарія, урожденнаго Графа Сицилійскаго, который въ папствѣ назвался Иннокентіемъ III. Онъ имѣлъ только тридцать семь лѣтъ отъ роду — возрастъ для гла-

вы Церкви необыкновенный — но обширною ученостью, степенностью обращенія и суровою строгостью своихъ нравовъ, снискалъ уже величайшее уваженіе своихъ современниковъ. Еще большое удивленіе возбудили сила и твердость его характера, съ которыми онъ соединялъ спокойную обдуманность и прозорливость, равно какъ расчетливость и искусство въ распоряженіи дѣлами. Всѣ сіи необыкновенныя дарованія обратилъ онъ, съ самою напряженною дѣятельностію, на управленіе Церковью и на возвышеніе папскаго вліянія на политику государствъ. Въ необходимости и спасительныхъ послѣдствіяхъ такого вліянія онъ убѣжденъ былъ не менѣе Григорія VII, и соединялъ съ симъ внутреннимъ убѣжденіемъ твердую волю и непоколебимую силу дѣйствовать точно такимъ образомъ; ибо обстоятельства, со временъ Григорія, ни одному папѣ не благопріятствовали до такой степени, какъ ему: папство, въ теченіе вѣка, присвоивъ себѣ разныя права и преимущества, имѣло на своей сторонѣ силу общаго мнѣнія и привычки. Послѣ этого, не удивительно, что Иннокентій, на лѣствицѣ папскаго преобладанія, сталъ еще ступенью выше. Еще яснѣе, еще полнѣе, нежели его великій предшественникъ, Иннокентій, проникнутъ былъ возвышенною идеею о владычествѣ Христіанства надъ міромъ. Первый преимущественно ратовалъ за независимость Церкви; Иннокентій, продолжая путь по стопамъ его, могъ утвердить ея преобладаніе. Христіанство, по мысли его, долженствовало проникать и соединять все въ мірѣ; въ немъ все должно было имѣть свое начало и свой конецъ. Оно, полагалъ Иннокентій, обитаетъ преимущественно въ Церкви, которая, посредствомъ непрерывнаго внѣшняго преданія, поддерживаетъ живую и дѣйственную вѣру въ членахъ своихъ; посему Церковь есть блюстительница христіанской религіи; а храненіе Церкви ввѣрено папѣ. И такъ на немъ лежитъ пещись и бодрствовать, дабы все, что происходитъ въ Христіанскомъ Мірѣ, совершалось въ христіанскомъ духѣ. Онъ долженъ защищать права всѣхъ, истекающія изъ Христіанства; къ исполненію христіанской обязанности побуждать

всякаго, кто бы то ни былъ. Царь можетъ свободно управлять подданными; но, какъ исповѣдующій Христа, онъ стоитъ на-равнѣ со всѣми другими; въ этомъ отношеніи, Церковь можетъ удерживать его отъ неприличныхъ поступковъ, увѣщевать къ исправленію. Посему цари міра должны признавать высшую власть папы, какъ верховнаго судіи во имя Божіе, который бдитъ о мирѣ міра. Но его власть не должна быть пустымъ звукомъ, не должна основываться на однихъ средствахъ духовныхъ. Она должна опираться на постепенности церковныхъ предстоятелей, на свѣтскихъ средствахъ, которыми они располагаютъ; какъ меньшіе владѣтели отдаютъ свою собственность въ ленъ епископамъ, такъ короли должны передать свои царства папѣ, и въ память, и въ знакъ того, что и они подлежатъ церковному благочестію, присылать ежегодную дань Престолу Петра. Сія великая духовная власть составляла въ тѣ вѣки спасительный оплотъ противъ не-христіанскаго и безчеловѣчнаго дѣйствованія, противъ грубости и необузданности свѣтской власти; но размышляющимъ людямъ позднѣйшихъ временъ, полное и навсегда утвержденное господство іерархіи, по справедливости, являлось чрезвычайно опаснымъ и пагубнымъ.

Иннокентій началъ съ того, что старался утвердить свѣтскую власть свою на прочнѣйшемъ основаніи. Вскорѣ по посвященіи своемъ, принудилъ онъ императорскаго городоваго префекта въ Римѣ, дать себѣ ленную присягу. Потомъ подстрекнулъ, и безъ того склонныхъ къ мятежамъ, жителей Мархіи Анконской и Герцогства Сполетскаго, изгнать поставленныхъ здѣсь Генрихомъ нѣмецкихъ князей Маркварда Анвейлера и Конрада Люцценгарда съ ихъ гарнизонами. Напрасно первые, не ожидая помощи отъ свѣтской власти, вызывались признать, подобно упомянутому префекту, ленную верховность папы, и посылать въ Римъ ежегодную дань. Иннокентій настоялъ на совершенномъ очищеніи областей. Такимъ образомъ, Папскій Престолъ наконецъ пріобрѣлъ себѣ округъ городовъ и право собственности на Римъ, которое дотолѣ сильно было оспориваемо у него не только императоромъ, но и са-

мими Римлянами, и тѣмъ положилъ основаніе такъ названной впослѣдствіи Церковной Области, которую онъ распространилъ бы еще далѣе, еслибы зависть Архіепископа Равеннскаго не поставила ему предѣловъ.

Положеніе Сицилійскаго Королевства было для Папы не менѣе благопріятно. Императрица Констанція находилась между двухъ партій, вызванныхъ смертію ея супруга, въ такомъ сомнительномъ положеніи, что, безъ покровительства Папы, не надѣялась сохранить корону для своего малолѣтнаго сына. Посему она признала его (Папу) верховнымъ леннымъ владыкою (Oberlehnsherr) Сициліи (см. Ч. IV, стр. 301), согласилась на возвышеніе годичной подати и на уступку правъ, которыя, въ церковныхъ дѣлахъ, прежними папами дарованы были Королямъ Норманнскимъ. За то Иннокентій объявилъ отрока Фридриха законнымъ государемъ Сицилійскаго Королевства. Вскорѣ потомъ, Констанція умерла (1198), назначивъ въ завѣщаніи папу опекуномъ своего сына. Государство сіе постоянно было позорищемъ кровавыхъ распрей, хотя Иннокентій, съ своей стороны, дѣлалъ все, чтобы поддержать права своего питомца. Въ 1209 году, онъ устроилъ бракъ юнаго Фридриха съ Констанціею, сестрою Короля Арагонскаго Петра II и вдовою Эмериха, Короля Венгерскаго.

И въ остальной Европѣ Иннокентій является примирителемъ и устроителемъ царствъ. Филиппъ Августъ, Король Французскій, изгналъ супругу свою Ингебургу, Датскую Принцессу, и женился на дочери Герцога Меранскаго. Какъ нѣкогда Папа Николай принудилъ Короля Лотарингскаго Лотарія, Иннокентій заставилъ Филиппа взять обратно невинную Ингебургу. Короля Леонскаго Алфонса II, онъ заставилъ расторгнуть бракъ свой по причинѣ близкой степени родства. Петръ II Арагонскій и Кало-Іоаннъ Булгарскій получили отъ него свои короны; область послѣдняго, дотолѣ принадлежавшая къ Греческой Церкви, въ то же время подчинена была Римской. Король Португальскій Санчо I не хотѣлъ платить обѣщанной отцемъ его дани Папскому Престолу, но напослѣдокъ долженъ былъ на то согласиться. Въ Венгріи, Иннокентій

прекратилъ распрю между двумя царственными братьями. И Норвегія прибѣгала къ его рѣшенію, кому изъ двухъ соискателей престола отдать предпочтеніе. Но несравненно важнѣе было вмѣшательство Папы въ дѣла Германіи и Англіи, о которыхъ будемъ говорить въ слѣдующихъ статьяхъ.

Съ равнымъ успѣхомъ и твердостію Иннокентій правилъ Церковью. Онъ уничтожилъ вліяніе королей на выборы духовныхъ сановниковъ, гдѣ оно еще существовало; и съ того времени, какъ онъ возсѣлъ на папскомъ тронѣ, имѣніе послѣ умершихъ епископовъ уже не отбиралось въ казну государей. Нравственное достоинство и благочестивая преданность пастырей духовныхъ долженствовали быть столпами Церкви, заслуга и ученость однѣ должны были вести къ высшимъ степенямъ. Папа непрестанно увѣщавалъ клиръ къ ревностному и вѣрному прохожденію своего званія, къ исполненію высокихъ обязанностей священства, въ чемъ самъ подавалъ для всѣхъ прекрасный примѣръ. Не смотря на множество дѣлъ самыхъ разнородныхъ, онъ былъ неутомимъ въ рѣшеніи жалобъ, неединогласныхъ выборовъ, споровъ между епископами, прелатами и пр. Просители имѣли къ нему свободный доступъ. Трижды въ недѣлю онъ собиралъ кардиналовъ, и другихъ изъ отличныхъ духовныхъ, находившихся въ Римѣ, для гласнаго совѣщанія. Здѣсь онъ изслѣдывалъ и разбиралъ всякое показаніе съ такою точностію и проницательностію, обнаруживалъ такое безпристрастіе и благородство, что и теперь дошедшія до насъ письма его, какъ по содержанію, такъ и по формѣ, могутъ служить образцемъ юридическихъ разборовъ и рѣшеній *).

## 14. Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV.

## (1198 — 1218).

Вѣсть о смерти Императора Генриха VI застала его брата, Филиппа, Герцога Швабскаго, въ Витербѣ: онъ въ это время ѣхалъ въ Апулію, чтобы привезти племянника

---

*) v Raumer, Geschichte der Hohenstaufen, Bd. III. S. 247.

своего Фридриха въ Германію, для помазанія и вѣнчанія его въ короли при жизни отца. Онъ тотчасъ возвратился въ Германію, гдѣ его присутствіе было крайне необходимо, если онъ хотѣлъ сохранить императорскую корону своему дому. Архіепископъ Майнцскій былъ тогда на Востокѣ, и дѣлами выбора завѣдывали владыки Трирскій и Кельнскій; они положили быть избранію 1 марта 1198 года. Но извѣстно было, что оба они не благопріятствовали Гогенштауфенамъ. Однако Филиппъ склонилъ на свою сторону многихъ князей; приверженцы Гогенштауфеновъ съѣхались въ Мюльгаузенѣ, и, не желая имѣть опекунскаго правленія, избрали не трехлѣтняго Фридриха, но Герцога Филиппа. Противники объявили сей выборъ незаконнымъ, и хотѣли отдать корону Бертольду Церингенскому. Когда сей послѣдній продалъ свое право Филиппу за деньги, они возвели на престолъ Оттона, втораго сына Генриха Льва. Такимъ образомъ едва погашенная война между двумя враждебными домами запылала съ новою силою; Имперія имѣла двухъ вѣнценосцевъ, и въ возникшемъ оттого междоусобіи опять терзаема была своими собственными сынами.

Обѣ стороны употребляли всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти приверженцевъ, но никто не казался имъ столь важнымъ какъ могущественный Папа. Иннокентій увѣщевалъ князей и духовныхъ особъ прекратить раздоръ, пагубный для государства и Церкви; иначе онъ, по власти принадлежащей ему, какъ намѣстнику Христову, объявитъ себя за того, чьи заслуги покажутся ему важнѣйшими. Но партіи были слишкомъ ожесточены другъ противъ друга, и нельзя было думать о миролюбивомъ соглашеніи; папскія притязанія, и вредное для чести и независимости Имперіи вмѣшательство, пріобрѣли только новый вѣсъ отъ старанія королей снискать его благосклонность, и отъ пагубнаго несогласія князей. Вскорѣ и Иннокентій возсталъ противъ Филиппа, потому что послѣдній, по праву своему и по характеру всего своего племени, сталъ бы гнать Церковь, и тѣмъ непреклоннѣе и опаснѣе, чѣмъ болѣе получилъ бы на

то силы. Послѣ вторичнаго безплоднаго увѣщанія къ миролюбивому соглашенію, Папа приказалъ, чтобы всѣ чины, подъ опасеніемъ проклятія церковнаго, признали королемъ Оттона.

Однако большая часть свѣтскихъ вельможъ оставались на сторонѣ Филиппа, между тѣмъ какъ духовные чины и города поддерживали Вельфа. Филиппъ не щадилъ ни недвижимаго имущества, ни сокровищъ, чтобы умножить число своихъ приверженцевъ; Богемскому Герцогу Примиславу Оттокару I, за его содѣйствіе, онъ пожаловалъ вѣнецъ королевскій *). Десятилѣтняя, междоусобная война, нерѣдко свирѣпая и звѣрская, терзала Германію и ослабляла узы нравственности и порядка. Грабежъ, убійство и зажигательство совершались ненаказанно, и съ такимъ безстрашіемъ, что, когда Вирцбургскій Епископъ Конрадъ хотѣлъ обуздать сіи злодѣйства, изступленные рыцари имперскіе напали на него на дорогѣ въ церковь, убили его и трупъ исказили. Но счастіе болѣе и болѣе благопріятствовало Филиппу, превосходство его силы становилось значительнѣе, и уже самъ Иннокентій, которому онъ обѣщалъ весьма много, склонялся на его сторону. Онъ намѣренъ былъ предложить своему противнику послѣдній рѣшительный бой. Въ день Св. Албана (21 іюня 1208), онъ праздновалъ бракосочетаніе своей племянницы, Беатрисы Бургундской, съ Герцогомъ Оттономъ Меранскимъ, и самъ велъ невѣсту съ великою пышностію къ алтарю. Послѣ обѣда, отъ усталости, онъ легъ отдохнуть въ епископскомъ дворцѣ въ Альтенбургѣ. Жаръ былъ нестерпимый. Только Конрадъ, Епископъ Шпейерскій, Генрихъ, Стольникъ (Truchseß) Вальдбургскій и одинъ комнатникъ (Kämmerer) находились при особѣ Короля, когда Оттонъ Пфальцграфъ Виттельсбах-

---

*) Еще прежде того, императоры жаловали нѣкоторымъ герцогамъ сей земли королевское достоинство (выше, стр. 61), но оно было только личное; отселѣ, оно принадлежало всѣмъ послѣдующимъ богемскимъ государямъ.

скій, въ сопровожденіи Маркграфа Генриха Истрійскаго и шестнадцати вооруженныхъ, вступилъ въ замокъ. Размахивая мечемъ, Оттонъ вбѣжалъ въ комнату. «Здѣсь не мѣсто для фехтовальной игры,» вскричалъ Филиппъ, увидѣвъ его. «Не для игры, а для наказанія твоего вѣроломства!» отвѣтствовалъ Пфальцграфъ, и поразилъ Короля по шеѣ. Въ страхѣ, Епископъ скрылся, но стольникъ громко закричалъ, и съ комнатникомъ поспѣшилъ противостать убійцѣ. Они оба были ранены и должны уступить. Оттонъ бросился изъ замка, вскочилъ со своими товарищами на приготовленныхъ коней и ускакалъ. Рана Филиппа была смертельная. Онъ умеръ на тридцать четвертомъ году, въ то самое время, когда могъ надѣяться, что достигъ цѣли многотрудной борьбы, сталъ единственнымъ обладателемъ престола. Достославныя качества украшали его столько же какъ и его брата Генриха, но тамъ, гдѣ послѣдній вынуждалъ строгостью, онъ выигрывалъ мягкосердіемъ и кротостью. Супруга его, Ирина, дочь Императора Исаака II, нѣжно любившая его, получивъ печальное извѣстіе, удалилась въ Штауфенъ, гдѣ скорбь и сѣтованіе, въ непродолжительномъ времени, пресѣкли дни ея. Оттонъ Виттельсбахскій, племянникъ того Виттельсбаха, которому Фридрихъ I пожаловалъ Баварію, доселѣ, подобно дядѣ и отцу, былъ усерднымъ приверженцемъ Гогенштауфеновъ; но Филиппъ не только, вопреки своему обѣщанію, не отдалъ за него своей дочери, но еще Герцогу Силезскому, вмѣсто ожидаемаго одобренія для новаго сватовства, описалъ его человѣкомъ высокомѣрнымъ и жестокимъ. Оттонъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ такъ вспыльчивъ и свирѣпъ, что однажды коварно умертвилъ дворянина и запятналъ себя еще другими смертоубійствами, и Филиппъ по этому не хотѣлъ имѣть его своимъ зятемъ. Впрочемъ, одинъ этотъ отказъ и неодобрительное письмо еще не довольно объясняютъ его преступленіе; онъ имѣлъ товарищей, которые, безъ сомнѣнія, руководимы были другими побужденіями *). Государственная опала, по

*) v. Raumer a. a. V. Bd. III. S. 142.

приговору бывшаго доселѣ противника Филиппова, и смерть отъ руки подосланнаго исполнителя, были наказаніемъ за сіе цареубійство. Теперь Оттонъ IV не имѣлъ совмѣстника. Онъ гордо предпринялъ путешествіе въ Римъ, но, при условіяхъ, которыя достаточно показывали его безсиліе и унижали достоинство императорское. Передъ вѣнчаніемъ своимъ, онъ согласился подписать договоръ, въ которомъ обѣщалъ предоставить и покорить Папскому Престолу Мархію Анконскую, Герцогство Сполетское, Матильдины имѣнія, Графство Бертиноpское, Экзархатъ Равенискій и Пентаполь. Онъ должень былъ обѣщать, что позволитъ производить свободно выборы и вызовы въ Римъ, откажется отъ имѣнія, остающагося послѣ прелатовъ, и отъ временнаго присвоенія упразднившихся пребендъ (Pfründe, духовное мѣсто съ доходомъ). Послѣ сего Иннокентій вѣнчалъ его, 27 сентября 1209, въ Римской Церкви Св. Петра.

При всемъ томъ, взаимныя отношенія Папы и Императора, приняли такой видъ, что прочный миръ между ими тогда только могъ существовать, когда бы у одного изъ двухъ недоставало силы или охоты поддерживать права и притязанія знаменитыхъ предшественниковъ. Оттонъ и Иннокентій оба не принадлежали къ числу слабыхъ характеровъ. Подобно Генриху V, первый считалъ дружбу Папы только средствомъ къ достиженію императорскаго сана, и, достигнувъ цѣли, не хотѣлъ пожертвовать іерархіи своею славою и величіемъ. Вскорѣ послѣ коронованія, раздалъ онъ императорскою властію лены въ присвоенныхъ Иннокентіемъ округахъ Церковной Области, не отдалъ Матильдиныхъ помѣстій, даже готовился удовлетворить желаніямъ недовольной партіи въ Апулійскомъ Королевствѣ и итти войной на юнаго Фридриха. Папа упрекалъ его въ нарушеніи клятвы, а Оттонъ отвѣчалъ, что онъ присягалъ также поддерживать достоинство Имперіи, и возвратить всѣ утраченныя права ея. Такъ какъ ему невозможно исполнить одну присягу, не нарушивъ другой, то онъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, соблюсти первую, послѣ которой ему совсѣмъ не слѣдовало бы давать

второй. Въ то же время онъ вступилъ въ Нижнюю Италію, и завоевалъ почти всю твердую землю, между тѣмъ какъ Папа произнесъ противъ него проклятіе, и разрѣшилъ всѣхъ подданныхъ отъ вѣрности ему (1210). Дѣйствіе, произведенное этою мѣрою въ Германіи, остановило побѣды Оттона. Приверженцы Гогенштауфеновъ, въ 1211 году, призвали изъ Италіи семнадцатилѣтняго Фридриха, сына Генриха VI, подававшаго большія надежды. Самъ Иннокентій III, хотя ему первоначально никакъ не хотѣлось содѣйствовать къ соединенію сицилійской коронны съ германскою, вступился теперь за него, предполагая въ своемъ питомцѣ болѣе благопріятныя расположенія къ Церкви, нежели въ гордомъ Саксонцѣ Оттонѣ. По тщательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ въ пользу и противъ столь смѣлаго предпріятія, Фридрихъ рѣшился не отклонять отъ себя первой короны Запада, которую носили его предки. Онъ съ крайнею опасностью избѣжалъ Ломбардовъ, большею частію державшихся стороны Оттона, особенно Миланцевъ, которые преслѣдовали смертельною ненавистью все, что носило имя Гогенштауфеновъ, и подстерегали юнаго Короля съ особенною бдительностью. Почти чудомъ пробрался онъ въ Костницъ (1212) черезъ Генуу, Мантуу, Верону и Куръ. Его пріятное, вкрадливое обхожденіе, его щедрость, скоро привязали къ нему сердца. И Филиппъ Августъ, сколько могъ, способствовалъ предпріятію Фридриха, ибо Оттонъ получалъ помощь отъ Англійскаго Короля Іоанна, врага Франціи. По этому, Оттонъ полагалъ нанести смертельный ударъ Фридриху, если онъ обратится противъ Короля Французскаго. Предпріятіе опасное и въ сихъ обстоятельствахъ безразсудное, ибо, въ случаѣ неудачи, надлежало болѣе потерять, нежели сколько можно было выиграть при счастливомъ успѣхѣ; предпріятіе, скорѣе внушенное рыцарскимъ удальствомъ того времени, чѣмъ здравою и дальновидною политикою. Оттонъ былъ разбитъ подъ Бувиномъ (1214), и тотъ утратилъ свое вліяніе въ Германіи. Напротивъ, число приверженцевъ юнаго Фридриха, болѣе и болѣе возрастало, Оттонъ держался еще только

въ сѣверной Германіи, и не могъ воспрепятствовать вѣнчанію Фридриха, которое совершилось въ 1215 году въ Аахенѣ, со всѣми обычными празднествами. Покинутый частію имперскихъ чиновъ, Оттонъ умеръ въ Гарцбургѣ 19 маія 1218.

## 15. Крестовый походъ противъ Константинополя. (1204).

Греческій Императоръ Алексій Комненъ, поддерживавшій достоинство Имперіи противъ Норманновъ, крестоносцевъ и Сельджуковъ, храбростью, хитрою политикою и счастіемъ, и обезопасившій сѣверные предѣлы рѣшительными побѣдами надъ Печенѣгами и Команами, двумя дикими татарскими народами, умеръ въ 1118 году. Сынъ и преемникъ его, Іоаннъ или Кало-Іоаннъ, котораго одинъ свѣдущій историкъ называетъ величайшимъ и лучшимъ изъ Комненовъ, правилъ кормиломъ государства не менѣе счастливо. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Мануилъ, витязь исполинской силы, котораго тридцати-семи-лѣтнее царствованіе (1143—1180) наполнено воинскими подвигами противъ Турокъ и Христіанъ, отъ Тавра до Сициліи. Со смертію его кончились лучшія времена, которыми Византія обязана была сему владѣтельному дому. Его малолѣтный сынъ Алексій II сверженъ былъ съ престола и убитъ (1183) двоюроднымъ братомъ Андроникомъ, котораго жизнь наполнена странными, романическими приключеніями. Достигнувъ престола злодѣйствомъ, Андроникъ полагалъ, что удержать его можно только насиліемъ и жестокостями, и простеръ свои злодѣянія до того, что, напослѣдокъ, озлобленная чернь, возмутившись, казнила его среди ужасныхъ мукъ (1185). Онъ былъ послѣдній Комненъ на Престолѣ Константинопольскомъ.

На мѣсто его возвели Исаака II Ангела. И этотъ государь, спустя десять лѣтъ, послѣ нѣсколькихъ неудачъ противъ Булгаровъ и Валаховъ и невоздержнаго и жестокаго правленія, лишенъ былъ престола и зрѣнія братомъ

Алексіемъ III Ангеломъ, и осужденъ на вѣчное заточеніе въ одномъ монастырѣ, въ Перѣ (1195). Алексій III царствовалъ потомъ восемь лѣтъ, но также съ каждымъ годомъ возбуждалъ большее неудовольствіе. Тогда возсталъ юный Алексій, сынъ заточеннаго слѣпаго Исаака, и искалъ помощи для своего отца въ Италіи и Германіи.

Въ это самое время, по многократнымъ увѣщаніямъ и дѣятельному вліянію Иннокентія III, собралось въ Венеціи новое крестовое ополченіе, подъ начальствомъ храбраго Маркграфа Бонифація Монфератскаго, Графа Балдуина Фландрскаго и многихъ князей французскихъ. Подобно Пизѣ и Генуѣ, Венеція принимала пламенное участіе въ священныхъ браняхъ. Величіе ея основывалось преимущественно на торговлѣ и мореплаваніи; потому разширеніе ихъ, и открытіе непосредственныхъ сношеній съ Востокомъ, по свидѣтельству Исторіи самыхъ приманчивыхъ для купечества, было для нея очень важно. Но Венеціяне умѣли пріобрѣтать и выгоды политическія. Такъ Балдуинъ II Іерусалимскій, во всѣхъ городахъ своего царства, формальнымъ актомъ предоставилъ имъ кварталъ, съ церковью, съ свободою отъ податей и собственною расправою (см. выше стр. 26). Въ этотъ разъ французскіе крестоносцы заключили договоръ съ морскою державою, по которому Венеціяне, за восемьдесятъ пять тысячъ марокъ серебра, приняли на себя перевозъ войска отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ и поставку жизненныхъ припасовъ. Девяносто-четырехлѣтній, ослѣпшій, но все еще одушевленный юношескою отвагою, дожъ Генрихъ Дандоло, сталъ самъ въ главѣ Венеціянъ. Войско вышло изъ города 1202 года, и обратило оружіе сперва противъ Зары въ Далмаціи, которая отпала было отъ Венеціи. Она была завоевана и передана Дожу.

Здѣсь, ищущій помощи Царевичь Алексій явился къ крестоносцамъ, и расположилъ ихъ къ себѣ большими обѣщаніями; онъ хотѣлъ дать двѣсти тысячъ марокъ серебра, соединить Греческую Церковь съ Римскою, и принять участіе въ крестовомъ походѣ противъ невѣрныхъ. За то

они обѣщали ему опять посадить отца его на престолъ, и помочь ему одолѣть враговъ.

На одномъ изъ прекраснѣйшихъ венеціянскихъ флотовъ, въ четыреста восемьдесятъ кораблей, рыцари приблизились 1203 года къ гавани Константинополя, и бросили якорь насупротивъ ея, на азіятской сторонѣ. Когда предварительное сношеніе съ Императоромъ Алексіемъ III осталось безуспѣшно, они пошли смѣло со своими кораблями черезъ Боспоръ, оттѣснили Императора съ его многочисленною морскою силою въ городъ, разорвали цѣпь, преграждавшую путь въ гавань, сожгли или завоевали греческій флотъ, и овладѣли гаванью. Самый городъ подвергся осадѣ, приступамъ, и часть его была сожжена Венеціянами. Тогда Императоръ бѣжалъ, жители вывели лишеннаго зрѣнія Исаака изъ темницы, и, вмѣстѣ съ сыномъ его, Алексіемъ, посадили на престолъ.

Цѣль вѣрнаго сына была достигнута; теперь и ему слѣдовало выполнить условія, заключенныя съ крестоносцами. Но гдѣ взять столько денегъ? и какъ побудить народъ подчиниться Папѣ Римскому? Едва онъ коснулся этого вопроса, все пришло въ волненіе. Столь же невозможно было собрать обѣщанную сумму, не смотря на то, что священные сосуды, иконы и другія украшенія въ великомъ числѣ были отняты у церквей. Вскорѣ другой непріятный случай усилилъ злобу противъ Алексія и его союзниковъ. Въ набожной ревности, нѣкоторые крестоносцы напали на мечеть, которую Исаакъ Ангелъ, въ прежній періодъ своего царствованія, позволилъ построить купцамъ магометанскимъ. Греки поспѣшили на помощь мусульманамъ. Отъ этого, въ разныхъ мѣстахъ города вспыхнулъ пожаръ и свирѣпствовалъ съ такою силою, что, въ теченіе осьми дней, четвертая часть Константинополя обратилась въ пепелъ и развалины. 25 января 1204 года, народъ сбѣжался и требовалъ другаго императора. Никто неотваживался, среди такихъ смутъ, принять на себя сію трудную должность; наконецъ согласился на то потомокъ прежняго императорскаго дома Дука, Алексій, который, по густымъ бровямъ своимъ, получилъ проимено-

ваніе Мурзуфла. Юный Алексій, сынъ Исааковъ, былъ удавленъ, отецъ умеръ съ печали и отъ страха.

Послѣ такого насилія крестоносцы думали, что они въ правѣ дѣлать все съ народомъ кровожаднымъ и вѣроломнымъ, который и безъ того считали полу-еретиками. Они положили взять городъ приступомъ, и напередъ уговорились касательно дѣлежа добычи и будущаго его устройства. Первое нападеніе было отбито, но, спустя три дня, рыцари взошли изъ кораблей на четыре башни, лежащія близъ моря, и выбили (12 апрѣля 1204) ворота. Ужасъ жителей былъ такъ великъ, что, даже по греческимъ извѣстіямъ, одинъ рыцарь гналъ передъ собою тысячи. Ночью опять произошелъ большой пожаръ, третій съ того времени, какъ крестоносцы явились подъ Константинополемъ. Мурзуфлъ бѣжалъ *), и между тѣмъ какъ вельможи еще спорили, Θеодоръ Дука, или Θеодоръ Ласкари долженъ получить императорскій престолъ, котораго уже не было, побѣдители разсѣялись по несчастному городу, подобно хищнымъ звѣрямъ проникли въ чертоги и домы, грабили и разбойничали, и производили съ необузданною свирѣпостію насиліе и злодѣянія. Къ неистовой алчности присоединилось наглое кощунство, которое не щадило даже священныхъ мѣстъ, и осквернило или поганило церкви. Выочныя лошади были пригоняемы въ храмы, чтобы увезти добычу; въ священныхъ сосудахъ крестоносцы варили свое любимое кушанье, позвоночныя части говядины съ бобами и лукомъ, и развратная женщина, съ пѣснями и пляскою, садилась на престолъ патріаршій. Художественныя произведенія были искажаемы и разрубаемы, даже на металлическихъ изваяніяхъ своенравная страсть къ разрушенію и низкая жажда корысти выказали свою силу. Металлъ имѣлъ въ глазахъ крестносцевъ болѣе цѣны нежели искусство, которое дороже золота. Венеціяне спасли только одинъ зна-

*) Латиняне, въ послѣдствіи, поймали его и низринули со столпа Θеодосіева.

чительный памятникъ древности, четыре удивительные бронзовые коня, работы Лизиппа, для украшенія своего города. Наконецъ предводители приказали снести всю добычу въ три церкви, и, согласно предварительно заключенному договору, раздѣлить поровну между Французами и Венеціянами. Не смотря на то, что многое было утаено, набралось такое огромное количество богатыхъ матерій, драгоцѣнностей и денегъ, что, по свидѣтельству одного очевидца, во всей остальной Европѣ не было столько богатства, а по словамъ другаго отъ сотворенія міра не было сдѣлано такъ много добычи. Когда кончился дѣлежъ, Французы однѣми наличными деньгами получили четыре ста тысячь марокъ серебра. По окончаніи сего дѣла, приступили къ раздѣлу царства. Первоначально раздробили его на четыре части: одна долженствовала быть короннымъ достояніемъ того, кого изберетъ въ императоры большинство голосовъ въ собраніи шести Венеціянъ и шести князей крестоваго ополченія, остальные три надлежало раздѣлить между прочими предводителями и Республикою Венеціянскою, но такъ, чтобы всѣ онѣ были данниками верховнаго главы. Императоромъ единогласно провозглашенъ былъ храбрый Балдуинъ, Графъ Фландрскій и Геннегаускій. Венеція взяла себѣ часть, которая была для нея подручнѣе, именно все прибрежье по Адріатическому и Эгейскому Морю, часть Пелопоннеза и многіе острова. Маркграфъ Монфератскій долженъ былъ получить азіятскія провинціи, но, видя, что ему трудно будетъ удержать ихъ, онъ промѣнялъ ихъ на Македонію и остальную Грецію, и принялъ титулъ Короля Солунскаго; Критъ, который достался также ему, продалъ онъ Венеціянамъ. Кромѣ того, было еще много мелкихъ владѣній; герцоги Франкскіе правили въ Филиппополѣ, въ Аѳинахъ, князь сего народа въ Ахаіи и т. д. Съ того времени отправляли рыцарскіе игры на Коринѳскомъ Перешейкѣ, и кровавыя распри бароновъ происходили на той самой землѣ, на которой Аѳиняне и Спартанцы ратовали за первенство между Эллинами.

Такимъ образомъ Западные Христіане, Германцы, по

прошествіи семи сотъ лѣтъ опять выступили съ мечемъ завоевателей противъ Византійской Имперіи, и покорили ее своей власти. Подобно Сиріи и Палестинѣ, и Греція занята была латинскими пришлецами. Казалось, что весь Востокъ вовлеченъ будетъ въ кругъ германской жизни. Послѣ долговременнаго воспитанія подъ руководствомъ Церкви, глубоко проникнутые идеями Христіанства, западные народы вышли для распространенія онаго и для вытѣсненія ислама; при этомъ случаѣ они, казалось, греческихъ Христіанъ покорили также Римскому Престолу. Венеціяне, которымъ отдана была Церковь Св. Софіи, избрали своего единоземца, Ѳому Морозини, въ патріархи учреждаемой тамъ Латинской Церкви. Но вскорѣ открылось, что развитыя доселѣ Германцами формы государственныя, іерархія и ленная система, словомъ, весь ихъ духовный бытъ еще недовольно глубоки и богаты, чтобы основать всемірное царство, чтобы обнять Востокъ и Западъ, если бы матеріальныя средства были даже сильнѣе. Въ Палестинѣ и Сиріи, они еще удерживали за собою одно узкое прибрежье, и Западной Имперіи въ Византіи суждено было существовать только пятьдесятъ лѣтъ. Крестовые Походы не были назначены для такого распространенія германскаго владычества, но для образованія и развитія духа на Западѣ, чтобы онъ принялъ въ себя произведенія другой почвы, и, въ теченіе времени, обнялъ всѣ формы и степени, соединилъ ихъ въ себѣ, какъ въ общемъ средоточіи. Какъ въ переселеніи народовъ Германцы видѣли римскія учрежденія, такъ въ Крестовыхъ Походахъ узнали они восточные обычаи и формы жизни, и оба раза наблюденія сіи не остались безъ плода, хотя дѣйствія послѣднихъ почти вовсе нельзя сравнивать съ вліяніемъ перваго.

Ассизы Іерусалимскія, по чувству склонности къ сему царству, приняты были за основный законъ для новой державы. Ленное право перенесено было на почву, вовсе ему несродную. Если небольшой дружинѣ завоевателей (всего было ихъ до 20,000 воиновъ) и соединенными силами трудно было бы удержать столь

обширныя страны, то трудность эта должна была возрасти, когда войско раздѣлилось на множество частей и независимыхъ отрядовъ, когда каждый отдѣльный начальникъ, не заботясь о благѣ общемъ, имѣлъ въ виду цѣли особенныя. И помощи изъ отечества можно было ждать только отъ частныхъ лицъ, такъ какъ все сіе предпріятіе было дѣломъ частныхъ людей. Гражданскія отношенія, управленіе городовъ, судъ и расправа мало обращали на себя вниманіе рыцарей, и оставались, большею частію, въ прежнемъ видѣ. Они думали всего болѣе о томъ, чтобы присвоить себѣ выгоды, какими пользовались прежніе владѣльцы. При томъ, жребія Грековъ вообше нельзя было назвать счастливымъ; все земледѣльческое народонаселеніе поступило въ разрядъ крѣпостныхъ рабовъ или обязанныхъ данниковъ (dienſtpflichtige Hinterſaßen), и изъ знатнѣйшихъ людей только немногіе приняты были въ ленное дворянство. Притомъ Латиняне покорили не все царство, дотолѣ подвластное Византійскимъ Императорамъ. По предварительномъ раздѣлѣ, многое надлежало еще завоевывать. Большею частію это исполнено было удачно. Но въ Азіи, поставленный Греками въ императоры, Ѳеодоръ Ласкари, изъ областей Виѳиніи, Фригіи, Мизіи, Іоніи и Лидіи основалъ съ особеннымъ счастіемъ царство, которое, по имени столицы, называлось Никейскою Имперіею. Такимъ же образомъ, потомокъ Комненовъ въ Понтѣ и Пафлагоніи основалъ другое царство, въ послѣдствіи Трапезунтскую Имперію, названную также по имени столичнаго города, которая держалась столь же долго, какъ Византійская, и напослѣдокъ, подобно ей, впала въ руки турецкихъ завоевателей. Незаконный потомокъ дома Ангела господствовалъ независимо въ Эпирѣ и Этоліи.

Величайшія и прочнѣйшія выгоды изъ сего новаго порядка вещей на Востокѣ извлекли Венеціяне. Многія изъ обширныхъ своихъ пріобрѣтеній раздали они въ ленъ войнолюбивымъ дворянамъ своего города, которые здѣсь находили случай къ снисканію или умноженію своей чести, богатства и силы. Иными завоеваніями управляло само государство. Сіи послѣднія области заселяемы

были не только купцами, которыхъ привлекала туда торговля, но и земледѣльцами. Такъ островъ Критъ раздѣленъ былъ на три части ; одна треть служила для снабженія всѣми потребностями новой латинской церкви ; вторая треть съ регаліями, т. е. рудокопнями, городскими доходами и проч., была государственнымъ имуществомъ ; а изъ остальной устроено было сто тридцать два рыцарскіе лена и четыреста восемь пѣхотныхъ служебныхъ леновъ (Fußdienſtlehen). Съ сарацинскими жителями острова поступаемо было какъ съ рабами ; каждый рыцарь получилъ двадцать четырехъ, каждый пѣшій ратникъ четырехъ такихъ невольниковъ. Греческое народонаселеніе воздѣлывало земли духовенства и казенныя. Во всѣхъ поселеніяхъ, Венеціяне составили общину для совѣщанія о своихъ собственныхъ дѣлахъ ; въ прочихъ отношеніяхъ они зависѣли отъ отечественнаго города , который опредѣлялъ и чиновниковъ. Пиза и Генуа, посредствомъ сихъ колоній венеціянскихъ, были почти совсѣмъ вытѣснены изъ Леванта , а послѣдніе, черезъ Тану , нынѣшній Азовъ , и другіе пункты, распространили свою торговлю далеко во внутренность Восточной Азіи.

Первоначальная цѣль предпріятія, Палестина, была совсѣмъ забыта; однако Иннокентій III, съ своей стороны, не упустилъ ничего, что могло способствовать къ вторичному завоеванію Святой Земли. Еще прежде онъ назначилъ для сего десятину со всѣхъ своихъ и кардинальскихъ доходовъ; прочіе прелаты и духовные должны были жертвовать сороковою частью. Но успѣхъ не соотвѣтствовалъ его стараніямъ; раздоры въ Германіи, продолжающаяся распря между Франціею и Англіею, войны съ Албигенсами препятствовали великому предпріятію противъ Востока. Еще не погасшая, но уже совершенно разстроенная и неразумная ревность вѣка къ Крестовымъ Походамъ обнаружилась только въ явленіи, почти невѣроятномъ. Въ 1212 году, многочисленныя толпы дѣтей въ Германіи и во Франціи взяли крестъ, и, не шутя, думали завоевать Іерусалимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ пришли черезъ Альпы въ Италію , и тамъ , большею частію, погибли отъ голода и

изнуренія; до тридцати тысячъ прибыли въ Марсель, и попались въ руки купцамъ, которые, подъ предлогомъ безденежнаго перевоза въ Палестину, заманили ихъ на свои корабли, и продали въ Африку Сарацинамъ. Уже по смерти Иннокентія, Венгерскій Король Андрей II, въ сопровожденіи Герцога Австрійскаго Леопольда VI, Оттона Меранскаго и многихъ нѣмецкихъ епископовъ, опять предпринялъ дѣйствительный Крестовый Походъ (1217). Но лишь только онъ прибылъ въ Сирію, болѣзнь и худыя вѣсти изъ отечества заставили его возвратиться.

## 16. Крестовые Походы противъ еретиковъ.

Въ то самое время, когда Римская Іерархія достигла высшей степени своего могущества, когда цари Запада преклонялись предъ Иннокентіемъ III, когда Византійская Имперія покорена была его духовной власти, въ то время начало уже обнаруживаться противодѣйствіе въ самой Церкви, и возникшіе въ нѣдрахъ ея раздоры предвѣщали потрясеніе и будущее паденіе огромнаго зданія отъ причинъ внутреннихъ. Съ первыхъ вѣковъ Христіанства, въ Церкви господствовало стремленіе поддерживать единство вѣры и правленія, хотя ей и не удавалось вполнѣ достигнуть этой цѣли (Ч. III, стр. 355). Сія ревность къ поддержанію Вселенской Церкви проистекала между прочимъ отъ опасенія, чтобы отъ непрестанныхъ болѣе и болѣе усиливающихся разногласій, союзъ, долженствующій связывать Христіанство, не ослабѣлъ и наконецъ совсѣмъ не расторгся. Католическая Церковь считала необходимымъ исключать отъ своего общенія и осуждать, какъ еретиковъ, всѣхъ тѣхъ, которые думали и вѣрили не согласно съ нею. И сіи послѣдніе, съ своей стороны, ненавидѣли Церковь, приписывая ей такое или другое, по ихъ мнѣнію, опасное заблужденіе, или отвергая ея учрежденія, какъ вредныя и не-христіанскія. Чѣмъ болѣе усиливалось могущество іерархіи (Западной), чѣмъ болѣе она симъ удалялась отъ первоначальныхъ учрежденій Христіанской Церкви, обременяла обрядами богослужебныя дѣй-

ствія, и покровительствовала погрѣшительнымъ мнѣніямъ: тѣмъ болѣе было и поводовъ къ рожденію еретическихъ мнѣній и расколовъ, которые то осуждали властолюбивое вліяніе духовныхъ на дѣла свѣтскія, какъ поступилъ Арнольдъ Брешійскій, то въ нѣкоторыхъ пунктахъ Вѣры учили иначе, то соединяли оба рода отступленій. Многочисленность такихъ партій подъ конецъ двѣнадцатаго вѣка, свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ умственнаго образованія у народовъ Запада, которые дотолѣ, въ простотѣ вѣры и безъ дальняго размышленія, принимали ученіе и обряды, предписываемые Церковью. Одно изъ сихъ несогласныхъ съ Церковью направленій, обратилось особенно противъ признанныхъ въ католическомъ вѣроученіи догматовъ, другое болѣе противъ грѣховной и плотской жизни духовенства. Первое находилось, кажется, въ связи съ понятіями и мнѣніями Востока. Въ Византійской Имперіи явилась въ седьмомъ вѣкѣ секта, подъ именемъ Павликіянъ, которая прилѣпилась къ остаткамъ манихейскаго и гностическаго ученія, и изъ него заимствовала разные фанатическіе вымыслы, разныя ложныя мнѣнія. Новая секта испытала жестокое гоненіе, и распространилась, въ послѣдствіи, между народами Запада, особенно также въ Булгаріи. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ, Павликіяне явились въ Германіи, Италіи и Франціи, и пріобрѣли многихъ послѣдователей. Они здѣсь названы были Катарами (*καθαροί*, чистые), отъ чего нѣкоторые производятъ нѣмецкое слово Ketzer (еретикъ). Они старались привести ученіе Христіанства къ простому началу, говорили противъ чистилища и призыванія Святыхъ, противъ важности внѣшнихъ религіозныхъ обрядовъ, но также противъ спасительной силы Таинствъ, равно какъ противъ всего устройства іерархіи. Ихъ мнѣнія и поступки не свободны были отъ крайностей, мечтательности и заблужденія, хотя приписываемыя имъ и оскорбляющія всякое нравственное чувство правила, по всей вѣроятности, взведены на нихъ клеветою противниковъ. Католическая Церковь, устрашенная быстрымъ умноженіемъ сихъ сектъ, прибѣгла къ гоненіямъ и казнямъ, и тѣмъ уклонилась

не только отъ заповѣдей любви христіанской, но и отъ правилъ благоразумія, ибо насильственныя мѣры, употребляемыя для подавленія религіозныхъ убѣжденій, обыкновенно производятъ противное дѣйствіе.

Обвиненія въ развратномъ образѣ жизни не могутъ падать на возникшую въ западныхъ странахъ секту Валденсовъ. Петръ де Во (Vaux) или Вальдусъ, отъ котораго они получили названіе, богатый купецъ ліонскій, жившій во второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка, вдругъ, по сильному внутреннему влеченію, отказался отъ міра, и раздалъ все свое имущество бѣднымъ. Въ то же время началъ онъ распространять свое убѣжденіе, проповѣдывалъ исправленіе отъ нечестивой жизни, говорилъ противъ недостатковъ церковнаго благочинія и порочной жизни многихъ духовныхъ, требовалъ возвращенія къ апостольской простотѣ, и раздавалъ народу переводы Евангелій на отечественномъ языкѣ. Онъ нашелъ многихъ послѣдователей, и воздвигнутыя на нихъ гоненія не препятствовали ихъ размноженію.

Позорищемъ дѣйствія обѣихъ враждебныхъ Церкви партій была преимущественно южная Франція, но и въ верхней Италіи, особенно въ Миланѣ, не было недостатка въ исповѣдникахъ еретическаго ученія. Подъ прекраснымъ, свѣтлымъ небомъ Прованса и Лангедока, благосостояніе и богатство распространились столь же скоро, какъ въ Италіи. Вмѣстѣ съ симъ жизнь пріобрѣла болѣе наслажденій, положеніе лицъ болѣе свободы, а размышленіе болѣе самостоятельности. Слѣды римской образованности, остатки аріянской оппозиціи противъ папской власти, могли здѣсь сохраниться долѣе чѣмъ гдѣ либо. Города, многочисленнымъ своимъ населеніемъ и отсутствіемъ сильнаго повелителя, постоянно ограждаемы были отъ совершеннаго порабощенія, и удержали нѣкоторыя изъ римскихъ учрежденій. Еще прежде половины двѣнадцатаго вѣка, почти вездѣ упоминается о консулахъ и о совѣтникахъ общины. Граждане скоро примѣнились къ ученію, которое благопріятствовало большей свободѣ и въ дѣлахъ церковныхъ. Но еретики нашли друзей и по-

слѣдователей даже между дворянствомъ. Сословіе это вело здѣсь жизнь независимую, роскошную и разгульную. Разъѣзжавшіе изъ замка въ замокъ стихотворцы шутили и насмѣхались надъ мірянами и духовными, надъ епископами и священниками, которые, имѣя въ сихъ странахъ богатыя помѣстья и доходы, безъ зазрѣнія совѣсти вели жизнь необузданную и безнравственную. Вскорѣ церкви опустѣли, богослужебныя торжества почти прекратились, даже Святой Бернардъ напрасно возвышалъ голосъ свой между еретиками. Кромѣ Катаровъ и Валденсовъ, въ южной Франціи было еще много другихъ сектъ, сходныхъ по своимъ началамъ, которыя частію слились вмѣстѣ, частію не были надлежащимъ образомъ различены католиками. Въ началѣ тринадцатаго вѣка, разумѣли ихъ всѣхъ подъ именемъ Албигенсовъ, партіи, которая такъ названа отъ области Албижуа (Albigeois). Иннокентій III пытался, сперва посредствомъ легатовъ и миссіонеровъ, возвратить заблуждшихся въ нѣдра Церкви. Когда сія мѣра осталась безуспѣшною, онъ поручилъ Арнольду, аббату монастыря Сито (Citeaux), и монахамъ его ордена проповѣдывать противъ нихъ крестъ (1205). Сражаться противъ еретиковъ и отщепенцевъ, говорилъ онъ, столь же великая заслуга, какъ и ратовать противъ невѣрныхъ. Въ послѣдствіи, силился онъ остановить возгорѣвшуюся по его слову войну, но уже тщетно. Пламя, однажды имъ возженное, продолжало свирѣпствовать даже противъ его воли. Графъ Раймундъ VI Тулузскій, потомокъ извѣстнаго намъ крестоносца сего имени, самъ въ сердцѣ преданный новому ученію, напрасно старался защитить своихъ подданныхъ отъ ярости гонителей. Паписты вели войну съ ужасною кровожадностію. Взявъ приступомъ городъ Безіеръ (1209), они сожгли семь тысячь человѣкъ въ Церкви Маріи Магдалины, и до двадцати тысячъ побили безъ различія возраста и пола. При этомъ случаѣ, на вопросъ, по чему должно отличать правовѣрныхъ, тамъ жившихъ, аббатъ будто бы отвѣчалъ: «Бейте безъ разбору, Господь отличитъ своихъ.» Графъ Симонъ Монфортскій, воинъ храбрый, принялъ участіе въ борьбѣ, чтобы пріобрѣсти обширныя

владѣнія Графа Тулузскаго и основать царство на югѣ Франціи. Онъ хотѣлъ заключить миръ, на который Раймундъ изъявлялъ готовность, только на такихъ условіяхъ, которыя не оставляли стѣсненному непріятелю инаго выбора, какъ защищаться до послѣдней крайности. Война продолжалась, и съ такою ужасною жестокостію, что еретиковъ сожигали даже тогда, когда они готовы были отказаться отъ своихъ заблужденій. Раздраженные Албигенсы мстили съ своей стороны подобными жестокостями. При всемъ томъ, сопротивленіе, какое они оказывали, было не очень сильно, и князья ихъ дѣйствовали нерѣшительно и безъ единодушія. Петръ II, Король Арагонскій, шедшій на помощь къ родственнику своему, Графу Тулузскому, былъ побѣжденъ и убитъ въ сраженіи при Мюретѣ (1213). Бывшее черезъ два года потомъ церковное собраніе въ Римѣ, присудило владѣнія Графа Тулузскаго Графу Монфортскому. Только помѣстья Раймунда, въ Провансѣ, должны были остаться за его сыномъ. Но сей послѣдній, Раймундъ VII, продолжалъ войну неутомимо. Симонъ возмутилъ жителей Тулузы жестокими поступками и алчностію. Они возстали противъ него; онъ спѣшилъ наказать мятежниковъ, но, при осадѣ, убитъ былъ камнемъ, пущеннымъ изъ города (1217). Сынъ его, Амалрихъ, наслѣдовалъ продолженіе войны, но не мужество отца, и въ младшемъ Раймундѣ имѣлъ искуснаго противника, такъ что, не смотря на новый Крестовый Походъ, предпринятый въ 1219 году Лудовикомъ, сыномъ Филиппа Короля Французскаго, Графы Тулузскіе повсюду одержали верхъ. Какимъ образомъ борьба сія кончилась въ пользу Короны Французской, узнаемъ въ послѣдствіи.

## 17. Франція при Лудовикѣ VI и Лудовикѣ VII.

## (1108 — 1180).

Сіи событія заставляютъ насъ возвратиться къ Исторіи Франціи. Здѣсь, въ слабое правленіе недѣятельнаго Филиппа I (1060 — 1108), все оставалось еще по-прежне-

му. Король смотрѣлъ спокойно, какъ его васаллъ, Герцогъ Вильгельмъ Нормандскій, завоевывалъ Англію. Григорій VII преобразовалъ Церковь; Франція, въ порывѣ восторга, возстала за Крестъ и Вѣру, и новая Франція основана была въ Іерусалимѣ; но Филиппъ терялъ свое время въ беззаконномъ сожитіи съ прекрасною Бертрадою Монфортскою, супругою Графа Фулкона Анжуйскаго. Но сынъ его, Лудовикъ VI Толстый, начинаетъ собою новый періодъ Французской Исторіи. При немъ, власть королевская начала торжествовать надъ своеволіемъ и необузданностію васалловъ. Его умный совѣтникъ, Аббатъ Монастыря Св. Діонисія Сюжеръ, много этому способствовалъ, и отсутствіе многихъ сильныхъ вельможъ, находившихся въ Святой Землѣ, облегчало его усилія. Мы видѣли уже, какимъ образомъ, въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, успѣхи просвѣщенія, умноженіе жизненныхъ потребностей и увеличившаяся оттого важность торговли и промысловъ возвысили города во всей западной и южной Европѣ, гдѣ они дотолѣ играли роль весьма подчиненную. Но ихъ возрастающее благосостояніе въ то же время подстрекало корыстолюбивую алчность, и дѣлало ихъ цѣлію хищническихъ нападеній извнѣ, и предметомъ притѣсненія и раззорительныхъ поборовъ со стороны ихъ собственныхъ правителей. Гражданскій порядокъ во Франціи особенно разстроился, послѣ продолжительнаго, слабаго царствованія Филиппа I. Коронныя владѣнія, наслѣдованныя Лудовикомъ, заключали въ себѣ только шесть большихъ городовъ, именно Парижъ, Орлеанъ, Этампъ, Мелёнъ, Компіень и Буржъ. Но и непосредственные васаллы его въ сихъ областяхъ оказывали ему неповиновеніе. Въ остальномъ государствѣ, особенно въ южной Франціи, имя королевское не имѣло никакаго вліянія, и королевскія повелѣнія оставались безъ исполненія. Однако Лудовикъ, среди непрерывныхъ войнъ, въ которыхъ онъ оказалъ большую личную храбрость, съ жаромъ и постоянствомъ преслѣдовалъ достохвальную цѣль, имъ предположенную, возстановлялъ законы, порядокъ и ленную зависимость васалловъ. Города старались противъ нападе-

ній пріобрѣсти защиту, а противъ притѣсненія отъ ленныхъ владѣтелей привилегіи и обѣльныя грамоты, которыя предоставляли имъ самостоятельный судъ и свободное городовое правленіе; иногда они достигали сихъ послѣднихъ выгодъ и насильственно, кровопролитіемъ и злодѣйствомъ, и уже въ послѣдствіи просили короля утвердить права ихъ *). Лудовикъ VI благопріятствовалъ такимъ усиліямъ, и многимъ городамъ своей непосредственной области пожаловалъ обѣльныя грамоты, повидимому не столько въ слѣдствіе обдуманнаго плана, чтобы въ нихъ доставить королевской власти перевѣсъ надъ строптивыми васаллами, сколько по недостатку въ деньгахъ, ибо граждане должны были покупать сіи льготы наличною платою **). Мало по малу и вельможи послѣдовали сему примѣру, и, имѣя нужду въ деньгахъ, или будучи не въ состояніи удержать города въ своей власти силою, продавали въ своихъ земляхъ права и преимущества. Часто также общины просили короля объ утвержденіи льготъ ихъ, чтобы тѣмъ оградить себя отъ вѣроломства со стороны вельможъ, и правители съ радостію пользовались такими случаями къ распространенію своей власти въ цѣломъ государствѣ. Обыкновенно города получали право собственнаго суда, которое однако нерѣдко, по дѣламъ важнѣйшимъ, ограничиваемо было предсѣдателемъ, назначаемымъ отъ поземельнаго владѣльца. Они избирали себѣ думу, голову (мера, maire, major) и двѣнадцать или болѣе засѣдателей (Schöffen, échevins), и поручали имъ управленіе общественными дѣлами и распоряженіе общественнымъ имуществомъ. Между тѣмъ, сими средствами они не совсѣмъ освобождались отъ власти поземельнаго владѣльца, напротивъ, обязаны были ему еще военною службой, поземельными оброками и другими повинностями, которыя, впрочемъ, опредѣлены и разчислены были съ точностью. Такимъ образомъ, въ городахъ составилось

---

*) Hüllmann, Städtewesen des Mittelalters, Th. III. S. 4. fg.

**) Mably, observations sur l'histoire de France, T. III. p. 94.

среднее сословіе (tiers état), которое, въ послѣдствіи, придало большой вѣсъ власти королевской, да и вообще его появленіе и усиленіе есть одинъ изъ важнѣйшихъ переворотовъ въ Исторіи Среднихъ Вѣковъ.

Лудовикъ велъ неоднократно войну съ Англійскимъ Королемъ Генрихомъ I. Ленное господство надъ Нормандіею подавало непрестанные поводы къ столкновеніямъ, и вскорѣ непомѣрно увеличившіяся владѣнія Королей Англійскихъ во Франціи послужили источникомъ войнъ, которыя продолжались до пятнадцатаго вѣка.

Лудовикъ VI умеръ въ 1137 году. Еще прежде смерти онъ женилъ своего сына и преемника, Лудовика VII, на Элеонорѣ, дочери Герцога Вильгельма X Аквитанскаго, и наслѣдницѣ его земель. Но сіе владѣніе, отъ пріобрѣтенія котораго ожидали распространенія власти королевской надъ югомъ, скоро перешло въ другія руки. Королева Элеонора, сопровождавшая своего супруга въ Крестовомъ Походѣ (выше, стр. 52), предалась развратной жизни, и Лудовикъ положилъ развестись съ нею. Сюжеръ, который, въ продолженіе почти двухгодичнаго отсутствія Короля, управлялъ государствомъ превосходно, всѣми силами противился сему намѣренію, чтобы Лудовикъ не былъ принужденъ возвратить значительное наслѣдіе своей супруги. Но едва Сюжеръ умеръ (1152), мысль о семейномъ счастіи преодолѣла въ Лудовикѣ всѣ причины политическія; подъ предлогомъ слишкомъ близкаго родства, онъ развелся съ Элеонорою. Спустя шесть недѣль послѣ развода, послѣдняя отдала руку свою другому искателю. Это былъ Генрихъ Плантаженетъ, сынъ Графа Готтфрида Анжуйскаго и Матильды, дочери Генриха I Англійскаго, которая прежде того была въ супружествѣ съ Императоромъ Генрихомъ V. Отъ отца Генрихъ получилъ Анжу, Турень и Мень; по матери былъ владѣтелемъ Нормандіи и наслѣдникомъ Англійскаго Престола; союзомъ съ Элеонорою пріобрѣлъ теперь Гасконью, Гіенн и Пуату. Въ 1154 году, Генрихъ сдѣлался Королемъ Англіи, и, въ послѣдствіи, пріобрѣлъ еще Бретань. Если правители сего королевства уже со временъ Виль-

гельма Завоевателя были опасными васаллами Франціи, то отнынѣ они въ самой Франціи владѣли, по крайней мѣрѣ, вдвое большимъ количествомъ земли, нежели ихъ ленные государи, и для удержанія сихъ областей имѣли въ запасѣ всю силу Англіи.

## 18. Англія по смерть Генриха II. (1087 — 1188).

Согласно съ желаніемъ умирающаго отца своего Вильгельма Завоевателя, Вильгельмъ II, по цвѣту волосъ, названный Рыжимъ, возведенъ былъ въ Короли Англіи, а старшій братъ его, Робертъ, долженъ былъ довольствоваться Нормандіею. Робертъ имѣлъ въ Англіи значительныхъ друзей, которые, считая его право на престолъ болѣе близкимъ и законнымъ, возмутились противъ Вильгельма, но, онъ, по безпечности и недѣятельности, оставилъ ихъ безъ подкрѣпленія, такъ что Вильгельмъ не только вскорѣ подавилъ мятежъ, но вторгся даже въ Нормандію. Миръ, заключенный между братьями, былъ нарушенъ Вильгельмомъ, и, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ покоя, война снова запылала. Тогда призывъ къ первому Крестовому Походу оглашалъ всѣ страны. Робертъ рѣшился послѣдовать ему, и, не имѣя средствъ къ вооруженію, уступилъ брату, за десять тысячъ марокъ, правленіе своихъ земель на пять лѣтъ. Король собралъ сію сумму съ англійскихъ бароновъ, которые исторгли ее отъ своихъ ленныхъ данниковъ, ибо необузданная склонность Вильгельма къ разврату, его непомѣрная расточительность, уже истощили богатую казну отца его. Для полученія денегъ, онъ прибѣгалъ къ мѣрамъ самымъ несправедливымъ. По нѣскольку лѣтъ оставлялъ онъ праздныя епископіи и аббатства незамѣщенными, чтобы въ этотъ промежутокъ времени собирать съ нихъ доходы въ свою казну.

Когда Король однимъ утромъ охотился въ лѣсу близъ Винчестера, стрѣла, пущенная неизвѣстною рукою, поразила его въ грудь. Онъ упалъ бездыханный на землю. По

смерти его (1100), третій сынъ Вильгельма Завоевателя, Генрихъ I, не взирая на неоспоримыя права Роберта, овладѣлъ престоломъ. Чтобы задобрить народъ, онъ издалъ льготную грамоту, въ которой обѣщалъ пользоваться своими ленными правами безъ всякаго самовластія. Онъ объявилъ, что не станетъ впредь продавать праздныхъ духовныхъ мѣстъ, или отбирать доходы ихъ въ казначейство; не будетъ присвоивать себѣ опеки надъ малолѣтными владѣтелями коронныхъ леновъ, или выдавать наслѣдницъ ихъ замужъ по своему произволу; не будетъ взыскивать ни какихъ податей, которыя не были платимы во время владычества Саксовъ. Онъ возвратилъ также всѣми уважаемаго Канторберійскаго Архіепископа Ансельма, который съ прежнимъ Королемъ былъ въ раздорѣ, и уѣхалъ изъ государства. Повторительными обѣщаніями въ пользу Англійской Церкви, онъ до того привязалъ его къ себѣ, что когда возвратившійся изъ Обѣтованной Земли Робертъ вышелъ на берегъ Англіи съ дружиною норманскихъ васалловъ, чтобы подкрѣпить свое право силою оружія, Ансельмъ употребилъ за Генриха все свое краснорѣчіе передъ баронами, даже разъѣзжалъ на конѣ по всему войску, и всюду проповѣдывалъ повиновеніе Генриху, какъ дѣло самое правое и богоугодное. Прежде нежели дошло до битвы, ему удалось склонить обѣ стороны къ миролюбивой сдѣлкѣ. Робертъ долженъ былъ довольствоваться Нормандіею, и получать отъ брата ежегодно по три тысячи марокъ (1101). Но лишь только опасность миновалась, Генрихъ нарушилъ договоръ, изгналъ или умертвилъ, подъ разными предлогами, многихъ бароновъ, которые держали сторону его брата, наконецъ пошелъ въ Нормандію, и завоевалъ сію область, одержавъ побѣду при Теншебре (Tinchebrai, 1106), гдѣ онъ, кромѣ множества знатнѣйшихъ ленныхъ владѣльцевъ, самъ взялъ въ плѣнъ Герцога Роберта, своего брата, котораго, до конца его жизни—въ теченіе двадцати осьми лѣтъ—держалъ заключеннымъ въ замкѣ Кардифорѣ, на границѣ Валиса.

Столь же непродолжительно было доброе согласіе съ

Ансельмомъ. Король, вопреки данному имъ обѣщанію, не хотѣлъ отказаться отъ права инвеституры, и тѣмъ вступилъ въ распрю съ Ансельмомъ и Папою Пасхаліемъ II, который не терпѣлъ замѣщенія духовныхъ мѣстъ свѣтскою властію въ Англіи, равно какъ въ Германіи и во Франціи. Распря болѣе и болѣе усиливалась, и Пасхалій произнесъ отлученіе противъ совѣтниковъ Короля, и грозилъ въ скоромъ времени поступить такъ же съ нимъ самимъ. Наконецъ, на Соборѣ Лондонскомъ (1108), какъ позже въ Германіи, избрали среднюю дорогу, и сей способъ примиренія утвержденъ былъ Папою. Король отказался отъ произвольнаго назначенія духовныхъ сановниковъ и отъ обряда жалованія перстнемъ и посохомъ, но епископы и аббаты должны были давать ему безусловную присягу на вѣрность, прежде нежели получали имѣнія своихъ церквей. Однако Генрихъ и въ послѣдствіи позволялъ себѣ раздавать епископскія каѳедры по своему усмотрѣнію, и доходы праздныхъ мѣстъ отбирать въ казну.

Генрихъ былъ государь отличныхъ качествъ, храбръ, разсудителенъ и краснорѣчивъ; но, при этой свѣтлой сторонѣ, онъ, подобно отцу своему, имѣлъ и важные пороки. Гдѣ шло дѣло о его выгодѣ, онъ обнаруживалъ алчность, недовѣрчивость, мстительность и жестокость. Благоволеніе свое онъ оказывалъ только Норманнамъ. Какимъ образомъ, вообще сіи рыцари-притѣснители обходились съ Саксами, объ этомъ могутъ дать понятіе слѣдующія мѣста изъ саксонскихъ лѣтописей того времени. «Не легко разсказать все несчастіе, какое постигло землю въ 1104 году отъ непрестанно возобновляемыхъ налоговъ. Повсюду, гдѣ путешествовалъ Король, приближенные его притѣсняли народъ, жгли и убивали.—1110 годъ былъ самый бѣдственный, по причинѣ худаго урожая и по причинѣ податей, которыхъ Король требовалъ на приданое своей дочери.» Идмеръ (Eadmer), монахъ канторберійскій и родомъ Саксъ, говоритъ въ Исторіи своего столѣтія: «Многіе, которымъ извѣстно, что происходило въ оба предъидущія царствованія, не найдутъ здѣсь ничего новаго. Но въ наши дни прежнія притѣсненія сдѣлались еще сильнѣе и несноснѣе,

потому что пали на народъ, лишенный всякой собственности. Мучители озлобились на него, потому что ему нечего болѣе терять.» Потомъ, говоря о назначеніи новыхъ аббатовъ и епископовъ, онъ замѣчаетъ: «между сими пастырями духовными болѣе волковъ, нежели пастырей. Въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного туземца, ибо, если вы Англичанинъ, то ни какая слава добродѣтели, ни заслуги, не могутъ возвести васъ въ самый малый санъ; мы живемъ въ худыя времена.» О 1124 годѣ сказано: «Это время было тяжкое; у кого было что либо, тотъ раззорялся податями и по приговорамъ сильныхъ людей; кто ничего не имѣлъ, тотъ погибалъ съ голоду.» Столь мало Генрихъ исполнялъ постановленія своей льготной грамоты, въ разсужденіи налоговъ; онъ не думалъ о облегченіи и защитѣ угнетенныхъ Саксовъ, напротивъ, еще болѣе увеличилъ тяжкое бремя, подъ которымъ они томились.

Онъ умеръ въ 1135 году, не оставивъ законныхъ сыновей. Дочь его, Матильда, вдова Императора Генриха V, вступила во второй бракъ съ Графомъ Готтфридомъ Анжуйскимъ, Плантаженетомъ; сіе названіе получилъ онъ отъ обыкновенія носить на шлемѣ, вмѣсто пера, цвѣтную вѣтвь genista *). Отецъ его былъ Фулконъ, Король Іерусалимскій. Генрихъ назначилъ Матильду наслѣдницею всѣхъ своихъ земель, но Графъ Стефанъ Булонскій, племянникъ покойнаго, предупредилъ ее, и съ помощію преданныхъ ему людей овладѣлъ престоломъ. Ласковымъ обхожденіемъ, кротостью и искуснымъ употребленіемъ найденныхъ сокровищъ, онъ успѣлъ въ короткое время заставить всѣхъ васалловъ присягнуть ему; но какъ его положеніе было ненадежно по самому свойству противозаконнаго присвоенія, то онъ долженъ былъ многое спускать баронамъ. Такимъ образомъ строгая подчиненность ленныхъ данниковъ, введенная Вильгельмомъ I при завоеваніи Англіи, мало по малу исчезла, и повсюду возникли замки, изъ которыхъ, въ случаѣ нужды, можно было противить-

*) Растеніе, похожее на дрокъ.

ся даже королю. Междоусобія сихъ мелкихъ владѣтелей усилились, и сдѣлали Англію позорищемъ безпрестанныхъ насилій и опустошеній, которыя скоро достигли еще высшей степени, когда Матильда, дотолѣ жившая во Франціи, вышла на берегъ Суссекса, со ста сорока рыцарями, искать своего права, и запылало междоусобіе, Графъ Робертъ Глостерскій, побочный братъ Матильды, разбилъ Стефана подъ Линкольномъ (1141), и взялъ его въ плѣнъ; послѣ этого, даже Епископъ Винчестерскій Генрихъ, братъ Стефана, и главнѣйшее орудіе его возвышенія, перешелъ на сторону Матильды. Но теперь, когда совершенная побѣда ее ожидала, она высокомѣріемъ и гордостію отвратила отъ себя друзей своихъ, обошлась презрительно съ сильнымъ Лондономъ, и весьма неблагоразумно наложила на сей городъ тяжкую подать. Тогда и счастіе ее оставило. Епископъ Генрихъ покинулъ ея сторону; братъ ея, Робертъ, взятъ былъ въ плѣнъ, и она должна была размѣнять его на Стефана. Спустя нѣсколько времени, смерть похитила его, и она, лишась надежнѣйшей своей подпоры, покинула Англію (1147); однако Стефанъ не могъ опять пріобрѣсти прежней силы. Между тѣмъ, супругъ Матильдинъ, Готтфридъ, велъ войну въ Нормандіи противъ партіи Стефановой. По смерти его, въ 1150 году, Нормандцы признали герцогомъ сына его Генриха. Новый государь утвердилъ сперва власть свою въ наслѣдственныхъ земляхъ своей супруги (см. стр. 131), и потомъ, въ качествѣ могущественнаго владыки, пошелъ (1153) въ Англію. Стефанъ принужденъ былъ заключить договоръ, которымъ предоставилъ ему обладаніе Нормандіею, и утвердилъ за нимъ наслѣдство англійскаго престола послѣ своей смерти. Вскорѣ потомъ Стефанъ умеръ (1154), по девятнадцати-лѣтнемъ царствованіи, исполненномъ смутъ и бѣдствій.

Съ Генрихомъ II, Домъ Анжуйскій или Плантажене-товъ взошелъ на Престолъ Англійскій, и въ мужеской линіи владѣлъ имъ болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Генрихъ, равняясь своему дѣду Генриху I дарованіями, или еще превосходя его, правилъ государствомъ благоразумно

и дѣятельно. Онъ также былъ гордъ и вспыльчивъ, но твердъ; лукавъ и коваренъ, но и остороженъ въ своей политикѣ, и не такъ жестокъ какъ первый. Онъ возстановилъ спокойствіе въ государствѣ, разрушилъ множество хищническихъ замковъ, исправилъ монету, и ввелъ строгій порядокъ въ судопроизводствѣ. Съ Церковью онъ вступилъ въ опасный споръ, котораго послѣдствія заставили его смириться предъ тѣмъ самымъ Папою, который видѣлъ у ногъ своихъ могущественнаго Императора Фридриха I. Эту борьбу возжегъ Томасъ Беккетъ, сперва его канцлеръ и довѣреннѣйшій другъ, потомъ, по собственному назначенію Генриха, и Архіепископъ Кантерборійскій. Беккетъ, въ прежнемъ быту своемъ, отличался непомѣрною пышностью, а теперь обращалъ на себя вниманіе чрезвычайно строгимъ образомъ жизни. Уже въ званіи канцлера, среди роскоши окружавшихъ его, онъ оставался умѣреннымъ и воздержнымъ; въ новомъ же санѣ отчужденіе отъ потребностей жизни дошло въ немъ до отвратительной для свѣта неопрятности. Самая грубая и грязная власяница покрывала его тѣло; онъ часто бичевалъ себя, и ежедневно, стоя на колѣняхъ, умывалъ ноги тринадцати нищимъ. Недолго оставалось тайною, что Беккетъ, при такомъ образѣ жизни, имѣлъ въ виду возвышеніе и славу, которыя казались ему нужными, чтобы, въ качествѣ главы Англійской Церкви, мощно противостать Королю. Онъ потребовалъ обратно земель, которыя, во время прежнихъ царствованій, отняты были у архіепископской каѳедры въ Кантербори, и тѣмъ уже показалъ, сколь мало намѣренъ щадить свѣтскую власть. Напротивъ, Генрихъ жаловался на вопіющія злоупотребленія въ духовныхъ судахъ: въ теченіе десяти лѣтъ съ его восшествія на престолъ, буйные нормандскіе священники совершили болѣе ста убійствъ и оставались безъ заслуженнаго наказанія. Онъ требовалъ, чтобы всѣ священники, виновные въ тяжкомъ преступленіи, по снятіи съ нихъ сана, предаваемы были свѣтскимъ судамъ для дальнѣйшаго наказанія, и чтобы духовные во всѣхъ дѣлахъ руководствовались обычнымъ правомъ, которое образовалось особенно

со временъ дѣда его, Генриха I. Вильгельмъ Завоеватель ввелъ, напротивъ, рѣзкую отдѣльность свѣтскаго и духовнаго судопроизводства. Чтобы утвердить свое намѣреніе дѣйствительными законами, Генрихъ, въ 1164 году, созвалъ всеобщее собраніе духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ въ Кларендонъ, деревню по близости Сализбери, и тамъ предложилъ имъ шестнадцать пунктовъ, основанныхъ будто бы на древнихъ обыкновеніяхъ. Важнѣйшіе изъ нихъ суть слѣдующіе. Всякое духовное лице, обвиняемое въ преступленіи, обязано предстать предъ свѣтскій судъ; послѣднею инстанціею всѣхъ духовныхъ дѣлъ долженъ быть король; архіепископы и епископы должны считать всѣ свои владѣнія только баронствами, полученными отъ короля, слѣдовательно, признавать надъ собою власть леннаго судилища. Всѣ доходы праздныхъ духовныхъ мѣстъ принадлежатъ королю, который, въ свое время, будетъ пещись о замѣщеніи ихъ, созывая лица, имѣющія право быть избирателями. Генрихъ былъ столько смѣлъ и рѣшителенъ, что въ такое время, когда почти все уступало духовной власти, вознамѣрился совершенно отторгнуть Англійскую Церковь отъ ея средоточія въ Римѣ, хотя его предшественники уже поставили ее въ строжайшую, нежели гдѣ либо, зависимость отъ королевской власти во всѣхъ предметахъ, не касающихся Вѣры и ученія. Однако планъ его не удался. Правда, что епископы, устрашенные насиліемъ, какимъ грозили имъ бароны въ случаѣ отказа, подписались, и самъ Беккетъ уступилъ обстоятельствамъ. Но едва Александръ III отвергнулъ большую часть сихъ пунктовъ (и Архіепископъ легко могъ это предвидѣть), Беккетъ объявилъ, что онъ вынужденнымъ поступкомъ навлекъ на себя тяжкую вину, и считаетъ себя неспособнымъ ни къ какимъ отправленіямъ священства, доколѣ папа не разрѣшитъ его. Онъ бѣжалъ во Францію, гдѣ Лудовикъ VII, ожидавшій только случая къ нападенію на Генриха, охотно принялъ его подъ свою защиту. Разумѣется, что и Папа поддерживалъ его, но, будучи жестоко стѣсненъ Императоромъ Фридрихомъ I и изгнанъ изъ Италіи (см. выше, стр. 69), онъ опасался,

что Король Англійскій, если слишкомъ раздражить его, легко можетъ перейти на сторону антипапы, употреблялъ стараніе о примиреніи Короля съ Архіепископомъ. По наружности это удалось, и Беккетъ возвратился въ Англію, но опять сталъ вести себя здѣсь столь твердо и непоколебимо, что у Короля однажды вырвались неосторожныя слова: «неужели между малодушными, которые ѣдятъ хлѣбъ мой, нѣтъ ни одного, кто бы избавилъ меня отъ мятежнаго монаха?» Четыре воина, считавшіе эту жалобу оскорбленіемъ своей чести, немедленно поспѣшили въ Кантербори, и тамъ, въ соборной церкви, на ступеняхъ алтаря, умертвили Архіепископа (1170), который не хотѣлъ спасаться бѣгствомъ. При сей вѣсти, смущеніе и скорбь объяли Короля, ибо онъ ясно предвидѣлъ пагубныя слѣдствія преступленія для своихъ плановъ, позоръ и проклятіе церковное для самаго себя. Онъ спѣшилъ оправдаться предъ Папою, и Папа прислалъ двухъ легатовъ въ Нормандію, гдѣ Генрихъ имѣлъ тогда пребываніе. Король заключилъ съ ними договоръ, по которому обязался не препятствовать аппеляціямъ въ Римъ по дѣламъ духовнымъ, и отмѣнить пункты кларендонскіе, кромѣ ленной присяги епископовъ. Потомъ легаты привели его къ дверямъ церкви въ Аврапшѣ; онъ тамъ преклонилъ колѣна, и предъ всѣмъ народомъ клялся, что не хотѣлъ и не приказывалъ убивать Беккета, и что добровольно и безъ лукавства будетъ исполнять постановленія договора. Тогда провозгласили его свободнымъ отъ всякой вины. Папа причислилъ убитаго какъ мученика, черезъ два года по смерти его, къ лику святыхъ, и сколько Генрихъ, при дальнѣйшемъ сопротивленіи, долженъ былъ опасаться противодѣйствіи со стороны народа, можно видѣть изъ того, что Саксы, которыми Архіепископъ особенно былъ уважаемъ и любимъ, изъ всѣхъ частей королевства приходили на поклоненіе гробу новаго святаго, и въ одинъ годъ насчитано болѣе ста тысячь богомольцевъ, перебывавшихъ въ Кантербори. Спустя нѣсколько лѣтъ, Генрихъ самъ предпринялъ такое путешествіе (1174), потому ли что угрызенія совѣсти его къ тому побуждали,

или онъ находилъ нужнымъ представить народу сіе доказательство своего раскаянія и примиренія съ Церковью. Онъ поѣхалъ въ Кантербори, приблизился босыми ногами къ гробницѣ Архіепископа, цѣлыя сутки, въ постѣ и молитвѣ, стоялъ на стражѣ у тѣла его, и наконецъ сонму монаховъ велѣлъ бичевать себя по обнаженной спинѣ. Это зрѣлище до слезъ тронуло всѣхъ присутствующихъ.

Ирландія, тогда еще полудикій островъ, раздѣленный между четырьмя мелкими коронами, споривщими о верховномъ владычествѣ, возбудила въ Генрихѣ страсть къ завоеванію. Еще въ 1154 году онъ упросилъ Папу Адріана VI формально подарить ему сію землю, но долго не находилъ времени для исполненія своего намѣренія; напослѣдокъ, спустя четырнадцать лѣтъ, дозволилъ нѣкоторымъ изъ своихъ васалловъ оказать помощь изгнанному князю ирландскому. Сколь ни малочисленно было войско, приведенное Англичанами, но они побѣдили вышедшія противъ нихъ полчища туземцевъ, и утвердились на островѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Генрихъ явился самъ (1171), и ирландскіе старшины отвсюду спѣшили засвидѣтельствовать ему свою покорность. Но уже въ его царствованіе они опять старались свергнуть иго, и это желаніе возвратить свою независимость оставалось у нихъ во всѣ послѣдующія времена въ одинаковой силѣ, такъ что двѣ трети острова, еще въ началѣ семнадцатаго вѣка, часто поднимали оружіе противъ Англичанъ. Природные Ирландцы удержали свой первобытный цельтическій уставъ, отличавшійся особенно тѣмъ, что, на основаніи его, недвижимая собственность принадлежала не частнымъ людямъ, а цѣлому племени, котораго начальникъ дѣлилъ ее между своими родичами, и этотъ дѣлежъ возобновлялся, какъ скоро умиралъ одинъ изъ членовъ мужескаго пола. Такая непрочность обладанія препятствовала успѣхамъ земледѣлія, городовъ было весьма мало, скотоводство и рыбная ловля составляли главное занятіе жителей. Напротивъ Англичане, съ того времени селившіеся на островѣ, жили по своимъ обычаямъ, учрежденіямъ и законамъ. Въ трети острова, ими занятой, они, въ нѣ-

сколько столѣтій, размножились до такой степени, что ихъ можно было считать самостоятельнымъ, значительнымъ народомъ. И такъ, въ Ирландіи обитали два совершенно различныхъ народа; въ восточной части Англичане, съ ихъ уставомъ государственнымъ, языкомъ и обычаями; на сѣверѣ, западѣ и югѣ, дикіе туземцы подъ властію разныхъ князей, которыхъ всегда заставляли признавать Англійскаго Короля своимъ государемъ и платить ему дань. Они исполняли то и другое, когда боялись, и оказывали непокорность, когда чувствовали въ себѣ довольно силъ для сопротивленія; всѣ ненавидѣли насильственно вторгнувшихся Англичанъ, да и между собою были въ несогласіи *).

Съ Лудовикомъ VII Французскимъ Генрихъ, еще до вступленія своего на Англійскій Престолъ, имѣлъ войну, вспыхнувшую по бракосочетаніи его съ Элеонорою, потому что сія послѣдняя не испросила позволенія на новый брачный союзъ у Французскаго Короля, своего леннаго государя. Лудовикъ долженъ былъ употребить все, чтобы воспрепятствовать соединенію столь обширныхъ земель въ рукахъ васалла, и потому возобновлялъ еще дважды сію борьбу, когда Генрихъ домогался Графства Тулузскаго (1159), и въ 1166 году, когда онъ пріобрѣлъ Бретань. Но Лудовикъ не наслѣдовалъ доблестныхъ качествъ отца своего, и неутомимая дѣятельность Генриха не допускала его до важныхъ успѣховъ, хотя онъ и воспрепятствовалъ занятію Тулузы.

Вскорѣ послѣ покоренія Ирландіи и примиренія съ Папою, Генрихъ, подобно предку своему Вильгельму I, долженъ былъ испытать глубокую скорбь, видѣть возмущеніе противъ себя собственныхъ дѣтей своихъ. Старшаго изъ нихъ, Генриха, онъ вѣнчалъ въ преемники себѣ въ Англіи; второму, Ричарду, далъ Пуату, третьему, Готтфриду, Бретань. Мать ихъ, Элеонора, возбудила ихъ къ мятежу, негодуя на многократную невѣрность супруга въ

*) Hegewiſch, Ueberſicht der Irländiſchen Geſchichte, S. 37 fg.

бракѣ, и въ короляхъ Франціи и Шотландіи они нашли усердныхъ союзниковъ. Генрихъ въ одно время долженъ былъ вести войну въ Нормандіи, и усмирять бунтъ въ Англіи, между тѣмъ какъ Вильгельмъ, Король Шотландскій, съ сильнымъ ополченіемъ вторгнулся въ предѣлы государства. Однако храбрость Генрихова одержала верхъ; Вильгельмъ Шотландскій былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ (1174), и долженъ былъ признать верховную власть Англіи. Заключенный въ то же время миръ съ сыновьями, продолжался только до 1183 года: тогда Генрихъ и Готтфридъ опять возстали противъ отца, но оба умерли въ продолженіи смутъ. Выше (стр. 96) сказано, какимъ образомъ Король Генрихъ кончилъ свои распри съ Филиппомъ Августомъ Французскимъ посредствомъ съѣзда въ Жизорѣ и заключенія мира въ Турѣ, чтобы итти въ Святую Землю. Во время послѣдней войны, Королю Французскому удалось привлечь на свою сторону Графа Ришарда Пуатускаго, который, повѣривъ слуху, что корона Англіи назначена младшему его брату, Іоанну, воспылалъ мщеніемъ и завистью. Вмѣстѣ съ нимъ отпали отъ отца его бароны Бретани и Пуату. И такъ Генрихъ долженъ былъ, еще въ послѣдніе дни своей жизни, обратить тылъ многочисленнымъ врагамъ своимъ, не зная, что даже сынъ его, Іоаннъ, принадлежалъ къ нимъ. Когда онъ свѣдалъ о томъ, сердце его разорвалось. «Стыдъ, воскликнулъ онъ, стыдъ побѣжденному королю! Да будетъ проклятъ день, въ который я родился, и да будутъ прокляты Богомъ сыновья, которыхъ я оставляю.» Вскорѣ послѣ того онъ умеръ (6 іюня 1189).

Старинный судебный порядокъ, судьи сотенные и графскіе (die Hundrede und Graffschaftsgerichte), съ прежнимъ раздѣленіемъ земли, вообще продолжались при владычествѣ Норманновъ, но не имѣли такой важности, какъ прежде. Духовенство ни мало въ нихъ не участвовало; только немногіе свободные владѣльцы присутствовали при совѣщаніяхъ; большинство составляли васаллы бароновъ, которые однако во всѣхъ ленныхъ тяжбахъ подлежали суду ленныхъ господъ, такъ какъ послѣдніе сами искали правосудія въ приказѣ королевскомъ. Это

послѣднее судилище и здѣсь состояло изъ высшихъ придворныхъ и государственныхъ сановниковъ, канцлера, казнохранителя, обергофмейстера (Stewart), коннетабля, верховнаго судьи, который заступалъ мѣсто короля. Такъ какъ позывы въ этотъ судъ, по причинѣ несправедливостей, притѣсненій и насилія, были весьма часты, и онъ одинъ имѣлъ право давать рѣшенія во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся правъ королевскихъ, то Генрихъ, для ускоренія и облегченія судопроизводства, сдѣлалъ весьма полезное распоряженіе. На собраніи въ Нортемптонѣ (1176), онъ раздѣлилъ все государство на шесть округовъ, и для каждаго назначилъ трехъ полномочныхъ судей изъ своего приказа, которые, объѣзжая свой участокъ, должны были рѣшать жалобы на мѣстѣ, карать всякое нарушеніе мира и вообще охранять права королевскія. Поединокъ, испытаніе огнемъ и водою и пр., всё еще были въ обыкновеніи, и наказанія отличались жестокостію. Разбои, смертоубійство, зажигательство, дѣланіе фальшивой монеты, наказывались отсѣченіемъ правой руки и правой ноги. И недостаточность ленныхъ ополченій начала въ это время обращать на себя вниманіе государей: у Генриха II, равно какъ у его современника, Императора Фридриха I, находимъ содержимыя на жалованьѣ войска въ бо́льшемъ употребленіи чѣмъ прежде, когда они являлись весьма рѣдко. Въ Англіи, съ ленныхъ владѣльцевъ, желавшихъ освобожденія отъ ленной воинской службы, взыскивалась денежная подать, именуемая scutagium.

## 19. Филиппъ Августъ, Ричардъ Львиное Сердце и Іоаннъ Безземельный.

Дѣла Франціи и Англіи, въ правленіе сихъ королей, находились въ такой тѣсной взаимной связи, что и при повѣствованіи нельзя раздѣлять ихъ. Филиппъ II Августъ (получившій сіе проименованіе отъ славы своего царствованія) былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и достойнѣйшихъ королей Франціи. Онъ еще въ дѣтствѣ, при жизни отца своего, Лудовика VII, былъ вѣнчанъ на царство, и по

смерти его (18 сент. 1180), имѣя пятнадцать лѣтъ отъ роду, наслѣдовалъ ему въ правленіи. Преобразованіе государства, которому уже положено было начало возвышеніемъ трона надъ васаллами и соединеніемъ гражданъ въ вольныя общины, сдѣлало значительные успѣхи въ теченіе его сорока-трех-лѣтняго царствованія, и опасности, грозившія его державѣ со стороны могущественныхъ Королей Англійскихъ, были отвращены. Филиппъ Августъ достигалъ своихъ цѣлей посредствомъ здравой, разсчетливой политики, какую доселѣ въ Средніе Вѣки мы встрѣчали весьма рѣдко. Онъ не противился великимъ движителямъ тогдашняго міра, церковной власти и рыцарству, а принималъ ихъ въ разсчетъ при своихъ начинаніяхъ. Онъ ходилъ въ Святую Землю, былъ, подобно обоимъ ближайшимъ предшественникамъ своимъ, преданъ Церкви и особенно уважалъ духовенство, доколѣ его выгоды отъ сего не страдали; ходилъ и на войну, когда долгъ государя, ставимый имъ выше всего другаго, побуждалъ его къ тому. Первое дѣйствіе его показало духъ и свойство новаго правленія. Жиды подъ покровительствомъ его отца весьма размножились, и безсовѣстнымъ лихоимствомъ пріобрѣли несмѣтныя богатства; Король, для пользы своей казны, рѣшился обобрать ихъ; въ апрѣлѣ 1182 года онъ издалъ указъ, чтобы всѣ Израильтяне въ его государствѣ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, продали свое движимое имущество и оставили его землю, если не перейдутъ въ Христіанскую Вѣру. Ихъ недвижимыя имѣнія были всѣ отобраны, и всѣ долги Евреевъ на Христіанахъ уничтожены. За то надлежало отдать Королю пятую часть долговой суммы. Такимъ образомъ Филиппъ, пріобрѣтеніемъ денежныхъ средствъ, привелъ себя въ состояніе дѣйствовать противъ Генриха съ большею рѣшительностью, нежели какъ было при его отцѣ.

Междоусобная брань и смуты, равно какъ бозпрестанно возобновляющаяся борьба съ Англіею, со дня на день умножали число наемныхъ войскъ, которыя тогда назывались Брабансонами, потому что приходили наиболѣе изъ Нидерландовъ. По заключеніи мира, они были распускаемы,

но тогда грабили и жгли въ той самой землѣ, за которую прежде того сражались. Наконецъ, крайность заставила жителей прибѣгнуть къ оружію для своей защиты, Филиппъ прислалъ имъ подкрѣпленіе, и такимъ образомъ множество сихъ хищниковъ, въ іюлѣ 1183 года, болѣе десяти тысячъ, были побиты. Но они избѣжали совершенной погибели, ибо самъ Король очень скоро опять почувствовалъ въ нихъ надобность на войнѣ.

Рѣзкая противоположность характеру Филиппа Августа видимъ въ его товарищѣ Крестоваго Похода, Ричардѣ Львиное Сердце, который соединялъ въ себѣ всѣ добродѣтели и всѣ недостатки рыцарства. Онъ былъ первый витязь своего времени, и искусно распѣвалъ нѣжныя, сладострастныя пѣсни. Но въ его характерѣ съ тѣмъ вмѣстѣ выказывается все безтолковое удальство рыцарскаго быта, неразсудительность и грубость въ поступкахъ, крутой образъ дѣйствій, презрѣніе всякихъ границъ, буйство страстей и въ слѣдствіе того несправедливость и жестокость. Легкомысленно расточалъ онъ доходы и имѣнія коронныя, чтобы удовлетворить минутнымъ прихотямъ. Для покрытія издержекъ Крестоваго Похода, онъ опять уступилъ Королю Шотландскому ленодержавіе, пріобрѣтеніе отца своего, за десять тысячъ марокъ, и продавалъ съ публичнаго торгу казенныя имѣнія, почетныя мѣста и должности.

На возвратномъ пути изъ Палестины, онъ долженъ былъ испытать неожиданныя бѣдствія. Долгое время бури носили его по морю; наконецъ, между Венеціею и Аквилеею, онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе, едва спасъ свою жизнь, и долженъ былъ продолжать путешествіе по сушѣ среди опасностей, потому что Нѣмцы, съ которыми онъ въ Акрѣ поступилъ съ такою возмутительною надменностію, свѣдали о дорогѣ, имъ избранной, и тщательно его подстерегали. Онъ хотѣлъ переодѣтый ускользнуть отъ ихъ бдительности, но его служитель въ Вѣнѣ возбудилъ подозрѣніе восточными монетами и надменнымъ обхожденіемъ, а самъ Ричардъ дорогимъ перстнемъ: онъ былъ открытъ и задержанъ тѣмъ самымъ

княземъ, котораго жестоко оскорбилъ, Герцогомъ Леопольдомъ Австрійскимъ. Однако Леопольдъ вскорѣ долженъ былъ выдать его Императору Генриху VI, который, за союзъ съ врагомъ своимъ Танкредомъ въ Сициліи, и для полученія отъ него тяжкаго выкупа, держалъ его сперва въ Трифельсѣ, потомъ въ Вормсѣ, подъ крѣпкою стражею. 28 Декабря 1192 года Генрихъ писалъ Королю Французскому, что Ричардъ находится въ его власти. Вслѣдъ за симъ радостнымъ извѣстіемъ, Филиппъ сдѣлалъ Императору предложеніе держать въ плѣну своего противника, но предложеніе было отвергнуто, и Генрихъ вступилъ въ переговоры съ братомъ Ричардовымъ, Іоанномъ Безземельнымъ (названнымъ такъ потому, что онъ, при смерти отца своего, былъ еще малолѣтенъ, и не могъ владѣть леномъ). Присяга на Евангеліи была забыта, лишь только Іоаннъ обѣщалъ ему уступить лежащую на правомъ берегу Сены часть Нормандіи, если онъ соединится съ нимъ противъ Ричарда, и Филиппъ вскорѣ потомъ вступилъ въ эту область, чтобы утвердить за собою обѣщанный удѣлъ, но встрѣтилъ подъ Руаномъ храброе сопротивленіе. Столь же безплодны были усилія Іоанновы противъ приверженцевъ Ричарда въ Англіи. Наконецъ (въ Февралѣ 1194) Король Ричардъ, послѣ тринадцати-мѣсячнаго заключенія, опять получилъ свободу, обѣщавъ заплатить сто пятьдесятъ тысячъ марокъ выкупа. Филиппъ Августъ объявилъ объ этомъ событіи своимъ союзникамъ слѣдующими словами: «Берегитесь, чортъ опять на волѣ.» И точно, теперь слѣдовало бы ожидать самыхъ жестокихъ войнъ; но частію выкупъ, собранный съ невѣроятными трудами, частію холодность англійскихъ вельможъ, которыхъ столь же трудно было вести во Францію, какъ Нѣмцевъ въ Италію, обуздывали гнѣвъ Ричарда. Іоаннъ покорился, и получилъ прощеніе. Потомъ началась многолѣтняя борьба, прерываемая частыми перемиріями, которая ограничивалась нападеніями на укрѣпленныя мѣста, опустошеніемъ полей и частными схватками конницы.

Въ 1199 году Ричардъ Львиное Сердце, изъ-за

неважной причины пошелъ войной на васалла, Видомара, Вицеграфа Лиможскаго, и подъ замкомъ его, Шалюсомъ, (Chalus) былъ раненъ стрѣлою въ правую руку. Онъ тотчасъ приказалъ итти на приступъ, и взявъ замокъ, велѣлъ повѣсить весь гарнизонъ, за исключеніемъ стрѣлка изъ лука, Бертрана де Гурдона, который его ранилъ. Рана была сама по себѣ неопасна, но сдѣлалась смертельною отъ неискуснаго пользованія. Король, почувствовавъ приближеніе кончины, велѣлъ привести къ своему одру Гурдона, и спросилъ его, за что онъ такъ враждебно въ него мѣтилъ. «Ты, отвѣтствовалъ Бертранъ, собственною рукою убилъ моего отца и двухъ моихъ братьевъ, и меня хотѣлъ повѣсить; теперь я въ твоей власти, и ты можешь, какъ угодно, мстить мнѣ, но я съ радостью вытерплю всѣ муки; у меня останется утѣшеніе, что я освободилъ міръ отъ столь пагубнаго человѣка.» Король приказалъ отпустить его, но Маркадеръ, начальникъ Брабансовъ въ службѣ Ричарда, велѣлъ тайно схватить его, содрать съ него живаго кожу, и потомъ его повѣсить.

По смерти Ричарда, корона англійская, по праву наслѣдства, долженствовала принадлежать сыну его брата, Готтфрида, двѣнадцатилѣтнему Герцогу Артуру Бретанскому, но права его не были уважены, и Іоаннъ Безземельный, котораго Ричардъ наименовалъ преемникомъ престола, былъ признанъ королемъ въ Англіи. Ежели до сего времени Англійскіе Короли вообще превосходили Французскихъ, какъ обширностью владѣній, такъ и личными свойствами, то теперь отношеніе сіе совершенно измѣнилось; въ соотвѣтственность предпріимчивому Филиппу, выступилъ на сцену человѣкъ, въ характерѣ котораго вѣроломство, жестокость и подлость чувствъ составляютъ главныя черты, который былъ въ счастіи гордъ и высокомѣренъ, въ несчастіи робокъ, печаленъ и равнодушенъ къ безчестію. Немедленно по вступленіи Іоанна на престолъ, Филиппъ пошелъ на него войною, объявилъ, что защищаетъ права Артура, обиженнаго сироты, но вскорѣ заключенъ былъ миръ (1200). За Графство Эврёское, которое Іоаннъ уступилъ своей племянницѣ, Бланкѣ Кастиль-

ской, супругѣ Филиппова сына Лудовика, Филиппъ пожертвовалъ правами Артура, и принудилъ юнаго князя присягнуть своему дядѣ за Герцогство Бретанское. Но согласіе не было продолжительно. Іоаннъ увезъ прекрасную Изабеллу Ангулемскую, которая помолвлена была за Графа Гугона де-ла-Маршскаго. Женихъ поднялъ оружіе противъ Іоанна, и жаловался Королю Французскому, общему ихъ ленному государю. Тотчасъ война снова запылала; Артуръ сталъ также на сторону Франціи, но имѣлъ несчастіе, подъ замкомъ Мирабо, попасть въ руки своему кровожадному дядѣ. Онъ былъ посаженъ въ башню Руанской Крѣпости, и спустя нѣсколько недѣль исчезъ. Всеобщая и неопровергнутая молва приписывала его умерщвленіе собственной рукѣ Іоанновой. Государственные чины Бретани, исполненные печали и негодованія по случаю смерти своего юнаго герцога, обратились къ Королю Франціи, и Филиппъ позвалъ Іоанна, какъ своего вассала, въ Парижъ, для рѣшенія дѣла въ ленномъ приказѣ. Іоаннъ не явился; судъ объявилъ его виновнымъ въ государственной измѣнѣ, и положилъ отобрать всѣ ленныя владѣнія его во Франціи. Разумѣется, что такой приговоръ могъ получить вѣсъ только отъ вооруженнаго исполненія, и Филиппъ Августъ прибѣгнулъ къ этому средству съ обычною своею дѣятельностію (1203). Правда, Іоаннъ просилъ Папу Иннокентія III о помощи, и послѣдній предписывалъ хранить миръ; но Филиппъ не смотрѣлъ на то, и, поддерживаемый Бретанцами, съ неимовѣрною быстротою завоевалъ Верхнюю Нормандію, и принудилъ Короля Іоанна бѣжать въ Англію. Весною 1204 года, только Руанъ, Аркъ и Вернейль находились въ рукахъ Англичанъ. Руанъ защищался храбро, но, не получая ни откуда помощи, граждане наконецъ отворили ворота. Въ то же время сдались оба другіе города (1 іюня). Такимъ образомъ вся Нормандія опять соединилась съ короною Франціи, находившись во власти Норманновъ около трехъ сотъ лѣтъ. Съ кончины Норманна Роллона, она имѣла пятнадцать герцоговъ, изъ которыхъ шесть послѣднихъ носили англійскую корону. Не доволь-

ствуясь симъ пріобрѣтеніемъ, Филиппъ занялъ также Анжу, Мень, Турень и большую часть Пуату. Тогда только (1206), по настоянію папскаго легата, онъ согласился на перемиріе.

Вскорѣ потомъ Іоаннъ вступилъ въ распрю съ Папою, которая кончилась для него не менѣе поносно и не выгодно. Въ 1205 году, архіепископскій престолъ въ Кантербери сдѣлался праздным, и каноники избрали пріора Регинальда совершенно непозволительнымъ образомъ, безъ вѣдома Короля, и съ условіемъ, чтобы выборъ оставался тайною, доколѣ не прійдетъ утвержденіе изъ Рима. Но Регинальдъ нарушилъ наложенное на него молчаніе, и каноники предложили произвести другой выборъ. Сему дѣйствію воспротивились епархіальные епископы, ибо они при немъ не присутствовали, и спорное дѣло поступило къ Папѣ. Иннокентій III не только отмѣнилъ оба выбора, но и велѣлъ находящимся въ Римѣ пятнадцати депутатамъ капитула тотчасъ приступить къ новому выбору, который, въ слѣдствіе папскаго указанія, палъ на кардинала Стефана Лангтона, природнаго Англичанина.

Вѣсть о семъ происшествіи раздражила Іоанна. Онъ не только отказался принять папскаго архіепископа, но еще послалъ двухъ самыхъ буйныхъ рыцарей въ Кантербери, велѣлъ разогнать весь капитулъ, и забрать его имущество. Иннокентій предостерегалъ, увѣщевалъ, грозилъ, все было тщетно. Вскорѣ потомъ онъ послалъ епископамъ Лондона, Эли и Ворчестера приказъ, еще разъ увѣщевать Короля къ уступчивости, и объявить ему проклятіе церковное, если онъ будетъ упорствовать въ непослушаніи. Когда полномочные Папы предстали предъ Короля, онъ принялъ ихъ словами: «Богъ свидѣтель, если только осмѣлитесь произнести проклятіе или запрещеніе, я васъ и всѣхъ церковниковъ отошлю къ Папѣ, и возьму себѣ имѣніе. И всѣ Римляне, какіе найдутся въ моей землѣ, возвратятся во свояси съ выколотыми глазами и обрѣзанными носами, чтобы знали ихъ въ цѣломъ свѣтѣ. И если вы дорожите своею кожей, то убирайтесь съ глазъ моихъ.» Послѣ сего епископы, именемъ Папы, отлучили отъ

Церкви цѣлое королевство. Отлученіе было нововеденный, страшный родъ церковнаго проклятія, поражавшій не одно лице, но цѣлыя земли или округи. Всякое богослуженіе въ королевствѣ было остановлено, алтари лишились своего украшенія, кресты, образа святыхъ, колокола были сняты и покрытые положены на землю; всѣ покойники зарываемы были подлѣ дороги, а не хоронимы въ мѣстѣ освященномъ, браки совершались на кладбищахъ; всякія удовольствія, пиры, даже употребленіе мяса было воспрещено; никто не смѣлъ привѣтствовать другаго, или брить себѣ бороду; за грѣхъ одного человѣка вся земля, казалось, облекла себя въ одежду печали, и находилась въ трепетномъ страхѣ гнѣва Божія.

Іоаннъ довольно долго противился, и насыщалъ месть свою на духовныхъ. Исполняя свою угрозу, онъ велѣлъ изгонять ихъ изъ мѣстъ ихъ жительства, и отбиралъ ихъ имѣнія. И о снисканіи расположенія своихъ подданныхъ ожесточенный Король теперь заботился такъ же мало какъ и прежде, и продолжалъ оскорблять всѣ сословія. Онъ безчестилъ знатныя фамиліи, отнималъ у нихъ владѣнія, запретилъ дворянамъ охотиться за дичью, предписалъ новыя подати, велѣлъ снять ограду около своихъ лѣсовъ, чтобы его олени могли кормиться въ сосѣднихъ поляхъ, и у вельможъ, которымъ не довѣрялъ, бралъ дѣтей въ заложники. Папа усиливалъ наказанія постепенно. Въ 1209 году онъ произнесъ проклятіе на Короля и на всякаго, кто будетъ имѣть общеніе съ нимъ: теперь и знатныя духовныя лица, остававшіяся еще въ Англіи, покинули государство. Наконецъ, такъ какъ всѣ дѣла Церкви шли тогда успѣшно, и еретики въ Южной Франціи были побѣждены и подавлены, то Иннокентій III разрѣшилъ васаллovъ Іоанна отъ данной ими присяги (1212), увѣщевалъ всѣхъ христіанскихъ князей и барoновъ соединиться противъ нечестиваго властелина, и вызывалъ Короля Французскаго быть исполнителемъ приговора и завоевать Англію. И хотя въ принятіи сего порученія заключалось явное признаніе, что Римскій Дворъ можетъ низлагать королей и раздавать царства, однако

страсть къ завоеванію въ Филиппѣ Августѣ переселила сіе важное разсужденіе. Онъ велѣлъ собираться многочисленной арміи у Руана, а флоту у Булони. Между тѣмъ Іоаннъ устрашился не только непріятельской высадки, но и сомнительнаго расположенія въ своемъ войскѣ; малодушіе, нерѣшимость и угрызенія совѣсти заставили его смириться подъ сильную руку Папы. Онъ отказался отъ своего царства, въ пользу Папскаго Престола. Въ офиціальномъ актѣ, который Іоаннъ издалъ по сему случаю, сказано, что онъ, по доброй, свободной волѣ и для полученія прощенія въ грѣхахъ своихъ и милости Божіей, передаетъ Богу, Апостоламъ Петру и Павлу, своему владыкѣ, Папѣ Иннокентію, и его преемникамъ, Англію и Ирландію, чтобы впредь владѣть оными въ качествѣ леннаго данника Римской Церкви, ежегодно внося за Англію семь сотъ и за Ирландію три ста марокъ. 15 мая 1213 года, Король отправился въ церковь въ Дуврѣ, сложилъ корону и скипетръ, и, стоя на колѣняхъ, произнесъ обыкновенную ленную присягу въ присутствіи папскаго легата Пандольфа.

Легатъ отправился потомъ во Францію, и взялъ обратно воззваніе воевать противъ Іоанна, потому что сей государь теперь сознался грѣхи свои, и опять изъявилъ покорность Апостольскому Престолу. Филиппъ далъ гнѣвный отвѣтъ, представлялъ своимъ васалламъ, что денегъ, издержанныхъ на флотъ и войско, нельзя бросить, и не хотѣлъ отстать отъ предпріятія. Однако сперва онъ обратился противъ Фердинанда, Графа Фландрскаго, который, по тайному согласію съ Іоанномъ, не хотѣлъ участвовать въ походѣ противъ Англіи, вопреки долгу васалла. Гравелинъ, Ипернъ, Брюжъ и Гентъ впали въ руки Французовъ. Но Іоаннъ прислалъ на помощь флотъ въ пять сотъ кораблей, и въ слѣдующемъ году Графъ Режинальдъ Булонскій, Герцогъ Генрихъ I Брабантскій и Римскій Императоръ Оттонъ IV, племянникъ Іоанновъ, приступили къ союзу противъ Филиппа Августа (выше, стр. 115). Чтобы раздѣлить силу Французовъ, Король Англійскій въ то же время сдѣлалъ высадку въ Гіеннѣ, и прошелъ

въ Анжу. Опасность была велика для Франціи, однако Король не унывалъ, и рыцари, равно какъ и граждане, рѣшились защищать его. На западъ послалъ Филиппъ сына своего, Лудовика, которому удалось прогнать Англичанъ; самъ онъ пошелъ на встрѣчу союзникамъ во Фландрію. При Бувинѣ, въ двухъ часахъ отъ Лилля, произошла битва (27 іюля 1214). Пишутъ, что Филиппъ, для испытанія подозрительной вѣрности нѣкоторыхъ бароновъ, напередъ созвалъ всѣхъ своихъ васалловъ, бросилъ горсть искрошеннаго хлѣба въ большой кубокъ наполненный виномъ, и, выпувъ и скушавъ частицу, сказалъ: «Товарищи, кто хочетъ жить и умереть со мной, пусть сдѣлаетъ по-моему.» Сія рѣшительность возбудила чувство чести въ баронахъ до такой степени, что въ минуту кубокъ былъ опорожненъ, и всѣ воспламенились мужествомъ и воинственнымъ духомъ. Магистръ Геренъ (Guerin), госпиталитъ и храбрый воинъ, Канцлеръ Франціи и въ послѣдствіи Епископъ Санлисскій, поставилъ французскую армію въ боевой порядокъ. Около полудня началось сраженіе; съ обѣихъ сторонъ бились съ удивительною храбростью, и Французы были нѣсколько разъ оттѣсняемы назадъ. Уже нѣмецкій пѣшій ратникъ, крюкомъ своего копья, стащилъ Короля Филиппа съ лошади и готовъ былъ убить его, какъ Французы, видя своего государя въ опасности, ринулись впередъ съ такою непреоборимою силою, что Нѣмцы въ свою очередь обратили тылъ. Побѣда склонилась на сторону Французовъ. И Графъ Фландрскій взятъ былъ въ плѣнъ. Хвалясь побѣдою, Филиппъ въѣхалъ въ Парижъ, и Іоаннъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что получилъ пятилѣтнее перемиріе.

Битва при Бувинѣ имѣла важныя слѣдствія для Франціи. Она въ первый разъ показала Французамъ, что соединенные живымъ, народнымъ чувствомъ, они могутъ безстрашно противостоять сильнымъ врагамъ; она показала великимъ васалламъ, покореніемъ и продолжительнымъ плѣномъ Графовъ Фландрскаго и Булонскаго, какъ опасно ослушаться королевской власти, утвержденной теперь

на прочномъ основаніи. И въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ, въ Анжу и въ Нормандіи, этотъ примѣръ удерживалъ ленныхъ данниковъ отъ подобныхъ покушеній. Въ самомъ дѣлѣ, Филиппъ не отдавалъ въ ленъ ни одного изъ новыхъ владѣній, и оттого обладалъ множествомъ земель, которое позволяло ему не страшиться васалловъ, если бы они даже всѣ соединились противъ короны. Шесть знатнѣйшихъ духовныхъ сановниковъ государства, архіепископы и епископы Реймса, Лана, Лангра, Бове, Шалона и Нойона, и шесть значительнѣйшихъ ленныхъ владѣльцевъ Королевства, Герцоги Бургундскій, Бретанскій и Гіенскій, и Графы Фландрскій, Шампанскій и Тулузскій, съ сего времени исключительно носятъ титло перовъ (pairs, pares), потому что они, имѣя одинаковыя права ленныя, всѣ были непосредственными васаллами. Они составляли ближайшій совѣтъ Короля, и были засѣдателями въ его верховномъ судѣ. При коронаціи и другихъ торжественныхъ случаяхъ, они отправляли почетную службу. Король съ этого времени чаще приглашалъ сихъ первыхъ мужей государства къ своему двору, для совѣщанія съ ними и для установленія законовъ, которые отъ ихъ согласія получали силу и въ ихъ областяхъ. Предпочитая и лаская такимъ образомъ могущественныхъ васалловъ, Король тѣмъ рѣшительнѣе могъ дѣйствовать противъ мелкихъ владѣльцевъ. Короли Франціи почти всегда могли полагаться на помощь духовенства, ибо Церковь здѣсь имѣла нужду въ ихъ защитѣ противъ васалловъ. Филиппъ содѣйствовалъ также, сколько могъ, процвѣтанію городовъ, но значительнѣйшія преимущества давалъ только меньшимъ городамъ, чтобы не положить новыхъ препонъ своему владычеству; въ большихъ городахъ онъ довольствовался почти однимъ искорененіемъ частныхъ злоупотребленій, не вводя собственно муниципальнаго устава. Такъ какъ старинные графы Карла Великаго давно сдѣлались наслѣдственными ленными владѣльцами, то потребность въ чиновникахъ по части управленія понудила Филиппа установить правителей (baillis et sénèchaux), сперва въ коронныхъ его имѣніяхъ надъ судьями (prevots, praepo-

siti), завѣдывавшими расправою, также охраненіемъ тишины и безопасности въ городахъ и ихъ окрестностяхъ. Сіи правители рѣшали дѣла въ высшей инстанціи, и заботились о взиманіи и доставкѣ податей въ королевскую казну.

Совершенно противоположную картину представляетъ дальнѣйшій ходъ событій въ Англіи. Отлученіе отъ Церкви, тяготѣвшее на государствѣ въ теченіе шести лѣтъ, было снято; изгнанныя Іоанномъ духовныя лица возвратились, и Лангтонъ занялъ архіепископскую каѳедру въ Канторбери. Онъ хотѣлъ воспользоваться униженіемъ Короля, и заставить его снова подтвердить и точнѣе опредѣлить права высшаго духовенства и бароновъ, дарованныя имъ льготною грамотою Короля Генриха I (выше, стр. 133), но съ того времени пришедшія въ забвеніе и многократно нарушенныя Іоанномъ. Бароны, которые еще болѣе презирали и ненавидѣли Короля послѣ его уничиженія предъ Папою и несчастія во Франціи, приступили къ нему съ тѣми же требованіями, и какъ Іоаннъ не соглашался удовлетворить этому желанію, составился великій союзъ, который въ расплохъ окружилъ Короля военною силою, и вынудилъ у него актъ, извѣстный подъ именемъ великой льготной грамоты (magna charta libertatum). Сей важный актъ былъ подписанъ 19 іюня 1215 года на открытомъ мѣстѣ (именуемомъ Runnemede или Runneymead), между Виндзоромъ и Стенсомъ. Великая льготная грамота утверждала за клиромъ свободу выборовъ и всѣ прежнія его права и преимущества. Для бароновъ, пошлина, при полученіи лена, опредѣлена была извѣстною суммой. Сверхъ того они обязаны были только платить вспомогательныя деньги при посвященіи старшаго сына короля въ рыцари, при выходѣ въ замужство старшей его дочери, и въ случаѣ плѣна самого короля. Для наложенія всякой чрезвычайной подати, требовалось согласіе общаго государственнаго сейма, на которое надлежало созывать всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ, бароновъ и другихъ непосредственныхъ васалловъ. Всѣ преимущества, какія король жалуетъ баронамъ, могутъ быть

передаваемы отъ нихъ и второстепеннымъ васалламъ. Иноземные купцы не должны подвергаться никакимъ произвольнымъ пошлинамъ и податямъ. Лондонъ, равно какъ всѣ города и мѣстечки, сохраняютъ свои старинные обычаи и льготы. Судилища должны быть отворены для всякаго; правосудіе не можетъ быть продаваемо или замедляемо. Свободный человѣкъ не можетъ быть посаженъ въ темницу, лишенъ имущества, или понести иной ущербъ, иначе какъ по приговору судей равныхъ ему, и по законамъ отечества. Судилище для рѣшенія общественныхъ тяжбъ (court of common pleas, common bench) впредь не должно слѣдовать за особою короля, но можетъ имѣть свои засѣданія постоянно въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ. Это судилище, не задолго предъ тѣмъ, отдѣлено было отъ верховнаго совѣта королевскаго, и имѣло обязанностію выслушивать апелляціи по всѣмъ дѣламъ, которые не касались короля и его правъ непосредственно. Лѣса и воды, которыя съ начала настоящаго царствованія были огорожены, должны быть доступными для всѣхъ. За исполненіемъ сей грамоты будетъ наблюдать избранная баронами изъ среды ихъ постоянная коммисія изъ двадцати пяти членовъ, пополняющая сама себя. Въ случаѣ нарушенія ея королемъ или его чиновниками, она будетъ напоминать о томъ самому королю, или, во время его отсутствія, верховному судьѣ. Но если злоупотребленіе не прекратится, коммисія, для достиженія своей цѣли, имѣетъ право прибѣгнуть къ силѣ, не касаясь только особы государя, ни членовъ его семейства.

Іоаннъ принужденъ былъ уступить силѣ. Но едва опасность миновала, онъ предался необузданной ярости. Его наружность показывала злобу, удерживаемую съ трудомъ. Онъ былъ блѣденъ, останавливалъ неподвижный взоръ на одномъ предметѣ, скрежеталъ зубами, перекусывалъ какъ бѣшеный палки и деревянныя вещи, и топталъ ихъ ногами. Въ Фландріи, онъ велѣлъ набирать войска, послалъ повѣренныхъ въ Римъ, и жаловался Папѣ на своихъ мятежныхъ васалловъ. Иннокентій, считая ихъ поступокъ вмѣшательствомъ въ его нынѣшнія права, объ-

явилъ льготную грамоту недѣйствительною, и произнесъ проклятіе на бароновъ. Но самъ Архіепископъ Лангтонъ воспротивился Папѣ, который теперь, во второй разъ, испыталъ тоже, что случилось уже съ нимъ въ дѣлахъ его съ Оттономъ IV. Императоръ и Архіепископъ отказались отъ дружбы съ Папою, лишь только ихъ положеніе требовало, чтобъ они были его врагами. Іоаннъ, между тѣмъ, послѣ великихъ приготовленій и съ многочисленными наемными полками, открылъ войну противъ бароновъ, велъ ее съ безчеловѣчною жестокостью, и такъ устрашилъ своихъ противниковъ, что они прибѣгнули къ Филиппу Августу, и предложили корону сыну его Лудовику. Принцъ прибылъ въ Англію съ арміей; но прежде нежели дошло до рѣшительной битвы, Іоаннъ умеръ (17 октября 1216 года).

О внутреннемъ состояніи государства, о томъ, какъ правосудіе наблюдалось при Норманскихъ Короляхъ вообще и при Іоаннѣ въ особенности, могутъ дать наглядное понятіе слѣдующія черты. Никто не смѣлъ приближаться къ престолу королевскому безъ подарковъ. Графство Норфолькское платило извѣстную сумму за то, чтобы съ нимъ поступаемо было справедливо, а мѣстечко Ярмутъ за то, чтобы льготная грамота, полученная имъ отъ короля, не была нарушаема. Нѣкто Серло купилъ позволеніе защищаться въ томъ случаѣ, если бы стали его обвинять въ смертоубійствѣ. Николай Морель обѣщалъ заплатить шестьдесятъ фунтовъ, если принудятъ Графа Фландрскаго возвратить ему триста сорокъ три фунта, которые онъ у него занялъ. Гугонъ Уазель заплатилъ четыреста марокъ за право торговать въ Англіи. Готтфридъ Фиццнеръ далъ двухъ норвежскихъ соколовъ, чтобы Вальтеръ ле-Мадинъ могъ вывезти сто фунтовъ сыру изъ областей королевскихъ. Супруга Гугона Невиля дала королю двѣсти куръ за позволеніе посѣщать своего мужа въ темницѣ. Ричардъ Невиль далъ двадцать верховныхъ лошадей, чтобы получить отъ короля одобрительное письмо къ Изольдѣ Бизетъ, на которой онъ хотѣлъ жениться, и Робертъ де Во (Vaux) подарилъ пять лошадей, чтобы король молчалъ о какомъ-

то дѣлѣ. Въ Англіи Евреи были такъ же многочислены, какъ во Франціи, и обладали большими сокровищами. Іоаннъ велѣлъ однажды всѣхъ ихъ заключить въ темницы, и потомъ возвратилъ имъ свободу за шестьдесятъ шесть тысячъ марокъ. Въ другое время, вынудилъ онъ у одного Іоркскаго Жида Исаака пять тысячъ сто марокъ; на такую сумму въ то время можно было купить имѣніе знатнаго господина.

Исполненіемъ содержащихся въ великой грамотѣ постановленій начинается новая эпоха въ Исторіи Англіи. Сколь грамота ни была несовершенна во многихъ отношеніяхъ, однако, благодаря ей, порядокъ и справедливость въ управленіи видимо укоренялись. Народы Среднихъ Вѣковъ далеки были отъ безумной мысли, что самовластіе и произволъ должно останавливать разрушеніемъ всего существующаго и введеніемъ совершенно новаго порядка вещей. Доброе, прочное созрѣваетъ медленно; изъ невиднаго зародыша великой грамоты выросло могучее и гордое дерево Англійской Державы.

## 20. Императоръ Фридрихъ II.

Фридрихъ II, внукъ Барбароссы, котораго мы, послѣ побѣды его надъ Оттономъ IV, оставили главою Имперіи (выше, стр. 116), употребилъ первые годы своего царствованія на то, чтобы утвердиться на престолѣ, и вновь усилить и распространить родовыя владѣнія Гогенштауфенскаго Дома въ Германіи, ослабленныя войнами Филиппа и его щедростью къ васалламъ. Папа Гонорій III, преемникъ Иннокентія, согласно общему направленію папской политики, заботился о томъ, чтобы Фридрихъ исполнилъ данное еще Иннокентію и возобновленное ему обѣщаніе, уступить сицилійскую корону своему сыну; а Фридрихъ помышлялъ о томъ, чтобы утвердить преемничество въ Нѣмецкой Имперіи за девятилѣтнимъ сыномъ своимъ Генрихомъ. При самомъ вѣнчаніи своемъ въ Аахенѣ, Фридрихъ далъ обѣтъ предпринять Крестовый Походъ. Подъ симъ предлогомъ онъ писалъ къ Папѣ, что,

при упомянутомъ распоряженіи, онъ не имѣетъ намѣренія соединить оба королевства, а только хочетъ дать лучшее устройство правленію на время своего отсутствія. По причинѣ медленности приготовленій къ Крестовому Походу, онъ жаловался на недостатокъ усердія въ князьяхъ, и просилъ Папу, чтобы онъ побуждалъ ихъ къ тому съ большею настойчивостью. Притомъ онъ постоянно увѣрялъ его въ своей преданности Церкви, которая, по выраженію его, вскормила его своею грудью, питала своимъ млекомъ *). Дѣйствительно, кроткій Гонорій назначалъ срокъ за срокомъ для выступленія въ походъ, и даже согласился на избраніе юнаго Генриха въ Римскіе Короли (1220), которое однако стоило Фридриху не малыхъ жертвъ: онъ даровалъ важныя преимущества прелатамъ, между прочимъ отказался отъ права наслѣдства послѣ умершихъ епископовъ. Осенью того же года, онъ со своей супругой и многочисленной свитой предпринялъ путешествіе въ Римъ. Жители Милана оказали такое къ нему нерасположеніе, что онъ миновалъ ихъ городъ, и въ то время вовсе не домогался вѣнчанія ломбардскою короной. До прибытія въ Римъ, онъ новымъ договоромъ съ Папой обязался вѣрно исполнять прежнія обѣщанія, данныя имъ Церкви, и потомъ вѣнчаніе совершилось въ Церкви Св. Петра, въ ноябрѣ 1220 года, безъ всякаго затрудненія. Папа именовалъ Фридриха Императоромъ и Королемъ Сициліи, и, казалось, уже не настаивалъ на раздѣлѣ двухъ королевствъ. Совершенно безъ нужды, Фридрихъ взялъ вторично крестъ, но испросилъ себѣ новую отсрочку, чтобы напередъ водворить спокойствіе въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ.

Онъ увидѣлъ ихъ теперь послѣ осьмилѣтняго отсутствія, увидѣлъ не юношею, а мужемъ и императоромъ, имѣя твердое намѣреніе возстановить здѣсь власть королевскую во всей ея обширности. Отъ бароновъ и прелатовъ онъ потребовалъ отчета, и наказалъ многихъ за

---

*) v. Raumer, Gesch. der Hohenstaufen, Bd III. S. 322 fg., aus den handschriftlichen Urkunden im päpstlichen Archive.

противозаконныя дѣйствія во время его малолѣтства и отсутствія. Въ Германіи, поставленные имъ совѣтники сына его, Генриха, поддерживали благоустройство, и послѣдній въ 1222 году былъ въ Аахенѣ вѣнчанъ въ короли.

Папа, между тѣмъ, не переставалъ съ особенною ревностью возбуждать къ Крестовому Походу, и такъ какъ Фридрихъ, съ своей стороны, все еще откладывалъ предпріятіе, посылая только по временамъ корабли и деньги на вспоможеніе Христіанамъ въ Палестинѣ, то Гонорій придумалъ планъ, къ исполненію котораго должна была подстрекать Императора собственная выгода. Супруга Фридрихова, Констанція, скончалась въ 1222 году. Носившій тогда имя Короля Іерусалимскаго, Французскій Графъ Іоаннъ Бріенскій, жилъ въ Италіи, чтобы искать помощи на Западѣ. Папа устроилъ брачный союзъ Фридриха съ единственною дочерью сего князя, Іолантою, съ которою онъ получилъ всѣ права на Королевство Іерусалимское. Бракъ совершился 1225 года, и Фридрихъ немедленно принялъ титулъ Короля Іерусалимскаго.

Гонорій успокоился, и теперь самъ далъ еще отсрочку на два года. Фридрихъ и это время посвятилъ своимъ сицилійскимъ владѣніямъ, которыхъ благоденствіемъ онъ занимался весьма усердно. Жившіе еще въ Сициліи Сарацины были побѣждены имъ, и онъ переселилъ шестьдесятъ тысячь изъ нихъ въ Италію, въ городъ Ночеру. Вскорѣ сдѣлались они трудолюбивыми поселянами и самыми вѣрными приверженцами Императора. Составилось новое уложеніе для Апуліи и Сициліи, и въ 1224 году основанъ былъ Университетъ въ Неаполѣ. Потомъ Императоръ опять обратилъ свое вниманіе на верхнюю Италію, гдѣ ломбардскіе города, не смотря на частыя свои междоусобія, отказывали ему даже въ тѣхъ повинностяхъ, которыя слѣдовали ему по силѣ Костницкаго Мира, и очень понятно, что возстановленіе императорской власти въ Италіи имѣло для него гораздо болѣе важности, чѣмъ завоеваніе Гроба Господня.

Однако успѣхъ послѣдняго предпріятія долженъ былъ способствовать къ достиженію первой цѣли. И такъ Фрид-

рихъ созвалъ общій сеймъ въ Кремонѣ (1226), куда призвалъ и сына своего Генриха съ нѣмецкими князьями, чтобы условиться о необходимыхъ мѣрахъ для Крестоваго Похода, который надлежало начать въ 1227 году непремѣнно. Но враждебные граждане Милана, услышавъ объ этомъ, и опасаясь за свою свободу со стороны Сициліи и Германіи, возобновили Союзъ Ломбардскій, приняли воинственныя мѣры, заградили альпійскіе проходы, и не пустили въ Италію Короля Генриха, который съ Нѣмецкими Чинами дошелъ уже до Тридента. Лишь немногіе города прислали полномочныхъ въ Кремону. Фридрихъ произнесъ опалу на участниковъ Союза, однако, подобно самимъ Ломбардамъ, призналъ Папу посредникомъ и примирителемъ въ этой распрѣ. Гонорій рѣшилъ, чтобы Императоръ простилъ всѣхъ, а Ломбарды прислали четыреста всадниковъ для Крестоваго Похода. Сей приговоръ, который, вмѣсто опредѣленія спорныхъ отношеній между Императоромъ и городами, возлагалъ на послѣдніе только скоро преходящее бремя, не могъ быть удовлетворителенъ для Фридриха; однако онъ до времени молчалъ и изъявилъ свое согласіе.

## 21. Крестовый Походъ Фридриха II.

(1228 — 1229).

Въ мартѣ слѣдующаго года (1227) скончался Гонорій III. Ему наслѣдовалъ Григорій IX, подобно Иннокентію III изъ рода Графовъ Сигнійскихъ, старецъ преклонныхъ лѣтъ, но отважный и предпріимчивый, совершенно способный къ тому, чтобы сильно противостать Императору и придать новую жизнь притязаніямъ Папскаго Престола, которыя Гонорій защищалъ не со всею твердостью властолюбивыхъ предмѣстниковъ. Первымъ словомъ его былъ опять Крестовый Походъ. Въ самомъ дѣлѣ, Фридрихъ едва ли могъ еще долѣе медлить, если не хотѣлъ возбудить противъ себя общее неудовольствіе народовъ. На Успеніе Богоматери (1227), положено было войскамъ дви-

нуться съ мѣста. Многочисленныя дружины Крестоносцевъ, изъ Германіи и Англіи, стеклись въ Апуліи, назначенную сборнымъ мѣстомъ, гдѣ однакожъ, среди множества сѣверныхъ жителей, не привыкшихъ къ зною италіянскаго лѣта, скоро открылись злокачественные недуги. Впрочемъ, многіе воины сѣли на корабли, и 8 сентября самъ Фридрихъ послѣдовалъ за ними съ другомъ своимъ, Ландграфомъ Лудовикомъ Тюрингенскимъ. На флотѣ оба подверглись заразительной болѣзни, и на третій же день опять вышли на берегъ въ Отрантѣ. Ландграфъ умеръ; отплывшіе уже воины, услышавъ, что Императоръ не пріѣдетъ, воротились съ унылымъ духомъ, и по-одиначкѣ разошлись по домамъ. Весь походъ, на который устремлены были взоры Европы и Азіи, кончился ничѣмъ.

Григорій IX далъ полную волю своему гнѣву, и началъ съ Императоромъ открытую войну. Онъ называлъ его болѣзнь притворствомъ, не принялъословъ его, писалъ ему: «что безмѣрная скорбь, несказанное изумленіе и безпредѣльный страхъ объяли его тѣло и душу,» въ Михайловъ день взошелъ на каѳедру, произнесъ громовую проповѣдь на слова: «Нужда есть пріити соблазномъ (Мат. 18, 8)» назвалъ Императора змѣею, и напослѣдокъ поразилъ его проклятіемъ. Фридрихъ извинялся въ защитительныхъ письмахъ, и увѣрялъ, что, по возстановленіи здоровья, исполнитъ обѣтъ свой; тогда увидятъ, въ самомъ ли дѣлѣ папы заботятся о Святомъ Гробѣ, или напротивъ ищутъ только погибели Императора. И противъ Іоанна Безземельнаго и Графа Тулузскаго Римскій Престолъ употребилъ проклятіе единственно для того, чтобы подчинить себѣ земли сихъ государей. «И такъ, продолжаетъ онъ, да соединится міръ для уничтоженія сей неслыханной тиранніи, сей общей опасности, ибо никому не избѣжать погибели, кто не помогаетъ утѣсняемому неправедно, и забываетъ, что тамъ, гдѣ огонь обхватилъ уже стѣну сосѣда, надобно думать о собственномъ спасеніи.»

Желая показать, что болѣзнь его не была пустымъ предлогомъ, Императоръ въ слѣдующемъ году (1228) сно-

ва предпринялъ Крестовый Походъ. Онъ собралъ для того особенную подать со своихъ барониовъ и духовныхъ сановниковъ, назначилъ Герцога Райнальда Сполетскаго правителемъ государства, и сдѣлалъ самыя мудрыя распоряженія. Его партія въ Римѣ возбудила мятежъ противъ Папы, и принудила его выѣхать изъ города, но, и во время бѣгства, Папа повторилъ свое проклятіе на Императора, и его легаты повторяли то же во всѣхъ концахъ Европы. Прежде, было грѣхомъ неисполненіе Крестоваго Похода, теперь, стало грѣхомъ приведеніе его въ дѣйство. Чтобы придать своимъ мѣрамъ болѣе силы и защитить область Римской Церкви отъ Райнальда Сполетскаго, который опустошалъ ее, впрочемъ противъ воли Императора, Григорій призывалъ къ войнѣ противъ Неаполя, обѣщая за то великія выгоды, и набранныхъ ратниковъ, какъ поборниковъ святаго престола, отличалъ въ этотъ разъ не крестомъ, но ключемъ Петра.

Фридрихъ II, между тѣмъ въ сентябрѣ 1228 года, благополучно вышелъ на берегъ въ Акрѣ. Іоанниты, Храмовники и нѣмецкіе рыцари встрѣтили его съ радостью, и привѣтствовали какъ Императора и Короля Палестины. Тогда явились два Францисканца (см. ниже) съ папскими письмами, которыя содержали въ себѣ новое повтореніе проклятія и запрещеніе повиноваться приказаніямъ отлученнаго отъ Церкви. Тотчасъ рушилось всякое единство. Іоанниты удалились, Храмовники показывали враждебное расположеніе, и даже склонили часть войска отложиться отъ Императора. Не смотря на то, Фридрихъ съ остаткомъ вѣрныхъ воиновъ и съ нѣмецкими рыцарями двинулся отъ Акры, чтобы найти въ Палестинѣ или смерть, или тѣмъ большую славу. Германнъ Зальца, доблестный гроссмейстеръ Нѣмецкаго Ордена, остался при немъ, и послѣдствіемъ его усилія было возвращеніе Храмовниковъ и Іоаннитовъ къ Фридриху. Положено было только, чтобы приказанія и воинскіе отклики отдавались не отъ имени Императора, а во имя Бога и всего Христіанскаго Народа.

По смерти Саладина, царство его раздѣлено было

между тремя его сыновьями и братомъ, Малекъ-эль-Аделемъ. Но послѣдній изгналъ властителей Дамаска и Египта, и оставилъ первую землю старшему сыну своему, Моаттаму, а вторую младшему, Камелу (1218). Христіане палестинскіе, почти въ то же время, когда Король Андрей совершалъ свой Крестовый Походъ, получивъ значительное подкрѣпленіе отъ Кельнцевъ, Бременцевъ, Фризовъ, Голландцевъ и Брабантцевъ, прибывшихъ на стѣ кораблях, напали на Камеля, и послѣ шестнадцати-мѣсячной осады завоевали (5 ноября 1219) важную Даміетту, ключъ той страны. Но когда крестоносцы, усиленные новыми дружинами подъ начальствомъ Герцога Лудовика Баварскаго, присланными Императоромъ Фридрихомъ, хотѣли отсюда проникнуть во внутреннія области, Султанъ, искусными распоряженіями, заперъ ихъ между рукавами Нила, и они, для спасенія своей жизни, должны были очистить Даміетту, и потерять плодъ продолжительныхъ и достославныхъ усилій. Когда Фридрихъ вступилъ въ Палестину, уже не было въ живыхъ Моаттама Дамасскаго, къ землямъ котораго принадлежалъ сирійскій берегъ; онъ оставилъ малолѣтнаго сына, Малекъ-эль-Назръ-Давида. Не уважая правъ отрока, Камель овладѣлъ Палестиною.

Въ половинѣ ноября, Императоръ прибылъ въ Яффу, и нашелъ Султана Египетскаго, стоявшаго съ войскомъ подъ Газою, очень склоннымъ къ миролюбивой сдѣлкѣ. Онъ не хотѣлъ опутывать себя двоякою войною, потому что его племянникъ выступилъ противъ него и уже проникъ до Сихема. Благопріятствуемый сими обстоятельствами, Фридрихъ, посредствомъ искусныхъ переговоровъ, не обнажая меча, пріобрѣлъ то, чего могущественнѣйшіе князья до него не могли достигнуть многими кровопролитіями и опасностями. Султанъ Египетскій въ десятилѣтнемъ перемиріи (18 февр. 1229) уступилъ Іерусалимъ, Виѳлеемъ и Назаретъ съ ихъ округами, и всѣ города и области, лежащіе на пути между Яффою и Іерусалимомъ, и требовалъ только защиты и безопаспости для Мусульманъ, живущихъ въ уступленныхъ мѣстахъ, также доступа

для нихъ къ Храму Соломонову, который они чтили наравнѣ съ Христіанами. Фридрихъ съ радостью вошелъ въ Іерусалимъ; но въ тотъ же день явился здѣсь Архіепископъ Кесарійскій, и отъ имени Патріарха Іерусалимскаго произнесъ запрещеніе (das Interdict) на городъ и Святый Гробъ. Не смотря на то, Фридрихъ 18 марта 1229 года отправился въ церковь, и такъ какъ ни одинъ священникъ не хотѣлъ служить обѣдни, то онъ самъ у алтаря возложилъ на себя корону. Германнъ Зальца произнесъ на Нѣмецкомъ и Французскомъ Языкѣ рѣчь къ народу. По кратковременномъ пребываніи въ Святомъ Градѣ и въ Птолемандѣ, которое для него преогорчено было несогласіемъ и распрями съ Патріархомъ Геройльдомъ, вѣрнымъ слугою Папы, и съ Храмовыми Рыцарями, Императоръ сѣлъ опять на корабль въ первыхъ числахъ мая, и благополучно вышелъ на берегъ подлѣ Брундузія.

Къ величайшему счастію для Восточныхъ Христіанъ, продолжались распри въ семействѣ Саладиновомъ. Но сами они не умѣли воспользоваться сими благопріятными обстоятельствами для обезопасенія и упроченія своихъ владѣній. Когда Фридрихъ, въ 1230 году, съ отрядомъ войска прислалъ въ Палестину новаго намѣстника, маршала Ричарда Филанджери, дошло до войны между имъ и сирійскими баронами. Маршалъ сначала былъ счастливъ; но лишь только онъ, въ намѣреніи покорить Кипръ, откуда противная сторона получала помощь, переправился на сей островъ, то потерпѣлъ пораженіе, послѣ котораго власть Императора Фридриха въ Королевствѣ Іерусалимскомъ часъ отъ часу болѣе ослабѣвала.

По смерти Камеля Египетскаго (1238), младшій сынъ его, Малекъ-Эль-Салегъ-Нодшмеддинъ-Эюбъ, свергнулъ старшаго брата съ престола, и провозгласилъ намѣреніе свое возстановить царство Саладиново, а дядя его, Измаилъ Дамасскій, соединился съ Христіанами Палестины. Султанъ Египетскій считалъ этотъ союзъ опаснымъ для себя, и принялъ къ себѣ на службу турецкія орды Хозаразмитовъ, которыя жили тогда грабежемъ въ странахъ

Эвфрата и Тигра *). Онѣ завоевали сперва Тиверіаду, съ огнемъ и мечемъ проникли до Іерусалима, по слабомъ сопротивленіи взяли святый градъ, побили жителей, разрушили Гробъ Господень, открыли гробницы царей и сожгли кости, въ нихъ найденныя. Подъ Газой, вмѣстѣ съ египетскими войсками, онѣ разбили христіанское рыцарство и союзныхъ ему мусульманъ дамасскихъ (18 окт. 1244). Гроссмейстеры Храмовниковъ и Госпиталитовъ взяты были въ плѣнъ, цвѣтъ трехъ духовныхъ рыцарскихъ орденовъ палъ на полѣ битвы. Только съ сотнею робкихъ бѣглецовъ Патріархъ достигъ города Птолемаиды.

## 22. Италія и Германія по возвращеніи Фридриха изъ Палестины.

### (1229—1237.)

Еще прежде нежели Императоръ возвратился, Папа представлялъ заключенный на Востокѣ миръ сплетеніемъ лжи и коварства. Фридрихъ, подписывая договоръ, не взялъ присяги съ бароновъ и эмировъ, и не истребовалъ согласія Давида, Султана Дамасскаго; онъ ничего не сдѣлалъ для дальнѣйшей защиты Палестины, чтобы, въ случаѣ вѣроятной потери Іерусалима и другихъ городовъ, ему можно было сказать на Западѣ: смотрите, я пріобрѣлъ Святыя Мѣста, а Патріархъ не могъ удержать ихъ. Онъ позорно унизилъ достоинство Римскаго Императора и вождя крестоносцевъ, потому что обращался болѣе съ Сарацинами

---

*) Царство Ховарезмитское основано въ 1097 году Туркомъ Котбеддинъ-Магометомъ, которому Султанъ Баркіарокъ ввѣрилъ управленіе этой областью. Преемники Котбеддиновы сдѣлались независимыми отъ Сельджукскихъ Султановъ Персіи. Въ 1220 году, Монголы нагрянули на новую державу, и она пала подъ ихъ ударами (см. ниже стат. 44). Съ этого времени, многочисленныя дружины хозарезмитскихъ воиновъ нанимались на службу въ передней Азіи.

нежели съ Христіанами, принялъ сарацинскіе нравы и одежду, и съ пѣвицами и танцовщицами, подаренными ему Камелемъ, предавался постыдному распутству. И войско папское не оставалось безъ дѣйствія. Оно не только выгнало стражи Райнальда изъ Церковной Области, но и проникло глубоко въ Апулію, даже за Волтурно. Внезапное появленіе Фридриха перемѣнило положеніе дѣлъ. Ключеносцы на всѣхъ пунктахъ обратили тылъ, и въ нѣсколько недѣль Фридрихъ очистилъ свои владѣнія. Онъ не хотѣлъ далѣе преслѣдовать своего счастія, и предложилъ Папѣ примиреніе. Быстрый успѣхъ императорскаго оружія склонилъ Григорія къ уступчивости, и въ августѣ 1230 года состоялся миръ Ст. Джерманскій. Кардиналъ Капуанскій въ Чеперано торжественно разрѣшилъ Императора отъ проклятія, который за то обѣщалъ все забыть и никогда не звать духовныхъ къ свѣтскому суду, не обременять ихъ новыми налогами. 2 сентября 1230 года, онъ имѣлъ даже съ Папой весьма дружественное свиданіе въ Ананьи (Anagni).

Краткій досугъ, доставленный симъ миромъ, Фридрихъ употребилъ на довершеніе своего новаго законодательства для Сицилійской Монархіи, которое онъ началъ еще до Крестоваго Похода. Въ Мельфи оно обнародовано было на Латинскомъ, Греческомъ и Арабскомъ Языкѣ. Основаніемъ осталась норманнская ленная система, но произволъ и независимость бароновъ были ограничены, и права подданныхъ опредѣлены и обезпечены. Многочисленное сословіе чиновниковъ, доселѣ неизвѣстное Среднимъ Вѣкамъ, было образовано, и правительственнымъ мѣстамъ весьма подробно указанъ ихъ кругъ дѣйствія. Особенное развитіе получили сеймы. Уже Норманскіе Короли созывали парламенты, состоявшіе изъ прелатовъ и бароновъ; Фридрихъ присоединилъ къ нимъ выборныхъ отъ городовъ. Различіе народныхъ правъ, которое, при смѣшанномъ народонаселеніи Нижней Италіи, было весьма велико, было отмѣнено: Норманны, Сарацины, Апулійцы должествовали впредь составлять одинъ народъ и одно государство. Судебная власть духовенства и дворянъ была

весьма ограничена. Каждому второстепенному васаллу дозволено было подавать жалобу въ имперскіе суды, всякое самоуправство воспрещалось строжайшимъ образомъ. Дворянство вознаграждено было за сіи потери значительнымъ распространеніемъ леннаго наслѣдственнаго права. Касательно торговли, полицейской и врачебной части и т. д. вышли самыя благотворныя предписанія *). Безспорно, что Неаполь и Сицилія никогда не управлялись такъ счастливо, какъ во время Фридриха II. Многіе города украсились великолѣпными зданіями и полезными заведеніями, другіе были укрѣплены, и во второй разъ сарацинская колонія изъ Сициліи переведена въ Апулію.

Въ Ломбардіи, между тѣмъ, господствовали непрерывныя смуты и кровавыя распри. Города воевали между собою по внушенію зависти и непримиримой злобы, и въ стѣнахъ ихъ свирѣпствовали не менѣе пагубныя междоусобія. Фридрихъ видѣлъ въ своихъ владѣніяхъ процвѣтаніе единства, справедливости и порядка подъ сѣнію мудрыхъ учрежденій и законовъ, но тѣмъ прискорбнѣе для него было дикое замѣшательство въ Верхней Италіи, начавшееся уже со временъ Генриха VI, внутреннее неустройство, которое предвѣщало погибель вольныхъ городовъ, и буйный духъ Ломбардовъ, не знавшій никакихъ границъ. Въ 1231 году, онъ опять повелѣлъ съѣхаться общему сейму въ Равеннѣ. Но Ломбарды оказались столь же упрямыми, какъ и на прежнемъ сеймѣ въ Кремонѣ, и возобновили союзъ между своими городами.

Фридрихъ былъ не въ силахъ наказать сію дерзость особенно потому, что мятежъ отозвалъ его въ Сицилію. Около того же времени, Папа поссорился съ римскими гражданами, которые оспоривали у него верховное право надъ городомъ, и въ слѣдствіе этой распри долженъ былъ уѣхать въ Перуджіо. Фридрихъ, въ 1234 году, посѣтилъ его въ Ріети, и воспользовался обстоятельствами, чтобъ обязать во всякомъ случаѣ страшнаго врага важною услу-

*) v. Raumer a. a. O. Bd. III Hptst. 6.

гою. Онъ дѣятельно подкрѣплялъ его нѣмецкими войсками, но въ тоже время настоятельно просилъ его скорѣе устроить ломбардскія дѣла, которыхъ рѣшеніе уже прежде поручилъ ему, и еще разъ обѣщалъ покориться его посредническому приговору. Дѣйствительно, Григорій съ твердостію увѣщевалъ Ломбардовъ не отлагать примиренія. Наконецъ города объявили, что они принимаютъ посредничество Папы, согласно желанію Императора. Между тѣмъ вѣроломные открыли уже тайные переговоры съ Римскимъ Королемъ Генрихомъ, который имѣлъ намѣреніе возстать противъ отца своего, и, спустя два мѣсяца по отправленіи письма къ Папѣ, заключили съ нимъ договоръ, въ которомъ обѣщали признать его *). Юный Король, въ отсутствіи отца управлявшій Германіею, предался развратной жизни и злымъ совѣтникамъ; принималъ отеческія увѣщанія и выговоры съ негодованіемъ, и открылъ слухъ свой ласкателямъ, которые твердили ему, что «Германія страдаетъ въ отсутствіе государя, и Императоръ, по приговору Папы, не можетъ въ одно и то же время господствовать въ Германіи и въ Сициліи. И такъ, говорили они, Генрихъ будетъ пещись только о благѣ Государства и Церкви, если сдѣлается независимымъ.» Ослѣпленный гордостью и честолюбіемъ, юноша внялъ льстивому соблазну, и поднялъ явный мятежъ. На сеймѣ въ Бопартѣ, въ 1234 году, онъ хотѣлъ предварительно узнать расположеніе умовъ. Многіе изъ мелкихъ васалловъ, которые при переворотѣ надѣялись выиграть, были увлечены мятежнымъ замысломъ, но сильнѣйшіе и большая часть городовъ пребыли вѣрны своему долгу. Весною 1235 года Императоръ, полагаясь на свое право и нѣмецкую вѣрность, прибылъ въ Германію безъ войска. Въ Регенсбургѣ, семьдесятъ прелатовъ и князей единогласно признали Генриха виновнымъ, и привели къ Императору столько

---

*) Нѣкоторые утверждаютъ, будто и Григорій IX способствовалъ къ возмущенію Генриха, но это обвиненіе неосновательно. См. v. Raumer a. a. O. Bd. III. S. 692.

людей, что десять укрѣпленныхъ мѣстъ его сына были въ одно время заперты и осаждены. Такимъ образомъ Генрихъ принужденъ былъ лично молить Императора о помилованіи. Въ Вормсѣ, на сеймѣ, ему объявили прощеніе. Но стыдъ и отчаяніе побудили его къ вторичному покушенію; говорили, будто онъ хотѣлъ отравить отца. Послѣ этого, онъ былъ схваченъ, и съ женою и двумя сыновьями отправленъ въ замокъ С. Феликса, въ Апуліи. Спустя семь лѣтъ, онъ умеръ въ Марторанѣ *).

За симъ печальнымъ дѣйствіемъ Фридриха послѣдовало радостное. Онъ давно уже опять былъ вдовъ, и чрезъ нѣмецкихъ пословъ, въ февралѣ 1235 года, посватался на третьей супругѣ, Принцессѣ Изабеллѣ, сестрѣ Англійскаго Короля Генриха III. Послѣ Пасхи, Архіепископъ Кельнскій и Герцогъ Брабантскій, съ многочисленною свитою, прибыли въ Лондонъ, чтобы отвезти невѣсту въ Германію. Путешествіе ея черезъ богатые нидерландскіе города было безконечнымъ празднествомъ. Въ Кельнѣ, встрѣтили ее десять тысячъ гражданъ на прекрасныхъ коняхъ и въ богатой одеждѣ. Всѣ улицы были великолѣпно украшены и наполнены народомъ; и когда принцесса сняла съ себя покрывало, чтобъ лучше быть видимою, и ласково благодарила привѣтствующихъ, всѣ превозносили похвалами ея красоту и снисходительность, и предсказывали счастіе въ бракѣ и многочисленное потомство. Бракосочетаніе, которое въ Вормсѣ, съ 20 іюля, праздновано было четырехдневными пирами и увеселеніями всякаго рода, свидѣтельствовало о любви къ роскоши, о благосостояніи и цвѣтущей промышлености тѣхъ временъ и странъ.

Изъ Вормса Императоръ отправился въ Майнцъ на

---

*) По случаю смерти Генриха, Императоръ издалъ окружное посланіе, въ которомъ говорилъ: «Признаюсь, что гордость живаго короля не могла преклонить меня, но смерть сына глубоко поколебала, и я не первый, не послѣдній изъ тѣхъ, которые терпѣли вредъ отъ непокорныхъ сыновей, и проливали слезы на ихъ могилѣ.»

сеймъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ и торжественныхъ. Болѣе семидесяти князей и прелатовъ, и около двѣнадцати тысячъ рыцарей на немъ присутствовали. Римскій Король Генрихъ формально лишенъ былъ своего сана; Оттонъ, внукъ Генриха Льва отъ его сына, Вильгельма, передалъ Брауншвейгскія и Люнебургскія Земли, свое наслѣдственное достояніе, Императору, и получилъ оныя обратно въ видѣ герцогства и наслѣдственнаго для сыновей и дочерей имперскаго лена. Но важнѣйшимъ предметомъ совѣщаній были утвержденіе Земскаго Мира (der Landfrieden) и подтвержденіе и распространеніе многихъ, изданныхъ уже за нѣсколько лѣтъ, законовъ въ пользу духовныхъ и свѣтскихъ князей, которые смѣлѣе и смѣлѣе обнаруживали свое стремленіе къ независимости. Другими распоряженіями Фридрихъ старался привести льготы и права городовъ въ опредѣленныя границы, чтобы предупредить въ Германіи безпорядки, терзавшіе Ломбардію. Самовольное собраніе городскихъ совѣтовъ, опредѣленіе чиновниковъ, составленіе товариществъ (Genoßenſchaften), принятіе чужихъ крѣпостныхъ людей въ томъ же качествѣ, было воспрещено, и тамъ, гдѣ это уже водилось, опять отмѣнено. Въ разсужденіи Земскаго Мира постановлено было, чтобы каждый представлялъ свои жалобы въ судъ, и только тогда когда онъ не находилъ въ судѣ удовлетворенія, могъ прибѣгать къ оружію, однако долженъ былъ объявлять войну, и соблюдать мирные дни. Всѣ сіи опредѣленія внесены были въ заключительный актъ сейма, и на Нѣмецкомъ Языкѣ прочитаны народу.

Послѣ того Фридрихъ двинулся съ полутора тысячьми всадниковъ, чтобы наконецъ и въ Ломбардіи придать вѣсъ державнымъ правамъ своимъ. Посредничество Папы осталось безъ успѣха, и Фридрихъ, считая теперь свою власть въ Германіи и Нижней Италіи упроченною, рѣшился поступить съ непокорными по примѣру своего предка Барбароссы. Григорій, между тѣмъ, примирился съ гражданами Рима, и съ этой стороны не имѣлъ уже нужды въ Императорѣ. Онъ никакъ не могъ желать, чтобы Фридрихъ въ Верхней Италіи основалъ такое же

царство, какъ въ Апуліи. Ему хотѣлось бы опять вовлечь Императора въ предпріятіе на Востокѣ, даже при самомъ счастливомъ успѣхѣ поглощавшее сокровища и войска; но Фридрихъ весьма основательно представлялъ, что для Церкви гораздо важнѣе и полезнѣе подавить ежедневно усиливающіяся ереси въ ломбардскихъ городахъ, въ чемъ онъ ей готовъ помогать. Онъ требовалъ отъ Ломбардовъ, чтобы они признали его верховнымъ главою, поклялись ему въ вѣрности, возвратили регаліи, и за послѣднія оскорбленія заплатили пеню. Они отвергли все, и хотѣли только подтвердить Костницкій Миръ, хотя, по смерти Фридриха I, во многомъ его нарушали. Императоръ требовалъ основанія болѣе надежнаго; онъ считалъ почти никогда не исполнявшіяся условія сего мира источникомъ всякаго своеволія городовъ, которые, съ своей стороны, въ требованіяхъ Императора видѣли самовластное притязаніе. Кремона и Павія, старинные соперники Милана, держались стороны императорской; Парму можно было употребить противъ Піаченцы, Модену противъ Болоньи. Изъ остальныхъ князей и предводителей дворянства, Аццо VII, Маркграфъ Эстскій, изъ дома Вельфовъ, противился Императору; Эцелинъ Романскій стоялъ за него. Еще въ 1232 году Эцелинъ овладѣлъ Вероною, когда подеста сего города хотѣлъ его принудить вступить въ Ломбардскій Союзъ. Въ семъ городѣ принялъ онъ Императора съ большими почестями, въ августѣ 1216 года, въ главѣ партіи Гибеллиновъ, въ челѣ которой находился дворянскій родъ Монтекки. Ломбардское войско было вскорѣ разсѣяно, Виченца взята приступомъ, и Тревизо до крайности стѣсненъ, когда новыя безпокойства, среди зимы 1236 года, опять отозвали Императора въ Германію. Герцогъ Австрійскій, Фридрихъ Воитель, свойственникъ низложеннаго Генриха, подозрѣваемый въ возмущеніи, обвиненъ былъ въ притѣсненій своихъ чиновъ и сосѣдей; онъ не являлся на многократныя приглашенія Императора и за то въ Аусбургѣ произнесена была противъ него опала, исполненіе которой поручено было его сосѣдямъ, Королю Богемскому Вѣнцеславу, Герцогу Баварскому и

Оттону. Но онъ храбро разбилъ имперское войско и грозилъ дальнѣйшими успѣхами. Получивъ вѣсть о томъ, Императоръ быстро пошелъ черезъ Альпы обратно въ Германію, соединился съ Богемцами и Баварцами, призвалъ также къ себѣ Герцога Буркарда Каринтійскаго, Ландграфа Турингенскаго Генриха и разныхъ духовныхъ имперскихъ князей съ ихъ войсками, и тогда съ грознымъ ополченіемъ вторгнулся въ Австрію. Герцогъ долженъ былъ оставлять одинъ городъ за другимъ, и самая Вѣна, недовольная его жестокостью, отворила врата Императору. За то она была объявлена имперскимъ городомъ, а прочая земля управлялась императорскими намѣстниками. Наконецъ, въ 1240 году, Герцогу Фридриху удалось ревностнымъ содѣйствіемъ Императору въ Италіи опять пріобрѣсти его милость и съ нею всѣ свои владѣнія.

Сія быстрая кара необыкновенно возвысила уваженіе къ Фридриху II въ Германіи. Онъ созвалъ князей въ Шпейеръ (1237), гдѣ положенное уже въ Вѣнѣ избраніе втораго сына его, Конрада, надлежало совершить съ торжественными обрядами. Здѣсь, въ первый разъ находимъ письменный избирательный актъ, но въ немъ не упоминается съ опредѣленностью о курфирстахъ, а только сказано: «Мы Зигфридъ Майнцскій, Дитрихъ Трирскій, и Герардъ Кельнскій, Архіепископы, Гербертъ Бамбергскій, Зигфридъ Регенсбургскій, императорскіе придворные канцлеры, также Фрейзингенскій и Пассавскій Епископы, Оттонъ, Пфальцграфъ на Рейнѣ, Герцогъ Баварскій, Король Богемскій Вѣнцеславъ, Ландграфъ Генрихъ Турингенскій и Герцогъ Буркардъ Каринтійскій, занявъ въ семъ дѣлѣ мѣсто Римскаго Сената, и представляя отцевъ и свѣтила царства, опредѣлили почтить настоящаго Императора въ его потомствѣ, и, для отвращенія слѣдствій междоцарствія или спорнаго выбора, избираемъ Конрада на мѣсто Генриха, какъ Давида по Саулѣ, въ званіе нѣмецкаго короля и будущаго императора.» Вѣнчаніе совершилось въ томъ же году. Въ сентябрѣ, Фридрихъ былъ уже опять въ Италіи, чтобы рѣшить свою послѣднюю и труднѣйшую задачу.

## 23. Продолженіе войны въ Италіи.

### (1237 — 1241).

Въ Италіи, между тѣмъ, Эцелинъ подвизался за дѣло Императора и за свое собственное; Падуа и Тревизо сдались ему *). Теперь покорилась и Мантуа, и повсюду Фридрихъ, казалось, однимъ появленіемъ своимъ одерживалъ побѣду. Послѣ удара, какой получила власть королевская въ Германіи въ междоусобіи Филиппа и Оттона, князья большею частію не безпокоились о походахъ императоровъ въ Италію, такъ что Фридрихъ опять привелъ съ собою только малое число нѣмецкихъ васалловъ, но онъ старался усилить себя наемными воинами, и, располагая богатыми средствами, не имѣть недостатка въ людяхъ. Его апулійскіе и нѣмецкіе рыцари отличались великолѣпіемъ своихъ доспѣховъ. Главное знамя возили на слонѣ, котораго окружала отборная дружина Христіанъ и Сарациновъ.

Ломбарды не желали въ этомъ году (1237) предпринимать ничего рѣшительнаго, но Фридрихъ внезапно напалъ на нихъ подъ Корте—Новою (27 ноября) и разбилъ наголову. Немногіе изъ ихъ войска избѣжали смерти или плѣна; колесница ихъ (кароччіо) взята была побѣдителемъ, который послалъ ее въ Римъ и велѣлъ выставить въ Капитоліѣ. Наступила минута къ покоренію всей Ломбардіи. Большая часть городовъ, въ слѣдствіе сей битвы, отворили свои врата; только Миланъ, Болонья, Піаченца и Брешія оказывали еще сопротивленіе; все зависѣло отъ

---

*) Эцелинъ, съ этого времени, сталъ ужаснымъ тираномъ. При необузданной свободѣ, шаткости, козняхъ и своеволіи страстей въ тогдашнемъ быту Италіянцевъ, онъ надѣялся одною непомѣрною жестокостью упрочить свое владычество, и сообенно по смерти Императора свирѣпствовалъ въ Ломбардіи самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Города, пылая местью, не менѣе злодѣйствовали въ войнѣ, въ которой Эцелинъ (1259) взятъ былъ въ плѣнъ и погибъ.

Миланцевъ, которыхъ примѣру послѣдовали бы прочіе. Но Фридрихъ зашелъ слишкомъ далеко, потребовалъ безусловной покорности, вѣроятно чтобы повторить месть Фридриха I. Миланцы рѣшились умереть. Это было поворотною точкою въ жизни Фридриха: онъ самъ уничтожилъ плоды своей побѣды тѣмъ, что довелъ Ломбардовъ до крайности; подобное положеніе дѣлъ для него никогда не возвращалось. Въ слѣдующемъ лѣтѣ, лишь только Конрадъ прибылъ изъ Германіи съ подкрѣпленіями, Императоръ сперва предпринялъ осаду Брешіи. Граждане защищались упорно, и предъ Фридрихомъ повторились дѣла звѣрства и кровожадности, какъ предъ Барбароссомъ подъ Кремою. И Григорій между тѣмъ приготовился къ новой борьбѣ съ могущественнымъ Императоромъ. Онъ увѣщевалъ его къ кротости въ отношеніи къ Ломбардамъ; когда это не подѣйствовало, опять сблизился съ городами, и грозилъ Императору принять противъ него самыя суровыя мѣры, если дѣла Верхней Италіи не будутъ ввѣрены его примиряющему суду. Другою причиною раздора была Сардинія. Уже съ давняго времени папы домогались обладанія симъ островомъ, и Григорій былъ недалеко отъ цѣли, но вдругъ наслѣдница части острова, Аделазія, отдала руку свою побочному сыну Фридриха, прекрасному Энцію, и онъ назвался Королемъ Сардиніи. И въ этомъ дѣлѣ, Императоръ, въ силу старинныхъ правъ имперскихъ и по примѣру Фридриха I, даровавшаго корону Барисону (выше, стр. 73), не соглашался на уступку. Тогда Григорій опять сдѣлался открытымъ врагомъ его. Заключивъ предварительно тѣсный союзъ съ Венеціею, которая надѣялась завоевать часть Апулійскаго Королевства, онъ, въ недѣлю Ваій 1239 года, произнесъ во второй разъ проклятіе на Императора. Причины, приведенныя въ манифестѣ, были слѣдующія: Императоръ подчинилъ своей власти Сардинію, противозаконно присвоилъ себѣ церковныя имѣнія въ Сицилійскомъ Королевствѣ, враждебно поступаетъ со всѣми приверженцами Церкви, благопріятствуетъ Сарацинамъ, не печется объ освобожденіи Святой Земли, и многія другія.

Фридрихъ опровергъ сіи упреки Папы всенародными объявленіями, и послалъ по всему Христіанскому Міру грамоту, въ которой жаловался на тяжкую и незаслуженную обиду, нанесенную ему, и жестоко нападалъ на Папу. Григорій отвѣчалъ такъ же круто, и особенно выставлялъ на видъ невѣріе и ереси. Напротивъ, Фридрихъ объявлялъ, что онъ содержитъ правую Вѣру Христіанскую; все, что Григорій, «на сѣдалищѣ превратнаго ученія возсѣдящій и елеемъ лукавства умащенный фарисей,» взноситъ на него, есть нелѣпая клевета. «Онъ, только по имени папа, продолжаетъ Императоръ, сравнилъ насъ съ выходящимъ изъ моря звѣремъ Откровенія Іоаннова, который исполненъ именъ хульныхъ; мы, напротивъ, утверждаемъ, что самъ онъ есть тотъ другой звѣрь, о которомъ тамъ же написано: и вышелъ изъ моря другой конь, и сидящему на немъ дано взять миръ съ земли, чтобы живущіе избивали другъ друга.» Но какъ ни легко было Императору опровергнуть причины своего отлученія, въ самомъ дѣлѣ ни мало не основательные и пустые упреки въ безвѣріи и ересяхъ, однако мѣры папскія произвели свое дѣйствіе на толпу, и для большей части приверженцевъ противной партіи, были по крайней мѣрѣ, желаннымъ предлогомъ, хотя они руководились не набожностью и омерзѣніемъ къ нравственному развратy Фридриха, а совсѣмъ другими побужденіями. Григорій пошелъ еще далѣе. Онъ явно требовалъ отъ нѣмецкихъ князей, чтобы они избрали себѣ новаго императора. Но послѣдніе отвѣчали ему, что Папѣ не слѣдуетъ располагать выборомъ императора, а должно только совершать вѣнчаніе того, кого избрали нѣмецкіе князья. Получивъ здѣсь отказъ, онъ обратился во Францію, и писалъ къ тамошнему королю и баронамъ, что «онъ отрѣшилъ отъ престола Императора за его всѣмъ извѣстныя преступленія, и назначилъ преемникомъ Графа Роберта Артуаскаго, брата королевскаго.» Лудовикъ IX Французскій отвѣчалъ: «по какому праву можетъ святой отецъ безъ улики осуждать и отрѣшать столь великаго государя, который не имѣетъ высшаго надъ собою? Если бы Фридрихъ этого

заслуживалъ, то судить его могъ бы только вселенскій соборъ. На счетъ его преступленій нельзя вѣрить показаніямъ враговъ, слѣдовательно и Папы. Въ отношеніи къ намъ, онъ былъ вѣрнымъ сосѣдомъ, и мы не видали, чтобы онъ сдѣлалъ что нибудь противъ религіи. Мы не будемъ безъ нужды проливать кровь противъ государя, который имѣетъ на своей сторонѣ столь великую силу, а еще болѣе справедливость своего дѣла.» Съ своей стороны, Императоръ принималъ также дѣятельныя мѣры. Духовенство въ Сицилійскомъ Королевствѣ, не хотѣвшее отправлять богослуженія, обложено было тяжкими податями, и монахи Обители Монте-Кассинской, которые, полагаясь на крѣпкій и недоступный монастырь свой, обнародовали отлученіе Императора отъ Церкви, были осаждены, выморены голодомъ и потомъ выгнаны изъ земли, въ страхъ другимъ. Фридрихъ однако принужденъ былъ снять осаду Брешіи безъ успѣха, и распри съ Церковью вредили его дальнѣйшимъ предпріятіямъ въ Ломбардіи. Онъ предоставилъ продолженіе войны въ сихъ странахъ своимъ приверженцамъ, и между тѣмъ какъ его храбрый и умный сынъ, Король Энцій, завоевывалъ Мархію Анконскую, обратился на Церковную Область (1240), взялъ многіе города, и привелъ Папу въ великій страхъ, потому что и граждане Рима изъявляли готовность покориться Императору. Отрѣзанный отъ своихъ союзниковъ, непреклонный Григорій прибѣгнулъ къ средствамъ духовнымъ. Онъ совершилъ торжественный ходъ въ сопровожденіи римскаго духовенства, приказавъ нести впереди главы Апостоловъ Петра и Павла, и призывалъ всѣхъ къ оружію. Его пламенная рѣчь произвела глубокое впечатлѣніе, и вокругъ его собралась такая сила, что внутри города императорская партія не смѣла ничего предпринять, и самъ Фридрихъ не ходилъ далѣе. Онъ отправился въ Апулію для набора новаго войска, и всѣхъ непокорныхъ и преданныхъ Папѣ наказывалъ съ чрезвычайною строгостью.

Въ прежнихъ своихъ жалобахъ на Папу, Императоръ часто изъявлялъ желаніе созвать всеобщій соборъ, и отъ

него ожидалъ искорененія существующихъ злоупотребленій. Григорій, не хотѣвшій прежде на то согласиться, чтобы неповредить своему неограниченному владычеству, теперь, когда не могъ болѣе противиться силѣ Императора, надѣялся скорѣе еще получить помощь отъ духовныхъ, чѣмъ отъ мірянъ, и потому объявилъ, что онъ къ Пасхѣ 1241 года созываетъ соборъ въ Римѣ, «ради тяжкихъ напастей Церкви.» Но Фридрихъ, который между тѣмъ привелъ Папу въ прежнее положеніе новымъ походомъ и взятіемъ Равенны, Беневента и Фаэнцы, могъ опасаться отъ духовенства только препятствія своимъ планамъ, и для того немедленно объявилъ письмами ко всѣмъ королямъ и князьямъ, что онъ будетъ противиться съѣзду этого собранія, которое не можетъ быть созвано безъ императорскаго согласія, потому что оно будетъ имѣть послѣдствіемъ не водвореніе мира, а усиленіе войны. Но не смотря на то, многіе кардиналы и епископы собрались въ Ниццѣ, чтобы на генуэзскомъ флотѣ моремъ ѣхать въ Римъ, ибо Фридрихъ владѣлъ всею окрестностью сего города, и рѣшился силою имъ въ томъ воспрепятствовать. Его флотъ и пизанскій, подъ предводительствомъ Энція, поспѣшно снялись съ якоря, и напали на генуэзскіе корабли подлѣ Мелоріи. Послѣ жаркаго и упорнаго сраженія, императорскіе воины одержали побѣду, и, съ большею частію генуэзскаго флота, всѣ находившіяся на немъ духовныя лица достались имъ въ руки (1241). Около сего же времени, страшные опустошители, Монголы, проникли, какъ ниже будетъ сказано, въ Германію и въ Венгрію; громкій вопль о помощи доходилъ до Папы и до Императора, но главы Христіанскаго Міра, при всеобщей его опасности, не думали о примиреніи. Напротивъ Фридрихъ, послѣ своей морской побѣды, опять продолжалъ завоеванія въ Церковной Области, взялъ всѣ города, оказывавшіе еще сопротивленіе, и между прочимъ замокъ Монтефорте, построенный Папою для своихъ родственниковъ. Такіе удары напослѣдокъ сокрушили почти столѣтняго Григорія, непреклоннаго до самой смерти. Онъ скончался 21 августа 1241 года.

## 24. Иннокентій IV.

Кардиналы избрали въ преемники ему Целестина IV, но дряхлый старецъ пережилъ свой выборъ лишь нѣсколькими недѣлями. Фридрихъ, между тѣмъ, занималъ Церковную Область, и утверждалъ свою власть во всей Средней Италіи болѣе и болѣе. Въ выборъ папы онъ не вмѣшивался, и не препятствовалъ ему, напротивъ побуждалъ къ тому со всѣмъ усердіемъ. Не смотря на то, выборъ длился по разнымъ причинамъ годъ и девять мѣсяцовъ. Кардиналы были въ раздорѣ съ Римлянами; никто не желалъ уступить папскую корону другому; они хотѣли поставить въ вину Императору замѣшательство, происходящее отъ долгаго упраздненія. Фридрихъ былъ въ распрѣ со всей Церковью, слѣдовательно не могъ прибѣгнуть къ старинному средству императоровъ, ставить папу помощію преданной имъ партіи, и долженъ былъ вынудить рѣшеніе силою и угрозами. Такимъ образомъ наконецъ, въ Ананьи, 25 іюня 1243 года, возведенъ былъ на папскій престолъ Генуэзецъ Синибальдъ Фіеско, изъ дома Графовъ Лаванья, подъ именемъ Иннокентія IV.

Хитрый и рѣшительный Папа велъ борьбу за владычество надъ міромъ со всѣмъ напряженіемъ силъ, какого требовала высокая цѣль и отважный противникъ, и даровалъ Церкви окончательную побѣду. До избранія, онъ показывалъ дружественное расположеніе къ Императору; но послѣдній, узнавъ о его возвышеніи, воскликнулъ: «боюсь, что потерялъ друга между кардиналами, и найду непріязненнаго папу! Ни одинъ папа не можетъ быть Гибеллиномъ!» Впрочемъ, онъ пытался заключить съ нимъ миръ, и съ этою цѣлью открылъ переговоры. Папа, стѣсняемый близостью Императора, наружно изъявлялъ всю возможную готовность, тѣмъ болѣе, когда Фридрихъ, искренне желая прекратить тягостную распрю, напослѣдокъ сдѣлалъ предложенія, которыя Папа не могъ отвергнуть съ честью. Онъ хотѣлъ вознаградить всѣ убытки, за презрѣніе проклятія церковнаго принести покаяніе, и

признать Престолъ Римскій главою всѣхъ христіанскихъ королей и князей въ дѣлахъ духовныхъ (1244).

Но кто долженъ былъ начать исполненіе новаго договора? Иннокентій опасался, что Императоръ, вновь принятый въ лоно Церкви, не выполнитъ условій съ точностью, а Фридрихъ прежде всего требовалъ снятія проклятія. И въ разсужденіи ломбардскихъ дѣлъ возникъ новый споръ. Папа, наконецъ, рѣшился хитростью выйти изъ своего сомнительнаго положенія въ Римѣ. Притворяясь, что ѣдетъ для личнаго свиданія съ Императоромъ, онъ, переодѣтый и съ великою скрытностью, поспѣшилъ въ Чивитавекію, гдѣ его земляки, Генуэзцы, приготовили для него корабли. Императоръ, получивъ въ Пизѣ извѣстіе о бѣгствѣ Папы, воскликнулъ въ смущеніи: «Въ Писаніи сказано, что нечестивый бѣгаетъ никому же гонящу.» Иннокентій поплылъ между тѣмъ въ Генуу, оттуда отправился въ Ліонъ, тогда почти независимый, и прибылъ сюда 2 го декабря 1244. Освободившись отъ стѣсненія, онъ совершенно перемѣнилъ свое положеніе въ отношеніи къ Императору. Онъ созвалъ теперь въ Ліонѣ общій соборъ, котораго Григорій не могъ открыть въ Римѣ, и заранѣе возобновилъ проклятіе на Императора. Расположеніе народа и самаго духовенства при этомъ случаѣ было различное. Одинъ священникъ въ Парижѣ сказалъ своимъ прихожанамъ: «знаемъ, что между Папою и Императоромъ есть распря, но не знаемъ кто правъ. Мнѣ велѣно произнести проклятіе на Императора. Симъ произношу я на того, кто виновенъ; невинному даю разрѣшеніе.» Смѣлый проповѣдникъ за свою откровенность былъ наказанъ Папою, но Фридрихъ пожаловалъ ему значительный подарокъ.

Къ Іоаннову Дню 1245 года, прелаты Испаніи, Англіи, Франціи и Ломбардіи съѣхались въ Ліонѣ; одинъ прибылъ даже изъ Палестины. Изъ Германіи и Венгріи явились немногіе. Всего было около ста сорока архіепископовъ и епископовъ; со стороны Императора находился тамъ великій судія Сициліи, Ѳаддей Суэсскій (von Sueſſa). Соборъ открытъ былъ въ понедѣльникъ, послѣ Іоаннова

Дня. Во второмъ засѣданіи, по окончаніи богослуженія, Папа возсталъ и сказалъ: «Мимоходящіе! разсудите, есть ли скорбь равняющаяся моей! Какъ Іисусъ Христосъ прободенъ былъ пятью ранами, такъ и я произенъ пятероякою скорбью. Вопервыхъ, Монголы съ дикою лютостью опустошаютъ христіанскія земли; потомъ, Греки все еще противятся общей матери, Церкви Римской; въ третьихъ, ереси усиливаются преимущественно въ городахъ; въ четвертыхъ, безбожныя орды Ховарезмитовъ владѣютъ Святыми Мѣстами, но пятую скорбь терплю я отъ Императора и его ужасныхъ беззаконій.» Потомъ исчислилъ онъ послѣднія порозни. Тутъ повторились всѣ прежнія обвиненія, что онъ еретикъ, тайный могометанинъ, богохульникъ, что онъ заключилъ союзъ съ Султаномъ Египетскимъ, принималъ Сарациновъ въ свои города и войска, нарушалъ свои клятвы, жестоко обходился съ духовными, и тому подобное. Ѳаддей Суэсскій сталъ оправдывать Императора краснорѣчиво и сильно. Но онъ не произвелъ ни какого дѣйствія; только испросилъ двѣнатцати-дневный срокъ, чтобы Фридрихъ могъ лично явиться для своего оправданія. Впрочемъ очень ясно было, что Иннокентій, съ помощію собранныхъ пастырей Церкви, хотѣлъ только погубить Императора, а не оказать судъ и справедливость. Фридрихъ понималъ такое положеніе вещей, и хорошо предвидѣлъ, что его появленіе на соборѣ кончится только уничиженіемъ для него самаго. И такъ онъ удовольствовался отправленіемъ пословъ съ неограниченнымъ полномочіемъ. Прежде нежели они могли въ короткое время достигнуть Ліона, Иннокентій, употребившій между тѣмъ всѣ средства, чтобы склонить большинство прелатовъ на свою сторону, въ назначенный день (17 іюня 1245) открылъ третье засѣданіе, и приступилъ къ окончательному разсужденію о дѣлѣ Императора. Напрасно Ѳаддей громко взывалъ: «переношу дѣло изъ этого церковнаго собранія, на которомъ недостаетъ прелатовъ и свѣтскихъ повѣренныхъ, въ другое, болѣе общее и безпристрастное; переношу дѣло отъ сего, моему государю враждебнаго Папы, къ будущему, болѣе кроткому и бла-

гочестивому.» Иннокентій, не взирая на то, произнесъ осужденіе со всею торжественностію. Его булла оканчивалась такъ: «Онаго государя, за его неправду отверженнаго Богомъ, мы лишили его достоинствъ и почестей, и низложили. Всѣхъ, которые обязаны ему вѣрностью по долгу присяги, разрѣшаемъ отъ сей клятвы, и повелѣваемъ апостольскою властью, чтобы впредь никто ему не повиновался. Нарушитель сего повелѣнія самъ подвергается проклятію. Въ Германіи, князья, имѣющіе право избранія, да выберутъ короля; въ разсужденіи Сицилійскаго Королевства мы постановимъ нужное съ совѣта кардиналовъ.» Такое жестокое опредѣленіе о великомъ Императорѣ возвѣстилъ Иннокентій безъ полнаго изслѣдованія, безъ распросовъ, безъ общаго опредѣленія собора. Во время чтенія сего приговора, епископы, по обыкновенію, наблюдаемому при произнесеніи проклятія, держали въ рукахъ горящія свѣчи; по прочтеніи, бросили ихъ на-землю и потушили. Ѳаддей, при семъ зрѣлищѣ, оставилъ собраніе, и, ударяя себя въ грудь, восклицалъ: «вотъ день гнѣва, день злополучія и погибели.»

Фридрихъ, при вѣсти о своемъ низложеніи, воспылалъ праведнымъ гнѣвомъ, и тотчасъ принялъ самыя сильныя мѣры, чтобы удержать свои владѣнія. Въ обстоятельныхъ письмахъ онъ изображалъ всѣмъ европейскимъ монархамъ властолюбивыя притязанія Папы, ихъ постыдное данничество и опасность, что и они, подобно ему, будутъ нѣкогда попраны. «Не я первый, говорилъ онъ между прочимъ, котораго злоупотребленіе духовной власти преслѣдуетъ и старается низвергнуть въ пропасть. И при всемъ томъ вы, въ ослѣпленіи своемъ, повинуетесь симъ суесвятамъ, которые въ честолюбіи своемъ надѣются, что еще цѣлый океанъ вольется въ пасть ихъ! О, если бы ваша легковѣрная простота потщилась, на основаніи словъ Спасителя, изучить, что есть лицемѣріе книжниковъ и фарисеевъ! Какъ часто стали бы вы проклинать гнусности Римскаго Двора, которыя исчислять противно приличію и скромности! Не думайте, чтобы величество нашей особы сколько нибудь пострадало отъ папскаго приговора. Наша

совѣсть чиста, и слѣдовательно Богъ съ нами. Его призываемъ мы во свидѣтели. Постояннымъ нашимъ попеченіемъ и желаніемъ было возвращать духовныхъ всякаго званія, и особенно сильнѣйшихъ, къ тому, чѣмъ они были въ первенствующей Церкви, то есть, къ апостольскому житію и къ подражанію въ смиреніи ихъ Учителю. Такіе пастыри жили въ сообществѣ ангеловъ, сіяли чудесами, исцѣляли больныхъ, воскрешали мертвыхъ, и своею святостью, а не оружіемъ, подчиняли себѣ государей. Напротивъ, наши священники, среди забавъ мірскихъ и въ упоеніи похотей, не думаютъ о Богѣ; изобиліе въ деньгахъ и помѣстьяхъ подавило въ нихъ всякое благочестіе. У васъ Христіане и странники нищенствуютъ, чтобы въ Италіи расточители и еретики имѣли всего вдоволь. Отнять у такихъ людей богатства, вредныя для нихъ, обременительныя, ведущія ихъ къ осужденію, есть дѣло любви. И на то, чтобы они выдали все излишнее, и довольствуясь умѣренными доходами, служили Богу, на то должны вы и всѣ государи земли, соединясь съ ними, употребить послѣднія силы.

Иннокентій IV между тѣмъ старался привести свой приговоръ въ исполненіе. Онъ могъ достигнуть этого только возмущеніями въ земляхъ Императора. Весною 1246 года, Графиня Казертская, благородная и великодушная подруга Фридриха, открыла заговоръ апулійскихъ бароновъ и знатныхъ императорскихъ чиновниковъ, котораго цѣлію было умертвить Императора и овладѣть Сицилійскимъ Королевствомъ для Папы. Фридрихъ находился тогда въ Грозеттѣ, и поспѣшилъ оттуда съ такою скоростію въ Апулію, что мятежники едва имѣли время броситься въ два укрѣпленные замка. Кардиналы Стефанъ де Романисъ и Райнеръ Капоччіо, снабженные отъ Иннокентія неограниченнымъ полномочіемъ дѣйствовать противъ Императора, хотѣли поддерживать возстаніе. Капоччіо съ воинскимъ отрядомъ вторгнулся въ Апулію, но при Асколи потерпѣлъ пораженіе. Заговорщики, принужденные вскорѣ сдаться, ссылались на папскія повелѣнія. Они были лишены зрѣнія и казнены. Императоръ и Папа обвиняли

другъ друга въ душегубствѣ, и взаимное ожесточеніе ихъ достигло высшей степени.

И въ Германіи Папа призывалъ всякаго набожнаго Христіанина къ участію въ исполненіи приговора. Отъ князей онъ настоятельно требовалъ, чтобы они избрали новаго императора, и для того обѣщалъ имъ деньги и другія пособія. Наконецъ, духовные чины изъявили къ тому готовность, и, по ихъ убѣжденію, Ландграфъ Генрихъ Турингенскій, прозванный Распе, дѣйствительно принялъ царство «во славу Божію и Церкви, равно ко благу Христіанской Вѣры.» 22 мая 1246 года, въ Гохгеймѣ, близъ Вирцбурга, онъ избранъ былъ Архіепископами Майнцскимъ, Трирскимъ, Кёльнскимъ и Бременскимъ, и Епископами Мецскимъ, Шпейерскимъ и Страсбургскимъ, и вскорѣ потомъ вѣнчанъ въ Аахенѣ. Безмѣрные поборы папскихъ легатовъ въ Англіи, Франціи и Испаніи, доставляли Иннокентію возможность посылать ему большія суммы, для подкупа свѣтскихъ князей и для снаряженія войска. Въ то же время, нищенствующіе монахи проповѣдывали крестъ противъ Фридриха; всѣмъ, которые поднимутъ оружіе противъ него, обѣщали совершенное отпущеніе грѣховъ; а Феррарскій Епископъ Филиппъ, главное орудіе возвышенія Генрихова, котораго Иннокентій прислалъ въ Германію съ полномочіемъ «насаждать и исторгать, созидать и разрушать, какъ ему Богъ внушитъ,» объявилъ даже, что всякой, кто только станетъ слушать его проповѣди, награжденъ будетъ отпущеніемъ отъ двадцати до сорока дней и освобожденіемъ отъ всякой церковной епитиміи. Всѣми сими средствами Генрихъ собралъ около себя значительную силу. Васалловъ и военныхъ людей Императора равномѣрно старались склонить къ измѣнѣ деньгами, и два швабскіе графа получили отъ Папы шесть тысячъ марокъ, съ обѣщаніемъ, что они могутъ раздѣлить между собою герцогство Швабію. Когда Конрадъ, 24 іюля, подъ Франкфуртомъ на Майнѣ, напалъ на Ландграфа, котораго народъ въ насмѣшку называлъ поповскимъ королемъ, оба измѣнника перешли къ нему съ двумя тысячами всадниковъ и стрѣльцовъ. Въ этомъ за-

мѣшательствѣ наконецъ и остальная сила Конрада обратилась въ бѣгство, и самъ онъ принужденъ былъ броситься въ крѣпкій Франкфуртъ. Однако онъ вскорѣ опять оправился, когда прибыло къ нему новое войско изъ Лотарингіи и Бургундіи, и въ Баварскомъ Герцогѣ Оттонѣ Сіятельномъ, который прежде склонился на папскую сторону, неожиданно нашелъ друга. Почти всѣ города пребыли вѣрными Гогенштауфенамъ. Подъ ихъ стѣнами, Генрихъ утратилъ свое счастіе. Послѣ продолжительной, безуспѣшной осады Рейтлингена и Ульма, онъ, близъ послѣдняго города, былъ на-голову разбитъ подоспѣвшимъ на помощь Конрадомъ, и уже не могъ болѣе держаться въ полѣ. Спустя годъ (17 февраля 1247), вѣнценосецъ безъ власти умеръ въ Вартбургѣ.

## 25. Послѣднія усилія Фридриха.

(1247 — 1250).

Упорствуя въ своемъ намѣреніи погубить Императора, Иннокентій отвергалъ всѣ его предложенія. И посредничество Короля Французскаго Лудовика IX осталось безплоднымъ. Торгъ духовными мѣстами, поборы и займы доставляли деньги всѣхъ земель въ папскую казну. Пятая часть всѣхъ духовныхъ доходовъ назначена была на войну съ Гогенштауфенами. Большія толпы нищенствующихъ монаховъ нахлынули изъ Ліона во владѣнія Императора, чтобы возмущать народъ. Они дерзнули явиться и къ Королю Конраду, чтобы побудить его къ мятежу противъ отца. Одинъ кардиналъ отправился даже въ Норвегію, съ предложеніемъ нѣмецкой императорской короны Королю Гакону. «Я готовъ ратовать со всѣми врагами Церкви, но не со всѣми врагами Папы,» отвѣчалъ Норманнъ.

Въ Ломбардіи, по смерти Григорія, Гибеллины нѣсколько времени имѣли поверхность, но вскорѣ Иннокентій, присылкою денегъ и дѣятельностью своихъ легатовъ, возстановилъ равновѣсіе; покушенія императорскихъ

вождей противъ Генуи, прежде и послѣ битвы подъ Мелоріею, остались безуспѣшны по причинѣ храбрости тамошнихъ гражданъ. Впрочемъ, Эцелинъ, на востокѣ Верхней Италіи, держался съ неумолимою лютостью въ своихъ мѣстахъ противъ всѣхъ заговоровъ и нападеній Гвельфовъ, а въ областяхъ Средней Италіи Энцій подкрѣплялъ изъ Пармы Гибеллиновъ и содержалъ въ повиновеніи города императорской партіи. Самъ Фридрихъ безъ успѣха осаждалъ Витебро, и, при послѣднемъ приступѣ, потерпѣлъ жестокое пораженіе. Подавивъ возстаніе въ Апуліи, онъ собралъ новое войско въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ и пошелъ черезъ Пизу (1247) на Туринъ, чтобы устрашить или захватить Папу, бывшаго въ Ліонѣ; неожиданный случай принудилъ его отказаться отъ сего плана. Король Энцій только-что покинулъ Парму, и осадилъ одинъ замокъ брешійскій, какъ изгнанные Гельфы пармскіе произвели внезапное нападеніе на свой отечественный городъ, и счастливо имъ овладѣли (16 іюля 1247). Изъ Мантуи и Піаченцы немедленно прибыли войска, и легатъ Григорій Монтелунго, который уже восемь лѣтъ былъ душею всѣхъ предпріятій въ Ломбардіи противъ Фридриха, лично привелъ изъ Милана тысячу всадниковъ. Энцій обратился съ Кремонцами противъ соединенныхъ Гвельфовъ, но нападеніе было неудачно, и онъ принужденъ былъ дождаться прибытія отца. Все показывало, что война сосредоточится около Пармы. Болонья, Феррара, Генуа, Маркграфъ Аццо Эстскій дѣятельно помогали городу, но Энцій и сарацинскія дружины изъ Апуліи присоединились къ Императору. Крѣпкія стѣны были почти неодолимы для военнаго искусства тѣхъ временъ. И въ этотъ разъ осада замедлилась. При наступленіи зимы, Фридрихъ, чтобы не прерывать обложенія, построилъ цѣлый городъ вилоть подлѣ Пармы, и, въ полной надеждѣ на счастливый успѣхъ, назвалъ его Витторіею. Онъ высидѣлъ въ немъ до половины февраля 1248 года, и былъ твердо увѣренъ, что скоро принудитъ осажденныхъ къ сдачѣ, но случай разрушилъ всѣ его надежды. Однажды онъ удалился на соколиную охоту, и

воины его беззаботно отдыхали. Вдругъ Пармцы сдѣлали вылазку, послѣ жаркаго боя одолѣли осаждающихъ, и, вмѣстѣ съ Витторіею, уничтожили всѣ труды Императора. Это несчастіе дало рѣшительный оборотъ дѣламъ италіянскимъ.

Казалось, сама судьба хотѣла исполнить слова папы: въ Германіи бунтъ вспыхнулъ снова. Иннокентій не успокоился, пока не нашелъ преемника Генриху Распе. Это былъ двадцати-лѣтній Графъ Вильгельмъ Голландскій. Прельщенный титломъ королевскимъ, въ надеждѣ на силу своего дяди, Герцога Брабантскаго, и двоюродныхъ братьевъ, Архіепископа Кельнскаго и Епископовъ Люттихскаго и Утрехтскаго, онъ дерзнулъ вступить на скользскую стезю. Сокровища и обѣщанія Папы купили ему множество голосовъ, и 3 октября 1247, по неутомимому старанію папскихъ легатовъ, онъ былъ дѣйствительно избранъ въ Кёльнѣ въ римскіе короли немалымъ числомъ князей, большею частію духовныхъ; послѣ сего Папа Иннокентій немедленно прислалъ ему тридцать тысячъ марокъ серебра. Значительные имперскіе князья оставались въ бездѣйствіи, богатые города заперли свои ворота; противъ Аахена, который съ твердостію возбранялъ въѣздъ новому королю, проповѣдывали даже крестъ, и только по тринадцати-мѣсячной осадѣ граждане согласились допустить вѣнчаніе. Междоусобія и распри потрясали Имперію во всѣхъ концахъ. Король Конрадъ не только не нашелъ содѣйствія для поданія помощи Аахену, но даже изъ швабскихъ наслѣдственныхъ земель, въ которыхъ папская партія поддерживала возстаніе, былъ прогнанъ въ Баварію. Но и Вильгельмъ не могъ хвалиться успѣхами.

Въ Италіи, несчастія одно за другимъ поражали Императора. Его доблестный сынъ Энцій, блиставшій передъ всѣми рыцарями храбростью, благородствомъ духа и красотою, взятъ былъ въ плѣнъ въ битвѣ при Фоссальтѣ (1249) Болонцами; они отвели двадцати-четырехъ-лѣтняго юношу-героя съ торжествомъ въ свой городъ, и, не взирая ни на какія предложенія опечаленнаго отца, съ

плебейскою радостью содержали его въ заключеніи до самой кончины, въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ. Не менѣе жестокая скорбь сразила Императора, когда предъ нимъ обвинили въ измѣнѣ Канцлера Петра Виніею, мужа, котораго онъ считалъ своимъ вѣрнѣйшимъ другомъ. Петръ былъ посаженъ подъ стражу, и въ темницѣ, вѣроятно, самъ себя лишилъ жизни. Это событіе покрыто неизвѣстностью: по мнѣнію одного умнаго изслѣдователя *), нельзя оправдать канцлера отъ всякой вины, но, съ другой стороны, расположенный къ подозрѣнію Императоръ слишкомъ много повѣрилъ врагамъ его.

Всѣ сіи страданія разстроили здоровье Фридриха, безъ того ослабленное напряженіемъ силъ и несчастіемъ, и изнурительная болѣзнь на нѣкоторое время почти совершенно остановила его дѣятельность. Но едва онъ нѣсколько оправился, какъ снова приступилъ къ продолженію великой брани. Въ Тосканѣ и въ Церковной Области онъ всё еще былъ сильнѣе противниковъ. Его наслѣдственныя земли еще не видали ни одного врага, и обогащались цвѣтущею торговлею съ Сарацинами, даже съ Индостаномъ и Цейлономъ. Въ Ломбардіи, въ замѣнъ утраченной Пармы, совмѣстница ея, Піаченца, перешла на сторону Императора, и причиняла большой вредъ Пармцамъ, какъ Кремона жителямъ Милана. Городъ Ліонъ наскучилъ долговременнымъ пребываніемъ въ немъ Папы. Короли Французскій и Англійскій, къ которымъ Иннокентій по сему случаю хотѣлъ отправиться, не согласились на его желаніе, и Римляне грозили избрать другаго папу, если онъ вскорѣ къ нимъ не возвратится. Но не долго Императоръ наслаждался этою зарею надежды. Въ Фиренцолѣ, по близости Лучеріи, впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь, и скончался 13 декабря 1250 года, на рукахъ сына своего Манфреда, любимаго изъ дѣтей, приготовясь къ смерти всѣми обрядами Церкви. Онъ былъ тогда пятидесяти пяти лѣтъ отъ рожденія. Его гробницу донынѣ показываютъ въ Палермѣ.

---

*) v. Raumer, a. a. O. Bd. IV S. 256 und Beil. I.

Наружность сего необыкновеннаго мужа вполнѣ отвѣчала его духовнымъ свойствамъ. Онъ былъ статенъ и крѣпкаго сложенія, бѣлокуръ, и имѣлъ прекрасныя черты лица; любилъ всѣ жизненныя наслажденія, но въ тоже время уважалъ искусства и науки; занимался ими и покровительствовалъ ихъ. Его тщаніемъ возникли въ Неаполѣ и Капуѣ первыя собранія художественныхъ произведеній. Онъ разумѣлъ шесть языковъ, и между прочимъ написалъ книгу о свойствахъ птицъ и объ уходѣ за ними, которая свидѣтельствуетъ о обширной его учености и основательности сужденія. Онъ первый, для содѣйствія успѣхамъ Естественной Исторіи, приказалъ привести съ Востока звѣрей иноземныхъ. Онъ былъ счастливый стихотворецъ; его дворъ распространилъ охоту и любовь къ италіянской народной поэзіи. Въ прекраснѣйшихъ странахъ своего Сицилійскаго Королевства, онъ воздвигъ великолѣпные дворцы. Всякой разъ, когда онъ тамъ находился со дворомъ, для отдохновенія отъ трудовъ правленія, его окружали всякія удовольствія, пышность, зябавы и усладительныя для души искусства изящныя. Словомъ, на какое бы направленіе человѣческой дѣятельности мы ни обращали взоръ свой, всѣ они встрѣчаются въ этой преизбыточной жизни. Многосторонняя сія дѣятельность заслуживаетъ наше удивленіе тѣмъ болѣе, что жестокія брани и тяжкіе удары судьбы бросили на нее мрачную тѣнь. Если Фридрихъ, въ началѣ своего царствованія, не уступилъ требованіямъ Иннокентія III и Гонорія, не отказался отъ Сициліи, онъ сдѣлалъ это для того, чтобы не нарушить политики своего дома, ибо онъ видѣлъ ясно, что въ одной Германіи нельзя пріобрѣсти прочнаго вліянія на Папскій Престолъ и на Италію. Если онъ, по видимому, своенравно откладывалъ крестовый походъ, и тѣмъ дѣйствительно причинилъ вредъ Царству Палестинскому, то послѣдствія показали, что одна только дѣятельность его въ это время для пріобрѣтенія Апуліи доставила ему способы вести позднѣйшую брань, и въ чемъ онъ, можетъ статься, погрѣшилъ противъ Христіанъ, то, по крайней мѣрѣ, было неважно въ сравненіи съ запальчивостію Гри-

горія, когда онъ потомъ дѣйствительно пошелъ въ Святую Землю. Принявъ короны нѣмецкую и италіянскую, Фридрихъ взялъ на себя труднѣйшій подвигъ нежели его предокъ Барбаросса. Въ Германіи, власть императорская была потрясена продолжительною и пагубною войною; въ Ломбардіи, города почувствовали свою силу; папы увидѣли яснѣе, чего имъ должно ожидать отъ Гогенштауфеновъ. Его цѣлію было возстановить и утвердить порядокъ и владычество, освободить свѣтскую власть отъ духовной, въ такое время, когда всѣ низшія сословія общества чувствовали потребность и силу для самостоятельнаго развитія, когда Церковь при Иннокентіѣ III достигла высшей степени своего могущества. Гогенштауфены и папы спорили теперь не о правахъ частныхъ, какъ было прежде, но о владычествѣ вообще. Первые понимали власть императорскую во всей ея обширности, послѣдніе, усвояя Вѣрѣ Христіанской владычество надъ міромъ, считали себя ея представителями и средоточіемъ. Съ чрезвычайною ясностью и превосходствомъ ума Фридрихъ велъ теоретическую брань противъ Церкви; еще съ большею силою, нежели его предокъ, противополагалъ ея тогдашнему состоянію времена апостольской жизни и дѣятельности. Онъ не былъ еретикомъ, какимъ его выдавали, а только не придерживался строго буквы. Съ другой стороны, и Церковь не была такъ развращена, какъ онъ ее представлялъ; въ каждомъ, сколько нибудь значительномъ членѣ ея, идеи Христіанства и іерархіи были еще живы и сильны. Недостатки ея происходили отъ положенія ея относительно міра. Но Иннокентій IV велъ войну дотолѣ неслыханнымъ образомъ, который можно извинять только увѣренностію его, что, для дальнѣйшаго сохраненія Церкви въ настоящемъ видѣ, была необходима погибель Гогенштауфеновъ. Прибѣгнувъ къ гнуснымъ, внѣшнимъ мѣрамъ, онъ ясно показалъ, что могъ достигнуть преобладанія средствами внутренними и духовными. Страсть къ деньгамъ и благамъ міра сего утвердилась съ того времени при Римскомъ Дворѣ, и, быстро усиливаясь, причинила ему и съ этой стороны величайшія опасности, при-

готовившія его паденіе. Такимъ образомъ папство, въ побѣдной радости, само себѣ нанесло смертельный ударъ, и торжественное шествіе привело его къ могилѣ. Смѣлость, съ какою Фридрихъ противосталъ Церкви, духовное возбужденіе, которое великая борьба производила уже со временъ Григорія VII, не остались безъ плодовъ вожделѣнныхъ, и начавшееся потомъ, въ слѣдствіе этой борьбы, разрушеніе строгихъ формъ папства и имперіи, въ которыхъ жизнь Европы вращалась дотолѣ около трехъ сотъ лѣтъ, дало просторъ и свободу развитію формъ новыхъ и сильныхъ, хотя и менѣе величественныхъ. Если должно судить о достоинствѣ человѣка потому, какъ онъ умѣетъ удовлетворять требованіямъ времени и мѣста, на которое поставили его обстоятельства и самъ онъ, то Фридриха II надлежитъ причислить къ величайшимъ героямъ Исторіи, хотя въ полной мѣрѣ и нельзя присудить ему вѣнецъ генія, который передаетъ слова и дѣла свои родамъ грядущимъ. Въ то же время не можемъ мы отказать въ уваженіи и его мощнымъ противникамъ.

## 26. Гибель Гогенштауфеновъ.

(1250 — 1268).

Радуясь смерти своего врага, Иннокентій IV возвратился изъ Ліона въ Италію. «Небо и земля, писалъ онъ Сицилійцамъ, да возрадуются, что сильная гроза, доселѣ много намъ вредившая, превратилась въ кроткій вѣтеръ.» Однако побѣда казалась неполною, доколѣ оставалась еще отрасль Гогенштауфеновъ. Надлежало погибнуть всему враждебному дому. Нѣмецкаго Короля Конрада IV присудилъ Папа къ потерѣ Герцогства Швабскаго, и приглашалъ Апулійцевъ возвратиться подъ кроткое иго Церкви; вскорѣ послѣ сего, многіе вельможи и самая столица признали верховность Рима. Впрочемъ онъ встрѣтилъ и сильное противодѣйствіе. Упомянутый выше Манфредъ, законный, хотя и отъ неравнаго брака, сынъ умершаго Императора и Графини Ланчіи, человѣкъ самаго привлекательнаго образованія и любезныхъ свойствъ, храбрый, отваж-

ный и умный, при смерти отца своего получилъ Княжество Тарентское. Но осьмнадцатилѣтній юноша чувствовалъ охоту и силу овладѣть, въ отсутствіи Конрада, всѣмъ Королевствомъ, и воевалъ столь искусно и счастливо противъ папскихъ приверженцевъ, что только Неаполь и Капуа ему еще противились (1251).

Король Конрадъ, который въ Германіи, по недостатку средствъ, пользовался слабымъ только вліяніемъ, поспѣшилъ утвердить за собою свой богатый удѣлъ въ Италіи. Въ 1251 году онъ пошелъ съ войсками за Альпы, соединился съ приверженцами партіи Гибеллиновъ въ Верхней Италіи, и потомъ изъ Порто-Навоне отправился на корабляхъ въ Апулію. Онъ нашелъ уже все въ наилучшемъ порядкѣ, и могъ тотчасъ приступить къ осадѣ обоихъ мятежныхъ городовъ, которыя потомъ столь же счастливо были усмирены (1253). Между тѣмъ Папа, по отлученіи Фридриха постоянно считавшій Королевство Сицилійское праздным леномъ Церкви, предлагалъ его васалламъ въ Англіи и Франціи, или дѣлалъ новыя покушенія соединить его съ Церковною Областью. Обстоятельства, казалось, этому благопріятствовали, когда Генрихъ, третій сынъ Фридриха, отъ Изабеллы Англійской, на двадцать шестомъ году своего возраста умеръ въ Сициліи, и самъ Конрадъ за нимъ послѣдовалъ 21 мая 1254 года. Иннокентій, исполненный пріятныхъ надеждъ, лично поспѣшилъ въ Неаполь, гдѣ Манфредъ на минуту уступилъ, чтобы не лишиться всего навсегда. Искусными переговорами онъ достигъ того, что остался намѣстникомъ Папы по сю сторону пролива. Однако вскорѣ возникли новыя несогласія. Манфредъ, послѣ разныхъ приключеній и опасностей, ушелъ къ Сарацинамъ въ Лучеріо. Онъ могъ положиться на ихъ вѣрную привязанность. Съ ними и съ нѣмецкими наемниками онъ обратилъ въ бѣгство папскую силу, предводимую Вильгельмомъ Фіеско, племянникомъ Папы, и пріобрѣлъ значительныя выгоды. Иннокентій IV считалъ уже себя близь цѣли своихъ плановъ, и вѣсть о сихъ неудачахъ произвела на него такое глубокое впечатлѣніе, что болѣзнь, издавна трево-

жившая его, быстро усилилась. Она пресѣкла дни его въ Неаполѣ же (1254), и Манфредъ продолжалъ воевать такъ храбро, что вскорѣ опять увидѣлъ себя обладателемъ цѣлаго царства, котораго чины теперь сами поднесли ему корону. Безъ всякаго сомнѣнія, юный Конрадъ (Италіянцы называли его Конрадиномъ), родившійся въ 1252 году сынъ Конрада IV, имѣлъ ближайшее право на престолъ, но Манфредъ разсуждалъ, что въ такія смутныя времена, при продолжающейся враждѣ Рима, управленіе за отрока, живущаго вдали, можетъ имѣть еще большія затрудненія, потому принялъ санъ королевскій, и торжественно вѣнчался въ Палермѣ (1258).

Манфредъ охотно бы примирился и съ Церковью, но переговоры съ преемниками Иннокентія, Александромъ IV (ум. 1261) и Урбаномъ IV, оставались безуспѣшными, и еще прежде произнесенное на него проклятіе церковное не было снято. Вѣрный предположенію своихъ предшественниковъ, изторгнуть, во что бы то ни стало, Сицилійское Королевство у Гогенштауфеновъ, Урбанъ наконецъ нашелъ князя, который послѣдовалъ его внушеніямъ. То былъ младшій братъ Короля Французскаго Людовика IX, Карлъ Анжуйскій, Графъ Прованскій, мужъ ловкій, смѣлый и дѣятельный, но корыстолюбивый, жестокій, и никакому благородному чувству недоступный; въ угрюмыхъ чертахъ лица его изображалась душа недоброжелательная. Урбанъ заключилъ съ нимъ договоръ о завоеваніи Королевства Сицилійскаго, но прежде нежели Карлъ могъ приступить къ исполненію, Урбанъ умеръ (1264); на его мѣсто поступилъ Климентъ IV, родомъ Провансалъ. Не имѣя возможности отступить, или, находя также владычество Гогенштауфеновъ въ Неаполѣ все еще очень опаснымъ (ибо Манфредъ, утвердясь въ Сициліи, поддерживалъ и соединялъ Гибеллиновъ по цѣлой Италіи), Климентъ способствовалъ предпріятію Карла, и послѣдній, дѣйствительно, моремъ прибылъ въ Римъ съ войскомъ. Манфредъ имѣлъ достаточныя средства къ оборонѣ, такъ что Французы опять удалились бы со стыдомъ, если бы не помогла имъ гнусная измѣна между сицилійскими

дворянами, которыхъ вѣрность Папа поколебалъ большими обѣщаніями. Графъ Ричардъ Казертскій оставилъ проходы гарильянскіе, ведущіе въ королевство; другіе измѣнники, въ битвѣ подъ Беневентомъ (26 февр. 1266), перешли къ непріятелю. Манфредъ, видя, что все потеряно, ринулся на враговъ, и, мужественно сражаясь, палъ геройскою смертью. Устрашенные города отворили врата побѣдителю, и Карлъ сдѣлался Королемъ Неаполя. Папа утвердилъ его въ этомъ санѣ, взявъ съ него обѣщаніе ежегодной дани въ восемь тысячь унцій золота, и предложивъ ему условія, которыя могли превратить этого сосѣда въ полезное орудіе, а не въ опаснаго врага.

Карлъ, хвалясь освобожденіемъ земли, повиновавшейся жестокимъ врагамъ Церкви, правилъ въ ней скипетромъ желѣзнымъ. Онъ свирѣпствовалъ противъ всѣхъ приверженцевъ Гогенштауфеновъ, мучилъ плѣнныхъ дворянъ, издалъ безумные и несправедливые законы, и жаловалъ важнѣйшія мѣста корыстолюбивымъ Французамъ. Прибывшіе съ нимъ дворяне были щедро надѣлены помѣстьями и владѣніями; Монфорты, Жуанвили, Артуа, Кантельмы и т. д. получили обширныя имѣнія, замки и господскія права. Напрасны были строгія увѣщанія Папы: Карлъ оставался при своихъ насильственныхъ мѣрахъ, и тѣмъ вскорѣ привелъ свое владычество въ ненависть. Гибеллины отправили посольство въ Германію къ Конрадину съ приглашеніемъ, чтобы онъ явился и взялъ свою отчину. Конрадинъ готовъ былъ послѣдовать этому призыву; съ юности онъ жилъ въ нуждѣ и пренебреженіи у своего дяди, Герцога Лудовика Баварскаго, но благородный духъ его предковъ обиталъ въ немъ. Напрасно нѣжная, заботливая мать, по предчувствію, предостерегала его, говоря, что Италія съ ея сокровищами, удовольствіями, красотами, приманивала къ себѣ всѣхъ Гогенштауфеновъ, но на вѣрную погибель, что она и въ этотъ разъ окажетъ древнее свое коварство. Конрадинъ остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи добыть наслѣдія императоровъ, своихъ предковъ, или погибнуть достойно ихъ, и лучше начать опасную, трудную брань, нежели жить дома въ безопас-

ности, но безъ славы. Съ истинно рыцарскимъ духомъ онъ продалъ и заложилъ послѣдніе остатки гогенштауфенскихъ имѣній въ Швабіи, набралъ дружину, и въ челѣ ея, съ искреннимъ другомъ своимъ, Принцемъ Генрихомъ Баденскимъ, мужественно открылъ, осенью 1267 года, походъ за Альпы. Начало обѣщало успѣхъ. Гибеллины повсюду пристава.ли къ нему, и сами Римляне, по обыкновенію жившіе въ раздорѣ съ Папою, на перекоръ послѣднему, ввели его съ великимъ торжествомъ въ свой городъ. Граждане Пизы, не задолго предъ тѣмъ жестоко стѣсненные Гвельфами, снарядили флотъ на помощь Конрадину. Подъ начальствомъ Федерико Ланчіи, корабли сіи одержали при Мессинѣ блистательную побѣду надъ галерами Карла. Сарацины Лучерійскіе возмутились, и Конрадъ Капече, котораго Конрадинъ наименовалъ своимъ намѣстникомъ въ Сициліи, возбудилъ весь островъ къ возстанію противъ тяжкаго владычества Французовъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, Карлъ Анжуйскій могъ ожидать спасенія только отъ счастливой битвы. 23 августа 1268 года онъ выигралъ сраженіе подъ Таліякоццо или Скурколою. Конрадинъ разбитъ былъ на-голову. Неосторожность гибеллинскихъ рыцарей, которые, имѣя уже побѣду въ рукахъ, слишкомъ рано разсѣялись, и неожиданное нападеніе Французовъ, которые только того и ждали въ засадѣ, были виною сего несчастнаго пораженія. Конрадинъ и другъ его Фридрихъ на бѣгствѣ указаны были Іоанномъ Франджипани, котораго родъ Императоръ Фридрихъ II осыпалъ благодѣяніями, и выданы Карлу. Сей жестокій государь, свирѣпствовавшій съ кровожадной лютостью уже противъ приверженцевъ Конрадина, хотѣлъ осудить юнаго князя на смерть приговоромъ законовѣдцевъ, которыхъ созвалъ въ Неаполь. Одинъ изъ собранныхъ имъ судей, Гвидонъ Суцара, неустрашимо сказалъ: «Конрадинъ не сдѣлалъ преступленія, покусившись возвратить свое наслѣдіе открытою войною, и право Божеское, равно какъ человѣческое повелѣваетъ обходиться съ плѣнными милосердо.» Всѣ прочіе согласились съ благороднымъ мужемъ,

кромѣ раболѣпнаго Роберта Бари, и этого достаточно было Королю для произнесенія смертнаго приговора. Шестнадцатилѣтній Конрадинъ, игравшій въ шахматы, когда объявили ему роковую вѣсть, показалъ твердость, достойную его доблестнаго рода. 29 октября 1268 года вывели его на мѣсто казни. Когда Робертъ Бари прочиталъ приговоръ собравшейся толпѣ, Графъ Робертъ Фландрскій, зять Короля, подбѣжалъ къ нему и закричалъ: «какъ смѣешь ты наглый, подлый бездѣльникъ, осуждать на смерть такого великаго и славнаго рыцаря?» и ударилъ его мечемъ, такъ что его отнесли полумертваго. Чуждый всякаго человѣческаго чувства, Карлъ, который не считалъ униженіемъ для своего сана смотрѣть на кровавое зрѣлище, остался равнодушнымъ. Конрадинъ сказалъ еще нѣсколько словъ къ народу о своей безвинности, снялъ съ себя одежду, сталъ на колѣни, и принялъ ударъ смертоносный. Фридрихъ Баденскій громко вскричалъ въ несказанной скорби; и его голова пала.

Такимъ образомъ, внукъ Фридриха II окончилъ жизнь подъ сѣкирой палача. И Король Энцій вскорѣ потомъ умеръ въ заключеніи въ Болоньѣ (1272), послѣ неудачнаго покушенія къ его освобожденію. Сыновей Манфредовыхъ безжалостный Карлъ заставилъ томиться въ темницѣ до самой ихъ кончины. Не менѣе жестокая участь преслѣдовала дочь Фридриха II, Маргариту. Она была въ супружествѣ за Албрехтомъ Выродкомъ, Маркграфомъ Мейссенскимъ и Ландграфомъ Турингенскимъ, который обходился съ нею самымъ гнуснымъ образомъ, напослѣдокъ хотѣлъ даже убить ее, чтобы жениться на придворной дѣвицѣ, Кунигундѣ Эйзенбергъ, съ которою имѣлъ непозволительную связь. Маргариту предостерегли, и она рѣшилась на поспѣшное бѣгство. Ей надлежало разстаться со своими малолѣтними сыновьями, и она предалась такой жестокой скорби, что одного изъ нихъ, Фридриха, укусила въ щеку, отъ чего онъ получилъ наименованіе: Укушенный. Императорская дочь спустилась на веревкахъ со стѣны Вартбурга, и блуждала безпомощно по той странѣ; наконецъ пришла въ Франкфуртъ, гдѣ

въ скоромъ времени умерла съ горя (1270). Такія тяжкія бѣдствія преслѣдовали потомковъ Гогенштауфенскаго Дома, который еще за нѣсколько поколѣній человѣческихъ процвѣталъ многочисленными вѣтвями, превосходя всѣ княжескіе роды своего времени силою тѣлесною и душевными дарами, какими природа надѣляетъ своихъ избранныхъ любимцевъ Тѣмъ поразительнѣе дѣйствуетъ на насъ его быстрое, глубокое паденіе!

## 27. Сицилійская Вечерня.

(1282, 30 марта).

Церковь, въ ея упорной борьбѣ съ ненавистнымъ царскимъ родомъ, одержала теперь совершенную побѣду, но сама пріобрѣла тѣмъ немного внѣшнихъ выгодъ. Покровительствуемый ею монархъ, новый Король Неаполитанскій, Карлъ, скоро такъ усилился, что она опять почувствовала нужду въ защитѣ противъ него. Какъ главѣ Гвельфовъ (такъ постоянно называлась въ Италіи партія, враждебная нѣмецкимъ императорамъ) ему удалось утвердить свою власть въ цѣлой Италіи; онъ простиралъ руку свою къ римской императорской коронѣ, и въ то же время готовился отнять престолъ у Греческаго Императора, думая на восточныхъ берегахъ Средиземнаго Моря основать обширное царство для своего дома. Такъ какъ нѣкоторые Папы, напримѣръ Григорій X и Николай III, для ослабленія его могущества, опять обращались въ Германію, то онъ умѣлъ пріобрѣсти рѣшительное вліяніе на папскіе выборы, и только одни его орудія облекались симъ достоинствомъ. Но въ то самое время, когда честолюбіе и алчность Карла, по видимому, достигли высшей степени, онъ былъ низвергнутъ со своей высоты.

Послѣ пораженія Конрадина, Сицилія опять покорена была безъ большаго труда. Долѣе всѣхъ, и почти до послѣдняго человѣка, защищались Сарацины. Но презрѣніе, какое Французы оказывали въ своихъ поступкахъ съ подданными, гоненія, воздвигнутыя ими на множество лю-

дей за мнимую приверженность ихъ къ Конрадину, возбуждали со дня на день большее негодованіе. Это бремя сильнѣе всего тяготѣло на Сициліи, которой Гогенштауфены оказывали предпочтеніе, а теперь она терпѣла всякія униженія и оскорбленія. Іоаннъ Прочида, мужъ предпріимчивый, рѣшился положить конецъ сему угнетенію. Онъ былъ изъ знатной фамиліи салернской, владѣлъ островомъ Прочидою, и былъ свѣдущъ въ врачебной наукѣ. Какъ приверженецъ Конрадиновъ, онъ немогъ спасти своего имѣнія отъ хищныхъ рукъ Короля, однако сохранилъ свою жизнь бѣгствомъ къ Арагонскому Двору, гдѣ нашелъ самый ласковый пріемъ и вознагражденіе за потери. Исполненный ненависти къ Французамъ и усердія къ Гогенштауфенскому Дому, онъ возбуждалъ Короля Арагонскаго Петра III (1276 — 1283) и супругу его Констанцію, дочь Короля Манфреда, къ отмщенію противъ Карла и къ освобожденію угнетенныхъ. Петръ считалъ себя не довольно сильнымъ, и Іоаннъ Прочида ѣздилъ повсюду для пріобрѣтенія ему союзниковъ. Онъ тайно прибылъ въ Сицилію, открылся многимъ недовольнымъ, и нашелъ, что на этомъ островѣ всего болѣе можетъ надѣятся на успѣхъ. Въ одеждѣ босаго монаха, онъ отправился въ Константинополь къ Греческому Императору, который, зная о намѣреніи Карла Анжуйскаго отнять у него престолъ, охотно видѣлъ, что онъ будетъ занятъ въ своемъ собственномъ государствѣ. Императоръ далъ Іоанну денегъ, и обѣщалъ прислать сицилійскимъ баронамъ оружіе. Тогда Петръ Арагонскій ободрился. Онъ началъ снаряжать Флотъ, и объявивъ, что хочетъ итти съ нимъ противъ невѣрныхъ въ Африкѣ, получилъ денежныя пособія отъ Короля Французскаго, и даже, какъ говорятъ, отъ самого Карла Анжуйскаго. Дѣйствительно, онъ хотѣлъ плыть въ Африку, чтобы обождать происшествій въ Сициліи. Но прежде нежели онъ со своими кораблями показался у берега африканскаго, заговоръ, замышленный Іоанномъ Прочидою, приведенъ уже былъ въ исполненіе по случайному поводу (въ свѣтлый понедѣльникъ 1282 года, по полудни). Граждане Палерма имѣли обыкновеніе слушать вечерню

въ Церкви Монреальской, лежащей въ нѣкоторомъ удаленіи отъ города. Это была обыкновенная прогулка, и Французы сами принимали участіе въ праздникѣ, но они запретили носить оружіе, которымъ народъ прежде въ этотъ день всегда забавлялся. Подъ симъ предлогомъ, одинъ безстыдный Французъ, по имени Друэ, позволилъ себѣ грубыя неприличія противъ молодой благородной дѣвицы, которая шла со своими родителями и женихомъ. Онъ будто бы хотѣлъ осмотрѣть, не имѣетъ ли она при себѣ запрещеннаго оружія. Ея родственники подбѣжали съ гнѣвомъ, всѣ проходящіе приняли участіе въ оскорбленіи, Друэ былъ заколотъ, и въ одно мгновеніе тысячи скрытыхъ кинжаловъ заблистали, тысячи глазъ засверкали, высматривая жертвы своего мщенія. Шагъ былъ уже сдѣланъ, въ нѣсколько минутъ началась общая рѣзня. Вмѣсто вечерни, послѣдовало кровопролитіе, въ которомъ были побиты всѣ Французы. Ни одинъ не нашелъ пощады; нещастныхъ отыскивали, пока всякій слѣдъ пришлецовъ не истребился въ цѣломъ Палермѣ. Мятежъ разлился отсюда по всему острову. Въ одной Катанеѣ погибло восемь тысячь Французовъ. Для узнанія ихъ заставляли, какъ говорятъ, всякаго неизвѣстнаго произносить слово ciceri, что для Французовъ было невозможно. Въ Таорминѣ, куда бѣжали многіе, произошло тоже самое; въ Мессинѣ, которая имѣла самый сильный гарнизонъ и потому позже всѣхъ городовъ отважилась на бунтъ, умерщвлены были три тысячи Французовъ. Во всей Сициліи пощажены были только два французскіе дворянина. Страшная тризна по душѣ Конрадина!

Карлъ Анжуйскій находился у Папы Мартина IV, когда узналъ ужасную новость. Онъ въ ярости грызъ набалдашникъ своей трости, и поклялся Сицилiянамъ лютою местью; Папа отлучилъ ихъ отъ Церкви. Но когда Карлъ сильнымъ войскомъ угрожалъ Мессинѣ, Петръ Арагонскій вышелъ на берегъ съ тридцатью тысячами воиновъ, въ Палермо вѣнчался въ короли, принудилъ Карла къ снятію осады, и истребилъ значительную часть его флота. Такимъ образомъ Петръ сдѣлался обладателемъ Сициліи,

и хотя борьба между сими двумя королями и ихъ потомками длилась еще долгое время, однако всѣ покушенія Французовъ возвратить владычество надъ островомъ были тщетны. Въ 1302 году наконецъ заключили миръ, по которому третій сынъ Петра Арагонскаго, Фридрихъ, *) остался Королемъ Сициліи (острова); а Карлъ II, сынъ умершаго въ 1285 году, Карла I, долженъ былъ довольствоваться твердою землею Нижней Италіи, или Королевствомъ Неаполитанскимъ. Церковь утвердила договоръ не только потому, что и Фридрихъ объявилъ себя ея вассаломъ, но и по той причинѣ, что она находила раздѣленіе неаполитанской силы весьма сообразнымъ съ ея пользами.

## 28. Междоцарствіе въ Германіи.

### (1250 — 1272.)

Возвращаемся къ Нѣмецкой Имперіи, которую, при кончинѣ Фридриха II, оставили подъ скипетромъ антикороля Вильгельма Голландскаго. Ужасны были раны, нанесенныя Имперіи ожесточенною борьбою папы съ Гогенштауфенами. Несогласіе расторгло всѣ узы древняго благочинія и порядка; князья и государственные чины воевали между собою, грабили и опустошали землю, не безпокоясь о верховномъ главѣ, а низшее дворянство находило удовольствіе и прибыль въ томъ, чтобы жить по дорогамъ и разбойничать. Всякъ долженъ былъ защищать самъ себя. Граждане, при сихъ безпорядкахъ, страдали наиболѣе, и слишкомъ шестьдесятъ городовъ, особенно лежащихъ по берегамъ Рейна, соединились и составили союзъ (названный рейнскимъ) для обороны своей торговли и промышленности, и для взаимной помощи противъ нарушите-

---

*) Когда Петръ (1285) умеръ, ему въ Сициліи наслѣдовалъ сынъ его, Іаковъ; потомъ, когда Іаковъ сдѣлался Королемъ Арагонскимъ, братъ послѣдняго, Фридрихъ.

лей мира. Майнцъ и Вормсъ были главами союза. Ежегодно положено было имѣть четыре главные съѣзда по дѣламъ «священнаго мира.» Города, начиная съ устья Мозеля по Базель, должны были содержать сто, низовые города пятьдесятъ хорошо снаряженныхъ кораблей съ стрѣльцами изъ лука, и кромѣ того добрыхъ конниковъ и пѣхотинцевъ, которые всегда были бы готовы къ выступленію въ походъ.

По смерти Конрада, Вильгельмъ былъ законнымъ королемъ, ибо партія Гогенштауфеновъ была слаба и не могла доставить престолъ отроку Конрадину. Но вліяніе Вильгельма на князей и Имперію отъ того не увеличилось. Мелкіе чины не находили никакой защиты, а когда и духовные сановники, бывшіе орудіемъ его возвышенія, сдѣлались къ нему непріязненными, онъ впалъ въ совершенное безсиліе. Въ Нейссѣ, Архіепископъ Кёльнскій грозилъ (1252) сжечь его съ дворцомъ его; въ Кобленцѣ, граждане напали на его свиту, одинъ дворянинъ ограбилъ его супругу на большой дорогѣ, и простой мѣщанинъ въ Утрехтѣ бросилъ въ него камнемъ.

Въ отечествѣ своемъ, Вильгельмъ началъ войну съ жителями Западной Фрисландіи, которые, болѣе всякаго другаго племени, соблюдали старинные нѣмецкіе обычаи и учрежденія, и постоянно противились власти графовъ голландскихъ, тогда какъ послѣдніе, опираясь на дарственныя грамоты нѣмецкихъ императоровъ, около трехъ сотъ лѣтъ присвоивали ее себѣ. Вильгельмъ хотѣлъ кончить продолжительную борьбу однимъ ударомъ, и, опасаясь болотъ въ фризскихъ округахъ, вступилъ туда зимою со всею силою своихъ наслѣдственныхъ владѣній и нѣкоторыми полками, приведенными изъ Германіи. Но когда онъ (28 янв. 1256), на тяжеломъ конѣ и въ полныхъ доспѣхахъ, смѣло пустился впередъ, ледъ проломился, и Римскій Король былъ убитъ выскочившими изъ засады Фризами. Онъ имѣлъ только двадцать семь лѣтъ отъ роду, былъ государь кроткій и благородный душою, очень любимъ и въ Голландіи.

Такимъ образомъ государство опять было безъ главы, и, что довольно странно, ни одинъ князь не изъявлялъ

желанія принять сей тяжкій санъ. Тогда духовные князья въ первый разъ возъимѣли мысль обратить выборъ на иноземныхъ властителей. Архіепископъ Кельнскій, съ своими приверженцами, избралъ Герцога Ричарда Корнвалійскаго, брата Англійскаго Короля Генриха III; Архіепископъ Трирскій — Кастильскаго Короля Альфонса X Мудраго. Маинцскій Архіепископъ былъ въ это время въ плѣну у Герцога Албрехта Брауншвейгскаго, а свѣтскіе князья смотрѣли на дѣло государственное очень равнодушно. Всѣ пороки избирательнаго правленія обнаружились въ полной мѣрѣ. Архіепископъ Кельнскій безсовѣстно требовалъ денегъ для подкупа князей. Ричардъ прислалъ ему двѣнадцать тысячъ марокъ; Герцогу Лудовику Баварскому осьмнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, Графу Виртембергскому тысячу марокъ и пр. И Альфонсъ переслалъ большія суммы въ Германію, но самъ никогда не пріѣзжалъ туда.

Достойно замѣчанія, что при этомъ случаѣ въ первый разъ опредѣлено и ясно упоминается о семи курфирстахъ (см. стр. 172), которымъ выборъ принадлежитъ исключительно. Преимущество сихъ семи князей произошло отъ канцлерскаго достоинства трехъ рейнскихъ архіепископовъ: Майнцскаго, Трирскаго и Кельнскаго, и отъ четырехъ придворныхъ должностей: стольника, (Truchſeß) маршала, кравчаго (Schenk) и казначея (Kämmerer), которыми облекались четыре великіе герцога Франконіи, Саксоніи, Баваріи и Швабіи. Гогенштауфены, владѣвшіе Герцогствами Франконскимъ и Швабскимъ, пожаловали достоинство, соединенное съ послѣднимъ, Бранденбургу; санъ стольника, вмѣстѣ съ рейнскимъ пфальцграфствомъ, перешелъ отъ Франконіи къ Виттельсбахамъ, между тѣмъ какъ Генрихъ Гордый уступилъ баварскій санъ кравчаго Богемцамъ, когда самъ сдѣлался Герцогомъ Саксонскимъ.

Герцогъ Ричардъ оказался уже мужемъ храбрымъ и разумнымъ въ Крестовомъ Походѣ, который онъ предпринималъ въ 1240 году, и который принесъ для Святой Земли вожделенные, хотя и непрочные плоды. Въ Германіи приняли его съ добрыми надеждами, и Аахенъ до-

бровольно открылъ ему для вѣнчанія свои врата. Около тридцати князей, два архіепископа, десять епископовъ и до трехъ тысячъ рыцарей присутствовали при семъ торжествѣ (17 мая 1257). Потомъ онъ объѣхалъ города по Рейну, и вскорѣ возвратился въ Англію. Въ 1260 году онъ опять прибылъ, но также лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Спустя два года онъ имѣлъ несчастіе, въ сраженіи подъ Левесомъ, попасться въ плѣнъ мятежнымъ англійскимъ баронамъ, которые не прежде какъ черезъ годъ возвратили ему свободу. Папа Урбанъ IV звалъ обоихъ Королей Нѣмецкихъ, Ричарда и Альфонса, въ Римъ, чтобы разобрать ихъ притязанія. Но онъ умеръ, не успѣвъ ничего рѣшить; преемникъ его Климентъ IV (1264—1268) повторилъ приглашеніе, однако ни который изъ монарховъ не явился. Ричардъ потомъ еще однажды пріѣзжалъ, въ 1268 году, на сеймъ въ Вормсъ, и наконецъ, 2 апрѣля 1272, умеръ въ Англіи. Альфонсъ никогда не бывалъ въ Германіи. Большая часть имперскихъ князей не хотѣли знать ни того ни другаго, и такимъ образомъ для нихъ Имперія, со смерти Фридриха II, вовсе не имѣла главы. Въ этомъ отношеніи, періодъ времени отъ 1250 до 1272 года, справедливо называютъ междоцарствіемъ.

## 29. Состояніе Нѣмецкой Имперіи во время Гогенштауфеновъ.

Государственный бытъ Германіи въ вѣкахъ, протекшихъ со времени Каролинговъ и Саксовъ, основывался на началахъ феодальнаго правленія, возникшаго при первыхъ поселеніяхъ Нѣмцевъ на римской почвѣ, и теперь получившаго окончательное развитіе: господствующее въ ленномъ порядкѣ отношеніе считалось истиннымъ существомъ всей политической жизни. Въ слѣдствіе этой системы, верховная власть въ государствѣ, равно какъ и въ Церкви, признавалась происходящею непосредственно отъ Бога. Высшій ея блюститель въ послѣдней, папа, является духовнымъ главою Христіанства, а императоръ—

свѣтскимъ. Но такъ какъ сей верховный властитель не можетъ самъ пользоваться всѣмъ могуществомъ, ему свыше дарованнымъ, то онъ удѣляетъ его другимъ (см. Ч. IV. стр. 192), которые состоятъ въ непосредственномъ личномъ къ нему отношеніи, а послѣдніе часть ввѣреннаго имъ могутъ опять леннымъ порядкомъ передавать далѣе. Жалуемое такимъ образомъ есть отчасти обладаніе имѣніемъ, отчасти право общественной власти, напримѣръ право суда, взиманія податей, набора людей въ военную службу и прочая. Но и преимущества втораго рода пожалованный ими считалъ своею собственностью, и подчиненные его должны были смотрѣть на нихъ съ этой же точки зрѣнія.

Такимъ образомъ въ государствѣ, устроенномъ по началамъ феодальной системы, совершенно затмилось понятіе о правахъ, которыя государство имѣетъ и даруетъ, какъ лице нравственное, существо идеальное; кто несъ на себѣ обязанности, кто искалъ защиты и правосудія, тотъ смотрѣлъ на ближайшаго къ нему начальника, какъ на ближайшій источникъ своего политическаго бытія. Отъ этого повсюду возникла непосредственная, личная связь между начальникомъ и подчиненнымъ, и если личность обоихъ здѣсь была одного свойства, въ другомъ мѣстѣ инаго, то одно и то же обстоятельство принимало самые различные и многообразные виды, какъ бываетъ повсюду, гдѣ личное вліяніе заступаетъ мѣсто закона. Отъ существа дѣла происходило, что благонамѣренный или злонамѣренный произволъ здѣсь легко могъ и долженъ былъ имѣть великую силу, и не безъ основанія обвиняли феодальную систему, что она дала волю самоуправству, безпощадно предавала многихъ подчиненныхъ жестокому притѣсненію со стороны властей. Но роду человѣческому не дается въ удѣлъ почти ни одного земнаго блага, которое не покупалось бы цѣною другаго теряемаго имъ преимущества. Въ новѣйшія времена, возникли для всѣхъ выгоды всеобщихъ, согласныхъ съ разумомъ понятій о государствѣ, съ точностію разграниченныхъ правъ и обязанностей; многіе освободились отъ личныхъ повинностей,

и получили большую независимость политическую. За то прежнія вѣки могутъ хвалиться добродѣтелями, проистекающими отъ глубины сердца, отъ любви и безусловной вѣрности, отъ безпредѣльной привязанности слуги къ своему господину, съ которымъ его счастіе возвышалось и упадало, отъ твердой дружественности общинъ и товариществъ.

Германія, отъ временъ Оттона I нераздѣльно связанная съ возобновленною Карломъ Великимъ Римскою Имперіею, видѣла на главѣ своего короля первую корону Христіанскаго Міра, которая, по теоретическимъ понятіямъ вѣка, давала носящему ее верховную власть во всѣхъ земляхъ свѣта (dominium mundi). (см. Ч. IV. стр. 172). Но императоры не хотѣли и не могли присвоить себѣ такой власти въ прочихъ государствахъ Христіанскаго Міра, и въ самой Германіи блескъ ихъ короны не возвышалъ ихъ монархической власти; напротивъ, въ то время, какъ Гогенштауфены старались пріобрѣсти прекрасную Италію, пропадала подъ ногами ихъ почва, на которой основывалось ихъ могущество, и санъ Нѣмецкаго Короля часъ отъ часу болѣе утрачивалъ своихъ правъ и своей важности. Впрочемъ, несправедливо обвиняютъ такое стремленіе, будто бы оно было единственною или главною причиною раздѣленія Германіи на разныя государства. Не походы въ Италію истощили могущество императоровъ; напротивъ, они послужили бы сильнымъ возбуждающимъ средствомъ и оплотомъ противъ изнѣженности и разслабленія, если бы только домашнее основаніе не было подрыто. Но Вельфы постоянно устремляли жадные взоры на корону, папы ставили антикоролей, и Гогенштауфены, для сохраненія себѣ друзей въ волненіи партій, должны были щедрыми руками раздавать имперскія и коронныя права, расточать свое родовое имѣніе, и лишать себя прочнаго основанія, на которомъ Капетинги во Франціи утвердили свое могущество. Вельфы пали, и герцогства раздробились, но не въ пользу королевской власти. Князья не хотѣли подвергнуться прежней зависимости, и въ областяхъ, надъ которыми

они были поставлены, постепенно пріобрѣтали права, принадлежавшія прежде того королю. Императоры имѣли болѣе силы въ такихъ округахъ, гдѣ не было князей и графовъ, и которые управлялись имперскими старостами (Ч. IV. стр. 353). Но, мало по малу, со старостствами случилось то же, что было прежде того съ графствами, льготными грамотами, продажею, залогомъ и т. д.: они были потеряны для исторіи. Такимъ образомъ у императоровъ осталась почти только верховная власть ленная, предводительство имперской арміи, охраненіе мира и предсѣдательство въ собраніи государственныхъ чиновъ, которое могли созывать они одни. Король правитъ большею частію земель не лично, ни чрезъ своихъ чиновниковъ, но чрезъ тѣхъ, которымъ онѣ отданы въ ленную собственность. Всѣ особы, пріобрѣтавшія независимыя имперскія должности или владѣнія, или даже герцогства, жаловались ими посредствомъ знамени, духовные владыки посредствомъ посоха изъ рукъ короля. Только тѣ, которые имѣли ленъ со знаменемъ (Fahnlehen), назывались князьями имперскими. Второй разрядъ имперскихъ чиновъ составляютъ графы и дворяне, которые получили графскія права отъ князей и отъ императора. Совокупность княжескихъ правъ именовали земскимъ высочествомъ (Landeshoheit). Оно относилось преимущественно къ набору воиновъ и къ отправленію суда, какъ существеннымъ регаліямъ, и къ пользованію пошлинами, монетами, рудокопнями и т. д., какъ регаліями случайными. Сверхъ того, къ нему принадлежало право требовать отъ своихъ рыцарей ленной службы, и обязанность поселянъ отправлять имперскую службу. Государь лично произноситъ приговоры во всѣхъ дѣлахъ, касающихся до леннаго отношенія и службы. По другимъ дѣламъ, земля, если она довольно велика, дѣлится на земскіе суды, завѣдываемые земскими судьями или земскими старостами, заступившіе мѣсто прежнихъ окружныхъ судовъ (Gaugerichte), а земскіе суды подраздѣляются на суды сотенные или старостинскіе. Уголовное судопроизводство обыкновенно предоставлялось земскимъ судамъ. Въ оставшихся имперскихъ ста-

ростваxъ были также императорскіе земскіе суды подъ управленіемъ надворныхъ судей, или, если судилище находилось въ городѣ, подъ управленіемъ бургграфовъ. До уничтоженія пфальцъ-графскаго достоинства, въ герцогствахъ пфальцъ-графы, или ихъ чиновники, имѣли предсѣдательство въ такихъ судахъ. Отъ обыкновенныхъ судовъ изъяты были всѣ духовныя лица и имѣнія, такъ какъ послѣдніе подлежали духовному суду, всѣ граждане, которые приносили жалобы владѣтельскимъ старостамъ или исправникамъ (Schultheissen) (сіи чиновники и понынѣ такъ называются), если городъ льготною грамотою самъ не пріобрѣлъ суднаго права, всѣ подданные церквей и монастырей, и, большею частію, также подручники ленныхъ владѣтелей и рыцарства, равно какъ всѣ крѣпостные люди и всѣ дѣла, для которыхъ существовали особенные суды, напримѣръ ленныя распри, дѣла общинныя, которыя въ городахъ разбирались совѣтомъ, въ сельскихъ общинахъ исправникомъ. Каждый судъ состоялъ изъ предсѣдателя, судьи и засѣдателей, которыхъ числомъ обыкновенно было двадцать. Однако императоръ въ сіи времена пользовался еще верховною судебною властью въ томъ отношеніи, что онъ могъ выслушивать и рѣшать жалобы всѣхъ лицъ безъ различія, если дѣло еще не поступало въ судъ. Онъ могъ еще, также по произволу, жаловать права, преимущества и льготы вольнымъ людямъ, подчиненнымъ владѣтелю земли.

Важною перемѣной въ правленіи Нѣмецкой Имперіи было принятіе городовъ въ число имперскихъ сословій или чиновъ. Отъ непрестаннаго жалованія льготъ, права императорскихъ старостъ со дня на день ограничивались и уничтожались. Принадлежавшее нѣкогда владѣльцамъ области право, занимать города служебными людьми, было почти вездѣ ограничено господскимъ дворцемъ или замкомъ. И судебная власть, на которую граждане уже въ качествѣ засѣдателей имѣли достаточное вліяніе, часто совсѣмъ переходила въ ихъ руки пріобрѣтеніемъ старостства, такъ что города, въ предѣлахъ своей черты, пользовались почти всѣми правами, какія принадлежали князь-

ямъ надъ ихъ землями. Отношенія городовъ въ областяхъ государевыхъ развивались подобнымъ образомъ, и между имперскими и земскими городами была почти одна та разность, что на первые можно было жаловаться только имперскимъ судамъ, а на послѣдніе и владѣльцамъ области, и если одни чрезъ выборныхъ принимали участіе въ имперскихъ сеймахъ, то другіе посылали ихъ только на земскіе сеймы, собиравшіеся у владѣльца области. Съ того времени, какъ сословіе гражданъ такимъ образомъ возвысилось и пріобрѣло богатства промышленностью и торговлей, низшее дворянство, частью изъ зависти, что мѣщанинъ превосходитъ его достаткомъ, частью по страсти къ дикой, безпокойной жизни и къ добычѣ, вооружилось противъ городовъ трудолюбивыхъ. Дворяне завели обычай, изъ неприступныхъ замковъ или засадъ нападать на беззащитныхъ купцевъ по большимъ дорогамъ и рѣкамъ, и грабить ихъ, и по ничтожнымъ причинамъ ссориться съ богатыми, промышленными городами, чтобы во всякое время имѣть мнимое право на расхищеніе ихъ имущества и полевыхъ плодовъ и т. п. Когда произнесенное въ Ліонѣ проклятіе противъ Императора Фридриха открыло широкій путь всякому безчинію, и никто не могъ останавливать зла, эта система разбоевъ распространилась съ удивительною быстротою. Хищническіе замки съ года на годъ умножались, и если одинъ рыцарь не въ состояніи былъ предпринять такой постройки, соединялись многіе для этой цѣли, и послѣ того грабили общими силами. И духовныя имѣнія не находили у нихъ пощады. Удобнѣе войны нельзя было вести, ибо всякій вечеръ можно было воротиться съ набѣга. Напротивъ, никто не имѣлъ охоты слѣдовать за императоромъ въ Италіи, и тамъ общими силами спасать честь Имперіи. Дошло до того, что верховный глава Имперіи, нѣкогда всѣми уважаемый, миротворецъ Европы, сталъ считаться тягостнымъ и излишнимъ лицемъ въ государствѣ. Сочувствіе къ общему благу отечества угасло, ибо на самомъ дѣлѣ, это отечество уже не существовало въ видѣ цѣлаго.

Уже въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкѣ старинныя

народныя права, равно какъ капитуляріи Карла Великаго, постепенно утратили свою силу, ибо онѣ основывались на учрежденіяхъ и отношеніяхъ изчезнувшихъ или измѣненныхъ. Но дальнѣйшее развитіе и преобразованіе права въ тѣ времена весьма рѣдко исходило отъ императора и Имперіи, которые довольствовались немногими совершенно общими постановленіями, напримѣръ о земскомъ мирѣ, объ имперской службѣ и т. д. Верховный глава государства считался не столько источникомъ законовъ, сколько властію, которая, посредствомъ льготъ, можетъ дѣлать изъ нихъ изъятія. Въ Нѣмецкомъ Народѣ глубоко укоренилось понятіе, что для всякаго общества, даже въ самомъ низшемъ кругу, законъ и право должны брать свое начало изъ опредѣленій мірскихъ и изъ обычнаго права (Herkommen), которое служило для нихъ основаніемъ. Такъ водилось еще въ древнѣйшія времена, и ни одному государю не приходило на мысль, произвольно вмѣшиваться въ развивающуюся органически и безсознательно жизнь права. Это самозаконодательство было преимущественно въ рукахъ судовъ, которые произносили приговоръ по стариннымъ обычаямъ и прилагали ихъ къ новымъ случаямъ. Гдѣ опытъ былъ недостаточенъ, низшія судилища относились къ высшему судьѣ, чтобы онъ указалъ имъ право, и такія указанія служили руководствомъ въ другихъ подобныхъ спорныхъ случаяхъ. Впрочемъ, судьи и засѣдатели дѣйствовали не одни; люди вольные и рыцарскаго рода все еще сходились у старыхъ камней и деревъ (Ч. IV., стр. 38), выслушивали рѣшеніе засѣдателей, одобряли или отвергали оное. Такимъ же образомъ какъ частное и уголовное право, развивались общественныя отношенія и состоянія посредствомъ договоровъ между участвующими въ нихъ сторонами. Какъ императоръ съ имперскими чинами, а помощники съ поселянами, такъ васаллы и министеріалы съ ихъ ленными и начальствующими господами заключали условія на счетъ обоюдныхъ правъ и обязанностей, и такимъ образомъ новыя или измѣненныя положенія мало по малу заступали мѣсто старыхъ, отъ времени пришедшихъ въ забвеніе, или несогласныхъ

съ настоящимъ бытомъ. Обыкновенно служащіе люди имѣли при этомъ общую выгоду противъ господина, а потому и дѣйствовали за-одно; такимъ путемъ легче было достигать удовлетворенія новыхъ притязаній. Такъ точно общины свободныхъ и несвободныхъ людей договаривались между собою и съ господами о мірскихъ правахъ, общежительныхъ распоряженіяхъ и повинностяхъ. Такимъ образомъ произошли служебныя и надворныя права, городовыя права, крестьянскія и цеховыя постановленія, и другія подобныя уложенія. Узаконенія, какъ напримѣръ опредѣленія сейма имперскаго, совѣта и общины и т. д. начали мало по малу предавать письменамъ. Это побудило турингскаго засѣдателя Эйка Репгова, для наученія несвѣдущихъ, начертать правила, по которымъ обыкновенные земскіе суды рѣшали дѣла, и которыя могли считаться дѣйствующимъ во всей Германіи обычнымъ правомъ. Его твореніе написано между 1215 и 1235 годами, и сдѣлалось основою или поводомъ всѣхъ слѣдующихъ подобныхъ сборниковъ. Оно иоситъ заглавіе: Земское и Ленное Право, Императорское Право, или Саксонское Зерцало, потому что наблюденія сочинителя относились преимущественно къ Саксоніи, и онъ писалъ въ особенности для Саксовъ. Подобные сборники еще ранѣе явились въ Италіи для леннаго права. Они потомъ были пополнены императорскими законами, слиты въ одно цѣлое подъ названіемъ: consuetudines feudorum, и употреблялись во всѣхъ судахъ. Для прочихъ дѣлъ имѣло еще силу Лонгобардское Уложеніе (Ч. IV. стр. 105), къ которому Карлъ Великій и послѣдующіе короли Италіи и Германіи сдѣлали прибавленія. Въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, отдѣльныя узаконенія приведены были въ систему. Сверхъ того, почти каждый городъ имѣлъ свои собственные статуты.

Такъ какъ прежніе имперскіе сановники сдѣлались теперь наслѣдственными князьями, и въ тѣхъ земляхъ, которыми они правятъ, начали наблюдать отдѣльную государственную выгоду, то рядомъ подлѣ общей Нѣмецкой Исторіи являются многія частныя исторіи. Важнѣйшіе изъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ домовъ, донынѣ процвѣтающихъ,

возникли въ этомъ періодѣ, возвысившись большею частію на развалинахъ уничтоженныхъ герцогствъ.

Въ древнемъ Герцогствѣ Нижне-Лотарингскомъ, герцогскій титулъ перешелъ къ Брабанту. Нѣкогда подчиненныя первому: графства Лимбургъ, Фландрія, Геннегау, Намуръ, Гельдернъ, Юлихъ, Клеве, Бергъ, Голландія являются теперь независимыми. То же самое видимъ въ духовныхъ областяхъ: Архіепископствѣ Кельнскомъ, Епископствахъ Люттихскимъ, Утрехтскимъ и пр. Кёльнъ и Аахенъ были имперскими городами. Отъ прежней Верхней Лотарингіи (часть ея удержала названіе Лотарингіи и герцогскій титулъ) отдѣлились: Архіепископство Трирское, Епископства Мецское, Тулское и Верденское, вмѣстѣ съ другими непосредственными духовными имѣніями и многими свѣтскими помѣстьями.

Къ землямъ, составлявшимъ встарину Герцогство Франконское принадлежали въ особенности: Архіепископство Маинцское, Епископство Шпейерское, Вормсское, Бамбергское, Вирцбургское, Фульдское, Пфальцъ-Графство Рейнское, Графства Геннебергское, Нассауское и др., вольные имперскіе города Франкфуртъ, Нирнбергъ и пр.—Бургграфство Нирнбергское (котораго не должно смѣшивать съ городомъ) во время Гогенштауфеновъ перешло къ одной вѣтви происходящихъ изъ Швабіи Графовъ Гогенцоллерновъ, которые, въ послѣдствіи, распространили его и составили изъ него два княжества, Ансбахъ и Байрейтъ (или Кульмбахъ). Въ послѣдствіи увидимъ, какъ они пріобрѣли Бранденбургію, и наконецъ королевскій престолъ Пруссіи.

Въ Швабіи, Гогенштауфены были послѣдними герцогами. За то являются теперь домы Виртембергскій, Баденскій, Гогенцоллернскій, Габсбургскій и т. д. Нигдѣ такъ много мелкихъ владѣтелей и городовъ не получили независимости, какъ здѣсь. Между послѣдними особенно отличался Аугсбургъ, а въ принадлежавшей дотолѣ къ Швабіи Алзаціи, Страсбургъ.

Въ Баваріи, герцогство оставалось въ рукахъ Виттельсбаховъ почти еще на прежнихъ правахъ, но, какъ выше замѣчено (стр. 82), въ объемѣ весьма уменьшен-

номъ. Пресѣченіе мужеской Бабенбергской Линіи въ Австріи имѣло важныя послѣдствія. Герцогъ Фридрихъ Воитель (выше, стр. 171) 1246 года палъ въ битвѣ противъ Венгровъ, не оставивъ наслѣдниковъ. Императоръ Фридрихъ II хотѣлъ отобрать сію землю какъ упраздненный имперскій ленъ, но не могъ сего исполнить за смутами въ послѣдніе годы его царствованія, и Германнъ, Макграфъ Баденскій, супругъ Гертруды, племянницы (по матери) послѣдняго герцога, пріобрѣлъ часть сей земли. По смерти его (1250), богемскій принцъ Оттокаръ склонилъ австрійскіе чины признать его герцогомъ; онъ основывалъ свое право на супружествѣ съ Маргаритою, сестрою послѣдняго Бабенберга и вдовою умершаго въ заточеніи Римскаго Короля Генриха (выше стр. 169). Такимъ образомъ Богемецъ пріобрѣлъ Австрію съ Штиріею и Крайномъ, и когда, по смерти отца своего, сдѣлался королемъ Богеміи (Моравія къ ней же принадлежала), и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ и Каринтію, по смерти послѣдняго бездѣтнаго герцога, (1269), то сталъ самымъ могущественнымъ государемъ въ Германіи. О правѣ юнаго Фридриха, Гертрудина сына, никто не думалъ. Онъ тотъ самый, который, съ другомъ своимъ Конрадиномъ, погибъ въ Неаполѣ на эшафотѣ; по причинѣ своихъ правъ, онъ именуется въ Исторіи также Фридрихомъ Австрійскимъ.

Выше мы видѣли, какъ раздробилась древняя, т. е. нижняя Саксонія и Вестфалія, съ опалою Генриха Льва; его потомки удержали только Брауншвейгъ и Люнебургъ. Изъ древней Саксоніи произошли Архіепископства Магдебургское и Бременское, Епископства Гальберштадское, Гильдесгеймское, Любекское, Рацебургское, Шверинское, Оснабрикское, Ферденское, Падеборнское и Мюнстерское, Графы Голстинскій и Ольденбургскіе, Князья Ангальтскіе, города Любекъ, Гамбургъ, Бременъ, и сдѣлались независимыми. Такъ точно Князья Мекленбургскіе и Померанскіе, покоренные Генрихомъ Львомъ, освободились отъ саксонской власти и стали нѣмецкими имперскими князьями. Но имя герцогства Саксоніи, которымъ доселѣ означалась великая и прекрасная часть Германіи, перешло къ небольшимъ участ-

камъ земли, которыми владѣлъ поставленный Императоромъ Фридрихомъ I Герцогъ Бернгардъ Асканскій (выше, стр. 82). Это была окрестность Виттенберга, не задолго предъ тѣмъ отнятая у Славянъ. Хотя послѣ временъ Бернгарда къ ней присоединена еще Область Лауенбургская, но она вскорѣ опять отдѣлилась, когда произошли двѣ линіи, одна въ Лауенбургѣ, другая въ Виттенбергѣ, изъ которыхъ каждая, не смотря на малость своихъ владѣній, носила титулъ герцоговъ саксонскихъ.

Маркграфы Мейсенскіе были первоначально Графы Веттинскіе. Одинъ изъ нихъ, Конрадъ, въ 1144 году, вымѣнялъ тогда еще незначительный Лейпцигъ у Епископа Мерзебургскаго. Въ теченіе сего же столѣтія, князья эти, открытіемъ серебряныхъ рудниковъ въ Эрцгебиргѣ, пріобрѣли большія богатства, а въ слѣдующемъ Маркграфъ Генрихъ Сіятельный пріобрѣлъ Турингенъ, какъ племянникъ послѣдняго ландграфа, анти-короля Генриха Распе. Однако онъ долженъ былъ вести продолжительную войну съ другою родственницею, Софіею, Герцогинею Брабантскою, которая наконецъ пріобрѣла для своего малолѣтнаго сына, Генриха, Гессенъ, соединенный дотолѣ съ Турингіею. Генрихъ сдѣлался родоначальникомъ нынѣшняго Гессенскаго Дома. Маркграфъ Генрихъ Сіятельный былъ самый роскошный князь своего времени. Самъ Императоръ Фридрихъ II, выдавая дочь свою Маргариту за сына Генрихова, дивился блеску его двора. Этотъ сынъ былъ упомянутый уже (выше стр. 195) Албрехтъ Выродокъ, который получилъ отъ своего отца Турингію.

Въ ряду земель, нѣкогда славянскихъ, принявшихъ во время Гогенштауфеновъ Христіанство и нѣмецкую народность, особенно Мархія Бранденбургская сильно возрасла при Князьяхъ Асканскихъ. Два мужественные брата Іоаннъ I и Оттонъ III, господствовавшіе при Фридрихѣ II и во время междоцарствія, увеличили государство прибавленіемъ Укерской и Новой Мархіи, и Верхней Лузаціи, и заботились о воздѣлываніи земли и о водвореніи промышленности. Асканіи пріобрѣли также въ послѣдствіи важное ленодержавіе надъ Померапіей.—Такимъ об-

разомъ мало по малу развивались въ Германіи формы политическія, которыя усматриваемъ мы тамъ въ позднѣйшія столѣтія.

Въ Верхней Италіи, государственная жизнь, не скрѣпляемая никакою силой, распалась еще на меньшіе, совершенно отдѣльные круги. По уничтоженіи завоеваніями Римлянъ древняго различія племенъ, и по разрушеніи Римской Державы, поселенія Лонгобардовъ и Норманновъ произвели только общую противоположность Сѣвера и Юга, но здѣсь не доставало тѣхъ началъ, которыя въ Германіи образовали ядро для соединенія большихъ владѣній. Власть духовныхъ особъ надъ дворянствомъ и городами была уже разрушена Конрадомъ II и борьбою Генриха IV и Григорія VII. Съ того времени, городскія общины безпрепятственно развивали свою независимость. Фридрихъ I предпринялъ опять привести ихъ въ старинное отношеніе къ Имперіи. Это покушеніе не удалось; борьба началась формальнымъ утвержденіемъ большей части правъ, которыми граждане дотолѣ пользовались незаконно. Во время Фридриха II, новая свобода породила уже внутреннія междоусобія. Почти вездѣ мѣщане и ремесленники возставали противъ городоваго дворянства, которое образовалось изъ вольныхъ и ленныхъ людей первоначальной общины; сельское дворянство ратовало противъ патриціевъ, городскія дворянскія фамиліи вели войну между собою. Различныя партіи, чтобы имѣть подпору, объявляли себя за императора или за папу. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ волненій было уничтоженіе послѣдняго вліянія духовныхъ на города посредствомъ правъ и имѣній, подобно тому какъ власть императорская давно рушилась. Въ мѣстахъ гвельфскихъ, клиръ долженъ былъ приносить великія жертвы, чтобы удержать верхъ за своею партіею; въ гибеллинскихъ, подвергался тяжкимъ воинскимъ поборамъ. Такъ образовалась здѣсь новая и простѣйшая государственная жизнь, вовсе несогласная съ понятіями Среднихъ Вѣковъ. Предпріятія Германцевъ на Италію послѣ Гогенштауфеновъ имѣли только преходящее дѣйствіе, и съ прекращеніемъ распорядительной и ограни-

чительной дѣятельности нѣмецкихъ императоровъ исчезло послѣднее побужденіе, которое предохраняло Италіянцевъ отъ разслабленія и совершеннаго распаденія. Однако Нѣмцы донынѣ не могли отстать отъ Италіи, донынѣ страна эта дѣйствуетъ на ихъ многостороннее образованіе и доставляетъ имъ разнообразныя наслажденія. Но война, продолжавшаяся между городами и частными партіями, заставила тогда вскорѣ почувствовать потребность большаго единства въ управленіи дѣлами государственными и военными, и тѣмъ мало по малу возбудила въ сильныхъ дворянскихъ родахъ желаніе занять со временемъ первыя мѣста на обоихъ поприщахъ.

## 30. Покореніе Пруссіи нѣмецкими рыцарями *).

Выше указали мы уже на стремленіе Французовъ и Италіянцевъ, дать своей жизни большее развитіе въ странахъ восточныхъ, на берегахъ Средиземнаго Моря. Но между тѣмъ какъ сіи пріобрѣтенія въ такой дали, и подъ вліяніемъ инородныхъ отношеній, опять начали исчезать, на основаніи болѣе прочномъ и послѣ труда продолжительнѣйшаго, нѣмецкіе обычаи, образованіе и языкъ, совокупно съ Христіанствомъ, побѣдоносно разпространены были въ обширныхъ странахъ по Балтійскому Морю, которыя вѣрою и нравами исключены были изъ круга народовъ европейскихъ, подвизающихся на поприщѣ образованія. Тогда какъ Германія, по раздѣленіи своемъ, сошла съ высокой степени, здѣсь затаились зародыши организмовъ политическихъ, которые, въ теченіе вѣковъ, передвинули далеко на востокъ точку тяготѣнія германской жизни.

Уже въ прежніе вѣки ревность къ обращенію язычниковъ проникала въ землю, лежащую на сѣверъ и на востокъ отъ Вислы, знаменитое отечество драгоцѣннаго янтаря, но покушенія сіи не имѣли успѣха. Жители ея, съ одиннадцатаго вѣка именуемые Пруссами, знали зем-

*) По Фохтовой классической Исторіи Пруссіи.

ледѣліе и имѣли нѣкоторый порядокъ общежительный и гражданскій, однако стояли еще на низшей степени образованія нежели древніе Германы. Послѣ ихъ королей или реиксовъ, имѣли верховную власть главные жрецы, называемые гриве, которыхъ, вѣроятно, было по одному въ каждой области. Они были верховными судьями, и повелѣнія, отдаваемыя ими въ качествѣ жрецовъ, признавались волею боговъ. Гриве умѣли поддержать и утвердить эту власть таинственнымъ мракомъ, которымъ они себя окружали. Жрецъ такъ рѣдко показывался народу, что увидѣть его почиталось большимъ счастіемъ. Противъ сильныхъ жрецовъ, которыхъ владычество обезпечено было цѣлыми вѣками, выступили христіанскіе благовѣстники, исполненные смиренія, безъ пышности, блеска и силы, какъ мужи, ищущіе добродѣтели и заслуги только въ лишеніяхъ и трудахъ, и какъ учители, провозглашающіе правящихъ боговъ народа глухими и нѣмыми кумирами, а вмѣсто ихъ увѣщевавшіе покланяться существу невидимому и непостижимому. Не удивительно, что они встрѣтили недовѣрчивость и злобу, что ихъ благочестивая ревность награждаема была безчестіемъ и гоненіемъ, даже смертью. Такую мученическую смерть претерпѣлъ, въ 997 году, Святой Адалбертъ (Ч. IV. стр. 274), оставившій свою епископскую каѳедру въ Прагѣ по причинѣ необузданнаго звѣрства Богемцевъ, и хотѣвшій водворить ученіе евангельское между Пруссами. Спустя одиннадцать лѣтъ послѣ него, Бенедиктинецъ Брунонъ подвергся той же участи. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ, польскіе герцоги старались покорить Пруссію, но безуспѣшно. Иногда народъ, принужденный силою оружія, обѣщалъ дань и представлялъ заложниковъ, но вскорѣ опять свергалъ ненавистное иго. Такимъ образомъ Пруссы и въ началѣ двѣнадцатаго вѣка держали сторону Поморянъ, когда послѣдніе защищали свою независимость противъ польскаго герцога Болеслава III Кривоустаго. Принятіе Христіанства ставилось имъ въ условіе мира, и нѣкоторые изъ вельможъ принимали крещеніе; но какъ новое исповѣданіе приходило отъ враговъ, то побѣжденные счи-

тали его только тяжкимъ игомъ, отъ котораго всегда избавлялись, какъ скоро чувствовали въ себѣ новую силу и новое мужество. И это отвращеніе къ Христіанской Вѣрѣ достигло высшей степени, когда они увидѣли, какія слѣдствія сіе исповѣданіе повлекло за собою въ сосѣдней Помераніи, гдѣ оно утвердилось съ 1124 года стараніями бамбергскаго епископа Оттона, какія тяжкія повинности обременяли тамъ землю, сколько участковъ отнято было у жителей, чтобы обогатить ими церкви и монастыри, какъ переселившіеся туда Нѣмцы легко завладѣли плодоноснѣйшими странами и всякими правами и предпочтеніемъ; туземные же Славяне напротивъ были оттѣснены, презрѣны, повергнуты въ бѣдность, видѣли истребленіе быта, обычаевъ и языка праотеческихъ. Всю силу народной ненависти Пруссовъ испыталъ польскій герцогъ Болеславъ IV (сынъ умершаго въ 1138 году Болеслава III), о которомъ мы уже упоминали по случаю войны его съ братомъ своимъ Владиславомъ (стр. 61). Онъ опять вознамѣрился покорить Пруссовъ, напалъ на ихъ землю, и привелъ въ Христіанство многихъ устрашенныхъ ея жителей. Но едва иноплеменные воины покинули страну, народъ опять обратился къ вѣрѣ отцевъ. Раздраженный герцогъ воротился съ большою военною силою, чтобы совсѣмъ истребить упрямый народъ. Но Пруссы заманили его въ болото, гдѣ Поляки вскорѣ увидѣли себя среди разсвирѣпѣвшихъ враговъ, и, не имѣя даже возможности сопротивляться, или потонули въ болотѣ, или были побиты. Герцогъ спасся только съ немногими изъ своей дружины (1161).

Польша, послѣ смерти Болеслава III, находилась въ чрезвычайномъ волненіи. Отъ споровъ за удѣлы происходили жестокія войны между братьями и пагубныя партіи между вельможами; всякій порядокъ рушился, образованность не могла возникнуть, и разрозненныя части государства были слишкомъ слабы, чтобы противиться сосѣдямъ. Такъ, въ 1206 году, при новомъ раздѣлѣ земли, Мазовія сдѣлалась независимымъ герцогствомъ, но Герцогъ Конрадъ, которому она досталась, своенравный,

жестокій, въ несчастіи малодушный, не былъ въ состояніи защищать изнуренную междоусобіями землю свою отъ хищныхъ набѣговъ Пруссовъ, которые, со времени покушенія поработить ихъ, питали къ Полякамъ непримиримую злобу, и не находили помощи у сосѣдей.

Между тѣмъ, на отдаленнѣйшемъ Сѣверѣ, усилія къ распространенію Христіанства подали поводъ къ важнымъ перемѣнамъ. Въ 1158 году, купцы изъ Бремена пришли къ устью Двины, и завели съ Ливью миролюбивыя торговыя сношенія, которыя упрочились частыми посѣщеніями. Къ торговлѣ присоединилось дѣло вѣры. Лѣтъ чрезъ двадцать прибылъ туда съ Бременцами августинскій монахъ Мейнгардъ, маститый старецъ, но еще полный мужества и юношеской силы. Онъ приступилъ къ дѣлу съ большою осторожностью, и подвигъ обращенія преуспѣвалъ не смотря на разныя затрудненія. Въ Икесколѣ (Икскулѣ) основалъ онъ первую христіанскую церковь въ тѣхъ странахъ. Но когда онъ возвратился изъ путешествія въ Бременъ, гдѣ, по повелѣнію папы, посвященъ былъ во епископы новой церкви въ Ливоніи, то, къ великому своему прискорбію, нашелъ твореніе свое почти совсѣмъ уничтоженнымъ. Большая часть крещенныхъ Ливонцевъ выкупались въ Двинѣ, чтобы водою рѣки, какъ они думали, смыть съ себя крещеніе. По смерти Мейнгарда (1196), преемникъ его, Бертольдъ, имѣлъ не болѣе успѣха; озлобленные Ливонцы поклялись убить его, и онъ только скорымъ бѣгствомъ спасся отъ смерти. Тогда Папа Целестинъ III велѣлъ проповѣдовать крестовый походъ противъ Ливоніи. Въ то время проповѣди сіи производили еще большое впечатлѣніе, и всякой вѣрилъ, что, сражаясь за Церковь, онъ обрѣтетъ блаженство вѣчное. Многіе предпочли исполнить данный обѣтъ въ Европѣ, противъ народа, который не такъ страшенъ какъ враги вѣры въ Азіи, и составили значительное войско, которое оружіемъ принудило Ливонцевъ къ принятію Христіанства. Но едва войско сіе вышло изъ предѣловъ Ливоніи, они отреклись съ насмѣшками отъ вынужденнаго обращенія, и христіанскіе священники должны были бѣжать. Ново-

избранный епископъ Ливонскій, Альбертъ, былъ гораздо способнѣе къ совершенію многотруднаго подвига нежели его предшественники, соединяя съ великими духовными добродѣтелями опытность въ дѣлахъ мірскихъ, мужество и благоразуміе. Онъ прибылъ (1199) съ новымъ крестовымъ полченіемъ, и опять принудилъ устрашенныхъ язычниковъ къ миру и крещенію. Но видя, сколь сильное ожесточеніе господствуетъ еще между Ливонцами, какъ трудно будетъ исторгнуть глубокіе корни застарѣлаго суевѣрія, какъ недостаточна защита крестоносцевъ, черезъ годъ возвращающихся во-свояси, и что должно опасаться каждый разъ новаго отпаденія, онъ рѣшился основать особенный рыцарскій орденъ, котораго цѣлію было бы распространеніе царства Вѣры и Церкви между народами Сѣвера, и охраненіе мѣстнаго епископа во всякое время достаточною военною силою. Иннокентій III охотно далъ на то свое соизволеніе, и такимъ образомъ возникъ новый орденъ «братьевъ рыцарской службы Христу (Brüder des Ritterdienstes Christi),» обыкновенно именуемый Орденомъ Меченосцевъ, отъ изображенія меча, которое они, вмѣстѣ съ крестомъ, общимъ для всѣхъ духовныхъ рыцарскихъ орденовъ, носили на бѣломъ орденскомъ плащѣ. Въ нѣсколько лѣтъ число членовъ ордена возросло значительно. Епископъ постоянно старался поддерживать и крестовые походы въ Ливонію, и чтобы доставить Христіанамъ твердую точку соединенія, въ 1200 году заложилъ городъ Ригу. Впрочемъ, и въ послѣдствіи дѣло обращенія въ Ливоніи успѣвало только среди непрестанныхъ, трудныхъ и жестокихъ войнъ. Для истребленія Христіанской Вѣры и нѣмецкаго владычества въ сей землѣ, окрестные языческіе народы, Эсты, Литва и Семгаллы, часто соединялись съ необращенными Ливонцами; сверхъ того помогали имъ многіе сосѣдственные Русскіе Князья, которые, въ распространеніи нѣмецкаго владычества въ тѣхъ странахъ, видѣли себѣ подрывъ и уничтоженіе своего вліянія въ Ливонской Землѣ. Распри, возникшія между епископомъ и орденомъ, много вредили успѣху общаго дѣла. Впрочемъ, такъ какъ старинная ненависть между разными народами всегда

опять разстроивала и расторгала ихъ союзы, и притомъ они не умѣли искусно располагать своими силами, то побѣда наконецъ досталась Кресту. По сей причинѣ, ордену удалось, спустя нѣсколько времени, покорить и Эстонію (1217).

Сіи происшествія убѣдили Конрада, Герцога Мазовскаго, что и Пруссы покорятся тогда только, когда ихъ обратятъ въ Христіанство. Потому онъ благопріятствовалъ всякому предпріятію, имѣвшему сію цѣль. Подъ его покровительствомъ, бернардинскій монахъ Христіанъ началъ проповѣдовать въ пограничной съ Мазовіею прусской области, Кульмерландѣ. Ему удалось сперва пріобрѣсти здѣсь нѣкоторыхъ послѣдователей Евангелію, и когда онъ отправился въ Римъ съ извѣстіемъ объ успѣхѣ своего дѣла, Иннокентій III нарекъ его Епископомъ Прусскимъ. Но, по возвращеніи своемъ, и онъ къ прискорбію увидѣлъ, что насажденіе находится въ великой опасности отъ вторженія языческихъ Пруссовъ. Ему удалось призвать на помощь крестовое ополченіе (1219), и оно особенно прикрыло христіанскую уже Кульмерландію, гдѣ Епископъ, въ замкѣ Кульмѣ, имѣлъ свою епископскую каѳедру; но едва крестоносцы удалились, Пруссы опять возобновили свои разрушительные набѣги. Епископъ, по примѣру, данному въ Ливоніи, учредилъ было «Братство Добринскихъ Рыцарей (Ritterbrüder von Dobrin)», но безъ успѣха: орденъ сей, въ первые же дни своего существованія, былъ почти совершенно истребленъ; большая часть рыцарей пали въ битвѣ съ Пруссами. Слабые остатки Добринскаго Братства, въ послѣдствіи, слились съ Нѣмецкими Рыцарями.

Орденъ сей въ то время, спустя не болѣе двадцати лѣтъ по учрежденіи его, пріобрѣлъ уже большую значительность, какъ по вліянію и вѣсу въ свѣтѣ, такъ по обширности и богатству своихъ доходовъ и владѣній. Достойный великій магистръ Германнъ Зальца (выше, стр. 95 и 162) пользовался высокимъ уваженіемъ какъ Императора Фридриха II, такъ и панъ, и получалъ и отъ другихъ государей знаки особеннаго благоволенія. Епископъ Христіанъ въ своей бѣдѣ вспомнилъ о магистрѣ, котораго зналъ лично, и о громкой славѣ нѣмецкихъ

рыцарей; онъ совѣтовалъ Герцогу Мазовскому призвать сей орденъ для защиты своихъ границъ противъ Пруссовъ. Такой совѣтъ понравился Герцогу, и онъ отправилъ посольство къ гохмейстеру въ Италію, предлагая ему въ даръ Кульмерландію, и за то прося его прислать часть своихъ рыцарей для веденія войны съ Пруссами. Зрѣло обдумавъ дѣло, Германнъ рѣшился принять предложеніе, и Императоръ и Папа не только дали на то свое соизволеніе, но первый, согласно съ понятіями вѣка о власти Римскихъ Императоровъ *), заранѣе утвердилъ за орденомъ законное, отъ всякой служебной повинности свободное обладаніе землею, которую онъ пріобрѣтетъ въ Пруссіи. Въ слѣдствіе сего опредѣленія, въ 1228 году часть рыцарей явилась къ Герцогу, подъ предводительствомъ храбраго, опытнаго въ ратномъ дѣлѣ и осмотрительнаго Германна Балка, которому гохмейстеръ ввѣрилъ главное распоряженіе дѣлами ордена въ Пруссіи. Преемники его въ семъ званіи носили титулъ ландмейстеровъ. Германнъ Балкъ привелъ только малую дружину, и было бы непостижимо, какъ она могла отважиться, или даже надѣяться на покореніе народа, въ которомъ считалось болѣе тысячъ воиновъ, нежели сколько въ ней было единицъ, если бы сила убѣжденія въ неминуемой побѣдѣ креста надъ заблужденіемъ идолопоклонниковъ не одушевляла ее непоколебимымъ мужествомъ. Въ трудныхъ и жестокихъ полувѣковыхъ браняхъ, начавшихся съ того времени, рыцари часто были подкрѣпляемы нѣмецкими крестовыми отрядами; но такъ какъ сія помощь вскорѣ опять исчезала, то они, по большей части, должны были надѣяться только на свои собственныя силы.

---

*) Фридрихъ II, въ данной по сему случаю грамотѣ, говоритъ: «Господь превознесъ нашу императорскую власть надъ царями земли, и распростеръ предѣлы нашего господства на различные поясы міра, для того чтобы мы пеклись о прославленіи Его имени во вѣки, и о распространеніи вѣры въ Евангеліе также между язычниками.»

Первыми притонами рыцарей въ землѣ ихъ новой дѣятельности были замки Фогельзангъ и Нессау, на лѣвомъ берегу Вислы. Въ 1231 году, Германнъ Балкъ перешелъ за рѣку, построилъ тамъ замокъ Торнъ, и оттуда покорилъ всю Кульмерландію. Орденъ поступалъ такъ и при слѣдующихъ своихъ завоеваніяхъ. Сперва рыцари обыкновенно строили замокъ на выгодномъ пограничномъ пунктѣ той земли, которою намѣревались овладѣть, чтобы прежде всего доставить христіанскимъ ратникамъ твердую точку опоры и безопасное убѣжище. Къ воинскимъ цѣлямъ присоединилась гражданственность. Въ 1232 году, нѣмецкіе переселенцы, при замкахъ Торнѣ и Кульмѣ, основали уже города, которыхъ гражданскій порядокъ и уставъ опредѣлены были орденомъ въ грамотѣ, названной «Кульмская Крѣпость (die Kulmiſche Handfeſte).» Она была начертана по образцу нѣмецкихъ учрежденій и законовъ, и имѣла въ виду германскій бытъ и германскіе нравы, и такъ какъ въ послѣдствіи введена была въ большей части городовъ и областей Пруссіи, то и послужила важнымъ средствомъ къ распространенію и водворенію нѣмецкой образованности въ семъ краю.

Папы не теряли изъ виду ордена, и при обращеніи его дѣятельности на Пруссію, его завоеванія были съ тѣмъ вмѣстѣ и пріобрѣтеніями для власти церковной. Хотя ихъ помощь состояла въ однихъ словахъ и увѣщаніяхъ, однако она была весьма важна. При ихъ постоянныхъ поощреніяхъ, орденъ получалъ много новыхъ членовъ, пріобрѣталъ имущества, и отъ времени до времени все еще собирались крестовые отряды противъ язычниковъ въ Пруссіи. Съ помощію такой силы, подъ начальствомъ мейссенскаго маркграфа Генриха Свѣтлѣйшаго, орденъ покорилъ первую прусскую область, Помезанію, а вскорѣ потомъ, послѣ жестокихъ битвъ, и вторую, Погезанію. Утомленныя бѣдствіями войны, отчаиваясь въ могуществѣ и помощи своихъ боговъ, не видя никакихъ средствъ къ сопротивленію, не находя участія въ другихъ областяхъ, онѣ покорились власти ордена, дали обѣтъ въ вѣрности Христіанству въ принятіи крещенія, и пред-

ставили заложниковъ въ ручательство своей искренности. Съ новообращенными обходились еще кротко и человѣколюбиво. Братья ордена разъѣзжали по всей землѣ къ знатнымъ и бѣднымъ, ласково и сострадательно призрѣвали бѣдныхъ и недужныхъ Пруссовъ въ своихъ больницахъ, заботились о вдовахъ и сиротахъ, посылали даровитыхъ отроковъ въ Германію для обученія. Въ Погезаніи, торговая выгода побудила Любчанъ къ заведенію важнаго поселенія. Торговля Бремена и Любека, въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, обратилась особенно къ Балтійскому Морю, и потому купцы съ радостію воспользовались случаемъ, который представлялся имъ здѣсь къ распространенію ихъ сношеній. На мѣстѣ, особенно благопріятномъ для торговли, въ 1237 году основанъ былъ новый городъ, Эльбингъ, и, по прошествіи немногихъ лѣтъ, пришелъ въ цвѣтущее состояніе.

Орденъ пріобрѣлъ въ это время новый кругъ дѣятельность соединеніемъ своимъ съ Меченосцами въ Ливоніи. Сіи рыцари имѣли упорныхъ враговъ въ Русскихъ, отъ которыхъ они съ трудомъ оборонялись; но еще грознѣе были дикіе, безпрерывные опустошительные набѣги дикихъ Литовцевъ, сопровождаемые злодѣйствами и ужасами всякаго рода. Къ тому присоединилось нестерпимое отношеніе къ властолюбивому Епископу Альберту, который считалъ рыцарей только орудіями для исполненія его плановъ, старался подавить всякое благосостояніе ордена, и за всѣ его труды едва отпускалъ ему что нужно было для скуднаго содержанія. Тогда магистръ ордена, Вольквинъ, (Фолкуинъ) вздумалъ соединить свое рыцарское братство съ Орденомъ Нѣмецкимъ. Исполненіе сначала встрѣтило важныя затрудненія. Но когда, въ 1256 году, меченосные братья потерпѣли жестокое пораженіе отъ Литовцевъ, въ которомъ палъ и доблестный витязь Вольквинъ, когда страхъ и ужасъ овладѣлъ всѣми Христіанами въ сосѣднихъ земляхъ, и погибель юной Церкви въ Ливоніи казалась всѣмъ неизбѣжною, если не подоспѣетъ новая помощь, тогда и папа, въ томъ мнѣніи, что сія помощь можетъ быть оказана только Нѣмецкимъ Орденомъ,

ревностно способствовалъ къ соединенію. Въ слѣдующемъ году оно состоялось, и неутомимо дѣятельный Германнъ Балкъ съ дружинами рыцарей прибылъ въ Ливонію, водворилъ безопасность въ сей странѣ, и привелъ дѣла въ порядокъ. Датскій Король Вальдемаръ II, принимавшій прежде того участіе въ завоеваніи Эстоніи, хотѣлъ теперь подкрѣпить свои права на сію область оружіемъ. Съ нимъ заключенъ былъ договоръ, по которому онъ получилъ Сѣверную Эстонію. По возстановленіи тишины въ Ливоніи, можно было надѣяться, что орденъ, покоривъ лежащія на пути прусскія владѣнія, вступитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ симъ новымъ достояніемъ своимъ; но съ симъ обладаніемъ принялъ онъ на себя и бремя новыхъ заботъ и трудовъ ратныхъ.

По смерти Германна Балка (онъ и великій магистръ Германнъ Зальцъ умерли въ одномъ году, 1239), орденъ, подкрѣпляемый крестоносцами подъ начальствомъ Оттона, Герцога Брауншвейгскаго, пріобрѣлъ, послѣ жестокихъ битвъ, провинціи Вармію (Эрмландію), Натангенъ и Галиндію. И къ этому походу пристали многіе Нѣмцы съ женами и дѣтьми, въ намѣреніи поссліться въ Пруссіи. Рыцари ордена охотно принимали такихъ поселенцевъ; давали имъ богатые участки съ особенными преимуществами и льготами. Сіе предпочтеніе возбудило зависть въ туземцахъ, которые и безъ того, когда миновала первая военная гроза, находили выпавшій имъ жребій ужаснымъ и нестерпимымъ. Полученное новообращенными поверхностное понятіе о Христіанствѣ, ограничивавшемся у нихъ немногими обрядами, для нихъ почти вовсе непонятными, не могло быть достаточно для того, чтобы искоренить въ сердцахъ любовь къ древнимъ богамъ ихъ, къ прежней привольной жизни, протекавшей въ неограниченной свободѣ и забавахъ. Въ сравненіи съ симъ прошедшимъ бытомъ, теперешняя ихъ жизнь, отторгнутая отъ всѣхъ закоренѣлыхъ наклонностей, казалась для нихъ пустою и безутѣшною. И орденъ теперь забылъ свою прежнюю кротость, и началъ обходиться съ народомъ строго и сурово. Не удивительно, что злоба и ненависть овладѣли

сердцами, и мысль о мщеніи и возмездіи болѣе и болѣе распространялась въ народѣ. Сильный ему союзникъ возсталъ въ лицѣ Свантеполка, Герцога Задней Помераніи (или Помереллы, отъ Персанты по Вислѣ). Герцогъ, прежде того самъ много способствовавшій завоеваніямъ ордена, устрашился возрастающаго его могущества. Нѣмецкій бытъ въ западной Помераніи уже вытѣснилъ древній языкъ, древніе обычаи и правленіе, или покрайней мѣрѣ значительно измѣнилъ ихъ; теперь видѣлъ Свантеполкъ, какъ въ восточной сосѣдней землѣ, въ Пруссіи, отъ прилива новыхъ жителей изъ Германіи, возрастаетъ и укрѣпляется національность, чуждая ему и его народу. Отъ всѣхъ сихъ перемѣнъ опасался онъ худыхъ послѣдствій для безопасности и независимости своей страны. При такомъ недовѣрчивомъ и враждебномъ положеніи, когда обоюдныя границы такъ близко соприкасались, не обходилось безъ столкновеній, мелкихъ дракъ и ссоръ. Когда же Пруссы обратились къ нему съ жалобами на притѣсненія, претерпѣваемыя ими отъ ордена, онъ обрадовался случаю возстать на рыцарей подъ видомъ справедливости: онъ хотѣлъ дѣйствовать какъ защитникъ притѣсненныхъ, и ссылался на точныя предписанія папы, поступать съ новообращенными кротко и человѣколюбиво. Лишь только Пруссы узнали, что Герцогъ готовится къ войнѣ съ орденомъ, всѣ они, въ порывѣ чувства независимости и съ жаждой мщенія, взялись за оружіе, отреклись отъ новой вѣры, возстановили поклоненіе древнимъ богамъ, ввѣрились древнимъ жрецамъ. Запылалъ всеобщій мятежъ, замки были осаждены повсюду. Явился и Герцогъ; опустошеніе, грабежъ, пожары и убійства страшно полились со всѣхъ сторонъ по землѣ ордена. Рыцари держались еще только въ пяти замкахъ, всѣ прочіе взяты были разсвирѣпѣвшими Пруссами, и защищавшіе ихъ побиты. Тогда одинъ маститый витязь, маршалъ Дитрихъ Бернгеймъ, смѣлыми подвигами и удачею опять вдохнулъ мужество въ малую дружину Нѣмцевъ. И къ счастію для ордена, польскіе герцоги, даже родные братья возстали на Свантеполка, и онъ

принужденъ былъ заключить миръ (1243). Но миръ сохранился не долго: Герцогъ не перемѣнилъ своего расположенія къ рыцарямъ; возобновилась война, въ которой непрерывные опустошительные набѣги Поморянъ привели всю страну въ ужасное состояніе. Между тѣмъ орденъ, подкрѣпленный новыми крестоносцами изъ Германіи, сталъ дѣйствовать противъ Герцога рѣшительнѣе, и за причиненныя имъ опустошенія воздавалъ хищными набѣгами на его землю. Тогда Свантеполкъ убѣдился, что ему предстоитъ бороться не съ однѣми рыцарскими дружинами, присылаемыми въ Пруссію, но со всѣми пособіями, которыя онъ находилъ въ духѣ вѣка, въ страсти къ войнѣ и междоусобіямъ, въ вѣрѣ въ спасительную защиту мужественнаго ратованія за Церковь и Евангеліе, въ любви къ разнообразнымъ бранямъ съ язычниками. Получивъ отъ Герцога при вторичномъ договорѣ (1248) обѣщаніе, никогда опять не вступать въ союзъ противъ рыцарей съ новообращенными Пруссами, орденъ могъ думать о покореніи отложившихся сѣверныхъ областей. Совершенно изнуренные и упавшіе духомъ Пруссы заключили, въ 1249 году, съ рыцарями дѣйствительный мирный договоръ, въ которомъ обѣщали имъ полную личную свободу и право пріобрѣтать собственность, доколѣ они пребудутъ вѣрными христіанству и ордену. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, и церковныя дѣла приведены были въ порядокъ, послѣ разныхъ несогласій и раздоровъ. Епископъ Христіанъ, возъимѣвшій первую мысль призвать нѣмецкихъ рыцарей, поссорился съ ними, по внушенію зависти, властолюбія и своекорыстія. Онъ прежде уже приносилъ жалобы на орденъ Римскому Престолу, но безъ успѣха. На повтореніе сихъ жалобъ и притязаній, Иннокентій IV 1243 года объявилъ буллою, что несогласенъ на его просьбу. Булла сія съ тѣмъ вмѣстѣ содержала въ себѣ и основныя черты церковнаго управленія Пруссіи. На основаніи ея, вся земля раздѣлена была на четыре епископства. Кульмская, Помезанская и Эрмландская Епархіи заключали уже въ себѣ завоеванныя области; къ четвертой отнесены были округи, которые предполагалось еще покорить.

Между сими округами, орденъ обратилъ сперва вниманіе на важную Самландію. Чтобы расторгнуть связь Самландцевъ съ сосѣдственными отъ незапамятныхъ временъ, родственными имъ Самаитами, построенъ былъ замокъ Мемель, къ которому вскорѣ присоединился и городъ, и когда, въ 1255 году, Богемскій Король Оттокаръ, и свояк его Оттонъ III, Маргграфъ Бранденбургскій, съ новымъ многочисленнымъ ополченіемъ крестоносцевъ явились въ Пруссіи, Самландія принуждена была покориться. Заложенная тамъ новая крѣпость, въ признательность къ царственному витязю, названа Кенигсбергомъ или Королевцемъ. Учрежденное здѣсь командорство, съ слабымъ воинскимъ отрядомъ, держалось съ трудомъ противъ озлобленнаго народа. Посему оно дѣйствовало съ величайшею умѣренностью, кротостью и пощадою, и старалось особенно пріобрѣсти довѣріе и преданность благороднаго сословія Пруссовъ, не только утвердивъ за сими вельможами и дворянами безпрепятственное обладаніе всѣми прежними ихъ имѣніяни, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительно увеличивъ сіи владѣнія. Такимъ средствомъ богатѣйшее и сильное сословіе туземцевъ отдѣлено было отъ простаго народа, и всѣми своими выгодами прикована къ дѣлу ордена. Но обращеніе въ Христіанскую Вѣру, которое наиболѣе долженствовало бы пріучить народъ къ новому быту и сдружить его съ нимъ, было вынужденное и совершенно наружное; духъ христіанства, при отсутствіи всякаго наставленія, оставался ему чуждымъ, и весь успѣхъ до времени состоялъ въ томъ, что основное зданіе стариннаго быта постепенно разрушалось.

И такъ орденъ былъ все еще далеко отъ своей цѣли. Для совершеннаго утвержденія его владычества въ Пруссіи, надлежало покорить свободныя еще и оставшіяся неприкосновенными области; трудно было защищать обширныя границы; расположеніе умовъ въ покоренныхъ уже земляхъ было ненадежно; орденъ потерялъ многихъ братьевъ, падшихъ въ бояхъ. Средство крестовыхъ проповѣдей уже устарѣло и не производило сильнаго дѣйствія.

Правда, папы не безъ успѣха старались доставлять новыхъ членовъ ордену, но въ числѣ ихъ бывали люди порочные, даже тяжкіе преступники; они были болѣе вредны чѣмъ полезны для братства. И чѣмъ болѣе Римскій Престолъ тѣмъ и другимъ образомъ поддерживалъ орденъ, тѣмъ сильнѣйшая зависть пробуждалась въ властолюбивомъ духовенствѣ. Тайными уловками и проныр-ствомъ, хитростію и козиями, оно старалось вредить ордену и стѣснять права его. Но если обвиненія, какія оно взводило на него, были, по большей части, неосновательны, то большая опасность, которую готовили ему теперь Пруссы, разразилась надъ нимъ не безъ его вины. Для прочнѣйшаго сооруженія замковъ, которые сперва построены были наскоро, рыцари умножили рабочіе дни народа и съ тѣмъ вмѣстѣ усилили его злобу и ожесточеніе, которыя достигли высшей степени, когда нерадивыхъ и ослушныхъ стали наказывать отнятіемъ у нихъ дѣтей. Состояніе новообращенныхъ, дѣйствительно, было самое плачевное. Ихъ поля почти всѣ были опустошены военными бурями, земледѣліе нигдѣ еще не поправилось, и сами рыцари, не говоря о народѣ, часто должны были бороться съ недостаткомъ. И для сохраненія такой жизни, исполненной печали, нужды и бѣдъ, несчастные туземцы должны были жертвовать всѣми своими силами, должны были кормить крестоносцевъ, которые приходили единственно за тѣмъ, чтобы наложить на нихъ тягчайшія оковы, должны были укрѣплять замки, отъ которыхъ проистекало ихъ несчастіе. Не удивительно, если рѣшимость пожертвовать всѣмъ для возвращенія потерянной независимости болѣе и болѣе укоренялась въ сердцахъ ихъ.

Когда сіи враждебные замыслы близки были къ исполненію, случилось, что Литовскій Князь Миндовгъ, который прежде того принялъ Христіанскую Вѣру и былъ украшенъ титломъ королевскимъ, опять отпалъ къ язычеству, объявилъ войну ордену, и въ 1261 году, на Дурбѣ, одержалъ надъ нимъ совершенную побѣду. И когда, вскорѣ послѣ сего жестокаго пораженія, орденскій староста

(Ordensvogt) на Фришгафѣ заманилъ нѣсколько благородныхъ Пруссовъ въ свой замокъ, и тамъ сжегъ ихъ, обвиняя несчастныхъ, будто они злоумышляли на его жизнь, пламя бунта запылало отъ береговъ Самландіи до границъ Помезаніи. Церкви были разрушены или сожжены, священная утварь расхищена, священники умерщвлены самымъ жестокимъ образомъ. Всѣ сельскіе жители, Христіане и Нѣмцы, которые не могли поспѣшно укрыться въ ближнихъ орденскихъ крѣпостяхъ, были частію перерѣзаны и побиты, частію уведены въ неволю. Рыцари держались только въ ближайшихъ окрестностяхъ своихъ замковъ, да и въ нихъ не на-долго снабжены были необходимыми жизненными припасами, и отнюдь не въ состояніи были выступить въ поле противъ непріятеля. Только Кульмерландія и Помезанія пребыли вѣрными, потому что въ нихъ жили большею частію нѣмецкіе поселенцы. Не смотря на помощь, полученную изъ Германіи по старанію Папы Урбана IV, Пруссы оставались побѣдителями; съ побѣдами возрастало ихъ довѣріе къ древнимъ богамъ и самонадѣянность. Голодъ предавалъ въ ихъ руки одинъ замокъ за другимъ, и съ каждымъ замкомъ падалъ столпъ орденской державы. Скудныя силы ордена болѣе и болѣе истощались въ ежедневныхъ бояхъ съ непріятелемъ, который всегда могъ легко пополнять свои полчища, и безъ труда удовлетворять своимъ потребностямъ. Правда, Богемскій Король Оттокаръ, по многократнымъ увѣщаніямъ папы, въ 1267 году явился съ войскомъ, но самыя стихіи, казалось, благопріятствовали дѣлу Пруссовъ. Земля въ то время до того еще была наполнена болотами и топями, что только зимою, при сильныхъ морозахъ, можно было проникнуть съ войскомъ въ лѣса и убѣжища непріятеля. Но эта зима была такъ умѣренна, что Пруссы были недоступны въ своихъ пристанищахъ, и Оттокаръ долженъ былъ возвратиться, не умноживъ новыми подвигами славы побѣдъ, пріобрѣтенной имъ прежде въ этой землѣ. Положеніе ордена съ каждымъ днемъ становилось хуже и отчаяннѣе. Вся христіанская Кульмерландія страдала отъ ежегодныхъ опустошительныхъ набѣговъ врага, который дѣй-

ствовалъ съ возрастающею самоувѣренностію. Однако христіанству и образованности въ Пруссіи не суждено было погибнуть. Орденъ заключалъ еще въ средѣ своей храбрыхъ мужей, которые, будучи исполнены высокаго, неодолимаго духа, не отчаивались въ жесточайшихъ крайностяхъ, и когда, въ 1270 году, маршалъ Конрадъ Тирбергъ, мужъ храбрый, прозорливый, непоколебимо твердый, принялъ начальство, уклонявшееся дотолѣ счастіе мало по мало опять возвратилось къ терпѣливой доблести и къ знаменамъ христіанскимъ. И изъ Германіи пришла теперь новая помощь; храбрѣйшіе старшины Пруссовъ пали, и, спустя нѣсколько лѣтъ, тяжкая година испытанія для ордена миновалась: вся земля, прежде завоеванная, была снова покорена; вскорѣ завоевали еще двѣ новыя области, Надрауэнъ и Шалауэнъ. Въ бѣдственные годы, рыцари болѣе чѣмъ когда либо убѣдились, что, для безопасности ихъ существованія и ихъ творенія, нужно совершенно искоренить язычество. Войны приняли еще суровѣйшій характеръ, и сопровождались истребленіемъ въ прямомъ смыслѣ сего слова. Такимъ образомъ Надрауэнъ, по завоеваніи, превращенъ былъ въ пустыню, и когда Погезанія, въ мятежѣ, вспыхнувшемъ въ 1277 году, но вскорѣ потушенномъ, оказала самое упорное сопротивленіе, цѣлый сей округъ опустошенъ былъ грабежемъ и пожарами, и всѣ жители, которыхъ можно было захватить, уведены въ рабство. За то, во дни мира, когда язычество въ изнеможеніи постепенно замирало и обнаруживало жизнь свою только нѣкоторыми судорожными движеніями, орденъ прилагалъ усердное стараніе о томъ, чтобы возвратить землѣ плугъ и руки, и произрастить благіе плоды гражданственности и просвѣщенія.

Оставалась еще одна прусская область, Судауэнъ. Жители ея, будучи сильнѣе и храбрѣе всѣхъ другихъ, предвидѣли, что имъ предстояло, а потому сами начали войну опустошительными набѣгами на Кульмландію. Это побудило Конрада Тирберга, отыскать дерзкаго врага въ его собственной области. Предпріятіе сіе, важное и трудное, исполнено было въ нѣсколько лѣтъ (1283). Послѣдній

судауйскій старшина, увидѣвъ, что должно отказаться отъ мысли защищать отечество, рѣшился совсѣмъ покинуть его, опустошилъ родную землю, сколько могъ, огнемъ и грабежемъ, и со всѣмъ своимъ народомъ навсегда переселился въ Литву. Долгое время, въ Судауэнѣ владычествовало безмолвіе пустыни и тишина могилы.

Такимъ образомъ орденъ, послѣ пятидесяти трехлѣтней борьбы, покорилъ всю Пруссію, и пріобрѣлъ ее для христіанства и германской образованности. Жребій, выпавшій на долю прежнимъ жителямъ земли, сколько ихъ осталось отъ меча и безчисленныхъ бѣдствій продолжительной войны, былъ различный; вообще однако положеніе покоренныхъ, если только они могли забыть потерю и уничтоженіе своей народности, было не хуже положенія народа въ самой Германіи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже сноснѣе и легче. Прежніе дворяне Пруссіи, именуемые Витингами, сохранившіе вѣрность и преданность ордену, продолжали пользоваться большими преимуществами и выгодами. Наслѣдственными своими имѣніями владѣли они, не подвергаясь никакимъ обязанностямъ и повинностямъ; за другія помѣстья, пожалованныя имъ орденомъ, вмѣстѣ съ живущими на нихъ семействами, прикрѣпленными къ имѣнію, они находились къ нему въ отношеніи обязанныхъ службою васалловъ, и должны были нести воинскую повинность. Къ нимъ близко подходили вольные ленные люди (Freilehnsleute), которые, относительно поземельной собственности, освобождены были отъ десятины и сельскихъ работъ. Еще особенный классъ помѣщиковъ изъ прусскаго племени составляли Кёльмы, (Kölmer) названные такъ потому, что они получили свои владѣнія на основаніи Кульмскаго Права, и обязаны были десятиною и оброкомъ. Вся остальная масса древнихъ Пруссовъ составляла сословіе крестьянъ и поселянъ (Hinterſaſſen), въ которое орденъ понизилъ и всѣхъ прежнихъ дворянъ, оказавшихся къ нему особенно враждебными. Они были укрѣплены (unmittelbare Gutsunterthanen) за орденомъ, обязаны ему разными службами и повинностями, или съ сими обязательствами переданы отъ него заслужен-

нымъ Пруссамъ изъ благороднаго племени. Нѣмецкіе поселенцы получили предоставленныя имъ имѣнія подъ условіемъ, платить съ нихъ десятину и оброкъ. Другіе нѣмецкіе поселяне составили нѣмецкое крестьянское сословіе, пользовавшееся многими льготами въ сравненіи съ прусскимъ, и сообщили духу, обычаямъ, нравамъ и языку своего отечества въ Пруссіи твердую и прочную основу. Только съ помощію ихъ возможно было, въ странѣ опустошенной и безлюдной, возбудить вновь свѣжую и дѣятельную жизнь, и съ нею водворить новое благосостояніе. Какимъ образомъ Нѣмцы положили начало гражданству и городамъ, было уже показано выше.

Подчиненіе столь обширной страны владычеству духовнаго рыцарскаго ордена, какъ государя въ собственномъ смыслѣ, есть единственное явленіе въ Исторіи. Столица ордена была тогда еще въ Аккониѣ. Ландмейстеръ былъ главою управленія въ Пруссіи, но во всѣхъ дѣлахъ значительной важности онъ не могъ ничего рѣшать безъ совѣта и согласія прочихъ знатныхъ чиновъ ордена. По степени и сану, за нимъ слѣдовалъ орденскій маршалъ, который, во время войны, начальствовалъ съ нимъ поперемѣнно. Каждый орденскій замокъ и зависящій отъ него округъ подчиненъ былъ командорству. Епископскіе участки земли оставались отдѣльными и не состояли подъ властію ордена; однако, въ трехъ изъ нихъ онъ пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе, умѣвъ замѣстить какъ епископскія каѳедры, такъ и капитулы, орденскими братьями, и только въ Эрмландіи не имѣлъ успѣха въ семъ отношеніи.

## 31. Людовикъ Святый, и его первый Крестовый Походъ.

### (1226 — 1254).

Продолжительный періодъ царствованія Фридриха II въ Германіи и его ближайшихъ, слабыхъ преемниковъ, былъ для сосѣдней Франціи періодомъ сильнаго разви-

тія, и почти весь занятъ царствованіемъ одного короля, который былъ образцемъ справедливости, благочестія и рыцарской доблести. Филиппъ Августъ умеръ въ 1223 году. Сынъ и преемникъ его, Лудовикъ VII, еще при жизни отца водилъ войска въ Англію и предпринималъ крестовый походъ противъ Графа Тулузскаго (выше, стр. 156). На престолѣ, дѣятельность его имѣла то же направленіе. Въ первый же годъ своего царствованія онъ вторгнулся въ Пуату, и завоевалъ послѣднія владѣнія Англичанъ во Франціи, кромѣ Гасконіи. Амалрихъ Монфортскій (выше, стр. 130), который до того стѣсненъ былъ Раймундомъ VII, что только деньгами могъ купить себѣ свободный выходъ изъ осажденной Каркасоны. въ семъ положеніи передалъ Королю Французскому (1124) всѣ свои права на Тулузу, дарованныя Церковью его отцу и ему самому. Лудовикъ принялъ крестъ изъ рукъ папскихъ легатовъ, и проповѣди духовенства и монаховъ собрали противъ еретиковъ войско въ пятьдесятъ тысячъ конниковъ со множествомъ пѣхоты (1226). Послѣ трехмѣсячной осады, былъ взятъ Авиніонъ, который тогда принадлежалъ еще къ Нѣмецкой Имперіи. Король пошелъ далѣе, но въ ноябрѣ уже застигла его смерть. Сынъ его, Лудовикъ IX, имѣлъ только четырнадцать лѣтъ отъ роду. До его совершеннолѣтія, и даже послѣ, управляла государствомъ умная мать его, Бланка Кастильская, при помощи достойнаго канцлера Герена (Guerin). Строптивые бароны въ сѣверныхъ провинціяхъ были вскорѣ усмирены, и съ Раймундомъ Тулузскимъ наконецъ заключенъ миръ, по которому онъ долженъ былъ уступить Королю значительную часть своего графства. Оставленныя за нимъ владѣнія также могли перейти къ французской коронѣ, ибо онъ долженъ былъ выдать свою дочь и наслѣдницу за втораго брата Лудовика IX, Графа Альфонса Пуатускаго. Таковъ былъ конецъ албигенской войны, продолжавшейся двадцать лѣтъ. Владѣнія французской короны простирались теперь до Средиземнаго Моря. Но высшее образованіе, промышленость, цвѣтущее сельское хозяйство, которыми страны сіи дотолѣ

отличались предъ всѣми областями Франціи, погибли отъ войны опустошительной вмѣстѣ съ еретиками: сѣверъ даже опередилъ югъ, и понынѣ берега Роны и Гаронны, въ народномъ образованіи и земледѣліи, далеко отстаютъ отъ странъ, орошаемыхъ Сеною и Соммою.

Въ 1236 году Лудовикъ достигъ совершеннолѣтія, то есть двадцати четырехъ лѣтъ. По природной склонности, и отъ воспитанія подъ руководствомъ наставниковъ духовныхъ, религіозное направленіе того времени проявилось въ немъ рѣшительнѣе и совершеннѣе нежели въ какомъ либо другомъ государѣ Среднихъ Вѣковъ. Тѣмъ прямѣе и безпристрастнѣе онъ судилъ о дѣлахъ свѣтскихъ. Главнымъ его попеченіемъ было возстановить спокойствіе и безопасность внутри своего царства. Для этого онъ не оставлялъ стези, проложенной его предшественниками, стараясь возвысить власть королевскую надъ васалами. Такимъ образомъ, для водворенія единства въ своихъ земляхъ, приказалъ онъ баронамъ норманскимъ, которые въ одно время владѣли ленными имѣніями во Франціи и въ Англіи, отказаться отъ тѣхъ или отъ другихъ, потому что, по слову Писанія, никто не можетъ служить двумъ господамъ, нововведеніе дотолѣ въ ленномъ быту неизвѣстное. Равнымъ образомъ запретилъ онъ знатнымъ васалламъ выдавать дочерей за иностранцевъ, и тѣмъ заградилъ источникъ безконечныхъ смутъ. Болѣе всего онъ заботился о водвореніи порядка въ судебной части, и начавшееся тогда во Франціи и въ другихъ странахъ изученіе Римскаго Права способствовало къ важнымъ исправленіямъ въ семъ отношеніи.

Когда вѣсть о грозномъ разрушеніи Іерусалима Хорезмитами пришла въ Европу, Лудовикъ лежалъ въ сильной лихорадкѣ, но тотчасъ потребовалъ, чтобы на него возложили крестъ. Вскорѣ потомъ онъ выздоровѣлъ. Свѣтскіе и духовные вельможи съ трудомъ согласились послѣдовать его примѣру, такъ что Лудовикъ наконецъ нашелъ себя принужденнымъ усилить ихъ число хитростью. По тогдашнему обычаю, придворные, поутру въ праздникъ Рождества Христова, получали въ даръ отъ короля мѣхо-

выя плащи. Лудовикъ велѣлъ въ этотъ разъ отслужить обѣдню весьма рано; дворяне и господа получили плащи еще въ потьмахъ, и въ церкви, при свѣтѣ свѣчъ, съ изумленіемъ увидѣли вышитые на нихъ золотые кресты. Стыдъ и честолюбіе не позволили имъ отговариваться. Управленіе государствомъ поручилъ Лудовикъ матери своей, Бланкѣ; супруга его, Маргарита Прованская, сопутствовала ему, и, послѣ продолжительныхъ приготовленій, крестовое войско наконецъ сѣло на корабли, 25 августа 1248 года, при Эгмортѣ (Aigues mortes). При благопріятномъ вѣтрѣ, флотъ прибылъ въ половинѣ сентября въ Кипръ. Тамошній Король, Генрихъ Лузиньянъ, потомокъ Гвида (выше, стр. 101), ввелъ своихъ земляковъ съ пышностью въ свою столицу Никосію. Здѣсь надлежало оставаться до весны, и такъ какъ Ноджмеддинъ Эюбъ, по завоеваніи Іерусалима, покорилъ и Царство Дамасское (выше, стр. 164), то Лудовикъ рѣшился напасть на него въ средоточіи его владычества, въ Египтѣ. Въ четвертокъ, послѣ Пятьдесятницы 1249 года, крестоносцы бросили якорь въ виду Даміетты. Вдоль берега вытянутъ былъ весь флотъ египетскій, готовый всѣми силами противиться высадкѣ. Изъ осьми сотъ большихъ и малыхъ кораблей, съ которыми Лудовикъ вышелъ изъ Кипра, недоставало еще болѣе двухъ третей. Они разсѣяны были бурею, и мало по малу подошли уже позже. Однакожъ положено было произвесть нападеніе, и на другое утро предпріятіе сіе было счастливо исполнено. Лудовикъ шелъ самъ, а съ нимъ и все рыцарство, по грудь въ водѣ. Египетскій флотъ удалился вверхъ по Нилу, сухопутные войска оказали также незначительное сопротивленіе, и предоставили городъ Французамъ. Благочестивый Лудовикъ торжественно вступилъ въ Даміетту въ первое воскресенье послѣ Троицы, съ обнаженною головою и босой, въ сопровожденіи своей супруги, братьевъ, Короля Кипрскаго, Папскаго Легата, Патріарха Іерусалимскаго и многихъ другихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ. Мечети тотчасъ освящены были въ церкви; избранъ епископъ, поставлены каноники, и, по ста-

ранію Короля, щедро надѣлены доходами и утварью для богослуженія.

Дальнѣйшія завоеванія шли медленно, частію оттого, что наводненіе Нила наступило, частію же потому, что Лудовикъ ожидалъ еще помощи изъ Франціи, которую долженъ былъ привести братъ его, Альфонсъ Пуатускій. По сей причинѣ оставался онъ въ Даміеттѣ долѣе неже-ли предполагалось. Войско крестоносцевъ предалось тамъ всякимъ распутствамъ въ высшей степени, и Король былъ тѣмъ сильно огорченъ. Наконецъ Альфонсъ, 28 октября, прибылъ съ новымъ сильнымъ отрядомъ, и 20 ноября двинулись къ Каиру, по той же самой дорогѣ, на кото-рой за тридцать лѣтъ погибли нѣмецкія крестовыя дру-жины (выше, стр. 163). Войско состояло изъ двадцати тысячъ конниковъ и сорока тысячъ пѣшихъ. Флотъ слѣ-довалъ по Нилу. Сопротивленіе Сарациновъ постепенно усиливалось; они наносили особенно много вреда посред-ствомъ греческаго огня, неизвѣстнаго крестоносцамъ. Какъ скоро зарядъ его вылеталъ изъ метательнаго орудія, Свя-тый Лудовикъ падалъ на колѣни и со слезами вопилъ громкимъ толосомъ: «Господи Боже, Іисусе Христе, спаси меня и всѣхъ людей моихъ!» (Beau Sire, Dieu Iesus—Christ, garde moi et toute ma gent). Славные подвиги рыцарской храбрости ознаменовали сію войну. Слишкомъ пылкій Графъ Робертъ Артуасскій, старшій братъ Короля, палъ съ двумя стами восмидесятью храмовниковъ на улицахъ города Мансуры, куда его увлекло безразсудное удальство. Король также показалъ личное мужество, но съ тѣмъ вмѣстѣ и величайшую неосторожность въ веденіи войны. Войско опять запуталось между каналами и рукавами рѣ-ки, всѣ движенія производились чрезвычайно медленно и неискусно, и наконецъ крестоносцы увидѣли себя отрѣзан-ными отъ Даміетты. Въ этомъ положеніи воины гибли отъ голода и заразительныхъ болѣзней. Покушенія спас-тись бѣгствомъ не удавались, и во время происшедшаго при томъ сраженія, которое очевидно кончилось бы истреб-леніемъ всѣхъ Французовъ, Графъ Филиппъ Монфортскій получилъ отъ Короля полномочіе, вступить въ переговоры.

Онъ обратился къ эмиру Зейнеддину, и нашелъ его расположеннымъ къ миру. Въ это мгновеніе, одинъ измѣнникъ, Марцелъ, закричалъ рыцарямъ, которые еще продолжали бой: «Господа, сдайтесь, Король повелѣваетъ; не предавайте его смерти!» Рыцари повѣрили, что такова точно воля Короля, и немедленно отдали свои мечи Сарацинамъ. Потомъ всѣ они были обезоружены; самъ Король захваченъ въ городѣ Миніехъ-Абуабдаллахѣ, и вся французская сила взята въ плѣнъ (въ апрѣлѣ 1250) *). Моаттамъ, сынъ и преемникъ умершаго не задолго предъ тѣмъ Нодж-меддина Эюба, потребовалъ отъ Короля, за освобожденіе его и войска, очищенія всѣхъ мѣстъ въ Сиріи, которыя были еще въ рукахъ Христіанъ, но Лудовикъ отвѣчалъ, что это зависитъ не отъ него, а отъ Императора Фридриха. Тогда султанъ потребовалъ сдачи Даміетты и милліона золотыхъ византиновъ, на что Король съ радостію согласился. На семъ основаніи, наконецъ, заключили договоръ, которымъ постановлено было: Моаттаму и всѣмъ Христіанамъ, въ томъ числѣ и сирійскимъ, соблюдать десятилѣтнее перемиріе, освободить всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ послѣ мирныхъ условій Камелла и Фридриха, очистить Даміетту, и заплатить восемьдесять тысячъ византи-

---

*) Королева Маргарита ожидала въ Даміеттѣ своего разрѣшенія отъ бремени, когда пришла вѣсть о несчастной участи ея супруга. Въ страхѣ бросилась она въ ноги одному старому рыцарю, и просила его объ одной милости. Онъ обѣщалъ это клятвою. Она сказала ему: «Господинъ Рыцарь! въ силу данной вами клятвы, требую я, чтобы вы, когда Сарацины возьмутъ сей городъ, отрубили мнѣ голову прежде, нежели имъ удастся захватить меня!» «Sire Chevalier, je vous requiers sur la foy que vous m'avez donnée, que si les Sarazins prennent ceste ville, vous me couppiez la teste, avant qu'ilz me puissent prendre.» На это рыцарь отвѣчалъ, что онъ охотно исполнитъ сіе требованіе, что и самъ онъ уже думалъ поступить такъ, если бы насталъ случай. Къ счастію, до того не дошло.

новъ, или около ста тысячъ марокъ серебромъ. Султанъ уступилъ пятую часть денежной суммы.

Но лишь только кончились переговоры, въ Египтѣ вспыхнуло возмущеніе, повергшее Французовъ въ новую и большую опасность. Мамелюки, войска, составленныя изъ купленныхъ невольниковъ, изъ которыхъ султаны съ нѣкотораго времени набирали свои дружины, особенно же тѣлохранителей, и имѣвшія большое участіе въ побѣдѣ надъ Христіанами, нашли себя оскорбленными гордостью Моаттама и миромъ, заключеннымъ безъ ихъ согласія, и умертвили султана къ ужасу крестоносцевъ, которые страшились подобной участи. Наконецъ, избранный мамелюками изъ среды ихъ новый властитель, Малекъ эль Моэцъ, *) утвердилъ заключенный прежде того съ Лудовикомъ договоръ во всемъ, что касалось до освобожденія плѣнныхъ. Французы отправились въ Даміетту, гдѣ была уплачена половина суммы. Король, съ малою частью своего войска, отплылъ въ Акконъ (Акру), откуда вскорѣ выслалъ и вторую половину долга въ Египетъ, но не имѣлъ радости видѣть освобожденными всѣхъ своихъ ратниковъ. Изъ двѣнадцати тысячъ плѣнныхъ, больные были убиты, многіе изъ другихъ обращены были въ неволю и принуждены отречься отъ своей вѣры. На стѣнахъ Каира, выставлены были цѣлые ряды взоткнутыхъ на шесты головъ христіанскихъ.

Въ Палестинѣ, гдѣ Лудовикъ пробылъ еще почти четыре года, онъ помышлялъ о возобновленіи войны, и для того велъ переговоры съ султаномъ Дамаска, потому что тамошніе Сарацины не признавали государя, поставленнаго мамелюками, но возвели на престолъ Малекъ-эль-Назра, бывшаго дотолѣ владѣтелемъ Алеппа, правнука Саладинова. Однако Египтяне и Дамаскины скоро заключили миръ (1253), и Лудовикъ, при своихъ слабыхъ военныхъ средствахъ, ограничился тѣмъ, что привелъ въ

---

*) Такъ угасла династія Эюбидовъ, т. е. фамиліи Саладиновой въ Египтѣ, и настало господство мамелюковъ.

оборонительное состояніе города, оставшіеся еще у Христіанъ на берегу. Смерть матери его (1 декаб. 1253) наконецъ побудила его къ возвращенію. На переѣздѣ изъ Кипра во Францію, который продолжался десять недѣль, Лудовикъ всячески заботился о возбужденіи и усиленіи христіанскаго чувства между своими спутниками. Его корабль былъ устроенъ на подобіе домовой церкви. Предъ алтаремъ съ драгоцѣнною дарохранительницею и многими мощами ежедневно совершали обѣдню, и три раза въ недѣлю произносили поученія. Когда погода позволяла и матросы были праздны, имъ предлагали простыя наставленія въ главныхъ ученіяхъ Христіанства, и благочестивый Король самъ приготовлялъ умирающихъ къ смерти. 26 іюня 1254 года, флотъ присталъ въ гавани гіерской (Hieres). Города, монастыри и епископства, чрезъ которые проѣзжалъ Король, по древнему обычаю подносили ему дары, и вездѣ проявлялась искренняя радость о возвращеніи его.

## 32. Дальнѣйшія дѣла Лудовика.

### (1254 — 1270).

Съ усиленнымъ напряженіемъ, съ чистою и твердою волею и непоколебимою строгостью, Лудовикъ продолжалъ теперь свои старанія для блага Франціи. Еще власть бароновъ не была до такой степени ослаблена, чтобы всѣмъ не случалось насилія и притѣсненій, еще духъ времени не привыкъ къ жизни, движущейся въ опредѣленныхъ и твердыхъ границахъ. Монархъ сдѣлалъ тому начало стѣсненіемъ феодальнаго права и расширеніемъ королевской судебной власти. Ленный обычай давно уже позволялъ второстепеннымъ васалламъ (Aftervaſallen) жаловаться на рѣшеніе непосредственнаго леннаго господина высшему. Король имѣлъ уже довольно средствъ для исполненія своего приговора, даже противъ сильнѣйшаго

вельможи, и подавалъ строгимъ правосудіемъ вѣрную поруку въ безпристрастномъ рѣшеніи. По сей причинѣ, подобныя аппелляціи чувствительно умножались. Всякій обязанъ былъ явиться въ судъ королевскій; тогда только предсѣдательствующіе чиновники должны были рѣшить, подлежитъ ли обвиняемый этому суду или нѣтъ. Воспрещеніе судебнаго поединка во всѣхъ коронныхъ земляхъ имѣло еще важнѣйшія послѣдствія. Дотолѣ, въ затруднительныхъ случаяхъ, безъ околичностей прибѣгали къ этому средству; теперь надлежало произвести строгое слѣдствіе, выслушать свидѣтелей и разсмотрѣть документы; для исполненія сихъ требованій, ленные господа и васаллы не имѣли ни познаній, ни охоты и терпѣнія. Такъ возникла потребность принимать въ суды людей, которые ученымъ образованіемъ пріобрѣли необходимыя для того способность и умѣнье, и вмѣстѣ съ тѣмъ соединяли достаточныя свѣдѣнія въ существующемъ правѣ. Подобнымъ образомъ былъ преобразованъ и судейскій приказъ Короля, и съ того времени назывался парламентомъ *). Отъ жалобъ, приносимыхъ на рѣшенія васалловъ и бальифовъ (Baillis), т. е. судей, поставляемыхъ васаллами, кругъ занятій его со дня на день увеличивался, и бароны, прелаты и придворные чиновники, которыхъ Король созывалъ для засѣданія въ немъ, имѣли нужду въ пособіи законовѣдцевъ. Право послѣднихъ, конечно, сперва ограничивалось производствомъ слѣдствія и подачею мнѣнія въ дѣлахъ спорныхъ, но вскорѣ превосходныя познанія сихъ мужей доставили имъ значительный вѣсъ. Лудовикъ строго смотрѣлъ за чиновниками административными, и наказывалъ всякое злоупотребленіе. Онъ былъ доступенъ всякой жалобѣ, самъ произносилъ рѣшеніе, или приказывалъ произносить въ своемъ присутствіи. Лѣтомъ, сиживалъ онъ въ Венсенскомъ Лѣсу подъ большимъ дубомъ, и всѣ, имѣвшіе надобность говорить съ нимъ, приходили къ нему безпрепятственно.

---

*) Schmidt, Geſchichte von Frankreich Thl. I. S. 579 flgd.

Во Франціи, такъ же какъ въ Германіи, старинныя народныя права и капитуляріи Каролинговъ уступили мѣсто обыкновеніямъ городовъ и провинцій. Въ первой половинѣ двѣнадцатаго вѣка, начали записывать сіи обычаи, и вскорѣ по смерти Лудовика, или даже еще во время его царствованія, одинъ законовѣдецъ, или королевскій чиновникъ, составилъ сводъ обычнаго права нѣкоторыхъ коронныхъ областей и узаконеній Лудовика, и старался, по возможности, согласовать его съ Римскимъ Правомъ и основать на немъ. Его трудъ извѣстенъ подъ именемъ Etablissements de Sct. Louis.

Въ 1259 году, Лудовикъ миролюбиво кончилъ дѣла съ Англіею, съ которою давно былъ въ непріязни. Генрихъ III, преемникъ Іоанна Безземельнаго, въ 1230 году предпринималъ напрасный походъ для возвращенія потерянныхъ владѣній во Франціи, а въ 1243 году второй, который имѣлъ еще худшія послѣдствія. Англичане въ этотъ разъ потеряли два сраженія, при Тальбургѣ (Taillebourg) и Сентѣ (Saintes), и должны были поспѣшно удалиться. Тогда заключено было перемиріе на пять лѣтъ, и въ послѣдствіи нѣсколько разъ продолжено. Теперь, по прошествіи семнадцати лѣтъ, Лудовикъ, желая достигнуть прочнаго мира, рѣшился вновь уступить часть завоеванныхъ областей. Генрихъ отказался за себя и за своихъ потомковъ навсегда отъ Нормандіи и Графствъ Анжу, Мень, Турень и Пуату. За то Лудовикъ возвратилъ Лимузенъ, Перигоръ, Керси, Аженуа и часть Сентонжа, которая лежитъ между Шарантою и Гіенною. Впрочемъ какъ за эти, такъ и за другія владѣнія во Франціи, каждый король англійскій, какъ герцогъ гіеннскій, долженъ былъ давать присягу монарху французскому. Генрихъ III вскорѣ потомъ прибылъ въ Парижъ и произнесъ ленную присягу, и такъ какъ, вскорѣ по его отъѣздѣ, умеръ старшій шестнадцатилѣтній сынъ Лудовика, то Генрихъ опять воротился, чтобы присутствовать на погребеніи его и утѣшать опечаленнаго отца.

Усердная набожность Лудовика никогда не доводила

его до забвенія обязанностей царскихъ. Нигдѣ негодованіе на притязанія и корыстолюбіе папы и клира не выражалось такъ ясно, какъ во Франціи. Папскій Дворъ присвоилъ себѣ полное распоряженіе духовными имѣніями и должностями; духовенство непрестанно вмѣшивалось въ судъ и расправу свѣтскихъ владѣтелей. Уже передъ началомъ своего крестоваго похода, Лудовикъ дѣлалъ Папѣ Иннокентію IV самыя сильныя о томъ представленія. «Неслыханное дѣло, писалъ онъ ему, что Римскій Дворъ, во всякой нуждѣ, требуетъ денегъ съ имѣній Французской Церкви, что епископы и аббаты облагаются податьми какъ Жиды и невольники, что духовныя должности, помѣстья, мѣста канониковъ раздаются произвольно, и даже до упраздненія ихъ.» Всѣ жалобы оставались тщетными, и Климентъ IV, въ послѣдствіи, объявилъ еще такія дѣйствія законными и справедливыми. Въ сихъ обстоятельствахъ, Лудовикъ почелъ своимъ долгомъ защищать права короны и васалловъ, которыя принадлежали имъ по его убѣжденію, и не жертвовать корыстолюбію папъ благосостояніемъ своихъ подданныхъ. Въ мартѣ 1266 года, онъ издалъ въ Парижѣ извѣстное подъ именемъ Прагматической Санкціи узаконеніе, чтобы прелатовъ и патроновъ церквей оградить отъ всякаго постороннаго вмѣшательства въ права ихъ. Повсюду должна была господствовать свобода при выборѣ предстоятелей, и пагубный порокъ симоніи нигдѣ не могъ быть терпимъ. Послѣдняя статья была слѣдующаго содержанія: «Въ шестыхъ, мы симъ строго воспрещаемъ тягостные сборы предписываемыхъ Римскимъ Дворомъ денежныхъ налоговъ съ церквей нашего королевства, отчего сказанное королевство наше пришло въ крайнюю бѣдность, развѣ это будетъ дѣлаться по законнымъ и справедливымъ причинамъ, и въ случаѣ крайней нужды, притомъ съ добровольнаго и гласнаго согласія нашего и церквей нашей державы.»

Сіи благотворныя усилія прерваны были новымъ крестовымъ походомъ. По причинѣ плачевнаго окончанія перваго, Лудовикъ не считалъ своего обѣта исполнен-

нымъ. Собрана была поголовная подать, духовные должны были дать десятину, и Генуэзцы, послѣ долгихъ переговоровъ и за высокую плату, взялись перевезти и довольствовать войско. Лудовикъ составилъ напередъ духовное завѣщаніе, назначилъ двухъ испытанныхъ мужей, Сенъ-Денисскаго Аббата Матвѣя и рыцаря Симона де Неля (Nesles), правителями государства, взялъ опять въ Сенъ-Дени орифламму, и 1 іюля 1270, съ шестидесятью тысячами человѣкъ, сѣлъ на корабль въ Эгмортѣ. Нельзя было ожидать добра отъ этого предпріятія; здоровье Лудовика было такъ разстроено, что онъ не могъ безъ пособія сѣсть на коня, ни носить полныхъ доспѣховъ. Войско пришло еще въ большее смущеніе, когда узнали, что сперва должно итти въ Тунисъ. Сей планъ начертанъ былъ братомъ Короля, Карломъ Анжуйскимъ, бывшимъ съ давняго уже времени Королемъ Сицилійскимъ, которому обладатель Туниса не платилъ обѣщанной прежде того дани. Бей Тунисскій подалъ Лудовику благочестиво-му обманчивую надежду принять крещеніе, если онъ можетъ сдѣлать это безъ опасности. Флотъ присталъ у африканскаго берега, крестоносцы завоевали замокъ Карѳагенъ, и потомъ ожидали прибытія Короля Сицилійскаго. Карлъ промедлилъ долѣе чѣмъ полагали; палящій зной произвелъ заразительныя болѣзни; число враговъ возрастало съ каждымъ днемъ; многіе Французскіе князья, между ими третій сынъ Лудовика, и большое число другихъ воиновъ умерли въ первыя недѣли, и наконецъ самъ Король занемогъ такъ сильно, что почувствовалъ приближеніе своей кончины. Набожныя упражненія, которыми онъ приготовлялся къ смерти, прерывалъ онъ только сочиненіемъ мудрыхъ и благочестивыхъ предписаній, которыя передавалъ въ завѣтъ своему второму сыну и преемнику Филиппу. Онъ скончался 25 августа, на пятьдесятъ шестомъ году своей жизни, на одрѣ посыпанномъ пепломъ, сложивъ крестообразно руки на груди, и устремивъ глаза къ небу. Его послѣдними словами были Давидовы: «Господи, вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, и прославлю имя Твое.»

Современные писатели разсказываютъ трогательныя черты о рѣдкихъ добродѣтеляхъ сего Короля въ его частной жизни. Старый рыцарь Жуанвиль, сенешаль Шампаніи, написавшій чистосердечнымъ языкомъ Исторію Лудовика, называетъ его не иначе какъ добрый нашъ король, Святой Лудовикъ (nostre bon roy, Sainct Loys). Его твердость въ исполненіи сыновнихъ обязанностей, затруднительныхъ по сварливому нраву его матери, была чрезвычайна. Властолюбивая Бланка, избалованная долгимъ владычествомъ, ревновала даже вліянію своей невѣстки, Королевы Маргариты, и вмѣшивалась не кстати въ ея отношенія къ супругу. Лудовикъ, посѣщая свою супругу во дворцѣ, приказывалъ сѣчь собакъ, чтобы при ихъ визгѣ мать не слыхала шаговъ его. Однажды, молодая Королева была больна, Бланка нашла сына спрятавшагося за ея постелю, вытащила его и вывела за дверь, съ замѣчаніемъ, что ему тутъ нечего дѣлать. «Боже мой, воскликнула больная, ужели вы не позволяете мнѣ видѣть моего государя и супруга ни при жизни, ни при смерти?» и упала въ обморокъ. Огорченный супругъ воротился; однако даже взоромъ не далъ матери почувствовать неприличность ея поступка. Король ежедневно кормилъ сто двадцать бѣдныхъ изъ своей кухни, не рѣдко самъ служилъ имъ за столомъ, и сверхъ того надѣлялъ ихъ еще подарками. Въ 1297 году, Папа Бонифацій VIII внесъ его въ число святыхъ Католической Церкви. Прекрасная сестра Лудовика, святая Изабелла, простерла набожность еще далѣе. Она отвергла всѣ брачныя предложенія, чтобы жить только для Бога. Мысль о Распятомъ, и особенно слова его: «Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себѣ и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ,» извлекали у принцессы горючія слезы всякой разъ, когда она о нихъ вспоминала. Часто она вставала по утру съ заплаканными глазами, и отправлялась къ своему дѣлу, питать, одѣвать и, по примѣру Спасителя, утѣшать бѣдныхъ. Все ея достояніе посвящено было достиженію этой цѣли. Еще не довольная самою собою,

она часто налагала на себя самыя суровыя тѣлесныя умерщвленія, а когда начинала говѣть, мать и братъ часто должны были употреблять самыя странныя уловки, чтобы принудить ее принять пищу и тѣмъ спасти себя отъ голодной смерти.

## 33. Конецъ Крестовыхъ Походовъ.

По смерти Лудовика IX, Карлъ Сицилійскій вышелъ на берегъ въ Тунисѣ. Сарацины были побѣждены въ двухъ сраженіяхъ, однако крестоносцы не приступали къ осадѣ города, а взявъ значительную сумму денегъ, согласились удалиться. Это было послѣднее важнѣйшее покушеніе Западныхъ Христіанъ помочь своимъ братьямъ въ Палестинѣ. Странное управленіе Храмовниковъ и Іоаннитовъ, купцевъ и воиновъ, священниковъ и нищихъ, которыхъ разнородное стремленіе еще болѣе раздроблялось отъ несходства собравшихся здѣсь народовъ, съ самаго начала носило въ себѣ зародыши своего разрушенія. Въ то время, какъ извнѣ сила мамелюкскихъ султановъ Египта являлась часъ отъ часу грознѣе, зависть и кровавыя распри свирѣпствовали внутри городовъ христіанскихъ. 18 мая 1201 года, Сарацины взяли приступомъ Птолемаиду послѣ геройской обороны. По утратѣ сего важнаго оплота, Франки добровольно покинули свои послѣднія мѣста, Тиръ, Сидонъ и Беритъ; христіанское владычество въ Сиріи погибло невозвратно.

Движенія Запада противъ Востока продолжались два вѣка. Они произошли отъ внутренняго духа Среднихъ Вѣковъ, и были живѣйшимъ его проявленіемъ. Ополчаясь противъ дикости и варварства, Христіанство, нѣкогда возвѣщенное Германцамъ, мало по малу усилилось въ душахъ ихъ, и потомъ исполнило сердца всѣхъ такимъ воодушевленіемъ, что могло побѣдоносно выступить противъ Ислама, отъ котораго оно прежде едва не погибло. Сіе направленіе ко внѣшней дѣятельности сперва произошло отъ мысли, что недостойно Христіанамъ оставлять Гробъ Господень, драгоцѣннѣйшую святыню, въ рукахъ

язычниковъ. Далѣе, склонный къ таинственному вѣкъ тогдашній вѣрилъ, что въ мѣстахъ, гдѣ Святое дѣйствовало и жило, присутствіе его сильнѣе ощущается и обнаруживаетъ себя многоразличными чудесами. Что можно было сдѣлать лучшаго для спасенія души, какъ помолиться на гробѣ Спасителя, за что Церковь обѣщала отпущеніе всѣхъ грѣховъ? Кромѣ сего, господствовало мнѣніе, что, такъ какъ каждый человѣкъ, каждый монастырь, каждый городъ признавалъ тогда особеннаго святаго своимъ покровителемъ, и ему приписывалъ свое счастіе и благоденствіе, то и для устроенія дѣлъ всего міра нельзя найти лучшаго жилища, какъ въ Іерусалимѣ и около Іерусалима, подъ покровомъ Іисуса Христа. Церковь Католическая праздновала свое высочайшее торжество, видя чрезвычайную силу понятій, которыхъ она была блюстительницею. По ея увѣщанію, безъ внѣшняго принужденія, сотни тысячъ стекались для того, чтобы за временное пріобрѣсти вѣчное, или вести въ Палестинѣ жизнь высшую, посвященную благороднѣйшимъ цѣлямъ. Государи признали, что они всѣми своими свѣтскими средствами, своимъ могуществомъ и жизнію должны жертвовать за Христіанство и Церковь, рыцарство употребило всю свою силу и все мужество для пріобрѣтенія святыни, и показало, какъ всякая храбрость должна быть только проявленіемъ Вѣры. Въ такомъ смыслѣ учреждены рыцарскіе ордена. Выгоды торговли и политики присоединились потомъ къ великимъ предпріятіямъ; своекорыстіе и любостяжаніе также не преминули явиться, какъ при всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ.

Здѣсь является отличительная черта Среднихъ Вѣковъ: раздѣлять предметы, сходные по существу своему, или даже враждебно противоставлять ихъ одинъ другому; и притомъ соединять разнообразныя и противорѣчащія крайности. Чисто духовной цѣли хотѣли достигнуть чувственными средствами, истинную жизнь пріобрѣсти смертію, миръ души стремились добыть мечемъ, живаго Іисуса искали среди мертвыхъ. Набожность переходила въ дикое звѣрство и лютость, и сіи дикія

страсти потомъ попеременно опять уступали мѣсто священному благоговѣнію и глубокому сокрушенію, какъ мы это особенно видѣли при завоеваніи Іерусалима. Не сбылась надежда однихъ, обрѣсти спокойствіе духовное, и стремленіе другихъ, создать въ Палестинѣ болѣе чистую жизнь государственную. Вскорѣ люди оказались здѣсь отдаленнѣе отъ христіанскаго духа, развратнѣе и безнравственнѣе, чѣмъ въ западныхъ государствахъ. Тогда наконецъ увидѣли, что отъ внѣшняго должно обратиться къ внутреннему, и въ немъ почерпать удовлетвореніе и примиреніе. Но и непосредственныя слѣдствія Крестовыхъ Походовъ были чрезвычайно важны. Привыкшій къ однообразію, стѣсненный умъ узналъ другія части свѣта; народы тѣлесно и духовно смѣшались другъ съ другомъ, восточный и западный духъ помѣнялись своими дарами. Европейцы узнали искусства и науки Арабовъ, увидѣли неизвѣстныя формы государственныя, единодержавіе, благоустройство гражданскаго общества, процвѣтаніе промышленности и торговли; дивились воздѣланности земли, различнымъ наслажденіямъ и пріятностямъ жизни. Такимъ образомъ, съ новыми познаніями и привычками принесены были новыя потребности, заведены отдаленныя сношенія. Повсюду на Западѣ открылось болѣе движенія и жизни между рыцарями и гражданами, раздавались пѣсни, ученики спѣшили къ наставникамъ Философіи, Религіи и Права. Всѣ существенныя стихіи сарацинской образованности были приняты, просвѣщеніе и духовное развитіе въ земляхъ германскихъ становилось болѣе и болѣе обильнымъ и всеобщимъ.

Люди недальновидные нерѣдко возставали противъ Крестовыхъ Походовъ, называя ихъ безмысленнымъ произведеніемъ неразумнаго суевѣрія, и оплакивали несчетное множество людей, которые нашли въ нихъ погибель.[n] Но только духъ, чуждый всѣмъ великимъ, всѣмъ религіознымъ чувствамъ, можетъ безъ восторга и удивленія созерцать идеи, воззвавшія къ бытію Крестовые Походы. Всѣ крестоносцы, предпринявшіе тягостное путешествіе съ благочестивою цѣлію, въ самомъ дѣлѣ тѣмъ облагоро-

дили свою жизнь, ибо человѣкъ заслуживаетъ уваженіе только по мѣрѣ благородства и возвышенности идей, для которыхъ онъ живетъ и умираетъ. Злые же люди, принявшіе участіе въ походахъ только по страсти къ грабежу и добычѣ, и въ отечествѣ своемъ не совершили бы ничего полезнаго, и тотъ изъ нихъ кто погибъ отъ трудностей похода или непріятелей, не можетъ возбуждать особеннаго сожалѣнія. Но, въ цѣлой громадѣ, каждый производилъ свое дѣйствіе, способствуя къ воспламененію духа времени и къ направленію помысловъ отъ мелочныхъ частностей къ возвышенной, всеобщей цѣли.

Ревность къ распространенію Христіанства, равно какъ и разсчеты торговые, слѣдовали по пятамъ за воинскими дружинами. Доминиканецъ Асцелинъ, въ 1254 году, посланъ былъ Папою Иннокентіемъ IV къ монгольскимъ ханамъ, и предпринялъ путь чрезъ Персію. Къ нимъ же, еще прежде того, ѣздилъ францисканскій монахъ Іоаннъ де Плано Карпини. Въ 1253 году, францисканецъ Вильгельмъ Рубриквисъ пріѣзжалъ въ Монголію посломъ Лудовика Святаго. Между сими отважными странниками особенно отличился Марко Поло, Венеціянецъ, оставившій намъ замѣчательное путешествіе. Онъ путешествовалъ по Азіи двадцать пять лѣтъ (1270—1295), и первый изъ Европейцевъ проникъ въ Индію по ту сторону Ганга, даже въ Китай.

## 34. Англія въ правленіе Генриха III.

(1216—1272).

При смерти Короля Іоанна, (которою мы прервали Англійскую Исторію), сынъ его Генрихъ III былъ только десяти лѣтъ; но государственный маршалъ Графъ Вильгельмъ Пемброкъ, который оказывалъ умершему государю во всѣхъ обстоятельствахъ примѣрную вѣрность, сильною рукою взялъ за малолѣтнаго бразды правленія. Онъ заставилъ большинство дворянъ признать юнаго Генриха, а себя самого провозгласить попечителемъ царства. Потомъ,

Французскій Принцъ Лудовикъ, котораго призвали возмутившіеся бароны (выше, стр. 156), и который при Линклонѣ потерялъ сраженіе и претерпѣлъ пораженіе своего флота, принужденъ былъ отказаться отъ англійской короны. Но, къ сожалѣнію, Пемброкъ умеръ, прежде нежели Король возмужалъ (1219), и онъ не нашелъ преемника, который имѣлъ бы довольно вліянія и силы, чтобы поддержать спокойствіе и порядокъ, водворенные имъ въ государствѣ. Дѣла пошли еще хуже, когда, въ 1224 году, Папа Гонорій III буллою объявилъ Генриха III совершеннолѣтнимъ, и юный государь слишкомъ скоро доказалъ неспособность удовлетворить труднымъ отношеніямъ къ высшему дворянству своего королевства. Положеніе, въ которомъ онъ находился, требовало силы, строгой важности и постоянства, а онъ былъ легкомысленъ и нерѣшителенъ, чуждъ дѣятельности и самостоятельности. Два совѣтника наиболѣе обладали его довѣріемъ, верховный судья Губертъ де Бургъ, и Петръ де Рошъ, родомъ изъ Пуату, Епископъ Вичестерскій. Спустя нѣсколько времени, Губертъ, по справедливому или ложному обвиненію въ обогащеніи на счетъ королевской казны, былъ низвергнутъ (1232), и Епископъ остался въ милости у Короля безъ совмѣстника, съ самымъ неограниченнымъ вліяніемъ. Онъ пользовался имъ надменно и безотвѣтственно, оттѣснялъ всѣхъ Англичанъ, и высшія и прибыльнѣйшія должности въ государствѣ и Церкви замѣщалъ Пуатевинами и Бретанцами. Чтобы устранить всякое сопротивленіе, онъ призвалъ изъ-за моря до двухъ тысячъ рыцарей, и щедро надѣлилъ ихъ графствами и баронствами. Напрасно Ричардъ Пемброкъ, сынъ Вильгельма и наслѣдникъ его государственнаго достоинства, дѣлалъ самыя сильныя представленія, напрасно соединялись бароны. Генрихъ уступилъ тогда только, когда и Архіепископъ Канторберійскій сталъ грозить ему проклятіемъ. Иностранцы были удалены, и наименованы совѣтники, которые пользовались довѣріемъ народа. Но эта перемѣна произошла лишь на короткое время. Когда, черезъ два года потомъ, Король сочетался съ Элеонорою, дочерью

Прованскаго Графа Раймунда Беренгара IV, дяди Королевы и другіе Провансалы заняли мѣсто прежнихъ временщиковъ, и снова возбудили едва замолкшее неудовольствіе.

Если Король этимъ подавалъ причину къ самымъ справедливымъ жалобамъ, то безславные его походы во Францію (стр. 140) оскорбили народную честь; неоднократно требуемыя для сего деньги умножили бремя налоговъ, и поборы Римскаго Престола доводили негодованіе до высшей степени. Англія, подобно Франціи и прочимъ землямъ христіанскимъ, должна была доставлять папамъ денежныя средства для веденія войны съ Фридрихомъ II и Гогенштауфенами, и такъ какъ Генрихъ, страшась папъ, весьма мало или совсѣмъ тому не противился, то въ его государствѣ производимы были самые сильные поборы. Два архіепископа канторберійскіе были сряду наименованы изъ Рима; въ Англію приходили толпами Италіянцы, которые въ Римѣ и Ліонѣ дорогой цѣной покупали англійскія пребенды, и здѣсь хотѣли выручить свои издержки. Уже Гонорій III требовалъ для себя доходовъ двухъ канониковъ при каждой соборной церкви, и двухъ монашескихъ долей въ каждомъ монастырѣ, но онъ не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи. Теперь, легаты Оттонъ (1240) и Мартинъ (1244) собрали огромныя суммы; Англичане говорили, будто они вывезли денегъ изъ королевства болѣе, нежели сколько тамъ оставили. Въ ихъ свитѣ находились ломбардскіе капиталисты и ростовщики, которые ссужали церквамъ, монастырямъ и приходамъ недостающее за самые высокіе проценты. Прежде нежели Карлъ Анжуйскій рѣшился на завоеваніе Неаполя, Папа Иннокентій IV предложилъ это королевство Королю Англійскому, для его сына Эдмонда. Генрихъ поступилъ непредусмотрительно: не спросясь своего парламента, согласился на эту невыгодную сдѣлку, и съ полною довѣренностью предоставилъ Папѣ принять всѣ потребныя мѣры для привлеченія къ нему Неаполитанцевъ. Иннокентій и его преемникъ Александръ IV немедленно, на его счетъ, предприняли войну съ Манфредомъ,

и, по прошествіи короткаго времени, насчитали на него огромный долгъ, котораго бароны не хотѣли платить. Надлежало взыскать деньги съ Церкви. Иннокентій приказалъ англійскому духовенству закладывать недвижимыя имѣнія, чтобы подъ нихъ занять деньги для Эдмондова предпріятія; кто отказывался, тому грозила отставка. Александръ объявилъ, что обѣтъ итти въ крестовый походъ будетъ разрѣшенъ, какъ скоро кто пойдетъ въ Сицилію, или заплатитъ деньги для веденія тамошней войны. Потомъ онъ велѣлъ, три года сряду, взыскивать десятину со всѣхъ церковныхъ имѣній, и позволилъ Королю брать имущества, остающіяся по смерти всѣхъ духовныхъ лицъ, и доходы всѣхъ праздныхъ пребендъ. Горькія жалобы клира были безплодны. Предпріятіе противъ Неаполя не состоялось; только папы набрали денегъ. Столь же худо расчитано, но по крайней мѣрѣ не пагубно для государства, было и предпріятіе Ричарда, брата Генрихова, о которомъ мы говорили въ Нѣмецкой Исторіи. Сей богатѣйшій васаллъ Англіи разорился до того, что наконецъ принужденъ былъ даже рубить свои лѣса въ Графствѣ Корнваллійскомъ, чтобы удовлетворить корыстолюбію духовныхъ вельможъ въ Германіи, и все это для пріобрѣтенія короны, которая не доставила ему почти ничего кромѣ имени, и за это имя онъ былъ уважаемъ въ Англіи не болѣе прежняго.

Бароны переносили правленіе Генриха съ величайшимъ негодованіемъ, и не скрывали онаго въ государственныхъ собраніяхъ (парламентахъ), которыя Король, по постановленію великой хартіи (magna charta), долженъ былъ созывать, какъ скоро предлагалъ денежныя требованія. Они жаловались, что даже съѣстные припасы, потребляемые при дворѣ, одежда, которую носятъ король и его служители, а болѣе всего вино, которое они пьютъ, забираются у подданныхъ насильно и безъ платы, и что отъ такого грабительства остановилась всякая торговля. Слабый Король всегда отвѣчалъ на подобные упреки ласковыми словами и щедрыми обѣщаніями, которыя никогда не исполнялись. Когда, въ 1253 году, онъ опять дол-

женъ былъ прибѣгнуть къ баронамъ, они потребовали новаго торжественнаго и надежнаго подтвержденія великой льготной грамоты, которая, со стороны Короля, такъ часто нарушалась. Въ затруднительномъ положеніи своемъ, Генрихъ обѣщалъ подвергнуться отлученію отъ Церкви, если не исполнитъ своей обязанности. Бароны и прелаты собрались въ Вестминстерской Залѣ. Льготная грамота была прочтена при свѣтѣ факеловъ, и произнесено проклятіе на всякаго, кто ее нарушитъ; послѣ сего епископы бросили свои факелы на землю и воскликнули: «Такъ да смердитъ и гибнетъ въ адѣ душа того, кто навлечетъ на себя сей приговоръ!» Король присоединилъ къ тому: «Съ помощію Божіею, я буду соблюдать все сіе ненарушимо, какъ приличествуетъ Христіанину, рыцарю и помазанному и вѣнчанному королю.» Но это намѣреніе было такъ же скоро забыто, какъ и принято.

Обманувшись такимъ образомъ въ своихъ ожиданіяхъ, спустя пять лѣтъ (1258), нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ бароновъ имѣли съѣздъ, и рѣшились произвести совершенный переворотъ въ государствѣ. Это произошло по наущенію и подъ руководствомъ Симона Монфортскаго, Графа Лестерскаго. Сей даровитый, смѣлый и честолюбивый мужъ, младшій сынъ извѣстнаго по войнамъ албигенскимъ (выше, стр. 129) Графа Симона Монфортскаго, переѣхалъ въ Англію, и тамъ, какъ наслѣдникъ своей матери, принялъ во владѣніе Графство Лестерское. Вооруженные бароны, въ сопровожденіи многочисленной дружины рыцарей, явились въ парламентъ въ Вестминстерѣ, и требовали немедленнаго отмѣненія всѣхъ отягощеній. Генрихъ обѣщалъ созвать новое собраніе въ Оксфордъ, которое и съѣхалось 11 іюня 1258. Оно носитъ въ Англійской Исторіи названіе неистоваго или Бѣшенаго Парламента. Здѣсь выбраны были двадцать четыре барона и прелата, и имъ поручены исправленіе государственнаго устава. Они принудили Короля выслать за границу сведенныхъ его братьевъ, сыновей Графа Гугона де-ла-Маршскаго, съ которымъ Генрихова мать Изабелла жила во второмъ бракѣ, такъ какъ сіи молодые люди,

изъ всѣхъ бывшихъ при дворѣ Французовъ, были самые буйные и корыстолюбивые; отставили всѣхъ королевскихъ чиновниковъ, избрали другихъ изъ своей партіи, и узаконили, чтобы парламентъ собирался трижды въ годъ, а въ промежуткахъ времени коммиссія изъ двѣнадцати бароновъ имѣла всю власть парламента, и съ тѣмъ вмѣстѣ наблюдала за Королемъ. Такимъ образомъ монархія почти совершенно была ниспровергнута, и введена аристократическая форма правленія. Король долженъ былъ заранѣе присягнуть въ исполненіи всѣхъ будущихъ постановленій.

Но бароны не сохранили единодушія; они раздѣлились сами между собою, и смуты усилились еще болѣе. Король, въ 1262 году, испросилъ у Папы Урбана IV разрѣшеніе отъ своей клятвы, и объявилъ, что онъ опять принялъ правленіе. Дошло до открытой борьбы. Народъ въ Лондонѣ возсталъ поголовно, присоединился къ баронамъ, и производилъ великіе безпорядки. Наконецъ обѣ стороны, силами довольно равныя, согласились предоставить свой споръ рѣшенію Французскаго Короля Лудовика IX, который, за правосудіе, былъ уважаемъ даже за предѣлами своего царства. Благочестивый Король созвалъ своихъ вельможъ въ Аміенъ (1264); здѣсь, въ присутствіи Короля Англійскаго и сына Графа Лестерскаго, онъ изслѣдовалъ дѣло, и рѣшилъ, чтобы достоинство королевское было возстановлено и оксфордскія узаконенія отмѣнены, но чтобы права народа оставались неприкосновенными и всѣмъ мятежникамъ даровано было прощеніе. Графъ Лестерскій, недовольный симъ приговоромъ, отвергнулъ его, и опять взялся за оружіе. Западъ и сѣверъ государства стояли за Короля, югъ и востокъ за бароновъ, которые находили главную опору въ низшихъ сословіяхъ городовъ. Генрихъ пошелъ противъ Лондона, и когда Симонъ подоспѣлъ для спасенія сего важнаго пункта, подъ Левесомъ, въ Суссексѣ, произошла битва (14 мая 1264), въ которой восторжествовало военное искусство Лестера. Войско королевское было разбито, и самъ Генрихъ, съ братомъ своимъ, Римскимъ Королемъ Ричардомъ, взятъ въ плѣнъ. На слѣдующее утро заклю-

чили договоръ, по которому надлежало обоихъ королей и всѣхъ другихъ плѣнниковъ отпустить, а наслѣднаго принца Эдуарда отдать заложникамъ въ руки Лестера, и весь споръ кончить третейскимъ судомъ. Принцъ Эдуардъ спокойно позволилъ отвезти себя въ замокъ девонширскій, но при всемъ томъ отецъ и дядя его не были освобождены. Напротивъ, Лестеръ возилъ ихъ вездѣ съ собою, и употреблялъ имя королевское во всѣхъ своихъ приказахъ. Онъ замышлялъ пріобрѣсти Англію для своего дома. Войска Короля были обезоружены, его замки заняты, и чтобы располагать большими средствами, Лестеръ отобралъ имѣніе у осьмнадцати бароновъ, и взыскалъ огромные выкупы и большія подати съ духовенства. 20 января 1265 онъ собралъ новый парламентъ въ Лондонѣ, и для того, кромѣ бароновъ и духовныхъ особъ своей партіи, призвалъ по два рыцаря изъ каждаго графства, и выборныхъ изъ вольныхъ городовъ, чтобы послѣдніе еще крѣпче привязать къ себѣ. Это было первымъ несомнительнымъ созваніемъ представителей городскихъ общинъ въ государственное собраніе. Первоначально, только непосредственные духовные и свѣтскіе васаллы, бароны и прелаты, составляли государственное собраніе, и тоже было подтверждено великою льготною грамотою (стр. 155); но уже Іоаннъ предписалъ созывать по четыре представителя рыцарей изъ каждаго графства (1213), «дабы имъ говорить съ королемъ о дѣлахъ государства.» Еще ранѣе, въ первый разъ въ 1070 году, депутаты сего сословія призываемы были ко двору, но всегда только для поданія совѣта, или для изъявленія согласія въ дѣлахъ частныхъ, и особенно касающихся ихъ сословія, а не для участія въ общихъ совѣщаніяхъ и назначеніи податей. Аббаты и пріоры также лишь съ царствованія Іоанна Безземельнаго были призываемы въ парламентъ, и неоднократное взысканіе податей съ церковнаго имѣнія при нынѣшнемъ государѣ требовало приглашенія духовныхъ сановниковъ. Въ одно время съ городами прочей Европы, возвысились и англійскіе, особливо Лондонъ, Іоркъ, Линкольнъ, также портовые города

Портсмутъ, Плимутъ и т. д., и хотя они не пріобрѣли такой свободы какъ италіянскіе, и ихъ благосостояніе развивалось еще незамѣтнѣе и спокойнѣе чѣмъ въ Германіи и Франціи, однако значительныя мѣста достигли превращенія личныхъ повинностей въ опредѣленныя суммы, пріобрѣли рыночныя права и таможни (Marktrechte und Zollstätten), и отчасти право избирать своихъ начальниковъ и утверждать собственные свои статуты. Короли не препятствовали такому развитію, потому что теперь можно было взыскивать съ городовъ подати какъ съ самостоятельныхъ сословій. Города, которые тогда присылали выборныхъ, не поименованы. Столь же мало знаемъ мы и о выборѣ рыцарскихъ повѣренныхъ. Въ послѣдствіи, участіе общинъ сдѣлалось самымъ существеннымъ орудіемъ англійскихъ правъ. Въ этотъ разъ, оно должно было служить къ утвержденію насильственныхъ мѣръ Лестера.

Храбрый Принцъ Эдуардъ скоро впрочемъ далъ счастливый оборотъ разстроеннымъ дѣламъ своего отечества. Онъ ушелъ изъ своего заключенія; приверженцы Короля собрались къ нему, и 4 августа 1265 года, въ битвѣ подъ Эвесгамомъ, въ которой самъ Лестеръ палъ сражаясь геройски, Эдуардъ одержалъ совершенную побѣду, и чрезъ нѣсколько времени истребилъ послѣдніе остатки возмущенія. Побѣдители оказали пощаду и кротость. Возстановленъ былъ прежній порядокъ, какъ онъ существовалъ до оксфордскаго парламента. Сыновья Лестера были изгнаны; непокорный Лондонъ опять получилъ всѣ свои права и льготы. Во уваженіе превосходныхъ качествъ сына, Англичане забыли слабости отца, и покорились ему съ новыми надеждами. Но Принцъ Эдуардъ, видя царство успокоеннымъ, и горя страстію къ рыцарскимъ подвигамъ, отправился за французскими крестоносцами (1270), и не нашедъ уже Святаго Лудовика при Тунисѣ въ живыхъ, одинъ пустился далѣе въ Палестину, гдѣ долгое время оказывалъ рыцарскимъ орденамъ храбрую помощь противъ Сарацинъ. Раздраженные враги подослали убійцу къ юному князю. Но сила тѣлесная и ловкость Эдуарда отвратили злодѣйское

покушеніе. Отецъ его, между тѣмъ, слабою рукою держалъ бразды снова пріобрѣтеннаго владычества, и умеръ еще до возвращенія сына 16 ноября 1272, на шестьдесятъ шестомъ году своей жизни.

Слѣдующее происшествіе можетъ свидѣтельствовать объ отсутствіи гражданскаго порядка и всеобщей безопасности въ этомъ періодѣ. Въ 1249 году, два брабантскіе купца пришли къ Королю и жаловались, что королевскіе служители отняли у нихъ двѣсти марокъ, что подобныя происшествіи случаются ежедневно, и что противъ этого нельзя найти правосудія, потому что большая часть судей боятся разбойниковъ, или сами дѣйствуютъ за одно съ ними. Они просили позволить имъ выйти на судебный поединокъ. Генрихъ послалъ ихъ въ судъ графства, который оправдалъ виновныхъ. Потомъ, Король велѣлъ предсѣдателя и членовъ взять подъ стражу и изслѣдовать дѣло другимъ судьямъ. Страшась наказанія, они произнесли приговоръ справедливый. Преступники извинялись нуждой, потому что они отъ Короля не получали никакого содержанія. Въ то время часто случалось, что свита короля или вельможъ дочиста грабила села и монастыри. Другой примѣръ Генрихова правосудія можно видѣть въ его поступкѣ съ Жидомъ Ааронomъ Іоркскимъ. Этотъ Еврей былъ обвиненъ въ поддѣлкѣ монеты и королевскихъ документовъ, уличенъ и осужденъ. Чтобы не сидѣть въ темницѣ, онъ заплатилъ четырнадцать тысячъ марокъ серебра и десять тысячъ золота; а потомъ, чтобы быть оправданнымъ, еще тридцать тысячъ марокъ серебра и двѣсти марокъ золота Королевѣ. Между тѣмъ, Генрихъ сдѣлалъ нѣкоторыя полезныя полицейскія распоряженія о подъемѣ городовъ и селеній для преслѣдованія преступниковъ, для провожанія путешественниковъ, и о содержаніи ночныхъ карауловъ.

## 35. Папство со временъ Григорія VII.

Въ теченіе тринадцатаго вѣка, готовились въ Римской Іерархіи важныя и обильныя послѣдствіями перемѣны.

Вліяніе, которое Иннокентій III имѣлъ на государства, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ, не могло не быть чрезвычайно тягостно для свѣтской власти; но сей Папа руководствовался благими намѣреніями и яснымъ разсудкомъ во всѣхъ своихъ поступкахъ; онъ хотѣлъ подчинить себѣ противника только для достиженія истинно высшихъ цѣлей Церкви, а отнюдь не для насильственнаго уничтоженія его. Послѣ Иннокентія восходили на папскій престолъ люди, которые заботились не столько о владычествѣ Христіанства, сколько о утвержденіи верховной власти папства. По удаленіи съ позорища кроткаго Гонорія, искренно желавшаго сохранить миръ съ императоромъ, являлись папы, которые предположили себѣ закономъ, противиться преобладанію Гогенштауфеновъ, и вытѣснить сей родъ изъ Италіи. Такимъ образомъ Иннокентій IV неистовствовалъ противъ Фридриха II и его дома, и думалъ, что достигъ своей цѣли, когда низвергнулъ своего противника. Но онъ не разсудилъ, что меньшія державы, соединенныя тѣснымъ союзомъ, сдѣлались для Папы гораздо опаснѣе Имперіи, воздвигнутой на самомъ ненадежномъ основаніи. Онъ расточалъ силы всего Христіанскаго Міра въ своей борьбѣ съ императоромъ, не помышляя о томъ, что неслыханныя притѣсненія, которымъ онъ подвергалъ половину Европѣ, усилятъ пробудившійся уже ропотъ на владычество іерархіи, и приготовятъ разсудительнымъ противникамъ папства самое дѣйствительное оружіе. Можно утвердительно сказать, что политика Иннокентія прежде всего поколебала столпы іерархіи и подала ея врагамъ поводъ къ самымъ справедливымъ жалобамъ. Съ этого времени часто случалось, что папы, своею жизнію и своими дѣлами, противорѣчили ученію христіанскому, котораго были представителями и блюстителями. Многіе случаи, которые прежде прошли бы безъ вниманія, были обнаруживаемы въ жару борьбы, отъ безпрестанныхъ денежныхъ поборовъ жестоко страдали вещественныя выгоды не только духовенства, но и многихъ лицъ, которыя отъ него зависѣли и жили на земляхъ его. Но усилившаяся, въ слѣдствіе Крестовыхъ

походовъ и большаго развитія мысли, свѣтская образованность грозила еще большею опасностью. Прежде того, когда грубость и варварство владычествовали въ государствахъ, въ первомъ и второмъ періодѣ нашего повѣствованія, Церковь Католическая была хранилищемъ и покровительницею всякаго высшаго просвѣщенія, а теперь просвѣщеніе народное стало равняться съ образованіемъ духовенства. Если Церковь хотѣла и впредь удержать свою власть, ей слѣдовало избрать одно: или поставить преграду дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ и движеніямъ умственнымъ, или же дать мѣсто живому развитію формъ въ ея собственныхъ нѣдрахъ. На погибель себѣ, она избрала первое.

Между тѣмъ епископы римскіе, въ теченіе сего періода, довершили свою неограниченную власть внутри Церкви. Достигнувъ высоты, на которую лже-Исидоръ хотѣлъ вознести ихъ, они, со временъ Григорія VII, пошли гораздо далѣе. По той системѣ, папа долженъ былъ имѣть въ Церкви верховную власть; теперь они стремились къ тому, чтобы быть не только верховными, но и единственными правителями въ Церкви, не только имѣть первенство предъ всѣми и надзоръ за всѣми епископами, но и быть исключительными епископами Вселенской Церкви, а прочимъ архіепископамъ и епископамъ имѣть власть только изъ милости, въ качествѣ ихъ намѣстниковъ *). Такъ какъ, по мнѣніямъ того времени, всякая власть считалась ссуженною, пожалованною, которую всякій облеченный ею употреблялъ только отъ имени и по порученію высшаго, и какъ все возводимо было къ самому высшему началу, средоточію, источнику, изъ котораго ручьи разливались по всѣмъ направленіямъ; то и папство, въ этомъ началѣ ленной системы, нашло уже готовую для себя основу. Всякая власть въ Церкви считалась употребляемою по порученію папы, непосредственно

---

*) Planck, Gesch. der christlichen Gesellschafts-Verfassung, Bd. IV. Absch. 2, 3. Cap. 3. u. fg.

облеченнаго ею отъ Бога. На этомъ правилѣ папы основывали всѣ свои притязанія и требованія, и естественно простерли ихъ гораздо далѣе, нежели свѣтскіе властители въ отношеніи къ своимъ васалламъ, ибо послѣдніе не были избираемы или назначаемы первыми, а наслѣдовали свою власть. Вообще, здѣсь существовало взаимное отношеніе правъ и обязанностей, какое не могло имѣть мѣста въ Церкви.

Григорій VII, въ первый разъ, предложилъ епископамъ форму присяги, которую они должны были давать при своемъ поставленіи; выраженія ея, заимствованныя изъ тогдашней ленной присяги васалловъ, дѣлали епископовъ настоящими ленными данниками папскаго престола. Сначала, клятва сія требовалась только отъ епископовъ, непосредственно подчиненныхъ Римской Церкви, и отъ митрополитовъ, которые получали свой омофоръ въ Римѣ; но мало по малу папы присвоили себѣ право утвержденія всѣхъ епископовъ, и заставили всѣхъ давать эту присягу. Изъ этого явствовало безспорно, что въ правителѣ, который одинъ имѣетъ право утверждать всѣхъ епископовъ, заключается и источникъ всякой церковной власти.

Но сія всеобщая епископская власть, присвоенная папами, была бы весьма ограниченна въ дѣйствіяхъ своихъ, если бы папы не позаботились въ каждой землѣ, посредствомъ своихъ представителей, непосредственно вмѣшиваться во всѣ отношенія. Сіи полномочные были легаты, о которыхъ мы уже часто упоминали. Они существовали издавна, но прежде того посылаемы были только по особеннымъ дѣламъ, и лишь со временъ Григорія VII кругъ дѣятельности ихъ расширился до того, что папы ввѣряли имъ полную власть, и ихъ посольство обыкновенно имѣло цѣлію наблюденіе за состояніемъ Церкви вообще. Нерѣдко дѣйствовали они благотворно для сохраненія мира и церковнаго благочестія, но скоро преступили всѣ границы справедливости, и польза, которую они приносили, въ сравненіи съ ихъ властолюбивыми притязаніями, сдѣлалась ничтожною. Они созывали соборы, и

приказывали митрополитамъ и епископамъ являться на призывъ подъ опасеніемъ отрѣшенія, имѣли предсѣдательство въ сихъ собраніяхъ, и своимъ голосомъ рѣшали спорныя дѣла, подлежавшія суду епископовъ. Словомъ, они оставляли епископамъ изъ принадлежащей имъ власти, сколько имъ заблагоразсудится. При той твердости, какой власть папская въ сіе время достигла, самыя громкія жалобы на такія злоупотребленія не имѣли успѣха. Народъ особенно ропталъ на неслыханные поборы легатовъ. Кромѣ опредѣленныхъ податей, взыскиваемыхъ ими отъ имени папъ, церкви и монастыри, которыхъ они на пути своемъ касались, должны были доставлять имъ продовольствіе, и подъ симъ предлогомъ собирали они въ провинціяхъ огромныя суммы. Сіи повинности церковныхъ заведеній назывались *прокураціями*. Такимъ образомъ легаты грабили частію для себя, частію для папскаго престола, и легаціи наконецъ были умножаемы потому только, что папы считали ихъ удобнымъ средствомъ обогащать свою казну и своихъ любимцевъ и родственниковъ. Уже Святый Бернардъ писалъ Папѣ Евгенію III: «что его легатъ, отъ подошвы Альповъ до Пиренеевъ, на-чисто ограбилъ всѣ французскія церкви, такъ что можно подумать, будто Мадьяры вторгались въ эту землю,» а Іоаннъ Салисбурскій, знаменитый писатель двѣнадцатаго вѣка, жалуется слѣдующими словами: «когда римскій легатъ пріѣзжаетъ въ провинцію, все равно что діаволъ Іова исходитъ отъ Господа для опустошенія земли.» Нѣтъ сомнѣнія, что папа, присвоивъ себѣ однажды монархическую власть въ Церкви, имѣлъ и право требовать податей, нужныхъ для управленія цѣлымъ; но столь же достовѣрно, что римскіе епископы далеко преступали границы необходимаго, и особливо Иннокентій IV, подвигнувъ всѣ свѣтскія средства, чтобы принести Императора Фридриха II въ жертву своей ненависти, производилъ самые безсовѣстные и отяготительные поборы. Въ Исторіи Франціи и Англіи мы видѣли уже примѣры его алчности, и послы второй державы громко объявили на церковномъ собраніи въ Ліонѣ, что

«они не могутъ долѣе сносить гнусныхъ предъ Богомъ и людьми поборовъ и нестерпимыхъ притѣсненій.»

Вмѣшательство легатовъ во многихъ случаяхъ отнимало у епископовъ принадлежащее имъ право суда, но папы тѣмъ еще не удовольствовались. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, они постановили общимъ правиломъ, что во всѣхъ значительныхъ дѣлахъ на рѣшенія епископовъ можно приносить жалобу ихъ престолу, даже безъ околичностей принимали просьбы въ первой инстанціи, которыя подаваемы были имъ помимо епископской. Сверхъ того, они не только приписали себѣ исключительное право, созывать общія церковныя собранія, но достигли даже того, что опредѣленія помѣстныхъ соборовъ получали силу только по утвержденіи папскомъ. Они старались также постепенно присвоить себѣ раздачу духовныхъ мѣстъ и пребендъ. Присылали людей съ одобрительными письмами къ епископамъ и капитуламъ, и требовали пристроенія ихъ къ мѣсту. Папа, введшій сіе обыкновеніе, былъ Адріанъ IV. Сначала, это дѣлалось подъ видомъ учтивой просьбы и участія къ достойнымъ искателямъ, и потому епископы обыкновенно не находили никакой причины не уважить одобренія. Но со временемъ стали присылать изъ Рима такое множество прецистовъ (такъ называли сихъ просителей) во всѣ земли, что капитулы принуждены были отказывать, если хотѣли хотя что нибудь оставить въ собственномъ своемъ распоряженіи. Папы, услышавъ объ этихъ отказахъ, перемѣнили свой голосъ, и Александръ III уже приказывалъ безотговорочно ставить одобренныхъ имъ кандидатовъ. Въ тринадцатомъ вѣкѣ, сочли даже излишнею форму прошительства, и папы назначали на мѣста одною своею властію. Правда, что главы Церкви часто доставляли пребенды людямъ способнымъ и ученымъ, но такіе похвальные случаи терялись во множествѣ злоупотребленій, вскорѣ возникшихъ отъ сего учрежденія. Они наполняли капитулы своими тварями, и такъ мало обращали вниманія на истинное призваніе священника, что присылали иностранцевъ, которые не знали даже языка той земли, куда ихъ переводили. Почтенный,

безпристрастный историкъ тринадцатаго вѣка, Матвей Парисъ, монахъ бенедиктинскій въ обители Св. Албана въ Англіи, разсказываетъ въ Исторіи 1240 года, что въ одинъ разъ изъ Рима прислано было къ тремъ англійскимъ епископамъ не менѣе трехъ сотъ клириковъ, которыхъ надлежало пристроить такимъ образомъ (см. выше, стр. 248). Это произошло отъ того, что они, при папскомъ дворѣ, заплатили за мѣста свои. Такъ измѣнились времена послѣ Григорія VII! Въ то время свѣтскіе властители торговали духовными мѣстами, и великій папа для блага Церкви смѣло и счастливо возсталъ противъ сихъ злоупотребленій, возстановилъ избирательную свободу капитуловъ и общинъ; а теперь его преемники, изъ властолюбія, уничтожили весь плодъ его усилій, производили симонію гораздо безсовѣстнѣе нежели нѣкогда короли и князья, и такъ какъ они сами сдѣлали Храмъ Господень домомъ купли, то некому было опрокинуть ихъ столы съ деньгами.

Духовныя лица, достигавшія такимъ образомъ своихъ мѣстъ, не могли исполнять обязанностей своего званія въ духѣ евангельскомъ, и неопровержимый упрекъ падаетъ на самихъ предстоятелей Римской Церкви, что они дали свободный входъ всякому разврату и безнравственности. Чѣмъ выше были требованія чистоты и святости отъ католическаго духовенства, тѣмъ съ большею рѣзкостью оттѣнялись уклоненія. Безбрачіе введено было повсюду; но клирики жили съ наложницами, и это подавало поводъ еще къ большему соблазну. Епископы, послѣ ограниченія ихъ власти со стороны папы и легатовъ, не были въ состояніи принуждать своихъ священниковъ къ достойнѣйшему образу жизни. Капелланы при дворахъ и въ рыцарскихъ замкахъ свергли съ себя иго всякой зависимости отъ нихъ, и жили на совершенной свободѣ. Такъ точно монастыри епархіальные, даже цѣлые монашескіе ордена, освобождены были отъ епископскаго надзора, и всякій священникъ, безъ большаго труда, могъ въ Римѣ купить подобную привилегію. Не менѣе пагубныя слѣдствія произошли отъ того, что многія духовныя должно-

сти соединены были въ однѣхъ рукахъ, и исполненіе обязанностей по службѣ предоставлялось наемнымъ викаріямъ. Дворянскія фамиліи давно уже пользовались богатыми пребендами канониковъ для пристроенія своихъ младшихъ сыновей, и силою принуждали сосѣдственные ихъ землямъ капитулы, давать мѣста своимъ дѣтямъ, а каноники, имѣя такую подпору, не думали повиноваться епископамъ. Число людей, которые изъ низшихъ сословій, въ надеждѣ хорошаго содержанія и удобной наживы, поступали въ духовное званіе, было также весьма велико, и дѣйствовало, въ другомъ отношеніи, пагубно. За небольшую сумму денегъ, епископы и легаты, безъ всякаго вниманія къ возрасту и другимъ условіямъ, предписанными церковными законами, совершали посвященіе, и такъ какъ рукоположенные симъ образомъ часто назначались не для одной опредѣленной церкви, но предварительно только для служенія Церкви вообще, то безчисленное множество духовныхъ, просящихъ милостыню, скитались по землѣ; своимъ образомъ жизни возбуждали они презрѣніе, а худымъ примѣромъ развращали нравы мірянъ. Впрочемъ, сами епископы не были изъяты отъ господствующаго недуга, и самые ихъ пороки содѣйствовали такому возвышенію папской власти, потому что ихъ подчиненные довольно часто находили причины искать противъ нихъ высшей помощи.

Въ исторіи войны албигенской (выше, стр. 129.) говорено уже было, какъ Церковь дѣйствовала противъ еретиковъ. Если Иннокентій III, въ своихъ законахъ противъ еретиковъ, не простиралъ еще своихъ правилъ такъ далеко какъ его преемники, то и они были чрезвычайно строги и жестоки. Такъ, напримѣръ, по одному подозрѣнію въ ереси, отъ котораго обвиняемый не въ состояніи былъ бы совершенно очиститься, слѣдовало подвергать его церковному проклятію. Свѣтская власть охотно поддерживала папъ, Фридрихъ II и Лудовикъ IX издали самые строгіе законы противъ еретиковъ. Впрочемъ, ихъ предписанія касались только исполненія приговоровъ, а слѣдствіе и рѣшеніе по церковнымъ преступленіямъ без-

прекословно принадлежали судамъ духовнымъ. Самыя жестокія мѣры приняты были въ семъ отношеніи на соборѣ, бывшемъ въ 1229 году въ Тулузѣ, по окончаніи войны албигенской. Во первыхъ, предписанія противъ еретиковъ были усилены. Домъ, въ которомъ найденъ будетъ еретикъ, надлежало срыть, добровольно раскаивающихся переселить изъ подозрительныхъ мѣстъ въ католическій городъ, раскаивающихся по принужденію держать въ такомъ заключеніи, чтобы они никого не могли совратить. Даже собственность всякаго помѣщика, который, зная о томъ, будетъ только терпѣть еретика на своей землѣ, надлежало отбирать. Этотъ соборъ еще болѣе омрачилъ свою память первымъ учрежденіемъ страшныхъ судилищъ инквизиціи. Именно онъ предписалъ, чтобы въ каждомъ мѣстечкѣ и въ каждомъ приходѣ учреждена была постоянная слѣдственная комиссія, состоящая изъ приходскаго священника и двухъ или трехъ уважаемыхъ мірянъ, которая исключительно должна была заниматься отысканіемъ еретиковъ и ересей. Для ней не было запертаго дома, ни недоступнаго убѣжища. Законы сего собора были назначены предварительно только для его области, гдѣ Церковь, для искорененія Албигенсовъ, считала нужными принимать чрезвычайныя мѣры, но вскорѣ потомъ Григорій IX принялъ большую часть тулузскихъ опредѣленій въ основаніе всякаго слѣдствія на еретиковъ, отнялъ у епископовъ эту часть духовнаго правленія, и назначилъ постоянными инквизиторами Доминиканцевъ. Конечно, не во всѣхъ земляхъ, принадлежащихъ къ Римской Церкви, введеніе инквизиціи имѣло успѣхъ, но тамъ, гдѣ она существовала, произошли величайшія неистовства. Самыя несправедливыя и коварныя мѣры, при которыхъ не было возможно никакое доказательство невинности, противъ еретика были не только позволены, но предписаны закономъ. Доносы содержимы были втайнѣ, и принимаемы отъ участниковъ, преступниковъ и людей безчестныхъ. Законъ опредѣлялъ уличенныхъ еретиковъ осуждать на сожженіе, и безчисленные костры запылали. Монахъ Іоаннъ, въ 1233 году, въ Веронѣ, въ одинъ

разъ сжегъ шестьдесятъ человѣкъ мужчинъ и женщинъ. Многіе были такъ убѣждены въ истинѣ своего вѣрованія, что съ радостію шли на смерть и хотѣли умереть мучениками. И въ Германіи, Доминиканецъ Конрадъ Марбургъ, въ 1251 году, явился съ порученіемъ Григорія IX, обращать и наказывать заблуждшихъ въ вѣрѣ. Гордый и суровый монахъ предалъ многихъ пламени, и призывалъ графовъ и дворянъ предъ свое судилище; но столь богопротивные ужасы возбудили здѣсь такое омерзѣніе, что Конрадъ, въ 1233 году, на дорогѣ изъ Франкфурта въ Марбургъ, былъ убитъ людьми дворянина Дерибаха. Никто не имѣлъ охоты итти по стопамъ его, и имперское постановленіе обезпечивало всѣмъ обвиняемымъ за ереси справедливое сужденіе по законамъ.

## 36. Монашество.

Въ теченіе вѣковъ и монашеская жизнь, которой основаніемъ должно быть совершенное отчужденіе всѣхъ земныхъ выгодъ, измѣнилась отъ богатыхъ приношеній монастырямъ и отъ ослабѣвшаго наблюденія правилъ Святаго Бенедикта. Развратъ и разсѣянность мірская водворились среди обителей монашескихъ. Многіе настоятели строго противились этой порчѣ. Уже въ десятомъ вѣкѣ, аббаты Одонъ и Бернонъ преобразовали Монастырь Клюнійскій (Cluniacum) въ Бургундіи. Послѣдній усилилъ правило монастырское многими прибавленіями. Онъ и его третій преемникъ Одилонъ (ум. 1048) были такъ знамениты своимъ благочестіемъ и чистотою нравовъ, что ихъ призывали повсюду для заложенія новыхъ и для преобразованія старыхъ монастырей, по правиламъ клюнійскаго. Такимъ образомъ, въ Бенедиктинскомъ Орденѣ произошла первая конгрегація, т. е. особенное соединеніе многихъ монастырей подъ однимъ общимъ главою, аббатомъ клюнійскимъ. Во время Петра Почтеннаго (le vénerable), который въ 1126 году былъ аббатомъ сего кореннаго монастыря, подчинено ему было до тысячи другихъ монастырей. Онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что его

аббаты получили знаки и права епископскіе. Клюнійскіе иноки принадлежали къ числу образованнѣйшихъ духовныхъ особъ, и съ усердіемъ и любовію занимались науками.

Бруноиъ, кельнскій урожденецъ, въ послѣдствіи каноникъ и начальникъ училища въ Реймсѣ, рѣшился оставить міръ, и 1084 года, съ тринадцатью товарищами, основалъ монастырь въ недоступной, дикой долинѣ близъ Гренобля, называемой Картезіею (la Chartreuse). Онъ хотѣлъ соединить пустынническую жизнь съ монастырскою; каждый изъ братіи построилъ себѣ келью, въ которой работалъ, ѣлъ и спалъ. Пища состояла только изъ хлѣба и овощей, которые также каждый самъ готовилъ. Они почти никогда не говорили между собою; о самомъ необходимомъ объяснялись знаками. Картезіанцы всегда носили власяницу; правило было весьма строго, и возлагало на монаховъ жестокія бичеванія и набожныя упражненія, но вмѣстѣ съ симъ занятіе перепискою книгъ. И отъ этого монастыря произошло много новыхъ обителей, которыя всѣ получили названіе Картезій. Первое заведеніе для различія называлось Великой Картезіею. Между тѣмъ сей орденъ, по причинѣ непомѣрной строгости его предписаній, не нашелъ столь много послѣдователей, какъ прочіе.

Цистерційскій Орденъ основанъ въ 1098 году Святымъ Робертомъ, которому Клюнійцы казались уже не довольно чистыми. Въ Цистерціи или Сито (Cisterium, Cîteaux), близъ Дижона, со многими единомыслящими онъ основалъ новый монастырь. Слава и дѣятельность Святаго Бернарда (выше, стр. 48) особенно способствовали къ распространенію Цистерціянцевъ, и въ короткое время ихъ вліяніе и число ихъ монастырей возросло до того, что они могли смѣло стать на ряду съ Орденомъ Клюнійскимъ. Къ Цистерціянцамъ присоединилось нѣсколько позже учрежденное монашеское братство Премонстратовъ. Основателемъ его былъ Робертъ, изъ дворянскаго и богатаго дома на Нижнемъ Рейнѣ, который, въ 1120 году, съ нѣкоторыми товарищами поселился въ Лѣсу Кусійскомъ

близъ Лана (Laon), на мѣстѣ, называемомъ Премонтре. Слава о его святости пронеслась всюду. Въ 1125 году, Императоръ Лотарій наименовалъ его Архіепископомъ Магдебургскимъ, и это способствовало къ распространенію сего ордена въ Германіи. Главою его оставался аббатъ обители Премонтре, но въ важныхъ дѣлахъ онъ зависѣлъ отъ собранія аббатовъ изъ прочихъ монастырей, которое ежегодно сходилось въ главномъ монастырѣ на праздникъ Святаго Діонисія. Черезъ тридцать лѣтъ, считалось уже болѣе ста предстоятелей на этомъ съѣздѣ.

Нѣкоторые писатели говорятъ о католическихъ монахахъ какъ о полчищѣ безстыдныхъ тунеядцевъ и хитрыхъ обманщиковъ, и гнушаются многочисленными монастырями, какъ тайными гнѣздилищами всякихъ пороковъ. Въ этихъ сужденіяхъ собственно отзывается вопль первыхъ протестантскихъ реформаторовъ, живщихъ точно въ такое время, когда католическое монашество совершенно развратилось. Въ цвѣтущую же эпоху свою и западные монастыри были убѣжищемъ гонимой невинности, защитниками слабыхъ, питателями бѣдныхъ, хранителями и передавателями ученыхъ остатковъ древности, мѣстомъ успокоенія для многихъ смущаемыхъ совѣстію, и образцами геройскаго самоотверженія и благотворительной набожности. Въ нихъ однихъ жили ученые и мыслители тѣхъ временъ. Монашество, усиливаясь быть вѣрнымъ своему призванію, и идеѣ, отъ которой произошло его начало, постоянно требовало великаго духовнаго напряженія и непрерывнаго возбужденія, ибо имѣло цѣлію совершенное умерщвленіе и препобѣжденіе природы посредствомъ духа, и этими обстоятельствами объясняется повтореніе отъ времени до времени подтвержденій и строжайшихъ изложеній правила, изъ которыхъ самое важное мы привели выше. Впрочемъ, все сіе учрежденіе въ особенности соотвѣтствовало духу Среднихъ Вѣковъ, необходимо проистекая изъ положенія Церкви, изъ понятій времени, которое совершенно отторгало предметы небесные отъ земныхъ, духовные отъ физическихъ, признавало грѣховными и злыми естественныя побужденія и склонности, равно

какъ и жизнь въ мірѣ и для его цѣлей. Пламеннымъ воодушевленіемъ къ ученіямъ Христіанства, самымъ непосредственнымъ приложеніемъ ихъ къ обстоятельствамъ жизни, инокъ долженъ былъ не только возвышаться надъ своимъ естественнымъ бытіемъ, но даже уничтожать его совершенно. Если жизнь Востока утопала въ чувственности, если нѣкогда Эллины радовались изящной гармоніи духовнаго и естественнаго, то идеалъ Среднихъ Вѣковъ есть отчужденіе отъ изящнаго, искорененіе міра и его скорбей изъ сердца человѣческаго. Христіанство, безъ сомнѣнія, заповѣдуетъ жить только для души и ея благъ, только въ ней находить покой и миръ, и все земное подчинять симъ цѣлямъ. Но западное монашество хотѣло уничтожить земную жизнь, тогда какъ слѣдовало только ее проникнуть, просвѣтить и вознести духомъ. Правда, что многіе достигали высокихъ степеней такого самоотверженнаго совершенства, и духовной силѣ, которая ихъ возводила на сіи степени, нельзя отказать въ похвальной признательности; восторженнымъ мужамъ удавалось на извѣстное время увлекать и исполнять твердостію почти свыше-человѣческою цѣлыя толпы народа, но потомъ міръ и природа опять брали свое, потому что на земли духъ не можетъ существовать безъ тѣла. Въ началѣ тринадцатаго вѣка, монастыри снова пришли въ разслабленіе, свѣтское духовенство предавалось развращенію и безнравственности, которыхъ причины и начальныя черты мы изобразили въ предъидущей статьѣ. Еретики укоряли Церковь въ ея развратѣ и порчѣ. Тогда, почти въ одно время, два мужа приняли намѣреніе возстановить во всей ея силѣ спасительную нѣкогда идею самоотверженія, въ противоположность свѣтскому блеску и изобилію духовенства, и съ тѣмъ соединить дѣятельное поученіе и назиданіе народа.

Франческо (род. 1172., ум. 1226) былъ сынъ Петра Бернардоне, богатаго купца въ Ассизи. Вмѣсто того, чтобы приносить домой деньги, вырученныя за товары, онъ употреблялъ большую ихъ часть для благочестивыхъ цѣлей, и когда однажды услышалъ ученіе Евангелія объ

отверженіи всѣхъ земныхъ благъ, то такъ сильно пораженъ былъ сею мыслію, что рѣшился посвятить всю свою дальнѣйшую жизнь духовному созерцанію и безпрерывнымъ подвигамъ самоумерщвленія. Онъ облекся въ рубище и хотѣлъ отнынѣ питаться одною милостынею. Отецъ его гнѣвался, братъ смѣялся надъ нимъ; онъ расторгнулъ связи семейства, и пошелъ проповѣдывать слово Божіе. Вскорѣ соединились съ нимъ многіе, увлеченные его примѣромъ. Опоясанные веревкой, не имѣя денегъ, отъ которыхъ отреклись совершенно, они ходили изъ мѣста въ мѣсто, постились, молились, терзали себѣ спину бичами, и пренебрегали всякое попеченіе о тѣлѣ. Франческо говорилъ своимъ сотрудникамъ: «Покинувъ все, изъ-за презрительныхъ денегъ да не лишимся неба. Считайте ихъ прахомъ, который мы попираемъ ногами, и вездѣ проповѣдуйте спокойно, не заботясь о пищѣ и питіи, покаяніе и возрожденіе.» Воспламененный этой цѣлію въ высшей степени, онъ пошелъ въ Римъ, чтобы испросить у Папы Иннокентія III позволеніе основать новый орденъ. Папа находилъ совершенное отреченіе отъ всякой собственности слишкомъ необыкновеннымъ и смѣлымъ. Тогда ассизскій проповѣдникъ въ благочестивой ревности сказалъ: «Написано: идите, проповѣдуйте и говорите. Вамъ не надобно имѣть ни золота, ни серебра, ни мѣди въ вашихъ поясахъ, ни дорожной сумы, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха. Господь говоритъ: продай свое имѣніе и раздай бѣднымъ, тогда будешь имѣть сокровище на небѣ, и послѣдуй за мною. И кто ради имени моего оставитъ домъ, брата, сестру, отца, жену или дѣтей, тотъ наслѣдуетъ жизнь вѣчную. Кто хочетъ принадлежать Мнѣ, да отвергнется самого себя, и да беретъ на себя ежедневно крестъ свой.» Иннокентій, не утверждая еще новыхъ правилъ ордена, начертанныхъ Франческомъ, позволилъ ему продолжать начатой путь. Съ сего времени, образъ его жизни сдѣлался еще строже прежняго: онъ изнурялъ себя самоумерщвленіями, которыя, по видимому, превосходили всякую силу человѣческую. Непремѣнно каждую ночь онъ трижды бичевалъ себя желѣзными цѣпями, одинъ разъ

за самого себя, потомъ за живущихъ еще грѣшниковъ, наконецъ за души въ чистилищѣ. Чтобы смирить свою плоть, онъ бросался нагой въ снѣгъ. Для дальнѣйшаго распространенія своихъ ученій, онъ исходилъ почти всю Европу, и умеръ на пятьдесятъ четвертомъ году отъ роду, лежа нагой на голой землѣ. Вскорѣ потомъ Григорій IX призналъ его святымъ. Послѣдователи его изукрасили его жизнь самыми странными, чудесными исторіями. Они имѣли явною цѣлію выставить дѣянія Франческа выше подвиговъ Спасителя. Такъ, между прочимъ, они разсказывали, будто Іисусъ Христосъ многократно говорилъ съ нимъ, и Самъ напечатлѣлъ ему знаки гвоздиные на рукахъ и на ногахъ. Въ 1223 году, Гонорій III утвердилъ новый орденъ Францисканцевъ, который, подобно всѣмъ монашескимъ обществамъ, обязывался наблюдать три обѣта: убожества, цѣломудрія и послушанія; и къ первому въ такой дотолѣ необычайной обширности, что новопоступающій долженъ былъ отказываться вообще отъ всякой настоящей и будущей собственности. Никто, гласило правило, не можетъ имѣть, ни принимать денегъ; даже необходимыя вещи, одежда и т. д. суть достояніе не частныхъ лицъ, а всего ордена. Но и ордену воспрещено было владѣть всѣмъ тѣмъ, что не принадлежитъ къ самымъ необходимымъ потребностямъ; по сей причинѣ, онъ не можетъ принимать въ даръ никакихъ имѣній. Обученные какому-либо ремеслу, должны работать, но никто не долженъ стыдиться просить милостыню. Это геройское, изумительное самоотверженіе возбудило столько подражателей, что въ короткое время всѣ земли Запада наполнились Францисканцами. Учрежденіе ихъ монастырей шло тѣмъ успѣшнѣе, что они ничего не требовали кромѣ кровли и стѣнъ, и именно предписано было имъ строить церкви малыя и неукрашенныя. Ихъ одѣяніе, въ подражаніе учителю, состояло изъ сѣраго полукафтанья, на подобіе мѣшка, съ капишономъ у воротника, который можно было закидывать на голову. По скромности, они называли себя меньшими братіями (fratres minores, отсюда названіе миноритовъ). Главою каждаго монастыря былъ такъ называе-

мый minister guardianus, главою области или «провинціи» minister provincialis, цѣлымъ обществомъ завѣдывалъ minister generalis или орденскій генералъ. И міряне, которые, по положенію своему въ свѣтѣ и обстоятельствамъ, не могли совершенно поступить въ орденъ, присоединялись къ Францисканцамъ, и имѣли особенное правило, не обязываясь однако ко всей строгости монашескаго устава и обѣтовъ. Они назывались Терціаріями или Кающимися Братіями, и были для ордена чрезвычайно полезны тѣмъ, что составляли переходъ къ народу, и усердно способствовали къ пріобрѣтенію вліянія на мірянъ. Особенною ихъ обязанностію въ свѣтѣ, котораго не оставляли, было споспѣшествованіе по возможности успѣхамъ ордена; за то они должны были пользоваться и всѣми его благами. Вскорѣ Францисканцы раздѣлились на многія вѣтви. Спиритуалы, Босоногіе, Конвентуалы, Капуцины и пр. суть члены этого великаго общества.

Почти въ одно время съ Францисканцами произошли Доминиканцы или монашествующіе проповѣдники. Испанецъ Доминикъ (род. 1170), изъ благороднаго дома Гусмановъ, каноникъ въ Осмѣ, на путешествіи по жительствамъ Албигенсовъ въ Лангедокѣ, съ глубокою горестью узналъ заблужденія сихъ несчастныхъ еретиковъ. Ему прискорбно было, что такое множество ослѣпленныхъ, по его мнѣнію, шли къ своей погибели и должны подпасть вѣчному осужденію, и его святая ревность воспламенилась желаніемъ исторгнуть сихъ злополучныхъ людей изъ бездны ихъ заблужденій. Въ продолженіе десяти лѣтъ, онъ дѣйствовалъ въ тѣхъ странахъ увѣщаніемъ и проповѣдью, и когда нашлись ему сотрудники, основалъ съ тою же цѣлію въ Тулузѣ общество странствующихъ проповѣдниковъ; они давали обѣтъ совершенной нищеты, и въ отношеніи строгой жизни должны были стоять на ряду съ Францисканцами. Подобно святому Франческу, Доминикъ предпринималъ для распространенія своего ордена многія путешествія, и отличался строгостію въ духовномъ подвижничествѣ. Папа Гонорій III, въ 1216 году, утвердилъ сей орденъ Братій-Проповѣдниковъ, который такъ быстро

распространялся, что по смерти основателя (1221) раздѣленъ былъ на восемь провинцій. Уставъ его во многихъ пунктахъ согласенъ съ францисканскимъ, однако въ немъ болѣе обращено было вниманія на пріобрѣтеніе познанія и на ученое образованіе. Предстоятели его именовались пріорами. Во второй половинѣ тринадцатаго вѣка, Доминиканцы считали четыреста, Францискане свыше тысячи монастырей. Столь воспріимчивъ былъ вѣкъ къ направленію, отъ котораго они взяли начало.

Оба ордена получили отъ папъ чрезвычайныя преимущества и льготы, и съ своей стороны были имъ чрезвычайно полезны. Они имѣли право вездѣ слушать исповѣдь, давать разрѣшеніе, проповѣдывать, гдѣ хотѣли, и ни одинъ священникъ не могъ запереть своей каѳедры, если они хотѣли взойти на нее, ни одинъ епископъ не смѣлъ ихъ требовать къ себѣ, или даже наказывать за преступленіе. Права епископовъ и прочаго духовенства, очевидно, отъ этого пострадали, но ихъ сопротивленіе оставалось большею частію безъ успѣха.

## 37. Рыцарство.

Какъ времена Крестовыхъ Походовъ способствовали къ развитію всего цвѣтущаго въ Средніе Вѣки, такъ и рыцарство въ этотъ періодъ явилось въ самомъ изящномъ видѣ. Сіе примѣчательное явленіе произошло отъ могущественнаго вліянія Христіанства на первобытный характеръ германскій, и получило свое дальнѣйшее развитіе отъ нераздѣльнаго сліянія того и другаго. Древніе Германцы только того считали мужемъ, кто доказывалъ и упражнялъ свою тѣлесную силу, существенную принадлежность мужества, и сознаніе сей самостоятельности внушало каждому чувство чести, которой признаніе отъ другихъ онъ, въ случаѣ надобности, вынуждалъ силою. Такой образъ мыслей и чувствованій облагороживался прямодушною откровенностью, съ какою онъ высказывался, отрѣченіемъ отъ всякаго коварства, даже отъ всякаго успѣха, какъ скоро оружіе и выгоды боя не были рав-

ны. Таковы были первоначальныя стихіи рыцарскаго быта, который впрочемъ оставался еще необузданнымъ и грубымъ, доколѣ вѣра любви не научила рыцаря преклоняться предъ тѣмъ, что всего менѣе можетъ противиться внѣшней силѣ. Справедливость, кротость, снисхожденіе къ слабымъ, защита угнетенныхъ, особливо женъ и духовныхъ, противъ сильныхъ притѣснителей, были всюду признаны обязанностями христіанскихъ витязей. Наконецъ брань за Бога и Его Церковь, ратоборство съ невѣрными, въ эти восторженные вѣки, по справедливости, были достойнѣйшимъ освященіемъ, просвѣтленіемъ земной храбрости. И Крестовые Походы столько же возвеличены были рыцарствомъ, сколько рыцарство находило въ нихъ довершеніе своего званія и достиженіе высочайшей своей цѣли.

Если, для открытія первыхъ началъ рыцарства, мы обратимся къ дружинамъ (Gefolgſchaften) древнихъ Германцевъ (Ч. IV стр. 39), то въ нихъ найдемъ и слѣды соединенія рыцарей въ одно общество. Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ германскихъ народовъ особенно было то, что общій образъ жизни, общая цѣль трудовъ подавали у нихъ поводъ къ составленію тѣсныхъ товариществъ, причемъ не обращаемо было вниманіе на отношенія и связи семейства, племени, самаго отечества. Преимущественно въ Средніе Вѣки эти товарищества представляли явленія весьма замѣчательныя и обильныя послѣдствіями; они существовали между воинами, монахами, художниками, ремесленниками, и, простираясь почти по всей Европѣ, подавали поводъ къ учрежденію во всѣхъ земляхъ если не совсѣмъ такихъ, по крайней мѣрѣ подобныхъ обществъ. Въ сихъ товариществахъ всякій находилъ необходимое для него въ трудахъ пособіе; въ трудѣ общими силами, въ постоянныхъ, дѣятельныхъ и личныхъ сношеніяхъ, всѣ дѣла шли живѣе и лучше. Всякій, кто желалъ слыть знатокомъ своего дѣла, быть мастеромъ, могъ сего достигнуть только посредствомъ опредѣленнаго законами обученія и образованія, которыя имѣли свои узаконенныя степени, и самое рыцарство слѣдовало тому же правилу.

Для полученія званія рыцаря, надлежало происходить отъ допущеннаго къ этому званію рода, т. е. такого, въ которомъ изстари велись служба на конѣ и воинскій образъ жизни (Ч. IV стр. 354). Въ Крестовыхъ Походахъ, на которые собирались воины изъ всѣхъ земель Европы, въ которыхъ они преимущественно подвергались опасностямъ и битвамъ, цѣль самой войны и примѣръ духовныхъ рыцарскихъ орденовъ, въ которые большая часть способныхъ къ сему званію не могли вступить по разнымъ обстоятельствамъ, подали мысль учредить высшее общество изъ тѣхъ между ими, которые хотѣли не только вести доблестную жизнь воина, но и исполнять предписанія религіи и Церкви, чести и ленной вѣрности, и заниматься военнымъ дѣломъ по правиламъ искусства. Для наученія отрока сему искусству съ первыхъ лѣтъ, и для доставленія ему возможности быть принятымъ въ великій рыцарскій союзъ, отправляли его ко двору чужаго рыцаря, обыкновенно леннаго господина, гдѣ онъ служилъ пажемъ и учился первымъ пріемамъ верховой ѣзды. Подросши, онъ назывался юнкеромъ (Knappe, дѣтиною) и былъ конюшимъ и оруженосцемъ своего господина, сопутствовалъ ему въ походахъ, водилъ за нимъ ратнаго коня, и т. д. Сверхъ того, юнкеры особенно упражнялись въ искусствѣ владѣть копьемъ и мечемъ. Самое принятіе въ рыцарское званіе совершалось съ торжественнымъ обрядомъ. Такія торжества чаще происходили при большихъ дворахъ, въ праздничные дни, среди блестящаго собранія князей, духовенства и благородныхъ женъ. Обряды принятія не вездѣ были одинаковы. Готовящійся къ вступленію въ рыцарство обыкновенно наканунѣ постился, и проводилъ ночь въ церкви, занимаясь богомысліемъ и молитвою. На слѣдующее утро ходилъ въ баню. Изъ ней онъ долженъ былъ выйти чистымъ отъ грѣховъ и безъ порока, омыться въ честности и рыцарской доблести. Изящная постель, на которую онъ тогда ложился, означала обязанность его рыцарскими подвигами и жизнію пріобрѣсти селеніе райское, бѣлыя и красныя одежды, на него возлагаемыя, побуждали его къ сохраненію чисто-

ты нравовъ и къ пролитію крови за Бога и Святую Церковь; а башмаки темнаго цвѣта напоминали ему о смерти и о возвращеніи тѣла въ землю. Какъ онъ шпорами побуждалъ своего коня, такъ воззрѣніе на нихъ должно было воспламенять и его ревностію, во всю жизнь вѣрно служить Богу. Потомъ новопринимаемый давалъ разные обѣты, относительно сохраненія набожности, обязанности защищать женъ и духовныхъ, вѣрности и чистоты во всѣхъ поступкахъ. Напослѣдокъ онъ получалъ отъ испытаннаго и доблестнаго рыцаря, чаще отъ короля и князя, одинъ или три удара плоскостью меча по спинѣ, при чемъ обыкновенно произносились слова: «Во имя Бога, Святаго Михаила и Святаго Георгія дѣлаю тебя рыцаремъ.» Пиршество и другія увеселенія по большой части заключали торжество дня. Бѣднѣйшіе довольствовались простымъ обрядомъ. Случалось, что старый витязь, выигравъ сраженіе, тутъ же на полѣ битвы награждалъ ударомъ юношей, отличившихся храбростью.

Къ самымъ рѣзкимъ противоположностямъ Древности и Новаго Времени принадлежитъ отношеніе мужчинъ къ женщинамъ: сіе отношеніе нечувствительно возвысилось на такую степень, о какой даже самые образованные Греки и Римляне вовсе не имѣли понятія. Жена уже не была болѣе рабою мужа; она отдавала ему руку тогда только, когда онъ успѣвалъ снискать ея благосклонность, когда, ища ея сердца, онъ добровольно ей покорялся. При всей самостоятельности характера Германцевъ въ многихъ случаяхъ, они охотно жертвовали своею волею и личностью достойнымъ товарищамъ, къ которымъ чувствовали влеченіе; этою связью возвышали и укрѣпляли они свое существованіе, и въ добровольной подчиненности находили свою свободу. Отъ такого стремленія къ составленію товариществъ произошла жизнь дружинная (das Gefolgsleben) и позже того ленная система, которая, при всѣхъ ея измѣненіяхъ, основывалась на семъ началѣ. Желаніе найти такой отголосокъ собственнаго бытія и своей жизни, усилилось еще болѣе въ отношеніи къ женщинѣ, естественно и духовно необходимой подругѣ мужчины. Природныя расположенія

Германцевъ къ такой преданности и къ сохраненію сего чувствованія, были въ послѣдствіи усилены Христіанствомъ, котораго средоточіе есть именно высочайшая любовь, пожертвованіе самимъ собою. По смягченіи старинной грубости и варварства, возникла изъ сего чувства благородная, чистая, безкорыстная любовь, прославленная рыцарями. Къ ихъ характеру, состоявшему изъ храбрости и благочестія, прибавилось третье начало, обожаніе прекраснаго пола (courtoisie). Истинный рыцарь не могъ жить безъ владычицы мыслей и сердца, которой онъ служилъ и повиновался безпрекословно. Избранная имъ дѣвица, долгое время казалась къ нему строгою, возлагала на него смѣлыя и опасныя предпріятія, чтобы онъ заслужилъ ея любовь храбростью. Даже и тотъ, кто еще не зналъ своей возлюбленной или не былъ признанъ ею, но только втайнѣ вздыхалъ по ней, съ радостію бился за нее на животъ и на смерть со всѣми тѣми, которые не признавали ея красоты и добродѣтели. Но кто могъ громко назвать свою повелительницу, тотъ носилъ ея изображеніе на шеѣ, постоянно имѣлъ на себѣ знакъ ея благосклонности, перевязь, перстень, или шейный платокъ ея работы, и принималъ отъ нея завѣтное слово (Losungswort, parole), которое воодушевляло его во всѣхъ опасностяхъ. Когда рыцарь отправлялся на общественныя воинскія игры, дама возлагала на него доспѣхи, давала ему нѣчто на память о себѣ, и, если можно было, присутствовала при самомъ турнирѣ. Франція была главной отчизной рыцарства и этой любви постоянной и страстной.

Однажды пріѣхалъ въ Парижъ иноземный рыцарь, котораго рука и нога скованы были длинною золотою цѣпью. Онъ обѣщалъ своей красавицѣ носить пять лѣтъ сіи оковы, если до того времени не будетъ побѣжденъ рыцаремъ храбрѣйшимъ. Онъ объявилъ объ этомъ чрезъ герольда (вѣстника, глашатая), и приглашалъ всѣхъ французскихъ рыцарей на единоборство. Многіе явились, между прочими сильный рыцарь Сентре, выступившій въ бой по желанію своей обладательницы. Онъ одолѣлъ своего противника во всякихъ бояхъ, на конѣ и пѣшій, и потомъ

снялъ съ него цѣпь. Одна французская дворянка обѣщала отдать рыцарю сердце и руку, подъ условіемъ другаго рода: онъ долженъ былъ принесть ей изображенія тридцати другихъ красавицъ, побѣдивъ ихъ рыцарей. И онъ разъѣзжалъ отъ одного замка и двора къ другому, вызывалъ всѣхъ рыцарей, и добывалъ портретъ за портретомъ. Въ теченіе года, говорятъ, онъ счастливо набралъ требуемое число, и, вмѣстѣ съ именами красавицъ, почтительно повергъ къ ногамъ своей возлюбленной.

Наконецъ, были странствующіе или блуждающіе рыцари, искавшіе удалыхъ приключеній, только для того, чтобъ пріобрѣсти честь и славу, не рѣдко и добычу. Ихъ свойства и подвиги прекрасно изображены въ одномъ старинномъ нѣмецкомъ стихотвореніи, въ которомъ рыцарь на вопросъ, что значитъ искать приключеній, отвѣтствуетъ: «Я называюсь рыцаремъ, и разъѣзжаю для того, чтобы найти человѣка, который бы сразился со мной и имѣлъ такое же оружіе какъ я. Если онъ побѣдитъ меня, станутъ хвалить его, а если я одержу верхъ, меня будутъ считать доблестнымъ мужемъ, и я чрезъ то сдѣлаюсь почтеннѣе прежняго *).»

Главнымъ средствомъ къ отдѣленію рыцарскаго сословія отъ прочихъ и къ поддержанію рыцарскаго духа, были турниры. И ихъ происхожденіе относится къ одинадцатому вѣку, но неизвѣстно, тогда ли уже вошло въ обычай сражаться по одиначкѣ, или сначала сходились только цѣлыми дружинами, чтобы такимъ образомъ представлять войну въ маломъ видѣ. Обыкновенно учреждали большой турниръ въ честь какого либо праздника, и объявляли о томъ заранѣе. Тогда храбрые рыцари во множествѣ съѣзжались изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ, пышно убранные бархатомъ, шелкомъ, золотомъ и дорогими мѣхами, но для воинскихъ игръ одѣвались съ головы до ногъ въ желѣзныя латы. И лошади ихъ были почти совсѣмъ покрыты блестящей жестью. На турниры допускались толь-

*) Büſching, Ritterzeit und Ritterweſen, Bd. II. S. 60.

ко рыцари благородной крови, и для того каждый наперед долженъ былъ являться къ ратнымъ судьямъ, чтобы доказать права свои на участіе въ турнирахъ. Существовало множество турнирныхъ законовъ; многимъ лицамъ поручено было поддержаніе порядка, таковы были: турнирные старосты, (Turniervögte) герольды, гербовые короли, разбиравшіе права рыцарей; приставы (Grieswärtel) разнимали слишкомъ горячихъ сподвижниковъ, а низшіе служители (Prügelknechte) удерживали народъ въ порядкѣ,

Площадь, на которой игры производились, обнесена была оградой. На балконахъ и подмосткахъ сидѣли дамы и знатные зрители, кругомъ стоялъ народъ. Витязи по парно—пары назначались жребіемъ, или по сану, или по вызовамъ — при воинской музыкѣ, въ великолѣпномъ нарядѣ, въѣзжали въ ограду. Герольдъ провозглашалъ каждую пару по имени, развѣ являлся какой неизвѣстный рыцарь съ опущеннымъ забраломъ, который однако же долженъ былъ открыть свое состояніе судьямъ турнира.

Игры начинались сраженіемъ на копьяхъ. Съ копьемъ въ правой рукѣ, оба рыцаря неслись на разгоряченныхъ коняхъ другъ противъ друга, и старались одинъ другаго выбить изъ сѣдла. Если оба устоятъ отъ удара, копья часто раздроблялись о панцырь, иногда оба вмѣстѣ вылетали изъ сѣдла, иногда тотъ, который не хотѣлъ опустить повода и стремянъ, опрокидывался навзничь вмѣстѣ съ лошадью. Потомъ бились мечами, конные и пѣшіе. Здѣсь раны случались не часто, потому что ратоборцы совершенно покрыты были желѣзомъ, мечи не отпущены и колоть не позволялось. Часто сражались и цѣлыми дружинами, и когда рыцари отъѣзжали къ сторонѣ, пажи, для упражненія въ воинскомъ дѣлѣ, производили такъ называемый товарищескій бой (Gesellenstechen).

Рыцари, одержавшіе побѣду въ какомъ либо бою, получали, по рѣшенію судей, изъ рукъ знатнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ дамъ, такъ называемую благодарность, то есть золотую цѣпь, перевязь, вышитый поясъ, мечъ, перстень или иной дорогой подарокъ. Рыцарь, удостоен-

ный награды, имѣлъ позволеніе поцѣловать въ уста даму, которая оказала ему такую благосклонность. Иногда благородныя жены раздавали даже подарки изъ своего имущества. Такъ на турниръ, который рейнское рыцарство давало 1200 года въ Вормсѣ, четыре княгини привезли съ собою разныя награды. Первую, вѣнокъ изъ двѣнадцати золотыхъ колецъ, цѣною въ тысячу двѣсти гульденовъ, Графиня Монфератская отдала Герцогу Богемскому; вторую, оцѣненную въ четыреста гульденовъ, получилъ Графъ Рупертъ Каринтскій изъ рукъ Княгини Лотарингской; третья и четвертая вручены были двумъ рыцарямъ, Лимпургу и Нуссдорфу, Графинями Клевскою и Бичскою. При торжественномъ пирѣ, который обыкновенно слѣдовалъ за воинскими упражненіями, дамы снимали съ побѣдителей оружіе и одѣвали ихъ въ богатый праздничный нарядъ, и они садились подлѣ прекраснѣйшихъ женъ и дѣвицъ.

Эти игры не всегда оканчивались такъ весело. Иного рыцаря уносили съ переломленными ребрами. Въ 1185 году, Герцогъ Готтфридъ Бретанскій, сынъ Англійскаго Короля Генриха II (выше, стр. 141), лишился жизни на турнирѣ въ Парижѣ. Іоаннъ, Маркграфъ Бранденбургскій, сынъ Оттона III, въ 1260 году палъ мертвый на поприщѣ, а въ 1175 году, Конрадъ, сынъ Мейссенскаго Маркграфа Дитриха, смертельно раненъ былъ копьемъ. Иногда личная злоба вмѣшивалась въ игру, и забава превращалась въ дѣйствительный бой. Такъ, въ 1175 году, въ одной Саксоніи погибло на турнирахъ шестьдесятъ рыцарей, и на одномъ турнирѣ въ Нейссѣ, въ нижней Лотарингіи, убито сорокъ два рыцаря и столько же пажей. При одномъ турнирѣ въ Дармштатѣ, въ 1403 году, Гессенцы и Франки такъ жарко схватились другъ съ другомъ, что пристава, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могли ихъ разнять.

И при этихъ турнирахъ, пламенный духъ рыцарской любезности и тщеславіе выказывались со всѣми своими причудами. Иной витязь, въ знакъ своего раболѣпства, позволялъ своей повелительницѣ вести себя на цѣпочкѣ

въ ограду. Каждый носилъ при себѣ залогъ любви своей красавицы какъ талисманъ, и если въ жару битвы терялъ его, то выпрашивалъ себѣ новый. Дамы, присутствовавшія на одномъ французскомъ турнирѣ, должны были такъ часто подкрѣплять усердіе своихъ паладиновъ новыми залогами любви, что напослѣдокъ сидѣли почти совсѣмъ раздѣтыя. На турнирѣ въ Бокерѣ (Beaucaire), въ 1174 году, Графъ Тулузскій подарилъ одному рыцарю сто тысячъ золотыхъ монетъ, которыя онъ тотчасъ роздалъ ста другимъ рыцарямъ. Бертранъ Ребо (Raibaux) велѣлъ двѣнанцатью парами воловъ запахать поле, на которомъ надлежало быть турниру, и высѣять на немъ три тысячи монетъ. Вильгельмъ Гро де Мартелло (Gros de Martello) уставилъ свой столъ кушаньями, которыя сварены были на восковыхъ свѣчахъ и факелахъ, а рыцарь Рамонъ де Венанъ (de Venais) думалъ прославиться тѣмъ, что сжегъ тридцать дорогихъ лошадей предъ глазами цѣлаго собранія.

Въ заключеніе должно еще упомянуть о гербахъ, которые возникли по поводу турнировъ и рыцарскихъ походовъ. Такъ какъ рыцарей нельзя было узнавать по той причинѣ, что доспѣхи закрывали все ихъ тѣло, то примѣтою ихъ служилъ символическій значекъ, начертанный на щитѣ, или привязанный къ перу шлема. Въ гербахъ, которые съ того времени сдѣлались наслѣдственными въ дворянскихъ фамиліяхъ, рыцарская фантазія выразилась своею особенностію: ими, не рѣдко весьма замысловатымъ образомъ, выражаются имена, имѣющія какое либо значеніе, также свойства земель, или увѣковѣчиваются краткими, мѣткими чертами память какого либо славнаго подвига или достопамятнаго событія *).

## 38. Романская Поэзія.

Всѣ надѣленные природными дарованіями народы, сколько можно слѣдить за ихъ исторіею, проявляютъ

*) A. W. v. Schlegel im Deutschen Museum, Bd. II, S. 452.

большую склонность къ поэзіи, и обработываютъ ее тѣмъ самостоятельнѣе, чѣмъ менѣе приходятъ въ соприкосновеніе съ другими племенами. Уже въ Тацитѣ находимъ мы ясныя указанія на героическія пѣсни Германцевъ. Это природное расположеніе принесли они съ собою въ завоеванныя ими земли Римской Имперіи, но прошелъ рядъ вѣковъ, прежде нежели новосоставившіеся языки подчинились искусственнымъ формамъ поэзіи. Первый языкъ, достигшій этого совершенства, былъ провансальскій. Область Провансъ составляла часть Арелатскаго Королевства, но ея графы, именуемые также Графами Арлскими, были почти независимы. По пресѣченіи рода ихъ, земля сія досталась Графамъ Барселонскимъ (1112), и когда они, въ 1137 году, вступили на престолъ арагонскій (см. ниже, стат. 42), на короткое время соединена была съ симъ королевствомъ, но управлялась отдѣльно младшими сыновьями или братьями, и Алфонсъ (царств. съ 1199), второй сынъ Алфонса II Арагонскаго, сдѣлался родоначальникомъ новаго владѣтельнаго дома *). Подъ Провансалами разумѣли тогда не только жителей нынѣшней области Прованса, но и всей южной Франціи, которая отъ сѣверной отличалась не только большею промышленностью, утонченными нравами, но и особеннымъ, образованнымъ языкомъ, который назывался провансальскимъ **). Языкъ этотъ господствовалъ и въ Арагонскомъ Королевствѣ, гдѣ также какъ въ южной Франціи, конечно съ замѣтными перемѣнами, господствуетъ онъ и понынѣ въ устахъ народа.

---

*) Мужеское колѣно сихъ владѣтелей угасло уже въ 1245 году съ Раймундомъ Беренгаромъ IV; четвертая дочь его, Беатриса, назначенная наслѣдницей по завѣщанію отца, вышла за Карла Анжуйскаго, въ послѣдствіи Короля Неаполитанскаго, и принесла ему Провансъ въ приданое.

**) Такъ какъ Южные Французы говорили *oc* вмѣсто *oui*, то оба нарѣчія во Франціи дѣлили на langue d'oc (отсюда названіе провинціи) и langue d'oui.

Дворъ Графовъ Прованскихъ уже въ началѣ двѣнадцатаго вѣка считался образованнѣйшимъ и великолѣпнѣйшимъ въ Европѣ. При немъ можно было нравиться только даромъ бесѣды остроумной и красивымъ языкомъ выраженной. Рыцари готовились къ каждому посѣщенію замысловатыми стихами; поэзія и музыка были приправою всякой бесѣды. Дворянство на время мѣняло мечъ и копье на лютню, и забавляло дамъ попеременно воинскими и поэтическими состязаніями. Трубадуръ (изобрѣтатель) было собственное названіе провансальскихъ поэтовъ. Они называли свое искусство веселою наукою (gaya ciencia). Большая часть трубадуровъ умѣли сопровождать свои пѣсни музыкою. Кто не имѣлъ этого дара, тотъ обыкновенно водилъ съ собой скомороха (jongleur, joculator). Такъ назывались всѣ тѣ, которые занимались поэзіею и музыкою какъ ремесломъ. Сверхъ того, люди сіи занимались также пляской на канатѣ и другими подобными искусствами. Пѣсни трубадуровъ почти всѣ принадлежали къ лирическому роду, и прославляли любовь женъ, царство и красоты природы. Впрочемъ, онѣ также карали тогдашніе пороки и образъ жизни, преслѣдовали ѣдкой насмѣшкою роскошь духовенста, увѣщевали князей къ справедливости и честности, и возбуждали нерадивыхъ къ принятію креста.

Провансалы сочиняли стихотворенія лирическія, а Сѣверные Французы трудились надъ составленіемъ большихъ эпическихъ рыцарскихъ стихотвореній или романовъ, и притомъ первоначально, и до самаго Филиппа Августа, на Латинскомъ Языкѣ; наконецъ, при этомъ Королѣ, и Французскій получилъ ту гибкость, которая дѣлала его способнымъ для поэтическихъ сочиненій. Здѣсь, во время Крестовыхъ Походовъ, исторія Карла Великаго была главнѣйшимъ предметомъ пѣснопѣній. Но такъ какъ его истинная исторія, бѣдная романическими событіями, мало доставляла матеріала, то къ ней присовокупляемы были происшествія вымышленныя, имѣвшія связь съ несчастнымъ пораженіемъ подъ Ронсеваломъ (Ч. IV стр. 167). Эта война съ Сарацинами изложена здѣсь не только въ

баснословномъ видѣ и прикрашена самыми чудными приключеніями, но, въ намѣреніи представить тогдашнимъ набожнымъ воинамъ высокій образецъ воинской доблести, Императору приписанъ даже крестовый походъ. Мало по малу, имена всѣхъ князей, всѣ чары Востока включены были въ сіи исторіи, въ которыхъ однакожъ Карлъ, совершенно вопреки его историческому характеру, стоитъ праздно на заднемъ планѣ, и вся поэма вращается около похожденій его витязей. Основою тому служили народныя пѣсни и преданія, которыя встарину составлялись духовными на Латинскомъ Языкѣ. Знаменитѣйшимъ изъ сихъ сочиненій была хроника, которую несправедливо приписывали современнику Карла Великаго, Реймскому Архіепископу Турпину. Въ началѣ двѣнадцатаго вѣка, она пріобрѣла всеобщее уваженіе. Въ другомъ кругѣ басней повѣствовали о Британскомъ Королѣ Артусѣ и двѣнадцати рыцаряхъ его застольной дружины. Это стихотвореніе имѣло цѣлію въ особенности представить идеалъ совершеннаго рыцарства; историческій Артусъ (ум. 537), христіанскій король цельтическаго племени въ Британіи, и его войны со вторгнувшимися въ нее языческими Саксами, были бы предметомъ слишкомъ ограниченнымъ *). Тогдашніе поэты не довольствовались прославленіемъ однихъ христіанскихъ рыцарей. Они брали въ помощь и древнихъ греческихъ героевъ, передѣлывали Курція и Виргилія въ рыцарскія стихотворенія, и украшали Александра Великаго и троянскихъ героевъ всѣми цвѣтами христіанскаго рыцарства. Третье направленіе Сѣверо-Французской Эпики, имѣющее предметомъ дѣйствительную жизнь съ ея обстоятельствами, составляютъ повѣсти и басни (Contes и Fabliaux). Онѣ сочиняемы были въ безчисленномъ множествѣ, и являютъ самую разнообразную пестроту, представляя то въ трагическомъ, то въ комическомъ видѣ похожденія и приключенія рыцарей, гражданъ и духовныхъ лицъ.

*) Fr. Schlegel Werke, Bd. I. S. 292.

Между тѣмъ, какъ Провансальская Поэзія обнимала и востокъ Испаніи и всю Верхнюю Италію, Сѣверо-Французская распространилась въ Англію; стихотворцы во одно время живали въ Англіи и во Франціи. Тамъ они именовались труверами (trouveres). Музыкальнымъ исполненіемъ ихъ произведеній занимались менестрелы (menetriers, ministeriales), которые однако вели себя благороднѣе нежели жонглёры, чуждаясь шутовства и фиглярства. Съ развитіемъ поэзіи возрастали уваженіе и благосклонность къ ея творцамъ и представителямъ. Повсюду, при дворахъ королей и князей, даръ пѣсни чтимъ былъ высоко. За Лудовикомъ VII и храбрымъ Ричардомъ Львиное Сердце стихотворцы слѣдовали въ Обѣтованную Землю, чтобы услаждать своими пѣснями досугъ героевъ въ станѣ. За новую пѣснь стихотворцы получали изъ рукъ женъ прекрасные подарки, одежду, оружіе, коня, золотой цвѣтокъ или другую вещь на память.

Въ слѣдствіе албигенскихъ войнъ, Поэзія Провансальская пришла въ упадокъ *); въ четырнадцатомъ вѣкѣ старались опять пробудить ее наружными средствами. Городъ Тулуза съ этою цѣлію учредилъ, въ 1324 году, такъ называемую Академію цвѣточныхъ игръ (Academie des jeux floraux), въ засѣданіяхъ которой, собиравшихся дважды въ годъ 1 и 3 маія, лучшему стихотворенію присуждали въ награду золотую фіалку. Этому примѣру

*) По обыкновенному мнѣнію, и знаменитыя любовныя судилища (cours d'amour), — которыя во время Крестовыхъ Походовъ появились въ Провансѣ, гдѣ дамы имѣли засѣданія, чтобы оцѣнивать произносимыя предъ ними пѣсни, лучшія увѣнчевать и рѣшать вопросы объ отношеніяхъ и спорныхъ случаяхъ любви, — произошли отъ стихотворныхъ игръ трубадуровъ. Но, при такихъ рѣшеніяхъ и отвѣтахъ, которые они давали на замысловатые любовные вопросы, они весьма строго наказывали преступленія противъ законовъ благородной страсти, и бдительно наблюдали за нравственностью и приличіемъ въ обхожденіи обоихъ половъ.

еще позже послѣдовалъ Іоаннъ I, Король Арагонскій. Въ 1388 году, какъ бы по важному государственному дѣлу, онъ отправилъ чрезвычайное посольство къ Французскому Королю Карлу VI, и просилъ себѣ нѣсколькихъ стихотворцевъ изъ Тулузы, чтобы завести въ Барселонѣ подобную академію, за что обѣщалъ имъ богатѣйшія награды. Они прибыли, и по его желанію учредили общество веселой науки (Consistorio de la gaya ciencia) которое собиралось ежемѣсячно, завело піитическую библіотеку, и получило опредѣленные законы, преимущества и доходы. Но такія учрежденія не принесли ожидаемыхъ плодовъ, потому что обстоятельства и духъ, породившіе это изящное искусство, давно уже миновали. Сѣверъ и Югъ Франціи между тѣмъ соединились, и съ того времени имѣли общее средоточіе своей духовной жизни при дворѣ короля. Отъ него исходило дальнѣйшее развитіе Французской Поэзіи.

## 3. Нѣмецкая Поэзія Швабскаго Времени.

Участіе Нѣмецкаго Народа въ возрожденіи поэзіи, у всѣхъ народовъ Запада возникшей отъ обычаевъ рыцарства и Крестовыхъ Походовъ, относится равнымъ образомъ къ вѣку Гогенштауфеновъ. Не доказано, чтобъ пѣсни любви (Minnegesang), составляющія большую часть сихъ стихотвореній, заимствованы были отъ Провансаловъ, какъ многіе полагаютъ. Нѣтъ повода думать, чтобы изъ подобныхъ явленій, возникающихъ у разныхъ народовъ въ одинъ и тотъ же періодъ, одно было сколкомъ другаго, если направленіе, отъ котораго они происходятъ, есть преобладающее въ цѣломъ времени. А тогда одинъ духъ оживлялъ всю Христіанско-Германскую Европу, вездѣ преобладали рыцарство, уваженіе къ женскому полу; вездѣ возникала народная поэзія.

Со времени Императора Фридриха I начинается цвѣтущій періодъ Нѣмецкой Поэзіи. Верхне-Нѣмецкое или Швабское Нарѣчіе было тогда самымъ образованнымъ и преобладало въ большей части стихотвореній; по сей причинѣ этотъ періодъ Нѣмецкой Поэзіи называютъ и швабъ-

скимъ. Генрихъ фонъ Фельдекъ (von Veldeck), во второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка, былъ одинъ изъ старѣйшихъ въ этомъ ряду стихотворцевъ; Конрадъ Вирцбургскій, во второй половинѣ тринадцатаго, одинъ изъ послѣднихъ. Между сими двумя эпохами появилось множество прекрасныхъ лирическихъ и эпическихъ стихотвореній.

Лирическія, извѣстныя подъ именемъ пѣсней любви (Minnelieder), отличающіяся изяществомъ языка и искусствомъ въ стихосложеніи, воспѣваютъ преимущественно любовь и весну въ разнообразныхъ оборотахъ и формахъ; между тѣмъ авторы пѣсней оставили намъ также произведенія религіознаго, нравственнаго и политическаго содержанія, равно какъ и Провансалы. Но Нѣмцы, въ обоихъ отношеніяхъ, показываютъ болѣе глубокаго чувства и менѣе игривой замысловатости. Въ Вольфрамѣ Эшенбахѣ, Валтерѣ фонъ-деръ-Фогельвейде и Готтфридѣ Страсбургскомъ, Швабская Поэзія достигла своего высшаго развитія. Императоры и короли, князья и графы, которыхъ Исторія обыкновенно представляетъ намъ только среди строгихъ занятій, въ бояхъ отважныхъ, въ могучихъ подвигахъ, сами выходятъ на сцену въ качествѣ поэтовъ, и являются въ этомъ кругу кроткими, нѣжными, почти игривыми. Нѣкоторыя тогдашнія стихотворенія приписываются Императору Генриху VI и несчастному Конрадину; иныя сочинены Богемскимъ Королемъ Венцелемъ, Маркграфомъ Бранденбургскимъ Оттономъ со стрѣлою (mit dem Pfeile), Герцогами Генрихомъ Бреславскимъ и Іоанномъ Брабантскимъ и другими. Въ числѣ князей, которые явились покровителями и поборниками стихотворства, особенно отличаются Германнъ, Ландграфъ Тюрингенскій, и Австрійскіе Герцоги изъ дома Бабенберговъ. При ихъ дворахъ собирались даровитые пѣвцы, и въ сохранившемся отчасти стихотвореніи: поэтическое состязаніе въ Вартбургѣ, изображено такое собраніе знаменитѣйшихъ пѣвцовъ любви. Поэзія была тогда всеобщею потребностью рыцарской жизни, и съ нею нераздѣльна.

Эпическія стихотворенія того времени составляютъ преимущественно три круга сагъ и сказокъ, именно приве-

денныя уже сказанія о Карлѣ Великомъ и Королѣ Артусѣ, и сверхъ того о древнихъ готскихъ, франкскихъ и бургундскихъ геройхъ изъ временъ переселенія народовъ. Первый кругъ былъ скуднѣе прочихъ. Съ большей любовью, и въ значительнѣйшемъ объемѣ, нѣмецкіе поэты обработывали саги объ Артусѣ. Вольфрамъ Эшенбахскій изобразилъ въ своемъ большомъ стихотвореніи, Парциваль, строгую, мистическую ихъ сторону, а Готтфридъ Страсбургскій воспѣлъ, въ своемъ Тристанѣ, любовь и наслажденіе жизнію. Оба трудились по образцамъ французскимъ, но тѣмъ не менѣе создавали совершенно отличныя и новыя, законченныя стихотворенія, въ которыхъ возвышенныя и глубокія мысли проявляются въ формѣ соразмѣрной и округленной. Еще важнѣе, и для уразумѣнія чистой нѣмецкой народности замѣчательнѣе, пѣсни, составляющія третій кругъ. Онѣ, по своему содержанію и вѣшнему виду, суть совершенно нѣмецкія, и Провансаламъ и Французамъ едва были извѣстны; отчасти онѣ указываютъ на Сѣверъ, и тѣ мѣста ихъ, въ которыхъ повѣствуется о смѣломъ Зигфридѣ, не рѣдко были обработываемы и на языкахъ скандинавскихъ. Пребываніе Зигфрида у Бургундскихъ Королей, его любовь къ Хримгильдѣ, его смерть и кровная месть жены изображены въ нѣмецкомъ стихотвореніи Нибелунги. Поэма сія окончательно обработана въ послѣднихъ годахъ двѣнадцатаго, или въ первыхъ тринадцатаго вѣка. Языкъ, стихосложеніе и внутренняя оконченность отличаютъ ее отъ всѣхъ стихотвореній того времени. Отдѣлка и строгое отношеніе всѣхъ частностей къ великому средоточію въ этомъ произведеніи, по справедливости возбудили особенное удивленіе. Возрожденный народный духъ Нѣмцевъ, освѣжается здѣсь въ своемъ минувшемъ быту, какъ въ чистомъ и свѣтломъ источникѣ. Великій поэтъ, сообщивъ сему стихотворенію послѣднюю отдѣлку, (имя его потеряно) сколько видно, придерживался древней саги съ возможной вѣрностью, не позволялъ себѣ ни какой примѣси изъ временъ позднѣйшихъ, и даже не упоминалъ о Крестовыхъ Походахъ, которые постоянно встрѣчаются въ другихъ произведеніяхъ того вѣка. Зигфридъ,

въ нѣмецкомъ стихотвореніи, является юнымъ витяземъ, которому назначены судьбою ярый бой, пламенная любовь и внезапная смерть, а другой кругъ пѣсней обращается около мужественнаго героя Дитриха Бернскаго, которому служитъ основаніемъ историческое воспоминаніе объ Ост-Готскомъ Королѣ Ѳеодорихѣ (Ч. IV стр. 15). Здѣсь изображаются намъ битвы готскихъ и французскихъ витязей, но только въ очеркахъ болѣе краткихъ, и живостію красокъ далеко уступающихъ Нибелунгамъ. Многія изъ сихъ пѣсней сохранились только въ позднѣйшихъ передѣлкахъ.

Кромѣ стихотвореній, принадлежащихъ къ упомянутымъ тремъ кругамъ сказаній, есть еще множество другихъ историческаго содержанія, или заимствованныхъ изъ позднѣйшей исторіи, какъ Герцогъ Эрнстъ Генриха Фельдека, или излагающихъ, по способу, упомянутому въ предъидущемъ отдѣленіи, событія греческой и римской древности. Такъ, напримѣръ, Генрихъ Фельдекъ обработалъ въ этомъ родѣ Энеиду, Конрадъ Вирцбургскій подвиги подъ Троею. Но содержаніе сказаній сего рода почерпнуто не изъ самихъ римскихъ и греческихъ стихотворцевъ, а изъ позднѣйшихъ передѣлокъ, гдѣ оно отчасти уже преобразовалось въ духѣ и вкусѣ романтическомъ, коего печать лежитъ на всѣхъ сагахъ, вошедшихъ въ эти произведенія изъ древняго міра.

Сіе прекрасное время утратило свою юношескую свѣжесть послѣ половины тринадцатаго вѣка, и богатое разнообразіе его звуковъ уступило мѣсто другимъ твореніямъ. Князья удалили отъ себя стихотворцевъ, дворянство перестало заниматься поэзіей; но богатые граждане считали за честь поддерживать упадающее искусство. Предметы въ началѣ оставались еще тѣ же самые, но уже нельзя было воскресить духа, который проникалъ ихъ прежде того; вся жизнь обратилась отъ предметовъ величественныхъ къ мелкимъ и ничтожнымъ, и это именно причинило гибель рыцарской поэзіи. Преимущественно такъ названные мастера — пѣвцы (Meiſterſänger), не умѣя воодушевлять себя содержаніемъ пѣсни, обратили все

свое вниманіе на форму; но ихъ труды и усилія превратили свободную подвижность поэзіи въ одну сухую правильность. Потомъ, слѣдуя всеобщему стремленію вѣка, они соединились въ школахъ и корпораціяхъ (цехахъ); вскорѣ строгая, нравственная дѣйствительность и тяжелая ученость заступили мѣсто вымысловъ рыцарскихъ и романическихъ. Привольная игра стихотворства въ рукахъ ихъ сдѣлалась тяжелой ремесленнической формальностью. Но въ то самое время, когда въ школахъ мастеровъ—пѣвцевъ усиливалось стихотворство мелкое, скучное и вялое, духъ поэзіи нѣмецкой, глубокой и задушевной, отозвался въ свѣжихъ звукахъ природы. Въ низшихъ сословіяхъ общества раздались прекрасныя, выразительныя народныя пѣсни, и древнѣйшія стихотворенія романической эпохи сдѣлались достояніемъ простолюдиновъ.

## 40. Схоластики.

Въ то время какъ, среди веселыхъ праздниковъ при дворахъ князей, сладкія пѣсни о любви и рыцарствѣ раздавались на живомъ природномъ языкѣ, образовалась, устранясь отъ жизни и ея движенія, въ глухихъ кельяхъ монастырей, глубокомысленная схоластика, имѣвшая самую тѣсную связь съ іерархіей.

Главными и единственными предметами изученія тогдашняго вѣка были Религія и Богословіе, которыхъ основанія Церковь католическая утвердила неизмѣнно. И такъ умозрѣнію предоставлялось только покушеніе соглашать выводы своего изслѣдованія съ откровеніемъ, въ той мѣрѣ какъ ученія его поняты и опредѣлены Церковію, и на этомъ соединеніи сооружать зданіе науки. Но такъ какъ схоластика основывалась на положеніяхъ неизмѣнныхъ, и въ послѣдствіи признавала неоспоримымъ одинъ авторитетъ Аристотеля, то и сдѣлалась смѣсью вѣры въ твердыя начала, возбраняющія всякое дальнѣйшее разложеніе, и изслѣдованія, разрѣшающаго всѣ вопросы и произвольно связывающаго предметы своихъ сужденій, смѣсью стойкости при твердыхъ исходныхъ пунктахъ и самыхъ

разнообразныхъ уклоненій въ ихъ развитіи. Многіе историки учености того времени не могли истолковать этого страннаго явленія: отдавая всю справедливость добросовѣстности тогдашнихъ мыслителей въ изслѣдованіяхъ, неутомимому ихъ остроумію въ изысканіяхъ, они съ другой стороны едва могли удержаться отъ улыбки сожалѣнія, когда разсматривали содержаніе нѣкоторыхъ вопросовъ, на рѣшеніе которыхъ мыслители того времени истощали всю свою силу.

Латинскій Языкъ, которымъ схоластики пользовались исключительно, даже въ цвѣтущемъ періодѣ своемъ былъ не очень способенъ къ выраженію понятій Философскихъ. По этому они принуждены были обращаться къ самому корню его, и, къ величайшей пользѣ всѣхъ ново-латинскихъ языковъ, получившихъ отъ того большой запасъ словъ для означенія отвлеченныхъ понятій, вынуждали у него новыя формы, которыя, однако, чтителямъ классическихъ твореній Рима казались только порчею языка и безвкуснымъ варварствомъ. Но схоластики не обращали на это своего вниманія: они старались только умножить объемъ языка, какъ того требовала непомѣрная отвлеченность. Слогъ терялся совершенно въ просто логическихъ формахъ положеній и противоположеній, доказательствъ и опроверженій, которыя излагались въ длинныхъ умозаключеніяхъ. Нельзя искать живой особенности у сихъ писателей; всѣ они кажутся сходными въ изображеніи предметовъ, и отличаются только большею или меньшею степенью принужденнаго утонченія и отвлеченности.

Въ Исторіи Христіанства и его распространенія въ Римской Имперіи было замѣчено (Ч. III. стр. 356.), какимъ образомъ отцы церкви излагали Богословіе философическимъ образомъ, и чрезъ то соединили Философію съ Религіею. Вскорѣ послѣ временъ Карла Великаго, Іоаннъ Скотъ Эригена (Ч. IV. стр. 236.) философствовалъ въ этомъ смыслѣ. Предметомъ его умствованій было ученіе Церкви о таинствѣ Эвхаристіи. Противникомъ его былъ Пасхасій Радбертъ, аббатъ Монастыря Корвейскаго. Послѣ тяжелыхъ и смутныхъ временъ Каролинговъ, когда, въ

одиннадцатомъ вѣкѣ, умственная жизнь опять начала пробуждаться, тотъ же споръ возобновили два человѣка: Беренгаръ (ум. 1088), учитель въ монастырской школѣ отечественнаго своего города Тура, и Ланфранкъ изъ Павіи, бывшій въ послѣдствіи Архіепископомъ Канторберійскимъ (род. 1005. ум. 1089. Ч. IV. стр. 390.). Съ обѣихъ сторонъ написано было много сочиненій, въ которыхъ Ланфранкъ, защищавшій ученіе Церкви, употреблялъ въ особенности діалектическіе доводы, чтобъ опровергнуть своего противника. Беренгаръ неоднократно принуждаемъ былъ церковною властію отказываться отъ своихъ мнѣній. Но собственнымъ основателемъ направленія, доказывать ученія Вѣры путемъ разума, должно считать Ланфранкова ученика и преемника на архіепископской каѳедрѣ кантерберійской, Ансельма Аостасскаго (ум. 1109. см. выше. стр. 133.). Онъ говоритъ въ своемъ разсужденіи о вочеловѣченіи Сына Божія, что ему кажется небреженіемъ, если кто, будучи твердъ въ Вѣрѣ, не стремится постигнуть вѣруемое. Чрезъ вѣру Христіанинъ долженъ итти къ разуму, но не отъ разума приходить къ вѣрѣ. Еще менѣе, если онъ не можетъ понять, ему позволено оставлять вѣру; напротивъ, онъ тогда долженъ благоговѣть, и оставаться при ученіи Церкви.

Сія Философія начала оказывать болѣе успѣха, когда Іоаннъ Росцелинъ изъ Бретани, каноникъ въ Компьенѣ (около 1100), объявилъ свое ученіе, что всеобщія понятія (о раздѣленіи предметовъ на роды и виды) не имѣютъ дѣйствительности, и что одно недѣлимое, по схоластическому выраженію (Haeccceitas), есть истинное бытіе. Вильгельмъ де Шампо (Champeaux), архидіаконъ и учитель Риторики и Богословія въ парижской каѳедральной школѣ, возсталъ противъ сего мнѣнія, и доказывалъ дѣйствительность понятій о родѣ. Такъ произошли школы номиналистовъ и реалистовъ, которые вели между собой весьма жаркую войну. Франція, и преимущественно сѣверная часть ея, была позорищемъ сихъ ученыхъ состязаній, потому что здѣсь сряду являлось нѣсколько мужей остроумныхъ и искусныхъ въ діалектической борьбѣ. Знамени-

тѣйшимъ въ числѣ ихъ былъ Петръ Абелардъ. Онъ родился въ 1079 году, въ одномъ мѣстечкѣ, недалеко отъ Нанта, и соединялъ съ мужественною красотою проницательный умъ, ненасытимую любознательность и самое пламенное честолюбіе. Отецъ его былъ благородный рыцарь и воинъ. Желая совершенно посвятить себя наукамъ, Петръ пожертвовалъ правами первородства младшимъ братьямъ. Изученіе Логики подъ руководствомъ Росцелина удовлетворило его жаждѣ къ познаніямъ, и значительные успѣхи вскорѣ до того ободрили его, что онъ взялъ страннический посохъ, чтобы въ качествѣ странствующаго ученика слышать мужей знаменитыхъ и искать діалектическихъ состязаній. Онъ прибылъ и въ Парижъ, слушалъ чтенія Вильгельма де Шампо, и сначала принятъ имъ былъ ласково. Но вскорѣ оба философа разошлись, потому что Абелардъ предложилъ основныя черты новаго мнѣнія, которое направлено было противъ ученія какъ номиналистовъ, такъ и реалистовъ, открывало односторонность тѣхъ и другихъ, и пыталось доказать тождество частнаго со всеобщимъ, недѣлимаго съ родовымъ понятіемъ. Абелардъ утверждалъ: всеобщее хотя существуетъ, но находится въ каждомъ недѣлимомъ особеннымъ, конечнымъ, не безконечнымъ образомъ; напротивъ Вильгельмъ твердо настаивалъ на своемъ мнѣніи, что общее понятіе находится существенно во всѣхъ недѣлимыхъ, и послѣдніе не имѣютъ существенной разности. Абелардъ одерживалъ верхъ во многихъ ученыхъ преніяхъ, и, не смотря на свою молодость и короткое время ученія, пріобрѣлъ необыкновенное число учениковъ. Онъ завелъ свою собственную школу сперва въ Мелёнѣ, потомъ въ Корбейлѣ, а аудиторіи де Шампо между тѣмъ опустѣли.

Когда онъ, въ послѣдствіи, опять жилъ въ Парижѣ, домохозяинъ его, старый каноникъ Фульбертъ, избралъ его въ учители своей прекрасной осьмнадцатилѣтней племянницѣ Элоизѣ, отличавшейся рѣдкими способностями ума и сердца. Вскорѣ великія и блистательныя свойства ума Абеларда возбудили въ ученицѣ пламенное къ нему удивленіе и искреннее почтеніе. Она видѣла въ немъ совер-

шеннѣйшаго мужа, а онъ чтилъ въ ней благороднѣйшую женщину. Онъ воспѣлъ Элоизу въ пѣсняхъ любви, которыя долгое время повторялись во всѣхъ странахъ Франціи. Ослѣпленный страстію Абелардъ увезъ Элоизу къ сестрѣ своей, и тамъ тайно съ нею обвѣнчался, но, боясь гнѣва дяди ея, отправилъ ее въ женскій монастырь въ Аржантвилѣ. Фульбертъ почелъ это безчестіемъ своему семейству. Онъ придумалъ ужасную месть, и въ одну ночь велѣлъ напасть на несчастнаго Абеларда въ его комнатѣ и безчеловѣчно исказить его. Объятый стыдомъ и глубокой скорбью, Абелардъ постригся въ монахи и пошелъ въ монастырь Св. Діонисія, въ Парижѣ. Уединенная его келья не могла вмѣщать безчисленнаго множества учениковъ, которые постоянно искали его наставленія. Это было поводомъ къ новымъ горестямъ для Абеларда: зависть, возбужденная его успѣхами, преслѣдовала его со всѣмъ своимъ ожесточеніемъ. Около сего времени написалъ онъ для своихъ чтеній введеніе въ Богословіе; враги напали на сочиненіе, и утверждали, что оно содержитъ въ себѣ мнѣнія еретическія. Абелардъ былъ потребованъ на соборъ, созванный въ 1121 году въ Суассонѣ; тамъ принужденъ онъ былъ самъ бросить книгу свою въ огонь, и приговоренъ къ заключенію. Ему вовсе не позволили защищаться; епископы боялись его превосходства и искусства въ преніяхъ. Но притѣсняемый скоро нашелъ тѣмъ болѣе друзей, и его пристыженные противники должны были позволить ему опять возвратиться въ обитель Св. Діонисія. Здѣсь однако его откровенность и громкое охужденіе, которымъ онъ преслѣдовалъ мірскую жизнь монаховъ, навлекли ему новыя гоненія; наконецъ онъ получилъ позволеніе оставить монастырь. Въ сопровожденіи одного только вѣрнаго товарища, онъ пошелъ въ дремучіе лѣса Шампаньи, чтобы тамъ отъискать мѣсто успокоенія. На этомъ странствіи, онъ вспомнилъ о прекрасной долинѣ, нѣкогда имъ замѣченной, по которой протекала небольшая рѣчка, недалеко отъ Ножана на Сенѣ. Онъ нашелъ ее, остался первую ночь съ своимъ спутникомъ подъ деревомъ; на утро сдѣлалъ распоряженіе, чтобы поселиться

въ дикой, уединенной странѣ. Онъ сплелъ себѣ шалашъ изъ древесныхъ вѣтвей, и нѣсколько времени велъ въ немъ пустынническую жизнь. Но ученики, провѣдавъ о новомъ его мѣстопребываніи, по прежнему стали приходить къ нему сотнями, и онъ долженъ былъ предлагать имъ чтенія подъ деревьями. Они настроили себѣ множество шалашей по близости его, потомъ собрали денегъ, и соорудили ему болѣе вмѣстительное зданіе, которое онъ назвалъ греческимъ словомъ Параклетъ, Утѣшитель.

Элоиза между тѣмъ жила игуменьей въ Монастырѣ Аржантвильскомъ. Когда она, спустя нѣсколько времени, со своими монахинями должна была покинуть его, потому что аббатъ Св. Діонисія Сюже (стр. 129.) упразднилъ сіе женское аббатство, зависѣвшее отъ его монастыря, и его имѣніе присоединилъ къ достоянію обители Святаго Діонисія, случай открылъ ей самое счастливое убѣжище, какого только она могла желать. Монахи обители Св. Жилдаса (Gildas) въ Бретани, монастыря по близости Абеларловой родины, избрали Абеларда своимъ аббатомъ, и онъ принялъ приглашеніе. На мѣсто его, Элоиза поступила въ покинутый имъ Параклетъ игуменьею, и несчастный супругъ взялся самъ ввести ее торжественно.

Абелардъ покинулъ свой Параклетъ, потому что усердная его дѣятельность снова возбудила враговъ его. Къ нимъ теперь присоединился мужъ, возбужденный не мелочною завистью, и потому бывшій для Абеларда страшнѣе прочихъ: это Святый Бернардъ. Противъ пробудившагося вновь изученія Философіи и употребленія ея въ пользу Богословія, возстала уже другая партія, которая отвергала философскую подпору, ожидая отъ такихъ умозрѣній скорѣе потрясенія, нежели утвержденія основаній вѣры. Какъ въ то время Абелардъ былъ свѣтиломъ философствующихъ богослововъ, такъ Святый Бернардъ, сообразно направленію своего духа, сдѣлался главою этой второй партіи. На многочисленномъ синодѣ въ Сансѣ (Sens, 1140), Бернардъ предложилъ нѣкоторыя мѣста изъ новыхъ Абелардовыхъ сочиненій «Христіанскаго Богословія» и «Эѳики,» объявляя ихъ еретическими, и такъ

какъ Абелардъ молчалъ, то соборъ осудилъ сіи положенія. Абелардъ пожаловался Папѣ, но Иннокентій II, у котораго Бернардъ, какъ намъ извѣстно, былъ въ великой силѣ, утвердилъ рѣшеніе собора, и произнесъ проклятіе на всѣхъ послѣдователей такого ученія. Къ счастію, миръ между противниками былъ уже заключенъ, когда сей приговоръ Папы привезенъ былъ во Францію. Изнуренный Абелардъ, на дорогѣ въ Римъ, доѣхалъ только до Клюни. Утомленный спорами и бурями своей безпокойной жизни, онъ желалъ спокойнаго пристанища для послѣднихъ дней своихъ, и нашелъ его у человѣколюбиваго аббата сего монастыря, Петра (стр. 261.), который цѣнилъ науки, и думалъ воспользоваться великими способностями и познаніями Абеларда для наставленія своихъ монаховъ. При посредствѣ сего достойнаго настоятеля, Абелардъ примирился съ Святымъ Бернардомъ, получилъ разрѣшеніе отъ Папы, и наконецъ обрѣлъ мѣсто, гдѣ могъ проводить послѣдніе годы своей жизни въ молитвѣ, спокойномъ занятіи науками и наставленіи прочихъ монаховъ. Когда онъ заболѣлъ, Петръ послалъ его въ монастырь Св. Марцелла подлѣ Шалона, гдѣ, какъ надѣялись, чистый воздухъ могъ возстановить его силы, но онъ тамъ умеръ 21 апрѣля 1142. Согласно его желанію, онъ похороненъ въ Параклетѣ. Элоиза пережила его еще двадцать однимъ годомъ, всѣми уважаемая и любимая. Она умерла 17 мая 1163 года, и положена въ могилу подлѣ Абеларда.

Сильное вліяніе, производимое глубокомысленными воззрѣніями Абеларда на невѣроятное множество учениковъ, стекавшихся къ нему изъ всѣхъ земель Европы, усилило и распространило любовь къ философскимъ наукамъ въ высокой степени. Въ твореніяхъ своихъ онъ первый коснулся всѣхъ пунктовъ, которыми Философія должна преимущественно заниматься. Новый элементъ, вскорѣ потомъ принесенный отвнѣ, существенно содѣйствовалъ къ установленію методы и систематическаго изложенія, равно къ обогащенію и углубленію содержанія Философіи. Съ половины двѣнадцатаго вѣка, въ слѣдствіе доставленнаго Европѣ Крестовыми Походами

знакомства съ восточными нравами и жизнію, западные любители наукъ стали гораздо чаще прежняго посѣщать школы ученыхъ Арабовъ въ Италіи, гдѣ, кромѣ Медицины и Химіи, особенно процвѣтало изученіе Аристотелевой Философіи (Ч. IV стр. 198.). Отсюда они принесли сочиненія великаго мыслителя на Арабскомъ Языкѣ, изъ которыхъ доселѣ только одно, Органонъ, извѣстно было по недостаточному латинскому переводу Боэція (Ч. IV стр. 19.). По завоеваніи Константинополя, и греческій подлинникъ Аристотеля сдѣлался доступнѣе Латинянамъ, и Императоръ Фридрихъ II, равно какъ Манфредъ, съ другой стороны ревностно заботились о переводахъ его твореній съ Арабскаго. Первые плоды сего новаго направленія явились въ Албертѣ Больштедтскомъ (извѣстнымъ подъ наименованіемъ Алберта Великаго, (род. въ Лауингенѣ, на Дунаѣ 1200, ум. 1280). Онъ вступилъ въ орденъ Доминиканцевъ, и училъ въ Гилдесгеймѣ и Регенсбургѣ, преимущественно въ Кельнѣ и Парижѣ. Въ 1249 году онъ былъ опредѣленъ начальникомъ школы въ Кельнѣ, и даже удостоенъ посѣщеніемъ Короля Вильгельма. Пожалованное ему папой Епископство Регенсбургское онъ оставилъ добровольно черезъ два года, чтобы въ качествѣ простаго инока заниматься науками въ своей кельнской кельѣ. Логическія и метафизическія опредѣленія Аристотеля считались теперь неоспоримыми истинами. Столь же твердо стояли догматическія опредѣленія Церкви, и философы, прилагая къ ученіямъ о бытіи Божіемъ, о сотвореніи, о грѣхопаденіи, категоріи, субстанціи и акциденціи, причины и дѣйствія, матеріи и формы, старались пріискать для нихъ доводы, которыхъ логическая правильность доказывала бы и сообразность сихъ догматовъ вѣры съ разумомъ.

Великій ученикъ Албертовъ и членъ того же ордена, Ѳома Аквинскій, превзошелъ славою своего наставника. Онъ былъ Неаполитанецъ, благороднаго происхожденія. Ни угрозы, ни убѣжденія со стороны его родителей не могли отвлечь его отъ наукъ. Получивъ въ Парижѣ, 1255 года, докторское достоинство, онъ перебывалъ

учителемъ почти во всѣхъ значительныхъ городахъ Италіи. Онъ собралъ около себя множество отличныхъ учениковъ, которые по немъ назывались Ѳомистами, а его самого именовали ангелоподобнымъ учителемъ (Doctor angelicus). Его понятія о Догматикѣ сдѣлались правиломъ вѣры для Доминиканскаго Ордена, и ревностно были защищаемы отъ нападеній другихъ богослововъ. Нѣчто подобное сдѣлалъ противникъ его Іоаннъ Дунсъ Скотусъ (проименованный Doctor subtilis) для Францисканцевъ. Онъ былъ родомъ изъ Дунстана, въ Нортомберландѣ (род. 1276 ум. 1302), и училъ въ Оксфордѣ и въ Парижѣ. Оба они были реалисты, однако разногласили во многихъ пунктахъ. Скотисты говорили о своемъ учителѣ: онъ до того позналъ тайны вѣры, что почти въ нихъ не вѣрилъ. Дѣйствительно, онъ довелъ схоластическую методу доказательствъ до высшей степени совершенства, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно выставилъ и недостатки ея: гоняясь за тонкостями и послѣдовательностью во внѣшнемъ и формальномъ логическомъ развитіи, она совершенно пренебрегаетъ содержаніемъ умозрѣнія. Авторская плодовитость обоихъ мужей была весьма значительна. Творенія перваго собраны въ осьмнадцати, втораго въ четырнадцати фоліантахъ, не считая того, что не было печатано.

Знакомство съ сочиненіями Аристотеля по Естественной Исторіи пустило въ ходъ и нѣкоторыя физическія познанія и изслѣдованія. Уже Альбертъ Великій, на ряду съ Схоластиской, много занимался такими науками, и удивительные опыты, въ которыхъ онъ изумленнымъ современникамъ показывалъ свои свѣдѣнія, навлекли на него подозрѣніе въ чародѣйствѣ. Но гораздо болѣе сдѣлалъ Англичанъ Рожеръ Баконъ (род. 1214, ум. 1294), монахъ францискаискій. Получивъ въ Парижѣ степень доктора, онъ открылъ чтенія въ Оксфордѣ. Значительныя изобрѣтенія, до которыхъ онъ дошелъ своимъ остроуміемъ и свободнымъ взглядомъ, ославили его также волшебникомъ, согласно понятіямъ того вѣка, который не постигалъ отношенія ни Бога, ни разума человѣческаго къ природѣ, въ его истинномъ свѣтѣ. Онъ былъ жестоко

гоимъ, въ чемъ, конечно, зависть участвовала столько же какъ и суевѣріе, и наконецъ даже заключенъ въ темницу, изъ которой освобожденъ по прошествіи многихъ лѣтъ, не задолго до своей смерти. Знакомство съ Арабами распространило также математическія, химическія и медицинскія познанія, но въ то же время заблужденія алхимическія и астрономическія.

Въ противуположность рѣзкому развитію формъ разсудка въ схоластикѣ, чувство раскрылось въ мистицизмъ, который искалъ постояннаго общенія человѣка съ Богомъ. Оба направленія находились въ существѣ Христіанской Вѣры, которая, прежде всего указывая на умиреніе души посредствомъ вѣчной умилостивляющей жертвы, конечно скорѣе и всеобщѣе можетъ быть постигнута глубокимъ чувствомъ, нежели остротою понятія. Схоластика находила подпору въ Аристотелѣ, а мистика въ Платонической Философіи. Первые, болѣе опредѣленные слѣды этого образа воззрѣнія, поддерживаемаго затворничествомъ монашеской жизни, находимъ въ Бернардѣ Клервальскомъ, какъ мы уже на это указали (стр. 48. 293). Въ сочиненіи своемъ de consideratione, онъ разобралъ различныя степени, по которымъ душа, дѣлаясь непрестанно чище и святѣе, возносится къ Всевышнему. Вильгельмъ де Шампо, принужденный уступить превосходному искусству Абеларда въ состязаніяхъ, совершенно отсталъ отъ діалектическихъ занятій, и по близости Парижа основалъ школу Св. Виктора, посвященную богомыслію и дѣятельному благочестію. Сюда послѣдовалъ за нимъ Гугонъ, изъ рода Графовъ Бланкенбургскихъ (род. 1097. ум. 1141.), при простой, богопреданной душѣ, мужъ великихъ познаній и основательнаго ума. Онъ есть основатель созерцательной мистики. Онъ различалъ три пути для погруженія въ Бога: путь плоти, ума и духа. Его ученикъ Ришардъ Сенъ-Викторъ (ум. 1173.) признавалъ это ученіе, но полагалъ шесть степеней восхожденія къ Богу. На первой, мы гадаемъ посредствомъ чувственнаго ощущенія о мудрости и могуществѣ Творца; на второй, разсудокъ размышляетъ о причинѣ и цѣли міра; на третьей, разумъ, съ помощію

фантазіи, возносится къ сверхъ-чувственному; на четвертой, разумъ собственною силою хочетъ постигнуть существо Вѣчнаго, но ревностное стараніе его остается тщетнымъ, доколѣ на пятой степени не возсіяетъ ему откровеніе, и на шестой, озаренный божественнымъ свѣтомъ духъ нашъ ощущаетъ всѣ тайны Божества. Подобнымъ образомъ училъ Іоаннъ Бонавентура, названный Doctor seraphicus (род. 1221, ум. 1274.), въ своемъ Itinerarium mentis in Deum. Онъ достигъ въ Францисканскомъ Орденѣ до степени генерала, потомъ и до кардинала. Нѣмцы склонялись преимущественно къ этому направленію, и почитатели Бонавентуры назывались въ позднѣйшее время «учениками Братства Вѣчной Истины.» Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ сего братства есть доминиканскій монахъ Іоаннъ Таулеръ, изъ Стразбурга или Кёльна (род. 1294, ум. 1361.), который своими восторженными проповѣдями назидалъ и современниковъ и позднѣйшія поколѣнія. О Богѣ и Его созерцаніи онъ говорилъ: Богъ не имѣетъ изображенія Самого Себя; ты долженъ чистыми помыслами воспарить превыше самого себя и всякой твари въ сокровенный, безмолвный мракъ, чтобы прійти къ познанію невѣдомаго Бога. Но этотъ безмолвный мракъ есть свѣтъ, котораго никакое сотворенное разумѣніе не можетъ достигнуть; въ немъ (во мракѣ) духъ возводится превыше самого себя и всякаго своего постиженія. Въ немъ духъ теряется; погруженный въ божественную бездну, онъ ничего не знаетъ, ничего не видитъ и ничего не ощущаетъ, кромѣ единаго Бога. Но только въ лишеніи временныхъ благъ человѣкъ бываетъ способенъ къ такому возношенію, ибо, при болѣзни силы тѣлесной, открывается въ человѣкѣ духовная чистота, и въ ней ясный свѣтъ, и Святый Духъ творитъ свѣтъ пламеннымъ и вводитъ душу во всякую истину.

## 41. Университеты.

Умственная жизнь, возобновленная на Западѣ, нашла свое средоточіе, живую мѣну своихъ плодовъ и сильное

содѣйствіе въ университетахъ. Въ школахъ никогда не было совершеннаго недостатка, какъ мы видѣли въ теченіе нашего повѣствованія, но только умноженіе предметовъ наставленія, расширеніе ихъ объема и содержанія, равно какъ большее число мужей, посвятившихъ себя такому занятію, дали поводъ и случай основать высшія ученыя заведенія. Древнѣйшія высшія училища не были учреждены государями или городскими властями *), но образовались сами собою, появленіемъ одного или многихъ знаменитыхъ учителей въ старыхъ школахъ. Это привлекало любознательныхъ въ большемъ числѣ, и изъ такихъ заведеній выходили потомъ цѣлые ряды учителей, которые, съ другой стороны, имѣли вокругъ себя постоянный приливъ учениковъ. Тогда былъ вѣкъ корпорацій (сословій), и весьма естественно, что собиравшіеся въ одномъ мѣстѣ учить и учиться составляли общину, подобно духовнымъ, рыцарямъ и ремесленникамъ, и получали особенные законы и постановленія. Въ тѣхъ вѣкахъ, когда книги были еще рѣдки и доставать ихъ было трудно, когда по этому изустное наставленіе было почти единственнымъ путемъ къ достиженію обширныхъ свѣденій, вліяніе и дѣятельность университетовъ были еще важнѣе нежели нынѣ, и ихъ слава сіяла тѣмъ блистательнѣе, чѣмъ менѣе было ихъ число. Тогда учились гораздо долѣе нежели нынѣ, многіе изъ учащихся по зрѣлому ихъ возрасту, по званію, должностямъ и достоинствамъ, пользовались гораздо большимъ уваженіемъ, нежели нынѣшніе студенты.

Ранѣе всѣхъ прославились три Университета: Салернскій для Врачебной Науки, Парижскій для Богословія, и Болонскій для Правовѣдѣнія. Сперва учили въ сихъ мѣстахъ только отдѣльнымъ наукамъ, или занимались опредѣленнымъ кругомъ знаній, а прочіе учебные предметы присовокуплены были позже. Посему и названіе Universitas значило не совокупность наукъ, а только общеніе зани-

---

*) Савинья прекрасно изложилъ это въ своей Geschichte des Röm. Rechts im Mittelalter. Bd. III Cap. XXI.

мающихся ими. Также употребительное въ тѣхъ вѣкахъ выраженіе studium generale указываетъ только на обширное назначеніе и дѣятельность высшихъ училищъ. Салернскій Университетъ получилъ свой уставъ отъ Рожера II Короля Сицилійскаго, но оба остальные университета несравненно важнѣе для общей исторіи просвѣщенія, потому что послужили образцемъ для многихъ позднѣйшихъ высшихъ училищъ, чего нельзя сказать о Салернскомъ. Парижъ былъ образцемъ для Англіи и Франціи, а почти всѣ прочіе университеты во Франціи, равно какъ италіянскіе и испанскіе, составились по Болонскому.

Время учрежденія университета въ Болоньѣ, равно какъ обоихъ прочихъ, не можетъ быть опредѣлено съ точностію. Римское Право въ Италіи никогда совсѣмъ не исчезало; оно употреблялось въ судахъ, было излагаемо въ книгахъ и преподаваемо съ каѳедры, но познаніе и приложеніе его были весьма недостаточны, доколѣ просвѣщеніе, богатство, сила, благоустройство ломбардскихъ городовъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи, не потребовали и развитія гражданскаго права, и тѣмъ побудили къ основательнѣйшему и прилежнѣйшему изученію Римской Юриспруденціи. Болонья сдѣлалась главнымъ средоточіемъ для желавшихъ пріобрѣсти подобныя знанія *).

---

*) На ряду съ Римскимъ Правомъ, каноническое или церковное было также преимущественнымъ учебнымъ предметомъ высшихъ училищъ. Возникшая въ то время любовь къ Правовѣдѣнію побудила бенедиктинскаго монаха Граціана обработать систему Духовнаго Права; въ 1160 году составилъ онъ сборникъ церковныхъ постановленій и папскихъ предписаній. Декретъ Граціановъ (такъ названа его книга) былъ вполнѣ одобренъ, и считался источникомъ Права. Но такъ какъ предписанія папъ съ того времени весьма умножились, то опять произошли многіе ихъ сборники; наконецъ Григорій IX приказалъ Доминиканцу Раймунду Пеннафорту составить новый сборникъ, раздѣленный на пять книгъ, который онъ предписалъ считать подлиннымъ. Въ 1231 году прислалъ онъ этотъ сборникъ Уни-

Первый знаменитый учитель, возвысившій тамошнее училище правовѣденія, былъ Ирнерій (ум. 1140). Императоръ Фридрихъ I, въ 1158 году, на Ронкальскомъ Сеймѣ, пожаловалъ сему училищу первыя преимущества, по которымъ ученики приняты были подъ особенное покровительство и имъ даровано право собственнаго суда. Вообще свѣтское и духовное начальство, какъ здѣсь такъ и въ другихъ университетахъ, благоволило къ нимъ сколько могло. Они были свободны отъ гражданскихъ повинностей, и хотя, перечисленіемъ къ духовному сословію, избѣгали строгаго свѣтскаго наказанія, однако сами папы настаивали на томъ, чтобы и церковные законы не слишкомъ строго были исполняемы въ отношеніи къ нимъ *). Во время знаменитаго правовѣда Аццо, процвѣтавшаго около 1200 года, въ Болоньѣ было десять тысячъ учащихся изъ всѣхъ земель. Здѣсь ученики составляли особенное сословіе, и изъ среды своей избирали старшинъ товарищества. Сіе учрежденіе покажется менѣе страннымъ, если разсудимъ, что большая часть тогдашнихъ учащихся состояла изъ людей, которые, имѣя помѣстья, доходы и званіе, только изъ любви къ наукѣ пріѣзжали въ далекую Болонью: они ожидали и заслуживали великихъ преимуществъ. Прежде составленія въ Болоньѣ особыхъ сословій по другимъ факультетамъ, тамошніе студенты раздѣлялись на двѣ главныя общины или Universitates по родинѣ своей, именно на цитрамонтановъ (предгорныхъ) и ультрамонтановъ (загорныхъ). Первые состояли изъ семнадцати націй, послѣдніе изъ осьмнадцати. Первымъ сановникомъ университета былъ ректоръ; для достиженія сего достоинства надлежало быть професоромъ, двадцати пяти лѣтъ, и, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ, на собственномъ иждивеніи, учиться пра-

---

верситетамъ Парижскому и Болонскому, для объясненія его на чтеніяхъ, и приказалъ, чтобы имъ руководствовались въ судилищахъ.

*) v. Raumer, Geschichte der Hohenstaufen, Bd. VI. S. 456.

вовѣдѣнію. Ректоръ избирался вновь ежегодно, и, по мѣсту своему, имѣлъ преимущество предъ всѣми епископами и архіепископами, за исключеніемъ Епископа Болонскаго. Встарину называли всѣхъ наставниковъ докторами, не разумѣя подъ тѣмъ особеннаго достоинства; только, кажется въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка, званіе и достоинство доктора стали давать особенно. Ищущіе сей степени кандидаты были испытываемы, и если оказывались достойными вступить въ число докторовъ, получали симъ пріемомъ неограниченное право учить и участвовать въ другихъ производствахъ.

Ни одинъ университетъ такъ долго не сохранялъ славы своей и не имѣлъ такого вліянія на Церковь и свѣтскія правленія, какъ Парижскій. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ мы находимъ въ немъ, какъ выше замѣчено (стр. 290), многихъ отличныхъ преподавателей Богословія и Философіи, между которыми Петръ Ломбардъ (ум. 1164), ученикъ Абелардовъ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ твореніяхъ его (libri sententiarum) содержатся главныя черты системы богословской, которая цѣлые вѣки полагалась въ основаніе всякому образованію въ сей наукѣ. Подъ вліяніемъ такихъ мужей, парижскія школы, издавна уже существовавшія при монастыряхъ, пріобрѣтали часъ отъ часу большую славу и большее число учениковъ. Въ послѣднія десятилѣтія сего вѣка разные преподаватели составили общество, изъ котораго потомъ образовался университетъ. Въ 1206 году находимъ, что учащіе и учащіеся раздѣлялись на четыре націи: французскую, къ которой принадлежали также Испанцы и Италіянцы; англійскую, которая сверхъ того обнимала еще Германію, Венгрію, Польшу и сѣверныя царства, и наконецъ норманнскую и пикардскую, къ которымъ причислены были Нидерланды. Точнѣйшее устройство и новыя постановленія Университетъ получилъ въ теченіе тринадцатаго вѣка. Въ уставѣ его является замѣчательная противоположность съ Болонскимъ. Здѣсь ученыя сословія составились изъ однихъ преподавателей; они получили всю власть, и объ ученикахъ, какъ подчиненныхъ

членахъ сего общества, вовсе не упоминалось. Студенты подвергались тѣлесному наказанію. Впрочемъ, какъ здѣсь такъ и въ другихъ университетахъ, часто случались безпокойства, ссоры съ гражданами и переселенія студентовъ. Опасеніе этихъ внѣшнихъ невыгодъ было причиною, что нарушителей порядка часто наказывали снисходительнѣе, чѣмъ требовала справедливость.

Въ этомъ же періодѣ, еще въ слѣдующихъ городахъ учредились университеты, въ Италіи: въ Падуѣ, въ Неаполѣ (выше, стр. 159), въ Реджіо, въ Римѣ, въ Тревизѣ; во Франціи: въ Монпелье, въ Орлеанѣ и въ Тулузѣ; въ Испаніи: въ Саламанкѣ. Въ Англіи, Университеты Кембриджскій и Оксфордскій существуютъ издавна.

## 42. Испанія и Португалія.

Христіанскія государства Пиринейскаго Полуострова, Кастилія и Леонъ, Наварра, Арагонія, Барселона (Ч. IV стр. 407), составляли особенный міръ, который, имѣя довольно занятія у себя дома, рѣдко приходилъ въ соприкосновеніе съ прочими государствами Западной Европы. Всѣ силы его постоянно устремлены были на упорную борьбу съ Аравитянами, которые болѣе и болѣе уступали Христіанамъ съ того времени, какъ государство Оміядовъ раздробилось на множество мелкихъ державъ. Между владѣльцами послѣднихъ, король, правившій соединенною Кордовою и Севильею, былъ самымъ сильнымъ, но, по завоеваніи Кастильцами въ 1085 году Толеда, онъ долженъ былъ всего отъ нихъ опасаться, и хотя христіанская Испанія не менѣе была раздѣлена, и часто сама подвергалась внутреннимъ раздорамъ, однако арабское господство въ Испаніи рушилось бы еще скорѣе, еслибъ магометанство не получало подкрѣпленій изъ Африки.

На сѣверо-западѣ сей части свѣта, въ одиннадцатомъ вѣкѣ, обитали дикія аравійскія племена, почти безъ всякаго понятія о вѣрѣ. Къ нимъ пришелъ Абдаллахъ-Бенъ-Язимъ, проповѣдывалъ исламъ и возбудилъ въ нихъ охоту и мужество къ войнѣ и завоеваніямъ. Онъ назвалъ

сихъ новыхъ ратоборцевъ за исламъ Морабетами или Алморавидами *), и нарекъ ихъ государемъ Абу-Бекра, который, продолжая начатыя завоеванія, въ 1070 году основалъ Марокко **). Преемникъ Абу-Бекра, Юзефъ-Бенъ-Тасфенъ, государь храбрый и дѣятельный, распространившій власть Морабетовъ еще далѣе, и пріобрѣтшій обширнѣйшее въ тѣхъ странахъ вліяніе, былъ позванъ на помощь Королемъ Севильскимъ. Онъ явился, и 1086 года разбилъ Христіанъ въ большой битвѣ подъ Салаккою, но вскорѣ самъ вздумалъ овладѣть землями, которыя защитилъ, и силою и вѣроломствомъ покорилъ себѣ всю Арабскую Испанію. Такимъ образомъ враги Христіанской Вѣры пріобрѣли новую силу; однако Христіане оттого не унывали. Короли Арагонскіе именно тогда выдвинулись изъ своихъ горъ, и Алфонсъ I распространилъ свое небольшое владѣніе Гуэскою (1096), Туледою, и особенно важною Сарагоссою (1118). Король Кастильскій и Леонскій, Алфонсъ VI (ум. 1109), какъ и прочіе христіанскіе государи Испаніи, былъ поддерживаемъ французскими рыцарями въ борьбѣ противъ Магометанъ, доколѣ воинскій духъ и храбрость сего дворянства не открыли себѣ другаго поприща въ Крестовыхъ Походахъ. Вліяніемъ и важными заслугами отличился тогда между ими Генрихъ, Графъ Верхне-Бургундскій, капетингскаго племени. Въ знакъ признательности Алфонсъ отдалъ ему всѣ завоеванія, сдѣланныя имъ въ сѣверныхъ странахъ нынѣшней Португаліи, вмѣстѣ съ рукою своей побочной дочери Терезы, на правахъ княжества, независимаго отъ Кастиліи. Когда, наконецъ, Алфонсъ VII (1109 — 1157), Король Леонскій

---

*) «Морабетенъ т. е. союзные мужи, добровольно посвятившіе себя на службу Богу, или, по производству отъ арабскаго слова рабита (затворъ), удалившіеся отъ міра исповѣдники ислама.» Aschbach, Geschichte Spanien's und Portugal's zur Zeit der Herrschaft der Almoraviden und Almohaden Th. I. S. 67

**) Conde, Geschichte der Mauren in Spanien, Deutsche Übers. Bd. II. S. 73.

и Кастильскій, которому Короли Арагонскій и Наварскій, Графы Барселонскій и Тулузскій были присяжниками, провозгласилъ себя Императоромъ Испанскимъ на торжественномъ собраніи въ Леонѣ (1135); казалось, онъ имѣлъ мысль совокупить всѣ христіанскія области Полуострова въ одну сильную державу. Но сія имперія существовала весьма недолго; уже при жизни Альфонса частныя государства снова начали войну между собою; даже его присяжникъ, Графъ Альфонсъ Португальскій, сынъ и преемникъ Генриховъ, сдѣлался независимымъ, принялъ званіе королевское, и тѣмъ увеличилъ только запутанность внутреннихъ междоусобій. При смерти своей (1157) Альфонсъ раздѣлилъ даже королевство, непосредственно имъ управляемое, на двѣ части: Леонъ, съ Астуріею и Галиціею, и Кастилію, къ которой принадлежали Бургосъ, Бискаія и Толедо. Подъ конецъ сего царствованія положено основаніе духовному рыцарскому Ордену Святаго Юліана, въ послѣдствіи названному Алкантарскимъ, который имѣлъ назначеніе ратовать съ Маврами и былъ учрежденъ по образцу Храмовниковъ. Въ послѣдствіи, возникли въ Кастильскомъ Королевствѣ еще два другіе подобные ордена для той же цѣли, Калатравскій и святаго Якова Компостельскаго *).

Между тѣмъ, по неизмѣнному ходу развитія арабскихъ царствъ, держава Алморавидовъ столь же скоро разрушилась, какъ и возникла. Проникнутая свѣжимъ фанатизмомъ секта, Муагедимъ или Альмогаденъ, ниспровергла ее, и въ 1146 году, завоеваніемъ Марокка, положила конецъ ея владычеству въ Африкѣ. Въ это же время побѣдители перешли въ Испанію, и начали здѣсь распространять власть свою. Князь ихъ, Якубъ Алманзоръ, котораго превосходными свойствами и могуществомъ не нахвалятся арабскіе историки, въ 1195 году одержалъ надъ Кастильцами великую побѣду подъ Аларкосомъ; при всемъ томъ грозная опасность не могла заста-

*) Conde, Bd. II. S. 394.

вить Христіанъ прекратить несогласія. Чтобы пріобрѣсти вѣрнѣйшіе успѣхи, преемникъ Якубовъ, Мугамедъ, въ 1210 году, пришелъ въ Испанію съ ополченіемъ, въ которомъ было, по сказаніямъ, болѣе пяти сотъ тысячъ воиновъ. Къ счастію, христіанскіе короли заключили тогда миръ; духовный глава Христіанства, Папа Иннокентій III, настоятельно увѣщевалъ поддерживать сіе единодушіе, и подкрѣпилъ силы Испанцевъ крестовымъ походомъ, который онъ велѣлъ проповѣдывать. Такимъ образомъ соединенные Короли Кастиліи, Арагоніи и Наварры, Альфонсъ VIII, Петръ II, Санчо VII, одержали самую рѣшительную побѣду (1212) на Равнинѣ Толозской, по ту сторону Сіерры Морены; чрезъ тѣснины ея пастухъ показалъ имъ безопасный путь. Почти двѣсти тысячъ Арабовъ пали на полѣ битвы, и изъ всей громады только немногіе возвратились въ Африку. Сами арабскіе историки видятъ въ этой битвѣ главную причину паденія ихъ владычества въ Испаніи *).

Ближайшимъ послѣдствіемъ ея было то, что, послѣ сильныхъ потрясеній въ Африкѣ, господство Альмогадовъ въ Испаніи рушилось. Правда, сильный мужъ, Абенъ-Гудъ, потомокъ древнихъ Королей Арагонскихъ, сдѣлавшись повелителемъ Севильи, Гранады и Мурсіи, покушался еще однажды овладѣть всѣми магометанскими государствами въ Испаніи и тѣмъ образовать силу, которая бы могла стѣснить разливающуюся рѣку христіанскаго владычества, но Короли Леонскій и Кастильскій узнали о его намѣреніяхъ, и не дали ему времени къ исполненію ихъ. Подъ Меридою, Альфонсъ IX Леонскій одержалъ надъ нимъ побѣду (1230), которая была тѣмъ блистательнѣе, что Христіане съ малою дружиной сражались противъ весьма превосходной силы. Съ этого времени могущество Христіанъ постепенно возрастало. Фердинандъ III Святой, съ 1217 года по матери своей Король Кастильскій, и съ 1230 года по смерти отца своего, Альфонса IX, также Леон-

*) Conde, Bd. II. S. 431.

скій, соединилъ оба царства снова, и утвердилъ нераздѣльность ихъ и право первородства основными законами на всѣ послѣдующія времена. Кастилія и подлѣ нея сильно возвышающаяся Арагонія сдѣлались теперь двумя главными державами Христіанской Испаніи; напротивъ Наварра, которая, въ 1234 году, по смерти Короля Санчо VII, досталась супругу его дочери и наслѣдницы Бланки, Графу Шампанскому Теобальду IV, не имѣла ни значительности, ни силы. Фердинандъ Святой обратился противъ сильной Кордовы, съ обладаніемъ которою, — такъ какъ она все еще была столицею арабской державы, — у Магометанъ соединялась вѣра въ ея непоколебимость. Напрасно жители оказывали самое упорное сопротивленіе: 29 іюня 1236 года, Кордова принуждена была сдаться Христіанамъ, находившись во власти невѣрныхъ пятьсотъ двадцать два года. Уныніе и страхъ Аравитянъ были чрезвычайно велики, и вскорѣ потомъ (1238) они должны были оплакать потерю Абенъ-Гуда *), котораго злодѣйски умертвилъ одинъ изъ его любимцевъ. Абенъ-Ламаръ, Король Гранадскій, отчаиваясь въ успѣхѣ сопротивленія, отдалъ себя въ покровительство Фердинанду, обязался платить дань, исполнять воинскую повинность, и сдалъ ему стѣсненный Христіанами городъ Хаэнъ (1245). Фердинандъ обратилъ теперь свое оружіе противъ Севильи. Сухопутное его войско подступило къ городу, Флотъ занялъ устье Гвадалкивира. Съ обѣихъ сторонъ истощены были чрезвычайныя усилія; только совершенный недостатокъ жизненныхъ припасовъ принудилъ осажденныхъ къ сдачѣ (1248) послѣ шестнадцати-мѣсячной обороны. Жители получили обыкновенное въ то время позволеніе удалиться съ своимъ имуществомъ. Говорятъ, триста тысячъ Мавровъ оставили Севилью; они пошли частію въ остальныя арабскія области, частію въ Афри-

*) Въ этомъ году Конде (Bd. III. S. 22.) полагаетъ смерть Абенъ-Гуда; по Кардону, Феррарѣ и другимъ, онъ былъ убитъ еще до взятія Кордовы.

ку. Спустя два года, Фердинандъ покорилъ также Хересъ-де-ла-Фронтеру, Медину-Сидонію, Кадиксъ и многія другія мѣста. Наконецъ, нападеніемъ на Африку онъ хотѣлъ заградить источникъ всѣхъ свѣжихъ силъ непріятельскихъ, но былъ застигнутъ смертію (1252).

Исполненіе этого плана, напасть на Аравитянъ въ самой Африкѣ, предоставилъ онъ своему сыну и преемнику Альфонсу X. Сей государь, получившій прозваніе Мудраго, любилъ науки и покровительствовалъ имъ съ большою щедростью. Въ 1254 году онъ распространилъ льготы университета въ Саламанкѣ, и учредилъ тамъ двѣ новыя каѳедры для Естественной Исторіи и одну для музыки. Испанскій Языкъ былъ уже до того образованъ, что въ 1260 году Король предписалъ сочинять на немъ всѣ общественные акты и употреблять его въ судилищахъ. Онъ повелѣлъ также написать всеобщую лѣтопись Испаніи, которой отрывки сохранились донынѣ. Далѣе, на его иждивеніи составлены астрономическія таблицы, извѣстныя астрономамъ подъ именемъ Альфонсовыхъ. Самъ онъ занимался музыкою, поэзіею, и астрономіей, астрологіею и алхиміею, вѣтвями того мистическаго естествоученія, которое арабскіе сосѣди его тогда пустили въ большой ходъ. Но практической мудрости, которая умѣетъ находить полезное для жизни и съ твердостію приводитъ его въ исполненіе, у него недоставало. Его царствованіе было раздираемо внутренними смутами, которыя отчасти продолжались и по его смерти. Сначала, по видимому, онъ взялся съ великимъ усердіемъ за исполненіе мысли о войнѣ въ Африкѣ. Папа далъ ему четвертую часть церковной десятины; самъ онъ увеличилъ свою казну, приказавъ бить монету малоцѣнную, и велѣлъ строить корабли въ Севильѣ. Но вскорѣ онъ промѣнялъ этотъ планъ на другой, который никакъ не соотвѣтствовалъ положенію его государства: онъ старался, какъ мы знаемъ уже изъ Нѣмецкой Исторіи, пріобрѣсть римскую императорскую корону, но, недостигнувъ своей цѣли, повергъ Кастилію въ большое замѣшательство. Для осуществленія этого призрака, онъ не толь-

ко расточилъ всю свою казну, но и угнеталъ своихъ подданныхъ тяжкими налогами. Чтобъ прекратить большую дороговизну, которую онъ самъ причинилъ порчею монеты, Альфонсъ постановилъ опредѣленную цѣну на жизненные припасы, но произвелъ только то, что вскорѣ ничего не стали возить на рынокъ. Это обстоятельство умножило ропотъ, открылись возмущенія, въ которыхъ были зачинщиками даже братья Короля. Но Альфонсъ подавилъ мятежъ и не отставалъ отъ своего мечтательнаго плана. По смерти Ричарда, онъ, въ 1274 году, поѣхалъ во Францію, чтобы тамъ лично увидѣться съ Папою. Между тѣмъ новыя опасности грозили его царству. Въ то время, въ Африкѣ славилась могуществомъ династія Мериницовъ; она сильно потрясла державу Альмогадовъ, и привела ее на край погибели. Къ царствовавшему тогда изъ сего племени государю, Абу-Юзефу, Король Гранадскій обратился съ просьбою о помощи. Абу-Юзефъ пришелъ съ большимъ ополченіемъ *), и разбилъ Христіанъ. Донъ Санчо, Архіепископъ Толедскій, сынъ Короля Арагонскаго, на-скоро собралъ войска, чтобы отмстить за сей позоръ. Но и это войско было побѣждено, и самъ Санчо взятъ въ плѣнъ. Не смотря на сіи счастливые успѣхи, Санчо, второй сынъ Альфонсовъ, вскорѣ потомъ принудилъ Абу-Юзефа къ отступленію въ Африку, гдѣ послѣдній завоевалъ Марокко и тѣмъ положилъ совершенный конецъ господству Альмогадовъ.

Король Альфонсъ, возвратясь изъ своего путешествія, нашелъ старшаго своего сына, Фердинанда де ла Серду, умершимъ. Этотъ случай былъ причиною долговременныхъ смутъ въ Кастильскомъ Королевствѣ. Фердинандъ оставилъ двухъ сыновей, Альфонса и Фердинанда, а Санчо требовалъ теперь, чтобы наслѣдство престола утверждено было за нимъ, мимо обоихъ его племянниковъ. Король предоставилъ рѣшеніе дѣла собранію государственныхъ чиновъ, и они произнесли приговоръ въ пользу

*) Conde, Bd. III. S. 64.

Санчо; но вдова старшаго брата, Бланка, дочь Лудовика Святаго, бѣжала къ Петру III, Королю Арагонскому, и Французскій Король Филиппъ III вступился за права своихъ племянниковъ. Для него было желательно увидѣть нѣкогда родственныхъ государей на престолѣ Кастиліи, потому что онъ только симъ средствомъ надѣялся упрочить обладаніе Наваррою, которая въ это время соединена была съ Франціею. Королевскій домъ Наварры вымеръ уже въ лицѣ третьяго преемника Теобальдова, Генриха, въ 1274 году, а дочь и наслѣдница его Іоанна сговорена была за сына Филиппа III. Между тѣмъ Короли Кастильскій и Арагонскій также объявили притязанія на праздную корону, но Филиппъ умѣлъ скоро овладѣть землею. Переговоры касательно престолонаслѣдія въ Кастиліи остались безуспѣшны, и по сему поводу Король Французскій напалъ и на это Королевство, но не имѣлъ большой удачи. Между тѣмъ, въ нѣдрахъ его возникли опаснѣйшія смуты. Король Альфонсъ началъ склоняться къ своимъ внукамъ. Санчо, желая предупредить дурныя послѣдствія отъ этого сближенія, объявилъ, въ собраніи государственныхъ чиновъ, отца своего неспособнымъ къ дальнѣйшему управленію государствомъ. Покинутый всѣми, Альфонсъ прибѣгнулъ къ сильному Королю Марокканскому, Абу-Юзефу. Папа Мартинъ IV произнесъ проклятіе на мятежнаго сына, и Абу-Юзефъ, въ 1282 году, привелъ войско черезъ проливъ, а Санчо соединился съ Маврами Гранадскими. Среди сихъ волненій печаль и скорбь пресѣкли жизнь Альфонсову (1284).

---

Арагонія, съ двѣнадцатаго вѣка, съ удвоенною силою и большимъ успѣхомъ воевала противъ Мавровъ. Когда Альфонсъ I, Король Арагонскій, (именуемый эль Баталладаромъ, потому что онъ одержалъ побѣду въ двадцати девяти битвахъ), при покушеніи завоевать Фрагу потерпѣлъ пораженіе и лишился жизни (1134), ему наслѣдовалъ братъ его, Рамиро, бывшій уже сорокъ лѣтъ въ ду-

ховномъ званіи. Не имѣя склонности къ трудамъ державнымъ и къ войнѣ, онъ черезъ три года сложилъ съ себя правленіе, и предоставилъ оное Барселонскому Графу Раймунду IV, который со временемъ долженъ былъ жениться на его дочери Петронеллѣ, имѣвшей тогда два года отъ роду. Такимъ образомъ, съ 1137 года, соединились Арагонія и Барселона (Каталонія). Графъ Раймундъ (королевскаго титла онъ не хотѣлъ носить), одинъ изъ достойнѣйшихъ государей и рыцарей своего времени, былъ ужасомъ Мавровъ, которыхъ онъ выгналъ изъ сорока мѣстъ. Онъ умеръ въ 1164 году, и ему наслѣдовалъ сынъ его, Король Альфонсъ II. По смерти дяди его, властвовавшаго въ Провансѣ (см. выше, стр. 280), онъ получилъ сіи богатыя и цвѣтущія страны, а по духовному завѣщанію послѣдняго владѣльца также Графство Русиліонъ. Противъ Сарациновъ дѣйствовалъ онъ сильно, и заботился съ большою ревностію о безопасности своихъ государствъ. По смерти его (1196), старшій сынъ его, Петръ II, обладалъ Арагоніею, второй, носившій имя отца, получилъ Прансъ, третій Русиліонъ. Петръ пріобрѣлъ также во Франціи владѣніе Монпелье, и имѣлъ самое рѣшительное участіе въ великой побѣдѣ подъ Толосою. Не смотря на сіи заслуги въ пользу Христіанскаго Міра и безпрекословную преданность Папскому Престолу, которая заставила его принять свой вѣнецъ королевскій изъ рукъ Иннокентія III (выше, стр. 109) и сдѣлать себя, равно какъ своихъ преемниковъ, данниками Епископовъ Римскихъ, онъ, по своимъ владѣніямъ въ Южной Франціи, запутанъ былъ въ Албигенскую Войну, и здѣсь палъ геройски сражаясь, какъ выше (стр. 130) упомянуто, въ битвѣ подъ Мюретомъ (1213). Ему наслѣдовалъ пятилѣтній сынъ его Іаковъ (Iayme) I, который въ Арагонской Исторіи носитъ проименованіе Завоевателя. Съ удивительнымъ по его лѣтамъ благоразуміемъ и дѣятельностію утвердивъ за собою власть, вопреки козниямъ корыстолюбивыхъ родственниковъ, онъ началъ войну съ Маврами, отнялъ у нихъ сперва Балеарскіе Острова, и потомъ напалъ (1232) на прекрасное Королевство

Валенсію, которой обладаніе его особенно прельщало. И эта война шла успѣшно; многія твердыни пали, и Іаковъ рѣшился осадить столицу. Онъ привелъ подъ ея стѣны шестьдесятъ тысячъ воиновъ, и поклялся не возвращаться въ свое царство, пока она не будетъ завоевана. Папа Григорій IX велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ, и изъ Франціи и Англіи воинственныя дружины стеклись принять участіе въ этой важной брани. Валенсія была тѣсно обложена; когда внѣшнія укрѣпленія были взяты и жизненные припасы истощились, городъ принужденъ былъ сдаться, полъ условіемъ, чтобы жители получили свободный пропускъ со всѣмъ, что они могли вынести съ собою (1238). Городъ, послѣ этого, былъ заселенъ большею частію Каталонянами, и триста восемьдесять рыцарей получили большія ленныя имѣнія въ окрестностяхъ. Спустя пятнадцать лѣтъ, было окончено завоеваніе цѣлаго Королевства Валенсіи, и Арагонское Королевство отвсюду ограждено противъ нападеній со стороны Мавровъ. Но Король Іаковъ блисталъ не только славою завоевателя, онъ явилъ себя и отличнымъ законодателемъ. Уложеніе, которое онъ велѣлъ составить, и утвердилъ послѣ разныхъ дополненій и исправленій, содержитъ въ себѣ самыя кроткія постановленія, какимъ подобныхъ нельзя найти ни у одного народа того времени *). Только раздѣленіе государства между его сыновьями, которое онъ совершилъ еще при жизни своей, произвело неудовольствія, раздоры, мятежи и междоусобія, которыя тогда тѣмъ быстрѣе распространялись, что законы только ограничивали самоуправство, а не воспрещали его. Города, которые среди разбоевъ, господствовавшихъ при такомъ безпорядкѣ, страдали наиболѣе, заключали между собою союзы, какъ бывало и въ другихъ государствахъ въ это время, чтобы самимъ заботиться о защитѣ и объ усмиреніи властолюбцевъ. Іаковъ умеръ въ 1276 году, оставивъ по себѣ славу, что исполнилъ самымъ блиста-

*) Schmidt, Geschichte Aragonien's im Mittelalter, S. 159.

тельнымъ образомъ съ юности принятое намѣреніе, посвятить свою жизнь борьбѣ съ невѣрными, въ тридцати битвахъ, имъ данныхъ, постоянно одерживалъ побѣду, и украсилъ завоеванныя области многочисленными церквами. Онъ былъ благородный государь, и его рыцарскія доблести блистали даже въ вѣкѣ, который ими обиловалъ. Его личность совершенно имъ соотвѣтствовала: онъ былъ одинъ изъ красивѣйшихъ мужей своего времени, крѣпкаго, величественнаго стана. Старшій сынъ его, Петръ III, получилъ Арагонію съ Каталоніею и Валенсіею, а младшій, Іаковъ, Маіорку, Русиліонъ и Монпелье.

—

Португальская Держава въ это время быстро пріобрѣла все свое протяженіе. Генрихъ получилъ отъ своего тестя, Альфонса VI, Короля Кастильскаго и Леонскаго, землю между Миніо и Дуэро — по городу Порто (Portus Cale) названную Португаліей — съ позволеніемъ присоединить все, что добудетъ отъ Мавровъ. Въ послѣдствіи онъ неутомимо дѣйствовалъ противъ невѣрныхъ, и далъ имъ семнадцать сраженій. Но его преемникъ Альфонсъ I (съ 1112), прозванный Завоевателемъ, еще болѣе расширилъ предѣлы государства. Славная побѣда надъ Маврами подъ Урикою (1139), гдѣ онъ съ малою силою дѣйствовалъ противъ гораздо превосходнѣйшей, и которая была столь велика и блистательна, что онъ приписывалъ ее непосредственному содѣйствію Божію, послужила ему предлогомъ принять титулъ королевскій, который сначала Короли Кастильскіе у него оспоривали; но Папа Александръ III, за годичную дань, утвердилъ его въ семъ санѣ. Въ 1143 году, Альфонсъ созывалъ торжественный сеймъ въ Ламего, на которомъ опредѣленъ былъ порядокъ престолонаслѣдія и изданы многіе законы, касающіеся дворянства и Уголовнаго Права. Съ помощію англійскихъ и нѣмецкихъ крестоносцевъ изъ Вестфаліи и Нижней Саксоніи, вскорѣ потомъ (1147) и Лиссабонъ былъ отнятъ у Мавровъ. Альфонсъ умеръ въ 1185 году. Его преемникъ Санчо I, за

стараніе, съ какимъ онъ заселялъ землю, опустѣвшую отъ войны, голода и чумы, получилъ применованіе Народонаселителя. Слѣдующіе Короли, Альфонсъ II и Санчо II, запутаны были въ распри съ гордымъ и богатымъ духовенствомъ своей земли, и Иннокентій IV лишилъ Санчо престола (1245) на томъ же соборѣ въ Ліонѣ, на которомъ онъ уничтожилъ Императора Фридриха II. Санчо умеръ среди напрасныхъ покушеній возвратить корону. По сей причинѣ и войны съ Маврами остановились, доколѣ его преемникъ, Альфонсъ III, Возстановитель (ум. 1279), завоеваніемъ Алгарбіи не довершилъ объема державы.

## 43. Владѣнія Скандинавскія.

Народы Скандинавіи только мало по малу переходили изъ своего первобытнаго состоянія къ гражданственности и учрежденіямъ странъ южнѣйшихъ. Въ Швеціи оно продолжалось еще нѣсколько времени, доколѣ язычество не было искоренено, и кровавыя распри за престолъ долгое время возмущали государство. По прекращеніи династіи Стенкилей (1130), несогласіе возникло между двумя племенами, на которыя народъ дѣлился съ незапамятныхъ временъ, Шведами и Готландцами. Первые держались дома Сверкеръ, послѣдніе дома Бонде. Сіи роды то смѣнялись на престолѣ, то господствовали въ одно время, доколѣ въ непрерывныхъ браняхъ не истребили другъ друга, и домъ Фолькунговъ, коего происхожденіе теряется въ баснословномъ времени, вступилъ на престолъ. Биргеръ, ярлъ Швеціи — высшій санъ придворный и государственный — сильный мужъ этого рода, уже во время Короля Эриха Эрихіона (1229 — 1250), послѣдняго государя изъ дома Бонде, имѣлъ въ рукахъ верховную власть. По смерти Эрихіона, малолѣтный сынъ Биргера, Вальдемаръ, былъ призванъ на престолъ, вмѣсто котораго онъ правилъ царствомъ съ умѣньемъ и опытностію, и старался утвердить корону за своимъ домомъ. Доколѣ онъ былъ живъ, господствовали миръ и

спокойствіе, но по кончинѣ его (1266) возобновились кровавыя распри между Фолкунгами. Биргеръ обнесъ Стокгольмъ крѣпкими стѣнами и высокими башнями, и только съ этого времени появились города въ Швеціи. Усиливающаяся промышленность и возрастающія потребности не развивали городской жизни; опасность отъ хищнаго врага не побуждала къ заложенію замковъ и мѣстъ, огражденныхъ стѣнами. И дворянство въ Швеціи доселѣ не составляло, какъ въ другихъ земляхъ, сословія предпочтеннаго предъ прочими свободными людьми; и послѣдніе не были принуждены убѣгать въ города для сохраненія своей независимости. По этой причинѣ, сооруженіе городовъ происходило не отъ народа, но отъ поощренія и заботливости государей *). Только городъ Визби, на островѣ Готландѣ, ранѣе имѣлъ значительность и велъ обширную торговлю. Но этотъ городъ былъ основанъ Нѣмцами, съ которыми соединились туземцы, и подлѣ нихъ потомъ поселились купцы изъ всѣхъ народовъ, привлеченные благопріятнымъ положеніемъ для торговли. Замѣчательно, что здѣсь появилось древнее Морское Право, принятое и въ другихъ мѣстахъ.

Покореніе и обращеніе въ Христіанство Финляндіи начато Шведами въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, и къ исходу тринадцатаго сіе завоеваніе окончено. Финны стояли еще на весьма низкой степени образованія, и не имѣли собственно никакой государственной связи; у нихъ были только свободные и рабы, и первые жили безъ всякаго начальства надъ собою; только старшины пользовались нѣкоторымъ вліяніемъ. Такъ какъ Шведы далеко превосходили ихъ порядкомъ, терпѣніемъ и силою оружія, то они безъ большаго труда были побѣждены, и принуждены къ принятію крещенія.

Въ Норвегіи было почти еще болѣе неустройствъ и смутъ нежели въ Швеціи. И тамъ причина волненій, по большей части, заключалась въ неопредѣленности пре-

---

*) Rühs, Geschichte Schwedens, Th. I. S. 183.

столонаслѣдія. Нерѣдко побочные дѣти королей присвоивали себѣ такое же право на престолъ, какъ и сыновья законные, находили приверженцевъ и возбуждали кровавыя междоусобія. Только Гакопъ V (съ 1217) возстановилъ спокойствіе, и сынъ его, Магнусъ VII (1263—1280), за попечительность о законодательствѣ получившій прозваніе Лагабеттеръ (Lagabätter, Законоисправитель), посредствомъ договора съ духовенствомъ утвердилъ престолонаслѣдіе за своимъ домомъ. При Гаконѣ V, покорилась и Исландія Норвежскимъ Королямъ, удержавъ право имѣть собственнаго ярла, и жить подъ старинными законами.

Важнѣе Исторія Даніи, современная царствованію Гогенштауфеновъ въ Германіи. Послѣ длиннаго ряда семейныхъ войнъ въ домѣ Свена Эстритсона, Вальдемаръ I не только возстановилъ спокойствіе внутри государства, но обратилъ оружіе и противъ вендскихъ морскихъ разбойниковъ, которые жили въ Мекленбургѣ и Померапіи. Въ соединеніи съ Генрихомъ Львомъ онъ пошелъ на нихъ и разбилъ ихъ; завоевалъ Рюгенъ (1168) и сталъ твердою ногою въ Померапіи. И въ качествѣ законодателя Вальдемаръ оказалъ заслуги своему народу. Въ этомъ дѣлѣ помогалъ ему благородный мужъ, Рёскильдскій Епископъ Арель или Абсалонъ, въ послѣдствіи Архіепископъ Лундскій, равно отличный какъ государственный мужъ, и какъ покровитель наукъ. За Вальдемаромъ послѣдовалъ сынъ его Канутъ VI, который еще далѣе распространилъ свое владычество въ Мекленбургѣ и Померапіи, и отнялъ земли у Графа Адольфа III Гольстинскаго. Послѣ него восшелъ на престолъ братъ его, Вальдемаръ II Побѣдитель (1203), которому вскорѣ по его воцареніи Рюгенскіе, Померанскіе и Мекленбургскіе Князья торжественно присягнули въ Любекѣ, какъ королю Славянъ и государю Сѣверной Албингіи (Гольстиніи). Даже Императоръ Фридрихъ II, въ 1214 году, совершенно уступилъ ему земли по ту сторону Эльбы и Эйдера, которыя прежде подчинены были Нѣмецкой Державѣ. Вальдемаръ простеръ свои завоеванія еще далѣе, и покорилъ Померелію,

также часть прусскихъ, ливонскихъ и эстонскихъ поморій. Это была высшая степень могущества, до которой Данія когда либо достигала, но съ которой она скоро была низринута. Первый ударъ нанесенъ ей былъ васалломъ Вальдемаровымъ, Шверинскимъ Графомъ Генрихомъ, который, бывъ оскорбленъ Королемъ и лишенъ большей части своихъ владѣній, принялъ дерзкое намѣреніе захватить его въ плѣнъ, чтобы тогда, по произволу, предписать ему условія. Умыселъ удался 6 мая 1223 года ночью, когда Вальдемаръ, съ сыномъ своимъ, на островѣ Ліоэ, недалеко отъ Фіоніи, утомленный послѣ звѣриной ловли, спалъ въ палаткѣ безъ стражи. Генрихъ отвезъ своихъ плѣнниковъ сперва въ альтмаркскій замокъ Ленценъ, а потомъ въ Данненбергъ. Зависть, возбужденная великими завоеваніями Вальдемара, и стараніе зависимыхъ князей свергнуть чуждое иго, поддерживали его сильно. Датчане назначили было правителя государству, и обратились къ Папѣ и Императору, чтобы исходатайствовать своему Королю свободу, но долго не имѣли успѣха. Наконецъ послѣдовала развязка (1225). Условія были тяжки: Вальдемаръ долженъ былъ отказаться отъ обладанія Гольстиніею и всѣми славянскими землями по Рюгенъ, обѣщать 45,000 марокъ серебра и другія драгоцѣнности, также присягнуть, что никогда не будетъ мстить за свой плѣнъ. Въ послѣдствіи, онъ испросилъ у папы разрѣшеніе отъ присяги и взялся за оружіе, но счастіе ему не благопріятствовало. Въ битвѣ подъ Борнгеведе, недалеко отъ Киля (22 іюля 1227), стояли противъ него Графы Шверинскій и Гольстинскій, Архіепископъ Бременскій, Саксонскій Герцогъ Альбертъ и Любечане, и разбили его совершенно не смотря на превосходную его силу. Тѣмъ кончилось владычество Датчанъ въ Сѣверной Германіи; Графъ Адольфъ IV удержалъ Гольстинію; Гамбургъ и Любекъ получили отъ Императора Фридриха столько правъ, что уже очень близки были къ полной имперской вольности, въ послѣдствіи имъ пожалованной. О договорѣ Вальдемара съ Меченосцами, по которому онъ получилъ часть Эстоніи, было упомянуто выше (стр. 223). Послѣ столь мно-

гихъ потерь, онъ оказалъ услугу оставшимся своимъ владѣніямъ изданіемъ новаго судебника. Онъ скончался въ 1241 году, завѣщавъ Королевство сыну своему, Эрику IV, а Герцогство Шлезвигское брату его, Абелю.

Сей раздѣлъ причинилъ междоусобіе, въ которыхъ земля была опустошаема, и мятежный духъ бароновъ находилъ себѣ пищу. И въ Даніи дворянство часъ отъ часу выше поднимало главу свою, и государство колебалось между наслѣдственнымъ и избирательнымъ правленіемъ. Такъ Абель, умертвившій своего брата Эриха, въ 1250 году былъ избранъ въ короли государственными чинами. Хотя онъ заставилъ утвердить наслѣдство за своимъ сыномъ Вальдемаромъ; но когда онъ вскорѣ потомъ убитъ былъ жившими по берегамъ Нѣмецкаго Моря крестьянами, которыхъ оружіемъ хотѣлъ принудить къ уплатѣ новыхъ налоговъ, избрали его брата Христофора I, четвертаго сына Вальдемара Побѣдителя. Христоферъ старался возвратить коронѣ большія ленныя имѣнія и розданныя младшимъ принцамъ области, и поддерживалъ власть свою съ особенною силою, но также и съ жестокостью. Это было тѣмъ нужнѣе, что своеволіе дворянъ не знало предѣловъ, и вообще земля не наслаждалась безопасностью. Одинъ дворянинъ, въ 1255 году, стащилъ Епископа Шлезвигскаго съ постели, чтобы обобрать у него деньги; поселяне грабили священниковъ и даже убивали ихъ, между тѣмъ само духовенство противилось мѣрамъ Короля. Іаковъ Эрландзонъ, Архіепископъ Лундскій, не хотѣлъ признавать власти королевской надъ духовными, напротивъ, хотѣлъ распространить свою власть болѣе надлежащаго, и на соборѣ въ Веделѣ (1256) обнародовалъ утвержденный Папою Александромъ IV законъ, по которому слѣдовало произносить отлученіе отъ Церкви на царство, какъ скоро епископъ будетъ задержанъ, раненъ или оскорбленъ, если это сдѣлано будетъ по приказанію короля, или даже будетъ только причина предполагать, что дано было такое повелѣніе. Когда Король воспротивился симъ притязаніямъ, Архіепископъ возбудилъ мятежъ, и старался свергнуть его съ престола.

Въ продолженіе этой борьбы, архіепископскій каноникъ отравилъ Христофора ядомъ (1259). При сынѣ его, Эрикѣ V, распря продолжалась; наконецъ обѣ стороны наскучили враждою и примирились. И этотъ Король потерялъ жизнь (1286) отъ руки мятежниковъ, которыхъ главою былъ маршалъ Стигонъ.

Исландцы все еще были увлекаемы безотчетною склонностью къ частымъ путешествіямъ въ южныя страны. Они уважали всякаго, кто путешествовалъ въ дальныя земли, и могъ разсказывать о чужеземныхъ нравахъ. Въ одной старинной исландской книгѣ сказано: «Наша жизнь пуста и скучна, если мы остаемся здѣсь на горахъ, въ ущельяхъ и въ пустыняхъ, и ни къ другимъ не ходимъ, ни другіе не ѣздятъ къ намъ.» И въ Царскомъ Зерцалѣ, другомъ сочиненіи, читаемъ: «Если хочешь быть совершеннымъ въ наукѣ, учись всѣмъ языкамъ, но особенно по латыни и по италіянски, потому что эти языки простираются далѣе всѣхъ.» Тамъ же одинъ юноша говоритъ такъ: «я теперь въ самыхъ лучшихъ лѣтахъ, и въ качествѣ купца хочу видѣть чужія страны; я не смѣю явиться ко двору, если напередъ не познакомлюсь съ обычаями другихъ народовъ.» Исландецъ Біёрнъ (Björn) три раза ѣздилъ въ Римъ, бралъ свою жену Олуфу съ собой въ Обѣтованную Землю, и велъ исправный дневникъ своего путешествія, который уцѣлѣлъ донынѣ. Многіе изъ этихъ Исландцевъ и другіе скандинавскіе странники вступали въ военную службу на Югѣ, особенно въ Царѣградѣ, и отличались храбростью и славолюбіемъ. Но немногіе оставались на чужбинѣ; большая часть, добывъ честей и богатства, возвращались домой, чтобы тамъ доживать дни свои *). Любовь къ поэзіи Исландцы принесли съ собой изъ первобытныхъ жилищъ своихъ. Они страстно любили это искусство, и исландскіе скальды являются придворными поэтами сѣверныхъ королей.

---

*) Reiſen der Skandinavier, in Schlözer's Allgem. Nord. Geſch. A. W. H. Th. XXXI. S. 541.

Этимъ даромъ, этимъ направленіемъ духа, скудный островъ, лежащій какъ бы внѣ историческаго міра, пріобрѣтаетъ замѣчательную важность въ лѣтописяхъ поэзіи. Старинныя сѣверныя саги, которыя, подобно древнимъ греческимъ, долго хранились только въ устахъ народа, были сохраняемы письмомъ. Два знаменитыя ихъ собранія, часто упоминаемыя подъ именемъ древней и новой Эдды, повѣствуютъ преимущественно объ Одинѣ и богахъ. Но побужденіе передавать потомству саги созрѣло и для Исторіи, и исландскій лагманъ Снорро Стурлезонъ (ум. 1241) оставилъ намъ прекрасное твореніе о Сѣверной Исторіи. Нѣсколько ранѣе Датчанинъ Саксонъ Грамматикъ написалъ чистою латынью исторію своего отечества, въ которой однако баснословныя саги о древнѣйшихъ временахъ поставлены на равнѣ съ Исторіею достовѣрною.

## 44. Монголы.

Изъ возвышенныхъ равнинъ Азіи, отъ начала Исторіи до нашихъ дней обитаемыхъ дикими кочевыми племенами, къ югу отъ Сибири, къ сѣверу и западу отъ Китая, изъ первобытныхъ жилищъ Гунновъ, въ тринадцатомъ вѣкѣ хлынули сплеменные имъ Монголы, и пронеслись гибелью по странамъ Азіи и Европы. Виновникомъ сего всемірнаго переворота былъ второй Аттила, грозный Чингисханъ. Его прежнее имя было Темучинъ (род. 1154); онъ былъ сынъ Монгольскаго Князя Езукая Багадура, котораго табуны паслись на востокѣ отъ Байкала. По смерти отца своего, Темучинъ былъ еще отрокомъ; большая часть Монголовъ, повиновавшихся Багадуру, отпала отъ него, и Темучинъ долженъ былъ бѣжать. Онъ пришелъ къ Унгъ-Хану Толи, повелителю Кераитовъ, татарскаго народа, и когда возросъ, отличался храбростью и рѣшительностью. Въ послѣдствіи онъ поссорился съ Унгъ-Ханомъ, разбилъ его, покорилъ его землю и сдѣлался государемъ многихъ обширныхъ ордъ. Тогда онъ созвалъ наслѣдственныхъ старшинъ своего Монгольскаго Племени, таиджей и ихъ родственниковъ, нойоновъ,

составлявшихъ дворянство народа, и военачальниковъ на курилтай (сеймъ) около своего знамени, на которомъ висѣло четыре черные лошадиные хвоста, у истоковъ Онона. Въ среду ихъ вступилъ шаманъ Гёкчу и сказалъ, что Темучинъ призванъ отъ божества быть владыкой міра, и что его должно именовать Чингисъ-Ханомъ (величайшимъ ханомъ, 1206). Темучинъ готовъ былъ послѣдовать этому призванію, и умѣлъ воодушевить орды къ исполненію своего намѣренія. Дикія полчища хлынули изъ степей Монголіи. Сперва Чингисъ-Ханъ напалъ на Сѣверный Китай. Его воины взяли приступомъ великую стѣну, которая тянется по сѣверной границѣ Имперіи отъ Желтаго Моря до запада области Шензи, на двѣсти пятьдесятъ миль. Монголы, послѣ многихъ походовъ (1211 — 1218), покорили эту землю и свергнули господствовавшее тамъ племя Ніучей. Потомъ Темучинъ обратилъ взоръ на западъ. Говорятъ, Халифъ Багдадскій, Абулъ-Аббасъ-Назръ-эль-Эддинъ, требовалъ его помощи противъ Магомета, Султана Ховарезмійскаго (стр. 164), который господствовалъ отъ Каспійскаго Моря до самой Индіи. Казнь монгольскихъ пословъ, принятыхъ за лазутчиковъ, послужила поводомъ къ войнѣ (1219), одной изъ самыхъ опустошительныхъ въ исторіи человѣчества, кончившейся совершеннымъ пораженіемъ Ховарезмитовъ. Многіе цвѣтущіе города погибли въ пламени, жители были тысячами побиты или увлечены въ неволю; въ Бухарѣ, столицѣ магометанской учености, истреблены книгохранилища, которыхъ ни одинъ изъ варварскихъ побѣдителей никогда не видывалъ. Великій Ханъ въѣхалъ съ своею свитою въ главную мечеть, поставилъ своего коня на ступени амвона, и приказалъ подать ему корму. Воины бросили кораны и священныя книги изъ ковчеговъ, въ которыхъ они хранились, подъ ноги своимъ коннымъ, всыпали въ нихъ овса, развязали мѣхи съ виномъ, и огласили стѣны капища своими дикими народными пѣснями. Наконецъ они зажгли городъ. Милосердіе считалось преступленіемъ. Когда Тулуй, сынъ Чингисъ-Хановъ, истребилъ не всѣхъ жителей Герата, отецъ сказалъ

ему: «запрещаю тебѣ когда либо безъ моего повелѣнія быть милостивымъ къ жителямъ вражеской земли; состраданіе обитаетъ только въ душахъ слабыхъ.» Однако, по смерти Магомета (1221), сынъ его, Джелаледдинъ Манкберни, оказывалъ самое храброе и искусное сопротивленіе, то на берегахъ Инда, то въ горахъ, пока не былъ убитъ 1231 года на бѣгствѣ. Тогда лишь Монголы проникли до самаго Эвфрата. Между тѣмъ другой неотразимый врагъ предварилъ уже Чингиса. Когда онъ намѣревался внести страшный мечъ свой въ непокоренную еще часть Китая, смерть постигла опустошителя міра (1227). Его тѣло предано землѣ въ отечествѣ, на вершинѣ горнаго хребта Бурханъ-Калдуна, которую онъ нѣкогда во время охоты самъ избралъ для своей могилы. Три рѣки стекаютъ изъ этой горы: Тула, Керуланъ и Ононъ. Преемники Темучиновы погребены тамъ же.

На мѣсто его великимъ ханомъ сдѣлался сынъ его Октай, при которомъ завоеванія продолжались. Старшій братъ, Чучи, умершій еще прежде отца, во время войны ховарезмитской, овладѣлъ землями на сѣверъ отъ Чернаго Моря, и побѣдилъ Россійскихъ Князей; сынъ его Батый довершилъ порабощеніе Россіи. Потомъ несмѣтныя полчища наводнили Польшу, которая также не въ состояніи была противиться. Опустошивъ Польшу, великая орда перешла за Одеръ, выжгла Бреславль, и двинулась на борьбу съ Нижне-Силезскимъ Герцогомъ Генрихомъ Благочестивымъ. На Равнинѣ Вальштатской, близъ Лигница, произошла знаменитая битва, апрѣля 1241. Татары (такъ большею частію называли Монголовъ на Западѣ), далеко превосходя христіанское войско числомъ, одержали побѣду. Герцогъ Генрихъ палъ благородной смертью героя, защищая отечество, и не напрасно: побѣдители потерпѣли такой сильный уронъ, что лишились охоты продолжать свой путь въ направленіи къ Западу. Напротивъ, они очистили Силезію; смерть Октая отозвала ихъ на родину, и Германія избавилась отъ страшныхъ пришельцевъ. Тѣмъ плачевнѣйшая участь постигла Венгрію, куда вторгнулись другія монгольскія полчища. Несчастные

жители, попавшіеся въ руки варварамъ, были увѣчены, мучимы, убиваемы. Монгольскіе отроки получали отъ своихъ матерей дубинки, чтобы убивать плѣнныхъ дѣтей. Когда большая часть земли обращена была въ пустыню, и голодъ явился со всѣми страшными своими спутниками, Монголы удалились. Но прошло много времени, прежде нежели прежній бытъ и воздѣлываніе земли въ Польшѣ и Венгріи могли возстановиться. Уныніе и страхъ объяли Европу при сихъ извѣстіяхъ, а Императоръ и Папа другъ на друга сваливали вину, что ничего не сдѣлано было противъ сихъ враговъ Христіанства.

Въ Азіи, исполинская держава Монголовъ все еще возрастала. Гулаку, внукъ Чингисхановъ, въ 1258 году, взялъ приступомъ Багдадъ, при чемъ, по самому меньшему показанію, погибло двѣсти тысячъ человѣкъ, и въ числѣ ихъ Мостаземъ, пятьдесятъ—шестой и послѣдній халифъ. Монголы грабили въ продолженіе семи дней. Валы, башни и ворота сравнены были съ землею, и собранныя здѣсь въ теченіе пяти сотъ лѣтъ творенія Арабской Литературы погибли въ пламени. Такая участь постигла Халифатъ Багдадскій, который нѣкогда повелѣвалъ народами отъ Инда до Атлантическаго Моря. Образованность, которую арабское господство распространило на Востокѣ, и которая посредствомъ Крестовыхъ Походовъ оказала столь сильное вліяніе на Христіанскій Западъ, почти вся потоптана была копытами коней монгольскихъ. Теперь орды неудержимо устремились на Западъ, покорили Эюбидскихъ Султановъ Алеппа, Эмезу, Дамаскъ и всю Сирію. Только мамелюкскіе властители Египта оказывали имъ успѣшное сопротивленіе.'

Неизмѣримое царство имѣло участь всѣхъ державъ, основанныхъ мечемъ кочевыхъ завоевателей. Спустя нѣсколько поколѣній человѣческихъ, оно распалось на четыре Ханства: Китайское, Иранское, Джагатайское (Бухарія) и Капчакское (на югъ отъ Каспійскаго Моря, между Волгой и Ураломъ).

## 45. Россія.

Неустройства, въ которыя Ярославъ I (Ч. IV. стр. 401) своимъ раздѣломъ ввергнулъ Россію, продолжались нѣсколько вѣковъ. Законъ, въ силу котораго, при упраздненіи Кіевскаго Престола, власть доставалась не сыну умершаго великаго князя, но старшему въ родѣ, всякой разъ вызывалъ смятенія, если сыновья находили средство противиться этому распространенію. Къ тому присоединялись непрестанныя кровавыя распри удѣльныхъ князей между собою, которыхъ число наконецъ возросло свыше пятидесяти. Спустя нѣсколько времени (1157) возникло новое Великое Княжество во Владимірѣ, по имени не подчиненное Кіевскому, но гораздо его сильнѣйшее. То одинъ, то другой великій князь возобновлялъ притязанія раздавать по произволу удѣлы и набирать въ нихъ войска. Но удѣльные князья никогда безъ принужденія не признавали законной верховной власти; одно своекорыстіе могло выманивать у нихъ мнимое повиновеніе Кіеву или Владиміру. Вѣроломная политика почти всегда управляла дѣйствіями сихъ князей; они не пренебрегали самыхъ порочныхъ средствъ, если только надѣялись достигнуть цѣли. Недовѣрчивые похитители власти, по примѣру Византійцевъ, ослѣпляли своихъ совмѣстниковъ, заключали ихъ въ монастырь, или пускали скитаться по міру. Россія была терзаема не только внутренними, но и внѣшними врагами, особливо Куманами, татарскимъ народомъ (Ч. IV. стр. 99), который въ одиннадцатомъ вѣкѣ съ береговъ Яика пришелъ въ Европу. Русскіе въ состояніи были бы положить границы опустошеніямъ сихъ варварскихъ ордъ, если бы не расточали своихъ силъ въ тщетныхъ междоусобіяхъ.

Папы напрасно домогались подчинить Россію Римской Церкви; она съ непоколебимою твердостью пребыла вѣрна Греческой и ея уставамъ. Духовенство пользовалось почти такимъ же высокимъ личнымъ уваженіемъ какъ въ странахъ западныхъ, и во времена великихъ смутъ и

огрубѣнія нравовъ оказывало благотворное вліяніе на общественныя отношенія, но избѣгая вмѣшательства въ дѣла свѣтскія, употребляя одни средства духовныя, увѣщаніе, вразумленіе и убѣжденіе; дѣятельность его была болѣе внутренняя, сокровенная, и не бросалась въ глаза какъ на Западѣ. За то пастыри россійскіе не навлекли на себя упрековъ въ ненасытномъ властолюбіи, которымъ омрачила себя Іерархія Римская. Между городами, богатый и сильный торговлею Новгородъ занималъ первое мѣсто. Русскіе корабли ходили оттуда въ Визби, Данію и Любекъ; Нѣмцы содержали въ Новѣгородѣ конторы. Въ сознаніи сей силы, Новгородъ пріобрѣлъ право избирать своихъ посадниковъ, и оказывалъ непокорность князьямъ, но въ семъ противоборствѣ часто подпадалъ неистовой и кровожадной тираніи черни.

При такомъ внутреннемъ разстройствѣ Россіи, явились Монголы въ земляхъ на сѣверѣ отъ Каспійскаго и Чернаго Морей, и нагрянули на Кумановъ. Русскіе князья рѣшились всѣми силами поддержать сихъ старинныхъ враговъ своихъ противъ ополченія гораздо болѣе опаснаго, но на рѣкѣ Калкѣ претерпѣли столь страшное пораженіе, что только десятая часть войска спаслась бѣгствомъ (1224). Чингисханъ вскорѣ потомъ отозвалъ войска свои назадъ, но въ 1235 году новыя полчища пришли подъ предводительствомъ Батыя (см. стр. 325), покорили Владиміръ, Москву и множество другихъ городовъ, и среди ужасныхъ злодѣйствъ и безчеловѣчнаго поруганія надъ жителями обратили ихъ въ пепелъ. Варвары связывали плѣнныхъ руки за спину, и стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль. Великій Князь Владимірскій Георгій, покусившійся на сопротивленіе, потерялъ 1239 года на Сити сраженіе и жизнь. Спустя два года, Кіевъ подвергся тому же страшному жребію, впалъ въ руки свирѣпыхъ враговъ. Едва сотая часть домовъ уцѣлѣла отъ ихъ разрушительной лютости, и еще въ пятнадцатомъ вѣкѣ сія древняя столица Россіи представляла почти одни развалины. Батый, именуемый Саинъ-Ханомъ, то есть добрымъ ханомъ, раскинулъ свой шатеръ въ Сараѣ, на восточномъ

берегу Волги. Здѣсь Ярославъ II, братъ и преемникъ Георгіевъ, долженъ былъ явиться къ нему со смиреніемъ и покорностію; за то ханъ предоставилъ ему, подъ своею верховною властью, владычество надъ Россіею. Но и въ эти времена всеобщаго бѣдствія, Князья Россійскіе не покидали своихъ бѣдственныхъ раздоровъ и представляли свои распри на судъ хану, какъ будто сами хотѣли утвердить господство иноплеменниковъ. Берекъ, Батыевъ преемникъ въ Капчакской Ордѣ, который ввелъ исламъ между подчиненными ему Монголами какъ вѣру господствующую, поставилъ въ Россіи монгольскихъ надзирателей и сборщиковъ податей надъ десятками, сотнями, тысячами и десятками тысячъ. Сіи сборщики (баскаки) поступали жестоко и самовластно, и для исполненія своего дѣла никому не позволяли произвольно перемѣнять свое мѣстопребываніе. Новгородъ не подпадалъ жестокому игу. Обладавшій имъ Князь Александръ, на Невѣ одержалъ побѣду надъ Шведами, которые, пользуясь бѣдствіемъ Россіи, произвели здѣсь высадку (1240), и отъ сей побѣды получилъ применованіе Невскаго. Позже онъ наслѣдовалъ отцу своему на велико-княжескомъ престолѣ (1253), и правилъ государствомъ десять лѣтъ съ великимъ благоразуміемъ и мудростію. Во время его княженія и Новгородъ долженъ былъ платить дань ордѣ ненавистной, хотя татарскіе чиновники и не бывали въ стѣнахъ его. Православная Россійская Церковь сопричла великаго царственными и христіанскими добродѣтелями мужа къ лику Святыхъ.

## 46. Венгрія.

Коломанъ, племянникъ и преемникъ Владислава Святаго (съ 1095), воинственный, благоразумный, свѣдущій, но недовѣрчивый и жестокосердый государь, присоединилъ къ пріобрѣтеніямъ своего дяди въ Кроаціи (Ч. IV. стр. 405) еще Далмацію, которой прибережьями и городами владѣли Венеціяне (Ч. IV. стр. 290), и часть Босніи. Внутри государства, прочнѣйшее утвержденіе коро-

левской власти все еще было задачей правителей. Весьма замѣчательно слѣдующее узаконеніе Коломана: «А надъ колдуньями, которыхъ совсѣмъ нѣтъ, не должно производить суда.» Оно свидѣтельствуетъ о просвѣщеніи, какого трудно было ожидать отъ его времени. При сынѣ его, Стефанѣ II, который въ 1141 году вступилъ на престолъ четырнадцати лѣтъ отъ рожденія, Венеціяне дважды возобновляли войну за Далмацію, однако большая часть земли осталась за Венграми: Венеціяне удержали одни приморскія мѣста и острова. Позднѣйшему Королю Эмерику (1196—1204) удалось также покорить своей власти Сербію и часть Булгаріи. За Эмерикомъ, послѣ краткаго междуцарствія, послѣдовалъ братъ его Андрей II, котораго мы знаемъ уже по его безуспѣшному крестовому походу (выше, стр. 126). Возвратясь изъ Сиріи, онъ нашелъ въ своемъ царствѣ смуты и непокорность вельможъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ (1222) принужденъ былъ согласиться на принятіе закона, который ограничивалъ власть королевскую въ существенныхъ пунктахъ. Законъ названъ золотою буллою, и почитается основой правъ Венгріи. Въ немъ постановлено въ опредѣленное время созывать собранія государственныхъ чиновъ. Дворянинъ можетъ быть задержанъ или осужденъ не иначе какъ послѣ законнаго слѣдствія; никто не лишается владѣній, полученныхъ имъ однажды; подати съ поземельной собственности должны быть отмѣнены, и при всякомъ нарушеніи сихъ постановленій, государственное собраніе имѣетъ право дѣлать противъ сего представленія, даже, въ случаѣ нужды, оказывать сопротивленіе. Золотая булла входитъ также въ положеніе крестьянъ, освобождая ихъ отъ нѣкоторыхъ наиболѣе тяжкихъ притѣсненій. Въ церковныхъ дѣлахъ, Иннокентій III имѣлъ сильное вліяніе на Венгрію, и особенно старался противодѣйствовать упадку церковнаго благочинія. Впрочемъ, новый коренный законъ, при слабомъ правленіи Андрея II, не возстановилъ гражданскаго порядка во всей цѣлости. Король, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, прибѣгнулъ къ насильственнымъ средствамъ, отбиралъ церков-

ныя имѣнія, давалъ важныя должности Жидамъ, и освободилъ ихъ отъ податей. Григорій IX увѣщевалъ и предостерегалъ его; наконецъ Архіепископъ Гранскій произнесъ церковное отлученіе на Венгрію, которое было снято тогда только, когда Король присягнулъ отмѣнить злоупотребленія. Вскорѣ потомъ (1235) Андрей умеръ. Онъ былъ государь слабый, нерѣшительный, и въ продолженіе тридцатилѣтняго своего царствованія большею частію самъ навлекалъ на себя бури.

Въ правленіе сына его, Бѣлы IV (1235—1270), грозные Монголы вторгнулись въ Венгрію, и съ ними явились всѣ ужасы опустошенія. Батый привелъ ихъ самъ; Венгры были разбиты во многихъ сраженіяхъ. Король, разными окольными дорогами чрезъ Карпатскія Горы, бѣжалъ въ Австрію. Тамъ старинный врагъ его, Герцогъ Фридрихъ Воитель, воспользовался его несчастіемъ, и отнялъ у него всѣ спасенныя имъ сокровища. Когда Монголы вышли изъ разгромленнаго ими царства, Бѣла возвратился (1243), и нашелъ его въ ужаснѣйшемъ состояніи. Поля всюду лежали въ запустѣніи, голодъ и болѣзни свирѣпствовали, на разстояніи дня пути не встрѣчали ни одного человѣка; дикіе звѣри до того умножились и стали такъ смѣлы, что волки среди бѣлаго дня врывались въ жилыя мѣста, похищали дѣтей, даже нападали на людей вооруженныхъ. Къ счастію Бѣла обладалъ волею, силою и умѣньемъ, чтобы предпринять врачеваніе сихъ тяжкихъ ранъ, и спасти царство, приведенное на край гибели. Онъ призвалъ иностранныхъ поселенцевъ, особливо Нѣмцевъ, въ опустѣвшую землю, поднялъ города подтвержденіемъ старинныхъ и дарованіемъ новыхъ льготъ, и промышленность освобожденіемъ отъ всѣхъ пошлинъ внутри государства, покровительствовалъ горному дѣлу, и оградилъ безопасность предѣловъ союзами. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ достославныхъ, самыхъ благодѣтельныхъ королей, какіе когда либо владычествовали въ Венгріи.

## 47. Византійско-Латинская Имперія.

(1204 — 1261).

Мы оставили сіе государство (выше, стр. 121) при его началѣ и подъ правленіемъ перваго его Императора Балдуина. Трудности, съ какими новая держава должна была бороться, были не маловажны. Ей грозили не только всѣ внѣшніе враги Византійской Имперіи, но и владѣльцы никейскіе, которые смотрѣли на Константинополь какъ на собственность, незаконно у нихъ отнятую. Раздѣленіе государства и взаимное недоброхотство частныхъ владѣтелей ослабили силу Имперіи; покоренные Греки исполнены были ненависти къ своимъ латинскимъ властителямъ, и, гнушаясь ими какъ еретиками и тиранами, повиновались только по принужденію. Они соединились даже тайно съ Королемъ новооснованнаго въ 1186 году Болгарскаго Царства, Іоанномъ, который вскорѣ потомъ съ войскомъ проникъ за границу. Императоръ Балдуинъ пошелъ на встрѣчу непріятелямъ съ малыми силами, и 15 апрѣля 1205 года, подъ Адріанополемъ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Въ слѣдующемъ году онъ умеръ въ неволѣ; по другому извѣстію, былъ казненъ. Его братъ, Генрихъ, наслѣдовавшій ему въ правленіи, былъ государь храбрый и разумный, старался снискать довѣріе Грековъ, жаловалъ имъ чины и достоинства, и защищалъ ихъ отъ нетерпимости римскаго клира. Съ Болгарами и Греками Никейскими онъ заключилъ миръ.

По смерти его (1216), бароны избрали свойственника его, Графа Петра де Куртене, внука Французскаго Короля Лудовика VI. Онъ немедленно продалъ большую часть своихъ владѣній во Франціи, набралъ войско и поѣхалъ въ Римъ, гдѣ Гонорій III вѣнчалъ его. Изъ Италіи венеціянскіе корабли доставили его въ Дураццо, который онъ хотѣлъ отнять у греческаго владѣтеля Эпира, Ѳеодора. Но Грекъ хитростію захватилъ его и заключилъ въ темницу, изъ которой онъ болѣе не выходилъ. Тогда предложили корону Петрову сыну Роберту, который

1221 года прибылъ въ Константинополь и вѣнчался въ Софійскомъ Храмѣ. Положеніе Имперіи при этомъ слабомъ и малодушномъ монархѣ становилось часъ отъ часу плачевнѣе. Іоаннъ Ватацесъ, зять и преемникъ Ѳеодора Ласкари въ Никейскомъ Царствѣ, государь дѣятельный и разумный, не только отнялъ у Латиновъ все, чѣмъ они владѣли въ Азіи, но и перешелъ въ Европу; съ другой стороны, Князь Ѳеодоръ Эпирскій овладѣлъ Королевствомъ Ѳессалоникой, и принялъ царскій титулъ, такъ что у Латиновъ почти ничего не оставалось кромѣ Константинополя. И между тѣмъ какъ враги ненаказанно властвовали въ сей землѣ, Робертъ, въ своей столицѣ, оскорбленъ былъ самымъ наглымъ образомъ. Онъ женился на благородной дѣвицѣ изъ дома Нёвиль, въ Артуа, которая прежде сговорена была за одного бургундскаго рыцаря, но корона втораго жениха ослѣпила мать. Мстительный Бургундецъ не могъ забыть своего униженія, и подстрекнулъ нѣсколько своихъ друзей между французскими рыцарями къ гнусному злодѣйству. Они ворвались ночью во дворецъ, схватили юную императрицу и ея мать, послѣднюю утопили, а первой отрѣзали носъ и губы. Робертъ не имѣлъ силы наказать за такую неслыханную дерзость, но терзаемый скорбію оставилъ Константинополь, отправился въ Римъ, и просилъ о помощи Григорія IX. Папа пособилъ ему деньгами, но въ тоже время совѣтовалъ возвратиться въ Константинополь, чтобы совсѣмъ не потерять царства. На обратномъ пути Робертъ умеръ съ печали (1228).

По малолѣтству брата его Балдуина, вельможи предложили державу знаменитому своею храбростью Королю Іерусалимскому (по имени), Іоанну Бріенскому, тестю Императора Фридриха II-го, съ условіемъ, чтобы Балдуинъ ему наслѣдовалъ. Ватацесъ и Булгары осадили Константинополь всѣми своими силами, но осмидесятилѣтній герой храброю обороною уничтожилъ всѣ ихъ покушенія. Впрочемъ, по смерти его (1237), царство было бы потеряно, если бъ Ватацесъ и Булгары не поссорились. Напрасно Балдуинъ ѣздилъ неоднократно на

Западъ для испрошенія помощи. Приведенныя имъ войска, которыя онъ нанялъ за деньги, вырученныя продажею и закладомъ своихъ наслѣдственныхъ имѣній, не были достаточны для его защиты; онъ даже принужденъ былъ заключить союзы съ Сельджуками Иконійскими и съ языческими Куманами. Положеніе его было самое безнадежное. Доходовъ столицы, которые онъ долженъ былъ дѣлить съ Венеціянами, не доставало на самыя необходимыя потребности. Казна церковная была истощена, и уже всѣ драгоцѣнности проданы; Императоръ долженъ былъ наконецъ отдать своего единственнаго сына Филиппа заложникомъ венеціянскому торговому дому Капелло, чтобы получить въ заемъ денегъ. Свинцовыя кровли были снимаемы съ церквей и дворцевъ и обращаемы въ деньги. За недостаткомъ дровъ ломали дома на топливо. Однако Ватацесъ не дожилъ до совершеннаго ниспроверженія латинскаго владычества. Онъ умеръ въ 1255 году; его сынъ царствовалъ недолгое время; внукъ его свергнутъ былъ Михаиломъ Палеологомъ, который, по выраженію Гиббона, обладалъ всѣми добродѣтелями и пороками основателя новой династіи. Когда онъ сдѣлался Императоромъ Никейскимъ, ему не многаго труда стоило нанести послѣдній ударъ латинскому владычеству; на Константинополь онъ напалъ въ расплохъ (25 іюля 1261), Балдуинъ бѣжалъ съ знатнѣйшими западными фамиліями, и Михаилъ съ торжествомъ въѣхалъ въ столицу. По недоброхотству и зависти къ Венеціянамъ, Генуэзцы оказывали завоевателямъ усердное содѣйствіе; за то византійская торговля почти вся перешла въ ихъ руки, Галата была предоставлена имъ исключительно. Изъ мелкихъ державъ, основанныхъ Латинами, многія остались независимыми. Михаилъ хотѣлъ жить съ Западомъ въ добромъ согласіи, и для того усердно заботился о соединеніи Церкви Греческой и Латинской, но тѣмъ возбудилъ въ своихъ подданныхъ ропотъ и безпокойныя движенія. По смерти его (1282), сынъ его, Андроникъ II возстановилъ греческое богослуженіе, но не могъ прекратить непрерывныхъ раздоровъ церковныхъ.

# СРЕДНЯЯ ИСТОРІЯ.

## ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

### ОТЪ РУДОЛЬФА ГАБСБУРГСКАГО ДО ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ.

(1273 — 1492).

# 1. Введеніе.

Паденіемъ Дома Гогенштауфеновъ и окончаніемъ Крестовыхъ Походовъ ознаменовано начало новаго времени въ Европѣ, которое носитъ характеръ видимо отличный отъ протекшаго. Понятія, которыя дотолѣ волновали поколѣнія, блѣднѣютъ и изчезаютъ. Величественные, обширные, романтическіе замыслы уже не занимаютъ людей, не побуждаютъ ихъ къ подвигамъ; новыя цѣли лежатъ ближе и утверждены на прочнѣйшемъ основаніи, но имѣютъ менѣе внутренняго достоинства, и для достиженія ихъ приводятся въ движеніе мелочныя средства. Пламенное усердіе, увлекавшее крестоносцевъ на брань противъ ислама въ отдаленную Азію, даже въ пустыню сирійскую, уступило мѣсто нравственному разслабленію, до такой степени, что европейскіе Христіане не соединились даже для отраженія Турокъ, захватившихъ часть ихъ собственной земли. Покушенія Императоровъ, слить Германію и Италію въ одно цѣлое, становятся часъ отъ часу безсильнѣе, и оканчиваются раздробленіемъ сихъ земель; первая изъ нихъ сохраняетъ еще цѣлость свою единствомъ имени. Римская Іерархія истощилась излишнимъ напряженіемъ силъ; папы падаютъ съ высоты могущества и перестаютъ судить царей Европы, но не въ слѣдствіе великой борьбы, видѣнной нами въ предъидущемъ періодѣ, а потому что государи утверждаютъ власть короны въ земляхъ своихъ, простираютъ ее на предметы дотолѣ ей не подлежавшіе, и не позволяютъ духовной власти вмѣшиваться во внутреннія дѣла ихъ владычества. Измѣнившій-

ся и просвѣтившійся духъ народовъ, считая опеку Церкви уже ненужною, не удерживалъ ихъ въ семъ стремленіи. Напротивъ, броженіе умовъ, произведенное Крестовыми Походами и усиленное схоластикою, съ своей стороны также обнаруживалось разными попытками къ преобразованіямъ; наконецъ, по воспріятіи и изученіи искусствъ и наукъ древности, оно достигло предѣла въ преобразованіи не только формы и правленія, но и самаго ученія Церкви. Бытъ феодальный, требовавшій для своего просвѣщенія духа прежнихъ временъ, ослабѣваетъ, и такъ какъ личная служба становится маловажнѣе, то деньги получаютъ въ государствахъ гораздо большую значительность. Поэтическое чувство вездѣ уступаетъ мѣсто дѣйствію разсудка и расчетливости, которыя знаменуютъ преобладаніе свое замѣчательными и обильными въ послѣдствіяхъ изобрѣтеніями, способствующими успѣхамъ просвѣщенія и житейскаго быта. Сіи-то явленія преимущественно будутъ занимать насъ при изслѣдованіи отдѣльныхъ событій у главныхъ народовъ Европы, въ теченіе четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтія.

## 2. Германія въ царствованіе Рудольфа Габсбургскаго.

(1273 — 1291).

По смерти Папы Климента IV (1268), зависть и несогласіе кардиналовъ три года препятствовали замѣщенію римскаго престола; напослѣдокъ ихъ выборъ палъ на Григорія X, человѣка разсудительнаго и просвѣщеннаго. Въ намѣреніи дать противовѣсіе угрожающей силѣ Карла Анжуйскаго, онъ желалъ возстановленія императорскаго достоинства, и по смерти Ричарда Корниваллискаго настоятельно увѣщевалъ курфирстовъ избрать Римскаго Короля; въ противномъ случаѣ онъ самъ хотѣлъ дать главу Имперіи. И такъ князья, по приглашенію Майнцкаго Архіепископа Вернера Эпенштейнскаго, собрались въ сентябрѣ 1273 года во Франкфуртѣ. Но трудно было соединить ихъ голоса. «Какъ духовные, такъ и свѣтскіе князья

(пишетъ Ольмюцскій Епископъ Брунонъ къ Папѣ) желаютъ имѣть императора добраго и мудраго, но о сильномъ знать не хотятъ, хотя званіе и добрая воля безъ могущества ничего не значатъ, и, кажется, нѣтъ ничего полезнѣе, какъ власть одного, хотябъ она иногда и переходила за границы.» Наконецъ Архіепископъ Вернеръ избралъ Графа Рудольфа Габсбургскаго въ преемники Имперіи. Рудольфъ имѣлъ значительныя владѣнія въ Гельвеціи и на Верхнемъ Рейнѣ, но могуществомъ своимъ не могъ казаться страшнымъ для другихъ князей. Онъ былъ извѣстенъ своимъ рыцарскимъ духомъ и храбростью; сими доблестями увеличилъ свои владѣнія и сдѣлалъ имя свое грознымъ; въ народѣ славился своимъ благочестіемъ. Однажды, въ дурную погоду и на дурной дорогѣ, онъ встрѣтилъ священника, который шелъ съ дарами въ ближнее селеніе, къ больному. Увидѣвъ духовника, Рудольфъ тотчасъ сошелъ съ коня, поклонился Святынѣ, велѣлъ ему сѣсть на лошадь, и предоставилъ ее священнику. И Архіепископъ Маинцскій былъ обязанъ Графу: послѣдній проводилъ его безопасно чрезъ Альпы, на пути его въ Римъ, для полученія омофора. При прощаніи, Вернеръ сказалъ, что ему не хотѣлось бы умереть пока онъ не отплатитъ сколько нибудь за эту великую услугу. Такимъ образомъ личная благодарность, увѣренность въ душевномъ достоинствѣ Рудольфа и воспоминаніе объ услугахъ, оказанныхъ имъ прежде того Гогенштауфенамъ въ Германіи, за что онъ подпалъ даже проклятію Иннокентія IV, побудили Архіепископа ревностно стараться о возвышеніи Графа Габсбургскаго, причемъ свойственникъ его, Фридрихъ, Бургграфъ Нюренбергскій, всѣми силами его поддерживалъ.

Рудольфъ былъ занятъ войною съ Базелемъ и тамошнимъ епископомъ, и стоялъ съ своимъ воинствомъ подъ стѣнами сего города, когда получилъ вѣсть о своемъ избраніи. Онъ немедленно примирился съ противниками, и поѣхалъ черезъ Франкфуртъ въ Аахенъ, гдѣ вѣнчаніе совершилось при радостномъ ликованіи присутствующихъ (31 октября 1273). Потомъ князья должны были принять

инвеституру изъ рукъ новаго государя (Ч. IV. стр. 355). Когда всѣ стояли уже предъ алтаремъ, оказалось, что не былъ принесенъ скипетръ. Тогда Рудольфъ, взявъ Распятіе, сказалъ: «Сей крестъ, которымъ мы и весь міръ искуплены, конечно можетъ заступить мѣсто скипетра.» Такая находчивость произвела пріятное впечатлѣніе во всѣхъ присутствующихъ. «Этотъ король» писалъ Кёльнскій Архіепископъ Григорію X, твердъ въ вѣрѣ, чтитъ Церковъ, любитъ справедливость, слушается мудрыхъ совѣтовъ, весьма благочестивъ, могучъ собственными силами и въ родствѣ со многими сильными особами, благоугоденъ Богу, какъ мы твердо вѣруемъ, привѣтливъ, бодръ духомъ и счастливъ на войнѣ.» Но утвержденіе со стороны Папы, который въ это самое время намѣревался открыть соборъ въ Ліонѣ, было для новаго властителя всего нужнѣе. Онъ отправилъ къ Папѣ пословъ, которые отъ имени его присягнули, что онъ вѣрно будетъ исполнять обязательства, принятыя его предшественниками, Оттономъ IV и Фридрихомъ II, въ отношеніи къ Римской Церкви, что онъ ни самъ, ни чрезъ другихъ не будетъ нападать на владѣнія Церкви или ея васалловъ, не приметъ никакого сана въ Церковной Области, особенно въ самомъ Римѣ, также не будетъ питать непріязни къ Карлу, Королю Сицилійскому, ни преслѣдовать тѣхъ, которые помогали ему противъ потомковъ Фридриха II. За то Григорій призналъ его Римскимъ Королемъ, и не безъ труда убѣдилъ Альфонса Кастильскаго отказаться отъ правъ на престолъ императорскій. Рудольфъ, при личномъ свиданіи съ Папою въ Лозаннѣ (1275), снова подтвердилъ всѣ обѣщанія своихъ пословъ, и сверхъ того пожаловалъ всѣ области въ Италіи, которыя онъ оставлялъ за Церковью или хотѣлъ пріобрѣсти для ней. Онъ принялъ на себя и обязательство предпринять крестовый походъ. Этотъ замыселъ сильно занималъ Григорія X, не смотря на охлажденіе современниковъ къ подобнымъ предпріятіямъ, и надежда увидѣть исполненіе его при новомъ Королѣ Римскомъ была въ числѣ причинъ, расположившихъ Папу въ пользу Рудольфа. Новый Король однако

былъ бы приведенъ всѣми сими обязательствами въ затруднительное положеніе и тягостную зависимость отъ Римскаго Престола, если бы Григорій вскорѣ потомъ не умеръ, и быстрая смѣна преемниковъ не воспрепятствовала осуществленію его предначертаній. Рудольфъ считалъ безполезнымъ и опаснымъ непосредственное вмѣшательство въ дѣла Италіи, и потому не пошелъ въ Римъ даже для принятія императорской короны. Помня горькіе опыты, извѣданные его предками въ сей землѣ, онъ относился о ней словами лисицы въ баснѣ о берлогѣ льва: «я вижу слѣды тѣхъ, которые счастливо вошли туда, но не вижу, чтобы кто нибудь оттуда благополучно воротился.» Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ еще разъ подтвердилъ Папѣ Николаю III отрѣченіе свое отъ всѣхъ областей, какія Римская Церковь себѣ присвоила, разрѣшилъ и города ихъ отъ присяги, данной ими Имперіи.

Сими средствами пріобрѣлъ онъ досугъ и силы, чтобъ заняться дѣлами Германіи, гдѣ возстановленіе королевской власти, пришедшей въ совершенный упадокъ, требовало самой напряженной дѣятельности. Сперва обратилъ онъ вниманіе свое на Богемскаго Короля Оттокара, который отказывался признать его. Сей государь, во время междуцарствія, какъ выше сказано (стр. 211), подчинилъ своей власти Австрію, Штирію, Каринтію и Крайнъ, и, какъ сильнѣйшій имперскій князь, самъ домогался нѣмецкой короны; гордая душа его не могла перенести мысли, что онъ долженъ покориться бѣдному графу, какъ онъ въ насмѣшку называлъ новаго Короля. Напротивъ Рудольфъ, не признавая правъ Богеміи на вновь пріобрѣтенныя земли, требовалъ возвращенія ихъ какъ празднаго имперскаго лена. Оттокаръ и Баварскій Герцогъ Генрихъ *), взявшій

---

*) Лудовикъ I, преемникъ Оттона Виттельсбаха въ Герцогствѣ Баваріи, получилъ отъ Императора Фридриха II Пфальцграфство на Рейнѣ. Его два внука, Лудовикъ и Генрихъ, въ 1255 году раздѣлили сіи земли; первый получилъ Рейнскій Пфальцъ и Верхнюю Баварію, послѣдній Нижнюю Баварію.

его сторону по непріязни къ брату своему, Пфальцграфу Лудовику, не являлись по приглашеніямъ ни на первомъ сеймѣ Рудольфа въ Нюренбергѣ, ни на второмъ въ Вюрцбургѣ. Только на третьемъ собраніи въ Аусбургѣ явился повѣренный Короля Богемскаго, Епископъ Секкаускій (von Seckau), и въ латинской своей рѣчи колкими словами порицалъ выборъ Рудольфа и санъ королевскій. Рудольфъ приказалъ ему замолчать, потому что, по уставу Имперіи, онъ могъ говорить предъ нимъ и предъ князьями только по нѣмецки, а князья готовы были наложить руки на дерзкаго оратора, если бы Король не остановилъ ихъ. Тогда княжескій судъ произнесъ приговоръ, что Оттокаръ и Герцогъ Генрихъ лишаются всѣхъ ленъ имперскихъ; однако Рудольфъ смягчилъ рѣшеніе въ отношеніи къ первому, оставивъ за нимъ наслѣдственныя земли его дома. Но такъ какъ Богемецъ упорствовалъ въ своемъ высокомѣріи, то Рудольфъ рѣшился открыть имперскую войну, и хотя для этой цѣли къ нему явилось весьма немного князей, но изъ швабскихъ и альзатскихъ рыцарей онъ могъ составить храброе ополченіе. Онъ терпѣлъ недостатокъ и въ деньгахъ. На плаваніи внизъ по Рейну, рыцарь фонъ Клингенъ спросилъ у него: «Государь! кто будетъ хранить казну вашу?» Рудольфъ отвѣчалъ: «у меня нѣтъ ни сокровищъ, ни денегъ, кромѣ этихъ пяти шиллиновъ, но Господь, всегда помогавшій мнѣ, и теперь меня не оставитъ.» Успѣхъ оправдалъ его упованіе. Сперва онъ подкрѣпилъ себя союзами. Мейнгардъ, Графъ Тирольскій и Герцскій, обѣщалъ напасть на Каринтію, и старшій сынъ Рудольфовъ, Альбрехтъ, обрученъ былъ съ его дочерью. Венгерскій Король Владиславъ IV, котораго братъ Андрей, Герцогъ Славянскій, помолвленъ былъ съ дочерью Императора, также изъявилъ готовность воевать съ Оттокаромъ. Даже Генрихъ, Герцогъ Нижне-Баварскій, примирился съ своимъ бра-

---

Они ссорились особенно за избирательный голосъ, который дотолѣ соединенъ былъ съ Герцогствомъ.

томъ и съ Королемъ, и получилъ третью дочь послѣдняго въ супруги сыну своему Оттону. Такимъ образомъ Рудольфъ, чрезъ Регенсбургъ и Пассау, вступилъ безпрепятственно въ Австрію. Жители ея, наскучивъ строгимъ владычествомъ Оттокара, покорились Рудольфу безъ сопротивленія. Только крѣпкая Вѣна и Клостернейбургъ нѣсколько недѣль выдерживали осаду. Но когда Рудольфъ велѣлъ построить мостъ чрезъ Дунай, чтобы перевести войско и приблизиться къ укрѣпленному богемскому стану, когда и въ другихъ мѣстахъ оружіе союзниковъ его увѣнчалось успѣхомъ, Оттокаръ, отвсюду стѣсненный и покинутый прежнимъ воинскимъ счастіемъ, почувствовалъ превосходство своего противника, и принужденъ былъ согласиться на миръ, заключенный 21 ноября 1276 года. Главною статьею его была уступка Австріи, Штиріи, Каринтіи, Крайна, Эгера и Портенау. Брачные союзы должны были скрѣпить и съ тѣмъ вмѣстѣ смягчить этотъ договоръ. Оттокаръ, стоя на колѣняхъ предъ Рудольфомъ въ лагерѣ его, получилъ Богемію и Моравію въ качествѣ имперскаго лена.

Но мучительное чувство униженной гордости, затаившееся въ душѣ его, и дома еще болѣе растравленное упреками его супруги, Княжны Галиційской, вскорѣ побудило его еще разъ испытать счастія въ оружіи. Хотя имперскіе князья собрались къ Рудольфу еще въ меньшемъ числѣ, нежели въ первой разъ, но, къ счастію, Оттокаръ пропустилъ благопріятную минуту. Рудольфъ, усиленный Венграми, Каринтянами и Штирійцами, вышелъ къ нему на встрѣчу, и 26 августа 1278 произошла битва на Мархскомъ Полѣ, близъ Вѣны. Съ обѣихъ сторонъ сражались мужественно; наконецъ Оттокаръ уступилъ храбрости Рудольфа и измѣнѣ Моравовъ въ своемъ войскѣ. Онъ палъ на полѣ битвы отъ мстительной руки венгерскихъ или штирійскихъ воиновъ, не смотря на то, что Рудольфъ приказалъ, сколь можно, щадить его. Самъ Рудольфъ не менѣе подвергался опасности. Выбитый изъ сѣдла богемскимъ рыцаремъ, онъ упалъ подъ свою лошадь, и только щитъ, которымъ онъ накрылся, спасъ

его отъ смерти подъ копытами конницы, пронесшейся черезъ него. Но побѣда осталась за Рудольфомъ, и онъ преслѣдовалъ ее неутомимо. Онъ взялъ Моравію, и проникъ въ Богемію до Коллина. Здѣсь заключенъ былъ договоръ съ Маркграфомъ Бранденбургскимъ, Оттономъ Длиннымъ, племянникомъ Оттокаровымъ, который принялъ опеку надъ одиннадцати-лѣтнимъ сыномъ убитаго Короля и собралъ новыя силы. Юный Венцель (Вѣнцеславъ) удержалъ за собою Богемію; Моравія перешла на пять лѣтъ къ Рудольфу въ вознагражденіе за военныя издержки. Австрійскими землями, съ согласія курфирстовъ, Рудольфъ надѣлилъ своихъ сыновей Альбрехта и Рудольфа (1282), а Герцогство Каринтію предоставилъ Мейнгарду, Графу Тирольскому. Такимъ образомъ Рудольфъ, *многимъ потомъ и многою кровію*, какъ Лудовикъ Баварскій писалъ въ своей согласной грамотѣ (Willebrief), пріобрѣлъ могущество Габсбургскому Дому. При упадкѣ королевской власти въ Германіи, онъ считалъ увеличеніе своихъ непосредственныхъ владѣній единственнымъ средствомъ дѣйствовать рѣшительно противъ силы князей, и лучшимъ пріобрѣтеніемъ, какое могла ему доставить корона; этою политикою руководствовались и послѣдовавшіе Короли Нѣмецкіе.

Между тѣмъ онъ старался возвратить и разныя имѣнія, права и доходы, отнятыя у Имперіи въ смутныя времена по смерти Фридриха II. Уже на сеймѣ въ Нюренбергѣ (1281) всѣ распоряженія, сдѣланныя съ того времени въ семъ отношеніи, объявлены были недѣйствительными, и многихъ князей и помѣщиковъ Король обязалъ отдать все то, что они незаконно захватили. Особеннаго труда стоило привести въ исполненіе это повелѣніе въ Герцогствѣ Швабіи, раздробленномъ погибелью Гогенштауфеновъ. Главою непокорныхъ былъ Эбергардъ, Графъ Виртембергскій, котораго домъ именно на развалинахъ сего Герцогства достигъ значительнаго могущества и блеска. Онъ былъ суровый, сварливый воинъ, избравшій девизомъ слова: *Божій другъ, всему свѣту врагъ*. Рудольфъ принужденъ былъ неоднократно созывать имперское опол-

ченіе противъ него и многихъ другихъ швабскихъ владѣльцевъ. Но Герцогство не было возстановлено въ Швабіи; среднее дворянство, многія духовныя заведенія (Stifter), монастыри, города и крестьянскія волости, бывшіе дотолѣ васаллами и подручниками герцоговъ, поступили теперь въ непосредственное завѣдываніе Имперіи, и подчинены были старостамъ (Vögte). Рудольфъ встрѣтилъ еще большія препятствія, когда хотѣлъ принудить къ повиновенію Графовъ Верхне-Бургундскаго, Мюмпельгардскаго и Савойскаго, которые также захватили многія имперскія имѣнія. Неоднократно предпринимаемы были походы частію имъ самимъ и его сыновьями, частію обоими его сватовьями, Графомъ Гогенбергскимъ и Бургграфомъ Нюренбергскимъ, прежде нежели онъ достигъ своей цѣли. Среди сихъ военныхъ смутъ, явился въ Рейнскихъ Земляхъ обманщикъ Тиле Колупъ или Гольцшу (Деревянный Башмакъ). Онъ выдавалъ себя за Императора Фридриха II, и нашелъ въ толпѣ вѣру и приверженцевъ. Наконецъ граждане Вецлара схватили дерзкаго бродягу, и выдали Рудольфу, который велѣлъ его сжечь во Франкфуртѣ.

Съ равною дѣятельностью и силою Король заботился о соблюденіи правосудія и о возстановленіи порядка въ прочихъ областяхъ; онъ объѣзжалъ Имперію отъ одного конца до другаго, часто самъ принималъ просьбы, и лично выслушивалъ жалобы. «Я не для того сдѣлался королемъ, говаривалъ онъ, чтобы запираться отъ людей.» Особенно старался онъ водворить общественную безопасность мирными наказами (Landfriedensgebote). Сими наказами чины Имперіи или даже отдѣльныхъ областей должны были на извѣстное число лѣтъ воздерживаться отъ насилія и самоуправства, и въ распряхъ своихъ искать удовлетворенія законнымъ порядкомъ. Но если кто не находилъ удовлетворенія въ судѣ, ему позволялось прибѣгать къ такъ называемой добросовѣстной распрѣ оружіемъ (aufrichtige Fehde). Въ 1281 году, Франконскіе Чины, въ Нюренбергѣ, Рейнскіе въ Майнцѣ, въ 1286 году, Швабскіе и Баварскіе, и въ 1288 году Альзатскіе должны были клятвенно обязаться въ сохраненіи земскаго мира на пять

лѣтъ. Симъ распоряженіямъ придавалъ онъ вѣсъ строгимъ наказаніемъ нарушителей спокойствія. Послѣ Бургундской Войны (1290), онъ прибылъ въ Турингію и предъ своими глазами въ Эрфуртѣ велѣлъ казнить двадцать девять рыцарей, пойманныхъ въ разбоѣ. Онъ прожилъ здѣсь болѣе года, пока всѣ князья и помѣщики не присягнули соблюдать земскій миръ. Всѣ разбойничьи замки въ сихъ странахъ, числомъ шестьдесятъ шесть, были разрушены. Рудольфъ очень желалъ бы передать Королевство, для котораго онъ сдѣлалъ такъ много Герцогу Альбрехту, единственному изъ четырехъ его сыновей, оставшемуся въ живыхъ. Но князья не хотѣли ограничить своего избирательнаго права, и великими выгодами, съ нимъ соединенными, жертвовать для дома, который въ короткое время возвысился на такую степень силы и величія; притомъ имъ извѣстенъ былъ суровый и угрюмый нравъ Альбрехта. На сеймѣ во Франкфуртѣ, отклонили они предложенія Короля на счетъ назначенія сына его въ преемники. Рудольфъ въ неудовольствіи выѣхалъ изъ города, и уже больной и слабый отправился въ Страсбургъ. Когда быстрое уменьшеніе силъ возвѣстило ему близость смерти, онъ вскричалъ: «везите меня скорѣе въ Шпейеръ!» Здѣсь, у мѣста погребенія Императоровъ, хотѣлъ онъ ожидать своей кончины, но едва доѣхалъ до Гермерсгейма: онъ умеръ тамъ 15 іюля 1291 года, семидесяти трехъ лѣтъ отъ роду. Рудольфъ пользовался славою мужа справедливаго, умѣреннаго и храбраго. Славу сію пріобрѣлъ онъ бывъ графомъ; сдѣлавшись императоромъ, сохранилъ ее и пріумножилъ. Онъ на престолѣ исполнялъ то же самое, что прежде привыкъ дѣлать въ меньшемъ кругу. Рудольфъ былъ высокъ ростомъ и статенъ, отличался простотою нравовъ; въ пищѣ и питіи былъ умѣренъ; обыкновенно носилъ простой сѣрый камзолъ, и на войнѣ самъ его починивалъ. Въ бесѣдѣ привлекалъ сердца прямодушною довѣренностью; любилъ веселыя рѣчи и забавныя шутки, и не чуждался прекраснаго пола. Но всѣ предпріятія его ознаменованы степенною твердостью и непоколебимымъ постоянствомъ. Однажды въ

Бургундскую Войну непріятели отрѣзали у него подвозъ для полковъ. Онъ вырвалъ рѣпу изъ земли и съѣлъ ее сырую; воины безъ ропота послѣдовали примѣру Императора. Наконецъ, когда нигдѣ нельзя было ничего найти, онъ велѣлъ напасть на непріятеля, говоря: если побѣдимъ, то получимъ довольно жизненныхъ припасовъ, если же будемъ побѣждены, то плѣнныхъ вѣрно накормятъ и напоятъ. Такъ твердо и вѣрно хранилъ онъ свои обѣщанія, и еще долгое время спустя о человѣкѣ, не сдержавшемъ своего слова, говорили: онъ не имѣетъ честности Рудольфовой. Сей простой образъ жизни и дѣйствій, снискавшій ему любовь народную, и столь отличный отъ поведенія прежнихъ императоровъ, достаточно свидѣтельствуетъ до какой степени времена измѣнились, если бы направленіе его дѣйствій и его политики не представляло тому еще сильнѣйшихъ доказательствъ.

## 3. Адольфъ Нассаускій.

(1292 — 1298).

Хотя избраніе Альбрехта въ Короли Нѣмецкіе при жизни отца его не имѣло успѣха, но онъ не терялъ надежды по смерти его достигнуть короны, и съ этою цѣлію удержалъ имперскія регаліи (die Reichskleinode), хранившіяся въ Замкѣ Трифельсскомъ. Но опасеніе, внушаемое возрастающимъ могуществомъ Дома Габсбургскаго, казалось, еще усилено было личными свойствами Альбрехта: съ различными дарованіями царскими соединялъ онъ самыя честолюбивыя намѣренія. Сосѣды, питавшіе къ нему страхъ или ненависть, дѣйствовали всячески противъ него, преимущественно своякъ его, Богемскій Король Вѣнцеславъ. Они нашли готовое орудіе для разрушенія его плановъ въ тогдашнемъ владыкѣ Майнца. Архіепископы Майнцскіе, какъ первые духовные сановники и архи-канцлеры (Ч. IV стр. 356) Имперіи, уже съ давняго времени имѣли значительное вліяніе на выборъ короля, какъ мы видѣли это и при избраніи Рудольфа. Герардъ Эппен-

штейнскій, занимавшій теперь сію каѳедру, мужъ благоразумный и хитрый, не пропустилъ благопріятныхъ обстоятельствъ къ увеличенію и утвержденію своей власти, чтобы имѣть вѣсъ не только при выборѣ, но и въ правленіи новаго короля. Онъ грозилъ каждому изъ князей, что будетъ поддерживать искателя ему ненавистнаго или враждебнаго, и наконецъ всѣ избиратели предоставили ему свои голоса съ условіемъ, чтобы онъ не допускалъ подобнаго выбора. Послѣ такихъ приготовленій онъ рѣшился возвести на престолъ человѣка, который дотолѣ никогда не могъ мечтать о коронѣ, и потому долженъ былъ несомнѣнно удовлетворить требованіямъ, какія онъ намѣревался предложить ему.

Когда курфирсты съѣхались во Франкфуртѣ, и ожидали рѣшенія Герарда, онъ, къ крайнему изумленію ихъ, именовалъ королемъ своего родственника Адольфа, Графа Нассаускаго. Въ намѣреніи предупредить всякое возраженіе, Архіепископъ тотчасъ велѣлъ воспѣть *Тебе Бога хвалимъ*, и присягать новому королю, чтобы всякое сопротивленіе казалось незаконнымъ. И безъ того оно въ сію минуту было бы безполезно, потому что Герардъ ввелъ въ городъ воинскую силу. Избранный такимъ образомъ, Адольфъ отправился для вѣнчанія въ Аахенъ. По личнымъ свойствамъ былъ онъ достоинъ престола. Въ частныхъ кровавыхъ распряхъ между князьями на Рейнѣ, особенно бывъ союзникомъ Кельнскаго Архіепископа, онъ показалъ рыцарскую доблесть и искусство опытнаго воина. Получая званіе короля, онъ считалъ первымъ своимъ долгомъ, по примѣру Рудольфа, поддерживать спокойствіе и миръ. Онъ поѣхалъ по Рейну въ Швабію, чтобы возобновить мирный наказъ, и силою принудилъ непокорныхъ къ повиновенію. И Герцогъ Альбрехтъ наконецъ побѣдилъ свою досаду, выдалъ имперскія регаліи и принялъ инвеституру въ Оппенгеймѣ, однако, въ посмѣяніе надъ бѣдностью Короля, явился тамъ съ величайшею пышностью. Адольфъ и безъ того хорошо чувствовалъ, что, для пріобрѣтенія вѣса, ему нужно, по примѣру предшественника, утвердить могущество своего дома. Средства къ

такому умноженію силъ открывались ему въ раздорѣ Тюрингскаго Княжескаго Дома. Ландграфъ Альбрехтъ Выродокъ (der Entartete), получившій отъ своего отца, Генриха Сіятельнаго (выше, стр. 212), Турингію жилъ въ раздорѣ съ своими сыновьями, Фридрихомъ Укушеннымъ и Дицманномъ, на которыхъ перешла ненависть его къ ихъ матери, несчастной императорской дочери Маргаритѣ (выше, стр. 195). Онъ желалъ бы отнять у нихъ все ея наслѣдіе, и отдать рожденному отъ втораго брака любимому сыну, Апицу. Когда племянникъ Альбрехтовъ, Фридрихъ Тута, по смерти дѣда получившій Мейссенъ и Остерландъ, въ 1291 году умеръ бездѣтнымъ, Фридрихъ и Дицманъ предупредили отца въ занятіи сихъ земель, и въ происшедшей изъ-за того войнѣ одержали верхъ; отъ этого злоба Альбрехта противъ нихъ возрасла до такой степени, что онъ старался продать не только свои права на сіе наслѣдство, но и Турингію, подъ условіемъ пожизненнаго владѣнія для себя самого, лишь бы эта область не досталась его сыновьямъ. Король Адольфъ купилъ у него сіи права за двѣнадцать тысячъ марокъ серебра, и уплатилъ эту сумму изъ денегъ, присланныхъ ему для набора войска Англійскимъ Королемъ Эдуардомъ I, съ которымъ онъ заключилъ союзъ противъ Франціи. Адольфъ, съ своей стороны, самъ имѣлъ основательныя причины къ войнѣ съ сею державою; ибо въ то время, когда Короли Нѣмецкіе едва держались на престолѣ, и ихъ васаллы не думали о чести и силѣ цѣлаго государства, монархи Франціи на всей западной границѣ, отъ Средиземнаго Моря до Нѣмецкаго, отбирали у Имперіи одинъ участокъ за другимъ. Еще Рудольфъ велъ переговоры по этому предмету, и думалъ отразить вѣроломнаго сосѣда силою, но смерть разрушила его замыслы. Адольфъ дважды ходилъ на Рейнъ, но безъ успѣха, потому что князья не послушались его призыва взяться за оружіе. Тѣмъ съ большимъ рвеніемъ велъ онъ войну для покоренія купленныхъ областей, но встрѣтилъ сильное сопротивленіе, потому что Тюрингійскіе Чины твердо стояли за своихъ князей. Не смотря на то, въ два похода

онъ покорилъ Мейссенскую Область (1294—1295). Его наемныя войска знаменовали свой путь опустошеніемъ и злодѣйствами; и самъ онъ, вопреки своему королевскому слову, предалъ позорной казни шестьдесятъ храбрѣйшихъ защитниковъ Фрейберга. При всемъ томъ, для охраненія своихъ завоеваній, онъ постоянно долженъ былъ противъ Дицмана оставаться съ оружіемъ въ рукахъ.

Между тѣмъ какъ Адольфъ такимъ образомъ трудился для утвержденія себя на престолѣ, съ другой стороны принимаемы уже были мѣры къ его низверженію. Альбрехтъ Австрійскій не забывалъ своихъ надеждъ; на зло Адольфу, онъ соединился съ Королемъ Французскимъ, и умѣлъ расположить къ себѣ прежнихъ враговъ своихъ, особенно Короля Богемскаго, даже Курфирста Майнцскаго, который теперь изъ покровителя Адольфа сдѣлался его противникомъ. Адольфъ, при избраніи своемъ, принялъ на себя въ пользу Архіепископа крайне тягостныя условія, которыхъ онъ, полагаясь на собственную силу и внѣшніе союзы, по большей части не исполнялъ. Гордый прелатъ еще болѣе оскорблялся тѣмъ, что Король, не заботясь о его мнѣніи, дѣйствовалъ самостоятельно. Въ сознаніи своего могущества, онъ будто бы сказалъ: у меня еще много королей въ карманѣ. И такъ онъ изъявлялъ готовность способствовать къ низложенію Адольфа. Его примѣръ и обѣщанія Альбрехта побудили соединиться съ ними также Курфирстовъ Саксоніи, Бранденбурга и Богеміи. Чтобы дать своему намѣренію видъ справедливости, они имѣли въ Майнцѣ (1298) съѣздъ, предъ которымъ Король долженъ былъ оправдаться въ приносимыхъ на него жалобахъ и неудовольствіяхъ, и такъ какъ Адольфъ по троекратномъ приглашеніи не явился, они отрѣшили его и избрали Герцога Альбрехта. Князья объявили, что они за шесть лѣтъ избрали Адольфа Нассаускаго въ Римскіе Короли потому, что не знали никого лучшаго, но такъ какъ онъ въ короткое время презрѣлъ совѣтъ мудрыхъ и ввѣрилъ себя руководству неопытныхъ, бралъ жалованье отъ Короля Англійскаго, и сдѣлалъ болѣе двадцати ошибокъ; то они теперь нашли его недостойнымъ пре-

стола. Эта мѣра была до толѣ неслыханная, совершенно противозаконная, особенно потому что недоставало согласія трехъ Курфирстовъ, Трирскаго, Кельнскаго и Пфальцграфа Рейнскаго. И большая часть городовъ оставались на сторонѣ Адольфа. И такъ рѣшеніе дѣла зависѣло отъ оружія, и чтобъ успѣть въ этомъ, Альбрехтъ, еще до майнцскаго приговора, пошелъ на Рейнъ съ сильнымъ ополченіемъ изъ своихъ наслѣдственныхъ земель. На Эльцѣ оба противника встрѣтились, но двѣ недѣли стояли спокойно, раздѣленные рѣкою. Въ это время Оттонъ, Герцогъ Баварскій, привелъ къ Королю Адольфу вспомогательный отрядъ. Наконецъ Альбрехтъ недостаткомъ подвоза принужденъ былъ отступить, и итти за Рейнъ, гдѣ получилъ вѣсть объ Адольфовомъ отрѣшеніи и своемъ избраніи. Онъ хотѣлъ спуститься по лѣвому берегу на соединеніе съ Майнцскимъ Архіепископомъ. Адольфъ поспѣшилъ за своимъ противникомъ, горя нетерпѣніемъ предоставить рѣшеніе своего праваго дѣла Богу браней. Вопреки желанію своихъ сподвижниковъ, не дождавшись подкрѣпленія, веденнаго къ нему Архіепископомъ Трирскимъ, онъ напалъ 2 іюня 1298 года на Австрійцевъ подъ Гельгеймомъ, недалеко отъ Вормса, съ однимъ рыцарствомъ своимъ, полагаясь на его храбрость и превосходное вооруженіе. Съ той и съ другой стороны бились съ великимъ ожесточеніемъ. По приказанію Альбрехта, воины его, вопреки законамъ рыцарскимъ, кололи особенно лошадей своихъ противниковъ, и Адольфъ, который въ полномъ воинскомъ нарядѣ бился впереди всѣхъ, скоро увидѣлъ большую часть своихъ храбрыхъ внѣ строя. Въ жару битвы онъ искалъ своего врага, но послѣдній, изъ предосторожности, далъ свою кокарду многимъ другимъ полководцамъ. Одинъ за другимъ платились они жизнію за опасное отличіе. Уже Адольфъ потерялъ свой шлемъ, уже его усталый конь палъ на землю, и онъ съ тяжелою раною сѣлъ на другаго, когда наконецъ усмотрѣлъ самого Герцога. «Здѣсь долженъ ты мнѣ отдать царство и свою жизнь!» закричалъ онъ. «Это въ рукѣ Божіей,» отвѣчалъ Альбрехтъ. Они понеслись другъ на друга, и Адольфъ вы-

летѣлъ изъ сѣдла. Онъ не могъ уже подняться съ земли, и былъ убитъ другою рукою предъ глазами Альбрехта. Его войско разсѣялось, и рѣшительная побѣда была одержана Альбрехтомъ. Но Герардъ Майнцскій, который былъ съ Герцогомъ въ сраженіи, не могъ удержаться отъ сожалѣзнованія, увидѣвъ окровавленный трупъ Короля; онъ признался со слезами: здѣсь палъ мужъ храбрый.

## 4. Альбрехтъ I.

## (1298 — 1308).

Архіепископъ Майнцскій и соединенные съ нимъ курфирсты самовластнымъ приговоромъ свергнули Короля Адольфа съ престола отчасти потому, что онъ не хотѣлъ служить ихъ своекорыстнымъ желаніямъ и цѣлямъ; но ослѣпленные ненавистью они вмѣсто его возвысили человѣка, который, какъ по внѣшнему положенію, такъ и по душевнымъ качествамъ, былъ для нихъ гораздо опаснѣе, предшественника. Важный и строгій нравъ Альбрехта выражался на его угрюмомъ лицѣ, обезображенномъ потерею глаза, и возбуждавшемъ страхъ; онъ былъ человѣкъ сильнаго характера и умѣлъ владѣть собою. Его ненасытимой алчности къ преобладанію способствовали великое наслѣдованное имъ могущество и богатство, позволяя ему всегда содержать хорошо вооруженныя наемныя дружины. Курфирсты, передъ его избраніемъ, заставили его подтвердить многія права, полученныя ими отъ прежнихъ императоровъ, и обѣщать много новаго; оградивъ такимъ образомъ свои выгоды, и сдѣлавъ еще шагъ къ пріобрѣтенію совершенной самостоятельности, они надѣялись также, что могутъ устранить Альбрехта такими же средствами какъ Адольфа, если онъ вздумаетъ противоборствовать.

Король, между тѣмъ, поспѣшилъ во Франкфуртъ, чтобы, посредствомъ вторичнаго единогласнаго избранія, придать законность обладанію, добытому силою оружія. Потомъ онъ вѣнчался въ Аахенѣ, и въ Нюренбергѣ соб-

ралъ первый сеймъ весьма многочисленный, на которомъ обнародовалъ всеобщій земскій миръ, ревностно заботясь о его сохраненіи. Гораздо большія затрудненія, нежели отъ нѣмецкихъ князей, встрѣтилъ новый властитель со стороны Папы Бонифація VIII, который не хотѣлъ признать его, какъ измѣнника и убійцу своего предшественника. Это противорѣчіе заставило Альбрехта заключить союзъ съ Филиппомъ Прекраснымъ, который былъ тогда въ жестокой распрѣ съ Римскимъ Престоломъ. На съѣздѣ обоихъ королей въ Катрво (Quatrevaux. 1299), положено было соединить бракомъ старшаго Альбрехтова сына, Рудольфа, съ дочерью Филиппа, Бланкою, и разсуждаемо о мѣрахъ, которыя должно было принять для возстановленія Арелатскаго Королевства въ пользу Рудольфа, равно и для назначенія его преемникомъ отца въ Германіи. Но предположенія о такомъ значительномъ увеличеніи габсбургскаго могущества не осуществились, по причинѣ завистливой бдительности курфирстовъ. Не устрашенный симъ неудачнымъ опытомъ, и не обращая вниманія на ненависть, какую онъ тѣмъ навлекъ на себя, Альбрехтъ бодро стремился къ расширенію своего владычества посредствомъ власти королевской. Со смертію Іоанна I угасло въ это время мужеское колѣно Графовъ Голландскихъ. Альбрехтъ пытался присвоить себѣ его владѣнія, Голландію, Зеландію и Фрисландію, какъ праздный имперскій ленъ, и пришелъ съ значительною силою въ Нидерланды, но долженъ былъ отказаться и отъ этого предпріятія, и отдать сіи земли въ ленъ ближайшему родственнику своему, съ женской стороны, Геннегаускому Графу, Іоанну Авенскому.

По возвращеніи изъ похода, Альбрехтъ вступилъ въ открытую брань съ курфирстами. Не думая о своихъ обѣщаніяхъ, онъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ, издалъ повелѣніе, чтобы всѣ имѣнія и права, отнятыя у Имперіи со временъ Фридриха II, были ей возвращены, при чемъ преимущественно имѣлъ въ виду рейнскія пошлины трехъ духовныхъ князей и Рейнскаго Пфальцграфа. Теперь взялся онъ за это дѣло съ большимъ жаромъ, и

умышленно выманилъ у городовъ жалобы на притѣсненія, которыя терпѣла ихъ торговля отъ сихъ налоговъ. Тогда сіи четыре курфирста соединились съ Королемъ Богемскимъ, которому Альбрехтъ также не исполнилъ прежнихъ обѣщаній, и готовили ему участь Адольфа. Но Альбрехтъ, собравъ на-скоро значительную силу, и усердно подкрѣпленный рейнскими городами, пошелъ на встрѣчу непріятелямъ, завоевалъ сперва весь Пфальцъ (1301), потомъ проникъ въ земли духовныхъ князей, и принудилъ ихъ къ покорности (1302). Сею счастливою войною онъ нѣсколько возвысилъ достоинство короны, бывшей со времени избранія его предшественника въ совершенномъ упадкѣ, и спасъ власть королевскую отъ опасности исчезнуть въ рукахъ курфирстовъ *). Самое освобожденіе Рейна отъ многихъ обременительныхъ пошлинъ могло почитаться благодѣяніемъ для Имперіи. Послѣ такихъ успѣховъ Альбрехта, бывшій доселѣ противникъ его Папа, еще не за-долго предъ тѣмъ объявившій, что принимаетъ сторону курфирстовъ, и желавшій рѣшить споръ своимъ приговоромъ, искалъ съ нимъ примиренія и добраго согласія. Въ гнѣвѣ на Филиппа Прекраснаго, будучи имъ часъ отъ часу болѣе стѣсняемъ, Бонифацій даривалъ Альбрехту даже Королевство Французское, а Филиппа объявлялъ недостойнымъ престола. Но Альбрехтъ не хотѣлъ и не могъ принять сего дара, хотя былъ теперь не въ дружественномъ отношеніи къ Франціи, потому располагавшій ею Папа вскорѣ самъ смирился предъ могуществомъ ея государя.

Альбрехтъ счастливо успѣлъ разстроить планы курфирстовъ, имѣвшіе цѣліо его низложеніе; но труднѣйшая задача оставалась еще нерѣшенною: союзникъ ихъ, Король Богемскій, не былъ еще усмиренъ, и даже распространялъ власть свою. Вѣнцеславъ IV, сынъ Оттокаровъ, уже сильный своимъ наслѣдственнымъ Королевствомъ, въ 1300 году былъ призванъ въ Польшу недоволь-

---

*) Menzel Geschichte der Deutschen, Buch VII. S. 67.

ною партіею, изгнавшею Короля Владислава Локотка, и въ Гнѣзнѣ вѣнчался въ Короли Польскіе. И Венгрія, повидимому, назначена была его дому. Тамъ, по смерти послѣдняго Короля изъ рода Арпадовъ, Андрея III (1301), составились двѣ партіи: одна держала сторону Неаполитанскаго Принца Карла Роберта, другая помогала сыну Короля Богемскаго. Альбрехтъ не могъ спокойно смотрѣть на соединеніе трехъ столь значительныхъ коронъ; въ обоихъ королевствахъ взялъ онъ сторону противниковъ Вѣнцеслава, и напалъ на Богемію вмѣстѣ съ Карломъ Робертомъ (1304), между тѣмъ, какъ Владиславъ Локотекъ, съ помощію Венгровъ, вторгнулся въ Польшу. Но, не взирая на такія благопріятныя обстоятельства, Альбрехтъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха. Послѣ долговременной и тщетной осады Куттенберга, онъ принужденъ былъ, по причинѣ недостатка въ припасахъ, наступленія холода и усиленія болѣзней въ войскѣ, оставить непріятельскую землю. Когда онъ снаряжался ко второму походу, Богемскій Король умеръ (1305). Сынъ его, семнадцати-лѣтній Вѣнцеславъ V, отказался отъ венгерской короны, и примирился съ Альбрехтомъ, но спустя годъ (1306) измѣнически убитъ былъ богемскими вельможами въ Ольмюцѣ. Съ нимъ угасло древнее богемское владѣтельное племя, и Альбрехтъ хотѣлъ немедленно взять землю сію для своего старшаго сына, Рудольфа, какъ имперскій ленъ и на основаніи договора, заключеннаго между Королемъ Рудольфомъ и Вѣнцеславомъ IV. Онъ нашелъ было противника въ Генрихѣ, Герцогѣ Каринтійскомъ, женатомъ на сестрѣ послѣдняго Короля, но когда явился съ сильнымъ войскомъ, Богемскіе Чины приняли сторону Рудольфа, который обѣщалъ жениться на вдовѣ Вѣнцеслава IV. И такъ Альбрехтъ, по видимому, достигъ своей цѣли. Рудольфъ, въ сопровожденіи своего отца, торжественно въѣхалъ въ Прагу (1306), но послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ смерть (3 іюля 1307) его вдругъ измѣнила положеніе дѣлъ. Его краткое, но отяготительное правленіе привело въ ненависть австрійское владычество, и чины избрали королемъ Генриха, Герцога Каринтійскаго. Альбрехтъ снова

вторгнулся въ Богемію, но опять долженъ былъ возвратиться безъ успѣха. И въ Турингіи не имѣлъ онъ удачи. Онъ утверждалъ, что Король Адольфъ пріобрѣлъ эти земли не для себя, а для Имперіи. Но братья Фридрихъ и Дицманнъ разбили его войско въ кровопролитномъ сраженіи подъ Луккою, недалеко отъ Альтенбурга (1307). Впрочемъ Альбрехтъ не легко оставлялъ планы однажды задуманные, и неудавшіяся покушенія только побуждали его къ большему упорству. Онъ отправился въ Швабію и Гельвецію, чтобы набрать тамъ новыя войска для усмиренія Богеміи и Турингіи.

Среди сихъ воинскихъ приготовленій неожиданная смерть постигла его отъ руки ближняго родственника, котораго онъ вооружилъ противъ себя своимъ ненасытимымъ властолюбіемъ. Братъ Альбрехтовъ, Рудольфъ, скончался рано (1289), оставивъ малолѣтнаго сына. Этому отроку, Іоанну, исполнилось теперь девятнадцать лѣтъ, но Король всё еще медлилъ выдать ему отцовскій удѣлъ изъ габсбургскаго владѣнія, и хотѣлъ удовлетворить его будущими завоеваніями въ Турингіи. Юный Герцогъ досадовалъ, что его справедливое, неоднократно повторенное желаніе не исполнялось, еще болѣе огорчался, видя, что Альбрехтовъ третій сынъ, Леопольдъ, равныхъ съ нимъ лѣтъ, пользуется почестями и богатствомъ. Властолюбіе ослѣпило его; подстрекаемый злыми совѣтниками, онъ возъимѣлъ страшную мысль, убійствомъ своего короля и дяди, удовлетворить свою месть и добыть отцовское наслѣдіе. Онъ соединился въ Аргау съ нѣкоторыми габсбургскими военными людьми: Вальтеромъ Эшенбахомъ, Рудольфомъ Бальмомъ, Рудольфомъ Вартомъ и Конрадомъ Тегерфельдомъ; тяготясь строгимъ господствомъ Альбрехта, они ожидали лучшихъ дней отъ правленія юнаго государя. Іоаннъ еще разъ предложилъ свою просьбу Королю въ Баденѣ, и опять услышалъ отъ него одни обѣщанія; злоумышленники рѣшились исполнить кровавое намѣреніе. Альбрехтъ въ этотъ день (1 мая 1308) былъ веселъ противъ обыкновенія. Послѣ стола онъ отправился на встрѣчу своей супругѣ, которая возвращалась изъ Рейнфельдена,

и заговорщики поѣхали съ нимъ. Когда, при Виндишѣ, переправлялись чрезъ Рейссу, они, опасаясь будто бы обременить лодку излишнимъ грузомъ, умѣли отдѣлить Короля отъ прочей его свиты, и прибывъ съ нимъ на другой берегъ, Іоаннъ еще нѣсколько времени продержалъ судно, чтобы другіе не такъ скоро подоспѣли. Эшенбахъ схватилъ подъ уздцы лошадь королевскую. Альбрехтъ закричалъ: «Помоги, племянникъ!» но Іоаннъ съ словами: «вотъ награда несправедливости» пронзилъ его мечемъ въ спину: острее прошло насквозь въ грудь. Бальмъ разсѣкъ ему голову. Король упалъ съ лошади, и умеръ на рукахъ простой женщины, случившейся на мѣстѣ убійства. Ужасъ преступленія лишилъ у виновниковъ разсудка, и они не думали извлечь пользу изъ своего гнуснаго убійства. Іоаннъ ускакалъ на конѣ королевскомъ. Въ одеждѣ монаха онъ ушелъ въ Италію; Императоръ Генрихъ VII, говорятъ, видѣлъ его въ Пизѣ. Его дальнѣйшая участь неизвѣстна; вѣроятно, онъ въ этомъ городѣ умеръ въ обители августинскихъ монаховъ. Въ послѣдствіи, одинъ слѣпецъ, просившій милостыни на рынкѣ въ Вѣнѣ, выдавалъ себя за его сына. Эшенбахъ и Бальмъ бѣжали, и окончили жизнь бѣдственно. Фридрихъ Прекрасный, второй сынъ Альбрехта, которому отецъ поручилъ правленіе Австріи, поспѣшилъ съ войскомъ въ верхнія страны, страшась сильнаго возстанія противъ владычества своего дома. Но онъ нашелъ все спокойнымъ; только мать его, Елисавета, и сестра, Агнеса, вдова Венгерскаго Короля Андрея III, были въ полной дѣятельности, грозно мстя убійцамъ. Онѣ разрушали замки заговорщиковъ, опустошали ихъ земли, убивали ихъ родственниковъ, служителей и подданныхъ. Форвангенъ, замокъ Бальма, сдался подъ условіемъ пощады, но Агнеса велѣла предъ своими глазами казнить шестьдесятъ трехъ человѣкъ стражи. Разсказываютъ дѣла еще ужаснѣе, но не совсѣмъ достовѣрныя. Когда взяли приступомъ Машванденъ, укрѣпленный домъ Вальтера Эшенбаха, и всѣхъ въ немъ побили, Агнеса услышала въ комнаткѣ плачь его дитяти. Она хотѣла его задушить, но это зрѣлище смягчило суровыхъ воиновъ;

они съ трудомъ вырвали младенца изъ рукъ Королевы. Вартъ, праздный свидѣтель убійства, былъ схваченъ и живой колесованъ. Въ этомъ положеніи онъ жилъ еще три дни. Супруга его, съ напряженіемъ, превосходящимъ человѣческія силы, во все время молилась подлѣ него на эшафотѣ, доколѣ онъ испустилъ духъ. Вскорѣ потомъ и она сошла въ могилу. Фридрихъ хотѣлъ остановить такое остервененіе, но мать сказала ему: «Ты не видалъ окровавленнаго трупа. Я согласилась бы ходить босикомъ по міру, если бы могла воскресить твоего отца.» Изъ этого, по крайней мѣрѣ, можно видѣть, что Альбрехтъ у современниковъ не безъ основанія слылъ нѣжнымъ супругомъ и отцемъ. Неистовая месть этихъ двухъ женщинъ, рукою палача, принесла въ жертву за убійство Короля около тысячи невинныхъ мужей, женъ и дѣтей. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, построили монастырь Кенигсфельденъ, въ которомъ Агнеса проводила остальные дни свои (она умерла 1364) среди набожныхъ занятій, пріобрѣтя славу великой святости.

## 5. Освобожденіе швейцарскихъ лѣсныхъ городовъ.

### (1307 — 1308).

Со временъ Фридриха II, князья и владѣльцы Германіи старались, посредствомъ жалованныхъ грамотъ или силою оружія, пріобрѣтать имперскія права и вольности, чтобы имѣть собственное независимое правленіе. Города послѣдовали примѣру князей; тоже стремленіе отъ городскихъ общинъ распространилось теперь на поселянъ, сословіе наиболѣе угнетенное въ обществѣ. Сіи явленія сопровождались отторженіемъ многихъ областей отъ Имперіи и превращеніемъ древней монархіи въ республику отдѣльныхъ государей, общинъ и рыцарскихъ братствъ, подъ однимъ избраннымъ главою. Будучи разсматриваемы въ цѣломъ, происшествія сіи возбуждаютъ печальныя мысли: мы видимъ въ нихъ нарушеніе единства и раздробленіе державы, нѣкогда могущественной и обширной; но,

съ другой стороны, на этомъ самостоятельномъ образованіи меньшихъ обществъ политическихъ, утверждалось разнообразіе и богатство внутренной и умственной жизни, которую представляла Исторія Германіи въ слѣдующихъ вѣкахъ, не взирая на большую внѣшнюю слабость.

Земля Гельветическая въ 1094 году пожалована была Императоромъ Генрихомъ IV Герцогу Бертольду Церингенскому (стр. 55), и подъ управленіемъ сего дома достигла цвѣтущаго состоянія. По пресѣченіи его (1218), она отошла къ Имперіи, и державными правами въ ней пользовались теперь самостоятельно ландграфы. Между свѣтскими владѣльцами сильнѣйшіе были Графы Саксонскіе; въ сѣверныхъ областяхъ, Габсбургскіе, которые также наслѣдственно владѣли Ландграфствомъ Аргаускимъ. Въ этомъ качествѣ они, по всѣмъ дѣламъ, сами произносили судъ надъ вольными жителями мархіи, и завѣдывали уголовнымъ судопроизводствомъ надъ людьми оброчными и обязанными службой, если впрочемъ господа послѣднихъ сами не имѣли сего права; или предоставляли все это своимъ намѣстникамъ, старостамъ (Vögte). Такихъ чиновниковъ для завѣдыванія высшимъ правосудіемъ посылали они и по долинамъ алпійскимъ въ Ури, Швицъ и Унтервальденъ, такъ называемые лѣсные города, принадлежавшіе къ Ландграфству Аргау. Низшее судопроизводство въ сихъ странахъ они раздѣляли со многими духовными заведеніями, монастырями и рыцарями, но Габсбурги мало по малу присвоили себѣ знатную часть земель. Вольныхъ жителей съ собственною землею осталось не много; большая часть ихъ поступили въ вѣдѣніе управителей, меровъ и старостъ господскихъ, и такъ случалось, что графы иногда повѣряли одному и тому же человѣку управленіе дворнею и землею, людьми крѣпостными и свободными. Императоръ Фридрихъ II, для подкрѣпленія своей партіи въ сихъ странахъ, въ 1240 году освободилъ лѣсные города отъ подчиненности ландграфству и возвысилъ на степень имперскихъ старостствъ, (Reichsvogteien) потому что тогдашній владѣлецъ сей земли, Графъ Рудольфъ Габсбургъ-Лауфенбурскій, дядя послѣ-

дующаго короля того же имени, держалъ сторону Вельфовъ. Для защищенія сихъ новыхъ правъ, которыхъ Ландграфъ не хотѣлъ признавать, лѣсные города заключили союзъ съ городомъ Цюрихомъ, также приверженнымъ къ Гогенштауфенамъ. Король Рудольфъ умножилъ наслѣдственныя имѣнія своего дома въ Гельвеціи еще Кибургомъ, Ленцбургомъ, Цофингеномъ, Грюнингеномъ, Фрейбургомъ и Луцерномъ. Стремленіе сихъ государей къ округленію и сосредоточенію своихъ владѣній соединеніемъ высшаго судопроизводства съ низшимъ, земскаго суда съ надворнымъ, было весьма естественно по самому положенію вещей. Вскорѣ по смерти Рудольфа, лѣсные города возобновили свой прежній союзъ, и согласились не принимать никакого земскаго судьи, который не былъ бы земледѣльцемъ и жителемъ лѣсныхъ городовъ; противъ тѣхъ же, которые употребили бы насиліе, они обѣщались помогать другъ другу въ долинахъ и внѣ долинъ, не щадя имущества, ни жизни. Король Адольфъ подтвердилъ прежнія ихъ права, но Альбрехтъ, не смотря на то, отдалъ земское старостве (die Landvogtei) управителямъ своихъ земель въ Ротенбургѣ и Луцернѣ. Неправосудіемъ и насиліемъ они ожесточили непокорныхъ поселянъ еще болѣе. Австрійскіе старосты были наконецъ изгнаны. Жители Швица, Ури и Унтервальдена, соединившись въ земскія общины, приняли и крѣпостныхъ людей въ среду свою, избрали поселянъ въ засѣдатели суда, объявили землю самостоятельнымъ своимъ владѣніемъ, и положили конецъ зависимости и данничеству. Ближайшія обстоятельства сего происшествія у швейцарскихъ историковъ перемѣшаны съ разными преданіями, и излагаются въ слѣдующемъ видѣ.

Альбрехтъ опредѣлилъ въ старосты Гесслера Брунекка и Берингера Ланденберга. Отъ природы гордые и властолюбивые, оба чиновника строго наказывали за всякій проступокъ, и раздражали подчиненныхъ своимъ высокомѣріемъ и презрѣніемъ. Однажды Гесслеръ, проходя мимо новаго красиваго дома Вернера Штауффахера, зажиточнаго и всѣми уважаемаго поселянина въ Швицѣ, сказалъ: «я не

хочу, чтобы крестьяне строили домы безъ моего позволенія, не хочу также, чтобы вы жили такъ свободно, какъ будто бы вы были сами себѣ господа; я этого непотерплю.» Дѣйствія жестокаго произвола и насилія побуждали къ самоуправству. Вольфеншиссъ, староста въ Ротцбергѣ, пришелъ въ домъ къ прекрасной женѣ Конрада Баумгартена, велѣлъ ей приготовить для него баню, и потомъ требовалъ отъ нея непристойнаго; мужъ, котораго онъ полагалъ въ отсутствіи, убилъ его въ банѣ топоромъ. У крестьянина Генриха, изъ Мельхталя въ Унтервальденѣ, Ландербергъ, по неважной причинѣ, велѣлъ взять отъ плуга пару добрыхъ воловъ, и еще сказать ему, что крестьяне могутъ сами таскать плугъ. Когда, при спорѣ по этому случаю, сынъ Генриховъ, Арнольдъ, въ гнѣвѣ ударомъ палки перешибъ палецъ работнику старосты, и потомъ бѣжалъ, жестокій староста приказалъ выколоть глаза престарѣлому отцу его. Арнольдъ скрывался у Вальтера Фюрста Аттингаузена, въ землѣ Ури; къ нему пришелъ и Штауффахеръ, котораго жена, тревожась словами Гесслера, сказанными на счетъ ихъ дома, побудила посовѣтоваться съ друзьями, что должно начать въ сихъ обстоятельствахъ. Трое рѣшили, что лучше умереть нежели нести беззаконное иго. Потомъ, переговоривъ объ этомъ съ пріятелями и родственниками, они изъ разныхъ мѣстъ созвали друзей на Рютли, поляну въ уединенной странѣ на берегу Вальдштедтскаго Озера, и собирались тамъ ночью. Въ среду, наканунѣ Мартынова Дня, въ ноябрѣ 1307 года, они пришли на это мѣсто, каждый въ сопровожденіи десяти мужей своей земли. «Когда сіи тридцать три храбрые мужа, говоритъ знаменитый дѣписатель Швейцарскаго Народа, среди опасности связанные тѣснѣйшими узами дружества, соединялись въ Рютли, они не боялись ни Короля Альбрехта, ни могущества Австріи.» Вальтеръ Фюрстъ, Арнольдъ изъ Мельхталя и Вернеръ Штауффахеръ подняли руки къ небу, и присягнули, что никто въ сихъ дѣлахъ не станетъ поступать по собственному произволу, не будетъ выдавать другаго, что они не хотятъ проливать кровь, но намѣрены защищать свои права и

сохранить ихъ внукамъ. Прочіе тридцать также подняли руки, и предъ Богомъ и святыми дали ту же присягу.

Между сими заговорщиками находился и Вильгельмъ Телль, изъ Ури, зять Вальтера Фюрста. Онъ не оказалъ предписаннаго почтенія шляпѣ, которую Гесслеръ, на рынкѣ въ Альторфѣ, велѣлъ выставить на шестѣ, въ знакъ державной власти. Гесслеръ, не смотря на извиненіе Телля, что онъ сдѣлалъ это по ошибкѣ, велѣлъ привести его дѣтей, и приказалъ ему у одного изъ нихъ сбить стрѣлою яблоко съ головы; если онъ, при первомъ выстрѣлѣ не попадетъ, то долженъ умереть. Телль просилъ ради Бога не принуждать его къ такому ужасному дѣлу. Напрасно: староста, въ случаѣ ослушанія, грозилъ убить его и ребенка. Тогда Телль выстрѣлилъ, и счастливо попалъ въ яблоко, не ранивъ сына. Предъ тѣмъ онъ засунулъ другую стрѣлу за пазуху, и когда Гесслеръ спросилъ его о причинѣ, обѣщавъ наградить его, какова бы ни была эта причина, Телль смѣло объявилъ, что, въ случаѣ неудачи, хотѣлъ отмстить за сына. Староста тотчасъ приказалъ своимъ слугамъ схватить его; но, боясь держать такого опаснаго узника въ землѣ Ури, велѣлъ связать его и бросить въ лодку, съ намѣреніемъ отвезти черезъ Вальдштедское Озеро за границу. Едва миновали они Рютли, поднялась ужасная буря, которую Швейцарцы называютъ *феномъ* (Föhn). Тогда Гесслеръ развязалъ Телля, который былъ извѣстенъ какъ искусный кормчій, и велѣлъ ему править рулемъ. Вильгельмъ взялся за дѣло, и вдоль скалистаго берега правилъ къ Аксембергу. Но здѣсь, выждавъ благопріятную минуту, онъ схватилъ свой лукъ и колчанъ и выскочилъ изъ лодки на плоскій утесъ, по которому взобрался наверхъ, а судно отъ скалы отпрянуло въ озеро. Потомъ онъ бѣжалъ чрезъ землю Швицъ. Гесслеръ также спасся отъ бури, и присталъ въ Кисснахтѣ, но только для того, чтобы впасть въ руки врага еще опаснѣйшаго. Телль ожидалъ его здѣсь въ одной тѣснинѣ, и безпечнаго повергъ стрѣлою на землю

Подвигъ Телля ободрилъ поселянъ, и они рѣшились овладѣть замками. Въ Унтервальденѣ одинъ юноша, въ

первый день 1308 года, былъ встащенъ на веревкѣ въ замокъ Ротцбергъ, и такимъ же образомъ ввелъ туда двадцать друзей; съ помощью ихъ онъ схватилъ смотрителя замка и его прислугу. Ланденбергъ, жившій въ Сарненѣ (Sarnen), въ тоже утро идучи къ обѣднѣ, встрѣтилъ двадцать человѣкъ изъ Унтервальдена, которые, по старинному обычаю, привезли телятъ, козъ, ягнятъ и пр. къ новому году, и велѣлъ имъ съ подарками итти въ замокъ. Но едва они вступили въ ворота, каждый, по данному знаку, вынулъ изъ-за пазухи желѣзо и наткнулъ его на заостренную палку. Помощью этого оружія и при содѣйствіи тридцати товарищей, которые подоспѣли изъ засады, они овладѣли замкомъ и его жителями. Теперь, съ горы на гору передавались условные знаки, и притѣснители выгнаны были и изъ прочихъ мѣстъ Союза. Ланденбергъ, спасаясь бѣгствомъ, пойманъ былъ за Сарненомъ; ему не сдѣлали никакого вреда; его только отвезли на границу и взяли съ него присягу, что онъ никогда опять не вступитъ въ область лѣсныхъ городовъ. Онъ поспѣшилъ къ Королю Альбрехту, надѣясь получить отъ него помощь для отмщенія врагамъ своимъ. Но послѣдній былъ убитъ, прежде нежели могъ узнать о случившемся, и Швейцарцы оставлены были въ покоѣ. Должно сказать, что они дѣйствовали умѣренно и кратко.

## 6. Франція при Филиппѣ III и Филиппѣ IV, Прекрасномъ.

Лудовику IX наслѣдовалъ тридцатилѣтній сынъ его, Филиппъ III. Онъ принялъ присягу въ станѣ тунисскомъ (выше, стр. 244), благополучно привелъ крестовое воинство обратно, и похоронилъ драгоцѣнный прахъ своего отца въ Соборѣ Св. Діонисія. Новый Король не имѣлъ обширнаго ума и сильнаго характера, но, благодаря усиліямъ своего предшественника, онъ нашелъ правительство въ такой степени уважаемымъ и прочнымъ, что ему не трудно было, безъ помѣхи и смутъ, править государствомъ почти

шестнадцать лѣтъ. Когда его дядя, Альфонсъ Пуатускій, ще на возвратномъ пути изъ Африки, умеръ безъ наслѣдниковъ (выше, стр. 232), онъ присоединилъ къ коронѣ владѣнія Пуату и Тулузу. О занятіи Наварры, равно какъ о распряхъ съ Альфонсомъ X, Королемъ Кастильскимъ, было уже упомянуто въ исторіи обоихъ королевствъ. Послѣ Сицилійской Вечерни, Филиппъ, желая отмстить за оскорбленіе своего народа и за несчастіе дяди, объявилъ войну и покорителю Сициліи, Петру Арагонскому. Папа Мартинъ IV подкрѣплялъ его отлучительными буллами, и, по тогдашнему обыкновенію папъ, подарилъ Королевство Арагонское одному изъ младшихъ сыновей Филиппа III, но подъ условіемъ, никогда не соединять его съ французскою короною. Впрочемъ до того и не доходило. Хотя Филиппъ, въ 1285 году, съ ополченіемъ перешелъ Пиренеи, и съ большимъ успѣхомъ завоевалъ Херону, но недостатокъ, болѣзни и потеря флота, побѣжденнаго Арагонцами, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ принудили его къ обратному походу. На дорогѣ занемогъ онъ самъ, и 5 октября 1285 года скончался въ Перпиньянѣ.

Сынъ его, Филиппъ IV, имѣвшій только девятнадцать лѣтъ отъ роду, вмѣстѣ съ короною наслѣдовалъ политику предшествовавшихъ монарховъ, стараясь расторгнуть стѣснительныя узы ленной системы, возвысить права и достоинство престола, и опредѣленіемъ королевскихъ чиновниковъ, по дѣламъ судебнымъ и административнымъ, пріобрѣсти правительству какъ можно болѣе силы. Въ исполненіи своихъ предначертаній онъ уподоблялся не столько своему дѣду, сколько предку, Филиппу II. Но далеко уступая первому въ благородствѣ и строгой справедливости, онъ столько же превосходилъ послѣдняго властолюбіемъ и алчностью. Въ надеждѣ на свое благоразуміе, онъ не страшился никакого средства для достиженія своихъ цѣлей, не уважалъ никакого права, и не боялся власти господствующихъ мнѣній. Онъ началъ борьбу не только съ феодализмомъ, но и съ другою силою, преобладавшею въ Средніе Вѣки, іерархіею, когда она вздумала ему препятствовать. Слѣдствія этой борьбы весьма

важны для Франціи, даже для всего новоевропейскаго міра.

Въ числѣ французскихъ васалловъ, явившихся къ его двору для принесенія присяги, находился и Эдуардъ I, Король Англійскій. Онъ былъ (въ недѣлю Пасхи 1276) принятъ въ Парижѣ съ большою пышностью, заключилъ тамъ договоръ съ новымъ Королемъ, и къ Троицыну Дню отправился въ Бордо, чтобы способствовать къ заключенію мира между Франціею и Арагоніею; но этотъ миръ состоялся уже въ послѣдствіи. Между Франціей и Англіей дружественное отношеніе также было непродолжительно. Ссора, случайно возникшая между англійскими и норманскими моряками, возбудила портовые города обоихъ народовъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Филиппъ требовалъ вознагражденія и наказанія виновныхъ, и въ 1293 году послалъ Королю Англійскому, какъ своему васаллу, предписаніе явиться для отвѣта на жалобы, принесенныя противъ него. Эдуардъ, желая кончить эти непріятныя при дружески, ибо онъ занятъ былъ въ Шотландіи (см. стат. 9), послалъ въ Парижъ своего роднаго брата Эдмунда съ обширнымъ полномочіемъ. Этотъ посолъ, въ началѣ 1294 года, заключилъ тайный договоръ, въ силу котораго шесть мѣстъ въ Гасконіи надлежало отдать Французскому Королю въ удовлетвореніе его за нарушеніе ленныхъ правъ его, съ тѣмъ, чтобы онъ въ каждое изъ сихъ мѣстъ послалъ одного полномочнаго, но власть оставалась бы въ рукахъ англійскихъ чиновниковъ. За то Эдуардъ не долженъ былъ являться въ судъ перовъ. Филиппъ говорилъ даже о бракосочетаніи своей сестры Маргариты съ Королемъ Англійскимъ, и Эдуардъ не догадывался, что его обманываютъ. Въ доказательство полной своей довѣренности, онъ велѣлъ отдать всю Гасконію въ распоряженіе Французскаго Короля, взявъ съ него напередъ торжественное обѣщаніе, что она будетъ опять возвращена ему. Но онъ напрасно ожидалъ этого; напротивъ, Филиппъ снова позвалъ Короля Англійскаго къ себѣ на судъ, и когда онъ не пріѣхалъ, объявилъ его лишеннымъ ленныхъ владѣній.

Раздраженный Эдуардъ не могъ отозвать войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Шотландцевъ, и старался подкрѣпить свои военныя силы противъ Франціи союзами. Но въ то время, какъ онъ большею платою склонилъ Нѣмецкаго Короля Адольфа къ союзу, не имѣвшему никакихъ послѣдствій (выше, стр. 301), Филиппъ заключилъ съ Графомъ Оттономъ Бургундскимъ чрезвычайно выгодный договоръ, по которому послѣдній обѣщалъ выдать свою единственную дочь за французскаго принца, и свою землю, доселѣ нѣмецкій ленъ, отторгнуть отъ Имперіи и подчинить французской державѣ. Адольфъ не могъ остановить и этого незаконнаго дѣла. Столь же незначительна была помощь, оказанная другими союзниками. Витъ II, *) Графъ Фландрскій, негодовалъ на Филиппа за то, что Король вмѣшался въ его распри съ гражданами Гента къ выгодѣ послѣднихъ, и когда Эдуардъ обѣщалъ ему соединить бракомъ Принца Валлійскаго (см. стат. 9) съ его дочерью Филиппою, Витъ, тайно вызвался воевать противъ Франціи. Филиппъ, обо всемъ извѣщенный, притворно объявилъ, что ему желательно было бы увидѣться еще разъ съ своею любезною крестницею Филиппою, передъ ея отъѣздомъ въ Англію, и тѣмъ дѣйствительно заманилъ простосердечнаго Графа съ семействомъ къ себѣ въ Корбейль. Они приняты были радушно; но когда стали собираться домой, Филиппъ объявилъ, что Витъ, за связь свою съ врагомъ Королевства, долженъ лишиться жизни и достоянія, и предварительно остается съ семействомъ въ плѣну. Они отвезены были въ Парижъ и посажены въ Луврскую Башню.

Эдуардъ имѣлъ намѣреніе самъ съ значительною силою вторгнуться во Францію, но Филиппъ умѣлъ и этому воспрепятствовать. Въ 1205 году онъ заключилъ союзъ съ Шотландскимъ Королемъ Іоанномъ, предложилъ ему французскую принцессу въ супруги для его сына, и довелъ его

---

*) Vitus, по-нѣмецки Фейтъ (Veit), по-французски Гюи; по-италіянски Гвидо.

до того, что онъ отказался отъ ленной присяги Англійскому Королю, и обѣщалъ воевать его земли (см. ниже стр. 389). И дикихъ жителей Валлиса, не задолго предъ тѣмъ покоренныхъ Эдуардомъ, Филиппъ побудилъ къ бунту, и тѣмъ надѣлалъ Королю Англійскому столько хлопотъ, что онъ не могъ даже думать о завоеваніи Гасконіи, ни воспрепятствовать потерѣ Гіенни, которую Французы заняли, одержавъ побѣду надъ его войсками (1296).

## 7. Филиппъ IV въ борьбѣ съ Бонифаціемъ VIII.

Въ это же самое время Филиппъ вступилъ въ споръ съ Церковью. Поводъ къ тому поданъ былъ войною съ Англичанами. Тогда (1294) на папскій престолъ вступилъ Бонифацій VIII, бодрый, надменный старецъ, предположивший довершить дѣло, начатое Григоріемъ VII и Иннокентіемъ III, на вершинѣ зданія, ими сооруженнаго, навсегда утвердить правило, что высшая свѣтская, равно какъ высшая духовная власть находится въ рукахъ папы. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, стоило только сдѣлать еще нѣсколько шаговъ, чтобы вполнѣ достигнуть этой цѣли. Юридическая теорія того вѣка признавала папу верховнымъ намѣстникомъ Божіимъ, какъ въ быту государственномъ, такъ и въ церковномъ; отношеніе Церкви къ гражданскому обществу и его членамъ утверждено было на прочномъ основаніи; владычество Римской Церкви надъ всѣми прочими (Западными) укоренилось тверже, средства взимать дань съ народовъ и облагать ихъ тяжкими податями были многочисленнѣе и удобнѣе нежели когда либо. Престолъ императорскій, который часто заставлялъ папъ трепетать и принуждалъ ихъ къ опасной борьбѣ за владычество надъ міромъ, былъ ниспровергнутъ, и Нѣмецкіе Короли, именовавшіе себя преемниками императоровъ, доведены были до безусловной покорности и смиреннаго повиновенія. Но самый этотъ разрывъ Германіи и Италіи, столь благопріятный для власти папской, обманулъ Бонифація на счетъ силы нынѣшняго противника. Папа не видѣлъ, или пропустилъ безъ вниманія, что отношенія во

Франціи развивались совершенно инымъ образомъ; не видѣлъ, какія средства представлялись здѣсь государю благоразумному и твердому, и оттого палъ въ достопамятной борьбѣ, приготовивъ іерархіи рядъ уничиженій, которыя хотя не разрушили ея владычества, но имѣли слѣдствіемъ великое потрясеніе и уменьшеніе ея высокомѣрныхъ притязаній.

Въ силу папскаго права, признаннаго господствующимъ мнѣніемъ, водворять миръ между народами и владыками, Бонифацій объявилъ волю свою Королямъ Французскому и Англійскому, чтобы они прекратили войну, и брался быть посредникомъ межлу ими. Эдуардъ, стѣсненный своими распрями съ Шотландіею, изъявилъ готовность къ предлагаемому перемирію; но Филиппъ отвѣчалъ, что Король Французскій не привыкъ, въ государственныхъ распряхъ, принимать законы, что его споръ съ Англіею не есть дѣло вѣры, и папа можетъ давать, по крайней мѣрѣ, увѣщанія, а не приказы. Его раздражило еще болѣе то, что Папа вступился и за Графа Фландрскаго и требовалъ, чтобы Филиппъ оправдался предъ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ сего князя.

Бонифацій вскорѣ нашелъ другой случай дать Королю почувствовать свою власть. Филиппъ бралъ на военныя издержки тяжкую подать съ церквей своего государства. Папа издалъ по сему случаю буллу (Clericis Laicos *), угрожая въ ней отлученіемъ всякому, кто безъ его соизволенія наложитъ подати и повинности на духовенство (1296). Филиппъ, съ своей стороны, обнародовалъ указъ, воспрещавшій вывозить или высылать деньги и драгоцѣнности изъ Франціи въ чужія земли, и написалъ сильный отвѣтъ на буллу. Короли, сказано было въ отвѣтѣ, пользовались правами величества прежде, нежели клиръ составлялъ часть государства. Льготы духовенства не должны вредить общему благу. Священники суть члены государства такъ же, какъ и міряне, а потому

---

*) Папскія буллы называются по ихъ начальнымъ словамъ.

должны участвовать въ исполненіи его повинностей, тѣмъ болѣе, что они владѣютъ самыми обширными имѣніями. Если они содержатъ шутовъ и пѣвицъ, имъ слѣдуетъ также удѣлять часть своихъ сокровищъ для благосостоянія общественнаго. Возбранять имъ это, значитъ помогать врагамъ. «Мы (такъ оканчивается письмо) чтимъ Бога съ вѣрою и благоговѣніемъ, и уважаемъ Церковь и ея служителей, но неразумныхъ и несправедливыхъ угрозъ не страшимся, потому что предъ благодатію Божіею уповаемъ всегда обрѣстись правыми. Король Англійскій, нашъ данникъ, отказался явиться къ намъ на судъ. Тогда мы увидѣли себя принужденными отобрать его ленныя владѣнія. Какой государь въ подобномъ случаѣ не будетъ защищать себя? И Король Нѣмецкій не можетъ жаловаться на присвоеніе нами Графства Бургундскаго, потому что, какъ извѣстно, онъ вызвалъ насъ къ тому своею надменностью, и грозилъ поступить съ нами еще оскорбительнѣе.» Французское духовенство представляло Папѣ, какихъ опасностей оно страшится отъ изданной имъ буллы, потому что князья и бароны, владѣвшіе множествомъ ленныхъ имѣній Церкви, раздражены были ограниченіемъ права налоговъ не менѣе Короля.

Между тѣмъ судъ перовъ Франціи нашелъ Графа Вита невиннымъ, и Филиппъ долженъ былъ согласиться на его освобожденіе, съ тѣмъ однако, чтобы Филиппа, въ залогъ вѣрности ея отца, осталась при Французскомъ Дворѣ. Но Витъ, едва ступивъ на свою землю, возобновилъ союзъ съ Англіею, и гласно объявилъ войну Франціи. За то Филиппъ, въ 1297 году, съ 60,000 человѣкъ, вторгнулся во Фландрію. Грабежъ и опустошеніе свирѣпствовали повсюду, и городъ Лилль былъ взятъ по храбромъ сопротивленіи. Послѣ сего, Куртре, Дуэ и Брюжъ отворили ворота добровольно. Король Англійскій прибылъ въ Гентъ, но только съ малымъ ополченіемъ, и потому не могъ оказать сильной помощи, а подкрѣпленіе, ожидаемое имъ отъ Короля Адольфа, вовсе не являлось. Съ наступленіемъ зимы, заключили перемиріе, по которому Французы удержали всѣ взятые города, и Филиппъ, на день

всѣхъ Святыхъ, съ торжествомъ возвратился въ Парижъ.

Папа, съ прискорбіемъ видя прекращеніе доходовъ, получаемыхъ изъ Франціи, и въ тоже время въ самой Церковной Области стѣсненный партіею враждебнаго дома Колонна, принужденъ былъ уступить, и на свою прежнюю буллу издалъ объясненіе съ оговорками, которыми уничтожалось все, что въ ней было оскорбительнаго. Этого недовольно: самымъ торжественнымъ образомъ причислилъ онъ Лудовика IX къ лику святыхъ, когда многія лица засвидѣтельствовали, что они видѣли, какъ сей Король, во время его жизни, совершилъ шестьдесятъ три чуда. Послѣ такихъ услугъ, и Филиппъ отмѣнилъ запрещеніе вывозить деньги, принялъ даже мирное посредничество Папы, но напередъ объявивъ, что будетъ смотрѣть при этомъ дѣлѣ на Бонифація, какъ на частнаго человѣка. По рѣшеніе сего мирнаго судіи, чтобы земли, завоеванныя какъ у Фландріи такъ и у Англіи, были имъ возвращены, показалось Французскому Королю слишкомъ благопріятнымъ для его враговъ; онъ съ негодованіемъ отвергнулъ мнѣніе Папы, и въ 1300 году снова открылъ непріятельскія дѣйствія. Вся Фландрія была завоевана, Графъ Витъ, покинутый Англіею, увидѣлъ себя въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и наконецъ сдался брату Короля, Графу Карлу Валуаскому, который начальствовалъ французскою арміею. Карлъ совѣтовалъ Графу самому, съ обоими его сыновьями, спѣшить во Францію и умолять Короля о великодушіи; если же ему не удастся въ теченіе года получить миръ, онъ обѣщалъ всѣхъ троихъ невредимо возвратить въ ихъ Фландрскую Область. Они послѣдовали его совѣту, и въ Парижѣ поверглись къ ногамъ Короля. Филиппъ долго молчалъ, наконецъ сказалъ Графу сурово, что онъ даруетъ ему жизнь, но не обязанъ исполнить обѣщаніе своего брата, потому что Карлъ не имѣлъ на это никакого права. Потомъ Витъ, съ сорока Фландрскими вельможами, отведенъ былъ въ Компіень, а сыновья его посажены въ другія крѣпости. Земли ихъ Король присоединилъ къ коронѣ, и поручилъ въ управленіе намѣстнику.

Оскорбленный непринятіемъ посредничества, Бонифацій раскаялся въ прежней уступчивости, и требовалъ теперь съ величайшею настойчивостью освобожденія Графа Фландрскаго, какъ новое вмѣшательство Короля въ церковныя дѣла превратило возобновившуюся распрю въ открытую вражду. Виконтъ Нарбонскій, Амалрихъ II, вмѣсто того, чтобы присягнуть архіепископу сего города, отъ котораго онъ получилъ свое судное право и другія владѣнія на ленномъ положеніи, вдругъ далъ коронѣ присягу за эти имѣнія и права. Архіепископъ жаловался на это Королю, но какъ все было напрасно, то наконецъ рѣшился заключить съ Виконтомъ мировую сдѣлку. Папа не далъ на то своего соизволенія, позвалъ невѣрнаго леннаго данника къ себѣ на судъ, и настоятельно увѣщевалъ Короля положить конецъ притѣсненіямъ Церкви. Вмѣсто того, чтобы оказать уступчивость, Филиппъ пошелъ еще далѣе. Бонифацій именовалъ Епископа Памьерскаго своимъ легатомъ во Франціи. Такъ какъ этотъ прелатъ свободно и откровенно объявилъ себя противникомъ мѣръ Короля, то Филиппъ приказалъ его схватить и содержать въ заключеніи. Раздраженный Папа прислалъ множество увѣщательныхъ писемъ, въ которыхъ подвергалъ строгому осужденію всю прежнюю жизнь Короля, и объявилъ, что считаетъ необходимымъ совершенное преобразованіе его двора и его государства, что для этой цѣли онъ созоветъ соборъ въ Римъ, и пригласитъ туда французское духовенство и докторовъ Университетовъ Парижскаго и Тулузскаго. Самое сильное изъ этихъ писемъ было слѣдующее: «Бонифацій, Епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, посылаетъ Филиппу, Королю Французовъ, свое привѣтствіе. Бойся Бога и храни его заповѣди! Знай, что ты намъ подчиненъ въ дѣлахъ духовныхъ и свѣтскихъ. Тебѣ не принадлежитъ раздача бенефицій и пребендъ, и если ты во время упраздненія мѣстъ можешь брать церкви подъ свое покровительство, это дѣлается только для того, чтобъ ты доходы ихъ сохранялъ для преемниковъ. И если ты нѣкоторыя бенефиціи раздалъ, мы симъ объявляемъ такую раздачу недѣйствитель-

ною, и отмѣняемъ все, что учинено въ этомъ отношеніи. Кто иначе думаетъ, того мы объявляемъ еретикомъ. Дано въ Латеранѣ, 5 декабря, въ седьмое лѣто нашего святительства.» (1301).

Совѣтники Филиппповы написали слѣдующій отвѣтъ, который однако не былъ посланъ: «Филиппъ, Божіею милостію Король Французовъ, мнимому Папѣ Бонифаціо кланяется немного или ни сколько. Да вѣдаетъ твое великое безуміе (Sciat tua magna fatuitas), что мы во временныхъ дѣлахъ не подчинены никому, что раздача праздныхъ пребендъ, равно какъ доходы ихъ, принадлежатъ намъ по королевскому праву, что учиненныя нами и впредь имѣющія быть учиненными раздачи остаются въ своей силѣ, и что мы пожалованныхъ оными будемъ твердо защищать противъ всякаго. Кто иначе думаетъ, того мы считаемъ глупымъ и безсмысленнымъ. Дано въ Парижѣ и пр. *).

Важнѣйшее изъ папскихъ посланій, извѣстное подъ именемъ Ausculta fili, въ которомъ самовластіе Короля, его самовольныя нарушенія правъ Государства и Церкви осуждаются безпощаднымъ образомъ, по приказанію Филиппа, въ Парижѣ, предъ всѣмъ народомъ брошено было въ огонь, и о томъ при звукѣ трубъ возвѣщено было всему городу (11 февр. 1302). Послѣ этого, къ 10 апрѣля того же года, онъ назначилъ сеймъ въ столицѣ, на который созваны были не только дворяне и духовенство, но также, что случилось въ первый разъ, выборные городовъ, чтобы задобрить народъ, озлобенный притѣсненіями со стороны правительства. Въ Церкви Богоматери (Notre Dame), канцлеръ Петръ Флоттъ, отъ имени Короля, произнесъ

---

*) Такъ какъ меньшая булла Папы ничего не содержитъ кромѣ извлеченія изъ большихъ писемъ, то подлинность ея подвергалась сомнѣнію. Можетъ быть, она сочинена была самимъ Филиппомъ, который, опасаясь сообщить цѣлому народу строгое и во многихъ пунктахъ справедливое охужденіе своего правленія, выставилъ только главные предметы спора.

рѣчь, въ которой исчислены были всѣ притязанія Папы, и отъ каждаго сословія требовалось опредѣленнаго отвѣта, хотятъ ли, чтобы древняя свобода Французскихъ Королей принесена была въ жертву Папѣ, или лучше желаютъ, чтобы злоупотребленія Римскаго Престола и клира ограничены были мудрымъ противодѣйствіемъ свѣтской власти. «Объявляю симъ, такъ заключалась рѣчь, что если нужно, я готовъ всѣмъ своимъ достояніемъ, даже своею особою и дѣтьми, жертвовать общему благу.» Это кстати употребленное воззваніе къ народу, и особенно благоразумное приглашеніе городовъ къ борьбѣ, которая требовала напряженія всѣхъ силъ, произвели полное дѣйствіе. Не подумавъ о томъ, что Папа всѣхъ успѣшнѣе можетъ защитить ихъ противъ возрастающаго самовластія Филиппа, бароны и выборные городовъ, послѣ общаго совѣщанія, объявили, что они скорѣе разстанутся съ жизнію, нежели допустятъ, чтобы Папа или кто другой ограничилъ права ихъ Короля. Напротивъ, духовные сановники искали отговорки, и просили времени подумать, даже позволенія съѣздить въ Римъ. Но когда въ дальнѣйшей отсрочкѣ имъ было отказано и объявлено, что всякій сочтенъ будетъ врагомъ государства, кто не пристанетъ къ мнѣнію обоихъ свѣтскихъ сословій, то и они обѣщали Королю, для охраненія его особы и правъ царственныхъ, содѣйствовать должнымъ совѣтомъ и помощью, и послали опять къ Папѣ самыя настоятельныя просьбы, чтобы онъ спасительными мѣрами возстановилъ согласіе между Святымъ Престоломъ и Королемъ, и чтобы Галликанская Церковь сохранила миръ и спокойствіе.

Но Бонифацій не могъ рѣшиться на уступку въ распрѣ, изъ которой его великіе предшественники всегда выходили побѣдоносно. Онъ посылалъ самыя сильныя буллы во Францію, порицалъ слугъ Филиппа въ суровыхъ выраженіяхъ, доказывалъ права своего владычества надъ цѣлымъ міромъ *), повелѣвалъ французскому духо-

*) Это сдѣлано въ буллѣ Unam sanctam, особенно знаме-

венству презирать угрозы вельможъ, грозилъ Королю отлученіемъ отъ Церкви и отрѣшеніемъ отъ престола, если онъ будетъ упорствовать въ своемъ непослушаніи. На соборѣ, открытомъ 30 октября 1302 въ Римѣ, на которомъ дѣйствительно находилось болѣе сорока французскихъ духовныхъ особъ, приговоры его были утверждены.

Филиппъ, въ этомъ опасномъ спорѣ дѣйствовавшій съ самою обдуманною хитростью, велѣлъ отобрать пребенды у находящихся въ Римѣ прелатовъ, и 12 марта 1303 года Вильгельмъ Ногаретъ, искусствомъ и дарованіями изъ профессора правъ въ Монпельѣ сдѣлавшійся членомъ королевскаго совѣта, въ присутствіи Короля, предъ многочисленнымъ собраніемъ бароновъ и прелатовъ въ Луврѣ, явился обвинителемъ Папы. Онъ представилъ множество обвиненій, изъ которыхъ вывелъ слѣдствіе, что Бонифація не должно считать законнымъ папою, а нужно просить Короля, чтобы онъ созвалъ всеобщій соборъ, который бы отрѣшилъ перваго, и даровалъ Церкви новаго достойнѣйшаго главу. Король обязанъ сдѣлать это, потому что онъ, въ своей присягѣ, далъ обѣтъ покровительствовать Церковь. Послѣ такой мѣры, Филиппу надлежало быть готовымъ на все, чтобы усилить преданность своихъ духовныхъ и свѣтскихъ подданныхъ; онъ обнародовалъ указъ, утверждавшій за всѣми церквами и монастырями льготы, которыми они пользовались во время Святаго Лудовика; онъ брался искоренить вкравшіеся потомъ безпорядки и злоупотребленія, и наконецъ обѣщалъ всѣмъ строгое, скорое и безпристрастное правосудіе.

13 апрѣля послѣдовала долго удерживаемая отлучительная булла Папы, которая обнародована была въ цѣлой Франціи, даже въ Парижѣ. Другія посланія повелѣвали духовенству безотлагательно прибыть въ Римъ. Но Филиппъ

---

нитой по ея окончательнымъ словамъ. Послѣднее предложеніе гласитъ такъ: «Возвѣщаемъ и объявляемъ, что вѣра въ подчиненіе всякой человѣческой твари Римскому Престолу необходима для спасенія.»

приказалъ брать подъ стражу всѣхъ тѣхъ, которые распространяютъ списки буллы, и приглашеніе чиновъ къ новому собранію противъ папскихъ притязаній прибить даже къ дому легата въ Турѣ, послѣ чего онъ выѣхалъ изъ государства. Бонифацій дарилъ Французскую Корону Нѣмецкому Королю Альбрехту, который однако былъ такъ разсудителенъ, что не принялъ дара, а Филиппъ, чтобы оградить себя отъ всякаго внѣшняго нападенія, заключилъ миръ съ Эдуардомъ I, возвративъ ему Гіенну.

Между тѣмъ государственные чины въ другой разъ собрались въ Луврѣ (13 іюня 1303). Здѣсь рыцарь Вильгельмъ Плазіанскій прочиталъ двадцать девять статей, въ которыхъ содержались самыя странныя обвиненія противъ Папы. Апелляція на имя новаго папы и всеобщаго собора была принята торжественно, и въ провинціи отправлены депутаты, для отобранія письменнаго согласія отъ всѣхъ чиновъ духовныхъ и свѣтскихъ. Убѣжденіе, страхъ и сила примѣра подѣйствовали такъ успѣшно, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ болѣе семи сотъ прелатовъ и духовныхъ сословій, бароновъ, помѣщиковъ и городскихъ общинъ объявили Королю свое согласіе на такую аппелляцію.

Бонифацій, напротивъ того, въ Ананьи, своемъ отечественномъ городѣ и тогдашней столицѣ, имѣлъ съ кардиналами совѣщаніе, на которомъ онъ съ достоинствомъ защищался противъ обвиненій, взведенныхъ на него въ Парижѣ. Онъ обнародовалъ сіе оправданіе, и присовокупилъ, что употребитъ дальнѣйшія мѣры противъ Короля, если не получитъ удовлетворенія. Уже сочинена была вторая булла, которою подданные Филиппа разрѣшались отъ ихъ присяги, заключенные съ нимъ договоры расторгались какъ недѣйствительные, и всѣ тѣ, которые еще долѣе будутъ оказывать въ чемъ либо повиновеніе прежнему Королю, угрожаемы были проклятіемъ. Этотъ актъ надлежало обнародовать 8 сентября 1303 года: наканунѣ неслыханная участь постигла святаго отца. Вильгельмъ Ногаретъ уже въ мартѣ, съ большими наличными суммами и еще съ значительнѣйшими переводными письмами на торговый домъ Перуцци во Флоренціи, тайно

отправился въ Италію, и въ тиши приготовилъ насильственную мѣру, которою предполагалось принудить Папу къ уступчивости. Онъ набралъ войска, и ввелъ ихъ въ нѣсколько замковъ по близости Ананьи. И въ городѣ составилъ онъ партію противъ Папы. Когда планъ созрѣлъ, Вильгельмъ Ногаретъ и Шіарра да Колонна, съ тремя стами всадниковъ и сильнымъ отрядомъ пѣшихъ воиновъ, 7 сентября вторгнулись въ городъ. Они носили кокарду Франціи. Безъ сопротивленія и при громкихъ кликахъ: «смерть Папѣ Бонифацію! Да здравствуетъ Король Франціи» былъ занятъ папскій дворецъ. Всѣ кардиналы бѣжали, казна досталась въ руки грабителей. Бонифацій, который до послѣдней минуты велъ себя съ непоколебимымъ постоянствомъ и достоинствомъ, ожидалъ вторженія буйной толпы на папскомъ престолѣ, облеченный знаками своего сана, и противопоставлялъ угрозамъ и ругательнымъ рѣчамъ Погарета величайшую твердость. Три дня содержался онъ подъ крѣпкою стражей; но вдругъ граждане, вѣроятно раздраженные своеволіемъ и безчинствомъ чужихъ воиновъ, или негодуя на беззаконное поруганіе главы Христіанства, возстали для его освобожденія, и выгнали притѣснителей. Папа поспѣшилъ въ Римъ—гдѣ блистательная встрѣча не могла утѣшить его послѣ претерпѣннаго имъ оскорбленія—съ намѣреніемъ созвать соборъ, чтобы отмстить врагамъ своимъ. Но сильный гнѣвъ и неукротимая ярость, волновавшіе его во время неслыханнаго приключенія, до того разстроили его душевныя способности, что онъ впалъ въ бѣшенство, и 31 октября 1303 года умеръ на восьмидесятомъ году своей жизни.

### 8. Филиппъ IV и его сыновья.

Замыселъ Филиппа, привести плѣннаго Папу во Францію, не удался, но смерть Бонифація избавила его отъ дальнѣйшихъ заботъ, и освободила отъ самаго опаснаго противника. Бенедиктъ XI, который теперь восшелъ на папскій престолъ, немедленно разрѣшилъ Французскаго Короля отъ проклятія церковнаго, а такъ какъ

и онъ по краткомъ правленіи постигнутъ былъ рановременною кончиною, то для Филиппа открылись еще благопріятнѣйшіе виды. Коллегія кардиналовъ раздѣлилась, одни хотѣли возвести на престолъ мужа расположеннаго къ Королю Французскому, другіе строгаго ревнителя Церкви. Девять мѣсяцевъ избиратели не могли согласиться, наконецъ глава французской партіи, Кардиналъ дю-Пратъ (du Prat), предложилъ противникамъ назначить трехъ кандидатовъ, изъ коихъ французскіе кардиналы одни, въ теченіи сорока дней, должны были избрать папу. Италіянцы, не подозрѣвая ни какой хитрости, приняли предложеніе, и выбрали трехъ архіепископовъ, извѣстныхъ своею непріязнію къ Филиппу, въ томъ числѣ Архіепископа Бордосскаго, Бертрана-де-Гота который сверхъ того своимъ саномъ одолженъ былъ Бонифацію VIII. Дю-Пратъ поспѣшилъ объ этомъ увѣдомить своего Короля. Филиппъ тотчасъ устроилъ тайное свиданіе съ Архіепископомъ, и представилъ ему, что въ его власти состоитъ возвести его на святой престолъ, если онъ согласится на условія, какія ему будутъ предложены. Честолюбивый Бертранъ за эту цѣну изъявилъ готовность ко всему, и поклялся исполнить требованія Филиппа. Они касались совершеннаго отмѣненія опредѣленій, изданныхъ Бонифаціемъ противъ Короля и Королевства, проклятія памяти Папы Бонифація, и позволенія на пять лѣтъ брать десятину со всѣхъ церквей французскихъ. Сверхъ того, Бертранъ заранѣе обѣщалъ удовлетворить еще другое желаніе Короля, которое послѣдній хотѣлъ объявить въ свое время. Въ тридцать пятый день назначеннаго срока, Дю-Пратъ получилъ отъ Короля отвѣтъ, что Архіепископъ Бордосскій можетъ быть избранъ. Это было исполнено. Бертранъ принялъ наименованіе Климента V, созвалъ немедленно кардиналовъ для вѣнчанія своего въ Ліонъ, и проживъ нѣсколько времени попеременно въ этомъ городѣ, въ Пуату и въ Бордо, наконецъ совершенно перенесъ свое мѣстопребываніе въ Авиніонъ. Онъ не смѣлъ ѣхать въ Римъ, и отдаться въ руки противной партіи, которой ожиданія обманулъ столь жестоко; при томъ чувствовалъ онъ, что тамъ, среди

людей къ нему непріязненныхъ, и среди великихъ воспоминаній Римскаго Престола, ему будетъ весьма трудно, даже не возможно исполнить данныя Королю обѣщанія. Съ другой стороны, Филиппъ, по той же самой причинѣ, чтобы онъ выполнилъ его требованія, настаивалъ на пребываніи его по близости Франціи, и по всей вѣроятности это было содержаніемъ тайнаго требованія. Авиніонъ не заключался непосредственно во владѣніяхъ Короля Французскаго, а принадлежалъ къ Графству Прованскому и къ Королевству Арелатскому; при всемъ томъ Папы подверглись теперь рѣшительному вліянію Французскаго Двора, и безмолвно признавали эту зависимость продолженіемъ своего пребыванія въ семъ городѣ. Полная свобода для папства возможна была только въ собственной ихъ области, при обезпеченномъ свѣтскомъ владычествѣ; всѣ великіе преемники Петра очень ясно видѣли это и къ тому стремились; чтобы освободиться отъ внѣшняго вліянія, они боролись цѣлые вѣки противъ силы Нѣмцевъ въ Италіи, уничтожили Гогенштауфеновъ, а теперь властолюбіе одного человѣка, который самъ носилъ тройную корону, навлекло столь великую бѣду на правительственную власть Церкви, и слабость его преемниковъ долго не могла расторгнуть узъ, сплетенныхъ хитростью и коварствомъ. Всѣ сіи обстоятельства, равно какъ уступчивость и проценіе Бенедикта IX, ясно показываютъ, что древній духъ папства оставилъ его представителей, и жилъ еще только въ Бонифаціи. Впрочемъ народныя понятія и вѣрованія, сообщавшія святому престолу твердость и непоколебимость, также утратили прежнюю силу, иначе Филиппъ, со стороны бароновъ и вельможъ, равно какъ со стороны духовенства своей земли, встрѣтилъ бы упорное сопротивленіе вмѣсто согласія и помощи. Важное и степенное величіе Римскаго Престола превратилось въ Авиніонѣ въ веселую общественность; роскошь господствовала при Папскомъ Дворѣ; пиршества смѣнялись одно другими; на то нужны были большія суммы, и это опять возвысило папскіе поборы съ церквей. Бѣдственный періодъ въ исторіи папства, теперь начавшійся,

по причинѣ подчиненія его свѣтской власти, названъ Плѣномъ Вавилонскимъ.

Климентъ V вскорѣ почувствовалъ свою зависимость отъ французскаго вліянія, когда Филиппъ началъ настаивать, чтобы онъ предалъ посрамленію память Папы Бонифація формальнымъ осужденіемъ его и сожженіемъ его костей. Папа долженъ былъ употребить всѣ средства, чтобы избавиться отъ настойчивости Короля, и спасъ себя и Папскій Престолъ единственно ссылкою на древнее церковное постановленіе, по которому такой судъ надъ верховнымъ главою Церкви могъ быть произнесенъ только соборомъ. Послѣдній созванъ былъ въ Віеннѣ (1311-1312) и произвелъ изслѣдованіе дѣйствій Бонифанція: оно кончилось оправданіемъ сего Папы.

Впрочемъ, на этомъ же соборѣ Папа послужилъ орудіемъ пополненію разстроенной казны, насилію и властолюбію Короля, осудивъ Храмовыхъ Рыцарей. Огромныя недвижимыя имѣнія сего Ордена во Франціи и накопленныя имъ сокровища прельщали жадность Филиппа. Сверхъ того, досадовалъ онъ на совершенную независимость его членовъ отъ королевской власти. Орденъ почти ни въ какомъ отношеніи не признавалъ державныхъ правъ королевства, въ которомъ онъ имѣлъ пребываніе, даже связь его съ Римскимъ Престоломъ была слабая. Великій магистръ начиналъ свой титулъ словами: Божіею милостію; симъ выраженіемъ означалась его независимость и самостоятельность; выборъ его не былъ подчиненъ даже папскому утвержденію; ни одинъ государь, ни епископъ не могъ произнести надъ нимъ приговора. Онъ имѣлъ право вязать и рѣшить надъ членами Ордена; отъ этого и духовенство Ордена не состояло почти ни въ какой связи съ прочимъ клиромъ, но было подчинено ему одному. Лишь только Климентъ былъ посвященъ въ Ліонѣ, Филиппъ началъ насильственныя дѣйствія противъ Храмовниковъ. По его желанію, Папа, въ 1306 году, пригласилъ гросмейстера Якова Моле (Molay) изъ Кипра, куда, послѣ потери Палестины, перенесено было мѣстопребываніе Ордена, пріѣхать во Францію, для совѣщанія съ Королемъ о кре-

стовомъ походѣ, который онъ хотѣлъ будто бы предпринять. Моле, ничего не подозрѣвая, послѣдовалъ приглашенію, и явился съ шестидесятью рыцарями и большими суммами, которыя положилъ въ домѣ Храмовниковъ въ Парижѣ. Вскорѣ потомъ Филиппъ разослалъ по всему королевству къ намѣстникамъ и правителямъ областей тайныя приказанія, въ одинъ день схватить всѣхъ рыцарей. Ихъ надлежало предать суду Церкви, а на имѣнія Ордена наложить запрещеніе. Немедленно и судилища инквизиціи открыли свои слѣдствія. Преступленія, взводимыя на рыцарей, были отчасти весьма странныя и нелѣпыя. Ихъ обвиняли, будто они въ своихъ ночныхъ собраніяхъ поклонялись какому-то идолу, Баффомету, между собой предавались самымъ гнуснымъ порокамъ, приносили дѣтей въ жертву; будто они отрекались Христа и плевали на крестъ и т. д. Большая часть новѣйшихъ изслѣдователей убѣждены, что хотя Орденъ впалъ въ разслабленіе и нравы его не были совершенно чисты, но всѣ приведенныя нами обвиненія должно приписать или выдумкѣ, или недоразумѣнію тайнаго смысла нѣкоторыхъ обрядовъ. Это мнѣніе подтверждается средствами, какія употребляли доминиканскіе монахи, по наущенію Короля, при слѣдствіи: страшными муками исторгали они у обвиняемыхъ признаніе въ преступленіяхъ, уже заранѣе имъ приписанныхъ. Напрасно Климентъ старался остановить насиліе; Филиппъ, напротивъ принудилъ его 12 августа 1308 года нарядить общее слѣдствіе во всѣхъ земляхъ противъ Ордена Храмовниковъ, предъ духовными судами, и къ 1 октября 1311 созвать всеобщій соборъ, для произнесенія окончательнаго приговора по ихъ дѣлу. Не прежде какъ по изданіи Папою новой буллы, грозившей проклятіемъ всякому, кто будетъ оказывать Храмовникамъ совѣтъ, помощь или пріязнь, позволилъ ему Король прислать въ Парижъ комиссаровъ для пересмотра слѣдствія. Они торжественно приглашали къ себѣ всѣхъ братьевъ, которые хотѣли защищать Орденъ; но королевскіе чиновники, имѣвшіе надзоръ за плѣнными Храмовниками, не сообщили имъ приглашенія, или не выпускали ихъ изъ заключенія. Въ назначенный день никто

не явился; только случайно комиссары узнали, что градской глава (prevot) Парижа велѣлъ схватить и пытать семь человѣкъ пришедшихъ туда для защищенія Ордена. Въ терзаніяхъ пытки объявили они, что никогда не имѣли такого намѣренія. Потомъ, папскіе повѣренные велѣли привести находящихся въ Парижѣ Храмовниковъ, противъ которыхъ великій инквизиторъ Франціи, Доминиканецъ Вильгельмъ, лично велъ процесъ. Историкъ Жизи, пріоръ Ордена, объявилъ, что признаніе во взводимыхъ на Орденъ преступленіяхъ исторгнуто угрозами и страхомъ смерти, или ужасными муками, отъ которыхъ въ одномъ Парижѣ погибло тридцать шесть рыцарей, что онъ самъ по часамъ стоялъ въ ямѣ, съ руками столь крѣпко затянутыми на спинѣ, что кровь выступала изъ подъ ногтей. Онъ заранѣе обѣщалъ принять на себя все, ежели еще разъ будутъ его пытать такимъ образомъ, и говорилъ, что ему не возможно долѣе выносить мученій, какія онъ дотолѣ вытерпѣлъ въ своемъ двухъ-лѣтнемъ заключеніи *). Точно такъ говорили прочіе обвиненные, и изъ ста тридцати восьми Храмовыхъ Рыцарей, содержавшихся въ Парижѣ, восемьдесять одинъ отреклись отъ вынужденныхъ у нихъ показаній. И въ актахъ, высланныхъ изъ провинцій, признаніе казалось весьма подозрительнымъ. Когда гросмейстеру прочитаны были показанія, будто бы ими сдѣланныя, онъ крайне изумился, но увѣрялъ въ своей готовности всенародно доказать невинность Ордена неопровержимыми свидѣтельствами не только членовъ его, но всѣхъ князей, барановъ и прелатовъ. Онъ просилъ времени и пособія для доставленія сихъ документовъ. Но послѣ переговора съ рыцаремъ Плазіаномъ, который, подобно Погарету, и въ этомъ гоненіи Храмовниковъ оказалъ великую дѣятельность, отказался отъ своего желанія, и требовалъ, чтобы предварительно отвезли его къ Папѣ. Между тѣмъ Филиппъ уступилъ требованіямъ комиссаровъ, и позволилъ подъ крѣпкою стражею привезти въ

---

*) Schmidt, Geschichte von Frankreich. Th. I. S. 698.

Парижъ всѣхъ рыцарей, которые того требовали. Всѣ прибывшіе, числомъ пятьсотъ сорокъ шесть, объявили себя готовыми къ защитѣ Ордена. Уже многіе подали доказательства письменно, допросъ начался предъ судьями менѣе пристрастными, но вдругъ Король, опасавшійся такого оборота дѣлъ, возмутительнымъ насиліемъ привелъ все въ изумленіе и страхъ. Филиппъ Мариньи, котораго Папа, по приказанію Короля, назначалъ Архіепископомъ Санскимъ (Sens), созвалъ духовныхъ своей епархіи на соборъ въ Парижъ. Пятьдесятъ четыре Храмовника, отпершіеся отъ своихъ показаній, были приведены на соборъ, какъ вторично отпадшіе еретики осуждены на смерть, и 12 мая 1310 года сожжены за городскими воротами. Всѣ они оказали твердость и геройскій духъ, и до послѣдней минуты громко увѣряли въ своей невинности. Послѣ такого событія многіе рыцари объявили, что они примутъ на себя все, даже если бы сказали имъ, что они умертвили Спасителя. Однако Филиппъ все еще не почиталъ себя довольно безопаснымъ, и предписалъ, чтобы папскіе слѣдователи допрашивали только тѣхъ, кого онъ назначитъ.

2 апрѣля 1312 года, послѣ тайнаго объявленія Короля, что онъ отступится отъ своего прежняго требованія касательно осужденія Бонифація VIII, если Папа пожертвуетъ Храмовниками, Климентъ V, въ торжественномъ засѣданіи созваннаго въ Віеннѣ собора, и въ присутствіи Короля, произнесъ уничтоженіе Ордена по собственному своему произволу, а не по рѣшительному приговору, который, на основаніи произведенныхъ розысковъ, былъ невозможенъ. Участь рыцарей предоставлена была провинціяльнымъ соборамъ. Имѣнія положено было отдать рыцарямъ Св. Іоанна, которые однако во Франціи должны были выкупить ихъ у Короля за огромныя суммы. Гросмейстеръ осужденъ былъ на пожизненное заключеніе; но такъ какъ онъ протестовалъ противъ всего беззаконнаго и несправедливаго суда, Филиппъ повелѣлъ градскому главѣ парижскому, который имѣлъ за нимъ смотрѣніе, сжечь его. Онъ претерпѣлъ смерть на кострѣ съ твердостію, которая поразила удивленіемъ всѣхъ зрителей (1314).

Въ другихъ земляхъ гоненія были не такъ насильственны. Въ Арагоніи, Храмовники долгое время упорно сопротивлялись въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ; въ Германіи, Командоръ Грумбахскій, вильдграфъ Гуго, прибывъ на соборъ Майнцскаго Архіепископства въ сопровожденіи двадцати вооруженныхъ рыцарей, рѣшительностью своею устрашилъ все собраніе: оно значительно облегчило участь рыцарей. Вообще здѣсь, равно какъ и въ Англіи, имѣнія ихъ переданы были Ордену Св. Іоанна, но сами они не потерпѣли личнаго вреда. Въ Португаліи составилось изъ тамошнихъ Храмовниковъ новое братство, Орденъ Христа, и надѣлено было владѣніями уничтоженнаго Ордена. Напротивъ, Филиппъ, сверхъ недвижимаго имѣнія, присвоилъ себѣ и всѣ суммы Храмовниковъ, бывшія въ домахъ, и удержалъ двѣ трети ихъ движимой собственности.

Необходимость въ деньгахъ для внѣшнихъ предпріятій, и внутри государства для жалованья многочисленнымъ чиновникамъ, была для Филиппа побудительною причиною при беззаконномъ уничтоженіи знаменитаго Ордена. До сего времени никто не получалъ денегъ за отправленіе коронныхъ должностей, ибо такая служба въ прежнія времена награждалась преимуществами, сопряженными съ обладаніемъ извѣстнаго недвижимаго имѣнія. Новыя нужды требовали новыхъ способовъ удовлетворенія, и вскорѣ французскій народъ обремененъ былъ самыми тяжкими налогами. Еще худшія слѣдствія произошли отъ другой финансовой мѣры, придуманной алчностію Филиппа, отъ выпуска маловѣсной монеты. Король воспользовался симъ предлогомъ, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ отнять у знатнѣйшихъ бароновъ монетное право. Когда замѣшательства *), причиненныя худою монетою Короля

---

*) Сначала ливръ, дѣйствительно, былъ фунтъ серебра въ 12 унцій, изъ котораго били 20 су (Solidi); но при Филиппѣ Прекрасномъ дошло до того, что марка серебра (въ 8 унцій) стоила 8 ливровъ 10 су. См. Mably, observations sur l'histoire de France. T. III. p. 171.

и сильныхъ бароновъ, которые съ точностью подражали ему въ этомъ, достигли высшей степени, онъ вдругъ велѣлъ бить новыя, полновѣсныя деньги, и обратилъ ненависть приведеннаго въ отчаяніе народа на вельможъ, чеканившихъ легкую монету. Такимъ образомъ Филиппъ явился въ видѣ избавителя, когда, подъ предлогомъ искорененія такого злоупотребленія на будущее время, частію совсѣмъ отнялъ у бароновъ монетное право, частію же подчинилъ своему ближайшему надзору, и оно мало по малу сдѣлалось исключительнымъ правомъ короны. Въ намѣреніи забрать постепенно въ свои руки и верховное судопроизводство во всемъ королевствѣ, онъ продолжалъ, по примѣру Лудовика IX, благопріятствовать переносу дѣлъ изъ баронскихъ судовъ въ его собственные, и для облегченія ищущихъ справедливости, ввелъ существенныя перемѣны въ судебной части. Парламентъ бывшій доселѣ леннымъ совѣтомъ короля, преобразованъ былъ въ высшее судилище въ новѣйшемъ смыслѣ. Перы почти совсѣмъ уже не являлись въ засѣданіяхъ, и потому Филиппъ опредѣлилъ, чтобы парламентъ состоялъ изъ тринадцати духовныхъ и тринадцати свѣтскихъ членовъ. Въ Руанѣ учрежденъ былъ аппелляціонный судъ (scacarium, échiquier) для Нормандіи, въ Труа (Troyes) для Шампаньи и пограничныхъ областей, въ Тулузѣ для земель Лангедока; каждый состоялъ изъ десяти членовъ. Изученіе Правовѣденія, которымъ уже съ давняго времени усердно занимались во Франціи, пріобрѣло отъ этихъ учрежденій важные успѣхи.

Филиппъ былъ счастливъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, и значительно усилилъ власть свою, но одно весьма важное пріобрѣтеніе отторгнуто было у него въ странѣ, которая ему, можетъ быть, казалась самою вѣрною. Жители Фландріи, вскорѣ по введеніи французскаго владычества, пришли въ волненіе. Сперва низшія сословія гражданъ въ Брюжѣ возмутились отъ тяжкаго бремени налоговъ, и, послѣ сраженія съ французскимъ намѣстникомъ, ушли изъ города подъ предводительствомъ ткача Петра Кёнига, человѣка шестидесяти лѣтъ, бѣднаго, ма-

лорослаго, безобразнаго, криваго, но исполненнаго отваги и пламеннаго краснорѣчія, и городъ былъ занятъ многочисленными французскими войсками, лишенъ прежнихъ правъ, обремененъ новыми налогами, а построеніе въ немъ крѣпкаго замка грозило ему еще большимъ притѣсненіемъ. Ненависть къ Французамъ возрастала, и сыновья плѣннаго Графа отъ втораго брака, Іоаннъ и Витъ Намурскіе, оставленные на свободѣ, воспользовались этимъ расположеніемъ умовъ. Они обѣщали ткачу Кёнигу пособіе, если онъ будетъ дѣйствовать для освобожденія отечества. Кёнигъ, послѣ сего, сталъ въ челѣ всѣхъ недовольныхъ, и 25 мая 1302 года напалъ въ расплохъ на Брюжъ; въ то же время жители города подняли оружіе противъ Французовъ. Всѣ ворота и выходы были заняты, и кто не могъ произнести словъ: «Schilt en Vriend,» былъ предаваемъ смерти; этой участи подверглось болѣе трехъ тысячъ Французовъ.

Филиппъ воспылалъ яростью. Войско, въ десять тысячъ всадниковъ и сорокъ тысячъ пѣшихъ наемниковъ, должно было отмстить за этотъ позоръ; но онъ претерпѣлъ еще сильнѣйшее пораженіе. 11 іюля, подъ Куртеемъ произошло рѣшительное сраженіе съ Фландрскими мятежниками. Ихъ войско, предводительствуемое молодыми Графами, состояло изъ однихъ поселянъ и гражданъ, но было исполнено мужества, воспламененнаго ненавистью и мщеніемъ. Передъ битвою, Витъ Намурскій пожаловалъ Петру Кёнигу и нѣкоторымъ другимъ народнымъ вождямъ рыцарское достоинство, и всѣ воины благословеніемъ духовенства укрѣплены были въ упованіи на Бога. Конетабль Франціи совѣтовалъ Графу Артуаскому, предводителю французскаго войска, не пускаться въ рѣшительный бой, а тревожить непріятеля мелкими стычками: это вскорѣ утомило бы Фландрійцевъ, любившихъ поѣсть и попить. Но Графъ отвергнулъ это предложеніе, казавшееся ему малодушнымъ; онъ рѣшился произвести нападеніе, которое исполнено было съ такою запальчивостью и съ такимъ презрѣніемъ къ непріятелю, что Французы не замѣтили даже глубокаго и широкаго рва передъ позиціею

непріятелей. Передніе рыцари попадали въ ровъ, и въ тяжелыхъ доспѣхахъ погибли, а слѣдующія дружины слѣпо устремились вслѣдъ за ними; другіе, при покушеніи взобраться наверхъ, были колоты *гутентагами* (здравствуй или добрый день). Такъ Фландрскіе поселяне, въ простодушной замысловатости своей, называли свои длинныя рогатины, обитыя желѣзомъ. Замѣшательство сдѣлалось всеобщимъ, и Французы претерпѣли совершенное пораженіе, стоившее имъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились до тысячи девяти сотъ рыцарей, цвѣтъ Французскаго дворянства. Сія побѣда одушевила Фландрскихъ гражданъ твердымъ упованіемъ на свои силы, и всѣ послѣдовавшія покушенія Филиппа къ ихъ порабощенію остались безъ успѣха, не смотря на то, что онъ для этой цѣли соединился еще съ Графомъ Голландскимъ, Іоанномъ Авенскимъ, (см. выше, стр. 351). Вторая большая битва подъ Монсомъ (Mons en Puelle 1304), въ которой присутствовалъ самъ Филиппъ, осталась нерѣшенною, и Фламандцы повсюду показывали такое мужество и готовность къ бою, что Филиппъ наконецъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ кроткимъ. Въ слѣдующемъ году (1305) онъ согласился на миръ, по которому отдалъ Фландрію старшему сыну умершаго въ плѣну Графа Вита, Роберту, всѣмъ другимъ Фландрскимъ вельможамъ даровалъ свободу, и возвратилъ землѣ сей ея древнія права и преимущества. Спустя восемь лѣтъ, изъза обладанія нѣкоторыми городами, удержанными Королемъ по этому миру, возникли новыя распри и непріязненности, которыхъ окончанія Филиппъ не дожилъ. Онъ умеръ 29 ноября 1314, и оставилъ волнуемое безпокойствомъ королевство старшему сыну своему, Лудовику. Бремя налоговъ и насильственный произволъ, съ какимъ онъ уничтожалъ старинные обычаи и права, до того озлобили сердца, что въ Шампани, Пикардіи, Артуа и Бургундіи все было готово къ возстанію; особенно дворянство заключило между собою союзы, чтобы доставить себѣ защиту отъ притѣсненій.

И такъ Лудовикъ X, который носитъ въ Исторіи

применованіе Вздорнаго (le Hutin), взошелъ на престолъ при самыхъ худыхъ предзнаменованіяхъ. Онъ употребилъ все, чтобы успокоить недовольныхъ, и частію обѣщаніями, частію дѣйствительными льготами успѣлъ отвратить бурю. Къ успокоенію умовъ наиболѣе послужило судебное слѣдствіе, произведенное надъ дѣйствіями главнаго правителя финансовъ, Ангеранда де Мариньи (Enguerrand de Marigny), котораго считали виновникомъ всего зла, хотя онъ былъ только орудіемъ Филиппа Прекраснаго. Онъ былъ приговоренъ къ смерти и казненъ. Для веденія войны съ Фландріею нужны были деньги; по сему случаю Лудовикъ издалъ замѣчательное узаконеніе, которымъ позволялось откупаться крѣпостнымъ людямъ на коронныхъ земляхъ. При всемъ томъ его походъ, въ 1315 году, остался безъ успѣха, и прежде нежели новыя вооруженія были готовы, Король умеръ 5 іюня 1316. Въ ноябрѣ наслѣдовалъ ему сынъ его, Іоаннъ, родившійся по смерти отца, и жившій лишь нѣсколько дней. Лудовикъ, кромѣ его, оставилъ еще малолѣтную дочь Іоанну, которой права однако были оспориваемы, какъ утверждаютъ позднѣйшіе писатели, на основаніи постановленій Салическаго Народнаго Права (Ч. IV стр. 46) *). По этой причинѣ наслѣдовалъ корону братъ Лудовика, Филиппъ V Длинный, кончившій фландрскую войну миромъ, по которому города Дуэ, Оршисъ и Лилль остались за Франціею.

---

*) Въ Салическомъ Законѣ сказано: de terra vero salica in mulierem nulla portio transit, sed hoc virilis sexus acquirit. Но если и допустить такую ссылку, все же она не могла имѣть силы, потому что въ Салическомъ Законѣ разрушается одно аллодіальное владѣніе, а обладаніе короною Франціи со времени Капетинговъ основывалась на ленномъ правѣ. Ея земли были отобранные лены, и въ то время дочери повсюду наслѣдовали въ бенефиціяхъ безъ противорѣчія. И такъ, исключеніе Іоанны отъ престола не можетъ быть оправдано юридическимъ выводомъ.

Въ намѣреніи утвердить внутри государства власть королевскую, Филиппъ продолжалъ итти по слѣдамъ отца своего; онъ отобралъ оружіе у гражданъ въ городахъ, воспретилъ междоусобныя войны вельможъ и рыцарей, и во всѣхъ округахъ, кромѣ правителей (baillis), которые доселѣ завѣдывали судебною, податною и военной частью, поставилъ особенныхъ воеводъ, которые начальствовали всеобщимъ ополченіемъ и притомъ удерживали въ повиновеніи дворянство. Равнымъ образомъ, для взиманія податей, опредѣлены были новые чиновники подъ именемъ сборщиковъ (receveurs). Хотя Филиппъ умеръ уже въ 1322 году, и его братъ и преемникъ Карлъ IV также не долго царствовалъ (до 1328), но, не смотря на быструю перемѣну государей, въ основныхъ началахъ правленія ничего не измѣнилось, и усиленіе королевской власти шло безпрепятственно своимъ путемъ.

## 9. Англія въ правленіе Эдуарда I. (1273 — 1307).

Эдуардъ, сынъ Генриха III, находился на возвратномъ пути изъ Палестины (выше, стр. 254) въ Сициліи, когда узналъ о смерти отца своего. Пробывъ еще почти цѣлый годъ въ Гіеннѣ, онъ не прежде 29 августа 1274 вѣнчанъ былъ въ Вестминстерской Церкви Архіепископомъ Кантерборійскимъ, но медленіе возвращенія его, по видимому, не имѣло никакихъ вредныхъ слѣдствій для спокойствія державы. Воинственный Эдуардъ искалъ себѣ поприща и занятія, и нашелъ то и другое въ Княжествѣ Валлійскомъ. Князь Левеллинъ не давалъ ленной присяги, потому что зависимость его весьма ослабѣла отъ Англіи въ смутныя царствованія Іоанна и Генриха III. Король Англійскій осторожно проникъ въ горныя ущелія, избѣгалъ сраженія съ Валлійцами, извѣстными своею храбростью, и заставилъ ихъ обложеніемъ и голодомъ принять его условія (1277). Спустя пять лѣтъ, они покушались возвратить свою свободу, но предпріятіе сіе не

удалось, и имѣло слѣдствіемъ совершенную утрату независимости. Самъ Левеллинъ, въ возобновившейся тогда борьбѣ, палъ отъ руки врага, и его братъ Давидъ, по приказанію побѣдителя, казненъ былъ висѣлицею (1283). Тѣмъ кончилось всякое дальнѣйшее сопротивленіе. Земля раздѣлена была на графства и сотни, подчинена управленію по англійскимъ законамъ, и Эдуардъ принялъ мѣры отучить грубый народъ отъ хищничества, и укротить его нравы. Когда супруга Эдуарда, въ Сернарвонѣ, въ Области Валлиса, родила ему сына, Король наименовалъ его Княземъ Валлійскимъ: этотъ титулъ понынѣ носятъ наслѣдники Англійскаго Престола.

Вторымъ воинскимъ предпріятіемъ Эдуарда было покореніе Шотландіи. Поводъ къ тому подала неожиданная смерть тамошняго Короля Александра III (1286), съ которымъ пресѣклась мужеская линія древняго владѣтельнаго дома. Съ согласія государственныхъ чиновъ, покойный монархъ назначилъ наслѣдницею престола Маргариту, свою внуку, отъ дочери, бывшей въ супружествѣ за Норвежскимъ Королемъ Эрихомъ. Эдуардъ составилъ планъ, бракосочетаніемъ своего старшаго сына съ этою принцессою (которая была вмѣстѣ внука и его сестрѣ) соединить Англію и Шотландію. Шотландцы изъявляли готовность, но, на пути изъ Норвегіи, юная принцесса умерла къ несчастію страны, въ которой должна была царствовать. Теперь явилось тринадцать искателей престола, изъ которыхъ имѣли ближайшее право Іоаннъ Баліоль и Робертъ Брусъ, по родству съ прежнимъ царственнымъ родомъ. Для избѣжанія бѣдствій войны междоусобной, Шотландскіе Чины обратились къ Англійскому Королю, и просили рѣшить споръ мирно. Эдуардъ принялъ предложеніе, но не хотѣлъ пропустить благопріятнаго случая къ утвержденію леннаго владычества надъ сосѣднимъ Королевствомъ, издавна присвояемаго Англійскими Королями. И такъ, созвавъ государственное собраніе въ Норгамъ (1291), онъ прежде всего потребовалъ отъ Шотландцевъ признанія его верховныхъ ленныхъ правъ. При безсиліи раздѣленнаго на части государства,

при вліяніи находившейся вблизи вооруженной силы Эдуарда, нельзя было противорѣчить Королю. Всѣ искатели престола заранѣе присягнули, что примутъ отъ него корону на правахъ ленныхъ, а чтобы онъ въ состояніи былъ исполнить свой приговоръ, ему отданы были и королевскіе замки, и всѣ васаллы короны присягнули ему какъ верховному ленному государю. Затѣмъ началось слѣдствіе. Коммиссія, составленная изъ двадцати четырехъ Англичанъ и восьмидесяти Шотландцевъ, разбирала права искателей и наконецъ рѣшила въ пользу Баліоля. Это рѣшеніе утверждено было Эдуардомъ. Нарѣченный король, по старинному обыкновенію, былъ вѣнчанъ на знаменитомъ камнѣ въ Сконѣ, и въ Нью-Кестлѣ принялъ присягу Эдуарду.

Но Шотландцы, принужденные только тѣсными обстоятельствами къ изъявленію покорности, смотрѣли на новое отношеніе къ Англіи съ величайшимъ негодованіемъ. Баліоль вскорѣ ощутилъ дѣйствія этой зависимости самымъ чувствительнымъ образомъ. Въ распрѣ двухъ сильныхъ домовъ, въ которой онъ произнесъ рѣшеніе, побѣжденная сторона перенесла дѣло изъ его суда въ судъ Короля Англійскаго, и Баліоль долженъ былъ лично оправдываться предъ своимъ ленным государемъ. По симъ причинамъ, Король и народъ питали теперь равное желаніе расторгнуть сіи ненавистныя узы, и возгорѣвшаяся въ то время, какъ мы выше упоминали, война между Франціею и Англіею казалось подавала къ тому благопріятный случай. Общая выгода Филиппа и Шотландцевъ вскорѣ заставила ихъ заключить оборонительный и наступательный союзъ, и Баліоль прислалъ Англійскому Королю письменное объявленіе о прекращеніи своей ленной присяги. Но Эдуардъ, при первомъ извѣстіи о заключеніи договора, со всѣми военными силами, собранными противъ Франціи, двинулся на Шотландію, перешелъ границу (1296), завоевалъ Бервикъ, и далъ почувствовать жителямъ его всю тяжесть своего гнѣва. Подъ Донбаромъ послѣдовала кровопролитная битва, въ которой шотландское войско было совершенно разбито. Король Баліоль долженъ

былъ предать себя и Королевство въ руки Эдуарда, и былъ отправленъ какъ плѣнникъ въ Лондонъ, гдѣ однакожъ обходились съ нимъ весьма человѣколюбиво; земля отдана была въ управленіе Англійскому Графу Варенну, побѣдителю подъ Донбаромъ, и въ знакъ того, что независимость Шотландіи совершенно уничтожена, Эдуардъ увезъ изъ Скона камень, на которомъ короновались Шотландскіе Короли.

Значительныя издержки, причиненныя войною съ Франціею и Шотландіею, заставляли Короля часто требовать денегъ отъ парламента. По примѣру, поданному Графомъ Лестеромъ (Leicester) въ предъидущее царствованіе, онъ также созывалъ депутатовъ графствъ и городовъ въ сіи государственныя собранія, и это со времени его царствованія сдѣлалось постояннымъ учрежденіемъ. Парламентъ соглашался на разныя налоги, но это не удовлетворяло потребностямъ Эдуарда. По сей причинѣ онъ прибѣгнулъ къ насильственнымъ наборамъ, сперва самовластно наложилъ высшую подать на шерсть и кожи, въ то время двѣ самыя важныя торговыя статьи въ Англіи, потомъ забралъ даже всѣ запасы этихъ произведеній, и принуждалъ купцевъ вносить слѣдующую за нихъ сумму подъ именемъ займа. Владѣльцы помѣстьевъ подвергались не меньшимъ притѣсненіямъ. Каждое графство должно было поставить извѣстное число бойнаго скота и двѣ тысячи квартеровъ пшеницы, для снабженія съѣстными припасами войска, которому въ 1297 году надлежало итти въ Гіенну и Фландрію. Кто изъ духовенства не хотѣлъ удовлетворять безпрерывно возобновляемымъ требованіямъ, и ссылался на покровительство и предписанія Папы Бонифація VIII, того онъ лишалъ всякаго пособія законовъ. Онъ приказалъ королевскимъ судьямъ не оказывать имъ ни противъ кого законной защиты, и отбиралъ ихъ ленныя и другія владѣнія, пока они наконецъ не соглашались на уплату требуемыхъ суммъ. Но въ тиши они собирались для совѣщанія, и вели съ дворянствомъ переговоры о мѣрахъ къ прекращенію такихъ притѣсненій. Когда Король, въ томъ же еще году, при открытіи похода поручилъ

конетаблю и маршалу государства, Графамъ Герефорду и Норфольку, вести воинскій отрядъ въ Гіенну, оба отказались принять начальство подъ тѣмъ предлогомъ, что они, по званію своему, обязаны только сопровождать особу короля. Эдуардъ, въ сильномъ гнѣвѣ, сказалъ маршалу: «клянусь Богомъ, графъ, вы должны итти, или будете повѣшены»!—«Клянусь Богомъ, отвѣчалъ Норфолькъ, что я не пойду и не буду повѣшенъ,» и удалился въ сопровожденіи тридцати бароновъ и полуторы тысячи рыцарей. Эдуардъ увидѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Онъ велѣлъ прекратить поставку припасовъ для войска, возвратилъ духовенству отнятыя у него имѣнія, и старался успокоить умы обѣщаніемъ новаго торжественнаго утвержденія Великой Льготной Грамоты. Послѣ сего онъ отплылъ во Фландрію, но въ его отсутствіе сынъ его, котораго онъ оставилъ правителемъ, принужденъ былъ Графами Норфолькомъ и Герефордомъ не только утвердить грамоту, но и присоединить къ ней весьма важное прибавленіе, по которому казна впредь не смѣла взыскивать налоговъ и податей безъ согласія духовенства, бароновъ, рыцарей и гражданъ Королевства (1397). О двухъ послѣднихъ сословіяхъ не было упомянуто въ Великой Льготной Грамотѣ. Совокупность свободныхъ мужей въ народѣ отъ этого получала самое сильное средство ограничивать расточительность въ управленіи казною. Эдуардъ уступилъ обстоятельствамъ, и во Фландріи подписалъ актъ новой льготы, хотя съ стѣсненнымъ сердцемъ и послѣ долгаго размышленія.

Еще прежде нежели состоялось это примиреніе, Шотландцы, подстрекаемые волненіемъ, господствующимъ въ Англіи, сдѣлали новое покушеніе къ своему освобожденію, и ненависть къ притѣснителямъ воздвигла изъ среды ихъ отважнаго и доблестнаго поборника. Вилліамъ Валласъ (Wallace) былъ человѣкъ предпріимчивый, и происходилъ отъ старинnаго, обѣднѣвшаго рода. Онъ въ гнѣвѣ убилъ англійскаго чиновника, бѣжалъ въ лѣса, гдѣ собрались къ нему единомышленники, и подъ его начальствомъ производили смѣлые набѣги на Англичанъ. Молва объ немъ

разнеслась по всей землѣ, и онъ скоро увидѣлъ себя главою многочисленныхъ дружинъ. Англійское войско, явившееся по повелѣнію отсутствующаго Короля для усмиренія мятежа, было имъ совершенно разбито на рѣкѣ Фортѣ (Forth). Пылая мщеніемъ, Эдуардъ, въ 1298 году, заключилъ перемиріе съ Филиппомъ, и потребовалъ, чтобы Король Французскій предоставилъ Шотландцевъ собственной ихъ судьбѣ и его гнѣву. Тогда онъ привелъ въ Шотландію многочисленное и хорошо вооруженное войско, и напалъ на непріятельскую силу, 22 іюля 1298 года, подъ Фалькиркомъ. Зависть дворянъ не допустила Валласа до главнаго начальства; онъ принималъ участіе въ сраженіи, но начальствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ. Это несогласіе вождей шотландскихъ и превосходство англійской конницы рѣшили битву въ пользу Эдуарда; онъ побѣдоносно прошелъ до Перта, однако принужденъ былъ недостаткомъ продовольствія и трудностью путей скоро опять возвратиться во свояси. Шотландцы держались въ сѣверныхъ горахъ; оттуда они начали съ успѣхомъ дѣйствовать противъ Англичанъ, и послѣ побѣды подъ Эдинбургомъ (1303) удалось имъ совсѣмъ вытѣснить непріятелей. Если Эдуардъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ притязаній, ему надлежало снова предпринять завоеваніе. Его гнѣвъ возрасталъ по мѣрѣ упорства противниковъ. Съ грознымъ ополченіемъ онъ прошелъ всю ихъ землю до самыхъ верхнихъ горъ, и враги не смѣли съ нимъ встрѣтиться. Теперь онъ считалъ покореніе Шотландіи довершеннымъ, потому что единственный полководецъ, котораго онъ можетъ быть еще опасался, Валласъ, былъ ему преданъ прежнимъ своимъ товарищемъ въ бояхъ. Его отвезли въ цѣпяхъ въ Лондонъ, и тамъ казнили въ Тауэрѣ. Его подвиги донынѣ живутъ въ уваженіи и памяти его народа.

Позорная смерть героя возбудила въ Шотландцахъ гнѣвъ и негодованіе еще въ высшей степени, и, не взирая на безуспѣшность всѣхъ прежнихъ покушеній, нашелся новый вождь, который опять отважился на борьбу за независимость отечества. Это былъ Робертъ Брусъ, внукъ упомянутаго нами искателя престола. Его предпріятіе

было чрезвычайно трудно, потому что онъ долженъ былъ воевать не съ одними Англичанами, но и съ сильною противною партіей между своими собственными единоземцами. Іоаннъ Комінъ (Comyn), ближайшій наслѣдникъ умершаго между тѣмъ Баліоля, уважаемый за старанія его объ освобожденіи Шотландіи, въ теченіе осьми лѣтъ завѣдывалъ дѣлами общественными въ званіи правителя государства; Брусы же, по зависти къ Баліолю и его дому, доселѣ сдѣлали весьма мало для своихъ единоземцевъ. Случилось, что Комінъ и Брусъ прибыли въ Думфрисъ въ одно и то же время. Они разговаривали на хорахъ Минорітской Церкви; между ими возникъ жаркій споръ, и Брусъ вонзилъ кинжалъ въ грудь правителя. Послѣ этого Брусъ призвалъ Шотландцевъ подъ свои знамена, и въ Сконѣ, почти безъ противорѣчія, былъ вѣнчанъ въ короли (1306). Но весь родъ убитаго, самый богатый и сильный въ государствѣ, вскорѣ потомъ соединился съ Англичанами для погубленія его, и новый Король, претерпѣвъ пораженіе, долженъ былъ бѣжать въ лѣса горной страны. Между тѣмъ приближался и гнѣвный Эдуардъ, желая въ этотъ разъ показать примѣръ страшной кары. Съ большою силою хотѣлъ онъ пройти Шотландію отъ одного конца до другаго, и до того разорить ее, чтобы она никогда не могла уже возстать. Но прежде нежели онъ перешелъ границу, смерть постигла его 7 іюля 1307 года по близости Карлейля, на шестьдесятъ девятомъ году его жизни и тридцать пятомъ его царствованія.

## 10. Эдуардъ II.

## (1307 — 1327).

Эдуардъ, умирая, приказалъ продолжать войну противъ Шотландцевъ, и въ страхъ врагамъ носить его кости передъ войскомъ. Но его сынъ и преемникъ, Эдуардъ II, не наслѣдовавшій великихъ свойствъ отца, не уважилъ этого приказанія, вскорѣ по переходѣ черезъ шотландскую границу воротился домой, и тѣмъ доставилъ

случай Брусу, вышедшему изъ своего убѣжища, добыть для себя корону а для своего народа независимость еще на нѣсколько вѣковъ. Брусъ открылъ новое поприще блистательною побѣдою надъ партіею Комина. За симъ послѣдовали еще другія счастливыя сраженія съ приверженцами Англіи и изгнаніе англійскихъ сторожевыхъ отрядовъ изъ укрѣпленныхъ замковъ, между тѣмъ какъ Эдуардъ II, безпечный, погрязшій въ удовольствіяхъ, безъ силы и самостоятельности, въ борьбѣ съ своими баронами, едва самъ могъ удержаться на англійскомъ престолѣ.

Это сопротивленіе, какъ при Генрихѣ III, возбуждено было приверженностью Короля къ недостойнымъ временщикамъ. Первый изъ нихъ, совершенно управлявшій Эдуардомъ, былъ Петръ Гавестонъ, родомъ Гасконецъ. Уже Эдуардъ I изгналъ его какъ развратителя своего сына, и на смертномъ одрѣ поставилъ послѣднему въ обязанность не возвращать его. Но, вопреки отеческой волѣ, Эдуардъ немедленно призвалъ Гавестона опять ко двору, облекъ его полною довѣренностью, и пожаловалъ Графомъ Корнваллисскимъ. Отправившись во Францію для бракосочетанія съ Принцессою Изабеллою, дочерью Филиппа Прекраснаго, съ которою онъ былъ помолвленъ еще при жизни отца своего, назначилъ онъ его своимъ намѣстникомъ въ Англіи. Гавестонъ вскорѣ сдѣлался предметомъ ненависти сильныхъ бароновъ; онъ оскорблялъ ихъ ребяческимъ тщеславіемъ и расточительною пышностью, и грабилъ казну королевскую. Когда Эдуардъ возвратился изъ Франціи, они потребовали отставки и удаленія временщика. Встревоженный ихъ настоятельнымъ тономъ, Эдуардъ согласился, чтобы Гавестонъ оставилъ Англію; но пожаловалъ его намѣстникомъ Ирландіи, и когда онъ привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ бароновъ, то опять призвалъ его въ Англію и приблизилъ къ своей особѣ. Гавестонъ, достигнувъ своего прежняго вліянія, предался прежнему образу жизни, и шелъ далѣе по старой дорогѣ; бароны опять соединились и настояли на томъ, что Гавестонъ осужденъ былъ на вѣчное изгнаніе, съ угрозою, что если опять явится

въ Англію, съ нимъ поступлено будетъ какъ съ врагомъ короля и народа. Не довольствуясь симъ, они въ этотъ разъ пошли еще далѣе: парламентъ 1311 года принудилъ Эдуарда издать узаконенія, которыми чувствительно унижена была власть королевская. Всѣ важныя званія впредь должны были раздаваться только съ согласія бароновъ въ парламентѣ, никакое пожалованіе земли безъ ихъ вѣдома не должно было считаться дѣйствительнымъ, и только съ ихъ соизволенія король могъ собирать военную силу, или начинать войну. Но лишь только парламентъ былъ распущенъ, Эдуардъ поспѣшилъ освободиться отъ сихъ унизительныхъ оковъ. Онъ отправился въ сѣверныя страны Англіи, и опять призвалъ къ себѣ своего любимца, который между тѣмъ былъ во Франціи. Въ то же время и бароны, имѣя главою Графа Ѳому Ланкастерскаго, внука Короля Генриха III, составили новый союзъ, въ которомъ принялъ участіе и Архіепископъ Кантерборійскій. Съ вооруженною силою вельможи поспѣшили въ Іоркъ къ Королю, который, узнавъ о ихъ приближеніи, бѣжалъ съ своимъ любимцемъ въ крѣпкій Скарборо. Гавестонъ былъ въ немъ осажденъ, и какъ продолжительное сопротивленіе было невозможно, долженъ былъ сдаться. Его поручили надзору Графа Пемброка, который отвѣчалъ за его безопасность, доколѣ Король не примирится съ баронами; но спустя короткое время—и вѣроятно не безъ вѣдома Пемброка—Графы Ланкастеръ, Варвикъ, Герефордъ и другіе изъ союзниковъ овладѣли его особою, и рукою палача отрубили ему голову (1312). Король былъ вдвое озлобленъ, какъ смертію своего любимца, такъ и беззаконнымъ поступкомъ. Онъ грозилъ вельможамъ местью, собралъ вооруженную силу, и въ этомъ воинственномъ положеніи созвалъ парламентъ. Бароны явились, но вооруженные не хуже Короля: одинъ Графъ Ланкастеръ привелъ тысячу рыцарей и полторы тысячи пѣшихъ. Въ надеждѣ на эти войска, они требовали совершеннаго освобожденія отъ всякой отвѣтственности за смерть Гавестона, и утвержденія изданныхъ ими узаконеній. Король принужденъ былъ уступить; убійство

Гавестона осталось непаказаннымъ, но притомъ оставлены безъ исполненія и тѣ опредѣленія бароновъ, которыя были слишкомъ невыгодны для короны.

Послѣ примиренія Эдуарда съ баронами внутреннее спокойствіе, по видимому, возстановилось, и тогда предпринятъ былъ походъ въ Шотландію. Изъ всѣхъ прежнихъ владѣній оставались тамъ за Англичанами только Бервиккъ и Стирлингъ; но послѣдній замокъ, самый важный и крѣпкій, былъ уже сильно обложенъ Брусомъ. Эдуардъ сдѣлалъ великія приготовленія для спасенія его. Нидерландцы, Гасконцы, Ирландцы, Валлійцы усилили его войско, котораго число шотландскіе историки, конечно преувеличенно, полагаютъ во сто тысячъ человѣкъ. Брусъ имѣлъ не болѣе тридцати тысячъ человѣкъ, но всѣ они были опытны въ военномъ дѣлѣ и рѣшились защищать свою независимость до послѣдней капли крови. Онъ ожидалъ враговъ подъ Баннокбурномъ, по близости Стирлинга. Тамъ Англичане, 24 іюня 1313 года, потерпѣли совершенное пораженіе. Самъ Король съ трудомъ избѣжалъ руки храбраго Дугласа, который горячо его преслѣдовалъ. Самоувѣренность Шотландцевъ отъ сей побѣды возрасла до того, что они поддерживали и возстаніе Ирландцевъ противъ Англіи. Хотя послѣднее не удалось, но сама Шотландія совершенно освободилась отъ враговъ, и утвердила свою самостоятельность. Брусъ, на общемъ собраніи духовенства и дворянства, былъ снова признанъ королемъ, безъ большаго труда отражалъ впаденія Англичанъ, еще нѣсколько разъ повторявшіяся, и имѣвшія цѣлію болѣе грабежи и месть нежели собственно завоеванія, и удерживалъ престолъ, пріобрѣтенный силою оружія, до своей смерти (1329) съ большею твердостью чѣмъ Эдуардъ II свою наслѣдственную корону.

Несчастное окончаніе войны въ Шотландіи, послѣдовавшее за тѣмъ возмущеніе въ Ирландіи, къ которому присоединились еще мятежныя волненія въ Валлисѣ, наконецъ набѣги, которыми Брусъ опустошалъ Сѣверную Англію, подали враждебной Королю партіи бароновъ поводъ опять возстать противъ правительства и возобновить

прежнія узаконенія, стѣснительныя для власти королевской. Слабость, съ какою Эдуардъ по смерти Гавестона предался новому любимцу, Гугону Спенсеру (или Деспенсеру), и предоставилъ ему управленіе государствомъ, еще болѣе возбуждала ихъ къ сопротивленію. Прежнія явленія повторились. Соединенные бароны, съ оружіемъ въ рукахъ, требовали удаленія или заключенія въ темницу Спенсера, съ угрозою, что они, въ противномъ случаѣ, не будутъ повиноваться ему и сами управятся съ надменнымъ и своекорыстнымъ временщикомъ. Потомъ они отправились въ Лондонъ, предложили парламенту обвиненіе противъ Спенсера и его отца, и достигли того, что оба осуждены были на вѣчное изгнаніе (1321).

Но вскорѣ положеніе дѣлъ перемѣнилось, и не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ Эдуардъ нашелъ случай отмстить врагамъ своимъ. Королева Изабелла, на пути въ Кентербори, хотѣла переночевать въ королевскомъ замкѣ Ледесѣ, но Лордъ Бадлесмеръ, которому ввѣрено было смотрѣніе за симъ замкомъ, былъ въ тайномъ сношеніи съ баронами, и не хотѣлъ отворить ворота Королевѣ. Произошелъ споръ, въ которомъ были убиты многіе служители Изабеллы. Она громко жаловалась на оскорбленіе, и народъ Лондона принялъ въ томъ участіе. Такимъ образомъ Король увидѣлъ себя въ состояніи потребовать удовлетворенія; имѣя при себѣ нѣсколько отрядовъ войска и множество вооруженныхъ гражданъ столицы, онъ взялъ замокъ, не смотря на то, что бароны пришли на помощь. Это быстрое дѣйствіе вновь оживило его партію, со всѣхъ сторонъ стекались приверженцы, явились и оба Спенсера. Но, на сѣверѣ Англіи, Ланкастеръ собралъ войско и пошелъ противъ королевской арміи, однако былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ со многими другими. Король отмстилъ ему за убійство Гавестона. Его осудили на смерть, и казнили среди насмѣшекъ и поруганія (1322). Осьмнадцать знатнѣйшихъ приверженцевъ его также были преданы смерти; многіе остались въ строгомъ заключеніи; ихъ имѣнія отданы были приверженцамъ Короля, преимущественно Спенсерамъ, которыхъ сила, вліяніе и важность послѣ этого пораженія

ланкастерской партіи утвердились, по видимому, непоколебимо.

Но запальчивость, съ какою они предались чувству мести, и произволъ, съ которымъ пользовались своею властью, не вразумленные судьбой Гавестона, возбудили противъ нихъ новое и сильнѣйшее сопротивленіе. Къ ненависти противъ ихъ владычества присоединилось и презрѣніе, потому что предпріятіе противъ Шотландіи кончилось самымъ позорнымъ отступленіемъ, и на сѣверную Англію навлекло страшныя опустошенія отъ озлобленныхъ Шотландцевъ. Народъ стекался на площадь, гдѣ казнены были Ланкастеры, какъ на священное мѣсто; порабощенные бароны жаждали мести, и вскорѣ въ домѣ самого Короля получили сильную помощь отъ Королевы Изабеллы. Она отправилась во Францію для прекращенія распри, которую братъ ея, Король Карлъ IV, завелъ съ Эдуардомъ изъ-за Гіенны, и велѣла прислать туда своего тринадцати-лѣтняго сына Эдуарда, чтобы онъ, на основаніи договора, принесъ присягу за Гіенну (1325). Но, вѣроятно, она отправилась въ путь съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы на твердой землѣ пріобрѣсть средства къ сверженію Спенсеровъ и своего супруга. Рожеръ Мортимеръ Вигморъ, дѣятельный приверженецъ ланкастерской партіи, вырвавшись изъ Тауэра, бѣжалъ въ Парижъ, и получилъ тамъ отъ Изабеллы званіе перваго сановника въ ея придворномъ штатѣ. Королева Англійская завела предосудительную связь съ бѣглымъ мятежникомъ. И по прекращеніи ссоръ съ Франціею, она оставалась за моремъ, и когда встревоженный ея поступками Король неоднократно приглашалъ ее возвратиться, она неслушалась его подъ предлогомъ, что ея жизнь въ опасности отъ Спенсеровъ. Напротивъ, она поѣхала съ сыномъ своимъ въ Нидерланды, гдѣ, безъ согласія Короля или парламента, женила Принца на дочери Графа Вильгельма Геннегаускаго. Сватъ далъ ей нѣсколько тысячъ вспомогательнаго войска, съ которымъ она и Мортимеръ вышли на берегъ въ Суффолькѣ (1326). Народъ привѣтствовалъ Королеву какъ освободительницу, и она нашла такъ много приверженцевъ, что Король и оба

Спенсера искали спасенія въ бѣгствѣ. Старшій Спенсеръ хотѣлъ въ Бристолѣ защищаться, но вскорѣ долженъ былъ сдаться врагамъ своимъ; они казнили девяностолѣтняго старца самымъ жестокимъ образомъ, и трупъ его бросили на съѣденіе псамъ. Сынъ его, скрывавшійся съ Эдуардомъ въ горахъ Валлиса, былъ скоро отысканъ и подвергся той же участи. Плѣнный Король отвезенъ былъ въ Кенильвортъ. Потомъ заговорщики созвали въ Вестминстерѣ парламентъ, который, будучи угрожаемъ взволнованною чернью столицы по обвиненіямъ, взведеннымъ на Эдуарда II, объявилъ его неспособнымъ къ дальнѣйшему правленію, и возвелъ на престолъ сына его (1327). Низложенный государь оставался сначала подъ надзоромъ Графа Генриха Ланкастера; но такъ какъ Королева и Мортимеръ, спустя нѣсколько времени, возъимѣли подозрѣніе, что этотъ смотритель можетъ сжалиться надъ несчастнымъ, то его отдали на руки Іоанну Мальтраверу и Ѳомѣ Беркелею, которые поступали съ нимъ, какъ будто имѣли порученіе оскорбленіями всякаго рода медленно низвести своего прежняго государя въ могилу. Тщетно Эдуардъ просилъ позволенія переговорить съ своею супругою. Въ намѣреніи скрыть мѣсто пребыванія царственнаго плѣнника, и тѣмъ прекратить поводъ къ волненіямъ въ народѣ, безчеловѣчные приставники возили его изъ одного мѣста въ другое, и одѣвая его легко, давая ему дурную пищу, часто прерывая его сонъ, старались изнурить его жизненныя силы *). Но и эти средства озабоченнымъ злодѣямъ казались слишкомъ продолжительными. Мортимеръ приказалъ двумъ домашнимъ служителямъ Беркелея безъ замедленія погубить плѣнника.

---

*) Однажды, на пути съ Королемъ, они хотѣли обрить ему бороду, чтобы тѣмъ труднѣе было узнать его, и взяли для того холодную и грязную воду изъ ближней лужи. Эдуардъ залился слезами, и сказалъ: «противъ воли вашей, я имѣю чистую и теплую воду для бритья бороды.»

Злодѣйское приказаніе было исполнено съ неслыханною лютостью, 21 сентября 1327.

Мортимеръ и Королева нѣсколько лѣтъ наслаждались плодами своего преступленія, потому что государственный совѣтъ, управлявшій вмѣсто четырнадцати-лѣтняго Эдуарда III, составленъ былъ изъ людей ихъ партіи, и они располагали имъ по внушенію своей алчности и властолюбія. Шотландцы воспользовались такимъ состояніемъ Англіи для возобновленія непріятельскихъ дѣйствій, чтобы совершенно свергнуть власть этого Королевства, и въ 1328 году заключенъ съ ними безславный договоръ, по которому Англія отказалась отъ верховной власти и признала Роберта Бруса королемъ независимымъ. Всеобщая ненависть къ Мортимеру оттого еще болѣе усилилась. Напрасно ограждалъ онъ себя многочисленными тѣлохранителями, напрасно старался устранить вельможъ, подъ ничтожнымъ предлогомъ приказавъ отсѣчь голову дядѣ юнаго Короля (1330), и столь же безполезно окружалъ самого Короля своими лазутчиками. Осьмнадцати-лѣтній юноша, почувствовавъ свою силу, рѣшился положить конецъ своеволію и злодѣйствамъ временщика. Онъ склонилъ на свою сторону начальника замка въ Ноттингамѣ, гдѣ Мортимеръ находился съ Королевою. Въ полночь впустили его туда съ нѣсколькими проводниками подземнымъ ходомъ. Два рыцаря, защищавшіе двери покоя Мортимерова, были изрублены, и опасный властолюбецъ схваченъ. Шумъ разбудилъ Королеву; она бросилась блѣдная въ комнату, со слезами на глазахъ и съ громкимъ воплемъ увѣряла, что Мортимеръ благородный рыцарь, ея вѣрнѣйшій другъ и возлюбленный родственникъ, и жалобно умоляла сына о помилованіи. Но ея ходатайство не имѣло успѣха. Мортимеръ немедленно былъ обвиненъ предъ парламентомъ, приговоренъ къ смерти и казненъ (1331). Королевѣ Эдуардъ назначилъ для жительства замокъ Резингсъ, гдѣ она провела остальные двадцать семь лѣтъ своей жизни въ тихомъ уединеніи. Юный Король, показавшій при семъ случаѣ необыкновенную по его возрасту рѣшительность, отнынѣ царствовалъ самостоятельно, и имъ

начинается новая эпоха Англійской Исторіи, отличающаяся блистательными побѣдами и оживленіемъ народнаго духа.

## 11. Императоръ Генрихъ VII.

### (1308 — 1313).

Неожиданная смерть Короля Альбрехта открыла въ Германіи новое поле раздорамъ, которые почти неизбѣжны при перемѣнѣ престола въ избирательномъ правленіи. Филиппъ Прекрасный думалъ доставить императорскій вѣнецъ брату своему, Карлу, полагаясь при этомъ на силу и вліяніе Папы Климента V, который, какъ мы видѣли выше, по перенесеніи папскаго престола въ Авиніонъ, былъ совершенно у него въ рукахъ. Но Епископъ Римскій, справедливо опасаясь въ такомъ случаѣ еще большей и тягостнѣйшей зависимости, старался тайно уничтожить сіи намѣренія, и даже уговаривалъ нѣмецкихъ курфирстовъ, чтобы они ускореніемъ выбора предупредили всѣ усилія Филипповы, также предлагалъ имъ въ короли Графа Генриха Луксембургскаго, брата Курфирста Трирскаго *). Достовѣрно то, что Графъ нашелъ сильнаго поборника въ Майнцскомъ Архіепископѣ Петрѣ Эйхшпальтерѣ, который наконецъ доставилъ ему корону, какъ Герардъ Эпенштейнъ предку его Адольфу. Такъ какъ мнѣнія курфирстовъ были раздѣлены, то онъ предложилъ подать голоса тайно, посредствомъ шаровъ или запечатанныхъ записокъ, и тѣмъ достигъ своей цѣли. Въ ноябрѣ 1308 года послѣдовало въ Франкфуртѣ единогласное избраніе Генриха VII, который въ началѣ слѣдующаго года короновался въ Аахенѣ.

Первый сеймъ собранъ былъ Королемъ въ Шпейерѣ. Здѣсь онъ объявилъ опалу убійцамъ своего предшественника,

---

*) О невѣроятности сего повѣствованія см. Menzel, Geschichte der Deutschen, Buch VII. S. 107.

велѣлъ торжественно похоронить трупъ его въ гробницѣ Филиппа Гогенштауфена, и тамъ же предать землѣ тѣло Короля Адольфа: смертельные враги теперь мирно почивали другъ подлѣ друга. Графъ Эбергардъ Виртембергскій, неутомимыми усиліями и постоянной дѣятельностью быстро расширившій свое небольшое родовое владѣніе, былъ позванъ на сеймъ за частое нарушеніе земскаго мира (Landfriede). На жалобы, принесенныя швабскими имперскими городами, терпѣвшими отъ него жестокія притѣсненія, онъ отвѣчалъ дерзко, и оставилъ Шпейеръ, не изъявивъ покорности. Тогда Король произнесъ на него опалу, и исполненіе ея поручилъ озлобленнымъ его сосѣдямъ, которые жестоко наказали его соединенными силами. Гораздо опаснѣе было могущество Князей Австрійскихъ, Фридриха и Леопольда, въ которыхъ Генрихъ видѣлъ страшныхъ себѣ совмѣстниковъ. Онъ уже подтвердилъ швейцарскимъ лѣснымъ городамъ, какъ противникамъ Австріи, добытую ими независимость, и когда Фридрихъ просилъ инвеституры на свои земли, противопоставилъ тому великія затрудненія. Наконецъ, оба брата обѣщали оставить свои притязанія на Богемію, и помогать Королю при завоеваніи сей земли; тогда изъ рукъ его герцоги получили свои лены. Генрихъ Каринтійскій (выше, стр. 353) не могъ спокойно владѣть Богеміею. Его мѣры оскорбляли вельможъ, а слабость его поощряла ихъ къ сопротивленію. Онъ посадилъ подъ стражу Принцессу Елисавету, младшую сестру Короля Вѣнцеслава, за то что она не согласилась выйти за-мужъ за одного изъ его приверженцевъ; но противники Генриха Каринтійскаго освободили ее изъ заключенія, и привезли въ Шпейеръ, чтобы предложить ея руку и богемскую корону четырнадцати-лѣтнему сыну Нѣмецкаго Короля, Іоанну. Генрихъ принялъ предложеніе, и княжескій судъ объявилъ Герцога Каринтійскаго лишеннымъ престола, потому что онъ не искалъ инвеституры, хотя царство три года находилось въ его рукахъ.

Изгнаніе противника и овладѣніе Королевствомъ Генрихъ предоставилъ своему сыну, или, правильнѣе,

Архіепископу Майнцскому, котораго онъ къ нему приставилъ въ качествѣ руководителя и совѣтника. Самъ онъ поспѣшилъ въ Италію, чтобы возстановить тамъ древнія права императоровъ. Предпріимчивый духъ его искалъ поприща для обильнѣйшей дѣятельности, какого онъ не находилъ въ Германіи; его блистательная храбрость, его личныя свойства, пріобрѣтавшія любовь людей и внушавшія имъ почтительный страхъ, обѣщали счастливый успѣхъ предпріятію, и Италіянцы разныхъ партій, убѣдительно склонявшіе его къ тому, увѣряли, что они счастливо совершатъ предпринимаемое дѣло. Опасенія, обнаруженныя нѣмецкими князьями, не были уважены Генрихомъ. «Если бы угодно было Богу, сказалъ онъ въ ихъ собраніи, чтобы я былъ частнымъ человѣкомъ, я остался бы въ тѣсныхъ отношеніяхъ. Теперь судьба призвала меня на высшіе подвиги; какъ воинъ и полководецъ, пойду впереди, и вы должны слѣдовать за мною для пріобрѣтенія владычества надъ міромъ.» Но видя, что его пламенная рѣчь не произвела сильнаго дѣйствія на князей, онъ съ рыцарскою нѣжностью обнялъ свою супругу и сказалъ: «ты будешь сопутствовать мнѣ во всѣхъ опасностяхъ!» И такъ походъ былъ открытъ; но изъ нѣмецкихъ вельможъ явились только немногіе. Лозанна назначена была сборнымъ мѣстомъ, ибо, по непріязни Генриха Каринтійскаго, нельзя было итти черезъ Тироль. Еще до исхода октября 1310 года, Король ступилъ на землю Италіи. Тамъ, особенно въ Верхней Италіи, положеніе дѣлъ очень измѣнилось съ того времени, какъ мы оставили сію землю при гибели Гогенштауфеновъ. Свобода, которую Ломбарды съ величайшимъ упорствомъ защищали отъ Нѣмцевъ, была ими утрачена внутренними смятеніями. Уже во время Фридриха II, къ распрѣ между папскими и императорскими приверженцами въ городахъ италіянскихъ присоединилась другая, не менѣе жестокая борьба между старинными родами, изъ которыхъ состояла градская община, и простымъ народомъ, который не имѣлъ никакого участія въ правленіи и завѣдываніи дѣлами общественными (см. выше, стр. 213). Ремесленникамъ,

въ ихъ гильдіяхъ и цехахъ, большею частію удалось достигнуть нѣкоторой власти въ городѣ, но эта власть постоянно была у нихъ оспориваема нападеніями противной партіи. Лишь только прекратилась борьба съ внѣшними непріятелями, внутренняя распря какъ между городами, такъ и между партіями въ стѣнахъ ихъ тѣмъ болѣе усилилась, и конечное слѣдствіе ея было почти вездѣ одинаково: на развалинахъ свободнаго правленія возникло самовластіе отдѣльныхъ родовъ. Такъ въ Миланѣ, котораго участь все еще имѣла сильнѣйшее вліяніе на всю Верхнюю Италію, борьба происходила не за вольность города, а за владычество между двумя родами, Висконти и делла Торре (della Torre); изъ нихъ послѣдній одержалъ тогда поверхность. Хотя отношенія совершенно измѣнились, но еще существовали наименованія Гвельфовъ и Гибеллиновъ, служившія отличіемъ партій, и злобная ненависть между ими продолжалась по прежнему. Въ Тосканѣ, преимущественно Флоренція принадлежала къ первымъ, которые, какъ и въ прежнія времена, считали Нѣмецкихъ Королей своими злѣйшими врагами. Посему этотъ городъ, достигшій теперь значительной силы, находился въ тѣсной связи съ Неаполитанскимъ Королемъ Робертомъ, внукомъ Карла Анжуйскаго (съ 1309 года), который, въ противность Сицилійскому Фридриху (выше, стр. 199), и по всему положенію своему, равно какъ по отношенію къ Французскому Двору, держался стороны Папъ. Но Генрихъ не хотѣлъ явиться въ Италіи главою одной партіи; напротивъ, намѣревался быть посредникомъ и властителемъ между обѣими, и ни которой не оказывать предпочтенія.

Сначала, по-видимому, все шло очень хорошо, и императорская власть опять явилась въ своемъ прежнемъ блескѣ. Города и ихъ правители оказывали безпрекословное повиновеніе; самъ Гвидо делла-Торре, котораго противникъ, Маттео Висконти, былъ въ свитѣ Генриха, не отважился на сопротивленіе, когда Король пошелъ на Миланъ, и здѣсь 6 января 1311 года могъ вѣнчаться желѣзною короною въ короли Ломбардіи. Но лишь

только Генрихъ потребовалъ денегъ, вспыхнуло возмущеніе, которое нѣмецкія войска потушили кровію жителей. Гвидо делла-Торре былъ выгнанъ, и Маттео Висконти назначенъ намѣстникомъ Милана. Вдругъ, по примѣру Милана, смятенія возникли и въ другихъ городахъ Ломбардіи, въ Кремонѣ, Кремѣ, Лоди, Брешіи, Мантуѣ, Падуѣ, Бергамѣ, требуя времени и усилій, чтобы вновь покорить ихъ, однако большая часть изъ нихъ скоро отворили врата свои; только Брешія оказала продолжительное и упорное сопротивленіе, за которое впрочемъ она заплатила большую денежную пеню. Прочіе мятежные города такъ же подверглись денежнымъ контрибуціямъ, за исключеніемъ Кремоны, которая наказана была гораздо строже.

Сія борьба принесла Флорентинцамъ большую пользу: Генрихъ потерялъ лучшую часть своего войска, и былъ задержанъ въ Верхней Италіи; между тѣмъ они имѣли время вооружиться. И Робертъ, сколько Генрихъ ни старался щадить и задобривать его, не потерялъ этого времени. Онъ теперь явно выступилъ противъ него, послалъ своего брата Іоанна съ войскомъ въ Римъ. Король оставилъ Верхнюю Италію, и пошелъ въ Генуу, которая, будучи вѣчно раздираема внутренними несогласіями, именно въ то время имѣла правителями Гибеллиновъ и потому приняла его съ радостью. Но и здѣсь недостатокъ въ деньгахъ перемѣнилъ расположенія къ нему города. Такъ какъ Флорентинцы преградили ему дальнѣйшій походъ сухимъ путемъ, то онъ долженъ былъ на корабляхъ ѣхать въ Пизу, которая оказывала рѣшительную и жаркую приверженность къ Гибеллинамъ. Здѣсь прибыли къ нему подкрѣпленія изъ Германіи и Гибеллинской Тосканы, и онъ наконецъ, во главѣ тысячи трехъ сотъ рыцарей, могъ предпринять походъ въ Римъ. Городъ сей дѣлился между двумя партіями, Колонна и Орсини; изъ нихъ первые держались стороны Нѣмцевъ, послѣдніе были ихъ противниками. Генрихъ вступилъ въ городъ среди борьбы и кровопролитія; улицы покрыты были ста пятидесятью убитыми изъ его немногочисленна-

го войска. Ватиканъ и Соборъ Св. Петра, въ которомъ слѣдовало совершать вѣнчаніе, находились въ рукахъ противниковъ, и обрядъ сей исполненъ былъ папскими легатами въ Латеранѣ (28 іюня 1312). На праздничномъ пирѣ новаго Императора въ Санъ-Сабинѣ, гости тревожимы были метательнымъ оружіемъ и ругательными словами непріятелей съ Горы Авентинской.

Генрихъ, при такихъ обстоятельствахъ, находилъ опаснымъ оставаться въ городѣ; сопротивленіе не ослабѣвало и сверхъ сего усилились обыкновенныя болѣзни. И такъ онъ пошелъ въ Тоскану, гдѣ сперва надѣялся укротить Флоренцію, и оттуда, какъ изъ средоточія, повелѣвать Италіею и Германіею. Но Флоренція, поддерживаемая Сіеною, Луккою, Перуджіею, Болоньею и Феррарою, готовилась къ отраженію Императора, котораго она называла врагомъ рода человѣческаго, и малочисленныя войска Генриха, ослабленныя отшествіемъ немногихъ германскихъ князей, сопровождавшихъ его до вѣнчанія, не могли обуздать сопротивленія со стороны Гвельфовъ. Императоръ опустошилъ прекрасную сію землю, въ душѣ своей сожалѣя о такой жестокой мѣрѣ, разбилъ войска Флорентинцевъ и приблизился къ ихъ городу, съ намѣреніемъ осадить его; но окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, которые отрѣзали ему подвозъ, утомленный частыми нападеніями, долженъ былъ отступить въ вѣрную Пизу. Гвельфы въ Тосканѣ торжествовали; число и сила ихъ увеличились и въ Ломбардіи, гдѣ только Висконти въ Миланѣ и Канъ делла-Скала въ Веронѣ поддерживали сторону Императора. Особенно Робертъ, которому Флорентинцы на пять лѣтъ передали владычество надъ своимъ городомъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы избѣжать подчиненія верховной власти Императора. Онъ повсюду возбуждалъ противъ него новыхъ враговъ, или обѣщалъ помощь и содѣйствіе старымъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, судьба Италіи совершенно зависѣла отъ того, чѣмъ кончится борьба между Робертомъ и Генрихомъ, и послѣдній въ Пизѣ дѣйстви-

тельно приготовился къ бою. Сперва онъ объявилъ строгую опалу какъ на Флоренцію, такъ и на Роберта. Онъ отнялъ у города всѣ его льготы и права, а Королю Неаполитанскому, какъ сыну беззаконія и измѣны (т. е. потомку Карла Анжуйскаго), который питается тукомъ Римской Имперіи, грозилъ отсѣченіемъ головы, если успѣетъ захватить его. Еще прежде сего Генрихъ наименовалъ Фридриха Сицилійскаго имперскимъ адмираломъ, и заключилъ съ нимъ союзъ, по которому послѣдній, съ собственными, равно какъ съ генуэзскими и пизанскими кораблями, долженъ былъ напасть на Неаполь съ моря, между тѣмъ какъ Императоръ произведетъ атаку на сушѣ. Робертъ, съ своей стороны, не полагаясь на преданность своихъ бароновъ, просилъ помощи у Папы, который самъ смотрѣлъ на сіи движенія не безъ внутренняго безпокойства, и такъ какъ Филиппъ Прекрасный, въ случаѣ отказа, грозилъ ему участью Бонифація VIII, то Климентъ V буллою повелѣлъ Императору не касаться Неаполя, потому что сіе Королевство есть ленъ Церкви и самъ Папа, по его выраженію, носитъ оное съ особенною любовью въ своемъ апостольскомъ сердцѣ.

Это не остановило Генриха. Не колеблясь духомъ ни при какой неудачѣ, онъ завелъ тайныя сношенія съ жителями Калабріи и Апуліи, и двинулся на Неаполь. Уже онъ прошелъ за Сіену, какъ въ Бонконвентѣ сраженъ былъ смертію (24 августа 1313). Между Нѣмцами разнеслся слухъ, будто духовникъ его, Доминиканецъ Бернардинъ, или другой монахъ сего ордена, подававшій ему теплоту съ виномъ, отравилъ его во время причащенія, потому что онъ вскорѣ по принятіи Тѣла Господня умеръ въ тамошней церкви, или подлѣ ея. Впрочемъ, жестокія боли мучили его уже нѣсколько дней. Другихъ доказательствъ въ подтвержденіе сей молвы нѣтъ, и какъ подобныя обвиненія при смертныхъ случаяхъ, удовлетворяющихъ желаніямъ одной партіи, весьма легко составляются по пустымъ догадкамъ, то и этотъ слухъ не заслуживаетъ вѣроятія, хотя свидѣтельства, въ послѣдствіи выданныя ордену сыномъ и внукомъ Императора, конечно недоста-

точны для того, чтобы подавить всякое сомнѣніе въ его невинности *).

Уныніе и робость овладѣли Гибеллинами. Болѣе всѣхъ Пизанцы страшились мщенія торжествующихъ противниковъ, въ числѣ которыхъ стала непокорившаяся Императору Флоренція. Они просили защиты у Фридриха Сицилійскаго, и предлагали ему владычество; но Король сей, въ надеждѣ на прибытіе Императора, опустошилъ флотомъ своимъ побережье Апуліи, а теперь самъ подвергся нападенію Короля Неаполитанскаго, и потому не принялъ ихъ предложенія. Тогда они избрали себѣ въ предводители Угуччіо Фаджіолу (Uguccio Fagiola), одного изъ предпріимчивыхъ воиновъ, какими въ то время столь богата была Италія. Этотъ смѣлый и храбрый вождь не устрашился напасть на многочисленное войско Гвельфовъ, усиленное отрядами Роберта, и подъ Монтекатини (29 августа 1316) одержалъ блистательную побѣду, которая спасла Пизанцевъ отъ погибели, казавшейся было неизбѣжною. Хотя ихъ избавитель вскорѣ сдѣлался жертвою зависти и народнаго мятежа, но Король Робертъ своимъ посредничествомъ (1317) водворилъ миръ между ими и Флорентинцами, потому что его честолюбіе домогалось владычества надъ всею Италіею. Его вліяніе преобладало не только въ Римѣ и во Флоренціи, но и во многихъ другихъ городахъ и областяхъ, и Климентъ V, немедленно послѣ смерти Генриха, по праву присвоенному себѣ папами, наименовалъ его блюстителемъ Имперіи (Reichsstatthalter). По кончинѣ Климента V (1314), Папскій Престолъ, отъ раздоровъ между Кардиналами, оставался два года праздным, и когда наконецъ опять замѣщенъ былъ Французомъ, Іоанномъ XXII, который прежде занималъ должность канцлера у Короля Роберта, послѣдній нашелъ въ немъ еще болѣе послушное орудіе для исполненія своихъ

---

*) Бартольдъ тщательно изслѣдовалъ это дѣло, и кажется несомнѣнно доказалъ, что Генрихъ умеръ естественною смертію. См. Römerzug Heinrich's von Litzelburg Bd. II. Beilage 1.

замысловъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ предводителяхъ Гибеллиновъ онъ имѣлъ сильныхъ противниковъ. Это были Маттео Висконти въ Ломбардіи, который не только удержалъ владычество надъ Миланомъ, но и увеличилъ свою область Комомъ, Павіею, Бергамомъ, Піаченцею, Александріею и Тортоною, и Канъ делла Скала, названный Великимъ, въ Вернѣ, который завоевалъ также Виченцу, Фельтру и богатую Падуу; а въ Тосканѣ Каструччіо Кастракани, который, по низверженіи Угуччія Фаджіолы, возвысился въ Луккѣ, и потомъ распространилъ свою власть и на Пистою. Сіи три воина храбро и побѣдоносно противостояли Королю Роберту, и непрерывная, жестокая борьба между Гвельфами и Гибелинами была также далека отъ окончанія, какъ и въ то время, когда Императоръ Генрихъ VII вступилъ въ предѣлы Италіи.

## 12. Лудовикъ Баварскій и Фридрихъ Австрійскій. (1314—1326).

И Германія, по смерти сего Императора, волнуема была сильными раздорами. Австрійскій Герцогъ Фридрихъ Прекрасный, поддерживаемый могущественною партіею и особенно дѣятельностью своего умнаго и храбраго брата Леопольда, съ великимъ рвеніемъ домогался короны; но юный Король Богемскій Іоаннъ, сынъ Генриха VII, счастливо довершившій завоеваніе сей земли, и теперь всего опасавшійся отъ Императора изъ Австрійскаго Дома, оказывалъ искателю упорное сопротивленіе. Съ обѣихъ сторонъ не щадили усилій, чтобы расположить въ свою пользу курфирстовъ. Еще не было опредѣлено закономъ, кому въ каждомъ курфиршескомъ домѣ должно принадлежать право избранія; въ Саксоніи двѣ линіи, лауэнбургская и виттенбергская, присвоивали себѣ это преимущество, а Генрихъ Каринтійскій хотѣлъ еще пользоваться богемскимъ избирательнымъ голосомъ. Такой порядокъ вещей открывалъ обширное поле кознямъ разныхъ партій.

Домъ Луксембургскій, по видимому, болѣе всѣхъ могъ ласкать себя надеждою на успѣхъ. Кромѣ голоса самого Іоанна, онъ имѣлъ голоса Архіепископовъ Майнцскаго и Трирскаго, Маркграфа Вальдемара, и голосъ, правда оспориваемый, Герцоговъ Саксенъ-Лауенбургскихъ. Впрочемъ, князья находились въ затрудненіи, кого возвести на престолъ, потому что Королю Богемскому было только семнадцать лѣтъ отъ роду. Наконецъ, Майнцскій Архіепископъ Петръ обратилъ взоры избиратей на Лудовика, Герцога Верхней Баваріи. Послѣ нѣкотораго недоумѣнія, Лудовикъ изъявилъ свое согласіе, хотя онъ собственными силами не могъ мѣряться съ Австрійскимъ Домомъ *), и уже обѣщалъ Фридриху Прекрасному, своему близкому родственнику, не подавать голоса противъ него. Его пылкій, веселый и любезный нравъ обѣщалъ доставить ему друзей, а воинская храбрость, оказанная имъ въ 1313 году противъ самихъ Князей Австрійскихъ въ сраженіи подъ Гамельсдорфомъ (за которымъ тогда послѣдовало перемиріе), могла замѣнить недостатокъ средствъ матеріяльныхъ.

Оба противника явились подъ Франкфуртомъ. 19 октября 1314 года австрійская партія четырьмя голосами, Кёльна, Пфальца, Саксенъ-Виттенберга и Каринтіи, избрала Фридриха Австрійскаго; а на слѣдующее утро князья, стоявшіе на другой сторонѣ Рейна, пятью голосами возвели на престолъ Лудовика Баварскаго. Цѣлая Германія раздѣлилась между двумя внуками Рудольфа Габсбургскаго (Лудовикъ былъ ему внукъ по матери своей, Матильдѣ). Благопріятнымъ предзнаменованіемъ для послѣдняго могло служить то, что оба города, Франкфуртъ, гдѣ его

*) Баварскій Домъ не только раздѣлился, какъ выше замѣчено, на Линіи Верхне-Баварскую и Нижне-Баварскую, но первая, къ которой принадлежалъ Лудовикъ, вновь была раздѣлена, такъ что онъ имѣлъ только малую часть Верхней Баваріи, а братъ его, Рудольфъ, владѣлъ остальною частью и Пфальцемъ.

избраніе утверждено было окончательно, и Аахенъ, гдѣ совершилось его вѣнчаніе, отворили ему ворота. Архіепископъ Кёльнскій, который впрочемъ одинъ имѣлъ право совершать сей священный обрядъ, долженъ былъ вѣнчать своего короля въ Боннѣ *). Большая часть городовъ на Среднемъ и Нижнемъ Рейнѣ объявили себя приверженцами Лудовика. И швейцарскіе лѣсные города съ радостью признали его, какъ противника Австріи, и мы ниже увидимъ, съ какимъ успѣхомъ они противостояли австрійскому оружію. Напротивъ, князья верхнихъ земель стали большею частью за Австрію; въ числѣ ихъ отличался могуществомъ Эбергардъ, Графъ Виртембергскій, который, по смерти Генриха VII, вскорѣ опять пріобрѣлъ, что у него отнято было опалою покойнаго Короля, и такимъ образомъ преимущественно югозападная Германія сдѣлалась позорищемъ распри.

Война продолжалась восемь лѣтъ безъ всякихъ другихъ послѣдствій, кромѣ опустошенія сихъ странъ. Наконецъ Австрійскіе Принцы рѣшились (1322) употребить всѣ силы и въ одно время вторгнуться въ Баварію, Леопольдъ изъ Швабіи, Фридрихъ изъ Австріи. Каждое изъ ихъ двухъ ополченій было сильнѣе всей арміи Лудовика, которому грозила теперь, по-видимому, неизбѣжная погибель. Фридрихъ пришелъ прежде, и исполненный рыцарской отваги, не хотѣлъ отлагать битву до прибытія Леопольда. 28 сентября 1322 года подъ Ампфингеномъ, недалеко отъ Мюльдорфа, повелъ онъ свое войско въ битву. Вопреки совѣту друзей, онъ нарядился съ царской пышностью, и бросился первый въ сѣчу въ позолоченныхъ доспѣхахъ, съ блестящимъ имперскимъ орломъ на шлемѣ, а Лудовикъ, одѣтый въ невидную синюю воинскую одежду, ввѣрилъ предводительство своихъ пол-

---

*) Лудовикъ принялъ корону изъ рукъ Майнцскаго Архіепископа. Такимъ образомъ, говоритъ Альбрехтъ Страсбургскій, одинъ (Лудовикъ) вѣнчанъ былъ лицемъ незаконнымъ, а другой (Фридрихъ) въ законномъ мѣстѣ.

ковъ старому, опытному въ войнѣ рыцарю Зейфриду Швеппермапну, изъ Франконіи. Искусныя распоряженія сего полководца и особенно нападеніе на Австрійцевъ съ тылу, которое, по его приказанію, исполнилъ Бургграфъ Нюренбергскій съ шестью стами всадниковъ, послѣ десяти-часоваго утомительнаго боя, доставили Лудовику побѣду *). Самъ Фридрихъ, братъ его Генрихъ и тысяча четыреста австрійскихъ дворянъ взяты были въ плѣнъ.

Лудовикъ отправилъ своего низложеннаго противника въ крѣпкій замокъ Трауснитцъ, и, по-видимому, теперь утвердился на престолѣ. По примѣру своихъ предшественниковъ, онъ, при первомъ случаѣ, употребилъ императорскую власть средствомъ для увеличенія владѣній своего Дома, присвоилъ себѣ праздную тогда Мархію Бранденбургскую **) какъ не занятый имперскій ленъ, и далъ ее своему сыну Лудовику. Впрочемъ, хотя Фридрихъ и былъ побѣжденъ, но его партія не была уничтожена. Лудовикъ, душа ея, продолжалъ дѣйствовать съ большимъ рвеніемъ чѣмъ прежде, будучи подстрекаемъ тягостнымъ чувствомъ, что онъ отчасти былъ самъ виною бѣдственной судьбы, постигшей его брата. Онъ вступилъ въ сношеніе съ Карломъ IV Французскимъ и съ Папою

---

*) Послѣ битвы, вожди въ опустошенной странѣ ничего не могли достать на ужинъ, кромѣ нѣсколькихъ яицъ. Лудовикъ, дѣля ихъ, сказалъ: «каждому по яйцу, а доброму Швеппермапну два.»

**) Дѣятельный и храбрый Маркграфъ Вальдемаръ, счастливыми войнами расширившій Бранденбургское Владѣніе, и возвысившій его на степень значительной державы, скончался въ 1319 году, а въ слѣдующемъ году умеръ и единственный наслѣдникъ его, Генрихъ младшій, послѣдняя отрасль знаменитаго Асканскаго Дома Бранденбургской Линіи. Мархія повергласъ въ бѣдственное состояніе безначалія и неустройства. Всѣ сосѣди устремились на нее, и захватывали себѣ, что могли. По сей причинѣ, новому Баварскому Герцогу стоило великаго труда утвердить въ ней свою власть.

Іоанномъ XXII; оба они, заключивъ между собою тѣсный союзъ, старались отнять императорскую корону у Нѣмцевъ, и доставить ее усиливающейся державѣ французской. Когда Лудовикъ, послѣ побѣды своей, вступился за фамилію Висконти въ Миланѣ (сыновей умершаго въ 1322 году Маттео Висконти), стѣсненныхъ папскимъ войскомъ, и прислалъ (1323) имъ на помощь восемь сотъ рыцарей, ненависть Папы превратилась въ открытую вражду. Онъ приказалъ Лудовику сложить съ себя правленіе, по его словамъ присвоенное имъ незаконно, пока его выборъ и достоинство не будутъ разсмотрѣны Папскимъ Престоломъ; все, что доселѣ онъ сдѣлалъ въ качествѣ Короля Римскаго, ему должно было отмѣнить, и никто не смѣлъ повиноваться ему въ дѣлахъ, касающихся до Имперіи. Такой приговоръ, безъ жалобы, безъ изслѣдованія и защищенія, превосходилъ все, что прежніе Папы позволяли себѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и самая форма обнародованія его была не менѣе неприлична. Папа не объявлялъ своихъ мѣръ Королю чрезъ епископовъ или легатовъ, но только велѣлъ прибить свое рѣшеніе къ церковнымъ дверямъ въ Авиніонѣ. Когда Лудовикъ издалъ протестъ противъ такого злоупотребленія духовной власти, Папа пошелъ далѣе, и произнесъ на него проклятіе. Франція подстрекала его ко всѣмъ этимъ смѣлымъ мѣрамъ, а Леопольдъ оказывалъ ему всякую помощь.

Соединенными силами всѣ трое готовили Лудовику погибель. Папа склонялъ Польскаго Короля Владислава Локотка напасть на Бранденбургъ, что дѣйствительно послѣдовало въ 1324 году. Дикія полчища его, состоявшія изъ Поляковъ и языческихъ Литовцевъ, страшно разорили ту страну. Леопольдъ продолжалъ свои опустошенія въ Баваріи и Швабіи, и въ Рензѣ имѣлъ совѣщаніе съ Кёльнскимъ Архіепископомъ, равно какъ съ Матіасомъ Майнцскимъ, преемникомъ Петровымъ, чтобы возвести на Германскій Престолъ Карла IV Французскаго. Папа привлекъ на свою сторону Богемскаго Короля Іоанна и Курфирста Трирскаго. Сія опасность однако отвращена была

отъ Имперіи противорѣчіемъ доблестнаго Графа Бертольда Бухекка, брата Майнцскаго Архіепископа; онъ краснорѣчиво представилъ князьямъ слѣдствія избранія государя, привыкшаго къ наслѣдственной власти. Когда потомъ въ Баръ-сюръ-Обѣ (Bar-sur-Aube) надлежало провозгласить избраніе Карла IV, никто туда не явился кромѣ Леопольда. Многіе ученые люди, въ основательныхъ сочиненіяхъ, защищали дѣло Лудовика противъ Папы. Первый, сверхъ чаянія, нашелъ поборниковъ въ францискаискихъ монахахъ, которые доселѣ въ области политики извѣстны были только какъ вѣрныя орудія Папскаго Престола, и какъ жаркіе противники Гогенштауфеновъ. Они вели споръ о обѣтѣ убожества съ Доминиканцами, которые, менѣе придерживаясь строгости устава, объявили, что человѣкъ имѣетъ право собственности на все, для него необходимое. Папа принялъ мнѣніе послѣднихъ; за то Францисканцы стали на сторону Императора, и обвиняли главу Церкви въ еретическихъ мнѣніяхъ. Сверхъ того, проклятіе произвело мало дѣйствія въ Германіи, и лишь немногіе священники послушались послѣдовавшаго за тѣмъ отлученія (Interdict)

Впрочемъ, положеніе Лудовика было очень опасно, и ему нельзя было не думать о примиреніи съ Австрійскими Князьями. Въ Великомъ Посту 1325 года, Король вдругъ отправился верхомъ въ Траусницъ, гдѣ Фридрихъ томился уже два года съ половиною въ грустномъ уединеніи. За отрѣченіе отъ короны и за обѣщаніе выдать всѣ имперскія имѣнія Австрійскаго Дома, онъ выпущенъ былъ изъ заключенія, но еслибъ условія не могли быть исполнены, то, къ Іоаннову Дню, онъ опять долженъ былъ явиться въ замокъ. Оба они, въ подтвержденіе своего договора, причастились Святыхъ Таинъ. Но Леопольдъ, равно какъ и Папа, всѣми силами воспротивились этой сдѣлкѣ. Первый никакъ не соглашался возвратить Швабскія и Алзатскія Владѣнія, и продолжалъ войну съ Лудовикомъ. Не смотря на то, оба Короля вскорѣ потомъ зажили въ Мюнхенѣ въ тѣсной взаимной дружбѣ, и, какъ во дни своей юности, кушали за однимъ столомъ и спали въ

одной постелѣ. 5 Сентября 1325 года заключили они въ Мюнхенѣ новый договоръ, по которому хотѣли раздѣлить между собой правленіе въ Имперіи *). Но курфирсты не изъявили своего согласія на этотъ договоръ, и Герцогъ Леопольдъ, котораго Лудовикъ хотѣлъ наиболѣе привлечь на свою сторону, скончался 20 февраля слѣдующаго года въ Стразбургѣ, изнуренный жестокими неудовольствіями, испытанными имъ въ жизни.

## 13. Римскій походъ Лудовика.

### (1327—1330.)

Неожиданная кончина Леопольда вскорѣ изгладила изъ памяти Лудовика обязательство, заключенное имъ съ Фридрихомъ **), и такъ какъ у него теперь не было ни одного врага въ Германіи, то онъ рѣшился доставить перевѣсъ своей партіи и въ Италіи. Гибеллины, въ то время опять сильно тѣснимые папскими войсками и Калабрійскимъ Герцогомъ Карломъ, сыномъ Короля Роберта, радостно и почтительно привѣтствовали Лудовика, когда онъ, въ началѣ 1327 года, явился въ Тридентѣ только съ сотнею нѣмецкихъ рыцарей. Въ Миланѣ онъ принялъ желѣзную корону; но оскорбилъ гибелинскую партію непомѣрной строгостью къ Галеаццо Висконти (сыну Маттео). Сей

---

*) По обыкновенному сказанію, Фридрихъ, не имѣя возможности исполнить траусницкій договоръ, добровольно явился въ качествѣ плѣнника, и Лудовикъ былъ до того тронутъ, что оказывалъ ему уваженіе и пріязнь, какъ мы говорили, даже хотѣлъ раздѣлить съ нимъ царство. Но Менцель (Geſchichte der Deutſchen, Bd. VII. S. 177.) доказалъ, что Фридрихъ не въ видѣ плѣнника, а свободно отправился въ Мюнхенъ, и что мюнхенскій договоръ внушенъ былъ Лудовику затруднительнымъ его положеніемъ.

**) Фридрихъ продолжалъ носить титулъ Римскаго Короля, но не имѣлъ никакого вліянія на дѣла государственныя.

вельможа медлилъ уплатою обѣщанной суммы, и былъ обвиняемъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Папою. Король приказалъ его, вмѣстѣ съ сыномъ и двумя братьями, ввергнуть въ душную темницу, изъ которой они освободились не прежде уплаты большаго выкупа.

Тѣмъ усерднѣе искалъ Лудовикъ дружбы героя Каструччіо, при помощи котораго надѣялся кончить счастливо походъ свой. Взявъ съ него пятьдесятъ тысячъ гульденовъ золотомъ, онъ наименовалъ его имперскимъ княземъ и Герцогомъ Лукки, Пистоіи и Волтерры, къ величайшему страху Пизы, которая отъ такого сосѣда боялась всего за свою независимость, и въ этотъ разъ отворила ворота Нѣмцамъ, единственно уступивъ силѣ. За то Каструччіо сопровождалъ Короля въ Римъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Негодуя на Папъ, которые своимъ пребываніемъ въ Авиніонѣ обратили туда источникъ церковныхъ доходовъ, изливавшійся прежде того въ Римѣ, жители сей столицы незадолго предъ тѣмъ возмутились подъ предводительствомъ Шіарры Колонны, получивъ отъ Іоанна отказъ на повторительную ихъ просьбу о возвращеніи его, и выгнали приверженцевъ Папы и Короля Неаполитанскаго изъ города. Они приняли Лудовика съ распростертыми объятіями, и когда онъ, въ большомъ собраніи на Капитоліи, польстилъ гордымъ воспоминаніямъ народа, восторгъ и одобреніе раздались со всѣхъ сторонъ. Вѣнчаніе совершено было, 17 января 1328 года, двумя епископами и Шіаррою Колонною съ большимъ торжествомъ. Расположеніе Римлянъ благопріятствовало планамъ Лудовика противъ Папы. Привлекши къ себѣ гражданъ рѣчами и проповѣдями Францискацевъ, Императоръ открылъ всенародно судъ предъ Соборомъ Св. Петра. Іоанна Кагорскаго, незаконно присвоившаго наименованіе папы, обвиняли въ симоніи и еретическихъ мнѣніяхъ, и такъ какъ неявилось ни одного защитника произнесли противъ него приговоръ низложенія. Въ день Вознесенія народъ созванъ былъ для избранія новаго главы Церкви, и трикратнымъ восклицаніемъ утвердилъ предложеннаго ему францискапскаго монаха Петра Корвару, мужа благочестиваго и

ученаго, который принялъ наименованіе Николая V. Благословеніемъ и утвержденіемъ своимъ онъ сообщилъ вѣнчанію и императорскому сану Лудовика то, чего имъ, по видимому, еще недоставало; но его возвышеніе и весь судъ надъ Іоанномъ XXII были немногимъ основательнѣе и справедливѣе прежняго обвиненія Лудовика въ Авиніонѣ.

Немногіе изъ Нѣмецкихъ Императоровъ достигали своихъ намѣреній въ Италіи такъ легко и счастливо. Уже Лудовикъ готовился къ походу противъ Неаполя, но вдругъ положеніе дѣлъ измѣнилось. Во первыхъ, Каструччіо оставилъ его, чтобы снова завоевать Пистою, которую захватили войска Герцога Калабрійскаго во время его отсутствія. По удаленіи его, Императоръ началъ терпѣть во всемъ неудачу, и когда онъ потребовалъ съ Римлянъ подати въ тридцать тысячъ гульденовъ золотомъ, ропотъ ихъ, возбужденный сначала своевольствомъ и насиліемъ получавшихъ худое содержаніе нѣмецкихъ солдатъ, сталъ обнаруживаться часъ отъ часу громче. Лудовикъ принужденъ былъ отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ замысловъ противъ Неаполя, и, въ сопровожденіи своего Папы, выѣхать изъ Рима. За ними раздались клики: гибель ересетикамъ и отлученнымъ отъ Церкви, да здравствуетъ Святая Церковь.

Когда Лудовикъ прибылъ въ Тоскану, гдѣ, при помощи Каструччіо, надѣялся покорить Флоренцію, онъ нашелъ здѣсь все въ замѣшательствѣ отъ неожиданной смерти сего героя, причиненной чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ при осадѣ Пистоіи, и хотя еще долгое время оставался въ Пизѣ, однако всѣ средства для дальнѣйшихъ предпріятій были у него истощены. Флоренція и Неаполь ликовали, и торжествующій Папа Іоаннъ преслѣдовалъ Императора, отправившагося въ Ломбардію, громомъ проклятій. Здѣсь ожидалъ его пріемъ отнюдь не лучшій: недавно поставленный имъ въ Миланѣ Аццо Висконти (сынъ Галеаццо) заперъ даже предъ нимъ ворота сего города. Такія неблагопріятныя обстоятельства наконецъ принудили Лудовика возвратиться въ Германію

(1330), между тѣмъ какъ Іоаннъ XXII одержалъ совершенную побѣду въ Италіи. Римляне опять искали его дружбы, хотя внутри города продолжалось междоусобіе фамилій Орсини и Колонна; покинутый Лудовикомъ антипапа умолялъ о прощеніи, и явился къ противнику своему съ раскаяніемъ и смиреніемъ. Аццо Висконти призналъ верховную власть Церкви и искалъ ся покровительства; папскій легатъ Бертранъ дю Пуайе (Bertrand du Poict) покорилъ многіе города, наконецъ сильнѣйшій Гибеллинъ, Канъ делла-Скала, принцъ равно знаменитый храбростью и великодушною щедростью къ ученымъ и художникамъ, скончался въ 1329 году, когда его счастіе все еще возрастало.

## 14. Дальнѣйшее царствованіе Лудовика.

(1330 — 1347).

По возвращеніи Лудовика въ Германію, ему удалось совершенно примириться съ Австрійскимъ Домомъ, главою котораго тогда былъ Альбрехтъ Мудрый, братъ Фридриха Прекраснаго. Не такъ легко было примиреніе съ главою Церкви. Іоаннъ, Король Богемскій, правда старался тогда поселить доброе согласіе между обоими; но, при рыцарскомъ удальствѣ и пылкомъ нравѣ своемъ, онъ только часъ отъ часу болѣе запутывалъ дѣла перемѣною своего образа мыслей, къ чему его тѣсная связь съ Франціею безпрестанно подавала новые поводы *). Повсюду онъ искалъ пріобрѣтеній и расширенія своихъ владѣній, зама-

*) Старшій сынъ его, Вѣнцеславъ, былъ воспитанъ при Французскомъ Дворѣ. Тамъ онъ перемѣнилъ свое имя, слишкомъ грубое для французскаго слуха, и назвался Карломъ. Онъ женился на дочери Короля Филиппа IV, а сестра его вышла за-мужъ за Іоанна, наслѣдника Французскаго Престола. Самъ Іоаннъ вступилъ во второй бракъ также съ Французскою Принцессою, дочерью Герцога Бурбонскаго.

нивалъ Силезскихъ Герцоговъ подъ свою верховную власть, и домогался польской короны. Онъ укротилъ вражду своего стариннаго противника, Герцога Каринтійскаго, и обручилъ его единственную дочь съ сыномъ своимъ Іоанномъ Генрихомъ, чрезъ что открылись его Дому надежды на пріобрѣтеніе земель каринтійскихъ. Прибывъ по симъ дѣламъ въ Тироль, онъ вдругъ бросился въ Италію, гдѣ всѣ страсти, возбужденныя вмѣшательствомъ Лудовика, находились еще въ разгарѣ.

Брешія, стѣсненная Герцогами Висконти и племянниками Кана, Мастиномъ и Албертомъ делла-Скала, призывала его на помощь. Онъ явился и исполнилъ ея просьбу. Сей первый подвигъ обратилъ на него вниманіе всей Верхней и Средней Италіи; въ духѣ своего достославнаго отца, котораго память здѣсь еще не изгладилась, онъ объявилъ, что пришелъ для водворенія мира. Тогда всѣ враждующіе, почувствовавъ утомленіе отъ продолжительнаго междоусобія, вообразили себѣ, что нашли якорь, на которомъ наконецъ остановится носимый бурями корабль Италіи. Большая часть городовъ, Кремона, Павія, Верчелли, Новара, Реджіо, Модена и т. д., отдались подъ его покровительство; съ Аппенниновъ, Лукка, по паденіи Каструччіо испытавшая много бѣдствій, простирала къ нему свои руки; сами Висконти признали его своимъ державнымъ покровителемъ, Гвельфы и Гибеллины считали его своимъ, потому что онъ у однихъ употреблялъ магическое слово дружбы съ Императоромъ, у другихъ хвалился союзомъ съ Папою. Самое могущество его, на видъ страшное, изумленнымъ глазамъ представлялось какъ бы произведеніемъ волшебства. Но Папа и Императоръ вскорѣ приняли надлежащія мѣры, и гласнымъ противорѣчіемъ пробудили Италію отъ дремоты.

Іоаннъ вскорѣ увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами. Лудовикъ въ Германіи устроилъ противъ него союзъ, къ которому пристали Австрія и Карлъ Робертъ, Король Венгерскій. И къ изумленію всѣхъ тѣхъ, которые отъ Италіянскихъ Государствъ ожидали только упорства и ожесточенія бурныхъ страстей, пред-

водители Гвельфовъ и Гибеллиновъ соединились нынѣ для его низверженія, Мастино делла-Скала съ Робертомъ, Королемъ Неаполитанскимъ, Висконти въ Миланѣ и Гонзага въ Мантуѣ съ Флорентинцами, потому что быстро возрастающее могущество Іоанна грозило всѣмъ имъ равною опасностію. Іоаннъ предоставилъ италіянскія дѣла своему пятнадцати-лѣтнему сыну Карлу, и поспѣшилъ сперва въ Германію, чтобы увѣрить Императора, обвинявшаго его предъ имперскимъ собраніемъ, что его усилія въ Италіи имѣли цѣлію одно благо Имперіи. Дѣйствительно, онъ умѣлъ опять вкрасться въ расположеніе Людовика; послѣдній ввѣрилъ ему имперское намѣстничество (das Reichsvicariat) въ Италіи, и снова принялъ его посредничество въ дѣлахъ съ Папою. Пробывъ нѣсколько времени въ Богеміи, чтобы отразить нападеніе Венгровъ и Австрійцевъ, онъ поспѣшилъ въ Авиніонъ къ Іоанну XXII, у котораго онъ не хотѣлъ и не могъ ничего сдѣлать, и наконецъ съ восемью стами всадниковъ, набранныхъ во Франціи, пошелъ въ Италію спасать свое владычество, всюду подвергшееся нападеніямъ. Но послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ опустошеній и воинскихъ поборовъ въ Миланской Области, онъ увидѣлъ трудность своего предпріятія и силу соединенныхъ враговъ, и оставилъ ихъ землю (1333), гдѣ игралъ столь кратковременную и вмѣстѣ блистательную роль, чтобы въ продолжающемся несогласіи между Папою и Императоромъ искать новой пищи для своей причудливой и своекорыстной дѣятельности.

Въ соединеніи съ Королемъ Французскимъ ему удалось склонить Императора къ сложенію короны, ибо Папа настаивалъ, чтобы Людовикъ, прежде нежели послѣдуетъ его разрѣшеніе отъ опалы церковной, исполнилъ сіе условіе. Ему представляли, что это дѣлается только для вида, но въ самомъ дѣлѣ глава Церкви имѣлъ цѣлію значительныя выгоды для себя и для Франціи. Людовикъ напослѣдокъ замѣтилъ разставленныя ему сѣти, и выпутался изъ нихъ. Такъ какъ Іоаннъ XXII вскорѣ потомъ (1334) умеръ, то Императоръ надѣялся путемъ болѣе достойнымъ и менѣе опаснымъ достигнуть наконецъ прими-

ренія съ Римскимъ Престоломъ, усердно желая того и для народа, который, видя остановку богослуженія и раздоръ духовенства, сѣтовалъ на разстройство Церкви.

Новый Папа, Бенедиктъ XII, пользовался славою набожности и миролюбія, но, къ сожалѣнію, не имѣлъ довольно благоразумія и опытности, чтобы съ твердостію противостать козпямъ Французскаго Двора. Уже онъ рѣшился было даровать Императору миръ съ Церковію, но Филиппъ VI Французскій угрозами всякаго рода и отобраніемъ имѣнія у французскихъ кардиналовъ, принудилъ его отложить сіе намѣреніе *).

Король Богемскій дѣйствовалъ также за-одно съ Филиппомъ, потому что Домы Луксембургскій и Баварскій находились теперь въ явной между собою враждѣ, и Іоаннъ поклялся погубить Лудовика. Императоръ, конечно, подалъ причину къ такой непріязни, стараясь, на счетъ двусмысленнаго друга, снискать приверженцевъ болѣе надежныхъ. Въ это время (1335) скончался Герцогъ Каринтійскій, и Іоаннъ, который лежалъ тогда больной въ Парижѣ отъ раны, полученной на турнирѣ, ожидалъ, что его невѣстка и второй сынъ Іоаннъ наслѣдуютъ земли покойнаго. Но Императоръ воспротивился этому, объявилъ Каринтію праздным имперскимъ леномъ, который не можетъ переходить по наслѣдству въ женской линіи, и отдалъ его Австрійскимъ Герцогамъ Альбрехту и Оттону, удержавъ за собою часть Тироля. По сей причинѣ, Іоаннъ теперь не только у Папы дѣйствовалъ противъ Лудовика, но также въ соединеніи съ Королями Польскимъ **) и

*) По свидѣтельству Альбрехта Страсбургскаго, Бенедиктъ XII въ послѣдствіи тайно и со слезами открылъ посламъ императорскимъ, что Король Французскій грозилъ ему участію хуже той, какая постигла Бонифація VIII, если онъ разрѣшитъ Баварца отъ опалы церковной.

**) Казимиръ Великій, съ 1333 года царствовавшій въ Польшѣ, достигъ этимъ союзомъ того, что Іоаннъ отказался отъ польской короны, но первый призналъ верховную власть

Венгерскимъ началъ войну противъ него и Австріи. Въ продолженіе ея Австрійскіе Герцоги поссорились съ Императоромъ за обладаніе нѣкоторыми замками, которыхъ онъ требовалъ себѣ въ вознагражденіе за военныя издержки; однако Іоаннъ не пріобрѣлъ никакихъ рѣшительныхъ выгодъ, и былъ доволенъ, что въ отдѣльномъ мирѣ, заключенномъ съ Австрійцами (1336), отказавшись отъ Каринтіи, спасъ для своего сына и его супруги, по крайней мѣрѣ, Тироль.

Послѣ новыхъ тщетныхъ переговоровъ съ Папою и послѣ самыхъ уничижительныхъ предложеній со стороны Императора, Лудовикъ собралъ въ 1338 году большой сеймъ во Франкфуртѣ, жаловался на оскорбленіе, нанесенное ему Папскимъ Престоломъ, и объявилъ о своихъ усиліяхъ къ возстановленію мира. „Другія средства для достиженія сей цѣли, кромѣ употребленныхъ имъ доселѣ, говорилъ онъ, ему неизвѣстны, почему онъ требуетъ объ этомъ предметѣ отъ чиновъ совѣта и рѣшительнаго объясненія. Согласно съ мнѣніемъ коммиссіи, составленной сеймомъ изъ законовѣдцевъ и прелатовъ, князья, дворяне и города единодушно объявили, что Императоръ въ отношеніи къ Папѣ истощилъ и сдѣлалъ все, чего только можно было желать, что онъ можетъ уничтожить опалу, и со всякимъ священникомъ, который сему воспротивится, должно поступать какъ съ нарушителемъ спокойствія. Сверхъ того курфирсты заключили договоръ въ Реизѣ, которымъ они обязывались защищать независимость императорскаго достоинства и избирательнаго права курфирстовъ противъ всякаго вмѣшательства; послѣ сего обнародовано было имперское постановленіе, въ которомъ сказано, что власть императорская происходитъ отъ одного Бога, и что избранный долженъ съ того самаго часа по-

---

Богеміи надъ княжествами силезскими. Король Венгерскій, Карлъ Робертъ, свойственникъ Казимировъ, былъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ Польшею, и, вѣроятно, тогда уже готовилъ своего сына, Лудовика, въ наслѣдники Польскаго Престола.

читаться истиннымъ Королемъ и Римскимъ Императоромъ. Противъ Франціи Лудовикъ нашелъ другаго, не менѣе значительнаго союзника. Въ это время открылась война между Эдуардомъ III Англійскимъ и Филиппомъ VI Французскимъ, и первый заключилъ съ Императоромъ, его свойственникомъ, союзъ противъ общаго врага.

Но Лудовикъ скоро отвергъ это сугубое оружіе, какъ слишкомъ тяжелое и обременительное. Обѣщанное имъ участіе въ англійской войнѣ было незначительно; спустя два года онъ даже покинулъ Эдуарда, и заключилъ союзъ съ Франціей, бывъ ослѣпленъ представленіями Филиппа, что отъ его мнимаго усердія онъ скорѣе можетъ ожидать своего примиренія съ Церковію, нежели отъ опредѣленій Имперскаго Сейма. Но лишь только Филиппъ достигъ своей цѣли, т. е. отвлекъ Лудовика отъ Англіи, съ его стороны у Папы не сдѣлано было ничего въ пользу союзника, или, можетъ статься, сдѣлано противное. Постыдно обманутый Императоръ, отъ своей шаткой политики, не пожалъ другихъ плодовъ кромѣ всеобщаго неудовольствія Германіи.

Къ сожалѣнію, онъ усилилъ это чувство поступкомъ, въ который его вовлекла страсть къ пріобрѣтенію земель. Уже соединеніе Нижней Баваріи, по смерти ея Герцога въ 1341 году, съ его владѣніями, хотя оно не могло назваться противозаконнымъ, возбудило зависть; но способъ, какимъ онъ отнялъ Тироль у Луксембургскаго Дома, подалъ справедливую причину къ большому негодованію. Наслѣдница сей земли, Маргарита (Maultasche), наскучивъ своимъ супругомъ, Богемскимъ Принцемъ Іоанномъ Генрихомъ, желала развестись съ нимъ, и Императоръ тотчасъ помогъ ей въ томъ, чтобы доставить своему Дому вблизи его лежащее графство. Чего никогда не водилось, онъ расторгъ ея бракъ императорскою властію, и сочеталъ ее съ своимъ сыномъ, Лудовикомъ Бранденбургскимъ (1342). Такимъ образомъ Папа Климентъ VI, занявшій мѣсто умершаго въ 1342 году Бенедикта, нашелъ въ этомъ подлинно неслыханномъ дѣйствіи благовидную причину къ ненависти, съ какою онъ преслѣдовалъ

Императора, какъ другъ Короля Французскаго, обязанный ему своимъ возвышеніемъ, какъ усердный приверженецъ Луксембургскаго Дома *) и какъ гордый поборникъ папскаго величія. Новое посольство, которое Лудовикъ прислалъ къ нему для испрошенія разрѣшенія отъ опалы, было отправлено назадъ съ презрѣніемъ; напротивъ, Климентъ издалъ въ 1343 году буллу, въ которой повторилъ противъ Императора прежніе упреки, умноживъ ихъ новыми о кровосмѣсническомъ бракѣ Маргариты, которая была родственница Лудовику Бранденбургскому въ третьей степени, и звалъ его, какъ злѣйшаго врага Бога и Церкви, на судъ въ Авиніонъ.

Лудовикъ сначала противопоставилъ гнѣву Папы рѣшительность и смѣлость, но усильное желаніе всего Германскаго Народа видѣть конецъ этой распрѣ склонило его къ уступчивости. Онъ снова послалъ повѣренныхъ съ неограниченнымъ полномочіемъ къ Папѣ и Королю Французскому, и приказалъ имъ отъ имени его подписать всякое условіе. Но Папа хотѣлъ не мира, а низверженія Императора. Когда послѣдній, сверхъ чаянія, присягнулъ исполнить предложенныя ему, невѣроятно суровыя и крайне уничижительныя, требованія, Климентъ представилъ новыя, которыя не только касались особы Императора, но вмѣстѣ посягали на права и честь Имперіи. Лудовикъ, видя, что его опять хотятъ обмануть и перехитрить, воопользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы еще разъ привлечь на свою сторону имперскихъ чиновъ. Онъ успѣлъ въ этомъ. Князья согласились, что онъ болѣе не долженъ искать разрѣшенія, дѣлали ему даже сильные упреки, что онъ до такой степени унизился, и посольство имперское отправилось въ Авиніонъ, чтобы торжественно протестовать противъ дѣйствій Папы.

Такимъ образомъ дѣла Лудовика, казалось, опять приняли лучшій оборотъ. Франція не могла употребить

---

*) Онъ былъ учителемъ Богемскаго Принца Карла. Лудовика онъ называлъ вмѣсто Bavarus не иначе какъ Barbarus.

мѣръ рѣшительныхъ, потому что война съ Англіею, прерванная перемиріемъ 1345 года, снова запылала, и Дому Императора около сего времени досталось наслѣдство, которое обѣщало значительно умножить его силы. Графъ Вильгельмъ IV, обладатель Голландіи, Зеландіи, Фрисландіи и Геннегау, внукъ Іоанна Авенскаго (выше, стр. 351), въ 1345 году палъ въ битвѣ съ Фрисландцами, не оставивъ дѣтей. Лудовикъ былъ ближайшій его родственникъ, имѣвъ въ супружествѣ старшую сестру Вильгельма, Маргариту. Впрочемъ и младшія сестры объявляли притязанія на наслѣдство, а потому Императоръ, для устраненія ихъ, объявилъ сіи земли вымороченымъ мужескимъ леномъ, хотя Домъ Авенскій самъ получилъ ихъ по наслѣдству въ женской линіи, и тогда пожаловалъ упомянутыя области второму сыну своему, Вильгельму и его супругѣ. Наконецъ, и въ дѣлахъ Италіи, по-видимому, наступила перемѣна, благопріятная для Императора. Осьмидесяти-лѣтній Робертъ, неутомимый поборникъ партіи Гвельфовъ, скончался въ 1343 году, и его наслѣдницей была внука его Іоанна, которую онъ соединилъ бракомъ съ Андреемъ, вторымъ сыномъ своего племянника, Венгерскаго Короля Карла Роберта. Но при дворѣ этой семнадцати-лѣтней Королевы, утопавшемъ въ сластолюбіи и волнуемомъ страстями всякаго рода, Венгры и Неаполитанцы, рѣзко разнившіеся обычаями и образомъ мыслей, завели между собою жестокую распрю изъ-за вліянія, которое Андрей долженъ былъ имѣть на правленіе. Какъ потомокъ старшаго сына Карла II, онъ приписывалъ себѣ ближайшее право на Неаполь, нежели своей супругѣ *), и ожидалъ только папской буллы, чтобы присвоить себѣ власть самостоятельную. Для избѣжанія этой опасности, вельможи противной партіи, ненавидѣвшіе Андрея за суровый нравъ и боявшіеся его строгости, составили противъ него заговоръ, и умертвили его 20 августа 1345 по близости Аверсы. Развратная Іоанна, которая давно

*) Для объясненія сихъ и послѣдующихъ запутанныхъ

была съ нимъ во враждѣ, не сдѣлала ничего для наказанія сего злодѣйства, даже нѣкоторые обвиняютъ ее самое въ соучастіи. Но братъ умерщвленнаго, великодушный Король Венгерскій Лудовикъ, рѣшился отмстить за пролитую кровь, и приглашалъ Императора принять участіе въ его походѣ въ Италію. Чтобы отвратить угрожающую бѣду, Папа отважился на рѣшительную мѣру къ низверженію Лудовика, и Домъ Луксембургскій охотно подалъ ему руку помощи. Къ избирательнымъ голосамъ Архіепископа Трирскаго и Короля Іоанна подкуплено было два другихъ, кёльнскій и саксонскій; голосъ Майнца пріобрѣтенъ насильственно: Папа отставилъ усерднаго приверженца Лудовика, и отдалъ его мѣсто орудію болѣе покорному. Сіи пять курфирстовъ съѣхались въ Рензѣ, и такъ какъ имъ велѣно было считать престолъ праздным, то

---

отношеній въ Неаполитанскомъ Королевскомъ Домѣ можетъ служить слѣдующая родословная таблица.

Карлъ I † 1285.

Карлъ II † 1309.

| | | |
|---|---|---|
| Карлъ Мартелъ, вѣнчанный въ Короли Венгріи 1290 † 1301. | Робертъ Король Неапол. † 1343. | Іоаннъ, Герцогъ Дураццо. |
| Карлъ Робертъ, Король Венгерскій 1310 † 1342. | Карлъ, Герцогъ Калабріи † 1328. | Карлъ, Герцогъ Дураццо. |
| Лудовикъ Вел., Король Венгерскій и Польскій † 1382. | Андрей, Король Неаполитанск., уб. 1345. Супр. Іоанна I. | Іоанна I, Королева Неаполит., убита 1382. |
| Марія, Гедвига, наслѣдница Венгріи. | наслѣдница Польши. | Владиславъ, Король Неаполитанскій 1386 † 1414. |

| | | |
|---|---|---|
| Лудовикъ, Графъ Гравина. | Маргарита, супруга Карла Малаго. | Іоанна II, Королева Неаполитанская 1414 † 1435. |
| | Карлъ Малый, Король Неап. 1381, Венгерскій 1385, уб. 1326. | |

они избрали въ Короли Богемскаго-Луксембургскаго Принца Карла (11 іюля 1346).

Но голосъ пяти курфирстовъ не былъ мнѣніемъ цѣлой Германіи; часть ея, особенно города, держались Императора Лудовика съ непоколебимою вѣрностью, и отвергли новоизбраннаго поповскаго короля (Pfaffenkönig), какъ его называли въ насмѣшку. Франкфуртъ и Аахенъ, гдѣ надлежало совершать обряды избранія и вѣнчанія, заперли предъ нимъ свои ворота, и какъ будто вся Германія тѣмъ возбраняла ему входъ. Спустя четыре недѣли по возвышеніи своемъ, онъ оставилъ Имперію, и вмѣстѣ съ лишеннымъ зрѣнія *) отцемъ своимъ Іоанномъ повелъ отрядъ наемныхъ нѣмецкихъ воиновъ на помощь Королю Французскому противъ Англичанъ. Но и здѣсь счастіе ему не благопріятствовало. Въ несчастной битвѣ при Креси (1346), Король Іоаннъ лишился жизни, а его сынъ всякой надежды на вспоможеніе. Онъ возвратился въ Богемію и рѣшился напасть на Императора въ одно время изъ этой земли и изъ Италіи. Путь чрезъ Австрію и Баварію былъ загражденъ, и онъ, переодѣвшись купцемъ, прокрался съ немногими спутниками въ Тридентъ, гдѣ собралъ небольшое ополченіе. Но когда богемское войско, имѣвшее назначеніе вторгнуться въ Нижнюю Баварію, было разбито и прогнано подоспѣвшимъ Маркграфомъ Бранденбургскимъ, Карлъ принужденъ былъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять покинуть Тироль. Тогда высшая сила, предъ которой всякое величіе человѣческое преклоняется, низложила его противника. Императоръ Лудовикъ въ Мюнхенѣ сидѣлъ весело за столомъ, и вдругъ почувствовалъ себя нездоровымъ. Въ надеждѣ, что движеніе поможетъ ему, онъ сѣлъ на коня, и поѣхалъ отыскивать медвѣдя, котораго слѣды открыты были охотниками. Но въ ту минуту, когда онъ увидѣлъ звѣря, онъ упалъ съ

---

*) Одинъ глазъ Іоаннъ потерялъ 1328 года на войнѣ съ Литовцами, другаго лишился отъ болѣзни и отъ неискуства врачей.

лошади, и съ словами: «Всемогущій Боже, прости мнѣ бѣдному грѣшнику, часто я погрѣшалъ, но никогда не отвергался отъ Тебя сердцемъ и вѣрою!» скончался на шестьдесятъ третьемъ году своей жизни (11 окт. 1347).

## 15. Скрѣпленіе и увеличеніе Швейцарскаго Союза.

## (1315 — 1358).

Домъ Австрійскій, во время возстанія Швейцарцевъ, участовалъ въ такихъ обширныхъ предпріятіяхъ, что не могъ вскорѣ оказать здѣсь сильнаго противодѣйствія. Между тѣмъ Генрихъ VII подтвердилъ Лѣснымъ Городамъ имперскую вольность, и какъ Швейцарцы, по возвышеніи Фридриха Прекраснаго, опасались потери сего преимущества, то они съ усердіемъ приняли сторону Лудовика Баварскаго. Тогда Герцогъ Леопольдъ рѣшился наказаніемъ и покореніемъ ихъ не только возстановить честь и права своего дома, но и явить грозный примѣръ всѣмъ приверженцамъ Лудовика. Онъ собралъ войско, къ которому пристали прочіе владѣльцы, потерпѣвшіе ущербъ въ имѣніяхъ и правахъ отъ освобожденія Лѣсныхъ Городовъ; къ нимъ присоединился цвѣтъ рыцарства верхнихъ земель; сильное ополченіе грозило подавить поселянъ. Воины Леопольда имѣли при себѣ веревки, чтобы вѣшать или вязать непріятелей, и отгонять стада, единственное ихъ богатство. Жители Лѣсныхъ Городовъ, узнавъ объ этомъ, съ молитвою и постомъ обратились къ Богу, испрашивая Его помощи, но притомъ не пренебрегли мѣръ человѣческаго благоразумія. По совѣту опытнаго старца, Рединга, они собрали свои главныя силы въ тѣсномъ проходѣ при Моргартенѣ, гдѣ ожидали главнаго нападенія самого Герцога, ибо враги угрожали имъ съ трехъ сторонъ.

Дружина ихъ считала только тысячу триста человѣкъ, и алебарды были единственное оружіе, которымъ они надѣялись отразить многочисленное, рыцарское воинство. Но они полагались на естественное свойство своей

страны, въ которой непріятель не могъ воспользоваться своимъ многочисліемъ и гордою конницею; и эта малая дружина такъ увѣрена была въ своемъ мужествѣ, что не хотѣла принять въ свои предѣлы пятидесяти изгнанниковъ, которые, узнавъ объ опасности отечества, пришли соединиться съ нимъ. Они должны были оставаться за пограничною чертою, но рѣшились и тамъ, для спасенія отечества, не щадить своей жизни. Едва рыцари, утромъ 15 ноября 1315 года, вступили въ узкую долину при Моргартенѣ, пятьдесятъ изгнанниковъ начали скатывать на нихъ тяжелые камни, и тѣмъ произвели между ими первое замѣшательство, которое скоро сообщилось напиравшей за ними пѣхотѣ. Воины главнаго швейцарскаго отряда, увидѣвъ этотъ безпорядокъ, ринулись съ горъ на враговъ, какъ бы обхваченныхъ сѣтью. Булавами и алебардами они разили и кололи одѣтыхъ броней рыцарей; многіе изъ нихъ унесены были испуганными лошадьми въ ближнее Эгерійское Озеро; пѣхота въ тѣснотѣ отчасти потоптана. Въ полтора часа союзники одержали блистательную побѣду. Самъ Герцогъ Леопольдъ, при помощи вожатаго, спасся въ Винтертуръ, терзаясь горестью и стыдомъ, что потерпѣлъ такую безславную потерю. Между тѣмъ, занятый важнѣйшими заботами, онъ не могъ думать о мести, и долженъ былъ заключить перемиріе съ ненавистными противниками. Вскорѣ послѣ битвы, они возобновили союзъ свой, и послѣ такого опыта силы и постоянства всѣ притѣсненные сосѣди видѣли въ нихъ самую надежную опору и прибѣжище. И сами они почувствовали влеченіе, для собственнаго усиленія, выступить изъ своихъ предѣловъ, и наконецъ, подобно снѣжнымъ лавинамъ ихъ горъ, увеличивающимся по мѣрѣ ската къ долинамъ, они усилили свое могущество до того, что подавили всю власть Австрійскаго Дома и прекратили владычество вельможъ въ Гельвеціи.

Прежде всѣхъ присталъ къ нимъ Луцернъ. По своему положенію на берегу того же озера и близь однихъ и тѣхъ же горъ, кантонъ сей, находясь подъ властію Австріи, много страдалъ отъ несогласія между его властите-

лями и Лѣсными Городами. Торговыя сношенія съ Италіею были прерваны, рынки опустѣли, граждане должны были непрестанно быть въ оружіи для обороны своей области. Сверхъ того правители требовали новыхъ повинностей отъ города. По этому связь съ союзниками казалась для гражданъ Луцерна весьма благопріятною. Безъ согласія Герцога, они сперва заключили съ ними двадцати-лѣтнее перемиріе. Раздраженное такимъ самовластіемъ дворянство пыталось неожиданно захватить городъ силою оружія, но неудача сего покушенія только ускорила отложеніе гражданъ, и когда большая часть приверженцевъ Австрійскаго Дома удалились, они заключили дѣйствительный союзъ съ Лѣсными Городами (1332). Албрехтъ, по смерти братьевъ своихъ, Леопольда и Фридриха, глава Австрійскаго Дома, и при этомъ случаѣ доказалъ, что онъ не напрасно слылъ мудрымъ *). Изнуренный другими войнами, и помня битву при Моргартенѣ, онъ удовольствовался возстановленіемъ Земскаго Мира, не тревожа Луцерна непріятельскими дѣйствіями. Обѣ стороны договорились только чрезъ мирныхъ судей касательно правъ, которыми Домъ Австрійскій впредь могъ пользоваться въ Луцернѣ, не надъ Луцерномъ.

Еще важнѣе пріобрѣтенія сего города было принятіе въ союзъ Цюриха и Берна. Присоединеніе перваго изъ сихъ городовъ, богатаго торговлею и многолюднаго, было слѣдствіемъ перемѣнъ, происшедшихъ въ его внутреннемъ управленіи. Совѣтъ его состоялъ изъ двѣнадцати рыцарей и двадцати четырехъ гражданъ; всѣ они были изъ древнихъ, свободныхъ родовъ, имѣвшихъ право засѣданія въ судѣ (ſchöffenbar), и, раздѣляясь на три разряда, завѣдывали правленіемъ, каждый разрядъ по четыре

---

*) Онъ носитъ также прозваніе Хромаго (Lahm). Съ тридцать втораго года своей жизни онъ былъ разслабленъ руками и ногами, такъ что его всегда носили въ креслахъ. Но духъ его былъ тѣмъ дѣятельнѣе, и всѣ сосѣдственные государи искали у него совѣта и посредничества въ ихъ распряхъ.

мѣсяца. Сильная и благоденствующая республика находилась въ союзѣ съ Герцогами Австрійскими, знатнѣйшимъ сельскимъ дворянствомъ и многими рейнскими городами. Но мало по малу низшія сословія народа начали обнаруживать неудовольствіе противъ исключительнаго и наслѣдственнаго владычества сихъ родовъ. Рудольфъ Брунъ, человѣкъ богатый и самъ членъ Совѣта, воспользовался такимъ расположеніемъ умовъ, и умѣлъ такъ направить недовольныхъ, что достигъ неслыханной власти. Во всенародномъ собраніи общины (1335) прежній образъ управленія былъ отмѣненъ, и Рудольфу Бруну поручено было устроить новый, который допускалъ бы народъ и цехи къ участію въ дѣлахъ общественныхъ. По этому уставу самъ Брунъ сдѣлался, въ качествѣ бургомистра, пожизненнымъ главою города, раздѣляя власть съ Совѣтомъ изъ рыцарей, гражданъ и ремесленниковъ. Всѣ рыцари и не занимающіеся ремесломъ граждане составляли констабель, или военное общество, и теперь старинныя фаміліи не могли уже имѣть вліянія на управленіе республики, болѣе нежели мелочные торговцы и ремесленники. Изъ прочихъ гражданъ составлено было тринадцать цеховъ, главою которыхъ были старшины, засѣдавшіе въ Совѣтѣ. Но выборы въ Совѣтъ происходили подъ вліяніемъ Бруна, который, для пріобрѣтенія силы надъ констабелью, благопріятствовалъ цехамъ. Императоръ Людовикъ утвердилъ сіи учрежденія.

Насиліе, съ какимъ Брунъ частію ввелъ, частію поддерживалъ это правленіе, возбудило противъ него многихъ враговъ. Особенно аристократическіе роды, утратившіе власть при переворотѣ, жаждали мщенія. Они наконецъ рѣшились низвергнуть своего врага силою оружія, и возстановить древній уставъ государственный. Для того они соединились съ Іоанномъ, Графомъ Габсбургъ-Раперсвейльскимъ и другими сильными дворянами, которые также ненавидѣли новое правленіе (1350). Уже число заговорщиковъ въ городѣ возросло до семи сотъ и они назначили ночь, въ которую надлежало, при содѣйствіи внѣшней помощи, предать смерти Бруна со всѣми его

приверженцами, но злоумышленіе случайно было открыто предъ самымъ его исполненіемъ, и уничтожено быстрою дѣятельностью Бруна. Участники заговора, попавшіеся къ нему въ руки, были жестоко наказаны. Замокъ Раперсвейль, котораго владѣлецъ остался въ плѣну, взятъ былъ бургомистромъ, и вскорѣ потомъ воины цюрихскіе, считая невозможнымъ удержать замокъ, разрушили его до основанія. Будучи увѣренъ, что сими дѣйствіями возбудилъ гнѣвъ Австріи и что ему предстоитъ скорая война, Брунъ въ 1351 году обратился къ Лѣснымъ Городамъ съ просьбою о союзѣ и помощи *). Цюрихъ былъ для нихъ чрезвычайно важенъ какъ рынокъ и оплотъ, и они, не смотря на сомнительныя обстоятельства, не поколебались исполнить это желаніе. Когда Герцогъ Албрехтъ, со всѣми своими людьми и многими князьями и владѣльцами переднихъ странъ, двинулся для наказанія Цюриха, ополченіе Лѣсныхъ Городовъ безъ отлагательства пошло на помощь новому союзнику. Нападеніе замедлилось переговорами, потому что Герцогъ еще не приготовился къ войнѣ продолжительной, но его наборы, ни мало не увеличивъ опасности непріятеля, доставили ему новыхъ союзниковъ.

Герцогъ побуждалъ и гражданъ Гларуса къ этой войнѣ. Ободренные примѣромъ Лѣсныхъ Городовъ, они отказались исполнить его требованіе, утверждая, что не обязаны нести воинскую повинность. По сей причинѣ, и потому что отсюда съ выгодою можно было проникнуть въ Лѣсные Города, Албрехтъ рѣшился занять ихъ долины. Лишь только узнали объ этомъ, Швицъ, Ури,

---

*) «Этотъ подвигъ Бруна, говоритъ знаменитый Историкъ Швейцаріи, упрочилъ освобожденіе многихъ городовъ и областей, уже за четыре вѣка съ половиною предъ симъ, и безъ него Швейцарскій Союзъ, великій и священный самъ собою и столь крѣпкій мужествомъ его защитниковъ, въ теченіе времени непремѣнно погибъ бы отъ хитрости или силы.»

Унтервальденъ и Цюрихъ соединились, въ половинѣ ноября вступили въ Гларусъ, и заняли область безъ труда, потому что жители Гларуса приняли ихъ дружелюбно. Изгнанный австрійскій земскій староста Вальтеръ Стадіонъ хотѣлъ вооруженнымъ отрядомъ опять завоевать страну, но на полѣ Рюти (Rütifeld), недалеко отъ Нефельса, былъ побитъ со всѣми своими людьми, и Гларусъ торжественно принятъ въ Союзъ (1352). То же самое произошло съ Цугомъ, когда союзники вознамѣрились овладѣть симъ мѣстомъ, опаснымъ для нихъ въ рукахъ Австріи, а Албрехтъ на настоятельную просьбу гражданъ Цуга о помощи отвѣчалъ только: я скоро опять все завоюю; онъ думалъ, что, по одолѣніи Цюриха, ему легко будетъ разрушить весь Союзъ. Онъ полагался на свое многочисленное войско, которое между тѣмъ отъ подкрѣпленій и прибытія многихъ князей и дворянъ, даже Лудовика, Курфирста Бранденбургскаго, возросло до тридцати четырехъ тысячъ человѣкъ. Однакожъ это превосходное въ числѣ, но не согласное ополченіе не могло ничего сдѣлать противъ единодушія и твердости Швейцарцевъ. Вскорѣ открылся недостатокъ и въ жизненныхъ припасахъ. По сей причинѣ Герцогъ охотно принялъ миръ, который, при посредствѣ Курфирста Бранденбургскаго, заключенъ былъ въ Луцернѣ. На основаніи сего договора, онъ удержалъ всѣ права и доходы, какими обладалъ въ Луцернѣ, Швицѣ и Унтервальденѣ, за исключеніемъ правъ верховной власти: Цугъ и Гларусъ обѣщали оказывать ему должное повиновеніе, и союзники обязались впредь не входить ни въ какія связи съ австрійскими городами и землями. Напротивъ, они вскорѣ потомъ усилены были присоединеніемъ Бернцевъ, которымъ Лѣсные Города, уже за тринадцать лѣтъ до сего мира, оказали воинскую помощь. Бернъ также былъ предметомъ ненависти княжескихъ и дворянскихъ родовъ сосѣднихъ областей, и въ 1338 году они заключили сильный союзъ для разрушенія города. Самъ Императоръ Лудовикъ, котораго Бернъ отказался признать подъ предлогомъ папскаго проклятія,

по-видимому желалъ его униженія, и Герцогъ Албрехтъ надѣялся присвоить его себѣ *).

Въ этой крайности, не надѣясь отразить превосходную силу враговъ своихъ, Берицы звали на помощь Лѣсные Города, и получили отъ нихъ девять сотъ воиновъ. Въ предводители себѣ избрали они почтеннаго мужа, рыцаря Рудольфа фонъ Эрлаха. Онъ былъ гражданинъ Берна, но въ то же время присяжникъ Графа фонъ Нидау, который принималъ ревностное участіе въ вооруженіи противъ города. Чтобы дать волю своей любви къ отечеству и не нарушить вѣрности къ своему ленному господину, онъ просилъ самого Графа о позволеніи служить городу. Однимъ человѣкомъ больше или меньше, думалъ Нидау, не составитъ для него никакой разницы. «Хорошо, отвѣчалъ Эрлахъ, покажу же себя человѣкомъ.» И онъ сдержалъ слово. При Лаупенѣ, 21 іюля 1339 года, произошла битва. Когда сраженіе началось, нѣкоторые въ войскѣ берискомъ побѣжали, и тѣмъ возбудили въ остальныхъ смущеніе и робость. Но Эрлахъ весело воскликнулъ: «друзья, мы побѣдимъ, малодушные насъ оставили,» и тотчасъ, съ знаменемъ городскимъ въ рукѣ, проникъ съ юношами, составлявшими ядро его войска, въ непріятельскую пѣхоту, которая не долго противилась сильному напору. Вскорѣ, съ помощію воиновъ Лѣсныхъ Городовъ, одержана была совершенная побѣда. Заключенная тогда дружба произвела въ 1353 году союзъ между Берномъ и Лѣсными Городами. Такимъ образомъ былъ довершенъ союзъ восьми *Старыхъ Мѣстъ*, какъ ихъ въ послѣдствіи называли, и въ теченіе ста двадцати восьми лѣтъ они не принимали никакихъ другихъ членовъ въ союзъ. Только три Лѣсные Города, краеугольный камень

---

*) «Если бы Бернъ погибъ въ то время, вся область Берна, Фрейбурга, Солотурна и другихъ городовъ приняла бы совершенно иной видъ. Это время было едва ли не самое опасное для городовъ и земель Швейцарскаго Союза, и имѣло для нихъ самыя важныя послѣдствія.» Johann v. Müller.

политическаго зданія, имѣли твердые союзы съ прочими пятью Мѣстами; послѣднія не имѣли никакихъ непосредственныхъ связей между собою, но общій духъ любви къ отечеству соединялъ всѣ кантоны. Теперь Союзъ находился въ прекраснѣйшемъ цвѣтѣ внутренней силы и единодушія, которыя впрочемъ были для него необходимы, ибо воинственное дворянство и могущественный Домъ Габсбургскій неутомимо изыскивали средства къ его разрушенію.

Послѣдній миръ, заключенный Албрехтомъ, продолжался только короткое время. Герцогъ хотѣлъ, чтобы Гларусъ и Цугъ уничтожили свой союзъ съ Лѣсными Городами, и какъ они на это несоглашались, онъ принесъ на нихъ жалобу Нѣмецкому Королю Карлу IV. Государь этотъ пытался сначала примирить противниковъ, но такъ какъ союзники хотѣли покориться его посредническому приговору только подъ условіемъ, чтобы ихъ договоры оставались неприкосновенными, то Карлъ, по справедливости, разгнѣвался на сіе возраженіе, и объявилъ ихъ соединеніе недѣйствительнымъ, потому что имперскіе члены не могутъ вступать въ обязательства безъ соизволенія главы Имперіи. Не смотря на то, союзники оставались непоколебимо при своемъ рѣшеніи, и въ 1354 году противъ нихъ открыта была имперская война, которая впрочемъ, какъ большая часть подобныхъ предпріятій цѣлой Имперіи, началась съ великимъ блескомъ и пышностію, ведена была слабо, и прекратилась сама собою. Правда, Албрехтъ все еще не хотѣлъ отстать отъ своего намѣренія; онъ набралъ полторы тысячи венгерскихъ всадниковъ, и размѣстилъ ихъ по своимъ владѣніямъ, чтобы они съ разныхъ сторонъ тревожили союзниковъ. Но хищные Венгры причиняли еще болѣе вреда его собственнымъ подданнымъ, и послѣдніе настоятельно просили его о заключеніи мира, намѣреваясь въ противномъ случаѣ безъ него вступить въ переговоры съ союзниками. Это обстоятельство принудило наконецъ Албрехта къ уступчивости и къ начатію мирныхъ переговоровъ при посредствѣ Императора. Но и теперь онъ все еще старался неопредѣлен-

ными выраженіями въ мирномъ договорѣ доставить себѣ какъ можно болѣе правъ и выгодъ, и Цюрихъ, управляемый Бруномъ, тайно склонившимся на сторону Герцога, содѣйствовалъ его видамъ. Но Швицъ разрушилъ эти замыслы, и наконецъ, при посредствѣ Барона фонъ-Торберга, заключено было перемиріе (1356), которое потомъ возобновлялось по большей части на три года. Албрехтъ, конечно, досадовалъ на такой исходъ дѣла; но, кромѣ ломоты въ костяхъ, его удручала и дряхлость. Спустя два года послѣ сихъ происшествій, онъ скончался на шестьдесятомъ году (1358). Ненависть, которую онъ питалъ къ союзникамъ, пережила его; вражда между защищаемымъ и направляемымъ Австріею дворянствомъ съ одной, и гражданами и поселянами съ другой стороны продолжалась, и по прошествіи нѣкотораго времени война снова запылала.

## 16. Германія въ правленіе Карла IV. (1347 — 1378).

Смерть Лудовика не тотчасъ прекратила несогласіе и борьбу партій въ Нѣмецкой Имперіи. Ненависть и страхъ еще волновали сердцами. Города, которые, усердствуя Лудовику, оказывали сопротивленіе анти-королю Карлу и Церкви, опасались за свои преимущества и права; Домъ покойнаго государя смотрѣлъ боязливо на выгоды, пріобрѣтенныя ими въ его царствованіе. Новый король долженъ былъ привлечь къ себѣ и успокоить обѣ партіи, если хотѣлъ удержаться на престолѣ. Карлъ рѣшилъ эту задачу по-своему. Онъ былъ государемъ въ смыслѣ новѣйшаго времени. Средніе Вѣки стремились къ величественнымъ идеямъ, которыхъ осуществленіе было невозможно, слѣдовали внушенію чувствъ и фантазіи; онъ зналъ только полезное, руководствовался разсчетомъ и разсудкомъ. Въ дѣтствѣ своемъ онъ, по подозрительности Іоанна, содержался съ матерью своею въ заключеніи, потому что Богемцы оказывали болѣе расположенія къ сы-

ну, нежели къ отцу; потомъ увезенъ былъ изъ Германіи и воспитывался при Французскомъ Дворѣ, видѣлъ собственными глазами быть Папы, и наконецъ, когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, отецъ познакомилъ его съ дѣлами и козиями Италіи. По симъ причинамъ мы напрасно стали бы искать въ немъ рыцарскаго, браволюбиваго и отважнаго духа, какимъ отличались его дѣдъ Генрихъ и отецъ; за то онъ пріобрѣлъ великое благоразуміе и обладалъ искусствомъ употреблять людей и обстоятельства въ свою пользу. При такихъ свойствахъ онъ благополучно кончилъ и настоящую борьбу не столько оружіемъ, сколько искуснымъ веденіемъ переговоровъ. Во первыхъ, онъ привлекъ къ себѣ города самыми щедрыми обѣщаніями, и такъ какъ Графъ Эбергардъ Виртембергскій, уже при жизни Лудовика, принялъ его сторону, онъ могъ теперь положиться на всю Швабію. Такъ же точно удалось ему, обрученіемъ своей дочери съ Рудольфомъ, малолѣтнымъ сыномъ Герцога Албрехта, склонить на свою сторону могущественную Австрію.

Между тѣмъ, его главные враги, Князья Баварскіе, употребляли всѣ усилія, чтобы поставить анти-короля. Сперва они обратили взоры свои на Эдуарда III, Короля Англійскаго, который, своимъ могуществомъ, личными достоинствами и непріязнію къ Франціи, казалось, наиболѣе соотвѣтствовалъ ихъ видамъ, и 7 января 1348 года, на собраніи въ Оберлаинштейнѣ, предсѣдатель его, отрѣшенный Папою Майнцскій Архіепископъ (выше, стр. 425), и послы Пфальца, Бранденбурга и Саксенъ-Лауэнбурга провозгласили его Римскимъ Королемъ. Но Эдуардъ, помня участь Короля Ричарда Корнвалліса, и разсуждая, сколь шатокъ долженъ быть престолъ, основанный на пристрастіи одной партіи, не рѣшался принять корону. Карлъ постарался усилить въ немъ эти сомнѣнія, раздѣляемыя парламентомъ; онъ прислалъ къ нему молодаго Графа Юлихскаго, племянника Эдуардова, и Король Англійскій, сверхъ того еще занятый войною съ Франціею, дѣйствительно отвергнулъ предложенную ему корону. Освободясь тѣмъ отъ важной заботы, Карлъ могъ безпре-

пятствіе обратиться противъ Баварскаго Дома, который въ это самое время вовлеченъ былъ въ опасную борьбу съ обманчивымъ призракомъ, порожденнымъ ненавистью его враговъ. Явился человѣкъ, который утверждалъ, что съ 1319 года Маркграфъ Бранденбургскій Вальдемаръ (выше, стр. 411), считаемый умершимъ, не умеръ, но тѣло другаго обманомъ похоронено вмѣсто его; что онъ самъ Вальдемаръ и теперь возвращается изъ Обѣтованной Земли, куда онъ совершилъ странствованіе, бывъ побужденъ къ тому угрызеніями совѣсти. Земля его досталась чуждымъ владѣтелямъ и непекущимся о благѣ ея, и онъ пришелъ избавить ее отъ постыднаго угнетенія. Князья Ангальтскій и Саксонскій, по родству своему съ Асканійскимъ Домомъ, объявляли тщетныя притязанія на Бранденбургъ, и все еще не могли забыть о разрушеніи этой надежды. По всей вѣроятности, они-то внушили обманщику принятую имъ роль. По одному сказанію, онъ былъ служителемъ при дворѣ Вальдемара, и въ послѣдствіи въ Гунделуфтѣ, недалеко отъ Цербста, мельникомъ, и назывался Яковъ Ребокъ. Онъ сперва явился при дворѣ Архіепископа Магдебургскаго, и оттуда старался обѣщаніями привлечь къ себѣ умы, давно уже недовольные баварскимъ владычествомъ. Успѣхъ былъ блистательный. Многіе духовные, рыцари и города приняли его сторону. Наконецъ, когда онъ самъ прибылъ въ баварскія владѣнія (авг. 1348), всюду принимали его съ торжествомъ. Вскорѣ Курфирстъ Людовикъ въ мархіяхъ имѣлъ на своей сторонѣ только города Шпандау, Брицень (отсюда Трейспбрицень, Вѣрный Брицень) и Франкфуртъ, и малую часть дворянства, а мнимый Вальдемаръ, съ войскомъ, усиленнымъ Мекленбургцами и Саксонцами, пошелъ на Франкфуртъ, гдѣ находился самъ Людовикъ, чтобы защищать входъ въ Новую Мархію. При такихъ обстоятельствахъ, Карлъ поспѣшилъ подкрѣпить соотвѣтствующаго его намѣреніямъ врага Виттельсбахскаго Дома. Онъ прибылъ самъ въ станъ его при Гейнрихсдорфѣ, на дорогѣ къ Франкфурту, и, выслушавъ свидѣтельства присутсвующихъ духовныхъ и свѣтскихъ князей,

что онъ подлинно Маркграфъ Вальдемаръ, торжественно пожаловалъ его леномъ Бранденбурга. Но Лудовикъ во Франкфуртѣ храбро противился непріятельскому войску, принудилъ его къ отступленію, и тѣмъ не только спасъ Новую Мархію, но и вновь завоевалъ часть утраченныхъ земель.

Пріобрѣвъ чрезъ то болѣе способовъ дѣйствовать, онъ возобновилъ теперь съ большимъ озлобленіемъ прежнія свои покушенія къ низверженію Карла съ престола. Онъ обратился сперва къ Мейссенскому Маркграфу Фридриху, его свойственнику. Но сей князь, недужный и слабый, отвергнулъ его предложеніе, и невѣрному блеску короны предпочелъ вѣрную прибыль десяти тысячъ марокъ, обѣщанныхъ ему Карломъ. Наконецъ Лудовикъ обратился съ симъ предложеніемъ къ Графу Гюнтеру Шварцбургскому, который, при его отцѣ, покойномъ Императорѣ, часто употребляемъ былъ въ дѣлахъ войны и мира, любилъ смѣлыя предпріятія и соединялъ мужество съ многолѣтнею опытностью. Онъ принималъ корону съ условіемъ, чтобы курфирсты объявили, что Карлъ отвергнутъ единогласно, или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ голосовъ, и что они избираютъ и призываютъ его безкорыстно, безъ всякаго подкупа. По выполненіи ими сего условія, онъ избранъ былъ въ короли князьями, преданными Баварскому Дому. Это происходило 30 января 1349 во Франкфуртѣ. Сверхъ того Рудольфъ, Пфальцграфъ Рейнскій, клятвенно увѣрялъ его, что князья будутъ оказывать ему помощь, и безъ его соизволенія не станутъ договариваться ни съ Карломъ, ни съ Папою. Его воинская слава, его сокровища, плодъ многихъ счастливыхъ войнъ, и любовь его приверженцевъ вскорѣ собрали вокругъ него множество прежнихъ сподвижниковъ и другія воинственныя дружины, и онъ неустрашимо выступилъ въ поле для защищенія своей короны. Онъ такъ мало боялся встрѣчи съ своимъ соискателемъ, что когда Карлъ назначилъ Кассель, при Майнцѣ, сборнымъ мѣстомъ для своихъ полковъ, онъ положилъ въ томъ же городѣ быть турниру. Но его противникъ воевалъ противъ него

не тѣмъ оружіемъ, которымъ онъ привыкъ дѣйствовать. Онъ подрылъ основаніе, на которое Гюнтеръ твердо полагался, именно вѣрность его партіи. Во первыхъ, Карлъ привлекъ къ себѣ Пфальцграфа Рудольфа, предложивъ его дочери свою руку. Симъ средствомъ онъ открылъ себѣ путь къ дальнѣйшему примиренію со всѣмъ Баварскимъ Домомъ, такъ что новый Король вскорѣ оставленъ былъ всѣми. Гюнтеръ даже теперь, озлобленный такими кознями и вѣроломствомъ, все еще не уступалъ, смѣло полагаясь на свою испытанную храбрость, но и собственное его тѣло отказалось повиноваться сильной душѣ. Онъ внезапно заболѣлъ, и хотя это случилось въ то время, когда страшная чума *) свирѣпствовала въ цѣлой Европѣ и истребила почти половину народонаселенія въ Германіи, однако болѣзнь приписана была отравѣ **), данной ему

---

*) Явленія сей великой язвы и дѣйствія ея на умы въ Италіи превосходно описалъ Боккачіо во введеніи къ своему Декамерону. Въ Германіи она произвела частію жестокіе порывы ненависти противъ Жидовъ, многіе изъ нихъ были побиты въ Австріи, Франконіи и земляхъ на Рейнѣ; частію наклонность къ кровавому самоумерщвленію. Между церковными покаянными дѣйствіями, бичеванія пользовались большимъ уваженіемъ, и во время великихъ несчастій народъ считалъ процессіи бичевателей самымъ лучшимъ средствомъ къ отвращенію гнѣва Божія. Но весною 1349 года составились формальныя общества бичевателей въ Верхней Германіи и распространились по цѣлой Имперіи, равно какъ по землямъ сосѣднимъ. Они совершали свои покаянныя дѣйствія по неизмѣнному правилу, подъ руководствомъ своего собственнаго наставника (magistri), безъ участія клира, и считали спасительныя средства Церкви слабыми; такъ какъ и вообще они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не покорялись уставамъ церковнымъ. Климентъ VI буллою воспретилъ процессіи, но тѣмъ заставилъ только бичевателей скрываться втайнѣ.

**) Обвиняли знаменитаго Франкфуртскаго врача Фрейданка, будто бы онъ далъ ему яду въ цѣлебномъ напиткѣ. Слѣдо-

врагами. Гюнтеръ принужденъ былъ заключить съ Карломъ договоръ въ Эльтфилѣ (Eltvil), и за двадцать тысячъ марокъ серебра уступилъ ему свои права на корону, которой блескъ еще озарилъ его могилу: когда вскорѣ потомъ, 14 іюня 1349 года, онъ во Франкфуртѣ скончался, ему оказаны были почести торжественнаго погребенія, причемъ двадцать имперскихъ графовъ несли его одръ, и самъ Карлъ, со многими присутствующими князьями, слѣдовалъ за гробомъ. Послѣ сего были рѣшены и остальные спорные вопросы. Карлъ отказался отъ всѣхъ притязаній на Тироль, Каринтію и Герцъ (Görz); за то Людовикъ уступилъ Богеміи Верхнюю Лузацію, принадлежавшую прежде того къ Бранденбургу. На сеймѣ въ Нюренбергѣ надлежало произвести новое слѣдствіе о Вальдемарѣ, и Карлъ изъявлялъ теперь готовность имъ пожертвовать. Не дождавшись даже его прибытія, онъ пожаловалъ маркіи Людовику Баварскому, и обѣщалъ примирить его съ Папой, къ досадѣ котораго Карлъ, по точному желанію Виттельсбаховъ, былъ еще разъ избранъ и вѣнчанъ установленнымъ порядкомъ. Но бранденбургскіе города оказывали столь твердую приверженность къ самозванцу, который обѣщалъ имъ возвратить счастіе временъ асканійскихъ, что противъ нихъ надлежало взяться за оружіе. Только послѣ продолжительной и упорной борьбы они были мало по малу усмирены. Еще до окончанія сихъ смутъ, Людовикъ отдалъ владычество надъ сими мятежными подданными (1351) младшимъ братьямъ своимъ, Людовику Римлянину (названному такъ потому, что онъ родился въ Римѣ) и Оттону, и взялъ за то Верхнюю Баварію, которая, по сосѣдству Тироля, была для него сподручнѣе. Юный Вальдемаръ не прежде 1355 года покинулъ Бранденбургъ, и отправился въ Дессау, гдѣ Ангальтскіе Князья обходились съ нимъ до самой смерти его, какъ съ истиннымъ маркграфомъ.

---

вательно самая молва предполагала, что Гюнтеръ былъ болѣнъ еще прежде того.

Карлъ хотѣлъ теперь присоединить къ нѣмецкой коронѣ блескъ вѣнца императорскаго, и для того рѣшился предпринять поѣздку въ Римъ. Но какъ онъ, согласно своему образу мыслей и чувствованій, вездѣ слѣдовалъ холодной, расчетливой политикѣ, замѣнившей величественныя предначертанія Гогенштауфеновъ, политикѣ, которая старалась достигать малаго средствами малыми, такъ и здѣсь онъ имѣлъ въ виду только самую ближайшую цѣль. Онъ пустился въ путь съ небольшою дружиною въ 1354 году. Между тѣмъ, въ Верхней Италіи владычество Герцоговъ Висконти, умѣвшихъ пользоваться обстоятельствами и поступавшихъ гораздо умѣреннѣе, нежели прочіе властители городовъ италіянскихъ, распространялось далѣе и далѣе, и всѣ владѣльцы, тревожимые сими успѣхами, вступили между собою въ союзъ. Открылась война; обѣ партіи старались привлечь къ себѣ Короля. Висконти предложили ему двѣсти тысячъ золотыхъ гульденовъ, и за то Карлъ употреблялъ всѣ усилія, не для нападенія на противниковъ, но для склоненія ихъ къ миру. Однако союзники согласились только на перемиріе. Послѣ сего, онъ, 4 января 1355 года, имѣлъ въѣздъ въ Миланъ и вѣнчался въ Церкви Святаго Амвросія. Съ Флоренціею онъ велъ переговоры такъ счастливо, что тамошніе граждане обязались заплатить ему сто тысячъ золотыхъ гульденовъ, если онъ не вступитъ ни въ этотъ городъ, ни въ другое Флорентинское мѣсто. Въ первый день Пасхи 1355 года, Карлъ IV принялъ императорскую корону въ Римѣ, но, не къ чести своей, въ видѣ дара отъ Папы, и въ угодность ему отпустилъ съ отказомъ Римлянъ, предлагавшихъ ему владычество. Вечеромъ того же дня онъ выѣхалъ изъ города, потому что, въ числѣ многихъ обязательствъ, данныхъ имъ Папскому Престолу за содѣйствіе къ его возвышенію, онъ обѣщалъ не оставаться въ Римѣ долѣе одного дня, и ни подъ какимъ видомъ не брать его въ свою власть. Карлъ не хотѣлъ искать опасной славы въ Италіи, и поѣздкою своею въ Римъ уничтоживъ послѣдній призракъ императорской власти надъ сею землею, возвратился въ Германію, чтобы здѣсь вос-

пользоваться пріобрѣтеніями, сколько позволятъ время и обстоятельства.

На двухъ собраніяхъ, въ Нюренбергѣ (января 1356) и въ Мецѣ (декабря 1356), онъ постановилъ имперскій коренной законъ, имѣвшій главною цѣлію предотвращеніе распри и несогласія, отъ которыхъ съ давняго уже времени почти каждое избраніе короля становилось источникомъ смутъ для Германіи. Въ семъ значительномъ актѣ, извѣстномъ подъ именемъ Золотой Буллы, не только опредѣлена была вся внѣшняя торжественность избранія, но прежде всего поименованы лица, имѣющія право подавать голоса, и отношенія ихъ, которыхъ неопредѣленность доселѣ пораждала сильные раздоры, подведены были подъ законы. Право подавать голосъ всегда было предметомъ спора, частію между различными отраслями курфиршескихъ домовъ, какъ напримѣръ, между линіями саксенъ-лауэнбургскою и саксенъ-виттенбергскою, частію между различными членами одной и той же фамиліи, какъ случилось въ Пфальцѣ между Рупертомъ старшимъ и младшимъ; или же оно зависѣло отъ произвольныхъ договоровъ. Такъ, напримѣръ, въ Бранденбургскомъ Домѣ Лудовикъ Старшій удержалъ за собою избирательный голосъ, когда онъ предоставилъ землю своимъ братьямъ, или въ Баварскомъ, гдѣ, по узаконенію Императора Лудовика, Пфальцъ и Баварія подавали голосъ попеременно. Теперь постановлено было, чтобы избирательный голосъ принадлежалъ только нераздѣльному курфиршеству по праву первородства, спорный саксонскій голосъ данъ былъ Виттенбергу, а баварскій Пфальцу. Объ утвержденіи избраннаго короля папою совсѣмъ не упоминается. Курфирсты, «сіи семь свѣтильниковъ, какъ сказано во вступленіи, долженствующіе въ единеніи Святаго Духа озарять священную Римскую Имперію,» были особенно превознесены предъ другими князьями, и ихъ преимущества опредѣлены закономъ. Отъ ихъ единодушія и вліянія Карлъ ожидалъ спокойнаго и законнаго продолженія Имперіи. Особенно важно было освобожденіе курфиршескихъ земель отъ судовъ императорскихъ; на ихъ

дворянъ и жителей надлежало приносить жалобу только въ туземныхъ судахъ, развѣ истецъ не находилъ здѣсь правосудія. Сверхъ того курфирсты получили неограниченное право бить монету и добывать руды; и вообще они должны были почитаться столь близкими къ особѣ императора, что оскорбленіе ихъ поставлено было на ряду съ преступленіемъ противъ Величества, и виновный подвергался суду по постановленіямъ Императоровъ Римскихъ. Но одностороннимъ предпочтеніемъ сихъ князей предъ прочими имперскими чинами нельзя было возстановить внутреннюю силу и благоустройство. Власть императора, по паденіи Гогенштауфеновъ чрезвычайно униженная, Рудольфомъ и Албрехтомъ Габсбургскими опять нѣсколько возстановленная, была опять потрясена среди волненій предшествовавшаго царствованія. Надлежало снова и прочно оградить ее признанными отъ всѣхъ законами, ограничить и опредѣлить отношеніе домогающихся независимости князей къ нѣмецкому королю, если распадающіяся части Имперіи должны были опять составить одно органическое цѣлое. Но Карлъ не могъ ожидать счастливаго успѣха отъ борьбы, которая неминуемо послѣдовала бы за такимъ покушеніемъ, и по своему характеру не былъ склоненъ къ такимъ отважнымъ предпріятіямъ. Это именно предпочтеніе курфирстовъ давало имъ всѣ средства сдѣлаться независимыми въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ; они поставляли свою власть и частныя выгоды главною цѣлію политической дѣятельности, и теряли изъ виду обязанности въ отношеніи къ императору и уваженіе къ его верховной власти. Такъ точно и другіе князья, которые дотолѣ не уступали курфирстамъ по вліянію и могуществу, старались и теперь не отстать отъ нихъ, и жителей, населяющихъ ихъ земли, обращали въ подданныхъ. При такихъ обстоятельствахъ, слабѣйшимъ чинамъ имперскимъ, рыцарству и городамъ, оставалось одно средство къ защищенію своей независимости противъ возрастающаго властолюбія князей: оградить себя союзами по примѣру рейнскаго (выше, стр. 199), швейцарскаго и другихъ.

Заботясь о благѣ Имперіи, Карлъ прилагалъ еще болѣе старанія о пріумноженіи и благосостояніи наслѣдственныхъ своихъ владѣній. Ему удалось отнять у Баварскаго Дома двѣ важнѣйшія области, пріобрѣтенныя Лудовикомъ. Карлъ воспользовался распрею, возникшею въ Нижней Баваріи между Лудовикомъ Римлянинomъ и Оттономъ Бранденбургскимъ и ихъ братомъ Стефаномъ, и убѣдилъ первыхъ, на случай ихъ бездѣтной смерти, обѣщать ему наслѣдство послѣ себя. Этотъ случай почти уже наступилъ, потому что Лудовикъ въ 1565 году умеръ безъ наслѣдниковъ, и Оттонъ жилъ съ дочерью Императора, Анною, въ безплодномъ бракѣ. Но сей государь, безъ силы и самостоятельности, какъ показываетъ его проименованіе Лѣнивый (der Finne), и руководимый постороннимъ вліяніемъ, раскаялся въ своемъ договорѣ съ Карломъ, и принялъ мѣры, чтобы удержать Мархію за своимъ домомъ. Тогда Императоръ съ вооруженною силою поспѣшилъ въ Бранденбургъ (1373), и принудилъ слабаго Курфирста еще при жизни своей уступить ему сію землю, обѣщая давать ему жалованье. Нижнюю Лузацію выкупилъ онъ уже прежде того, съ позволенія Бранденбургскаго Курфирста, у Маркграфа Мейссенскаго, которому сія область была заложена. И Тироль, изъ-за котораго Императоръ Лудовикъ поссорился съ Луксембургомъ и отчасти пожертвовалъ спокойствіемъ своей жизни, также весьма скоро утраченъ былъ его потомками. Маргарита (Маульташе), пережившъ своего супруга, Курфирста Лудовика, и потомъ единственнаго своего сына, Мейнгарда, подарила, по смерти послѣдняго (1363), сіе маркграфство Австрійскому Герцогу Рудольфу, сыну Албрехта Мудраго. Сверхъ того Карлъ довершилъ планъ отца своего Іоанна, привелъ всѣхъ силезскихъ князей въ ленную зависимость, вступивъ въ третій бракъ съ дочерью и наслѣдницею Швейдницкаго и Яуэрскаго Герцога Болко II, который одинъ удержалъ еще свою независимость. По смерти его, оба княжества очевидно должны были достаться Дому Императора. Такъ какъ въ описываемое нами время и Герцоги Мекленбургскіе были присяжниками Бранденбурга, то

непосредственная власть Карла IV на востокѣ Германіи простиралась на всѣ земли Славянъ отъ Дуная до приморій.

Между тѣмъ какъ блескъ Имперіи угасалъ часъ отъ часу болѣе, и сильные князья только раздачею и уступкою остальныхъ правъ коронныхъ удерживались отъ нарушенія спокойствія, наслѣдственныя земли Луксембургскаго Дома, между ими преимущественно Богемія, достигли неизвѣстнаго дотолѣ благоденствія и образованія. Первымъ попеченіемъ Карла было возстановленіе внутренняго мира. Онъ самъ разрушилъ замки, изъ которыхъ селенія и дороги тревожимы были разбоями. Неутомимо разбиралъ онъ жалобы у воротъ замковъ и на городскихъ площадяхъ съ утра до захожденія солнечнаго; новое уложеніе должно было доставить Богемцамъ благодѣянія строгаго судопроизводства и прекратить насилія и на будущее время. Въ нѣдрахъ порядка и безопасности должны были процвѣтать торговля и промышленость, для чего онъ сдѣлалъ весьма мудрыя и дальновидныя распоряженія. Онъ щедро снабдилъ Церковь какъ священными останками Христіанской Древности, такъ и благочестивыми приношеніями и заведеніями, которыхъ время въ прочихъ областяхъ Имперіи почти совершенно миновало. Будучи самъ ученъ и образованъ науками, онъ основалъ первый университетъ Германіи (1348), «чтобы Богемцы впредь не были принуждены утолять свою жажду любознанія прошеніемъ милостыни у иностранцевъ.» Окруженный художниками, призванными изъ далекихъ странъ, онъ украсилъ свои земли величественными церквами, дворцами и мостами, основалъ новыя села и города, и привлекъ туда жителей. Рѣки сдѣланы были судоходными, земледѣліе усовершенствовалось, виноградныя лозы изъ Бургундіи посажены въ окрестностяхъ Мельника, и для тканія драгоцѣнныхъ матерій явились въ Прагѣ магометане изъ отдаленныхъ странъ Востока.

Такимъ образомъ Богемія, доселѣ презираемая Нѣмцами за грубость и варварство, благодаря усиліямъ Карла, вступила въ рядъ прочихъ областей Имперіи, и образо-

ванность, разцвѣтшая здѣсь подъ его руками, по прошествіи полувѣка принесла плоды самые замѣчательные. Незадолго до своей кончины, смотря изъ Пражскаго Замка на городъ, имъ украшенный и увеличенный пристройкою новыхъ частей, онъ сказалъ со слезами: «боюсь, что мои сыновья, изъ пристрастія къ Нѣмцамъ, будутъ ненавидѣть Богемцевъ; если бы мнѣ извѣстно было, который изъ нихъ такъ поступилъ, я собственною рукою предалъ бы его смерти.» Карлъ умеръ 20 ноября 1378 года. Царствованіе его старшаго сына Вѣнцеслава, который получилъ сіе Королевство вмѣстѣ съ Силезіею (Мархія Бранденбургская досталась второму сыну, Сигизмунду, Лузація третьему, Іоанну), было во всѣхъ отношеніяхъ бѣдственное и смутное, и столько же принесло вреда Богеміи, какъ и Нѣмцамъ, которые, еще при жизни Карла, по его желанію, признали преемникомъ Вѣнцеслава.

## 17. Италія до кончины Карла IV.

Когда могущество Іоанна Богемскаго, блеснувъ въ Италіи, подобно быстрому метеору, рушилось, смѣлое честолюбіе Мастино делла Скалы возбудило всеобщія опасенія. Въ 1328 году онъ наслѣдовалъ своему дядѣ, Кану, и въ стремленіи своемъ къ увеличенію власти не щадилъ даже прежнихъ своихъ союзниковъ. Флорентинцы, у которыхъ онъ отнялъ Лукку, доставшуюся имъ по удаленіи Іоанновомъ, и которыхъ опасность всѣ Гвельфы считали своею собственною, Венеція, которую онъ стѣснялъ произвольными пошлинами на рѣкѣ По, и даже знатнѣйшіе предводители Гибеллиновъ, какъ-то Аццо Висконти и Людовикъ Гонзага, въ 1337 году соединились противъ него, и принудили его возвратить всѣ свои завоеванія; только Верона, Виченца и Парма оставались въ его власти. Но теперь не менѣе опасный врагъ независимыхъ государствъ Италіи возсталъ въ особѣ Аццо Висконти. Правда, онъ умеръ уже въ 1339 году, но его дядя и преемникъ, Луккино Висконти, вмѣстѣ съ его могуществомъ наслѣдовалъ

и его замыслы. Онъ вмѣшался въ войну, которую Флоренція вела тогда съ Пизою изъ-за обладанія Лукки, уступленной Мастиномъ делла Скалою Флорентинцамъ, но занятой Пизанами, и помогъ послѣднимъ удержать сей городъ, надѣясь въ послѣдствіи самъ овладѣть имъ. По смерти Луккино (1349), братъ его, Іоаннъ, который въ то же время былъ Архіепископомъ Миланскимъ, старался привести въ исполненіе еще обширнѣйшіе планы. Съ мечемъ въ одной рукѣ и архіерейскимъ посохомъ въ другой, онъ гордо и смѣло отвѣчалъ папскому послу, убѣждавшему его отложить которое нибудь изъ двухъ оружій, что онъ будетъ защищать одно другимъ. Съ симъ двоякимъ оружіемъ онъ, казалось, былъ сильнѣе всѣхъ державъ Италіи, и домогался владычества надъ цѣлымъ полуостровомъ, при чемъ обстоятельства, по-видимому, очень ему благопріятствовали.

Неаполь, по смерти Роберта и умерщвленія Андрея (выше, стр. 424) сверженъ былъ съ высоты, на которой Карлъ I и II и Робертъ располагали судьбою цѣлой Италіи. Венгерскій Король Лудовикъ, желая отмстить за смерть своего брата, въ 1348 году вступилъ въ Италію, и, не находя нигдѣ сопротивленія, явился на предѣлахъ Неаполя, гдѣ Королева Іоанна еще болѣе раздражила противъ себя народъ своимъ бракомъ съ Лудовикомъ Тарентскимъ, котораго почитали соучастникомъ въ умерщвленіи Андрея. Такъ какъ никто не хотѣлъ поднять оружія противъ грознаго врага ея, то она съ своими друзьями и сокровищами бѣжала на кораблѣ въ принадлежащій ей Провансъ, и Лудовикъ овладѣлъ Королевствомъ, не обнаживъ меча.

Но лишь только онъ возвратился въ Венгрію, непостоянные Неаполитанцы стали жалѣть о бѣжавшей Королевѣ. Свѣдавъ о желаніи народа, она въ томъ же году опять прибыла въ свою столицу, и съ помощію нѣмецкихъ наемныхъ войскъ старалась отнять у Венгровъ занятыя ими части Королевства. Вся земля бѣдствовала отъ алчности, насилія и кровожадности тѣхъ и другихъ наемныхъ полчищъ, которыя, не имѣя охоты сражаться другъ

съ другомъ, какъ бы сговорились разграбить всѣ области. Въ 1352 году заключенъ былъ миръ между Іоанною и Лудовикомъ, при посредничествѣ Папы, который, по произведеніи судебнаго слѣдствія, объявилъ Королеву невиновною въ умерщвленіи Андрея. Лудовикъ вышелъ изъ Неаполя, и не принялъ трехъ сотъ тысячъ золотыхъ гульденовъ, присужденныхъ ему Папою въ вознагражденіе за издержки, потому что онъ искалъ справедливости, не прибытка. Но силы Неаполя были истощены. Неповиновеніе знатнѣйшихъ бароновъ и грабежи наемныхъ шаекъ наполняли эту землю безпорядками, и правительство обратило свои послѣднія силы на Сицилію, которая, будучи также разстроена и истощена, казалась легкою добычею. По сей причинѣ Королева совсѣмъ потеряла изъ вида дѣла прочей Италіи.

И такъ, съ этой стороны, Іоаннъ Висконти не долженъ былъ опасаться никакихъ препятствій расширенію своей власти. Онъ недавно опять распространилъ ее пріобрѣтеніемъ растерзанной внутренними несогласіями Болоньи, не страшась Папы, котораго умѣлъ задобрить деньгами. Мастино делла Скала, котораго онъ могъ бы еще бояться, внезапно умеръ (1351), и его три сына наслѣдовали его владычество, но не наслѣдовали его силы. Висконти привязалъ къ себѣ всѣхъ мелкихъ предводителей Гибеллиновъ, увѣривъ ихъ, что теперь настало время истребить имя Гвельфовъ; ему удалось даже покорить Генуу. Городъ сей, упорно воюя тогда съ своею всегдашнею соперницею Венеціею, доведенъ былъ до крайности, истощенъ жестокимъ пораженіемъ на морѣ, внутри терзаемъ борьбою дворянства и народа, и угрожаемъ голодомъ. Онъ видѣлъ одно средство къ спасенію, отдаться подъ защиту сильнаго обладателя Милана (1353). Архіепископъ принялъ Генуу совершенно въ свое владѣніе. Венеціяне объявили ему за то войну, и многіе князья ломбардскіе присоединились къ нимъ, чтобы подрыть силу, которая грозила поглотить все; но онъ счастливо противостоялъ врагамъ. Хотя союзники принятіемъ къ себѣ въ службу неистовой вольницы

Фра-Моріала *) увеличили свою силу до тридцати тысячъ человѣкъ, но не могли совершить ничего значительнаго. Напротивъ, Висконти, по-прежнему, внушалъ страхъ князьямъ и республикамъ, особливо Флорентинцамъ, и замышлялъ новые властолюбивые планы, какъ внезапная смерть его (1354) все измѣнила.

Ближайшимъ слѣдствіемъ было заключеніе мира съ Венгріею, которая также имѣла нужду въ спокойствіи; но ломбардскіе бароны надѣялись теперь тѣмъ удобнѣе исполнить свои намѣренія противъ трехъ племянниковъ умершаго архіепископа, Маттео II, Бернабо и Галеацца II Висконти, и напали на нихъ со всѣхъ сторонъ. Особенную дѣятельность оказалъ Маркграфъ Монфератскій, Іоаннъ II, который отнялъ у нихъ Асти, Новару, Кіери, Кіераско. Важная Болонья исторгнута была у нихъ вѣроломствомъ собственнаго ихъ намѣстника Іоанна Оледжіо; Павія, подъ руководствомъ пламеннаго патріота, августинскаго монаха Іакова Буссолари, защищала отъ нихъ свои права; Генуа отказала имъ въ повиновеніи и сдѣлалась опять независимою. И Гонзага и делла Скалы были въ союзѣ противъ Висконти, который вскорѣ пріобрѣлъ еще значительнѣйшія силы присоединеніемъ къ нему кардинала-легата Эгидіо д'Альборноса, человѣка умнаго и рѣшительнаго. Иннокентій VI, преемникъ умершаго въ 1352

---

*) Такихъ наемныхъ ополченій было тогда множество во Франціи и въ Италіи. Воюющія стороны принимали ихъ на свое жалованье; они разбойничали и грабили безъ пощады. По заключеніи мира, ихъ распускали, но они продолжали свой родъ жизни, къ бѣдствію несчастныхъ поселянъ. Шайка Моріала состояла частію изъ Нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ, частію изъ Италіянцевъ, и была какимъ-то подвижнымъ государствомъ въ маломъ видѣ. Но Моріалъ начальствовалъ съ большою властію и строгостію; онъ имѣлъ при себѣ совѣтъ и разныхъ чиновниковъ, напримѣръ, особеннаго казначея. Дворяне изъ лучшихъ нѣмецкихъ фамилій служили подъ его начальствомъ.

году Климента VI, прислалъ его въ Италію, чтобы возвратить Церковную Область, которая, по удаленіи папъ изъ Рима, расхищена была разными мелкими владѣльцами. Фамилія Малатеста заняла Римини, Полента — Равенну, Манфреди — Фаэнцу, Ордедафи — Форли. Большую часть изъ нихъ Альборносъ или изгналъ совсѣмъ, или сдѣлалъ данниками Папскаго Престола *), и тѣмъ охотнѣе пристадъ къ союзу, что Висконти покровительствовали изгнаннымъ и сами домогались присвоить себѣ ихъ владѣнія. Однако Галеаццо и Бернабо (Маттео уже умеръ) хитрыми переговорами умѣли избѣжать угрожавшей имъ бѣды. Имъ удалось расторгнуть многоглавый союзъ заключеніемъ договоровъ съ нѣкоторыми его членами порознь, и отчасти опять возвратить потерянное. Они немедленно снова занялись своими прежними властолюбивыми планами, горя желаніемъ опять покорить Болонью, и раздражили противъ себя Урбана V, который наслѣдовалъ умершему въ 1362 году Иннокентію VI. Бернабо уже прежде того самымъ грубымъ образомъ наругался надъ присланными къ нему папскими послами, и вынуждалъ у духовенства значительныя суммы. За то Урбанъ

---

*) Наибольшее сопротивленіе оказалъ ему Франческо делли Орделафи, тиранъ свирѣпый и безчеловѣчный. Тридцать лѣтъ жилъ онъ въ отлученіи отъ Церкви. Съ семи священниковъ, не хотѣвшихъ поступить вопреки запрещенію, онъ велѣлъ содрать съ живыхъ кожу. Его супруга Марція, изъ Дома Убальдини, не уступала ему въ отвагѣ и мужествѣ. Она упорно защищяла Чезену, съ городскихъ стѣнъ, противъ папскаго легата. Когда послѣдній прислалъ къ Марціи отца ея съ предложеніемъ честныхъ условій, она отправила отца назадъ и сказала ему, что онъ, выдавая ее за-мужъ, велѣлъ ей слушаться одного мужа. Когда стѣны подрыты были подкопами, и рухнула башня послѣдней части города, въ которой Марція еще держалась, тогда только она сдалась, потому что наемные ея воины объявили, что не хотятъ долѣе сражаться. Она выговорила свободный пропускъ для всѣхъ, кромѣ самой себя.

отлучилъ его отъ Церкви, и велѣлъ въ Германіи и Италіи проповѣдывать крестовый походъ противъ него; кардиналъ Альбарносъ составилъ новый союзъ ломбардскихъ князей противъ партіи Висконти. Но два брата, хотя на войнѣ несчастливые, утомили противниковъ, и 1364 года заключенъ былъ миръ. Спустя недолго, прежняя борьба возобновилась, и союзники принуждены были снова собраться (1368), подкрѣпленные въ этотъ разъ, кромѣ Папы, Королевою Неаполитанской и Императоромъ. Урбанъ, вопреки всѣмъ представленіямъ своихъ французскихъ кардиналовъ и Короля Франціи, для того оставилъ даже Авиніонъ, привлекательный наслажденіями тихой и мирной жизни; Карлъ IV привелъ ополченіе богемскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ воиновъ (1368). Но хотя большой отрядъ вольницы, подъ начальствомъ Бернабова сына Амброджія, при вторженіи въ Неаполь былъ разбитъ и почти совершенно истребленъ, однако два брата и въ этотъ разъ противустали врагамъ, и послѣ кратковременной войны Императоръ подалъ руку къ миру, снова утвердивъ за Бернабомъ имперское намѣстничество въ Миланѣ и другихъ городахъ своихъ, и возвративъ ему всѣ права и преимущества, которыхъ онъ лишенъ былъ за войну свою съ Церковью. И Папа вскорѣ потомъ (1370) оставилъ Италію, и опять уѣхалъ въ Авиніонъ, гдѣ онъ въ томъ же году скончался. Ненасытное властолюбіе Висконти, становясь послѣ каждой минувшей опасности смѣлѣе и предпріимчивѣе, вызывало въ послѣдствіи еще многіе союзы противъ нихъ, но они такъ же мало достигали своей цѣли, какъ и прежніе. Могущество Дома Висконти непрестанно возрастало, и такъ какъ первые княжескіе роды Европы вступили съ нимъ въ свойство, то онъ на сихъ связяхъ основывалъ болѣе и болѣе смѣлые замыслы честолюбія.

Неограниченная власть, которую Висконти присвоили себя въ Миланѣ, равно какъ другіе начальники въ иныхъ городахъ, была своевольнымъ владычествомъ возвысившихся предводителей партій. Когда уголовное и высшее судопроизводство, бывшее первоначально въ рукахъ

графовъ, перешло къ старостамъ епископовъ и отъ нихъ къ совѣтамъ городовыхъ и сельскихъ общинъ, Императоръ Фридрихъ I вознамѣрился дать городамъ италіянскимъ высшихъ судей и правителей для дѣлъ политическихъ: ихъ назвали подестами (выше, стр. 70). Достоинство сіе, въ послѣдствіи какъ полезное для общины, было удержано, но давалось всегда только иностранцу, не имѣвшему никакихъ связей въ городѣ, и сверхъ того было такъ ограничено, что въ рукахъ подесты была только судебная и полицейская дѣятельность, безъ всякой власти политической. Во время борьбы цеховъ и дворянства, Гвельфовъ и Гибеллиновъ, внутри городовъ вліяніе подесть совершенно уничтожилось, и дѣйствительная власть перешла къ предводителямъ партій, отличавшимся храбростью, умомъ или значительными связями. Продолжительность войнъ заставляла торжествующую партію стараться объ утвержденіи единства политическаго управленія и на будущее время, особенно гдѣ побѣда склонялась на сторону народа, и потому счастливые предводители цеховъ или дворянства, Гибеллиновъ или Гвельфовъ, избираемы были, подъ именемъ синіоровъ, въ правители городовъ, на опредѣленное число лѣтъ, съ приличнымъ жалованьемъ, и ограничены приставленными имъ республиканскими властями и городовыми совѣтами, которые, смотря по тому, та или другая сторона одерживала верхъ, состояли изъ вельможныхъ родовъ, или изъ гражданъ выборныхъ отъ цеховъ и кварталовъ. Первый значительный шагъ къ пріобрѣтенію независимости синіоры сдѣлали по поводу того, что граждане предпочитали войны внѣ города вести посредствомъ наемныхъ ратниковъ, вмѣсто того чтобъ самымъ выходить лично въ поле; дворяне получили начальство надъ этими войсками, и такъ какъ жалованье шло чрезъ ихъ руки, то они пріобрѣли большое вліяніе на податные сборы городовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ случай къ собственному обогащенію. Но прежнее ихъ званіе, республиканскихъ чиновниковъ, пришло въ забвеніе особенно оттого, что, по примѣру Іоанна Богемскаго, синіоръ одного города назначаемъ былъ главою и

другихъ, если жители, утомленные борьбою партій, считали его способнымъ обуздать ихъ своеволіе и возстановить спокойствіе въ городѣ. Такимъ образомъ синіоры многихъ городовъ вмѣстѣ сдѣлались независимыми отъ каждаго изъ нихъ порознь; когда одна община покушалась возвратить свою самостоятельность, съ помощію и силами прочихъ легко можно было покорить ее. Этими соединенными силами удалось симъ властителямъ сдѣлать пріобрѣтенія собственно для себя, а не для городовъ, имъ подчиненныхъ; а изъ общихъ сумъ, опредѣляемыхъ на жалованье ратнымъ людямъ, предводитель легко составлялъ себѣ значительную казну. Вотъ основаніе, на которомъ утвердилась стѣснительная власть синіоровъ; республиканскія правительственныя мѣста существовали, но ихъ кругъ дѣйствія былъ ограничиваемъ и стѣсняемъ, какъ скоро синіоры находили въ этомъ свою пользу *).

Поставивъ себя въ такое положеніе, Галеаццо и Бернабо Висконти считали уже ненужнымъ наблюдать умѣренность прежнихъ предстоятелей своего Дома, и поступали въ подвластныхъ имъ городахъ съ непомѣрною жестокостью, которая осталась памятною въ тѣхъ странахъ. Чувству опасенія побуждало къ лютому возмездію за всякое мгновеніе, проведенное въ страхѣ, равно какъ къ необузданному наслажденію всякимъ часомъ спокойствія, а скука, спутница праздныхъ злодѣевъ, оказывала свою изобрѣтательность въ изысканіи мукъ и изтязаній для подданныхъ. Галеаццо занимался науками, любилъ произведенія архитектуры и воздвигъ многія зданія, отличавшіяся огромностью, богатствомъ и величіемъ; но безчеловѣчная жестокость, съ какою онъ у истощенныхъ подданныхъ выжималъ нужныя на то деньги, уничтожаетъ достоинство сихъ предпріятій. Чтобы имѣть деньги для исполненія своихъ воинскихъ и властолюбивыхъ предпріятій, онъ продавалъ всѣ должности, и часто принуждалъ занимающихъ купленное мѣсто ежегодно вносить покупную

---

*) Leo, Geschichte von Italien, Th. 3. S. 313.

сумму снова, и чиновники могли вознаграждать себя только неслыханными притѣсненіями. Съ духовенства взыскано было столько податей, что оно напослѣдокъ не въ состояніи было еще что-либо платить, и у Архіепископа Миланскаго изъ богатыхъ его доходовъ не оставалось почти ничего. Плѣнныхъ мятежниковъ Галеаццо пыталъ ужаснѣйшимъ образомъ въ продолженіе двадцати дней, и всегда на одинъ сутки давалъ перемежку, чтобы несчастные вытерпѣли всѣ возможныя муки. Бернабо былъ свѣдущье въ войнѣ нежели Галеаццо, но жестокости послѣдняго имѣли хотя цѣль существенную, а первый свирѣпствовалъ по прихоти и своенравію. Его законы объ охотѣ были такъ безчеловѣчны, что убившій кабана подвергался ослѣпленію и потомъ висѣлицѣ. Для охоты за сими звѣрями онъ держалъ пять тысячъ собакъ, для которыхъ въ Миланѣ выстроилъ большое зданіе. Но такъ какъ онъ нашелъ, что здѣсь не можетъ быть за ними надлежащаго присмотра, то раздалъ значительное число ихъ зажиточнымъ сельскимъ хозяевамъ. Дважды въ мѣсяцъ они должны были приводить ихъ на смотръ въ псовый приказъ, и если собаки оказывались слишкомъ тощими или жирными, содержатель подвергался тяжкому наказанію. Столь позорныя узы влачилъ народъ, который нѣкогда, по неограниченной любви къ свободѣ, сопротивлялся могущественнѣйшимъ государямъ.

Галеаццо умеръ въ 1378 году, оставивъ свой участокъ владычества сыну своему Іоанну Галеаццо. Въ томъ же году скончался и преемникъ Урбана V, Григорій XI, въ Римѣ, куда онъ прибылъ для возвращенія городовъ Церковной Области, изъ которыхъ большая часть возмутилась противъ папскаго правленія. Граждане Рима, чрезвычайно недовольные и оскорбленные потерею чести и денегъ, которую причиняло имъ отсутствіе Папъ, положили воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы силою добыть себѣ римскаго или по крайней мѣрѣ италіянскаго папу. Устрашенные народнымъ волненіемъ кардиналы, хотя большею частію французскаго происхожденія, должны были уступить насильственному требованію, и Архіе-

пископъ Барійскій былъ избранъ въ папы, подъ именемъ Урбана VI. Но строгость и крутой нравъ новаго владыки вскорѣ возбудили къ нему ненависть большей части кардиналовъ. Они сожалѣли о пріятномъ Авиніонѣ, и поощряемые Французскимъ Королемъ Карломъ V, увѣренные также въ покровительствѣ Іоанны, Королевы Неаполитанской, посадили въ Фонди (Fondi) на святой престолъ антипапу Роберта, Кардинала Женевскаго, который назвался Климентомъ VII. Въ слѣдующемъ году онъ отправился въ Авиніонъ. Такимъ образомъ произошелъ великій расколъ въ Западной Церкви и всѣхъ принадлежащихъ къ ней князей и народовъ на двѣ огромныя партіи, сопровождаемый самыми пагубными послѣдствіями.

## Конецъ пятой части.